

STEPHEN

KING

YOU LIKE

IT DARKER

STORIES

MagnetLetters

Перевод: Magnet и Langley

Читайте новый сборник рассказов Кинга «Вам же нравятся истории помрачнее».

Ссылки на группы в Telegram и VK, заходите для обсуждения переводов и не только:

<https://t.me/MagnetLetters>

<https://vk.com/magnetletters>

Если вам понравился перевод, вы можете отблагодарить нас финансово, но это по желанию. Реквизиты: карта «Сбербанка» – 5469 0400 1259 5020.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДВОЕ ТАЛАНТЛИВЫХ ЗАСРАНЦЕВ (2024) пер. Magnet	4
ПЯТЫЙ ШАГ (2020) пер. Magnet	70
ВИЛЛИ-ЧУДИЛА (2021) пер. Langley	79
ДУРНОЙ СОН ДЭННИ КХЕФЛИНА (2024) пер. Magnet.....	92
ФИНН (2022) пер. Magnet	259
НА СЛАЙД-ИНН-РОУД (2020) пер. Magnet.....	283
КРАСНЫЙ ЭКРАН (2021) пер. Magnet.....	305
ЭКСПЕРТ ПО ТУРБУЛЕНТНОСТИ (2018) пер. Magnet	315
ЛОРИ (2018) пер. Magnet.....	330
ГРЕМУЧИЕ ЗМЕИ (2024) пер. Langley	355
СНОВИДЦЫ (2024) пер. Langley.....	456
ОТВЕТЧИК (2024) пер. Langley	494
ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА пер. Langley.....	549

ДВОЕ ТАЛАНТЛИВЫХ ЗАСРАНЦЕВ

1

Мой отец – мой *знаменитый* отец – умер в 2023 году, в возрасте девяноста лет. За два года до кончины, он получил электронное письмо от независимой журналистки по имени Рут Кроуфорд, которая просила его об интервью. Я прочитал отцу письмо – читал ему всю его личную и деловую переписку, – потому что к тому времени он отошёл от своих электронных устройств. Сначала забросил компьютер, потом ноутбук, и наконец свой любимый мобильник. Его зрение оставалось хорошим до самого конца, но, по его словам, от одного взгляда на экран «Айфона» у него начинала болеть голова. На поминках после похорон док Гудвин сказал мне, что папа, возможно, перенёс серию микроинсультов, которые в конечном счёте привели к одному обширному.

Примерно в то время, когда папа перестал пользоваться мобильником – за пять или шесть лет до кончины – я досрочно оставил должность директора школы округа Касл и полностью посвятил себя уходу за отцом. Дел было невпроворот. У папы имелась домработница, но по вечерам и выходным все обязанности ложились на меня. Я помогал отцу одеваться по утрам и раздеваться на ночь. Я взял на себя большую часть готовки, и иногда наводил порядок, когда папа не мог добраться до туалета посреди ночи.

У отца также работал мастер на все руки, но к тому времени Джимми Григгсу самому перевалило за восемьдесят, поэтому мне приходилось выполнять работу по дому, с которой не мог справиться Джимми, – от ухода за папиными драгоценными клумбами до прочистки канализационных труб, когда те засорялись. О доме престарелых речь никогда не заходила, хотя, видит Бог, папа мог себе это позволить; дюжина мега-бестселлеров более чем за сорок лет принесла ему приличное состояние.

Последний из его «увлекательных кирпичей» (Донна Тартт, «Нью-Йорк Таймс») был издан, когда папе стукнуло восемьдесят два. Он дал обязательное интервью, покрасовался для обязательных снимков, а

затем объявил об уходе. Прессе он сообщил новость со всей любезностью и своим «фирменным юмором» (Рон Чарльз, «Вашингтон Пост»). Мне же он сказал: «Слава Богу, я покончил с этим дерьмом». Не считая неформального интервью у забора, данное отцом Рут Кроуфорд, он больше никогда не говорил под запись. Его много раз просили, и он всегда отказывался; утверждал, что сказал всё, что мог сказать, включая некоторые вещи, которые, вероятно, следовало держать при себе.

– Когда даёшь столько интервью, – сказал мне как-то раз отец, – немудрено пару раз брякнуть что-то лишнее. Такое запоминается надолго, и чем старше ты становишься, тем больше вероятность сплеховать.

Тем не менее, его книги продолжали продаваться, а значит продолжалось и его деловое предприятие. Я обсуждал с отцом продление контрактов, концепции обложек, а также возможности сотрудничества с кино и телевидением, и я неизменно читал все предложения об интервью, поскольку сам он не мог прочесть. Отец всегда отвечал «нет», включая предложение Рут Кроуфорд.

– Дай ей стандартный ответ, Марк, – мол, польщён вниманием, но нет, спасибо. – Однако отец колебался, поскольку её предложение немного отличалось от других.

Кроуфорд хотела написать статью о моём отце и его давнем друге Дэвиде «Еже» Лавердьере, который скончался в 2019 году. Мы с папой отправились на его похороны на Западное побережье в арендованном «Гольфстриме». Папа всегда был прижимистым – не скупым, но прижимистым, – и огромные расходы на полёт туда и обратно многое говорили о его чувстве к человеку, которого я в детстве называл дядей Ежом. И это чувство оставалось сильным, хотя они не видели друг друга лет десять, а то и больше.

Папу попросили произнести прощальное слово на похоронах. Я не думал, что он согласится – его нелюбовь быть в центре внимания касалось не только интервью, но и всего остального, – тем не менее он выступил. Он не стал подниматься на помост, оставшись стоять на своём месте и опираясь на трость. Папа всегда был хорошим оратором и с возрастом не утратил этот навык.

– Детьми, ещё до Второй мировой, мы с Ежом ходили в школу, где был лишь один класс. Мы выросли в городке с грунтовыми дорогами

без светофоров, латали машины, занимались спортом, а затем и сами тренировали. Повзрослев, мы принимали участие в общественной жизни города и управляли местной свалкой – очень схожая работа, если подумать. Мы охотились, рыбачили, летом тушили травяные пожары, а зимой чистили городские дороги от снега. При этом сшибли немало почтовых ящиков. Я знал Ежа, когда за двадцать миль от нашего городка никто даже не слыхивал о нём или обо мне. Мне следовало навестить его в последние годы, но я был занят своими делами. Я считал, что время ещё есть. Думаю, нам всегда так кажется. А потом время выходит. Ёж был прекрасным художником, но он также был хорошим человеком. Я считаю это гораздо важнее. Возможно, кто-то из присутствующих не согласится, но это нормально, нормально. Скажу лишь, что я всегда прикрывал его спину, а он всегда прикрывал мою.

Отец умолк, опустив голову и размышляя.

– В моём родном маленьком городке в штате Мэн о таких друзьях говорят: «Мы были близки».

И они были близки в том, что касалось их секретов.

У Рут Кроуфорд имелось солидное портфолио – я проверял. Она опубликовала статьи, в основном биографические, в дюжине изданий, по большей части местных или региональных («Янки», «Даунист», «Нью Инглэнд Лайф»), но и в нескольких общенациональных, включая статью о погружённом во мрак городке Дерри в «Нью-Йоркере». Когда речь зашла о Лэйрде Кармоди и Дэйве Лавердъере, я подумал, что у неё есть все шансы раскрутить эту историю. В своих статьях она уже поверхностно касалась папы и дяди Ежа, но хотела углубиться в эту тему: двое мужчин из одного маленького городка в штате Мэн, которые прославились в двух разных областях культурной деятельности. Кроме того, и Кармоди, и Лавердьер достигли известности, когда им было за сорок, в то время как большинство мужчин и женщин в этом возрасте уже отказались от амбиций своей юности. Они, как однажды

выразился папа, попали в свою колею и начали расширять её. Рут хотела выяснить, как произошло такое невероятное совпадение... если это *было* совпадением.

– А должна быть причина? – спросил папа, когда я закончил читать ему письмо мисс Кроуфорд. – Она так считает? Кажется, она никогда не слышала о братьях-близнецах, сорвавших куш в лотереях штата в один и тот же день.

– Ну, возможно, это *не совсем* совпадение, – ответил я. – Если только ты не выдумал эту историю под влиянием момента.

Я выждал паузу, давая отцу возможность высказаться, но он лишь улыбнулся, – это могло означать что угодно. Или ничего. Поэтому я продолжил.

– Вдруг близнецы выросли в доме, где азартные игры были в почёте. В таком случае, их выигрыш кажется не таким уж невероятным, я прав? К тому же, сколько они до этого купили проигрышных лотерейных билетов?

– Я что-то не понимаю, к чему ты клонишь, Марк, – сказал папа, всё ещё с лёгкой улыбкой на лице. – Что у тебя на уме?

– Только то, что я могу понять интерес этой женщины к тому факту, что вы с Дэйвом оба из какой-то дыры у чёрта на куличках и преуспели, прожив уже половину жизни. – Я поднял руки над головой, как бы обозначая заголовок. – Была ли это... *судьба*?

Папа задумался, поглаживая седую щетину на лице, покрытом глубокими морщинами. Я даже подумал, что он, возможно, вот-вот передумает и скажет «да». Затем он покачал головой. – Просто напиши ей одно из этих твоих вежливых писем, скажи, что я отказываюсь, и пожелай ей успехов в её будущих начинаниях.

Так я и сделал, хотя что-то в его взгляде в тот момент надолго мне запомнилось. Это был взгляд человека, который мог бы многое рассказать о том, как они с его другом Ежом достигли славы и богатства... но предпочёл промолчать. Который, по сути, оставил это при себе.

Рут Кроуфорд, возможно, и была разочарована отказом папы дать интервью, но не отказалась от своей затеи. Она не отступилась даже

тогда, когда я тоже отказался от интервью, объяснив, что мой отец не одобрит наш разговор у него за спиной после того, как он сам сказал «нет». К тому же, всё что я знал – моему отцу всегда нравились истории. Он много читал, никуда не выходил без книжки в мягкой обложке, лежащей в его заднем кармане. Перед сном он рассказывал мне удивительные сказки и иногда записывал их в тетрадке на спирали. А дядя Еж? Он нарисовал фреску в моей спальне: мальчики играют в мяч, мальчики ловят светлячков, мальчики с удочками. Разумеется, Рут хотела её увидеть, но она давно закрашена, ведь я уже перерос все эти детские штучки. Когда сначала папа, а потом и дядя Ёж взлетели, как две ракеты, я учился в Университете штата Мэн, получая степень специалиста. Потому что, как гласит старая присказка: тот, кто ничего не умеет – учит других, кто не умеет учить – учит учителей. Как я уже сказал, успех моего отца и его лучшего друга стал для меня такой же неожиданностью, как и для всех остальных в городе. Есть ещё одна старая присказка о том, что ничего хорошего не может прийти из Назарета.

Я изложил это в письме мисс Кроуфорд, потому что мне было немного не по себе от того, что я не дал ей интервью. Я написал, что у них, конечно же, были свои мечты, как у большинства мужчин и, как большинство мужчин, они держали эти мечты в тайне. Я думал, что рассказы папы и весёлые рисунки дяди Ежа – просто хобби, вроде резьбы по дереву или брэнчанья на гитаре, пока они не стали приносить деньги. Я напечатал письмо, а затем дописал от руки: *«И я рад за них!»*

В округе Касл насчитывается двадцать семь городов с самоуправлением. Касл-Рок – крупнейший из них; на втором месте – Гейтс-Фоллз. Харлоу, где вырос я, сын Лэйрда и Шейлы Кармоди, не входит даже в первую десятку. Однако со времён моего детства, он значительно разросся, и иногда мой папа, который тоже провёл всю свою жизнь в Харлоу, говорил, что с трудом узнаёт родной город. Он ходил в школу, размещавшуюся в одной комнате, я – в четырёхкомнатную

(по два класса в каждом помещении); теперь здесь есть школа из восьми классов с геотермальным отоплением и кондиционерами.

Когда папа был ребёнком, все городские дороги были немощёными, за исключением шоссе № 9, Портленд-Роуд. В моём детстве грунтовыми оставались только Дип-Кат и Методист-Роуд. В наши дни все они заасфальтированы. В шестидесятые здесь был только один магазин, «Браунис», где старики собирались вокруг настоящей бочки с маринованными огурцами. Сейчас их два или три и есть некое подобие делового центра (если можно так сказать) на Квакер-Хилл-Роуд. У нас есть пиццерия, два салона красоты и – трудно поверить, но это правда – маникюрный салон, судя по всему, пользующийся успехом. Справедливости ради стоит сказать, что у нас по-прежнему нет старшей школы, в этом без изменений. У детей в Харлоу есть три варианта: старшая школа Касл-Рока, школа Гейтс-Фоллз или средняя школа Маунтин-Вью, более известная как Академия Крайстера. Все мы тут кучка деревенщин, гоняющих на пикапах, слушающих музыку кантри, пьющих кофе с бренди, придерживающихся республиканских взглядов – деревенщины в десятом поколении. Нам особо нечем похвастаться, за исключением двух мужчин родом отсюда: моего папы и его друга Ежа Лавердьера. Два талантливых засранца, как выразился папа во время своего короткого разговора с Рут Кроуфорд.

– *Ваши родители провели там всю свою жизнь?* – мог спросить житель мегаполиса. – *А затем и Вы провели там всю свою жизнь? Вы что, ненормальные?*

Нет.

Роберт Фрост сказал, что дом – это место, где тебя принимают, когда бы ты ни пришёл. Это также место, откуда ты начинаешь, и если ты один из счастливых, там ты и закончишь. Ёж умер в Сиэтле, чужак в чужом краю. Может, его это устраивало, но возникает вопрос, не предпочёл бы он в конце концов небольшую грунтовую дорогу и рощу на берегу озера, известную как Тридцатимильный лес.

Хотя большая часть исследования Рут Кроуфорд – её *расследования* – была сосредоточена в Харлоу, где выросли объекты её интереса,

там нет ни мотелей, ни даже ночлежек по типу «постель и завтрак», поэтому своей штаб-квартирой она выбрала мотель «Гейтвэй» в Касл-Роке. Удивительно, но в Харлоу есть дом престарелых, где Рут расспросила человека по имени Олден Тусэйкер, ходившего в школу с моим отцом и его другом. Именно Олден поведал ей, как Дэйв получил своё прозвище. Он всегда носил в заднем кармане тюбик воска для волос «Счастливым тигр» и часто пользовался им, чтобы его «ёжик» всегда стоял торчком. Он всю жизнь мазал волосы (то, что от них осталось) этим воском. Это стало его визитной карточкой. Продолжал ли он пользоваться «Счастливым тигром», когда стал известным? Можете не сомневаться. Хотя не знаю, выпускают ли сейчас этот воск.

– Они подружились ещё в начальной школе, – сказал Олден Рут. – Просто пара мальчишек, которые любили вместе рыбачить или ходить на охоту со своими отцами. Они выросли среди тяжёлой работы и не ожидали ничего другого. Если порасспрашивать, то кто-нибудь моего возраста скажет вам, что из тех парней мог выйти толк, но я не из их числа. Они были обычными мальчишками до тех пор, пока всё не изменилось.

Лэйрд и Ёж учились в средней школе Гейтс-Фоллз. Их определили на курсы, которые тогда назывались «общеобразовательными» и предназначались для детей, не планировавших поступать в колледж. Никто не говорил, что они недостаточно сообразительны – просто так было принято. Они изучали что-то вроде «повседневной математики» и «делового английского», где на нескольких страницах учебника вперемешку с диаграммами объяснялось, как правильно составлять деловое письмо. Они постоянно торчали в столярке и автомастерской. Оба играли в футбол и баскетбол, хотя мой папа большую часть времени проводил на скамейке запасных. Они закончили школу со средней оценкой «В»¹ и случилось это в один день – 8 июня 1951 года.

Дэйв Лавердьер пошёл работать к своему отцу-сантехнику. Лэйрд Кармоди и его отец занимались ремонтом автомобилей на семейной ферме и продавали их в автосалон «Пивис» в Гейтс-Фоллз. Также они держали овощной киоск на Портленд-Роуд, который приносил хорошие деньги.

¹ Четвёрка.

Дядя Ёж и его отец не очень хорошо ладили, и Дэйв в конце концов начал работать на себя, чиня канализацию, прокладывая трубы, а иногда и копая колодцы в Гейтсе и Касл-Роке. Весь бизнес его отца находился в Харлоу, и тот не собирался делиться. В 1954 году двое друзей основали компанию «ЛиД Грузоперевозки», которая в основном занималась вывозом хлама на свалку у приезжающих на лето. В 1955-ом они купили эту свалку, и город был только рад избавиться от неё. Они расчистили её, провели контролируемое сжигание, внедрились примитивную программу утилизации и избавили место от паразитов. Город выплачивал им пособие, которое стало приятным дополнением к их обычной зарплате. Металлолом, особенно медная проволока, приносил ещё больше денег. Городские жители называли их Мусорными Братями, но Олден Тусэйкер (и другие старички с функционирующей памятью) заверили Рут Кроуфорд, что это было шутливое прозвище, таким оно и воспринималось.

Свалка занимала около пяти акров и была окружена высоким дощатым забором. Дэйв разрисовал его фресками из жизни города, и каждый год добавлял к ним новые. Хотя этого забора давно нет (а свалка теперь превратилась в мусорный полигон), сохранились фотографии. Эти фрески похожи на более поздние работы Дэйва. Там были женщины, шьющие лоскутные одеяла, переходящие в бейсбольные матчи, которые сменяли карикатуры на давно ушедших жителей Харлоу, сценки весеннего сева и осенней жатвы. На фресках отражались все аспекты жизни маленького городка, но дядя Ёж также добавил Иисуса и следующих за ним апостолов (последним шёл Иуда с самодовольной ухмылкой на лице). Ни одну из этих картин нельзя было назвать шедевром, но они были красочные и благодушные. Можно сказать, они стали *предвестниками*.

Вскоре после смерти дяди Ежа картина Лавердьера, изображавшая Элвиса Пресли и Мэрилин Монро, прогуливающихся рука об руку по усыпанному опилками тротуару посреди карнавала в маленьком городке, была продана за три миллиона долларов. Она была в тысячу раз лучше фресок на заборе свалки дяди Ежа, но смотрелась бы там как на своём месте: то же причудливое настроение, подёрнутое отчаянием и – возможно – презрением. Фрески Дэйва на свалке были зародышем; «Элвис и Мэрилин» стала расцветом.

Дядя Ёж так и не женился, в отличие от папы. В старших классах у него была подружка по имени Шейла Уайз, которая после окончания школы уехала в Педагогический колледж штата Вермонт. Когда она вернулась для преподавания в пятом и шестом классах начальной школы Харлоу, мой отец с радостью узнал, что она пока не замужем. Он ухаживал за ней и в итоге добился. Они поженились в августе 1957 года. Дэйв Лавердьер был шафером папы. Год спустя появился я, а папин лучший друг стал моим дядей Ежом.

Я прочитал рецензию на первую книгу папы «Гроза», в которой говорилось следующее: «На первой сотне страниц захватывающей истории мистера Кармоди мало что происходит, но читатель всё равно не может оторваться, потому что нет-нет, да и скрипка берёт высокую ноту».

Неплохо сказано, подумал я. Для Рут Кроуфорд скрипка играла не часто. Общее представление, полученное ею от Олдена и других жителей города, изображало двоих мужчин, порядочных, честных и предельно добросовестных. Сельских жителей, живших сельской жизнью. Один из них женился, а другой в те дни, что называется, был «убеждённым холостяком», но без повода для сплетен о его личной жизни.

Младшая сестра Дэйва, Вики, согласилась дать интервью. Она рассказала Рут, что иногда Дэйв отправлялся «в город» – имея в виду Льюстон, – чтобы прошвырнуться по клубам в нижней части Лисбон-Стрит.

– Он любил зависать в «Холли», – сказала Вики, имея в виду «Холлидей Лаундж» (ныне не существующий). – Особенно, если там выступала Крошка Джонна Джей. Бог мой, он втрескался в неё по уши. Дэйв никогда не приводил её домой – не свезло! – но и не всегда возвращался один.

Позже Рут рассказала мне, что Вики добавила после небольшой паузы:

– Я знаю, о чём вы думаете, миз Кроуфорд, в наши дни почти все думают об этом, если мужчина проводит всю свою жизнь без постоянной спутницы, но вы ошибаетесь. Мой брат, может, и стал известным художником, но уж точно не был *геем*.

Эти двое мужчин всем нравились, все так говорили. Они были *соседскими*. Как-то раз у Филли Лубёрда случился сердечный приступ, надвигалась гроза, а он успел скосить только половину своего поля. Папа отвёз его в больницу Касл-Рока, а Ёж собрал несколько своих приятелей-мусорщиков, и они закончили покос до того, как упали первые капли. Они боролись с травяными пожарами, а иногда тушили дома вместе с добровольной пожарной командой. Папа вместе с мамой собирал средства в так называемый Фонд бедных, когда было мало работы с починкой машин или на свалке. Папа и Дэйв тренировали детские команды. Весной они бок о бок жарили свинину на ужин, а конец лета отмечали барбекю из курицы.

Обычные сельские мужчины, живущие сельской жизнью.

Никаких скрипок.

Пока не громыхнул целый оркестр.

Многое из этого я знал. Ещё больше узнал от самой Рут Кроуфорд в кафе «Корнер Кофи Кап», через дорогу от мотеля «Гейтвэй» и всего в квартале от почтового отделения. Именно туда приходила папина корреспонденция и, как правило, целая куча. Забрав почту, я всегда забегал в «Кофи Кап». Кофе там подавали добротный, ни больше, ни меньше, но черничные маффины? Лучше не найти.

Я перебирал почту, отсеивая мусор, когда кто-то произнёс:

– Можно мне присесть?

Это оказалась Рут Кроуфорд, выглядевшая стройной и подтянутой в белых брюках, розовом топе и медицинской маске в тон – шёл второй год ковида. Она, не дожидаясь ответа, присела с другой стороны столика, что заставило меня рассмеяться.

– Вы всё не сдаётесь, да?

– Робость никогда не приносила прекрасной даме Нобелевскую премию, – сказала Рут и сняла маску. – Как здесь кофе?

– Неплохой. Вы, наверное, и сами знаете, раз уж живёте прямо через дорогу. Маффины вкуснее. Но насчёт интервью ответ по-прежнему «нет». Извините мисс Кроуфорд, я не могу пойти на это.

– Никакого интервью, поверьте. Всё, о чём мы поговорим, – не для протокола, согласны?

– Значит, вы нигде не сможете использовать сказанное.

– Так и будет.

Подошла официантка – Сьюзи Макдональд. Я спросил, продолжает ли она посещать вечерние занятия. Сьюзи улыбнулась под своей маской и ответила «да». Мы с Рут заказали кофе и маффины.

– Вы знаете всех в округе? – спросила Рут, когда Сьюзи ушла.

– Нет, не всех. Раньше знал многих, и ещё больше, когда был директором школы. Не для протокола, да?

– Безусловно.

– Сьюзи родила в семнадцать лет, и родители выгнали её из дома. Святоши из Церкви Христа-искупителя. Она переехала жить к своей тётке в Гейтс. С тех пор закончила среднюю школу и посещает занятия в окружном центре дополнительного образования при колледже Бэйтс. Хочет стать ветеринаром. Надеюсь, у неё всё будет хорошо, и у её маленькой дочки тоже. Ну, а вы? Проводите время с пользой? Узнали много нового о папе и дяде Еже?

Рут улыбнулась.

– Узнала, что ваш отец был заядлым хот-родером² до женитьбы на вашей матери... Кстати, сочувствую вашей утрате.

– Спасибо. – Хотя к тому лету 2021 года моей матери не было на свете уже пять лет.

– Ваш отец гонял на старом фермерском «Додже» и на год лишился прав, вы знали об этом?

Я не знал, в чём и признался Рут.

– Я узнала, что Дэйв Лавердьер любил посещать бары в Льюстоне, и был влюблён в местную певичку, которая называла себя Крошкой Джонной Джей. Я также узнала, что после уотергейтского скандала он оставил Республиканскую партию, но ваш отец никогда не покидал её.

² Хот-род – серийный автомобиль (зачастую старый), переделанный и усовершенствованный специально для гонок.

– Нет, папа будет голосовать за республиканцев до гробовой доски. Но... – Я подался вперёд. – По-прежнему не для протокола?

– Абсолютно! – Рут улыбалась, но в её глазах светилось любопытство.

Я понизил голос почти до шёпота.

– Отец не голосовал за Трампа во второй раз. Не смог заставить себя проголосовать за Байдена, но разочаровался в Дональде. Надеюсь, вы унесёте это с собой в могилу.

– Обещаю. Я узнала, что Дэйв выигрывал ежегодный конкурс по поеданию пирогов на городской ярмарке с 1960 по 1966 год, после чего отказался от соревнований. Я узнала, что ваш отец восседал на откидном стуле на Дне родного края³ до 1972 года. Есть забавные фотографии, где он запечатлён в старомодном купальном костюме и котелке... наверное, водонепроницаемом.

– Меня это совершенно обескуражило, – ответил я. – В школе надо мной постоянно насмехались.

– Когда Дэйв подался на запад, он собрал все, что, по его мнению, могло ему пригодиться, в подседельные сумки своего «Харли-Дэвидсона» и просто уехал. На дворовой распродаже ваши родители продали всё его имущество, а деньги отослали Дэйву. Ваш отец также продал его дом.

– И довольно выгодно, – сказал я. – Что было неплохо. К тому времени дядя Ёж писал с утра до вечера и тратил эти деньги, пока не начал продавать свои работы.

– И ваш отец к тому времени тоже сочинял с утра до вечера.

– Да, и продолжал управлять свалкой. До тех пор, пока в начале девяностых не продал её обратно городу. Вот тогда-то она действительно превратилась в свалку.

– Он также купил магазин «Пивис Кар Март» и перепродал его. А вырученные деньги отдал на благо города.

– Серьёзно? Он никогда не говорил мне об этом. – Хотя я был уверен, что моя мама знала.

³ День родного края – практика, зародившаяся в Новой Англии. Что-то вроде фестиваля для бывших жителей сельских мест, которые, повзрослев, уехали жить в крупные города.

– Да, он именно так и поступил, а почему бы и нет? Он ведь не нуждался в деньгах? К тому времени писательство стало его работой, а все дела, связанные с городом, – просто хобби.

– Добрые дела, – сказал я, – никогда не бывают хобби.

– Этому вас научил отец?

– Моя мама.

– Что *она* думала о внезапной перемене в вашем благосостоянии? Не говоря уже о переменах в благосостоянии дяди Ежа?

Я обдумывал вопрос Рут, пока Сьюзи подавала нам маффины и кофе. Затем сказал:

– На самом деле я не хочу возвращаться к этому, мисс Кроуфорд.

– Зовите меня Рут.

– Хорошо, Рут... но я всё равно не хочу возвращаться к этому.

Намазав свой маффин маслом, она смотрела на меня с каким-то пронизательным изумлением – не знаю, как ещё это назвать, – от чего мне стало не по себе.

– С тем, что у меня есть, я могу написать хорошую статью и продать её журналу «Янки», – сказала Рут. – Десять тысяч слов, вдоволь местного колорита и забавных баек. Всё то мэнское дерьмо, которое нравится людям, все эти «дык» и «мне чё улыбнуться и расцеловать свинью?». У меня есть фотографии свалочных фресок Дэйва Лавердьера. У меня есть фотографии вашего отца – известного писателя – в купальном костюме в стиле 1920-х годов, пока горожане пытаются сбросить его в бак с водой.

– Два бакса за три броска по большому рычагу. Вся прибыль идёт в различные благотворительные организации города. Они радостно голосили каждый раз, когда он плюхался в воду.

– У меня есть фотографии, на которых они подают курицу туристам и дачникам, на обоих фартуки с шутовой надписью МОЖЕТЕ ПОЦЕЛОВАТЬ ПОВАРА.

– Многие женщины так и делали.

– У меня есть истории о рыбалке, охоте, о добрых делах – например, о помощи в покосе травы человеку, у которого случился сердечный приступ. У меня есть история о том, как Лэйрд гонял на своей машине и лишился прав. У меня есть всё это, и одновременно у меня нет *ничего*. Скажем так, ничего существенного. Люди любят рассказывать

истории о них – я знал Лэйрда Кармоди, *когда...* я знал Ежа Лавердье-ера, *когда...* но никто из них не может объяснить, кем эти двое *стали*. Вы понимаете, к чему я клоню?

Я ответил утвердительно.

– Вы должны что-то знать, Марк. Какого хрена с ними *произошло*? Вы мне не расскажете?

– Тут нечего рассказывать, – ответил я. Я лгал и, думаю, она это понимала.

Я помню, как осенью 1978 года мне поступил звонок. Запыхавшаяся комендантша общежития (да, тогда ещё были такие порядки) поднялась на третий этаж Робертс-Холл и сказала, что звонит моя мама, и голос у неё расстроенный. Я поспешил вниз в маленький закуток миссис Хэтуэй, боясь того, что могу услышать.

– Мама? Всё в порядке?

– Да. Нет. Я не знаю. Что-то стряслось с твоим отцом, когда они были на охоте в Тридцатимильном лесу. – Затем, словно в раздумье, добавила: – И с Ёжом.

Мой желудок сжался, а яйца втянулись будто ему навстречу.

– Несчастный случай? Они пострадали? Кто-то... – Я не смог закончить, будто вопрос о том, умер ли кто-то из них, превратил бы это в реальность.

– С ними всё в порядке. Физически. Но что-то случилось. Твой отец выглядит так, будто увидел привидение. А Ёж... точно так же. Они сказали, что заблудились, но это чушь собачья. Эти двое знают Тридцатимильный лес как свои пять пальцев. Марк, я бы хотела, чтобы ты приехал домой. Не сейчас, а в эти выходные. Может быть, тебе удастся вытянуть из него правду.

Но когда позже я спросил его, папа упрямо повторял, что они просто заблудились, но нашли дорогу обратно к ручью Джиласи (небрежная, американизированная версия слова «привет» на языке микмаков) и вышли позади кладбища Харлоу, как ни в чём не бывало.

Я поверил в эту тухлую историю не больше, чем мама. Затем я вернулся на учёбу, и перед рождественскими каникулами в моей голове

всплыла ужасная мысль: один из них подстрелил другого охотника – что во время охотничьего сезона случается несколько раз в год – убил его и закопал в лесу.

В канун Рождества, когда мама уже легла спать, я, наконец, набрался смелости спросить отца об этом напрямую. Мы сидели в гостиной, любуясь ёлкой. Папа выглядел изумлённым... потом рассмеялся. «Боже, нет! Случись что-то подобное, мы бы сообщили об этом и приняли наказание. Мы просто заблудились. Парень, такое случается с лучшими из нас».

У моего отца было своеобразное чувство юмора, которое проявилось в полной мере, когда из Нью-Йорка приехал его бухгалтер – примерно после публикации последнего папиного романа, – и сказал, что его состояние оценивается в сумму чуть больше десяти миллионов долларов. Не так много, как у Джоан Роулинг (или даже Джеймса Паттерсона), но число внушительное. Папа подумал и сказал:

– Думаю, книги способны на большее, чем служить декором в комнате.

Бухгалтер выглядел озадаченным, но я понял намёк и рассмеялся.

– Я не оставлю тебя без гроша, Марки, – сказал папа.

Должно быть, он заметил, как я поморщился, или, может, просто понял, как прозвучали его слова. Он наклонился и похлопал меня по руке, как делал в моём детстве, когда меня что-то беспокоило.

Я уже вырос, но был одинок. В 1988 году я женился на Сьюзен Уиггинс, юристе из окружной прокуратуры. Она говорила, что хочет детей, но всё откладывала. Незадолго до нашей двенадцатой годовщины (на которую я купил ей жемчужное ожерелье) она ушла от меня к другому мужчине. Об этом можно ещё долго говорить – полагаю, с такими историями всегда так, – но это всё, что вам нужно знать, потому что этот рассказ не обо мне – вовсе нет. Но когда отец сказал, что не оставит меня без гроша, я подумал – наверное, мы оба подумали – кому я оставлю эти десять миллионов или то, что от них останется, когда придёт моё время?

Вероятно, школьному административному округу №19 штата Мэн. Школам всегда нужны деньги.

– Вы должны знать, – сказала мне Рут в тот день в «Кофи Кап». – *Должны*. Не для протокола, помните?

– Для протокола или нет, но я не знаю, – сказал я. Всё, что я знал – с папой и дядей Ежом что-то случилось в ноябре 1978 года во время их ежегодной поездки на охоту. После этого папа сделался автором толстенных романов-бестселлеров, которые критики называли «неподъёмными», а Дэйв Лавердьер прославился сначала как иллюстратор, а затем как художник, «сочетающий сюрреализм Фриды Кало с американской романтикой Нормана Рокуэлла» («АртРевью»).

– Может быть, они вышли на перепутье, – предположила Рут. – Ну, вы знаете, как Роберт Джонсон. Заключили сделку с дьяволом.

Я рассмеялся, хотя мне в голову приходила та же мысль, обычно в ненастные летние ночи, когда раскаты грома не давали мне уснуть.

– Если так, то договор они, по-видимому, заключили на гораздо больший срок, чем семь лет. Первая папина книга была опубликована в 1980 году, в том же году портрет Джона Леннона работы дяди Ежа появился на обложке журнала «Тайм».

– Для Лавердьера прошло почти сорок лет, – размышляла Рут, – а ваш отец отошёл от дел, но всё ещё крепок.

– Крепок – пожалуй, слишком сильно сказано, – ответил я, вспоминая грязные простыни, которые я менял сегодня утром перед поездкой в Касл-Рок. – Но он держится. Ну, а что насчёт вас? Сколько ещё вы собираетесь сидеть в нашей глуши, тыча палкой в Кармоди и Лавердьера?

– Это прозвучало как-то грубовато.

– Извините. Неудачная шутка.

Рут съела свой маффин (я же говорил, что они вкусные) и собирала оставшиеся крошки кончиком указательного пальца.

– Ещё день или два. Хочу съездить в дом престарелых в Харлоу и, возможно, ещё раз поговорить с сестрой Лавердьера, если она согласится. Да, в итоге получится очень выгодная статья, но совсем не такая, какую я хотела.

– Может, то, что вы хотели, – невозможно разгадать. Может, творчество и должно оставаться тайной.

Рут сморщила нос и сказала:

– Оставьте свою философию для покойников. Могу я расплатиться?

– Нет.

Все в Харлоу знают наш дом на Бенсон-Стрит. Иногда папины поклонники, приезжающие издалека, заглядывают к нам поглазеть, хотя, как правило, их ждёт разочарование; обычная новоанглийская постройка, каких в городе полным-полно. Чуть солиднее, чем у большинства, и стоит в глубине большой лужайки, утыканной клумбами. Их разбила моя мама и ухаживала за ними до самой смерти. Теперь их поливает и подрезает цветы наш мастер на все руки, Джимми Григгс. За исключением лилейников, растущих вдоль забора перед домом. Папа любит ухаживать за лилейниками сам, потому что их очень любила мама. Когда он поливает их или просто обходит, прихрамывая и опираясь на трость, мне кажется, он вспоминает женщину, которую всегда называл «моя дорогая Шейла». Иногда он наклоняется, чтобы дотронуться до одного из распутившихся цветков – коронок, красующихся поверх голых стеблей, называемых стержнями. Цветы жёлтые, розовые и оранжевые, но папе особенно нравятся красные, которые, по его словам, напоминают ему о раскрасневшихся маминых щеках. На публике отец держался строго и слегка цинично – плюс его сухое чувство юмора, – но в душе он всегда был романтиком и где-то даже старомодным. Однажды он признался мне, что скрывает эту часть себя, потому что её легко ранить.

Рут, разумеется, знала, где находится наш дом. Я несколько раз видел, как она проезжала мимо на своей маленькой «Королле», а однажды остановилась сделать пару снимков. Уверен, она также знала,

что папа часто прогуливается по утрам вдоль забора, любуясь лилейниками, и если к этому моменту вы ещё не поняли какой решительной женщиной она была, то я плохо справился со своей задачей.

Два дня спустя после нашего разговора «не для протокола» в «Кофи Кап» она медленно катила по Бенсон-Стрит и, вместо того чтобы проехать мимо, остановилась на обочине напротив маленьких табличек на обеих половинах ворот. На одной было написано: «ПОЖАЛУЙСТА, УВАЖАЙТЕ НАШУ ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ». На другой говорилось, что «МИСТЕР КАРМОДИ НЕ ДАЁТ АВТОГРАФОВ». Я прогуливался с папой, как обычно, когда он осматривал лилейники; тем летом 2021 года ему исполнилось восемьдесят восемь, и его иногда пошатывало, даже если он опирался на трость.

Рут вышла из машины и подошла к забору, хотя не попыталась открыть ворота. Настойчивая, но в то же время уважающая чужие границы. Этим она, наверное, мне и понравилась. Чёрт, понравилась, вне всякого сомнения. На ней была маска с цветочным принтом. Папа не признавал маски, утверждал, что в них невозможно дышать, но не возражал против прививок.

Он посмотрел на Рут с любопытством, хотя и с лёгкой улыбкой. Она была хороша собой, особенно в свете летнего утра. Клетчатая рубашка, джинсовая юбка, белые носки и кроссовки, волосы собраны сзади в озорной хвостик.

– Как указано на табличке, мисс, я не раздаю автографов.

– О, я не думаю, что она пришла именно за этим, – сказал я. Меня позабавила её дерзость.

– Сэр, меня зовут Рут Кроуфорд. Я писала вам и просила об интервью. Вы отказали, но я решила встретиться с вами лично, прежде чем двинусь обратно в Бостон.

– А, – протянул папа. – История обо мне и Еже, верно? И удача вам благоволит?

– Да. Хотя мне кажется, что я по-настоящему так и не подобралась к сердцу вопроса.

– Сердце тьмы, – сказал папа и рассмеялся. – Литературная шутка.⁴ У меня их в запасе целая куча, хотя они покрылись пылью с тех пор,

⁴ Вероятно, шутка в том, что такое название носит роман Джозефа Конрада.

как я перестал давать интервью. И этот обет я намерен сдерживать, несмотря на то, что вы кажетесь приятной особой, о чём мне говорил и Марк.

Я был одновременно удивлён и обрадован, увидев, как папа протянул руку через забор. Рут, казалось, тоже удивилась, но пожала руку, стараясь не сжимать слишком сильно.

– Спасибо, сэра. Я чувствовала, что должна попытаться. Кстати, у вас прекрасные цветы. Я люблю лилейники.

– Это правда, или для красного словца?

– Правда люблю.

– Моя жена тоже. И поскольку вы так учтиво похвалили то, что нравилось моей дорогой Шейле, я собираюсь предложить вам волшебную сделку. – Глаза папы сверкали. Её привлекательность – и, возможно, её дерзость – взбудрили его так же, как, казалось, брызги воды оживляли цветы дорогой Шейлы.

Рут улыбнулась.

– И в чём же она будет заключаться, мистер Кармоди?

– У вас будет три вопроса, и вы сможете опубликовать мои ответы в своей статье. Как вам такое?

Я был в восторге, и Рут Кроуфорд выглядела такой же.

– Просто превосходно, – ответила она.

– Спрашивайте, юная леди.

– Дайте мне минуту. Вы давите на меня.

– Верно, но давление превращает уголь в алмазы.

Рут не стала спрашивать, можно ли записать ответы, что, по-моему, было разумно. Она касалась губ указательным пальцем, не сводя глаз от папы.

– Хорошо. Вопрос первый. Что вам больше всего нравилось в мистере Лавердьере?

Папа не стал раздумывать.

– Верность. Надёжность. Всё сводится к одному или почти к одному. Мужчинам везёт, если у них есть хотя бы один настоящий друг. Подозреваю, у женщин их больше... Но вам лучше знать, чем мне.

Рут задумалась.

– Пожалуй, у меня есть два друга, которым я могу доверить свои самые потаённые секреты. Нет... три.

– Тогда вам повезло. Следующий вопрос.

Рут замешкалась, ведь к тому моменту у неё, должно быть, накопилась целая сотня вопросов, и это короткое интервью у нашего забора, к которому она оказалась не готова, было её единственной возможностью. И папина улыбка – не совсем добрая – говорила, что он понимал, в какое положение поставил Рут.

– Время уходит, мисс Кроуфорд. Скоро мне придётся вернуться в дом и дать отдых своим старым косточкам.

– Хорошо. Какое у вас самое приятное воспоминание о времени, проведённом с лучшим другом? Я бы также хотела узнать о худшем времени, но приберегу последний вопрос.

Папа рассмеялся.

– Я отвечу просто так, потому что мне нравится ваша настойчивость и на вас приятно смотреть. Хуже всего было в Сиэтле, когда я совершил последнюю в своей жизни поездку через всю страну, смотрел на крышку гроба и знал, что внутри лежит мой старый друг. Его талантливая правая рука замерла навсегда.

– А лучшее время?

– Охота в Тридцатимильном лесу, – быстро ответил папа. – Мы ездили туда во вторую неделю ноября, ещё с тех пор, как были подростками, и пока Ёж не оседлал своего стального скакуна и не отправился на «золотой» запад. Мы останавливались в маленькой хижине в лесу, которую построил мой дед. Ёж утверждал, что его дед крыл крышу хижины; может, это правда, а может и нет. Она находилась примерно в четверти мили от ручья Джиласи. У нас был старый джип «Уиллис» и до 54-го или 55-го года мы проезжали на нём по дощатому мосту, парковались на другой стороне и топали до хижины вместе с рюкзаками и винтовками. Позже мы перестали рисковать «Уиллисом», потому что мост подмыло паводками, парковались на ближней стороне и переходили пешком.

Папа вздохнул, глядя куда-то вдаль.

– Из-за всей этой вырубки «Даймонд Мэтч» и того жилого комплекса на озере Дарк-Скор, где раньше стоял дом Нунана,⁵ Тридцатимильный лес теперь больше похож на двадцатимильный. Но в те времена в лесу хватало пространства, чтобы два мальчика... а затем и два

⁵ Отсылка к роману Кинга «Мешок с костями»

молодых человека... могли побродить по нему. Иногда мы подстреливали оленя, а однажды подбили индейку, которая оказалась жёсткой и кислой, но охота была наименее важной частью. Нам просто нравилось быть самими по себе в течение этих пяти, шести или семи дней. Я думаю, многие мужчины ходят в лес, чтобы выпить или покурить, кто-то ходит в бар и приводит с собой «киску» на ночь, но мы никогда этого не делали. Конечно, мы немного выпивали, но если брали с собой бутылку «Джека», нам хватало её на всю неделю, а остатки мы выплёскивали в костёр, чтобы поддать жару. Мы говорили о Боге, «Ред Сокс», политике и о том, что мир может погибнуть в результате ядерного взрыва.

Помню, мы как-то раз сидели на бревне, и появился олень, самый крупный из всех, что я видел, восемнадцать роговых отростков. Возможно, крупнейших из всех, когда-либо виденных, по крайней мере, в этих краях... он вышагивал по болоту прямо под нами, настолько изящно, насколько это возможно. Я поднял винтовку, и Ёж положил ладонь мне на плечо. «Не надо, – сказал он. – Прошу тебя. Только не этого». Я не стал стрелять.

Вечерами мы разводили огонь в камине и пили чай с «Джеком». Ёж брал блокнот и рисовал. Иногда под это дело он просил меня рассказать какую-нибудь историю. Одна из этих историй в итоге стала моей первой книгой «Гроза».

Я видел, как Рут пытается всё это запомнить. Для неё эти сведения были на вес золота, и для меня тоже. Папа никогда не рассказывал о хижине.

– Не думаю, что вы читали эссе под названием «Возвращайся на плот, Гек, милый!», я прав?

Рут покачала головой.

– Нет? Конечно, нет. Никто больше не читает Лесли Фидлера – какой стыд. Он был провокатором, убийцей священных коров, что делало его забавным. В своём эссе он утверждал, что гомоэротизм был движущей силой американской культуры, что истории о мужских отношениях на самом деле истории о подавленном сексуальном желании. Чушь, конечно, и говорит больше о самом Фидлере, чем о мужской сексуальности. Потому что... почему? Кто-нибудь из вас может мне сказать?

Рут выглядела так, словно боялась рассеять чары (которые папа наложил не только на неё, но и на себя), поэтому заговорил я.

– Это очевидно: превращает мужскую дружбу во что-то грязное.

– Слишком упрощённо, но близко к истине, – сказал папа. – Мы с Ежом были друзьями, а не любовниками, и в течение тех недель в лесу мы наслаждались дружбой в чистом виде. Что можно назвать своего рода любовью. Дело не в том, что я меньше любил Шейлу, или что Ежу меньше нравились поездки в город – он был без ума от рок-н-ролла, который называл зажигательным, – но в Тридцатимильном лесу вся шумиха, суета и рёв окружающего мира исчезали.

– Вы были близки, – сказал я.

– Это уж точно. Пришло время, мисс, задать последний вопрос.

Рут не раздумывала.

– Что случилось? Как произошло, что вы перестали быть просто выдающимися горожанами и стали мировыми знаменитостями? Культурными иконами?

Что-то в лице папы изменилось, и я вспомнил беспокойство мамы, когда она позвонила мне в колледж: *«Твой отец выглядит так, будто увидел привидение»*. И теперь мне показалось, что папа снова его увидел. Затем он улыбнулся, и привидение исчезло.

– Мы были просто двумя талантливыми засранцами, – сказал он. – На том и сойдёмся. А теперь мне нужно в дом, спрятаться от яркого солнца.

– Но...

– Нет, – резко ответил папа, и Рут слегка отшатнулась. – Мы закончили.

– Я думаю, вы получили больше, чем ожидали, – сказал я Рут. – Довольствуйтесь этим.

– Кажется, придётся. Благодарю вас, мистер Кармоди.

Папа поднял свою артритную руку в знак признательности. Я проводил его обратно к дому и помог подняться на крыльцо. Рут Кроуфорд постояла немного, затем села в свою машину и уехала. Я больше никогда её не видел, но, разумеется, прочитал написанную ею статью о папе и дяде Еже. Она была яркой и полной забавных историй, хотя и далека от истинного понимания. Статья вышла в журнале «Янки», и занимала вдвое больше места, чем обычно. Я уверен, что

Рут действительно получила больше, чем ожидала, заехав к нашему дому по дороге в Бостон, включая название: «Двое талантливых засранцев».

Моя мама – Шейла Уайз Кармоди, Богородица с Лилейниками – умерла в 2016 году в возрасте семидесяти восьми лет. Это стало большим ударом для всех, кто её знал. Она не курила, в очень редких случаях выпивала бокал вина, не была тучной и не имела недостатка в весе. Её мать дожила до девяноста семи лет, бабушка – до девяноста девяти, но у мамы случился обширный сердечный приступ, когда она возвращалась из магазина «Ай-Джи-Эй» в Касл-Роке с полным багажником продуктов. Она съехала на обочину Сируа-Хилл, включила аварийные огни, заглушила двигатель, сложила руки на коленях и погрузилась в темноту, окружающую эту яркую вспышку, которую мы называем жизнью. Мой отец был потрясён смертью своего старого друга Дэйва Лавердьера, но смерть жены оставила его безутешным.

– Она должна была жить, – сказал папа на её похоронах. – Кто-то в небесной канцелярии допустил ужасную ошибку. – Не сильно красноречиво, не лучшие его слова, но он был потрясён.

Полгода после этого папа спал внизу на раскладном диване. Наконец, по моему настоянию, мы прибрали спальню, в которой они провели более 21000 ночей. Большая часть маминой одежды отправилась в наиболее предпочтительный благотворительный фонд Доброй воли в Льюстоне. Мамины драгоценности папа раздал её друзьям, за исключением обручального кольца, которое он проносил в кармане джинсов до самой своей смерти.

Приборка была тяжёлой работой для папы (для нас обоих), но, когда дело дошло до маминого маленького кабинета размером с чулан, примыкающего к прихожей, он наотрез отказался.

– Я не могу, Марк, – сказал папа. – Я просто не могу. Это убьёт меня. Тебе придётся самому. Я разберу её вещи позже и решу, что оставить.

Но, насколько я знаю, он так и не разобрал. Коробки до сих пор стоят там, куда я их поставил, – под столом для пинг-понга, которым

никто не пользовался с тех пор, как мы с мамой проводили там залихватские матчи; она каждый раз смачно ругалась, когда не могла справиться и пропускала мой удар. Прибираться в её маленькой «комнате для раздумий», как она это называла, было нелегко. Смотреть на пыльный стол для пинг-понга с провисшей сеткой было ещё труднее.

Через день или два после необычного интервью папы с Рут Кроуфорд у забора, я поймал себя на воспоминании о том, как закинулся валиумом, прежде чем войти в мамин кабинет с парой пустых коробок. Добравшись до нижнего ящика её стола, я обнаружил стопку тетрадей на спиральках и, открыв одну из них, увидел хорошо узнаваемый папин почерк с наклоном в обратную сторону. Тетради появились задолго до его прорыва, после которого каждая его книга, включая самую первую, становилась бестселлером.

Первые три романа, написанные до того, как текстовые процессоры и компьютеры распространились повсеместно, были набраны на пишущей машинке «Ай-Би-Эм Селектрик», которую он каждый день приносил домой из административного офиса Харлоу. Папа дал мне прочитать эти отпечатанные рукописи, и я их хорошо запомнил. В них встречались места, где он вычёркивал слова и добавлял другие между строк, а если абзац или два получались слишком длинными, он перечёркивал их ручкой – так делалось до появления кнопки удаления. Иногда папа использовал литеру «х» – так *«прекрасный чудный день»* превращался в *«хххххххххх чудный день»*.

Я рассказываю об этом, потому что в законченных рукописях «Грозы», «Жестокого поколения» и «Шоссе 19» было мало зачёркиваний. Тетради на спиральках, напротив, пестрели ими, причём некоторые сильные росчерки прорывали страницы насквозь. Другие страницы были полностью исчерканы, будто в ярости. Также имелись заметки на полях, например, *«Что будет с Томми?»* и *«Помни о бюро!!!»* Всего таких блокнотов насчитывалось с дюжину и самый нижний явно был пробой пера «Грозы». Не сказать, что ужасной... но и не такой уж хорошей.

Вспоминая последний вопрос Рут, а также беспокойный звонок моей матери в 1978 году, я нашёл коробку с этими старыми блокнотами. Я вытащил нужный мне и прочитал несколько строк, сидя на полу и скрестив ноги под одинокой лампочкой без плафона.

«Приближалась гроза!

Джейсон Джек стоял на крыльце, наблюдая, как на западе сгущаются чёрные тучи. Прогремел гром! Молнии ~~разразились повсюду!~~ Ударили в землю, как залп артиллерийского огня! Начал ~~задувать~~ завывать ветер. Джек был ужасно напуган, но не мог оторвать взгляда. «Огонь перед дождём, – подумал он. – ОГОНЬ ПЕРЕД ДОЖДЁМ!»

После этих слов всплывала картинка, чувствовалась нить повествования, но в лучшем случае оно было избитым. На этой странице и на последующих я видел, как папа старается рассказать о том, что себе представлял. Будто он знал – то, что он делает, получается не очень хорошо, и продолжал пытаться, пытаться и пытаться сделать лучше. Процесс причинял боль, потому что история *хотела* получиться достойной... но не получалась.

Я спустился вниз и взял экземпляр «Грозы» с полки с пробными изданиями в папином кабинете. Открыв первую страницу, я прочитал:

«Надвигалась гроза!

Джек Элвэй стоял на крыльце, засунув руки в карманы, и смотрел, как на западе, словно клубы дыма, поднимаются чёрные тучи, затмевая звёзды. Пророкотал гром. Молнии осветили тучи, делая их похожими на мозги, по крайней мере, так ему показалось. Начал усиливаться ветер. «Огонь перед дождём, – подумал мальчик. – Огонь перед дождём». Эта мысль привела его в ужас, но он не мог оторвать взгляд».

Сравнивая плохую (но изо всех сил старающуюся быть хорошей) рукописную версию с готовой книгой, я поймал себя сначала на мысли о свалочных фресках Ежа Лавердьера, а затем о его картине «Элвис и Мэрилин на прогулке», проданной за три миллиона долларов. Я снова подумал, что первое было – зачатком, а второе – цветком.

По всей стране – по всему *миру* – мужчины и женщины пишут картины, сочиняют истории, играют на музыкальных инструментах. Некоторые из этих увлечённых людей посещают семинары и мастер-классы по искусству. Некоторые нанимают преподавателей. Плодами их трудов покорно восхищаются друзья и родственники, говоря что-то вроде: «Ух ты, действительно здорово!», и забывают об этом. В детстве я всегда наслаждался рассказами отца. Они приводили меня в восторг, и я думал: «Ух ты, действительно здорово, пап!» Я уверен,

что люди, проходящие по Дамп-Роуд, видели яркие и насыщенные фрески из жизни города работы дяди Ежа и думали: «Ух ты, действительно здорово!», а потом продолжали свой путь. Потому что кто-то всегда пишет картины, кто-то всегда рассказывает истории, кто-то всегда играет «Call me the Breeze» на гитаре. Большинство из них забываются. Некоторые чего-то достигают. И лишь единицы вписывают себя в историю. Почему так происходит – я не знаю. И как эти двое сельских парней совершили скачок от хорошего к достойному, а затем к великому – этого я тоже не знал.

Но узнал.

Прошло два года после краткого интервью с Рут Кроуфорд, папа снова осматривал лилейники, растущие вдоль забора. Он показывал мне «беглецов», выросших с внешней стороны и даже на другой стороне Бенсон-Стрит, когда я услышал глухой треск. Я подумал, что он наступил на сухую ветку. Он посмотрел на меня широко распахнутыми глазами, открыв рот, и я подумал (я отчётливо это помню): «Так папа выглядел, когда был ребёнком». Затем его качнуло в сторону. Он схватился за забор. Я схватил его за руку. Мы оба не удержались на ногах. Папа упал на траву и начал кричать.

Я не всегда носил мобильник с собой – я не из того поколения, которое чувствует себя без телефона, как без трусов, – но в тот день он был со мной. Я набрал 911, вызвав скорую помощь на Бенсон-Стрит, 29, потому что мой отец получил травму.

Опустившись на колени рядом с папой, я попытался выпрямить ему ногу. Он вскрикнул и сказал: «Нет-нет-нет, Марки, больно». Его лицо стало белым, как свежесвыпавший снег, как подбрюшье Моби Дика, как амнезия⁶. Я не часто чувствовал себя старым, возможно, потому, что жил с человеком намного старше меня, но в тот момент я ощутил себя очень старым. Я велел себе не падать в обморок. Сказал себе, что у меня не случится сердечный приступ. И надеялся, что карета скорой помощи Харлоу (которую купили мой отец и Ёж) окажется

⁶ Белая амнезия – кажущееся свойство людей белой расы забывать и отрицать зло и обиды, причиненные другим.

где-то неподалёку, потому что скорая из Гейтс-Фоллз ехала бы полчаса, а из Рока и того дольше.

Я слушал вопли отца, пока он не потерял сознание как раз перед тем, как появилась скорая из Харлоу. Слава Богу. Папу загрузили в машину на подъёмнике и отвезли в больницу Святого Стефана, где его состояние стабилизировали – если состояние девяностолетнего человека вообще *может* быть стабильным – и сделали рентген. У папы сломалось бедро. Без всякой очевидной причины, просто так случилось. Ортопед сказал, что это не просто перелом. Папино бедро полностью развалилось.

– Я не уверен, как поступить, – сказал доктор Патель. – Будь он ваших лет, я бы, конечно, порекомендовал заменить тазобедренный сустав, но у мистера Кармоди прогрессирующий остеопороз. Его кости как стекло. Все до единой. И он в преклонном возрасте. – Доктор развёл руками над рентгеновскими снимками. – Решение принимать вам.

– Он очнулся?

Патель сделал звонок. Что-то спросил. Выслушал. Повесил трубку.

– Он слаб после обезболивающего, но в сознании и может отвечать на вопросы. Он хочет поговорить с вами.

Несмотря на снижение заболеваемости от ковида, в больнице Святого Стефана ощущалась нехватка мест. И всё же моему отцу выделили одноместную палату. Так поступили, не только потому что он мог заплатить, но и потому, что он был знаменитостью. И его любили в округе Касл. Однажды я подарил ему футболку с надписью: «ЗВЁЗДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ», и он носил её.

Папа уже не был белым, как брюхо Моби Дика, но выглядел осунувшимся. Его лицо было измождёнными и блестело от пота. Волосы торчали во все стороны.

– Сломал долбаное бедро, Марки. – Голос папы звучал чуть громче шёпота. – Тот пакистанский доктор сказал, удивительно, что этого не случилось, когда мы ездили на похороны Ежа. Помнишь?

– Конечно, помню. – Я сел рядом с ним и достал из кармана расчёску.

Папа поднял руку в своём старческом властном жесте «стоп».

– Не надо, я не ребёнок.

– Я знаю, но ты похож на сумасшедшего.

Его рука опустилась на простыню.

– Хорошо. Но только потому, что я когда-то менял твои обгаженные подгузники.

Я полагал, что этим занималась мама, но не стал возражать, просто уложил его волосы как можно ровнее.

– Пап, доктор сомневается, нужно ли тебе делать операцию на бедре.

– Помолчи, – сказал он. – Мои брюки в шкафу.

– Пап, ты никуда не пойдё...

Он закатил глаза.

– Господи Иисусе, я это понимаю. Принеси мне мои ключи.

Я нашёл их в левом переднем кармане, под горстью мелочи. Папа поднёс их к глазам дрожащей рукой (мне было неприятно видеть, как она дрожит) и перебирал, пока не нашёл маленький серебряный ключик.

– Он от нижнего ящика моего стола. Если я не справлюсь с этой жопой...

– Пап, ты поправи...

Он поднял руку с ключами в своём старческом жесте.

– Если не справлюсь, ты найдёшь объяснение моего успеха – и успеха Ежа – в этом ящике. Всё, что интересовало ту женщину... сейчас я уже не помню её имени. Она бы в такое не поверила, и ты не поверишь, но это правда. Считай это моим последним посланием миру.

– Хорошо. Я понял. Так что насчёт операции?

– Что ж, давай посмотрим. Давай хорошенько подумаем. Если я откажусь, что тогда? Инвалидное кресло? И, полагаю, сиделка в придачу. Не симпатичная, а здоровенный волосатый мужик с бритой головой, который душится «Инглиш Лизер». Сам ты не сможешь управиться с моей тушей, не в твоём возрасте.

Полагаю, он был прав.

– Думаю, я соглашусь. Могу умереть на операционном столе. Могу выкарабкаться, пройти шестинедельный курс физиотерапии, а затем

сломать другое бедро. Или руку. Или плечо. У Бога отвратительное чувство юмора.

Кости у папы были хрупкие, но мозги по-прежнему работали исправно, даже несмотря на то, что его накачали лекарством. Я был рад, что он не возложил ответственность за решение – и его последствия – на меня.

– Я скажу доктору Пателю.

– Будь добр, – сказал папа, – и скажи ему, чтобы держал обезболивающие наготове. Я люблю тебя, сынок.

– Я тоже люблю тебя, папа.

– Верни ключи, если я преодолею это. Открой ящик, если я не справлюсь.

– Ясно.

– Как звали ту женщину? Крокетт?

– Кроуфорд. Рут Кроуфорд.

– Она хотела получить ответ. Объяснение. Единая теория поля творчества, Боже, храни королеву. И в итоге, всё, что я могу ей дать – ещё большую загадку. – Папины глаза закрылись. – Должно быть, мне дали что-то сильнодействующее. Сейчас боль утихла. Она вернётся, но пока что я смогу поспать.

Папа заснул, но так и не проснулся. Сон перешёл в кому. Несколько лет назад он подписал отказ от реанимации. Я сидел у постели и держал его за руку, когда в 9:19 следующего вечера его сердце остановилось. Он даже не удостоился титульного некролога в «Нью-Йорк Таймз», потому что в ту же ночь в автокатастрофе погиб бывший госсекретарь. Папа бы сказал, что это старая история: в смерти, как и в жизни, политика почти всегда побеждает искусство.

На панихиду в баптистскую Церковь Милосердия пришли почти все жители Харлоу, а также много журналистов. Рут Кроуфорд не появилась, она была в Калифорнии, но прислала цветы и трогательную открытку с соболезнованиями. К счастью, распорядитель знал, чего ожидать, и установил громкоговорители на лужайке перед церковью.

Он предложил установить видеоэкраны; я отказался, ведь это панихида, а не рок-концерт. Сами похороны прошли быстрее и на них присутствовало меньше народу, а когда неделю спустя я пришёл с цветами (естественно, с лилейниками), я был один – последний листик на семейном древе Кармоди, который уже по-осеннему пожелтел. *Sic transit gloria mundi*⁷.

Я опустился на колени, чтобы поставить вазу к надгробию.

– Привет, пап, у меня твой ключ. Я собираюсь исполнить твоё предсмертное желание и открыть ящик стола, но если там есть хоть какое-то объяснение, я буду... как ты всегда говорил?.. обезьяньим яичком.

Первое, что я нашёл в ящике, была папка для документов. Либо хитрый лис всё-таки не до конца отказался от своего ноутбука, либо он попросил кого-то в библиотеке сделать для него распечатку, потому что на первой странице была статья из журнала «Тайм», датированная 23 мая 2022 года. Заголовок гласил: «КОНГРЕСС НАКОНЕЦ-ТО НАЧАЛ СЕРЬЁЗНО ОТНОСИТЬСЯ К НЛО».

Я просмотрел статью, узнав, что НЛО в наши дни называют НВЯ – неопознанные воздушные явления. Слушания в Конгрессе, проходившие под председательством Адама Шиффа, были первыми на эту тему со времён проекта «Синяя книга» пятьдесят лет назад, и все, кто давал показания, стремились подчеркнуть, что основное внимание уделялось не маленьким зелёным человечкам с Марса или откуда-либо ещё. Все свидетели заявили, что, хотя нельзя исключать прибытие кораблей внеземного происхождения, их существование крайне маловероятно. Их больше беспокоило то, что какая-то другая страна – Россия, Китай – разработала гиперзвуковые технологии, намного превосходящие наши собственные.

Под распечаткой были вырезки за сентябрь и октябрь 1978 года, пожелтевшие и слегка потрескавшиеся. Одна из них, опубликованная в «Пресс Геральд», была озаглавлена «ТАИНСТВЕННЫЕ ОГНИ НАД МАРГИНАЛ-УЭЙ». Заголовок в «Касл-Рок Колл» гласил «НАД КАСЛ-

⁷ Так проходит слава мирская (лат).

ВЬЮ ЗАМЕЧЕН СИГАРООБРАЗНЫЙ НЛО». В статье присутствовало фото Вью со старой ржавой «лестницей-убийцей» (такой же старой, как свалочные фрески моего дяди Ежа), петляющей вверх по склону. Однако не было никаких признаков белой совы⁸.

Под папкой лежал блокнот на спиральке. Я перевернул обложку, ожидая увидеть ещё одну из ранних работ папы – например, набросок «Жестокого поколения» или «Шоссе 19». Почерк был отцовский, с наклоном в обратную сторону, но в черновике не было ни зачёркиваний, ни каракулей, появлявшихся во время поиска способа выразить свои мысли. Эта запись ни капли не походила на текст в ранних блокнотах, найденных мною после смерти мамы. Её сделал Лэйрд Кармоди, уже полностью овладевший писательским мастерством, хотя некоторые буквы, казалось, вышли из-под дрожащей руки. Я не был уверен, но мне показалось, что отец писал уже после своего объявления об уходе на покой.

Папа был настоящим романистом, которого обычно уважали за способность рассказывать истории, и мне понадобилось всего три страницы, чтобы понять – это ещё одна история, хотя и с реальными людьми, Лэйрдом Кармоди и Дэйвом Лавердьером. Иным словом, метапроза. Ничего необычного; многие выдающиеся писатели использовали такую манеру повествования (кто-то может назвать это самовлюблённостью). Дэйв не будет возражать, мог подумать папа, потому что его старый друг умер. Если он и утверждал, что всё это правда, то только потому, что его разум затуманился от лекарств и боли. Такое бывало и раньше. Не перепутал ли Натаниэль Готорн в конце своей жизни себя с преподобным Диммсдейлом?⁹ Разве Эмили Дикинсон¹⁰ не покинула этот мир со словами: «Я должна идти, туман сгущается»?

Мой отец никогда не писал фэнтези *или* метапрозу, а здесь было и то и другое, но, тем не менее, он снова был на коне. Я сразу же увлёкся и перелистывал страницы блокнота одну за другой. Не только

⁸ В Америке белых сов связывают с появлением НЛО.

⁹ Натаниэль Готорн – классик американской литературы. Преподобный Диммсдейл – персонаж его романа «Алая буква».

¹⁰ Американская поэтесса.

потому, что я знал их обоих и Харлоу. Лэйрд Кармоди всегда умел рассказать истории, это признавали даже самые суровые его критики. И эта история была достойной. Но правдивой ли?

Я посчитал её брехнёй.

2

В прежние времена, когда мы с Ежом управляли городской свалкой, у нас был «мусорный вторник». Эту идею подал Ёж. (У нас также была «крысиная суббота», но это уже другая история).

– Если они будут заниматься мусором, – сказал Ёж, – нужно выделить день, когда мы сможем присмотреть за ними и убедиться, что какая-нибудь соковыжималка или арматура не воткнётся им в ногу и не приведёт к гангрене.

Чаще всего по вторникам появлялся один старый алкаш по имени Ренни Лакасс. Из тех, кого в штате Мэн называют тараторка; наверное, разговаривал даже во сне. Всякий раз, заводя разговор о былых временах, он неизменно начинал со слов: «Эта картина так и стоит у меня перед глазами».

Так я думаю о той поездке на охоту в 1978 году, которая изменила нашу жизнь. Эта картина так и стоит у меня перед глазами.

В тот год мы выдвинулись в субботу, 11 ноября, и планировали вернуться 17-го или 18-го, возможно, раньше, если кто-нибудь из нас подстрелит оленя. В таком случае нам хватит времени, чтобы отвезти тушу на разделку в мясную лавку Ордуэя в Гейтс-Фоллз. На День благодарения оленина заходила всем на ура, особенно Марку, который обещал приехать из колледжа 21 ноября.

В начале пятидесятых мы с Ежом скинулись на армейский джип «Уиллис». К 1978 году машина уже была пожилой дамой, но по-прежнему идеально подходила для перевозки нашего снаряжения и продуктов. Шейла каждый год твердила мне, что Неллибель¹¹ вот-вот вы-

¹¹ Имя джипа из «Шоу Роя Роджерса» (1951-1957).

плюнет шатун, или где-нибудь в Тридцатимильном лесу оставит трансмиссию на дороге, но ничего подобного не происходило. Мы ездили на «Уиллисе», пока Ёж не отправился на запад. Только после 1978 года мы почти не охотились. Мы даже избегали этой темы. Хотя, конечно, думали об этом. Трудно было не думать. К тому времени я издал свою первую книгу, а Ёж зарабатывал, создавая комиксы и графические новеллы. Далёко не те деньги, что он стал зарабатывать позже, но на хлеб с маслом хватало, как сказал бы Ренни Лакасс.

Я поцеловал Шейлу, Ёж обнял её, и мы отправились в путь. Чапел-Роуд вывела нас на Семетери-Роуд, затем на три лесные дороги, каждая ещё более заросшая, чем предыдущая. К тому времени мы уже забрались далеко в глубь Тридцатимильного леса и вскоре услышали ручей Джиласи. В иные годы этот звук походил на фыркание, но этим летом и осенью дождь лил как из ведра, и старина Джиласи клокотал.

– Надеюсь, мост на месте, – сказал Ёж.

Мост никуда не делся, но слегка накренился вправо. К опоре был прибит жёлтый знак с одним словом: «НЕБЕЗОПАСНО». В следующем году мост полностью смыло весенним паводком. Теперь, чтобы пересечь Джиласи, придётся преодолеть лишних двадцать миль вниз по течению. Чуть ли не до самого Бетеля¹².

Нам не нужен был знак. Уже много лет мы не осмеливались проехать по мосту, а в тот день даже не были уверены, можно ли пересечь его пешком.

– Что ж, – сказал Ёж. – Будь я проклят, если проеду двадцать миль по шоссе 119, а потом столько же обратно.

– Тебя непременно остановит полиция, – сказал я, хлопнув по боку «Уиллиса». – Неллибель не проходила техосмотр с 1964 года.

Ёж взял свой рюкзак и спальный мешок, затем прошёл к краю старого деревянного моста. Он остановился и оглянулся.

– Ты идёшь?

– Пожалуй, я посмотрю, сможешь ли ты перейти, – ответил я. – Если мост рухнет, я тебя вытащу. А если тебя раньше унесёт течением, то помашу рукой на прощание. – Вообще-то я действительно не хотел, чтобы мы ступали на мост вместе. Не стоило искушать судьбу.

¹² Город в штате Мэн.

Ёж двинулся вперёд. Сквозь шум воды я слышал глухой стук каблук его ботинок. Добравшись до другой стороны, он положил своё снаряжение, спустил штаны и показал мне «луну».

Переходя через мост, я чувствовал, как он дрожит, будто живой и испытывающий боль. Вернувшись назад – по одному, – мы забрали коробки с провизией. В них было много всего, что мужчины предпочитают в лесу: «Динти Мур», суп в банках, сардины, яйца, бекон, пудинг, кофе, много «Уандер Брэд», две упаковки пива и неизменная бутылочка «Джек Дэниелс». А также пара стейков на кости. В те дни мы любили поесть, хотя такое питание вряд ли можно назвать здоровым. В последнюю поездку мы взяли с собой ружья и аптечку первой помощи. Большую. Мы оба состояли в добровольной пожарной команде Харлоу, где обязательным условием было прохождение курса по оказанию первой помощи. Шейла настояла, чтобы мы взяли с собой на охоту комплект ДПК, потому что в лесу случаются несчастные случаи. Иногда серьёзные.

Когда мы накрыли Неллибель брезентом, чтобы её не залило дождём, Ёж сказал: «Сейчас кто-нибудь из нас точно окунётся в воду, вот увидишь».

Но этого не случилось, хотя последний переход по мосту нам пришлось проделать вдвоём, держась за ручки аптечки, весом тридцать фунтов и размером с сундук. Мы подумывали оставить её в джипе, но в итоге решили взять с собой.

На другом конце моста простиралась небольшая поляна. Отличное место для рыбалки, если бы до этого Джиласи не протекал через Мексику и Румфорд, и всякая пойманная нами рыба была несъедобной из-за сбросов текстильных фабрик. За поляной начиналась заросшая тропинка, тянущаяся на четверть мили к нашей хижине. Тогда она была довольно комфортной: две спальни, дровяная плита в кухонной половине главной комнаты и биотуалет на заднем дворе. Разумеется, без электричества, но имелась небольшая водокачка. Всё, о чём может мечтать парочка заправских охотников.

К тому времени, как мы закинули всё снаряжение в хижину, уже почти стемнело. Я приготовил еду (Ёж всегда был готов мне помочь, но, как говорила Шейла, у этого человека подгорит даже вода), а Ёж развёл огонь в камине. Я взял книгу – ничто не сравнится с книгой

Агаты Кристи, когда ты в лесу, – а Ёж сидел с альбомом для рисования «Стратмор», который заполнял рисунками, карикатурами и лесными пейзажами. Рядом с ним на столе лежал его фотоаппарат «Никон». В углу стояли наши разряженные винтовки.

Мы как обычно немного поболтали – вспомнили прошлое и обсудили надежды на будущее. К тому времени эти надежды угасли – мы уже прожили половину жизни, – но они всегда казались немного более реалистичными, более достижимыми там, в лесу, где всегда было так тихо и жизнь казалась менее... напряжённой? Нет, не так. Менее загруженной. Ни постоянных телефонных звонков, ни пожаров – в прямом и переносном смысле, – которые нужно тушить. Не думаю, что мы когда-либо ходили в лес на настоящую охоту, хотя, попадись нам на глаза олень, кто бы отказался от такой удачи? Думаю, мы ездили туда, чтобы раскрыть свои лучшие стороны. Может... чтобы быть честными с самими собой. Я всегда старался быть лучшим для Шейлы.

Помню, как в ту ночь, ложась спать, я натянул одеяло до подбородка и слушал шум ветра в кронах деревьев. Помню, думал, что угасание надежд и амбиций обычно проходит безболезненно. И хорошо и в то же время ужасно. Я хотел стать писателем, но теперь подумывал, что толковый писатель из меня не выйдет. Без меня планета не перестанет вращаться. Ты расслабляешь руку... разжимаешь пальцы... и оно уходит от тебя. Помню, как подумал: пусть будет так.

Через окно сквозь раскачивающиеся ветви я видел звёзды.

Эта картина так и стоит у меня перед глазами.

12-го числа мы отправились в лес, надев оранжевые жилеты и шапки. Мы пошли порознь и встретились за обедом, где поделились своими впечатлениями – что видели, а чего нет. В тот первый день после возвращения я приготовил большую кастрюлю макарон с сыром и полуфунтом бекона. (Я назвал это блюдо венгерским гуляшем, но при одном взгляде на него любой уважающий себя венгр сразу бы закрыл лицо руками). Днём мы пошли на охоту вместе.

На следующий день мы обедали на поляне, глядя через ручей – в тот день он больше походил на реку – на Неллибель. Ёж сделал

сэндвичи, это ему можно было доверить. На десерт была подслащённая вода из колодца и пироги «Хостесс Фрут»: у меня – с черникой, у Ежа – с яблоком.

– Ты видел оленя? – спросил Ёж, слизывая глазурь с пальцев.

– Не-а. Ни сегодня, ни вчера. Но знаешь, что говорят старожилы – олени знают о наступлении ноября и прячутся.

– Мне кажется, это и правда так, – сказал Ёж. – У них есть тенденция исчезать после Хэллоуина. А что насчёт выстрелов? Слышал что-нибудь?

Я задумался.

– Вчера слышал несколько. Сегодня – ни одного.

– Хочешь сказать, что мы единственные охотники в Тридцатимильном лесу?

– Господи, нет. Ты же знаешь, леса отсюда и до озера Дарк-Скор, наверное, лучшие для охоты в округе. Этим утром я встретил пару парней, хотя они меня не заметили. Думаю, одним из них был этот чудила, Фредди Скиллинс. Тот, который любит называть себя плотником.

Ёж кивнул.

– Я был вон на той горе и видел троих мужчин на другой стороне. Одеты как модели из «Эл Эл Бинс», винтовки с оптикой. Наверное, не из нашего штата. И на каждого замеченного, вероятно, приходится ещё пять-шесть. Шума должно быть много, ведь не все же олени решились забить тревогу и дать дёру в Канаду, согласен?

– Да, это маловероятно, – сказал я. – Олени где-то там, Ёж.

– Тогда почему мы их не видели? И прислушайся!

– Что я, чёрт возьми, должен услыш...

– Просто помолчи минутку и услышишь. Если сможешь.

Я замолчал. Слышал, как поток Джиласи с хлопотом уносится прочь, без сомнения, подтачивая опоры моста, даже в эту самую минуту, когда мы сидели на траве и доедали наши фруктовые пироги. Слышал далёкий гул самолёта, вероятно, направлявшегося в портлендский аэропорт. И больше – ничего.

Я уставился на Ежа. Он смотрел на меня, без улыбки. С серьёзным видом.

– Не слышно птиц, – сказал я.

– Не слышно. А в таком лесу их должно быть полно.

В этот момент громко каркнула ворона.

– Ну вот, – произнёс я и, по правде сказать, почувствовал облегчение.

– Одна ворона, – сказал Ёж. – Подумаешь. Где малиновки?

– Улетели на юг?

– Не все же. Мы должны слышать поползней и кардиналов. Может быть, щеглов и синиц. Но не слышно даже чёртового дятла.

Обычно я не обращаю внимания на звуки леса – к ним привыкаешь, – но теперь, когда Ёж поднял эту тему, куда же подевались птицы? И кое-кто ещё.

– Белки, – сказал я. – Они должны сновать повсюду, готовясь к зиме. Кажется, я видел парочку... – Я замолчал, потому что не был в этом уверен.

– Это пришельцы, – произнёс Ёж низким, шутливо-жутковатым тоном. – Возможно, они прямо сейчас крадутся к нам по лесу. Со своими лучевыми дезинтеграторами.

– Ты вычитал это в статье «Колл», – сказал я. – Про летающую тарелку.

– Это была не тарелка, а сигара, – ответил Ёж. – Летающая сигара.

– Типарилло¹³, прибывшая с Планеты-Икс, – сказал я.

– С тягой к земным женщинам!

Мы посмотрели друг на друга и захихикали.

В тот день у меня родилась идея для рассказа – много позже она воплотилась в романе «Жестокое поколение», – и в тот вечер я делал кое-какие пометки в одном из своих блокнотов на спирали. Я пытался придумать подходящее имя для молодого злодея, героя этой истории, когда дверь хижины с грохотом распахнулась и вбежал Ёж.

– Идём со мной, Лэйр. Ты должен это увидеть. – Он схватил свой фотоаппарат.

– Что увидеть?

– Просто иди!

¹³ «Типарилло» – название сигар.

Я посмотрел в его широко раскрытые глаза, отложил блокнот и последовал за Ежом.

Когда мы преодолели четверть мили до поляны и ручья, он сказал мне, что вышел проверить, не увеличился ли наклон моста (если бы он рухнул, мы бы услышали). Затем он увидел кое-что в небе и совсем забыл про мост.

– Смотри, – сказал Ёж, когда мы вышли на поляну, и указал вверх.

Начался дождь, всего лишь лёгкая морось. Совсем стемнело, и я не должен был видеть низких облаков, но увидел, потому что их подсвечивали медленно движущиеся круги яркого света. Пять, затем семь, затем девять. Все разного размера. Самый маленький около тридцати футов в диаметре. Самый большой – примерно сотню. Круги не отражались от облаков, как яркий луч прожектора или мощного фонарика, они находились в облаках.

– Что это такое? – спросил я почти шёпотом.

– Не знаю, но уж точно не «Типариллос».

– Или белые совы, – добавил я, и мы начали смеяться. Не так, как вы обычно смеётесь от чего-то смешного, а как от чего-то совершенно ошеломительного.

Ёж сделал снимки. Оставалось много лет до того, как электронные технологии позволили получать мгновенный результат, но я увидел снимки позже, после того, как Ёж проявил их в своей маленькой фотолаборатории. Они разочаровали. Просто большие круги света над тёмными верхушками деревьев. С тех пор я видел много фотографий НЛО (или НВЯ, если хотите), и они, как правило, разочаровывают: мутные очертания, которые могут быть чем угодно, в том числе подделкой мистификаторов. Нужно было присутствовать там, чтобы понять, насколько это невероятно и странно: огромные беззвучные огни, движущиеся в облаках, словно в вальсе.

Наиболее отчётливо я помню – помимо чувства благоговейного трепета – то, насколько расслоённым было моё сознание в течение тех пяти или десяти минут, пока продолжалось зрелище. Я хотел увидеть, чем же вызваны эти огни... но не увидел. Понимаете, я боялся, что мы оказались рядом с объектами – возможно, даже с разумными существами – из другого мира. Это восхищало меня, но в то же время пу-

гало. Вспоминая тот первый контакт (а это несомненно он и был), я думаю, что у нас было только два выхода: смеяться или кричать. Будь я один, то наверняка бы закричал. И, вероятно, убежал прятаться под кровать, как ребёнок, отрицая всё увиденное. Так как мы были вместе, двое взрослых мужчин, – мы смеялись.

Я сказал пять или десять минут, но, возможно, прошло пятнадцать. Я не уверен. Зрелище продолжалось достаточно долго, чтобы морось превратилась в настоящий ливень. Два ярких круга уменьшились в размерах и исчезли. Затем пропали ещё два или три. Самый большой продержался дольше всех, а затем тоже начал уменьшаться. Он не двигался из стороны в сторону, а просто уменьшился до размеров тарелки, потом стал как пятидесятицентовик, затем пенни, блестящая точка в конце... и наконец пропал. Как будто взмыл вертикально вверх.

Мы стояли под дождём, ожидая чего-нибудь ещё. Ничего не происходило. Через какое-то время Ёж тронул меня за плечо. Я вскрикнул.

– Прости, прости, – пробормотал он. – Пойдём в дом. Световое шоу закончилось, и мы вымокли до нитки.

Мы вернулись. Куртки на мне не было, поэтому я развёл огонь в камине, где остались одни угли, и снял мокрую рубашку. Я потирал руки и дрожал.

– Мы можем рассказать людям о том, что видели, но они не поверят, – сказал Ёж. – Или пожмут плечами и скажут, мол, это какое-то странное погодное явление.

– Возможно, так и есть. Или... как далеко находится аэропорт Касл-Рока?

Ёж пожал плечами.

– Не меньше двадцати-тридцати миль к востоку отсюда.

– Огни взлётки... может быть, вместе с облаками... влага... это мог быть, ну ты знаешь... некий оптический эффект...

Ёж сидел на диване, держа фотоаппарат на коленях, и смотрел на меня. Слегка улыбаясь. И ничего не говоря. В этом не было необходимости.

– Хрень какая-то, согласен? – сказал я.

– Ага. Я не знаю, что это было, но точно не огни аэропорта или долбаный метеозонд. Мы видели штук восемь или десять, может быть, дюжину, и все *большие*.

– В лесу бродят и другие охотники. Я встретил Фредди Скиллинса, а ты видел тех трёх парней, вероятно, пришлых. Они тоже могли видеть это.

– Может, и видели, но я сомневаюсь. Я просто оказался в нужном месте – на той поляне на берегу ручья – в нужное время. В любом случае, всё кончилось. Я иду спать.

Весь следующий день, 14-го ноября, лил дождь. Никто из нас не хотел выходить наружу и мокнуть в поисках оленя, которого мы бы, вероятно, всё равно не нашли. Я читал и немного поработал над идеей своего рассказа. Всё пытался придумать хорошее имя для плохого парня, но ничего не получалось – может, потому, что я не понимал, почему он плохой. Большую часть утра Ёж провёл за своим блокнотом. Он нарисовал три разных картинки огней в облаках, а затем с отвращением бросил это занятие.

– Надеюсь, снимки получились, потому что эти каракули – полная херня, – сказал он.

Посмотрев на них, я сказал Ежу, что они хорошие, но это была неправда. Не херня, но и не передавали всю странность того, что мы увидели. Всю *значимость*.

Я просмотрел все вычеркнутые имена моего предполагаемого злодея. *Триг Адамс*. Нет. *Вик Элленби*. Нет. *Джек Клаггарт*. Слишком банально. *Картер Кэнтуэлл*. Бүэээ. История, которую я придумал, казалась мне бесформенной: у меня была идея, но никакой конкретики. Не за что зацепиться. Это напомнило мне об увиденном прошлым вечером. В облаках что-то скрывалось, но неизвестно что.

– Чем занимаешься? – спросил меня Ёж.

– Отстань. Пожалуй, вздремну.

– А обед?

– Не хочу.

Ёж обдумал ответ, затем посмотрел в окно на непрекращающийся ливень. Нет ничего холоднее холодного ноябрьского дождя. Мне вдруг подумалось, что стоит написать об этом песню... и, наверное, кто-то в конце концов написал.

– Вздремнуть – как раз то, что нужно, – сказал Ёж. Он отложил блокнот и встал. – Вот что я тебе скажу, Лэйр. Я собираюсь рисовать до конца своих дней, но художником мне никогда не стать.

Дождь прекратился около четырёх часов дня. К шести тучи рассеялись, и мы увидели звёзды и часть луны – ноготь Бога, как говорят старожилы. На ужин были стейки (с большим количеством «Уандер Брэд», чтобы подобрать сок), а затем мы пошли на поляну. Шли молча. И простояли там, наверное, не меньше получаса, вытягивая шеи. Не было ни огней, ни тарелок, ни летающих сигар. Когда мы вернулись, Ёж нашёл в шкафу карты и почти до десяти мы играли в криббедж.

– Я даже здесь слышу Джиласи, – сказал я, когда мы закончили последнюю раздачу.

– Я знаю. Дождь совсем не пошёл на пользу мосту. И вообще, на хрена здесь нужен мост? Ты когда-нибудь задавался этим вопросом?

– Думаю, в шестидесятых тут собирались строить жилой район. Или заниматься производством целлюлозы. Должно быть, вырубали эти леса ещё до Первой мировой.

– Как тебе мысль поохотиться ещё денёк и вернуться назад?

Мне показалось, что Ёж думал не только о возвращении домой, почти наверняка с пустыми руками. Вид этих огней в облаках что-то с ним сделал. Мог сделать с нами обоими. Я не назвал бы это чем-то вроде «прихода к Иисусу». Бывает, увидишь что-то, огни в небе или тень в определённое время дня. Воспринимаешь это как знак и решаешь двигаться вперёд. Убеждаешь себя: когда я был ребёнком, то говорил как ребёнок, воспринимал мир как ребёнок, думал как ребёнок, но приходит время отбросить детские игрушки.

Или это всего лишь моё воображение.

– Лэйр?

– Конечно. Ещё один день, а потом домой. Нужно почистить водостоки до снега, а я всё откладываю.

Следующий день выдался прохладным и ясным, идеально подходил для охоты, но никто из нас даже мельком не увидел белохвостого оленя. Я не слышал пения птиц, только редкие крики ворон. Я высматривал белок, но не увидел ни одной. Даже бурундуков, а ведь лес должен полниться их суетой. Я слышал несколько выстрелов, но где-то далеко, у озера, и стрельба ещё не означала, что охотники палили в оленей. Иногда парням становится скучно, и они просто хотят пропустить пару раундов, особенно если игра не идёт.

После обеда с Ежом в хижине, мы отправились вместе гулять. Мы больше не ожидали увидеть оленей, и не увидели, но день был чудесный для прогулок на свежем воздухе. Пройдя около мили вдоль ручья, мы уселись на поваленное дерево, открыв банки «Бада».

– Как-то это всё противоестественно, – сказал Ёж, – и мне это не очень нравится. Я бы выехал сегодня, но к тому времени, как мы загрузимся, уже стемнеет, а я не доверяю фарам Неллибель на лесных дорогах.

Внезапно налетел ветерок, срывая листья с деревьев. Шорох заставил меня вздрогнуть и оглянуться через плечо. Ёж тоже оглянулся. Затем мы переглянулись и рассмеялись.

– На нервах, да? – спросил я.

– Чутьочку. Помнишь, как мы на спор забрались в дом старика Спайера? Когда это было, в 1946-м?

Я помнил. Старик Спайер вернулся с Окинавы без глаза и разнёс себе голову из дробовика в своей гостиной. Весь город судачил об этом.

– В том доме якобы водились привидения, – сказал я.

– Сколько нам было? Тринадцать?

– Вроде бы. Мы зашли и прихватили какое-то барахло в доказательство, что там побывали.

– Я взял картину со стены. Какой-то старый пейзаж. А ты что?

– Долбаную диванную подушку, – сказал Ёж и рассмеялся. – Кстати, о глупости! Я вспомнил дом Спайера, потому что тогда почувствовал то же самое, что и сейчас. Ни оленей, ни птиц, ни белок. Может, в том доме и не было привидений, но эти леса... Ёж пожал плечами и отхлебнул пива.

– Можно уехать и сегодня. Думаю, фары нас не подведут.

– Нет. Завтра. Соберём вещи сегодня вечером, ляжем спать пораньше и уедем с первыми лучами солнца. Если ты не против.

– Как скажешь.

Всё могло бы обернуться совсем иначе, доверься мы фарам Неллибель. Иногда мне кажется, что мы так и сделали. Мне кажется, что есть Теневой Лэйрд и Теневой Ёж, живущие в теневом мире. Теневой Ёж никогда не был в Сиэтле. Теневой Лэйрд не написал ни одного романа, не говоря уже о целой дюжине. Эти тени были порядочными людьми, ведущими ничем не примечательную жизнь в Харлоу. Они управляли свалкой, владели транспортной компанией, вели городские дела как полагается, а значит на городском собрании в марте баланс всегда сводился, и было меньше жалоб от консерваторов, желающих вернуть программу «Фермы для бедных». Теневой Ёж женился на девушке, с которой познакомился в льюстонском кабаке, и у него появился выводок теневых мальцов.

Сейчас я твержу себе: хорошо, что ничего из этого не случилось. Ёж убеждал себя в том же. Я знаю, потому что мы обсуждали это по телефону, а позже по «Скайп» или «ФэйсТайм». Всё сложилось хорошо. Ну, разумеется. Мы стали знаменитыми. Разбогатели. Наши мечты сбылись. В этом нет ничего плохого, и если у меня когда-нибудь возникнут сомнения по поводу моей жизни, то разве они возникают не у всех?

А у вас?

В тот вечер Ёж скидал в кастрюлю все остатки, назвав получившееся блюдо «рагу». Мы съели его с «Уандер Брэд» и запили колодезной водой, что было лучшей частью ужина.

– Я больше никогда не позволю тебе готовить, – сказал я Ежу во время мытья посуды.

– После такого бардака, я только «за».

Мы собрали свои вещи и поставили у двери. Ёж пнул увесистую аптечку кроссовкой.

– Зачем мы всегда берём её с собой?

– Потому что на этом настаивает Шейла. Она убеждена, что кто-то из нас упадёт в костёр, сломает ногу или нас подстрелят. Возможно кто-то из пришлых, с оптикой на ружьях.

– Брехня. Думаю, она просто суеверна. Верит, что в тот единственный раз, когда мы забудем аптечку, она нам понадобится. Хочешь пойти взглянуть ещё разок?

Мне не пришлось спрашивать, что Ёж имел в виду.

– Можно.

Мы пошли на поляну, чтобы посмотреть на небо.

Огней не было, но мы заметили что-то на мосту. Или, скорее, кого-то. Женщину, лежащую на досках лицом вниз.

– Что за хрень? – произнёс Ёж и побежал на мост. Я последовал за ним. Мне не нравилась мысль, что мы окажемся там втроём и близко друг к другу, но мы не собирались оставлять женщину лежать без сознания или, может, мёртвой. У неё были длинные чёрные волосы. В тот вечер задувало, и когда налетал очередной порыв ветра, её волосы шевелились, словно слипшиеся. Никаких единичных прядей – просто сплошная копна.

– Бери за ноги, – велел Ёж. – Нужно унести её, пока сраный мост не рухнул в сраный ручей. – Он был прав. Я слышал стон опор и грохот Джиласи, бурлящего в полную силу из-за дождя.

Я схватил женщину за ноги. На ней были сапоги и вельветовые брюки, и они тоже показались мне странными. Но стояла темень, и меня охватил страх; всё, чего я хотел в тот момент, – оказаться на твёрдой земле. Ёж приподнял женщину за плечи и вскрикнул от отвращения.

– Что? – спросил я.

– Не важно, поторопись!

Мы перенесли женщину с моста на поляну. Всего шестьдесят футов, но они показались бесконечными.

– Опusti её, опusti. Господи! Господи Иисусе!

Ёж уронил верхнюю часть тела женщины, и она приземлилась лицом вниз, но он не обратил на это внимания. Ёж скрестил руки на груди, сунув ладони подмышки, будто хотел очистить их от чего-то неприятного.

Я начал опускать ноги женщины и замер, не в силах поверить своим глазам. Мои пальцы, казалось, погрузились в её сапоги, будто они из глины, а не кожаные. Я отнял руки и недоумённо уставился на постепенно разглаживающиеся следы своих пальцев.

– Бог мой!

– Это похоже... блядь, будто она сделана из пластилина или чего-то подобного.

– Ёж.

– Что? Христа ради, *что*?

– Её одежда – это не одежда. Что-то вроде... раскраски. Или камуфляжа. Или ещё какая хрень.

Ёж наклонился к женщине.

– Слишком темно. У тебя есть...?

– Фонарик? Нет. Не взял. Её волосы...

Я дотронулся до них, затем отдернул руку. Это были не волосы. Что-то плотное, но эластичное. Не парик, а скорее укладка. Я не знал, что это такое.

– Она мертва? – спросил я. – Мертва, я прав...

Но в этот момент женщина сделала долгий, хриплый вдох. Одна её нога изогнулась.

– Помоги мне перевернуть её, – сказал Ёж.

Я взял её за ногу, стараясь не обращать внимания на странную пластичность. Мысль – жвачка – пронеслась у меня в голове, как метеор, и исчезла. Ёж ухватил женщину за плечо. И мы перевернули её. Даже в темноте мы разглядели, что она молода, красива и страшно бледна. Мы разглядели и кое-что ещё. Её лицо было как у манекена из универмага, гладкое, без морщин. Глаза закрыты. Только её веки имели цвет и казались синяками.

«Это не человек», – подумал я.

Женщина сделала ещё один хриплый вдох. При выдохе, воздух будто продирался через её горло. Следующего вдоха не последовало.

Думаю, я бы замер там, как вкопанный, позволив ей умереть. Её спас Ёж. Он опустился на колени, двумя пальцами приподнял её подбородок и прижался губами к её губам. Зажав ей нос, он вдохнул в неё воздух. Грудь женщины приподнялась. Ёж повернул голову и сплюнул, затем сделал ещё один глубокий вдох. Он впустил в неё воздух, и её грудь снова приподнялась. Ёж поднял голову, уставившись на меня выпученными глазами.

– Будто целуешь кусок пластика, – сказал он и повторил процедуру.

Когда Ёж склонился над ней, глаза женщины открылись. Она посмотрела на меня поверх «ёжика» Ежа. Когда он отстранился, она сделала ещё один хриплый, гортанный вдох.

– Аптечка, – произнёс Ёж. – Неси эпифин. «Иноген» тоже. Быстрее! Беги, мать твою!

Пошатнувшись, я на мгновение решил, что сейчас упаду в обморок. Я хлопнул себя по голове, чтобы прояснить сознание, а затем побежал в хижину. *«К моему возвращению она, оно, кем бы оно ни было, будет мертва, – подумал я. (Я же говорил, ничего из этого не ускользнуло из памяти). – Что, вероятно, к лучшему».*

Аптечка стояла сразу за дверью, под нашими рюкзаками. Я спихнул их в сторону и открыл аптечку. В ней было две выдвижных секции. В верхней лежали три упаковки эпифина. Я взял две и задвинул секции, прищемив себе указательный палец. Впоследствии ноготь почернел и отвалился, но в тот момент я даже не почувствовал боли. В голове у меня пульсировало. Мне казалось, что у меня жар.

Кислородный баллон «Иноген» с прикрепленной к нему маской и пультом управления лежал на дне сумки вместе с сигнальными ракетами, бинтами, марлей, пластиковой шиной, фиксаторами, различными тубиками и мазями. Ещё там нашёлся фонарик «Пенлайт». Его я тоже прихватил с собой и побежал обратно по тропинке, освещая себе путь.

Ёж по-прежнему стоял на коленях. Женщина продолжала прерывисто дышать. Её глаза были открыты. Когда я опустился на колени рядом с Ежом, она снова перестала дышать.

Он наклонился, прижался губами к её губам и впустил в неё воздух. Поднял голову и крикнул:

– Бедро, бедро!

– Я знаю, я прошёл обучение.

– Тогда приступай!

Ёж сделал ещё один глубокий вдох и снова склонился над женщиной. Я скинул колпачок с ампулы эпифина, приложил ампулу к её бедру – оно выглядело как вельветовые брюки, но являлось бедром – и услышал щелчок. Затем принялся считать до десяти. На пяти женщина резко дёрнулась.

– Держи, Лэйр, держи её!

– Я держу. Думаешь, стоит вколоть ещё одну?

– Погоди, она снова дышит. Кем бы она ни была. Господи, у неё такой *странный* вкус. Как у чехла, которым накрывают мебель. Принёс кислород?

– Вот он.

Я отдал Ежу баллон с маской. Он накрыл маской рот и нос женщины. Я нажал кнопку питания на пульте, увидев зелёный огонёк.

– На максимум?

– Да, да, врубай на полную. – Я увидел, как капелька пота со лба Ежа упала на пластиковую маску, скатившись по ней, как слеза.

Я выкрутил регулятор до упора. Зашипел кислород. При высокой подаче его хватит не более чем на пять минут. И хотя аптечка была собрана с запасом (не зря она столько весила), кислородный баллон имелся только один. Мы уставились друг на друга поверх женщины.

– Это не человек, – сказал я. – Я не знаю, что это, может, какой-то сверхсекретный киборг, но точно не человек.

– Это не киборг.

Ёж указал большим пальцем в небо.

Когда кислород закончился, Ёж снял маску, и женщина – можно было называть её и так – продолжила дышать самостоятельно. Хрипы прекратились. Я посветил фонариком ей в лицо, от чего она закрыла глаза.

– Смотри, – сказал я. – Посмотри на её лицо, Ёж.

Он посмотрел, потом перевёл взгляд на меня.

– Оно выглядит по-другому.

– Ты имеешь в виду, что теперь в нём больше человеческого. И взгляни на её одежду. Она тоже изменилась. Стала более... чёрт возьми, более реалистичной.

– Что нам с ней делать?

Я выключил фонарик. Женщина открыла глаза. Я спросил:

– Вы меня слышите?

Она кивнула.

– Кто вы?

Женщина закрыла глаза. Я потряс её за плечо, но мои пальцы больше не проваливались в её плоть.

– *Что* вы такое?

Тишина. Я взглянул на Ежа.

– Давай отнесём её в хижину, – предложил он. – Я понесу её. А ты держи наготове эпифин, если она снова начнёт задыхаться.

Ёж взял женщину на руки. Я помог ему подняться, но выпрямившись, он, казалось, держал её без видимых усилий. Её тёмные волосы свисали вниз и при порыве ветра развевались, как обычные. Копна рассеялась.

Я оставил дверь хижины открытой. Ёж внёс женщину в дом, положил на диван, затем наклонился, упёршись руками в колени, чтобы отдышаться.

– Мне нужен фотоаппарат. Он в моём рюкзаке. Достань его, ладно?

Я откопал фотоаппарат, завернутый в пару футболок, и отдал Ежу. Женщина – теперь она выглядела *почти* как женщина – смотрела на Ежа снизу вверх. Её глаза были бледно-голубого цвета, как коленки старых джинсовых брюк.

– Улыбочку, красотка, – сказал Ёж.

Женщина не улыбнулась. Но Ёж всё равно её сфотографировал.

– Как вас зовут? – спросил я.

Ответа не было.

Ёж сделал ещё одно фото. Я наклонился и дотронулся до её шеи. Я думал, женщина отстранится, но она не шевельнулась. Её кожа выглядела настоящей (если не присматриваться), но на ощупь не совсем походила на кожу. Я продержал руку секунд двадцать, затем убрал.

– У неё нет пульса.

– Нет? – Ёж не казался удивлённым, и я тоже не был удивлён. Мы оба были в шоке, наши мыслительные коробочки переполнились. Ёж попытался засунуть руку в передний правый карман вельветовых брюк женщины и не смог. – Карман не настоящий, – сказал он. – Всё это не настоящее. Больше похоже на... оболочку. Думаю, она сама – оболочка.

– Что будем с ней делать, Ёж?

– Откуда я, на хрен, знаю?

– Позвоним в полицию?

Он поднял руки, затем опустил их – жест нерешительности, не характерный для Ежа.

– Ближайший телефон в магазине «Браунис». Это в нескольких милях отсюда. А «Браунис» закрывается в семь. Мне придётся нести её через мост к джипу.

– Я бы перенёс её. – Я произнёс это достаточно решительно, но из головы не выходило, как мои пальцы погрузились в то, что казалось ботинками, но ими не было.

– И пришлось бы снова испытывать мост, – сказал Ёж. – Сейчас она стабильна, но... что? Что ты ухмыляешься?

Я указал на женщину – которая выглядела как женщина – на диване.

– У неё нет пульса, Ёж. Клинически она мертва. Более стабильного состояния не бывает.

– Но она дышит! И она... – Ёж проверил, чтобы убедиться. – Она смотрит на нас. Послушай, Лэйрд, готов ли ты оказаться на первых полосах всех газет и на всех телеэкранах не только Мэна или Штатов, но и всего мира? Потому что, если мы заберём её, так и случится. Она – пришелец. Она прилетела из грёбаного космоса. И без всякой тяги к земным женщинам.

– Если только она не лесбиянка, – сказал я. – Тогда она может испытывать тягу к земным женщинам.

Мы начали смеяться, как обычно бывает, когда вы пытаетесь не сойти с ума. Женщина продолжала смотреть на нас. Ни улыбки, ни хмурости, никакого выражения лица. Женщина, которая не была женщиной, без пульса, но дышащая, в одежде, которая лишь выглядела одеждой, но не являлась таковой. Я подумал, если Ёж сейчас полезет к ней в карман, то ему это удастся. Возможно, он даже нащупает какую-нибудь мелочь или половину упаковки леденцов «ЛайфСэйвер».

– Как она оказалась на мосту? Как думаешь, что с ней случилось?

– Не знаю. Думаю...

Он так и не озвучил свою мысль. Восточное окно нашей хижины залил свет. В моей голове зароились мысли, вытесняя друг друга. Во-первых, я подумал, что время незаметно пролетело и поднимается солнце. Во-вторых, что рассвет никогда так ярко не освещал нашу хижину, потому что с восточной стороны рос лес. В-третьих, за женщиной приехала какая-то правительственная организация, и светили их прожекторы. В-четвёртых, да, за ней кто-то пришёл... но не правительство.

Свет стал ярче. Ёж прищурился, подняв руку и прикрывая глаза. Я сделал то же самое, задавшись вопросом, не получаем ли мы сейчас сильную дозу радиации. Как раз перед тем, как в комнате стало настолько ярко, что у меня побелело в глазах, я взглянул на женщину, лежащую на диване. Помните, я говорил, что, как и у старого Ренни Лакасса, картина стояла перед моими глазами? За одним исключением. Я не могу вспомнить, что увидел, посмотрев на женщину в этом пугающем сиянии. Или, может, моё сознание просто блокировало это. В любом случае, я не думаю, что вообще смотрел на неё. Мне кажется, я заглянул *внутрь* неё. Касаемо того, что я там увидел, то на ум мне приходит лишь одно слово: *ганглий*.

Я прикрыл глаза. Не помогло. Свет проникал сквозь ладони и закрытые веки. Жара я не чувствовал, но мне казалось, он всё равно выжжет мои мозги. Я услышал крик Ежа. И в тот же момент потерял сознание, чему был даже рад.

Когда я очнулся, пугающее сияние исчезло. Как и женщина. На том месте, где она только что лежала, сидел молодой человек – лет тридцати или моложе – с аккуратно причёсанными светлыми волосами и прямым, как стрела, пробором. На нём были брюки цвета хаки и стёганый жилет. На ремне, перекинутом через плечо, висела небольшая сумка. Сначала я подумал, что это охотник из другого штата, пришлый, и в сумке лежат патроны, а винтовка с оптикой где-то неподалёку.

«Скорее всего, нет», – подумал я.

У нас было с полдюжины ламп на батарейках, и он включил их все. Они давали много света, но ничего похожего на то неземное (в буквальном смысле) сияние, вторгшееся ранее в нашу хижину. Насколько ранее – на этот вопрос я не мог ответить. Я даже не уверен, что это всё та же ночь. Я взглянул на часы, но они стояли.

Ёж сел, огляделся, увидел меня, затем гостя. Он задал вопрос, одновременно бредовый и – учитывая обстоятельства – совершенно логичный.

– Вы – это она?

– Нет, – ответил молодой человек. – Она ушла.

Я попытался подняться на ноги, и мне это удалось. Я не чувствовал головокружения или дурноты. Напротив, даже ощущал прилив сил. И хотя я видел дюжину фильмов о злых пришельцах из космоса, я не думал, что этот молодой человек желает нам зла. Как и не думал, что он является настоящим человеком.

В нашем маленьком холодильнике стоял кувшин с водой и три оставшиеся банки пива. Я поразмыслил и взял пиво.

– Дай мне тоже, – попросил Ёж.

Я бросил ему банку, которую он поймал одной рукой.

– А вы будете, сэр?

– Почему бы нет?

Я дал ему последнюю банку пива. Наш гость выглядел обыкновенно – как любой молодой человек, отправившийся на охоту с друзьями или отцом, – но я всё равно избегал дотрагиваться до его пальцев. Я могу описать события, но касаясь моих ощущений... тут гораздо сложнее. Могу лишь повторить, что я не чувствовал угрозы, и позже Ёж сказал то же самое. Разумеется, мы пережили потрясение.

– Вы ведь не человек? – спросил Ёж.

Наш гость открыл своё пиво.

– Нет.

– Но вы в лучшей форме, чем была она.

– Она серьезно пострадала. Вы спасли ей жизнь. Кажется, вы называете это «удачей». Вы могли легко вколоть ей то, что убило бы её.

– Но эпифин сработал, – сказал я.

– Так это называется? Эпи? Эпифин?

– Сокращение от эпинефрина. Я думаю, у неё возникла аллергия.

– Возможно, ужалила пчела, – сказал Ёж, пожав плечами. – Вы знаете о пчёлах?

– Да. Вы также дали ей своё дыхание. Это настоящее спасение. Дыхание – это жизнь. *Больше*, чем жизнь.

– Я сделал то, чему нас учили. Лэйрд поступил бы точно так же.

И это была правда.

Молодой человек отхлебнул пива.

– Можно я заберу банку с собой?

Ёж сел на подлокотник одного из двух наших старых кресел.

– Что ж, дружище, вы лишите меня целых пяти центов, но, учитывая обстоятельства, забирайте. Только потому, что вы с другой планеты.

Наш посетитель улыбнулся так, как улыбаются люди, понимающие, что прозвучала шутка, но не понимающие её смысла. Он говорил без акцента, и уж точно не с восточным выговором, но у меня сложилось чёткое ощущение, что он общался на выученном языке. Молодой человек открыл свою сумку. Застёжки на ней не было. Он просто провёл пальцем по всей длине, и она открылась. Затем он сунул внутрь банку «Бада».

– Большинство людей не поступили бы, как вы. Они бы просто убежали.

Ёж пожал плечами.

– Инстинкт. И, пожалуй, кое-какие навыки. Мы с Лэйрдом состоим в местной добровольной пожарной команде. Вы понимаете, что это значит?

– Вы останавливаете горение до того, как оно распространится.

– Можно выразиться и так.

Молодой человек порылся в своей сумке и достал что-то, похожее на футляр для очков. На серой крышке выгравирован знак в виде синусоидальной волны. Посетитель держал предмет на коленях. Он повторил:

– Большинство людей не поступили бы, как вы. Мы в долгу перед вами. За Иллу.

Мне было знакомо это имя, и хотя он произнёс его как «Йелла», я его узнал. И его взгляд сказал мне, что он тоже это понял.

– Это из «Марсианских хроник». Но вы не с Марса, сэр, я прав? Он улыбнулся.

– Нет. И мы здесь не из-за тяги к земным женщинам.

Ёж осторожно поставил банку с пивом на стол, как будто она могла разлететься вдребезги.

– Вы читаете наши мысли.

– Иногда. Но не всегда. Похоже на это. – Он провёл пальцем по волне на крышке футляра. – Мысли не важны для нас. Они возникают, уходят, сменяются другими мыслями. Они эфемерны. Нас больше интересует то, что побуждает их. У разумных существ это является... основным? Мощным? Значимым? Я не знаю нужного слова. Возможно, у вас его нет.

– Первичным? – сказал я.

Гость кивнул, улыбнулся, и отхлебнул пива.

– Да. Первичным. Согласен.

– Откуда вы? – спросил Ёж.

– Не имеет значения.

– Зачем? – спросил я. – Зачем вы прилетели?

– Этот вопрос интересней, и поскольку вы спасли Иллу, я отвечу на него. Мы собираем.

– Собираете что? – спросил я, вспомнив прочитанные (и виденные по телевизору) истории о пришельцах, похищающих людей и засовывающих им зонды в задницу. – Людей?

– Нет. Другое. Предметы. Но не такие. – Визитёр достал из своей сумки пустую пивную банку и показал нам. – Для меня она особенная, но ничего не значит. Для этого существует подходящее слово, возможно, французское. *Венир*?

– Сувенир, – подсказал я.

– Да. Это мой сувенир на память об этой необыкновенной ночи. Мы посещаем дворовые распродажи.

– Вы шутите, – сказал я.

– В разных местах они называются по-разному. В Италии – *vendita in cantiere*. В Самоа – *fanua fa'tau*. Некоторые вещи мы берём на память, некоторые для изучения. У нас есть видео, как вашего Кеннеди застрелили из винтовки. Есть фотография с автографом суиджуи.

– Погодите. – Ёж нахмурился. – Вы говорите о судье Джуде?¹⁴

– Да, суиджуи. У нас есть фотография Эммета Тилла, молодого человека без лица. Микки Маус и его клуб. У нас есть двигатель самолёта. Взяли из хранилища выброшенных предметов.

«Они мусорщики, – подумал я. – Почти как Ренни Лакасс».

– Мы берём эти вещи, чтобы помнить о вашем мире, который скоро исчезнет. То же самое мы делаем в других мирах, но их не так много. Вселенная холодна. Разумная жизнь встречается редко.

На это мне было плевать.

– Когда исчезнет наша? Вы это знаете или предполагаете? – И, прежде чем он успел ответить: – *Невозможно* знать. По крайней мере, наверняка.

– Если, как вы говорите, вам повезёт, то речь о столетии. Всего лишь мгновение в потоке времени.

– Я вам не верю, – решительно заявил Ёж. – У нас хватает проблем, но мы не склонны к самоубийству. – Затем, возможно, вспомнив буддийских монахов, не так давно сжигавших себя во Вьетнаме, добавил: – Большинство из нас.

– Это неизбежно, – сказал молодой человек. На его лицо отразилось сожаление. Возможно, он думал о Моне Лизе или пирамидах. А может, просто о том, что больше не будет пивных банок и фотографий суиджуи с автографами. – Когда интеллект превосходит эмоциональную стабильность, конец всегда лишь вопрос времени. – Он указал в угол хижины. – Вы дети, играющие с оружием. – Затем он встал. – Я должен идти. Это для вас. Подарок. Наш способ отблагодарить вас за спасение Иллы.

Пришелец протянул серый футляр. Ёж взял его и осмотрел.

– Я не понимаю, как его открыть.

¹⁴ Судья Джуде (Джудит Шейндлин) – персонаж одноименного американского реалти-шоу.

Я тоже повертел футляр в руках. Ёж был прав. У него не было ни петель, ни крышки.

– Подуйте на волну, – сказал молодой человек. – Не сейчас, после моего ухода. Мы дарим вам дыхание, потому что вы отдали Илле своё. Вы отдали ей частицу своей жизни.

– Это для нас обоих? – спросил я. Всё-таки, только Ёж делал женщине искусственное дыхание.

– Да.

– Что оно делает?

– Из всех слов подходит только «первичное». Это способ использовать то, что вы не используете из-за... – Пришелец наклонился вперёд, нахмурил брови, затем взглянул на нас. – Из-за *шума* в вашей жизни. Из-за ваших *мыслей*. Мысли бессмысленны. Хуже того, опасны.

Я был ошеломлён.

– Оно исполняет желания? Как в сказке?

Гость рассмеялся, затем удивился сам себе, будто не знал, что *умеет* смеяться.

– Ничто не может дать вам того, чего нет. Это аксиома.

Он направился к двери, затем оглянулся.

– Мне жаль вас. Ваш мир – это живое дыхание во вселенной, которая по большей части заполнена мёртвым свечением.

Пришелец ушёл. Я ожидал, что свет снова зальёт хижину, но этого не случилось. Если бы не серый футляр, который Ёж держал в руках, можно было подумать, что ничего не происходило.

– Лэйр, это всё по-настоящему?

Я указал на футляр.

Ёж улыбнулся, той озорной улыбкой, как в детстве, когда мы бежали вверх-вниз по лестнице-убийце в Касл-Роке, чувствуя дрожь ступеней под нашими ногами.

– Попробуем?

– Есть одна старая поговорка: бойтесь данайцев, дары приносящих...

– Да, но?

– Какого чёрта, я в игре. Используй своё драгоценное первичное дыхание, Ёж.

Он улыбнулся, покачал головой и протянул футляр мне.

– После тебя. И если ты умрёшь, обещаю позаботиться о Шейле и Марке.

– Марк уже достаточно взрослый и может сам позаботиться о себе. – Ладно, Сезам, откройся.

Я тихонько подул на значок волны. Футляр открылся. Он был пуст. Но сделав вдох, я уловил слабый аромат мяты. Мне так показалось.

Футляр закрылся сам по себе. Там, где крышка соприкоснулась с корпусом, не виднелось ни линии, ни петель. Он выглядел совершенно цельным.

– Ничего? – спросил Ёж?

– Ничего. Попробуй сам. – Я протянул ему футляр.

Ёж взял его и легонько подул на волну. Футляр открылся. Он наклонился над ним, осторожно понюхал, затем сделал глубокий вдох. Футляр закрылся.

– Грушанка?

– Мне показалась – мята, но у них похожий запах.

– Вот тебе и данайцы с дарами, – сказал Ёж. – Лэйр... Это ведь не какой-то розыгрыш, да? Как девушка и парень, притворяющиеся... в общем, какой-то обман... – Он замолчал. – Ведь нет?

– Нет.

Ёж положил футляр на столик рядом с блокнотом для рисования.

– Что скажешь Шейле?

– Думаю, ничего. Я предпочитаю, чтобы моя жена не считала меня психом.

Ёж рассмеялся.

– Удачи тебе. Она читает тебя, как открытую книгу.

Он, конечно, был прав. И когда Шейла надавила – а она это умела – я сказал, что нет, мы не заблудились, но были на волосок от гибели в лесу. Какой-то охотник выстрелил, как ему показалось, в оленя, и пуля пролетела между нами. Я сказал ей, что мы так и не увидели стрелявшего... И когда она спросила Ежа, он подтвердил мой рассказ. Сказал, что, вероятно, это был кто-то из пришлых. Ёж действительно видел их, так что это звучало правдоподобно.

Ёж зевнул.

– Пойду спать.

– Сможешь *заснуть*? – Я тоже зевнул. – Кстати, который час?

Ёж посмотрел на свои часы, покачав головой.

– Встали. А твои?

– Да, и... – Я снова зевнул. – ...это какой-то трюк. Должны идти, но не идут.

– Лэйр? То, что мы вдохнули... думаю, какое-то успокоительное. А что, если оно ядовитое?

– Тогда мы умрём, – ответил я. – Пойдём спать.

Что мы и сделали.

Когда я проснулся, было уже совсем светло. Ёж хлопотал на кухонной половине центральной комнаты. На плите пытел кофейник. Ёж спросил, как я себя чувствую.

– Хорошо, – ответил я. – А ты?

– Как огурец... что бы это ни значило. Кофе?

– Ага. Потом надо будет сходить проверить мост. Если он на месте, то отправимся в путь. Вернёмся раньше, чем планировали.

– Не в первый раз, – сказал Ёж и налил мне кофе, чёрный и крепкий. Как раз то, что нужно после встречи с существами из другого мира. При дневном свете всё могло казаться галлюцинацией, но это было не так. Не для меня, и когда я спросил Ежа, он ответил то же самое.

«Уандер Брэд» закончился, но осталась парочка фруктовых пирогов. Я представил, как Шейла качает головой и произносит, что только мужчины в лесу могут есть «Хостесс Фрут» на завтрак.

– Вкусно, – сказал Ёж с полным ртом.

– Да. Отлично. Ёж, тебе что-нибудь снилось после той штуки, которую мы вдохнули?

– Не-а. – Он задумался. – По крайней мере, я ничего не помню. Но взгляни-ка на это.

Он взял свой блокнот и пролистал рисунки, сделанные по вечерам – обычные наброски и карикатуры, в том числе на меня, где я перевоорачиваю оладьи с широкой улыбкой на огромном лице. Ближе к концу блокнота Ёж остановился и протянул его мне. На странице был нарисован наш вчерашний молодой посетитель: светлые волосы, жилет,

брюки цвета хаки, сумка через плечо. Не карикатура; это был тот самый человек (можно называть его и так), точь-в-точь... за одним исключением. Ёж нарисовал в его глазах звёзды.

– Ни хрена себе, это бесподобно, – сказал я. – Когда ты проснулся?

– Около часа назад. Я нарисовал его за двадцать минут. Просто знал, как надо делать. Будто оно уже было в голове. Не изменил ни одной линии. Невероятно, да?

– Невероятно, – согласился я.

Я подумал, не рассказать ли Ежу, что мне приснился горящий амбар. Видение было предельно отчётливым. Я перепробовал несколько разных способов рассказать давно вынашиваемую в уме историю об ужасном шторме. Годы, если честно. Впервые идея пришла мне в голову, когда мне было столько же лет, сколько сейчас моему сыну. Я размышлял то об одном персонаже, то о другом, затем представлял город, куда хотел поместить действие; однажды даже пробовал начать с прогноза погоды.

Ничего не получалось. Я словно забыл комбинацию от сейфа, который пытался открыть. А этим утром во сне я увидел, как молния ударила в амбар. Я увидел флюгер – в виде петуха – раскалившийся докрасна, когда языки пламени поползли по крыше амбара. Я подумал, что за этим образом последует всё остальное. Нет, я знал это.

Я взял предмет, похожий на футляр для очков, со столика, где мы оставили его прошлой ночью, перекинув из руки в руку.

– Всё дело в нём, – сказал я, бросив футляр Ежу.

Поймав его, он сказал:

– Конечно. В чём же ещё?

Всё это случилось более сорока лет назад, но с течением времени я так и не усомнился в истинности своих воспоминаний. Сомнения никогда не закрадывались, и картина так и стоит перед глазами.

Ёж помнил всё так же хорошо, как и я: Илла, свет, потеря сознания, молодой человек, футляр для очков. Который, насколько я знаю, по сей день лежит в хижине. Мы побывали там ещё несколько раз, прежде чем Ёж отправился на запад, и по очереди дули на значок в

виде волны, но футляр так больше и не открылся. И я уверен, он не откроется ни для кого другого. Если только его не украли – да и кому он может понадобиться? – футляр всё ещё лежит на каминной полке, куда Ёж положил его в наш последний приезд.

Покидая нашу хижину навсегда, Ёж сказал, что больше не хочет рисовать в своём блокноте, по крайней мере, не сейчас. «Я хочу писать картины, – сказал он. – У меня тысячи идей».

У меня была только одна – горящий амбар, который положил начало «Грозе», – но я был уверен, что появятся и другие. Дверь открылась. Всё, что мне оставалось, это войти внутрь.

Иногда меня посещает мысль, что я ненастоящий. В нескольких интервью перед смертью Ёж сказал то же самое.

Удивительно ли это? Мне так не кажется. Мы были одними, отправившись в лес осенью 1978 года; мы вышли оттуда другими. Мы стали теми, кто мы есть. Вопрос в таланте – таился ли он в нас, или его нам подарили, как коробку конфет, потому что мы спасли жизнь Илле? Можем ли мы гордиться тем, чего достигли, так сказать, пробив себе дорогу, или мы лишь парочка позёров, ставящих себе в заслугу то, чего у нас никогда бы не было, если бы не та ночь?

Что, чёрт возьми, вообще такое талант? Иногда я задаю себе этот вопрос, когда бреюсь, или – как в старые добрые времена рекламных туров, – когда жду своего выхода на телевидении, или продаю последнюю из своих выдумок, или поливаю лилейники моей покойной жены. Особенно в последнем случае. Что это такое? Почему я был выбран, когда столько других людей так отчаянно стараются и готовы отдать всё, чтобы их выбрали? Почему лишь немногие добираются до вершины пирамиды? Ответ на это – талант, но откуда он берётся и как развивается? Почему он развивается?

Что ж, говорю я себе, мы называем это даром, и называем себя одарёнными, но дар никогда не достигается, согласны? Он просто даётся. Талант – это милость, которая становится видимой.

Наш молодой посетитель сказал, что нельзя дать того, чего нет. Это аксиома. И я держусь за неё. А ещё он сказал, что ему нас жаль.

На этом папина история заканчивалась. Возможно, он потерял интерес к своей фантастичной версии ноябрьской охоты 1978 года, но я так не думаю. Последние несколько строк показались мне кульминацией.

Я взял с полки над папиным столом пробный экземпляр «Грозы», возможно, тот самый, который просматривал вскоре после смерти мамы.

«Резкий разряд молнии ударил в амбар. Он прозвучал глухим хлопком, похожим на выстрел из дробовика, приглушённый одеялом. Джек едва успел его уловить, как раздался раскат грома. Он увидел, как флюгер – в виде железного петуха – раскалился докрасна и, накрепившись, начал вращаться; по крыше амбара поползли языки пламени».

Текст не совсем совпадал с рукописью, но было похоже. И даже лучше, подумал я.

«Что ничего не значит, – сказал я себе. – Папа уцепился за эти строки, за этот образ, потому что счёл его достойным... или вполне достойным. Вот и всё».

Я вспомнил звонок матери в тот ноябрьский день 1978-го. С тех пор прошло много лет, но я отчётливо помню её слова: *«Что-то случилось с твоим отцом, когда они были на охоте... и с Ежом».* Она не требовала, чтобы я немедленно вернулся домой, потому что они не пострадали. Но попросила приехать на выходные. По её словам, они заблудились, хотя оба слишком хорошо знали Тридцатимильный лес, чтобы заплутать в нём.

– Как свои пять пальцев, – пробормотал я. – Так она сказала. Но... Я вернулся к папиной рукописи.

«Я сказал ей... что мы были на волосок от гибели. Какой-то охотник выстрелил, как ему показалось, в оленя... пуля пролетела между нами».

Какая версия была правдивой? Исходя из рукописи, ни одна из них. Думаю, тогда-то я и начал верить в папину историю. Или... нет, не

совсем так, потому что она по-прежнему была слишком фантастичной. Но именно тогда вспыхнул огонёк веры.

Рассказывал ли он маме ту правду, в которую верил сам? Мне кажется, да. Брак – это честность, а также хранилище общих секретов.

Папа исписал только половину блокнота на спиральке, остальные страницы оставались пустыми. Я взял его, собираясь положить обратно в нижний ящик, и тут из конца блокнота выпал листок бумаги. Подняв его, я увидел квитанцию, выписанную муниципалитетом Харлоу на компанию «Лид Грузоперевозки», которая, как я думал, прекратила своё существование по меньшей мере пятьдесят лет назад, а может, и больше. «Лид» заплатила налог на недвижимость за 2010-2050 годы («по текущему курсу 2010 года») за участок земли, граничащий с ручьём Джиласи в районе TP-90. Заплатила единовременно.

Я откинулся на спинку папиного кресла, уставившись на указанную сумму. Кажется, я произнёс: «Охренеть!» Оплата авансом по ставкам 2010 года, наверное, была выгодна, но платить за сорок лет вперёд – в городе, где большинство жителей задолжали налоговой – это просто неслыханно. Согласно квитанции, «Лид Грузоперевозки» – другими словами, Лэйрд Кармоди и Дэйв Лавердьер – потратили более 110000 долларов. Разумеется, к тому времени они могли себе это позволить, но зачем?

Напрашивался только один ответ: они хотели защитить свой маленький охотничий домик от застройки. Почему? Потому что там до сих пор лежал тот внеземной футляр для очков? Это казалось маловероятным; думаю, оттуда уже давно утащили всё, что представляло хотя бы малейшую ценность. Что *действительно* казалось вероятным – и теперь поверить в это стало немного легче – то, что мой отец и его друг решили сохранить место, где встретили существ из другого мира.

Я решил съездить туда.

Сеть лесных дорог, по которым папа и дядя Ёж добирались до ручья Джиласи, давно исчезла. Сейчас там жилой комплекс и трейлерный парк, оба под названием Хемлок-Ран. Не существует и TP-90. В

наши дни это муниципалитет Притчард, названный так по имени местного героя, погибшего во Вьетнаме. Тридцатимильный лес всё ещё значится на картах и GPS-навигаторах, но теперь его протяжённость лишь десять миль. Может, даже пять. Хлипкого моста давно нет, но чуть ниже по течению есть другой, узкий, но прочный. Его *raison d'être*¹⁵ – баптистская церковь Благодати Иисуса, расположенная на берегу ручья со стороны Притчарда. Проехав по мосту, я припарковался на церковной стоянке, хотя в тот день Джиласи так обмелел, что я мог перейти его вброд, если бы догадался одеть резиновые сапоги.

Поднявшись вверх по течению, я обнаружил обломки старого моста, густо поросшие сорняками и папоротником. Я свернул и увидел тропинку к хижине, сильно заросшую кустами и ежевикой. Рядом висела табличка с надписью «ПО ПРИКАЗУ ЕГЕРЯ ОХОТА ЗАПРЕЩЕНА, ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН». Я двинулся вперёд (осторожно, чтобы не напороться на ядовитый плющ или сумах) через кусты. Четверть мили, написал папа, и я помнил расстояние по своим собственным поездкам сюда (всего несколько раз; меня мало интересовала стрельба по живым созданиям, не способным выстрелить в ответ).

Я вышел к запертым воротам, которых раньше не было. На них висела ещё одна табличка, в этот раз с рисунком лягушки над словами «ПРЫГ-СКОК, БЕГИ СО ВСЕХ НОГ». Один из папиных ключей подошёл к замку ворот. Тропинка повернула, и я увидел хижину. За ней никто не ухаживал. Вероятно, крыша не обвалилась только потому, что была частично защищена от снегопадов переплетёнными кронами старых сосен и елей, но она обветшала и не продержалась бы долго. Стены, когда-то выкрашенные в коричневый цвет, теперь облупились и выцвели. Окна покрылись грязью. Картина запустения, но, судя по всему, хижина не подвергалась вандализму, что я счёл своего рода чудом. Мне вспомнились строки из какого-то старого стихотворения, возможно, прочитанного в старших классах: «*Трижды кругом его очерти и глаза в священном ужасе сомкни*».

Отыскав нужный ключ в папиной связке, я вошёл внутрь, в обитель сырости, пыли и прелого воздуха. А также «меток» нынешних жильцов – мышей или бурундуков. Возможно, и тех, и других. На обеденном столе и на полу валялись игральные карты, вероятно, разбросанные

¹⁵ Смысл жизни (фр.) Здесь – предназначение моста.

порывами ветра из дымохода. Когда-то мой отец и его друг играли в криббедж этими самыми картами. Перед камином лежала кучка пепла, но не было ни граффити, ни пустых банок или бутылок.

«Это место было очерчено кругом», – подумал я.

Я говорил себе – *ругал* себя – что думать так нелепо, но, может и нет. До Хемлок-Ран и того, другого городка рукой подать. Наверняка дети забирались далеко в лес, и разумеется, «ПРЫГ-СКОК, БЕГИ СО ВСЕХ НОГ» не удержало бы их от входа. Но, похоже, они *не* входили.

Я взглянул на диван. Если сейчас сесть на него, в воздух взлетят клубы пыли, а из-под него выскочат мыши, но я представил себе сидящего там молодого человека со светлыми волосами, незнакомца, которого нарисовал дядя Ёж, со звёздами в глазах. Находясь здесь, в хижине, легче верилось, что папа и дядя Ёж заплатили за неё до середины века, чтобы сохранить в безопасности (пусть и не в целости).

Гораздо легче.

Приезжал ли кто-нибудь из них сюда снова, возможно, за футляром, похожим на те, в которых обычно хранят очки? Только не Ёж, по крайней мере, не после отъезда на Западное побережье... Но я сомневаюсь, что мой отец тоже приезжал. Они покончили с этим, и хотя я являлся папиным наследником, я чувствовал себя здесь незванным гостем.

Я пересёк комнату и взглянул на каминную полку, ничего не ожидая увидеть, но серый футляр лежал там, покрытый слоем пыли. Я потянулся к нему и, сжав его в ладони, вздрогнул, будто опасался удара током. Но ничего не произошло. Смахнув пыль, я увидел золотое тиснение в виде волны. Материал напоминал замшу, только на ощупь не замша, да и не металл. У футляра не было никаких швов. Он был абсолютно цельным.

«Он дожидался меня, – подумал я. – Всё это оказалось правдой, каждое слово, и теперь это часть моего наследства».

Поверил ли я в тот момент в историю отца? Почти. Оставил ли он футляр мне? Ответить на этот вопрос сложнее. Я не мог спросить двух талантливых засранцев, приехавших сюда поохотиться в ноябре 1978 года, потому что они оба умерли. Они оставили свой след в этом мире – в картинах, в историях – а затем покинули его.

Молодой человек, который не был человеком, сказал, что это подарок для них, потому что папа вколол не-женщине эпинефрин, а дядя Ёж дал ей своё, цитирую, «драгоценное дыхание». Он ведь не сказал, что дар предназначен *только* им, не так ли? И если папино дыхание открыло футляр, не могло ли моё сделать то же самое? Та же кровь, та же ДНК. Откроется ли Сезам для меня? Осмелюсь ли я?

Что я рассказал вам о себе? Дайте-ка подумать. Вы знаете, что я много лет проработал директором школы округа Касл, прежде чем вышел в отставку и стал секретарём своего отца... не говоря уже о смене постельного белья, если ночью он обмочится. Вы знаете, что я был женат, и жена бросила меня. Вы знаете, что в тот день, когда я стоял в обветшалой хижине, глядя на серый футляр из другого мира, я был одинок: родители умерли, жена ушла, детей у меня не было. Всё это вы знаете, но есть множество вещей, о которых вы не подозреваете. Полагаю, это относится к каждому мужчине и каждой женщине на планете. Я не собираюсь пересказывать вам больше, чем нужно, не только потому, что это займёт слишком много времени, но и потому, что вам может наскучить. Если я скажу, что после ухода Сьюзен я очень много пил, вам будет не всё ли равно? Что у меня был короткий роман с порнографией в Интернете? Что я думал о самоубийстве, но никогда всерьёз?

Я расскажу вам всего о двух вещах, хотя они обе смущают меня почти – но не совсем! – до такой степени, что я чувствую стыд. Это печальные вещи. Я думаю, мечты мужчин и женщин «определённого возраста» всегда печальны, потому что сильно противоречат заурядному будущему, которое обычно ждёт нас.

У меня есть некоторый писательский талант (что, я надеюсь, покажет этот мемуар), и я мечтал написать великий роман, который остался бы в веках. Я любил своего отца и по-прежнему люблю, но жить в его тени стало утомительно. Я мечтал о том, как критики скажут: «По сравнению с глубиной романа Марка Кармоди творчество его отца выглядит невзрачно. Ученик действительно затмил учителя». Мне не хочется так думать, и в основном я так не думаю, но какая-то

часть меня хочет этого и всегда будет хотеть. Эта часть меня – пещерный человек, который часто скалит зубы, но никогда не улыбается.

Я умею играть на пианино, но не очень хорошо. Меня просят подыграть в церкви Конго только в том случае, если миссис Стэнхоуп уехала из города или ей нездоровится. Играю я топорно и неумело, а в нотах разбираюсь на уровне третьеклассника. Я выучил наизусть только три или четыре мелодии, и люди устали от них. Я мечтаю написать свой великий роман, но эта мечта не на первом месте. Рассказать вам о моей истинной мечте? Раз уж мы зашли так далеко, почему бы и нет?

Я в ночном клубе, где собрались все мои друзья. Мой отец тоже там. Музыканты покинули сцену, и я спрашиваю, можно ли мне сыграть что-нибудь на пианино. Руководитель группы конечно же соглашается. Папа вздыхает: «О Боже, Марки, только не снова “Верни мне свою любовь”!» Я отвечаю (с подобающей скромностью): «Нет, я разучил кое-что новое», и начинаю играть нестареющую классику Альберта Аммонса «Буги-вуги стопп». Мои пальцы порхают! Разговоры стихают! Все смотрят на меня, поражённые и восхищённые! Барабанщик возвращается на своё место, начиная отбивать ритм. К нам подключается саксофонист, заводя бойкую мелодию, похожую на «Текилу». Зрители начинают хлопать в такт. Некоторые танцуют джиттербаг. И когда я заканчиваю, вставая для финального глиссандо, как Джерри Ли Льюис, все вскакивают на ноги, требуя продолжения.

Вы этого не видите, но я краснею, пока пишу эти строки. Не только потому, что это моё самое заветное желание, но и от того, что о таком мечтают очень многие. По всему миру, даже в эту минуту, женщины играют на «воздушной» гитаре, как Джоан Джетт, а мужчины, сидя в гостинной, дирижируют оркестром, исполняющим симфонию №5 Бетховена. Это фантазии тех, кто отдал бы всё на свете, чтобы стать избранными, но им не повезло.

В этой пыльной, готовой вот-вот развалиться хижине, где двое мужчин однажды встретили существо из другого мира, я подумал, что

хотел бы хоть раз сыграть «Буги-вуги стомп», как Альберт Аммонс. Одного раза достаточно, сказал я себе, зная, что этого мало; всегда будет мало.

Я подул на знак волны. В середине футляра появилась линия... какое-то мгновение она была видна... а затем исчезла. Я постоял некоторое время, держа футляр в руке, потом положил его обратно на каминную полку.

Я вспомнил слова молодого человека: нельзя дать того, чего нет.

– Всё нормально, – произнёс я и тихонько рассмеялся.

Нет, не нормально; мне было больно, но я понимал, что боль пройдёт. Я вернусь к своей жизни и боль пройдёт. Мне предстояло уладить дела моего знаменитого отца, что займёт меня на какое-то время, к тому же я унаследовал целое состояние. Может, мне стоит съездить на Арубу. Это нормально – хотеть того, чего у вас не может быть. Вы учитесь жить с этим.

Я напоминаю себе об этом, и большую часть времени в это верю.

ПЯТЫЙ ШАГ

Гарольд Джеймисон, некогда старший инженер санитарного управления Нью-Йорка, наслаждался выходом на пенсию. На примере своих немногочисленных друзей он знал, что некоторым это не удаётся, поэтому считал себя счастливым. У него имелся акр сада в Квинсе, который он делил с несколькими садоводами-единомышленниками, он открыл для себя «Нетфликс» и взялся за книги, которые всегда хотел прочитать. Джеймисон по-прежнему скучал по своей жене, которая пять лет назад умерла от рака молочной железы, но, если не считать этой неутраченной боли, его жизнь была довольно насыщенной. Вставая каждое утро, он напоминал себе, что нужно наслаждаться новым днём. В свои шестьдесят восемь лет он считал, что впереди его ждёт ещё немалый путь, который, стоило это признать, начал сужаться.

Лучшей частью этих дней – если не было дождя, снега или слишком холодно – становилась прогулка после завтрака длиной в девять кварталов до Центрального парка. Хотя у Джеймисона имелся мобильный телефон, и он пользовался планшетом (практически жить без него не мог), он по-прежнему предпочитал печатную версию «Таймс». В парке он устраивался на своей любимой скамейке и целый час проводил за газетой, читая разделы от и до – так сказать, продвигаясь от первоклассного к смехотворному.

Одним утром в середине мая – на улице было прохладно, но вполне приемлемо для чтения – Джеймисон с раздражением оторвал взгляд от газеты и увидел мужчину, присевшего на другом конце его скамейки, хотя вокруг было полно свободных. Непрошенному гостю на вид было около сорока пяти лет, не красивый, но и не урод, – на самом деле совершенно невзрачный. То же самое можно сказать о его одежде: кроссовки «Нью Бэланс», джинсы, кепка «Янкиз» и толстовка «Янкиз» с капюшоном. Джеймисон бросил на незнакомца нетерпеливый косой взгляд и собрался было пересечь на другую скамейку.

– Обождите, – произнёс мужчина. – Я сел здесь, потому что мне нужно от вас одно одолжение. Небольшое, но я заплачу. – Он полез в карман толстовки и достал двадцатидолларовую купюру.

– Я не делаю одолжений незнакомым людям, – сказал Джеймисон и встал.

– Как раз в этом-то всё дело – мы незнакомы. Выслушайте меня. Если скажете «нет», ничего страшного. Но, прошу, выслушайте. Вы могли бы... – Мужчина прочистил горло, и Джеймисон понял, что его собеседник нервничает. Может быть, даже напуган. – Вы могли бы спасти мне жизнь.

Джеймисон задумался, затем сел, но так далеко от незнакомца, насколько мог, чтобы не свалиться с края скамейки.

– У вас есть минута, но если вы покажетесь мне сумасшедшим, я сразу же уйду. И уберите свои деньги. Они мне не нужны.

Мужчина посмотрел на купюру, будто бы удивившись, что она по-прежнему у него в руке, затем сунул её обратно в карман толстовки. Положив руки на колени, он посмотрел на них, а не на Джеймисона.

– Я алкоголик. Но уже четыре месяца трезв. Четыре месяца и двенадцать дней, если быть точным.

– Поздравляю, – сказал Джеймисон. Он почувствовал, что мужчина говорит всерьёз, и от этого ему ещё больше захотелось уйти. Незнакомец казался вменяемым, но Джеймисон достаточно пожил, чтобы знать: иногда «ку-ку» проявляется не сразу.

– Я уже пытался трижды и один раз протянул почти год. Думаю, возможно, это мой последний шанс. Я состою в АА. Это...

– Я знаю, что это такое. Как вас зовут, Мистер четыре месяца трезвости?

– Вы можете называть меня Джек, этого достаточно. В нашей программе мы не называем фамилий.

Джеймисон знал и это. У многих людей в передачах на «Нетфликсе» были проблемы с алкоголем.

– Итак, Джек, что я могу для вас сделать?

– Первые три раза у меня не было наставника – кого-то, кто выслушает тебя, ответит на вопросы или подскажет, что делать. В этот раз у меня есть наставник. Увидел его на собрании в Боуэри и мне понравилось то, что он говорил. И ещё, знаете, как он держался. Двенадцать лет в завязке, уверенный в себе, занимается продажами, как и я.

Мужчина глянул на Джеймисона, но потом снова перевёл взгляд на свои руки.

– В своё время я был чертовски хорошим продавцом – пять лет возглавлял отдел продаж в... в общем, не важно где, но в крупной компании, вы точно о ней слышали. Теперь вот продаю поздравительные открытки и энергетические напитки бакалейным лавкам во всех пяти районах Нью-Йорка. Последняя ступенька на лестнице.

– Ближе к делу, – сказал Джеймисон, но без резкости. Он невольно заинтересовался историей. Не каждый день незнакомец садится на твою скамейку и начинает вываливать на тебя своё дерьмо. Особенно в Нью-Йорке. – Просто я собирался сходить на тренировку «Метс». У них выдалось отличное начало.

Джек потёр губы ладонью.

– Мне понравился этот парень, поэтому после встречи я собрался с духом и попросил его стать моим наставником. Это было в марте. Он оглядел меня и сказал, что возьмётся за меня только при двух условиях: я буду делать всё, что он скажет, и сообщу ему, если мне захочется выпить. «Тогда мне придётся звонить вам каждый грёбаный вечер», – сказал я, а он ответил: «Значит, звони каждый грёбаный вечер, и если я не подойду, говори всё автоответчику». Затем он спросил, проработал ли я Шаги. Вы знаете, что это?

– Смутно.

– Я ответил, что не нашёл на них времени. Он сказал, если я хочу видеть его своим наставником, то придётся начать. Сказал, что первые три шага одновременно самые трудные и самые лёгкие. Вкратце они звучат так: я не могу остановиться сам, но смогу с Божьей помощью, поэтому я приму Его помощь.

Джеймисон хмыкнул.

– Я ответил, что не верю в Бога. Этот парень, его зовут Рэнди, сказал, что ему наплевать. Велел каждое утро вставать на колени и просить Бога, в которого я не верил, помочь продержаться трезвым ещё один день. И если мне удастся, велел перед сном тоже вставать на колени и благодарить Бога за трезвый день. Рэнди спросил, готов ли я делать это, и я сказал, что готов. Потому что иначе я лишусь его поддержки. Понимаете?

– Конечно. Вы были в отчаянии.

– Именно! «Дар отчаяния» – так это называется в АА. Рэнди сказал, что если я не буду читать молитвы и солгу об этом, он узнает. Потому что он сам тридцать лет лгал как сивый мерин.

– И вы молились? Даже не веря в Бога?

– Молился и это помогало. Что касается моего неверия в Бога... то, чем дольше я остаюсь трезвым, тем сильнее оно колеблется.

– Если вы собираетесь попросить меня о совместной молитве, то забудьте об этом.

Джек улыбнулся, глядя на свои руки.

– Нет. Мне всё ещё неловко стоять на коленях, даже когда я один. В прошлом месяце, то есть в апреле, Рэнди велел мне сделать Четвёртый шаг. Это значит нужно провести нравственный пересмотр – желательно «дотошный и бесстрашный» – своей личности.

– Что вы и сделали?

– Да. Рэнди сказал, что я должен записать плохое, затем перевернуть страницу и перечислить хорошее. На плохое у меня ушло десять минут. На хорошее – больше часа. Когда я рассказал об этом Рэнди, он ответил, что это нормально. «Ты пил почти тридцать лет, – объяснил он. – От этого на самооценке мужчины остаётся много шрамов. Но если ты останешься трезвым, они затянутся». Затем он велел мне сжечь листок. Сказал, что так я почувствую себя лучше.

– Почувствовали?

– Как ни странно, да. Как бы то ни было, это подводит меня к просьбе Рэнди на этот месяц.

– Скорее требование, как я полагаю, – сказал Джеймисон, слегка улыбнувшись. Он свернул газету и отложил её в сторону.

Джек тоже улыбнулся.

– Кажется, вы улавливаете характер отношений наставник-подопечный. Рэнди сказал, что пришло время для Пятого шага.

– И в чём он заключается?

– В признании перед Богом, перед самим собой и перед другими людьми истинной природы своих ошибок, – сказал Джек, показав пальцами кавычки цитаты. – Я сказал Рэнди, что составлю список и прочитаю ему. А Бог может послушать. Два зайца одним выстрелом.

– Думаю, он сказал «нет».

– Так и было. Он посоветовал мне обратиться к совершенно незнакомому человеку, например, к священнику, но я не бывал в церкви с двенадцати лет, и не горю желанием. Во что бы я ни собирался верить – а я пока не знаю, во что именно – для этого мне не нужна церковная скамья.

Джеймисон, сам не посещавший церковь, понимающе кивнул.

– Рэнди сказал: «Так подойди к кому-нибудь на Вашингтон-Сквер или в Центральном парке, попроси выслушать перечень твоих ошибок. Предложи несколько долларов, если понадобится простимулировать. Спрашивай, пока кто-нибудь не согласится». Он сказал, что труднее всего будет спросить, и он был прав.

– Я... – «Ваша первая жертва», – пришло на ум Джеймисону, но он решил, что так звучит некрасиво. – Я первый, к кому вы обратились?

– Второй. – Джек ухмыльнулся. – Вчера я подошёл к таксисту на обеде, и он велел мне проваливать.

Джеймисону вспомнилась старая нью-йоркская шутка. Приезжий подходит к парню на Лексингтон-Авеню и спрашивает: «Вы не могли бы подсказать мне, как добраться до Ратуши или мне сразу пойти на хер?» Джеймисон решил, что не будет посылать человека в одежде «Янкиз» на хер. Он выслушает его, и при следующей встрече с другом Алексом (ещё одним пенсионером) за обедом, у него будет тема для разговора.

– Ладно, приступайте.

Джек полез в карман своей толстовки, достал лист бумаги и развернул его.

– Когда я учился в четвёртом классе...

– Если это будет история вашей жизни, может, всё-таки стоит отдать мне двадцатку.

Джек снова полез в карман свободной рукой, но Джеймисон отмахнулся.

– Я же шучу.

– Уверены?

Джеймисон не знал, уверен он или нет.

– Да. Но давайте недолго. На восемь тридцать у меня назначена встреча. – Это была ложь, и Джеймисон подумал, хорошо, что у него

не было проблем с алкоголем, потому что, судя по телепередачам, которые он смотрел, честность в этом деле имела большое значение.

– Не растягивать, понял. Короче, в четвёртом классе я подрался с другим парнем. Разбил ему губу и нос. Оказавшись в кабинете директора, я сказал, что он назвал мою мать плохим словом. Тот парень, конечно, всё отрицал, но нас обоих отправили по домам с записками для родителей. В моем случае – только для мамы, потому что отец бросил нас, когда мне было два года.

– А эта история с плохим словом?

– Ложь. У меня выдался плохой день, и я подумал, что станет легче, если подерусь с этим парнем. Он мне не нравился. Не знаю, почему – думаю, имелась причина, но я уже не помню. С этого и начался мой путь лжи. Я начал пить ещё в средних классах. Моя мама держала в морозилке бутылку водки. Я отпивал из неё, затем доливал воды. В конце концов она застучала меня, и водка пропала из морозилки. Я знал, куда мама спрятала бутылку – на верхнюю полку над плитой, – но после этого я к ней не притрагивался. Наверное, к тому времени там уже оставалась одна вода. Сэкономив карманные деньги и сложив их с деньгами за работу по дому, я попросил какого-то старого алкаша купить мне шкаликов. Он принёс четыре штуки, и один оставил себе. Я поспособствовал его пьянству. Так сказал бы мой наставник.

Джек покачал головой.

– Не знаю, что случилось с этим мужиком. Его звали Ральфом, только я мысленно называл его Убогим Ральфом. Дети бывают жестоки. Насколько я знаю, он умер, и я помог ему в этом.

– Не отвлекайтесь, – сказал Джеймисон. – Я уверен, вам и так есть за что испытывать чувство вины без всяких надуманных поводов.

Джек поднял голову и ухмыльнулся. Джеймисон увидел, что в глазах этого мужчины стоят слёзы.

– Вы говорите, как Рэнди.

– Это плохо?

– Думаю, нет. Думаю, мне повезло, что я встретил вас.

Джеймисон тоже был с этим согласен.

– Что там у вас ещё в списке? Потому что часики тикают.

– Я поступил в Браун и окончил его с отличием, но большую часть обучения я лгал и жульничал. У меня это хорошо получалось. Приведу

красноречивый пример. Мой студенческий ментор на последнем курсе был кокаиновым наркоманом. Не стану вдаваться в подробности о том, как я это узнал – часики тикают, как вы сказали – но я узнал и заключил с ним сделку. Хорошие рекомендации в обмен на пачку кокса.

– Это же килограмм, да? – спросил Джеймисон. Его брови от удивления взлетели чуть ли не до линии волос.

– Верно. Он всё оплатил, и я перевёз кокс через канадскую границу, засунув в запаску моего старого «Форда». Я старался выглядеть, как любой студент, который ездит на каникулы в Торонто поразвлечься и перепихнуться, но моё сердце билось как сумасшедшее, а давление, наверное, подскочило до предела. Машину передо мной обыскали вдоль и поперёк, но я просто показал права и меня пропустили. Конечно, в то время всё было намного проще. – Джек замолк, затем продолжил: – Я сказал, что кокс обошёлся мне дороже и прикарманил разницу.

– Но сами вы не употребляли кокаин?

– Нет, никогда этим не страдал. Бывало иногда занюхивал дорожку-две, но по-настоящему хотел – и всё ещё хочу – только зерновой алкоголь. Устроившись на работу, я лгал своим боссам, но со временем всё вскрылось. Это вам не колледж, тут не для кого добывать кокс. Во всяком случае, такой человек мне не попался.

– В чём конкретно вы провинились?

– Перекинул рекламные листовки. Выдумывал деловые встречи, оправдывая неявку в дни сильного похмелья. Мухлевал с расчётной ведомостью. Та первая работа была отличной. Бесконечные возможности для роста. И я всё профукал. После увольнения я всерьёз решил, что мне стоит сменить место жительства. В АА это называется «исцеление переездом». Никогда не работает, но я этого не знал. Сейчас мне это ясно как божий день: мудака – он и в Африке мудака. Или в Лос-Анджелесе, или в Денвере. Или в Де-Мойне. Я облажался и со второй работой, не такой отличной, как первая, но тоже хорошей, в Сан-Диего. И тогда я решил, что мне нужно жениться и остепениться. Это решило бы проблему. Поэтому я женился на милой девушке, которая заслуживала кого-то получше меня. Брак продлился два года, и всё

время я напропалую врал о своём пьянстве. Выдумывал несуществующие деловые встречи, объясняющие позднее возвращение домой, симулировал симптомы гриппа, чтобы опаздывать или вообще не появляться на работе. Я столько денег извёл на мятные освежители дыхания – «Алтоидс», «Брес Сейверс», – что меня можно смело зачислять в их совет директоров. Но верила ли во всё это моя жена?

– Полагаю, нет, – сказал Джеймисон. – Слушайте, вы уже подходите к концу?

– Да. Ещё пять минут. Обещаю.

– Хорошо.

– Мы ссорились – чем дальше, тем хуже. Иногда кидались вещами. Как-то раз я вернулся домой около полуночи, в стельку пьяный, и она разразилась тирадой. Обычный трёп, но все её слова были правдой. Я чувствовал себя так, будто она кидалась отравленными дротиками и ни разу не промахнулась.

Джек снова смотрел на свои руки. Уголки его рта так сильно опустились, что на мгновение Джеймисону показалось, будто он смотрит на Эммета Келли, знаменитого клоуна с печальным лицом.

– Знаете, что я вспомнил, пока она кричала? Гленна Фергюсона, того мальчика, которого я избил в четвёртом классе. Как хорошо мне было после этого, будто выдавили гной из фурункула. Я подумал, что неплохо бы избить и её тоже. В этот раз меня бы точно никто не отправил домой с запиской для матери, потому что она умерла через год после того, как я окончил Браун.

– Ого, – произнёс Джеймисон. Его хорошее предчувствие по поводу всего этого непрошеного признания улетучилось. На смену ему пришло беспокойство. Джеймисон не был уверен, что хочет услышать продолжение.

– Я ушёл, – сказал Джек. – Но я был довольно напуган и понял, что пришла пора что-то делать с моим пьянством. Тогда-то я впервые обратился в АА, ещё там, в Сан-Диего. В Нью-Йорк я вернулся в завязке, но долго она не продлилась. Я попробовал снова, с тем же результатом. И в третий раз. Но теперь у меня есть Рэнди и, возможно, в этот раз я справлюсь. Отчасти благодаря вам. – Джек протянул руку.

– Всегда пожалуйста, – сказал Джеймисон и пожал руку.

– И ещё кое-что, – сказал Джек. У него была очень сильная хватка. Он смотрел Джеймисону в глаза и улыбался. – Я действительно ушёл, но перед этим перерезал горло этой суке. Я не бросил пить, но мне стало легче. Когда я избил Гленна Фергюсона, мне тоже стало легче. Помните того алкаша, о котором я говорил? Когда я отпинал его, мне тоже стало легче. Не знаю, убил ли я его, но отмудохал будь здоров.

Джеймисон попытался отстраниться, но Джек держал его крепко. Свободной рукой он снова залез в карман толстовки «Янкиз».

– Я действительно хочу бросить пить, и не могу полностью сделать Пятый шаг, не признавшись, что по-настоящему получаю наслаждение...

Полоса обжигающего белого света скользнула между рёбер Джеймисона, и когда Джек убрал окровавленный нож для колки льда обратно в карман, Джеймисон понял, что не может дышать.

– ...от убийства людей. Это мой порок, я знаю. Вероятно, наихудший из всех.

Джек поднялся со скамейки.

– Спасибо, сэ. Не знаю, как вас зовут, но вы очень мне помогли.

Он направился в сторону западной части Центрального парка, затем повернулся к Джеймисону, который слепо сжимал в руках свой «Таймс»... будто беглый просмотр раздела «Искусство и досуг» мог всё исправить.

– Сегодня вечером я помолюсь за вас, – сказал Джек.

ВИЛЛИ-ЧУДИЛА

Родители Вилли считали своего сына странным, из-за его привычки разглядыватьдохлых птиц, собирать мёртвых жуков и того взгляда, которым он мог часами провожать плывущие по небу облака. Но лишь Рокси не держала свои мысли при себе.

– Вилли-чудила, – назвала она его однажды вечером за ужином, пока Вилли изображал (во всяком случае, пытался) на картофельном пюре лицо клоуна с глазами из подливки.

Вилли было десять. Рокси исполнилось двенадцать, и у неё росла грудь – предмет её немалой гордости. Кроме тех случаев, когда на грудь пялился Вилли, что вгоняло его сестру в дрожь.

– Не зови его так, – велела мать, Шэрон.

– Но это правда, – ответила Рокси.

– Уверен, его так дразнят в школе, – заметил глава семьи, Ричард.

Иногда – довольно часто – семья говорила о Вилли так, словно его не было рядом. Но только не старик, также сидящий за столом.

– Тебя *так* дразнят в школе? – спросил Дедуля, потирая пальцем между носом и верхней губой – была у него такая привычка, после того, как он задавал или отвечал на вопрос.

Дедулю звали Джеймсом. Обычно во время семейных обедов он хранил молчание. Отчасти потому, что таков был его характер, отчасти потому, что прием пищи стал для него непростой работой с тех пор, как выпали почти все зубы. Он медленно ковырял свой ростбиф.

– Не знаю, – сказал Вилли. – Может, иногда.

Он рассматривал своего картофельного клоуна, коричневые губы которого кривились в усмешке, обнажая зубы из маленьких кусочков жира.

После ужина Шэрон и Рокси занялись приборкой. Рокси нравилось помогать матери мыть посуду. Конечно, такое разделение труда попахивало сексизмом, но зато они могли спокойно поговорить о важных вещах. Например, о Вилли.

– Он *и правда* чудной, – сказала Рокси, – Согласись же. Поэтому он и попал в класс для отстающих.

Шэрон оглянулась, убедившись, что они наедине. Ричард отправился погулять, а Вилли ушел в комнату Дедули, которого Рич иногда называл стариком, а иногда постояльцем. Никогда папой или отцом.

– Вилли не похож на других мальчиков, – произнесла Шэрон. – Но мы все равно его любим. Разве не так?

Рокси задумалась.

– Думаю, я люблю его, но *не совсем*. У него бутылка со светлячками в дедушкиной комнате. Вилли говорит, ему нравится смотреть, как они гаснут, умирая. Это стрёмно. Напоминает историю из книги «Детство маньяков-убийц».

– Следи за языком, – одёрнула её Шэрон. – Вилли иногда бывает очень милым.

Рокси никогда не замечала за братом того, что могла бы назвать милым, но решила не спорить. Она всё ещё думала о светлячках; об их маленьких огоньках, гаснущих один за другим.

– И дедушка следит за ними вместе с Вилли. Они все время проводят там вместе, разговаривают. Дедушка больше почти ни с кем не говорит.

– У твоего дедушки была нелёгкая жизнь.

– Вообще-то он не мой дедушка. Не родной, я хочу сказать.

– Ничуть не хуже родного. Дедушка Джеймс и бабушка Эльза усыновили твоего отца, когда он был совсем маленьким. То есть, твой папа не рос в приюте лет до двенадцати, прежде чем его усыновили.

– Папа говорил, что дедушка почти не разговаривал с ним после смерти бабушки Эльзы. Говорил, бывали вечера, когда они обменивались от силы полудюжиной слов. Но с тех пор, как дедушка стал жить с нами, они с Вилли болтают без умолку в дедушкиной комнате.

– Ну и хорошо, что они так сдружились, – сказала Шэрон, но при этом нахмурилась, опустив взгляд на мыльную воду в раковине. – Думаю, это помогает дедушке цепляться за жизнь. Он ведь очень стар. Ричард появился в их семье, когда Джеймсу и Эльзе было уже за пятьдесят.

– Не знала, что таким старикам позволяют усыновлять детей, – заметила Рокси.

– Не уверена, как точно всё это работает, – сказала мама.

Она выдернула пробку, и мыльная вода забулькала, утекая в сток. У них была посудомоечная машина, но сломалась, а Ричард никак не мог её починить. Когда Дедуля переехал к ним, с деньгами стало туго, ведь он получал лишь мизерную пенсию. Кроме того, Рокси знала, что родители уже начали откладывать деньги на её колледж. Но, вероятно, не на образование Вилли – он же учится в классе для отстающих и всё такое. Ему нравятся облака, мёртвые птицы и умирающие светлячки, а с учёбой дела обстоят неважно.

– Мне кажется, папа недолюбливает дедушку, – произнесла Рокси, понизив голос.

Мама ответила ещё тише, так что её едва можно было расслышать за последними всхлипами воды, уходящей в сток.

– Недолюбливает. Но знаешь что, Рокс?

– Что?

– Вот так и живут семьи. Вспомнишь, когда у тебя появится своя.

Рокси не собиралась обзаводиться детьми, но подумала, что окажется один из них похож на Вилли, у неё возник бы соблазн отвезти его в непроходимую чащу, выкинуть из машины и оставить там. Как поступила злая мачеха в сказке. У Рокси мелькнула мысль: не означает ли это, что *она* со странностями, но решила, что нет, не означает. Однажды она слышала, как отец сказал матери, мол, вершина карьеры Вилли – упаковка покупок в «Крогер».¹⁶

Джеймс Джонас Фидлер – он же Дедуля, он же дедушка, он же старик – покидал свою комнату (Шэрон называла её норой, Ричард – логовом) для еды, иногда сидел и курил (три сигареты в день) на заднем крыльце, но в основном пребывал в маленькой спальне в задней части дома, которая до прошлого года служила маминым кабинетом. Временами он смотрел небольшой телевизор, стоящий на комод (три канала, кабельного нет). В остальное время он либо спал, либо молча сидел в одном из двух плетёных кресел, глядя в окно.

¹⁶ Сеть супермаркетов.

Но стоило появиться Вилли, дедушка начинал говорить. Вилли слушал, а когда задавал вопросы – получал на них ответ. Вилли понимал, что большинство ответов были неправильными, а большая часть дедушкиных советов – бесполезными. Он учился в классе для отстающих потому что это давало ему время подумать о более важных вещах, а не потому, что он был глуп. Но Вилли все равно наслаждался этими ответами и советами. Если это выглядело глупо – тем лучше.

Вечером, пока мать с сестрой сплетничали о них на кухне, Вилли вновь спросил Дедулю – чтобы убедиться, что рассказ совпадёт с предыдущими – какая погода была в Геттисберге?¹⁷

Дедуля потер пальцем под носом, словно нащупывая щетину, и пустился в размышления:

– Первый день – облачно и около 70 градусов.¹⁸ Неплохо. На второй день переменная облачность и 81 градус. Все ещё неплохо. В третий день, день атаки Пикетта, было все 87; солнце било по нам, словно молот. И не забывай, на нас была шерстяная униформа. От всех разило потом.

Данные о погоде совпадали. Пока всё шло хорошо.

– Ты и правда был там, дедушка?

– Да, – без колебаний ответил Дедуля. Он провёл пальцем под носом, затем поковырял жёлтым ногтем в оставшихся зубах, извлекая застрявшие волокна ростбифа. – И выжил, чтобы рассказать эту историю. Многие не выжили. Хочешь, расскажу про Четвёртое июля, День Независимости? О нём часто забывают, поскольку битва к тому времени закончилась.

Дедуля не стал дожидаться ответа Вилли.

– Дождь лил, как из ведра. Грязь засасывала сапоги. Солдаты рыдали, как дети. Тут появляется Ли¹⁹ верхом на лошади...

– На Страннике.

¹⁷ Здесь: не только название города, но и происходившее в 1863 году в его окрестностях самое кровопролитное сражение американской Гражданской войны.

¹⁸ Здесь и далее температура по Фаренгейту. 70 градусов равны 21 по Цельсию. 81 и 87 – соответственно 27 и 30.

¹⁹ Генерал Роберт Эдвард Ли – командующий армией южан во время Гражданской войны и в частности в битве при Геттисберге. Странник (Traveler) – кличка его любимой лошади.

– Да, на Страннике. Он был к нам спиной. На шляпе и штанах виднелись пятна крови. Не его крови, Ли не ранили. Этот человек был дьяволом во плоти.

Вилли взял стоявшую на подоконнике бутылку («Удовольствие от «Хайнц» гласила выцветшая этикетка) и покачал её из стороны в сторону, наслаждаясь сухим шелестом мёртвых светлячков. Ему представлялось, что так шумит ветер в траве на кладбище в жаркий июльский день.

– Расскажи про мальчика-знаменосца.

Дедуля опять потёр пальцем между носом и губой.

– Ты же слышал эту историю раз двадцать.

– Хотя бы концовку. То, что мне больше всего нравится.

– Ему было двенадцать. Он поднимался на холм рядом со мной, звездно-полосатый²⁰ флаг развивался высоко над ним. Нижний конец древка упирался в кружку, прицепленную к поясу. Эту кружку сделал мой друг, Мика Леблан. Мы преодолели полпути к Кладбищенскому холму, когда мальчишка получил пулю в горло.

– Расскажи про кровь!

– Его губы разошлись, но зубы были стиснуты. От боли, думаю. Меж зубов сочилась кровь.

– И она блестела...

– Всё верно, – палец быстро прошёлся под носом и вернулся к зубам, где застряло одно надоедливое волоконец. – Она блестела, как...

– ...как рубины на солнце. И ты взаправду был там.

– Разве я не говорил? Я был тем, кто подхватил флаг Дикси, когда упал тот мальчик. Я бегом пронёс флаг ещё двадцать шагов, пока нас не завернули обратно, хотя мы были уже на расстоянии плевка от каменной стены, за которой укрылись парни в синем. Пока мы отступали, я нёс флаг вниз по склону холма. Я старался перешагивать через трупы, но это не всегда удавалось, их было слишком много.

– Расскажи про толстяка.

Дедуля потёр щеку – скрип – затем снова под носом – скрип.

– Когда я наступил ему на спину – он пукнул.

²⁰ На флаге Конфедерации (далее его ещё называют флагом Дикси) тоже были звёзды и полосы, как и на привычном нам флаге северян. Только полосы проходили по диагоналям флага.

Лицо Вилли исказилось от беззвучного смеха, и он обхватил себя руками, как делал всегда, когда ему было весело. Всякий раз, когда Рокси замечала перекошенное лицо брата и то, как он обнимает сам себя, она *знала* – он странный.

– Вот, – дедушка, наконец, извлек из зубов длинное волоконец говядины. – Покорми светлячков.

Он отдал кусочек мяса Вилли, а тот бросил его на грудку мёртвых светлячков в бутылку из-под «Хайнца».

– Теперь расскажи про Клеопатру.

– Что именно?

– Про баржу.

– Ага, баржа, значит? – Дедуля почесал желобок под носом ногтем – *скрип!* – Что ж, я не против. Нил был таким широким, что мы едва могли его переплыть, но в тот день гладь воды напоминала живот младенца. Я правил рулём...

Вилли в восторге подался вперёд.

Вскоре после того дня, когда Вилли за ужином соорудил из картофельного пюре клоунское лицо, он сидел на мокром после дождя бордюре. Вилли снова опоздал на автобус до дома, но ничего страшного. Его внимание приковал дохлый крот в канаве, и Вилли гадал – смоет ли его стремительный поток воды в канализационную решётку? Неподалёку проходили двое ребят постарше, шлепая друг друга по спине и обмениваясь пошлыми остротами. Увидев Вилли, они остановились.

– Смотри-ка, этот парень обнимает сам себя, – заметил один.

– Потому что ни одна девушка в здравом уме не станет, – ответил другой.

– Ну и урод, – продолжал первый. – Ты только посмотри на эти маленькие розовые глазки.

– А стрижка-то, – сказал второй. – Надо ж, как его обкорнали. Эй, мелкий раздолбай!

Вилли перестал обнимать себя и поднял взгляд.

– Твоя рожа подозрительно напоминает мою жопу, – сострил первый и принял «пятюню» от своего товарища.

Вилли снова взглянул на мёртвого крота. Того несло к канализационной решётке, но очень медленно. Вилли не верил, что крот доберется до цели. Во всяком случае, если снова не начнётся дождь.

Первый парень пнул Вилли в бедро, собираясь избить его.

– Да брось, – сказал второй. – Мне нравится его сестра. У неё классная фигура.

Они пошли дальше. Вилли подождал, пока парни скроются из виду, оттянул прилипшие к заднице влажные штаны и направился домой. Мать и отец всё ещё были на работе. Рокси, по-видимому, проводила время с кем-то из подруг. Дедушка в своей комнате смотрел по телевизору какую-то викторину. Когда Вилли вошёл, дед оторвался от экрана.

– Да ты малость припадаешь на ногу, – сказал он.

– Чего?

– Хромаешь, то есть. Пошли, выйдем на заднее крыльцо. Я хочу покурить. Что с тобой стряслось?

– Один парень пнул меня, – сказал Вилли. – Я смотрел на крота. Он был мёртвый. Мне было интересно – унесёт его в канализацию или нет.

– Унесло?

– Нет. Если только после моего ухода, но я так не думаю.

– Пнули тебя, значит?

– Ага.

– Эхе-хе, – произнёс дедушка и на этом тема была исчерпана.

Они вышли на крыльцо. Присели. Дедуля закурил сигарету, сделал несколько затяжек и закашлялся.

– Расскажи про вулкан под Йеллоустоном, – попросил Вилли.

– Опять?

– Да, пожалуйста.

– Ну, он громадный. Может, самый большой в мире. И однажды он взорвётся. Когда это случится, разнесёт весь Вайоминг, а также часть Айдахо и большую часть Монтаны.

– И это ещё не всё, – напомнил Вилли.

– Не всё, – дедушка затянулся сигаретой и снова закашлялся. – Вулкан выбросит в атмосферу миллиарды тонн пепла. По всему миру погибнут посевы. Да что посевы – *люди* будут гибнуть повсюду. Интернета, которым все так гордятся – бдыщ и нету.

– Те, кто не погибнет от голода, задохнутся, – сказал Вилли. Его глаза заблестели. Он схватился за горло и издал жуткий хрип. – Это будет вымирание, вроде того, что погубило динозавров. Только на этот раз *наша* очередь.

– Верно, – сказал Дедуля. – Тому парню, что тебя пнул, будет не до пинков. Он будет оплакивать свою мамочку.

– Но его мамочка будет мертва.

– А то ж, – заключил Дедуля.

Зимой болезнь, пришедшая из Китая, которая поначалу была лишь одной из многих тем в вечерних новостях, превратилась в чуму, убивающую людей по всему миру. Больницы и морги были переполнены. Жители европейских стран сидели по домам, а выходя на улицу, надевали маски. В Америке некоторые тоже носили маски, в основном если шли в супермаркет. Это было не так здорово, как мощное извержение вулкана в Йеллоустонском национальном парке, но, по мнению Вилли, тоже неплохо. Он следил за количеством умерших в приложении на своем телефоне. Школы закрылись досрочно. Рокси плакала, потому что пропустила танцы в честь окончания учебного года, но Вилли было всё равно. Когда учишься в классе для отстающих – в конце года танцев не устраивают.

В марте того же года Дедуля начал сильно кашлять, иногда с кровью. Отец повёз его к врачу, где им пришлось долго ждать на парковке пока их позовут, потому что все боялись смертоносного вируса. И мать и отец были уверены, что дед подхватил вирус от Рокси или Вилли. Большинство детей, похоже, не болели, или переносили болезнь *легко*, но от них могли заражаться старики, а тех болезнь обычно сводила в могилу. Если верить новостям, нью-йоркские больницы использовали грузовики-рефрижераторы для хранения тел умерших. В основном стариков, таких, как дедушка. Вилли заинтересовался, как эти

грузовики выглядят изнутри. Завернуты ли мертвецы в простыни или лежат в мешках для трупов? А что, если кто-нибудь был ещё жив, попав туда, но замёрз насмерть? Вилли решил, что из этого получилось бы классное телешоу.

Оказалось, дедушка не заразился вирусом. У него был рак. Врач сказал, что болезнь зародилась в поджелудочной железе, а потом перекинулась на лёгкие. Мама рассказала всё Рокси, пока они мыли посуду, а та – Вилли. В обычной ситуации она не стала бы так поступать; кухня после ужина напоминала Вегас: что там сказали – там и оставалось. Но Рокси не терпелось поведать Вилли-чудиле, что его любимый дедушка скоро сыграет в ящик.

– Папа спросил: может, деду лечь в больницу? – рассказала она Вилли. – А доктор ответил: если вы хотите, чтобы он протянул ещё полгода, а не загнулся через пару недель – забирайте его домой. Он сказал, больницы – это отстойник микробов, и все, кто там работает, вынуждены носить скафандры, как в фантастическом фильме. Поэтому дедушка по-прежнему с нами.

– Эхе-хе, – сказал Вилли.

Рокси толкнула его локтем.

– А тебе не грустно? Он ведь твой единственный друг, да? Если только ты не подружился с кем-нибудь из таких же чудил в школе. Которая, – Рокси издала печальный трубный звук – *вау-вау*, – теперь закрыта, как и моя.

– Что будет, когда дедушка не сможет дойти до туалета? – спросил Вилли.

– О, будет ходить под себя, пока не умрёт. Всё будет делать в постели. Ему придётся носить подгузники. Мама говорит, его бы положить в хоспис, но мы не можем себе этого позволить.

– Эхе-хе, – произнёс Вилли.

– Я думала, ты будешь плакать, – сказала Рокси, – Ты и правда грёбаный чудила.

– Давным-давно дедушка был полицейским в месте под названием Сельма, – заявил ей Вилли. – Он избивал чернокожих. Говорит, ему это не особо нравилось, но приходилось. Потому что приказ – есть приказ.

– Ну да, конечно, – ответила Рокси. – А по-настоящему давным-давно у него были острые уши, ботинки с загнутыми носками, и он трудился в мастерской Санты.

– Неправда, – возразил Вилли. – Санта Клаус не настоящий. Рокси схватилась за голову.

Дедуля не протянул ни года, ни шести месяцев, ни даже четырёх. Он быстро сдавал. К середине весны он был прикован к постели и носил под ночной рубашкой памперс для взрослых. Менять памперсы, конечно, стало обязанностью Шэрон. Ричард заявил, что не выносит вони.

Когда Вилли предложил помочь, если мама покажет ему, как это делается, она взглянула на него, как на психа. Она надевала маску, заходя к деду поменять подгузник или покормить его едой, измельчённой в блендере. Её беспокоила не возможность заразиться, вируса у дедушки не было. Всё только из-за запаха. Она называла его смрадом.

Вилли вроде как нравился этот смрад. Он не любил его – это уж чересчур, но ему нравился запах – смесь мочи, «Викса» и постепенно разлагающегося дедушки. Запах интересовал его, как наблюдение задохлыми птицами или тем, как мёртвый крот совершает своё последнее путешествие к водостоку – что-то вроде похорон в замедленном темпе.

Хотя в дедушкиной комнате стояли два плетёных кресла, теперь занято было лишь одно. Вилли придвигал его ближе к кровати и разговаривал с Дедулей.

– Насколько близок ты сейчас? – спросил Вилли однажды.

– Довольно близок, – ответил дедушка. Он провёл дрожащим пальцем под носом. Его палец пожелтел. Кожа по всему телу стала жёлтой, потому что дед страдал не только от рака, но и от «желтухи». Ему пришлось бросить курить.

– А это больно?

– Когда кашляю, – ответил дедушка. Его голос стал низким и отрывистым, как собачье рычание. – Таблетки кое-как помогают, но когда кашляю – такое чувство, словно меня на куски разрывает.

– И когда ты кашляешь, то чувствуешь вкус собственного дерьма,
– беззастенчиво сказал Вилли.

– А то ж.

– Тебе грустно?

– Неа. Всё путём.

Снаружи Шэрон и Рокси, согнувшись в три погибели, возились в саду, так что Вилли мог видеть лишь их торчащие пятые точки. Это было прекрасно.

– Ты будешь знать, когда придет смерть?

– Узнаю, если буду в сознании.

– О чём бы ты хотел думать в последний момент?

– Не уверен. Может, о мальчике-знаменосце под Геттисбергом.

Вилли был немного разочарован, что последняя мысль деда будет не о нём.

– Можно мне будет посмотреть?

– Если будешь здесь, – сказал дедушка.

– Потому что я хочу это увидеть.

Дедуля не ответил.

– Как думаешь, ты увидишь белый свет?

Дедушка потискал верхнюю губу, задумавшись над ответом.

– Возможно. Это из-за химической реакции в мозгу, когда он отключается. Люди, считающие, что это открывается дверь в счастливую загробную жизнь, просто обманывают сами себя.

– Но загробная жизнь ведь *есть*. Не так ли, дедушка?

Джеймс Джонас Фидлер вновь провёл пальцем по сморщенной коже под носом, а затем показал в улыбке немногие оставшиеся у него зубы.

– Ты будешь удивлён.

– Расскажи, как ты увидел сиськи Клеопатры.

– Нет. Я слишком устал.

Однажды вечером, неделю спустя, Шэрон подала на ужин свиные отбивные, сказав, что семья должна наслаждаться ими – *смаковать каждый кусочек*, как она выразилась.

– Некоторое время отбивных не будет. Бекона тоже. Фабрики по переработке свинины закрываются, поскольку большинство работников слегли с вирусом. Цены взлетят выше крыши.

– «*День, когда не умрет ни одна свинья!*» – воскликнула Рокси.

– Что? – не понял отец.

– Есть такая книга. Я писала по ней доклад. Получила «четыре с плюсом». – Она засунула кусочек отбивной в рот и повернулась к Вилли. – Читал в последнее время какой-нибудь букварь для первоклашек?

– Что такое букварь? – спросил Вилли.

– Оставь его в покое, – велела мама.

Отец увлекся изготовлением скворечников. Местный магазин сувениров брал их на реализацию и несколько штук даже купили. После ужина Ричард отправился в свою маленькую мастерскую в гараже, сколотить еще один скворечник. Мать и Рокси удалились на кухню, мыть посуду и сплетничать. Работа Вилли состояла в уборке со стола. Покончив с ней, он направился в комнату дедушки. Джеймс Фидлер теперь выглядел как скелет с обтянутым кожей черепом. Вилли пришло в голову, что насекомые, что проберутся в его гроб, не найдут там ничего съедобного. Запах больничной палаты висел в воздухе, но смрад разложения от деда почти исчез.

Дедушка поднял руку, приглашая Вилли подойти. Когда Вилли сел рядом с кроватью, дедушка велел ему наклониться ближе.

– Вот и всё, – прошептал он. – Мой великий день.

Вилли придвинул кресло и заглянул в глаза дедушки.

– Ну и как оно?

– Хорошо, – вздохнул Дедуля. Вилли на миг показалось, что дедушка отдаляется и растворяется в воздухе. Однажды он видел такое в кино. – Ближе.

Вилли не мог ещё ближе придвинуть кресло, поэтому он склонился над дедом так низко, будто собирался поцеловать его иссохшие губы.

– Я хочу посмотреть, как ты уйдёшь. Хочу быть последним, кого ты видишь.

– Я хочу посмотреть, как *ты* уйдёшь, – повторил дедушка. – Хочу быть последним, кого ты видишь.

Его рука взметнулась и с удивительной силой обхватила шею Вилли. Ногти впились в кожу. Дед потянул.

– Ты же хотел встретиться со смертью? Открой рот.

Через несколько минут Вилли остановился за дверью кухни, прислушиваясь.

– Завтра мы отвезём его в больницу, – сказала Шэрон, с трудом сдерживая слёзы. – Мне всё равно, сколько это будет стоить. Я так больше не могу.

Рокси что-то сочувственно пробормотала.

Вилли вошёл в кухню.

– Тебе не придётся вести его в больницу, – сказал он. – Он только что умер.

Мать и сестра обернулись и уставились на Вилли с одинаковым выражением на лицах – смесью шока и зарождающейся надежды.

– Ты уверен? – спросила мама.

– А то ж, – ответил Вилли, потирая пальцем кожу между носом и губой.

ДУРНОЙ СОН ДЭННИ КХЕФЛИНА

1

Это дурной сон. Они снились Дэнни и раньше, у всех иногда бывают кошмары, но этот – худший из всех. Поначалу ничего плохого не происходит, но от этого легче не становится; ощущение надвигающейся смерти настолько сильно, что его буквально можно почувствовать на вкус, будто сосёшь монетку.

Он идёт по обочине грунтовой дороги, утрамбованной и обработанной пылеподавителем. Стоит ночь. Только что взошёл полумесяц. Дэнни он кажется кривой ухмылкой. Или насмешкой. Дэнни проходит знак «ОКРУЖНАЯ ДОРОГА М», только поверх «ОКР» баллончиком написано «Н», а справа от «М» кто-то втиснул «АНДЫ», так что теперь на знаке написано «НУЖНАЯ ДОРОГА МАНДЫ». Вдобавок в нём пара пулевых пробоин.

По обе стороны дороги растёт кукуруза, слона не скроет, но около четырёх футов в высоту, что говорит о начале лета. Окружная Дорога М поднимается по пологому склону (в Канзасе большинство склонов пологие). Наверху виднеется чёрная громада здания, наполняя Дэнни необъяснимым ужасом. Какая-то жестянка издаёт бряк-бряк-бряк. Дэнни хочет остановиться, у него нет желания пересекаться с этой квадратной чёрной громадой, но ноги сами несут его дальше. Ничто не может им помешать. Дэнни не управляет собой. От дуновения ветра кукуруза издаёт звук, похожий на перебирание костей. По его щекам и лбу пробегает холодок, и Дэнни понимает, что вспотел. Вспотел во сне!

Когда он добирается до вершины холма (назвать это «горой» было бы глупо), ему удаётся разглядеть на здании из шлакобетона вывеску с надписью «ХИЛЛТОП ТЕКСАКО». Перед ним два потрескавшихся бетонных островка, где когда-то стояли бензоколонки. Бряк-бряк-бряк доносится от ржавых табличек на столбе. На одной из них написано: 87 – 1,99\$, на другой: 89 – 2,19\$, а на нижней: 92 – 2,49\$.

«Здесь не о чем беспокоиться, – думает Дэнни. – Нечего бояться». И он не боится. Он в ужасе.

Бряк-бряк-бряк – продолжают рекламные знаки с давно несуществующими ценами на бензин. Большое окно станции разбито, как и стекло в двери, но Дэнни видит сорняки, растущие среди осколков, отражающих лунный свет, и понимает, что стёкла разбиты давно. Вандалы – скорее всего мающиеся бездельем деревенские дети – повеселились и двинулись дальше.

Дэнни идёт дальше. Огибает заброшенную станцию. Не хочет, но вынужден. Он не управляет собой. Теперь он слышит ещё кое-что: царапанье и тяжёлое дыхание.

«Я не хочу этого видеть», – думает Дэнни. Произнеси он эти слова вслух, они бы вылетели со стоном.

Дэнни поворачивает за угол, отпिनывая в сторону пару пустых банок из-под моторного масла («Хэволайн» от «Тексако»). Он видит перевернутый проржавевший мусорный бак, возле которого валяются ещё банки, пивные бутылки и остатки бумажного мусора, которые не унесло ветром. За станцией облезлая дворняга роется в залитой моторным маслом земле. Она слышит Дэнни и оглядывается, в лунном свете её глаза кажутся двумя серебряными пятнами. Собака скалится и рычит, что может означать только одно: моё, моё.

– Это не для тебя, – говорит Дэнни, желая, чтобы и не для него тоже, но он так не думает.

Собака поджимает задние лапы, будто готовясь к прыжку, но Дэнни не боится (во всяком случае, не дворняги). Сейчас он горожанин, но вырос в сельской местности Колорадо, где повсюду встречались собаки, и понимает, когда видит пустую угрозу. Наклонившись, Дэнни поднимает пустую банку. Сон настолько реальный, настолько детальный, что он чувствует стекающие по краю остатки моторного масла. Дэнни даже не нужно бросать банку, достаточно поднять её. Собака поджимает хвост и, прихрамывая, убегает – видимо, у неё что-то не в порядке с одной из задних лап.

Ноги Дэнни несут его вперёд. Он видит, что собака отрыла руку и часть предплечья. Два пальца ободраны до кости. Мягкая часть ладони тоже исчезла, теперь она в желудке собаки. На запястье – несъедобный и, следовательно, бесполезный для голодной собаки – браслет с подвесками.

Дэнни делает глубокий вдох, открывает рот и...

2

...просыпается от собственного крика, резко сев в постели, чего с ним никогда раньше не случалось. Слава богу, он живёт один, так что никто его не слышит. Сначала Дэнни даже не понимает, где находится – заброшенная заправочная станция кажется реальностью, а утренний свет, пробивающийся через занавески, – сном. Он даже вытирает руку о футболку «Ройалз», в которой ложился спать, чтобы стереть моторное масло «Хэволайн», стекавшее по краю поднятой им банки. По всему телу бегут мурашки. Его яйца стянулись в тугий узел. Затем Дэнни узнаёт свою спальню и понимает, что всё это было нереально, каким бы реальным ни казалось.

Он снимает футболку, скидывает трусы и направляется в крошечную ванную трейлера, чтобы побриться и принять душ, смыть с себя сон. Одно хорошо в плохих снах, думает он, намыливая лицо, – они никогда не длятся долго. Сны подобны сладкой вате: они просто тают.

3

Только этот сон не тает. Он сохраняет свою ясность и в душе, и когда Дэнни надевает свежую рабочую одежду «Дикис», пристёгивая ключи к шлёвке, и когда едет в старшую школу на своём стареньком пикапе «Тойота», всё ещё резвом, хотя счётчик скоро снова обнулится. Возможно, этой осенью.

Студенческие и преподавательские парковки Уайлдер Хай почти пусты, потому что занятия закончились несколько недель назад. Дэнни объезжает школу и паркуется на своём обычном месте, в конце шеренги школьных автобусов. Там нет таблички сообщающей, что это место отведено старшему зрителю, но все это знают.

Это его любимое время года, когда результат его работы сохраняется... по крайней мере, какое-то время. Натертый воском пол в коридоре будет блестеть и через неделю, и даже через две. Соскребаешь жвачку с полов в раздевалках мальчиков и девочек (Дэнни не знает почему, но девочки больше любят жвачку), и тебе не придётся делать

это снова до августа. На вымытых окнах не остаются отпечатки пальцев подростков. По мнению Дэнни, летние каникулы – это прекрасная пора.

В Хинкл Хай, расположенной в соседнем округе, проводятся летние занятия, и там на полный рабочий день заняты трое уборщиков. Та школа может их себе позволить. У Дэнни же есть двое парней на летней подработке. Лучший из них, Джесси Джексон, как раз отмечает свой приход, когда Дэнни входит в подсобку. Второго парня, по мнению Дэнни, хилого бездельника, которого не заставишь работать и под дулом пистолета, нигде не видно.

«Хилого, – думает он. – «Хиллтоп Тексако».

– Где Пэт?

Джесси пожимает плечами. Он чернокожий, высокий и подтянутый, хорошо двигается. Создан для бейсбола и баскетбола, но не для футбола.

– Не знаю. Его машины не видно. Может быть, решил начать уикенд на день раньше.

«Плохая идея, если так», – думает Дэнни, но полагает, что Пэт Грейди из тех, чья голова полна плохих идей.

– Нужно натереть воском кабинеты в новом крыле. Начиная с двенадцатого. Сдвинь столы в одну сторону. Расставь попарно. После этого переходи в десятый. А я пройдусь полировочником. Если Пэт появится, попроси его помочь.

– Хорошо, мистер Кхефлин.

– Никаких «мистер», парень. Просто Дэнни. Договорились?

Джесси улыбается.

– Да, сэр.

– И никаких «сэр». Можешь приступать. Если, конечно, не желаешь выпить кофе, чтобы взбодриться.

– Я уже выпил в «Тотал».

– Умница. Мне нужно кое-что проверить в библиотеке, потом я тоже займусь работой.

– Хотите, я возьму полировочник?

Дэнни улыбается. Этот парень мог бы ему понравиться.

– Напрашиваешься на прибавку к зарплате?

Джесси смеётся.

– Вовсе нет.

– Хорошо. Здесь, в сельском округе Уайлдер, правят республиканцы, у которых не допросишься лишнего доллара. Конечно, если хочешь, прикати полировочник в 12-ый кабинет. Да, всё хотел спросить, тебя случайно назвали не в честь ли другого Джесси Джексона? Того, знаменитого.

– Да, сэр. То есть Дэнни.

– У тебя всё получится, парень. Я в тебя верю.

Дэнни берёт свой термос с кофе в библиотеку – ещё одно преимущество летних каникул.

4

Он включает один из компьютеров и вводит пароль библиотекаря. Пароль, используемый детьми, блокирует всё, что хоть как-то похоже на порно, а также доступ к соцсетям. С паролем миссис Голден можно заходить куда угодно, хотя Дэнни не собирается посещать «ПорнХаб». Он открывает «Файрфокс» и набирает «Хиллтоп Тексако». Его палец замирает над кнопкой «ввод», затем Дэнни добавляет «окружная дорога м». В этот момент его сон так же отчётлив, как и во время пробуждения, он не даёт Дэнни покоя (даже немного пугает его, несмотря на дневной свет, струящийся сквозь окна), и Дэнни надеется, что покончит с ним, ничего не найдя.

Он нажимает на кнопку и через секунду видит перед собой серое здание из шлакоблоков. На фотографии здание новое, и вывеска «Тексако» безупречно чистая. Стёкла в окнах и в двери целы. Бензоколонки сверкают на солнце. На табличках с ценами указано: 87 – \$1,09 и 89 – \$1,21. Судя по всему, снимок сделали, когда на «Хиллтоп Тексако» не заправляли 92-ой, а это, наверное, было очень давно. У заправки стоит «Бьюик», дорога перед ней двухполосная и асфальтированная, а не грунтовая. Дэнни кажется, что «Бьюик» сошёл с конвейера в Детройте в 1980 году.

Окружная дорога М находится в городе Ганнел. Дэнни никогда о нём не слышал, но это и неудивительно: Канзас большой, и в нём, должно быть, сотни крошечных городков, о которых он не знает. А знает он только то, что Ганнел может находиться за границей штата, в

Небраске. Часы работы – с 6 утра до 10 вечера. Обычное время для сельской заправки. Ниже красным цветом одно слово: ЗАКРЫТО.

Дэнни смотрит на этот сон, ставший реальностью, с такой глубокой тревогой, что она кажется страхом. Чёрт, может, это страх и есть. Всё, чего он хотел, – убедиться, что «Хиллтоп Тексако» (и рука, торчащая из земли) – это просто чушь, созданная его спящим разумом, а теперь посмотрите-ка на это. Просто посмотрите.

«Что ж, наверное, я уже где-то это видел, – рассуждает Дэнни. – Должно быть, так и есть. Разве я не читал где-то, что мозг никогда ничего не забывает, просто задвигает всякие пустяки в дальний угол?»

Дэнни ищет дополнительную информацию о «Хиллтоп Тексако», но ничего не находит. Есть «Хиллтоп Бэйкери» (в Де-Мойне), «Хиллтоп Субару» (в Дэнверсе, Массачусетс) и ещё куча других «Хиллтопов», включая контактный зоопарк в Нью-Гэмпшире. В каждом результате поиска перечёркнут запрос «тексако окружная дорога м». В любом случае, зачем нужна дополнительная информация? Это всего лишь заправочная станция где-то у чёрта на куличках – или, как говорил его отец, в заднице мира. Автозаправка «Тексако», которая закрылась, возможно, ещё в девяностых.

Помимо основного поиска «Файрфокс» выдаёт результаты во вкладках: НОВОСТИ, ВИДЕО, ПОКУПКИ... и ИЗОБРАЖЕНИЯ. Дэнни нажимает на последнюю и откидывается на спинку стула, ещё больше встревоженный тем, что появляется на экране. Множество фотографий «Хиллтопов», включая четыре «Тексако». Первый – тот же, что и на главной странице, но на другом фото заправочная станция стоит заброшенной: бензоколонки отсутствуют, окна разбиты, повсюду мусор. Это та самая автозаправка, которую Дэнни видел в своём сне. Никаких сомнений. Вопрос только в том, есть ли там тело, закопанное в пропитанную моторным маслом землю.

– Будь я проклят.

Это всё, что Дэнни может произнести. Ему тридцать шесть лет, он окончил среднюю школу, но диплома колледжа у него нет; разведён, детей нет, есть постоянная работа, болеет за «Роялс» и «Чифс», держится подальше от баров после запоев, которые привели – по крайней

мере, отчасти – к разрыву с Марджори. Водит старый пикап, отработывает положенные часы, получает зарплату, время от времени «залипает» на «Нетфликс», иногда навещает своего брата Стиви, не следит за новостями, не имеет политических предпочтений, не интересуется сверхъестественными явлениями. Никогда не видел привидений, считает фильмы о демонах и проклятиях пустой тратой времени, и не моргнув глазом прогулялся бы по кладбищу после наступления темноты, если бы понадобилось срезать путь. Не посещает церковь, не думает о Боге, не задумывается о загробной жизни, принимает эту жизнь такой, какая она есть, никогда не подвергал реальность сомнению.

Но засомневался сегодня утром. И не раз.

Рёв автомобиля с неисправным глушителем (или вообще без него) выводит Дэнни из состояния, близкого к гипнозу. Он отрывает взгляд от монитора и видит, как на ученическую стоянку въезжает старый «Мустанг». Пэт Грейди, второй его летний помощник, наконец-то решил почтить своим присутствием школу Уайлдер Хай. Дэнни смотрит на свои часы: без четверти восемь.

«Держи себя в руках», – думает он, вставая. Хороший совет самому себе, потому что из-за своей вспыльчивости в прошлом Дэнни попадал в неприятности. Так он провёл ночь на нарах и бросил пить. Что касается брака, то он бы всё равно распался... хотя продержался бы на пару лет дольше.

Дэнни направляется к двери в конце нового крыла. Джесси и правда прикатил полировочник и в этот момент занимается перестановкой столов в 12-ом кабинете. Дэнни машет ему рукой, и Джесси машет в ответ.

Пэт неторопливо идёт к двери – без забот, без волнений – в джинсах, футболке и кепке «Уайлдер Уайлкэтс» козырьком назад. Дэнни встречает Пэта. Он крепко держит себя в руках, но его раздражает отношение «мне начхать на всё» этого парня. А ещё от его мотоциклетных ботинок на полу остаются отметины.

– Здорово, Дэн, как делишки?

– Ты опаздываешь, – отвечает Дэнни. – Такие дела. Мы начинаем в семь тридцать. Сейчас уже почти восемь.

– Ну, сорян. – Пэт пожимает плечами, проскальзывая мимо Дэнни. Его джинны сидят низко на бёдрах.

– Это уже в третий раз.

Пэт поворачивается. Его вальяжная улыбка исчезает.

– Проспал. Забыл поставить будильник на телефоне, что ещё я могу сказать?

– Вот что я тебе скажу. Ещё раз опоздаешь, и это будет конец. Понял?

– Ты что, издеваешься? Это ж всего двадцать минут.

– В прошлую среду ты опоздал на полчаса. И нет, я не издеваюсь над тобой. Иди и помоги Джесси переставить столы в новом крыле.

– Учительский любимчик, – говорит Пэт, закатывая глаза.

Дэнни не отвечает, понимая, что всё сказанное в этот момент будет неправильным. Работу его помощников оплачивает школа. Дэнни не хочет говорить или делать что-то, что позволит Пэту Грейди (или его родителям) обратиться к начальству с жалобой о придирках на работе. Поэтому Дэнни не собирается называть Пэта мелким ленивым поганцем. Возможно, ему и не нужно этого делать. Пэт понимает это по лицу Дэнни, и поворачивается к подсобке, чтобы отметить приход, одной рукой подтягивая джинсы.

Дэнни не видит, прижимает ли Пэт вторую руку с оттопыренным средним пальцем к груди, но не удивился бы этому.

«К июлю его не будет, – думает Дэнни. – К тому же, мне есть о чём переживать. Разве нет?»

Джесси стоит в дверях кабинета № 12. Дэнни пожимает плечами, глядя на него. Джесси украдкой улыбаётся ему и возвращается к столам. Дэнни включает полировочник в розетку. Когда подходит Пэт – всё той же ленивой походкой, – Дэнни велит ему заняться перестановкой столов в кабинете № 10. Он думает, если Пэт скажет хоть одну глупость, Дэнни тут же уволит его. Но Пэт держит рот на замке.

Возможно, он всё-таки не полный идиот.

Дэнни держит телефон в бардачке своей «Тундры», чтобы не было искушения потыкать в экран в рабочее время (он видел, как этим занимались Пэт и Джесси; Джесси только однажды, а Пэт несколько раз). Во время обеденного перерыва Дэнни идёт к своему грузовику, чтобы поискать в интернете городок Ганнел. Он находится в округе Дарт, в девяноста милях к северу. Не в Небраске, но совсем рядом с границей. Дэнни мог бы поклясться, что никогда в жизни не был в округе Дарт,

не добирался даже до округа Репаблик, который тоже на севере, но судя по всему когда-то там был. Он бросает телефон обратно в бардачок и направляется к одному из столиков для пикников в тени спортзала, за которым обедает Джесси с телефоном в руке.

– Вы забыли включить сигнализацию у своего грузовика.

Дэнни ухмыляется.

– Ну, удачи тому, кто захочет сунуться туда, потому что брать там нечего. Да и сам грузовик уже почти отъездил своё. Около двухсот тысяч миль на счётчике.

– Держу пари, вы любите его. Мой папа любит свой старый «Форд» класса ¼ тонны.

– Вроде как люблю. Ты видел Пэта?

Джесси пожимает плечами.

– Наверное, ест в своей машине. Он любит свой старый «Мустанг». Но мне кажется, ему нужно лучше заботиться о нём. Будем добивать новое крыло?

– Попробуем, – отвечает Дэнни. – Если не справимся, всегда есть завтра.

5

Иногда, как этим вечером, Дэнни звонит своей бывшей. В апреле он даже съездил в Уичиту на её день рождения, подарил шарф – голубой, под цвет её глаз – и остался на торт и мороженое с её новым парнем. После расставания они с Марджи стали намного лучше ладить. Порой у Дэнни от этого щемит в сердце. Иногда он думает, что так и должно быть.

Они немного поговорили о всяком, обсудили общих знакомых, глаукому её матери и работу его брата (потрясающую), а потом Дэнни спросил, ездили ли они когда-нибудь на север, может быть, в Небраску или во Франклин, или Бивер-Сити? Разве они как-то раз не обедали в Бивер-Сити?

Марджори смеётся – не совсем своим прежним злым смехом, который раньше сводил Дэнни с ума, но близким к тому.

– Я бы никогда не поехала с тобой в Небраску, Дэнно. Разве Канзас недостаточно скучен?

– Ты уверена?

– Абсолютно, – отвечает Марджи. Затем она говорит Дэнни, что, по её мнению, Хэл – её новый парень – скоро задаст тот самый вопрос. Приедет ли Дэнни на свадьбу?

Он отвечает, что приедет. Марджи спрашивает, заботится ли Дэнни о себе, имея в виду, что он по-прежнему не пьёт. Он отвечает «да», советует ей смотреть по сторонам, переходя дорогу (их старая шутка) и отключается.

Я бы никогда не поехала с тобой в Небраску, Дэнно, сказала она.

Дэнни пару раз бывал в Линкольне и один раз в Омахе, но эти города находятся к востоку от Уайлдера, а Ганнел – на севере. И всё же, он наверняка побывал там, но просто забыл. Может быть, во времена своих запоев? Только он никогда не садился за руль пьяным, боясь потерять права, или даже покалечить кого-нибудь.

«Я был там. Должно быть, так и есть, ещё когда окружная дорога была просёлочной, а не грунтовой».

Дэнни ложится спать позже обычного и долго ворочается с боку на бок, боясь, что сон вернётся. Этого не происходит, но по утру всё так же ясно стоит перед глазами: брошенная автозаправка, полумесяц, бродячая собака, рука, браслет.

6

В отличие от многих мужчин своего возраста и положения, Дэнни не пьёт (во всяком случае, на данный момент), не курит и не объедается. Он любит спорт и может поставить пять баксов на Суперкубок, просто чтобы было интереснее смотреть, но в остальном он совершенно не азартен – даже не позволяет себе двухдолларовые лотерейные билеты в день зарплаты. Он также не ухлёстывает за женщинами. В его трейлерном парке живёт дама по имени Бекки, которую Дэнни иногда навещает. Таких женщин обычно называют соломенными вдовами, но это скорее случайная дружба, чем то, что в дневных ток-шоу называют «отношениями». Иногда он остаётся у неё на ночь. Иногда приносит ей продукты или присматривает за её дочерью, если Бекки нужно убежать по делам или навеститься к парикмахеру. Они хорошо проводят время, но любовного интереса в этом нет.

В субботу утром Дэнни складывает в контейнер пару сэндвичей и кусок пирога, принесённый Бекки после того, как он починил выхлопную трубу её старой «Хонда Сивик». Он наливает в термос чёрный кофе и направляется на север. Дэнни думает, что ему захочется есть, если заглянув за заброшенную автозаправку он ничего не найдёт. Если он увидит то, что видел во сне, то, скорее всего, ему будет не до еды.

Следуя навигатору в телефоне, Дэнни добирается до Ганнела к половине одиннадцатого. Стоит самый обычный канзасский день: жаркий, солнечный, ясный и не очень-то примечательный. В городке нет ничего, кроме продуктового магазина, лавки садово-огородных товаров, кафе и ржавой водонапорной башни с надписью «ОРУЖИЕ» на боку. Миновав городок, через десять минут Дэнни сворачивает на Окружную дорогу М, асфальтированную, а не грунтовую. Тем не менее в животе у него всё сжимается, а сердце бьётся так сильно, что отдаёт в шее и висках.

С обеих сторон вплотную к дороге растёт кукуруза. Кормовая, а не пищевая. Как и во сне Дэнни, слона не скроет, но достаточно высокая для конца июня, а к августу достигнет шести футов.

«Дорога с покрытием, не такая, как в чёртовом сне», – думает Дэнни, но всего через две мили асфальт заканчивается и начинается утрамбованная земля. Ещё через милю он резко останавливается (без опаски, поскольку других машин нет). Впереди справа от дороги стоит дорожный знак, изрисованный краской из баллончика. На нём написано «НУЖНАЯ ДОРОГА МАНДЫ». Невероятно, но именно его Дэнни видел во сне. Теперь дорога поднимается. Проехав ещё четверть мили, а то и меньше, Дэнни увидит приземистые очертания заброшенной автозаправки.

«Поворачивай назад, – думает он. – Ты не обязан ехать туда, и никто тебя не заставляет, поэтому просто поворачивай назад и езжай домой».

Вот только Дэнни не может этого сделать. Его любопытство слишком сильно. К тому же есть ещё собака. Если она там, то в итоге раскопает тело, что приведёт к дальнейшему насилию над телом девушки или женщины, которая уже подверглась максимальному насилию в виде убийства. Если Дэнни позволит этому случиться, оно будет преследовать его ещё сильнее – и дольше, – чем сон.

Уверен ли он, что рука была женская? Да, из-за браслета с подвесками. Точно ли он знает, что она убита? Зачем ещё кому-то понадобилось закапывать её за заброшенной автозаправкой где-то у чёрта на рогах?

Дэнни едет дальше. Вот и заправочная станция. На ржавых табличках перед фасадом написано: \$1,99 за 87-ой, \$2,19 за 89-ый, и \$2,49 за 92-ой. Как и в его сне. Здесь, на вершине холма, дует лёгкий ветерок, и таблички, приделанные к стальному столбу, издают звук *бряк-бряк-бряк*.

Дэнни сворачивает на потрескавшийся и заросший сорняками асфальт, стараясь не наехать на осколки разбитого стекла. Шины у грузовика не новые, а запаска настолько лысая, что в нескольких местах проглядывает корд. Последнее, чего он хочет – меньше всего на свете – это застрять здесь.

Он вылезает из машины и захлопывает дверь, вздрагивая от издаваемого ею звука. Глупо, но он ничего не может с собой поделаться. Ему страшно до смерти. Где-то вдалеке тархтит трактор. По ощущениям Дэнни, он словно оказался на другой планете. Он не может припомнить, чтобы когда-либо чувствовал себя таким одиноким.

Шагая вокруг автозаправки, он словно возвращается в свой сон. Его ноги идут будто сами по себе, без указаний сверху. Дэнни отпинывает в сторону банку из-под моторного масла. Естественно, «Хэволайн». Он хочет задержаться на углу здания из шлакоблоков и представить, что ничего не увидит, совсем ничего, но ноги сами несут его вперёд без задержек. Несут неумолимо. Опрокинутый ржавый мусорный бак лежит на своём месте, вывалив своё содержимое. Собака тоже там. Она стоит на краю кукурузного поля и смотрит на Дэнни.

«Чёртова дворняга ждала меня, – думает Дэнни. – Знала, что я приду».

Глупая мысль, но всё же. Стоя здесь, за много миль от ближайшего человеческого существа (то есть живого человеческого существа), Дэнни знает, что это не глупо. Ему снилась собака, а собаке снился он. Всё просто.

– Вали на хер! – кричит Дэнни, хлопая в ладоши. Собака бросает на него злобный взгляд и, прихрамывая, скрывается в кукурузе.

Дэнни поворачивается налево и видит руку, вернее, то, что от неё осталось. И даже больше. Дворняге пришлось попотеть – она откопала часть предплечья. Сквозь плоть проглядывают кости и повсюду копошатся насекомые, но увиденного достаточно, чтобы понять, что здесь закопан белый человек, а над браслетом есть татуировка. Что-то похожее на верёвку или виток колючей проволоки. Дэнни смог бы разглядеть, подойдя поближе, но у него нет желания приближаться. Больше всего он хочет убраться отсюда к чёртовой матери.

Но если он уйдёт, собака вернётся. Дэнни не видит её, но знает, что она рядом. Наблюдает. Ждёт, когда её оставят наедине с ранним обедом.

Дэнни возвращается к своему грузовику, достаёт телефон из бардачка и просто смотрит на него. Если он воспользуется мобильником, то станет первым подозреваемым. Но там эта гадская собака!

В голову Дэнни приходит идея. Мусорный бак лежит на боку. Дэнни запрокидывает его, вываливая кучу мусора (слава Богу, крыс внутри нет). Бак стальной, весит, должно быть, фунтов тридцать-тридцать пять. Дэнни поднимает его, чувствуя, как по щекам катится пот, и подносит к руке и предплечью в разрытой земле. Накрыв части тела, Дэнни отступает на шаг, отряхивая ржавчину с рубашки. Достаточно ли этого, или собака сумеет опрокинуть бак? Трудно сказать.

Пройдя к фасаду автозаправки, Дэнни поднимает два увесистых куска бетона. Вернувшись назад, он кладёт их поверх перевёрнутого бака. Теперь достаточно? Ему так кажется. По крайней мере, на какое-то время хватит. Если собака решит толкнуть бак, чтобы добраться до того, что под ним находится, один из кусков бетона может упасть ей на голову.

«Пока так. Что дальше?»

7

К тому времени, как Дэнни добирается до своего грузовика, в голове у него немного проясняется, и он понимает, что нужно предпринять. Заведя двигатель, он разворачивается на юг, снова стараясь не наехать на битое стекло. Мимо, направляясь на север, проезжает фермерский грузовик. За собой он тащит небольшой прицеп, груженный

пиломатериалами. Водитель в сетчатой кепке, натянутой по самые уши, с мрачным видом смотрит вперёд, не обращая внимания на Дэнни. И это хорошо. Когда фермер скрывается за холмом, Дэнни едет обратно той же дорогой, какой приехал.

На окраине Томпсона он заходит в «Доллар Дженерал» и спрашивает, есть ли в продаже сотовые телефоны с предоплаченной сим-картой – в некоторых сериалах, которые он смотрит, их называют «одноразовыми». Дэнни никогда не покупал ничего подобного, ожидая, что продавец направит его в другое место, может быть, в «Уолмарт» в Бельвиле, но тот указывает на пятый ряд. Там много одноразовых телефонов, но, судя по всему, «Тракфон» – самый дешёвый из них, с бесплатной активацией и инструкцией.

Достав бумажник из заднего кармана, Дэнни собирается расплатиться картой «Виза», но потом спрашивает себя, родился ли он тупым или просто стал таким. Он сует бумажник обратно и достаёт из переднего кармана наличные деньги, чем и расплачивается.

Продавец – молодой парень с прыщами и козлиной бородкой. Он улыбается Дэнни и спрашивает, не собирается ли тот ловить курочек в «Тиндере». Называет Дэнни «бро».

Дэнни понятия не имеет, о чём он говорит, поэтому просто отвечает, что не играет в мобильные игры.

Продавец больше ничего не говорит, только пробивает телефон и отдаёт Дэнни чек. Выйдя наружу, он выбрасывает чек в мусорный контейнер. Дэнни не хочет, чтобы осталось свидетельство этой покупки. Всё, чего он хочет – сообщить о трупе. Остальное пусть ложится на плечи людей, зарабатывающих себе на жизнь расследованием преступлений. Чем быстрее он покончит с этим делом, тем лучше. Мысль о том, чтобы оставить всё как есть, никогда не приходила ему в голову. Рано или поздно та дворняга – возможно, со своими друзьями – перевернёт бак, чтобы добраться до мяса под ним. Дэнни не может этого допустить. Позади этой автозаправки лежит чья-то жена или дочь.

Через две мили он паркуется на небольшой площадке для отдыха. Там стоят два столика для пикника и биотуалет. То, что нужно. Дэнни

вскрывает упаковку телефона и просматривает инструкцию. В ней всё довольно просто, и мобильник заряжен на пятьдесят процентов. Через три минуты он загружается и готов к работе. Дэнни обдумывает, не записать ли сперва то, что он хочет сказать, и решает: в этом нет необходимости. Ему нужно говорить кратко, чтобы никто не смог отследить звонок.

Сначала Дэнни хотел позвонить в департамент полиции Бельвиля, но он в другом округе, и Дэнни знает номер экстренной помощи Канзасского дорожного патруля – он есть в каждом офисе школы Уайлдер Хай и в коридорах как старого, так и нового крыла. Как и в школах по всему штату, предполагает Дэнни. Никто не произносит этого вслух – в чём просто нет необходимости, – но номер нужен на случай появления стрелка.

Дэнни набирает «*47». Раздаётся всего один гудок.

– Дорожный патруль Канзаса. У вас что-то случилось?

– Я хочу сообщить о найденном теле. Думаю, это жертва убийства.

– Как вас зовут, сэр?

Дэнни едва не представляется. Вот же кретин.

– Тело находится позади заброшенной автозаправки «Тексако» в городе Ганнел.

– Сэр, могу я узнать ваше имя?

– Нужно ехать по Окружной дороге М. Затем подняться на холм. Заправочная станция находится на самом верху.

– Сэр...

– Просто слушайте. Тело находится позади станции, вы поняли? Руку того, кто там закопан, погрызла собака. Это женщина или, может быть, девушка. Я накрыл её руку мусорным баком, но собака очень скоро доберётся до неё.

– Сэр, мне нужно ваше имя и место, откуда вы звони...

– Ганнел. Окружная дорога М, примерно в трёх милях от шоссе. Позади заправки «Тексако». Заберите её оттуда. Кто-нибудь будет её искать.

Дэнни заканчивает разговор. Его сердце бешено колотится. Лицо вспотело, рубашка промокла насквозь. У него такое чувство, будто он только что пробежал марафон, а мобильник испускает радиоактивное

излучение. Дэнни бросает его в мусорное ведро между столиками, затем передумывает и достаёт обратно, вытирает о рубашку и снова опускает в ведро. Проехав пять миль, Дэнни вспоминает – тоже благодаря сериалу – что, возможно, ему следовало вынуть сим-карту. Но он не собирается возвращаться. Он не думает, что полиция может отследить звонок с одноразового телефона, но не хочет рисковать, возвращаясь на место преступления.

«Какое преступление? Господи Боже, ты всего лишь сообщил о нём, а не совершил».

Как бы то ни было, всё, чего Дэнни хочет – вернуться домой, сесть перед телевизором и забыть о том, что произошло. Он вспоминает о взятых с собой сэндвичах, но у него нет аппетита.

9

Теперь, когда Дэнни бросил пить, он просыпается рано. Воскресным утром он встаёт в половине седьмого, съедает тарелку хлопьев и в семь часов включает утреннюю сводку «Кей-Эс-Эн-Би». Следует большой сюжет о столкновении девяти автомобилей на шоссе № 70 к западу от Уилсона. Но ничего о теле, найденном позади заброшенной автозаправки. Дэнни уже собирается выключить телевизор, когда ведущий, которому, вероятно, для покупки пива в баре нужно предъявить удостоверение личности, говорит: «Только что поступило сообщение. За пустым зданием в маленьком городке Ганнел, недалеко от границы штата Небраска, обнаружено тело. Полиция перекрыла окружную дорогу к северу от города, ведётся расследование. Свежие новости об этом инциденте смотрите на нашем сайте или в вечернем выпуске».

В течение дня Дэнни несколько раз заходит на указанный сайт, а также на сайт «Кей-Эй-Эй-Эс». В четверть первого на сайте «Кей-Эй-Эй-Эс» появляется сорокасекундный ролик с полицейскими машинами, блокирующими въезд на Окружную дорогу М. Также утренний выпуск новостей дополняется известием о том, что тело принадлежит женщине. Для Дэнни это не новость.

Он идёт повидать Бекки. Её дочь, девятилетняя милашка по имени Дарла-Джин, крепко обнимает Дэнни. Бекки спрашивает, не хочет ли он съездить за бургерами в «Снэк Шэк».

– Можешь взять мою машину, – говорит она.

– Я тоже хочу поехать! – заявляет Дарла.

– Хорошо, – отвечает Бекки, – но сначала сходи переоденься. Ты испачкала всю рубашку.

– Не нужно переодеваться, – говорит Дэнни. – Я просто подъеду к автомобильному окошку.

Они берут бургеры, картошку фри и лимонад и едят в тени позади трейлера Бекки. Там хорошо. У Бекки растёт жакаранда, которую ей приходится постоянно поливать. Потому что, как она говорит: «Такому растению не место в Канзасе». Бекки спрашивает, не задумался ли о чём-то Дэнни, потому что ей приходится всё повторять дважды.

– Либо ты впадаешь в маразм.

– Просто думаю о том, что у меня намечено на следующую неделю, – отвечает Дэнни.

– Правда? И дело тут вовсе не в Марджи?

– Я разговаривал с ней вчера, – говорит Дэнни. – Ей кажется, что её парень собирается сделать предложение.

– Ты всё ещё неравнодушен к ней? Я права?

Дэнни смеётся.

– Не сказал бы.

– Дэнни! – кричит Дарла-Джин. – Смотри, как я умею делать сальто!

Дэнни смотрит.

10

В вечернем выпуске «Кей-Эс-Эн-Би» показывает репортаж с места происшествия. Репортёрша кажется неуверенной в себе – несомненно, последствия уикенда. Она стоит перед полицейскими машинами, блокирующими Окружную дорогу М на повороте.

– Вчера вечером после анонимного сообщения на заброшенную автозаправочную станцию в городе Ганнел прибыли группы дорожного патруля Канзаса. Они обнаружили тело неопознанной женщины,

закопанное позади здания станции, которая... – Репортёрша сверяется со своими записями и откидывает волосы с глаз. – ...которая была закрыта в 2012 году, когда 119-е шоссе расширили до четырёх полос. ДПК не сообщает, была ли установлена личность женщины. Ожидается, что её имя объявят не раньше, чем уведомят ближайших родственников. Полиция также не сообщает, было ли это убийство, но учитывая отдалённость места... – Репортёрша пожимает плечами, как бы говоря, *что ещё* это может быть? – Передаю слово тебе, Пит.

Дэнни думает, что личность женщины скоро выяснят. Главное, чтобы не выяснили его. Он просто «анонимный источник».

«Это моё доброе дело года, – думает Дэнни. – Хотя говорят, ни одно доброе дело не останется безнаказанным?»

Затем, на всякий случай, Дэнни стучит по дереву.

11

Всю следующую неделю Пэт Грейди приходит на работу без опозданий. Дэнни надеется, что Пэт усвоил урок, но ему никогда не стать таким ответственным работником, как Джесси Джексон. Как говорили в старину, этот молодой человек умеет и рыбку поймать и огонь развести.

Тем временем, начинает появляться информация о девушке из сна Дэнни. Хотя её имя не называется, сообщают, что ей двадцать четыре года и родом она из Оклахомы. По словам её подруги, этой неназванной девушке надоели и родители, и местный колледж, и она намеревалась добраться автостопом до Лос-Анджелеса, поступить в школу парикмахеров и, возможно, устроиться статисткой в кино или телевизионные шоу. Ей удалось доехать до Канзаса. Тело пролежало в земле какое-то время – детективы ДПК не сказали сколько, но достаточно, чтобы появились признаки «сильного разложения».

«Возможно, тут постаралась собака», – думает Дэнни.

По словам полицейского источника, на теле девушки имеются «многочисленные ножевые ранения». Кроме того, она подверглась сексуальному насилию – мягкий термин для «изнасилования».

Вечером в четверг, досмотрев выпуск местных новостей, Дэнни почувствовал себя неудобно. Репортёр был старше женщины, освещавшей происшествие в уикенд и, очевидно, более опытный. Он стоял перед заправочной станцией, где асфальт ограждала жёлтая полицейская лента. «Детективы Канзасского бюро расследований активно разыскивают человека, сообщившего о местонахождении тела. Если кто-нибудь знает его имя, детективы надеются, что им об этом сообщат. Или, возможно, кто-то узнает его голос. Послушайте запись».

На экране телевизора появился силуэт, похожий на аватарку из соцсетей, если пользователь не добавил своё фото. Затем Дэнни услышал свой собственный голос. Он был удивительно чётким, почти без искажений: *«Тело находится позади заброшенной автозаправки «Тексако» в городе Ганнел... Окружная дорога М, примерно в трёх милях от шоссе. Позади заправки «Тексако». Заберите её оттуда. Кто-нибудь будет её искать».*

Дэнни уже начал жалеть, что не убрался оттуда без звонка. Но подумав об обглоданной руке, торчащей из земли, понял, что оставлять её так было нельзя. Он выключил телевизор, обратившись к пустому трейлеру: «Как бы я хотел, чтобы мне никогда не снился этот долбаный сон. Помолчав, Дэнни добавил: «И надеюсь, что подобное никогда мне больше не приснится».

12

В пятницу днём Дэнни длинной шваброй протирает люминесцентные лампы в главном офисе, когда на парковку заезжает тёмно-синий седан. Из него выходит женщина в белой рубашке и синих брюках. Она закидывает на плечо сумку, размером с рюкзак. С пассажирской стороны появляется мужчина в чёрном спортивном пиджаке и старомодных джинсах. Когда они идут к парадному входу школы, Дэнни бросает на них взгляд и думает: *«Я попался».*

Он ставит швабру в угол и идёт им навстречу. Удивительно в этом появлении то, что Дэнни несколько не удивлён. Как будто он этого ожидал.

Из динамиков спортзала доносится негромкая рок-музыка. Джесси и Пэт убирают мусор из-под складных трибун. На следующей

неделе планируется обновить паркет, и от этой работы у Дэнни всегда болит голова. Теперь он задаётся вопросом, будет ли он здесь на следующей неделе. Ему не очень-то помогает твердить себе, что это нелепо, что он не сделал ничего плохого. Ему вспоминается фраза из какого-то старого ситкома: *«Придётся объясняться»*.

Женщина открывает входную дверь, придерживая её для мужчины. Дэнни выходит из офиса и идёт по коридору. Прибывшие стоят в вестибюле, возле витрины с наградами, над которой висит сине-золотой баннер с надписью «ГОРДОСТЬ УАЙЛДКЭТ». Женщине на вид около тридцати, тёмные волосы собраны на затылке в тугий пучок. Слева на поясе пистолет рукоятью наружу. Справа – сине-жёлтый значок с буквами КБР в центре. Она хороша собой, несмотря на серьёзный вид, но именно мужчина привлекает внимание Дэнни, хотя поначалу он не может сказать почему. Позже ему придёт в голову, что вы на инстинктивном уровне распознаёте заклятого врага, когда он появляется в вашей жизни. Дэнни попытается отмахнуться от этой бредовой мысли, но даже сейчас, подходя к парочке, в его голове мелькает: *«Берегись этого человека»*.

Мужская половина тандема старше женской, но трудно сказать насколько. Обычно Дэнни удаётся угадать возраст с погрешностью в пару лет, но он никак не может определиться с этим мужчиной. Возможно, ему сорок пять. Возможно, он близок к отставке. Возможно, он болен или просто устал. Треугольник жёстких волнистых волос, рыжих вперемешку с седыми, спускается почти до верхней линии его лба. Волосы зачёсаны назад и образуют нечто, напоминающее Дэнни гигантскую «паучью жопку». У него тёмные, глубоко посаженные глаза, под которыми залегли мешки. Локти на спортивном пиджаке затёрты, будто его десятки раз отдавали в химчистку. У него также значок КБР на поясе, но оружия при нём нет. Будь у него пистолет, думает Дэнни, то под его тяжестью джинсы мужчины сползли бы вниз, обнажив стариковские боксеры. Излишков жира на животе у него нет, на бёдрах тоже, и если бы он повернулся спиной, думает Дэнни, его джинсы висели бы мешком на тощей заднице – отличительная черта многих белых худощавых мужчин со Среднего Запада. Всё, чего ему не хватает, – это порции табака за нижней губой.

Полицейский делает шаг вперёд, протягивая руку.

– Дэниел Кхефлин? Я инспектор Франклин Джалберт, Канзасское бюро расследований. Это мой напарник, инспектор Элла Дэвис.

Рука у Джалберта крепкая и горячая, будто у него жар. Дэнни символически пожимает её и отпускает. Женщина не протягивает ему руку, только окидывает оценивающим взглядом. Она словно уже видит, как Дэнни исполняет грустный танец, называемый «походкой преступника», но Дэнни это беспокоит меньше, чем взгляд Джалберта. Есть в нём какая-то затуманенность, как будто он уже тысячу раз видел таких Дэнни.

– Вы знаете, почему мы здесь? – спрашивает Элла Дэвис.

Дэнни понимает, что подобный вопрос – как спросить мужика, продолжает ли он бить свою жену, – из категории, на которые нет правильного ответа.

– Может быть, вы скажете мне?

Прежде чем кто-либо из них успеваает ответить, дверь в конце старого крыла со скрипом открывается и захлопывается. Это Джесси.

– Дэнни, мы закончили приборку под трибунами. Вы бы видели весь этот... – Джесси замечает мужчину в выцветшем спортивном пиджаке и женщину в синих брюках, и замолкает.

– Джесси, почему бы тебе не...

Дверь снова издаёт скрип и захлопывается, прежде чем Дэнни успеваает договорить. На этот раз появляется Пэт, в приспущенных джинсах, кепке козырьком назад, и с самодовольным видом. Он стоит за спиной у Джесси, склонив голову набок и разглядывая компанию Дэнни. Пэт видит пистолет женщины, смотрит на значки и на его губах начинает появляться лёгкая улыбка.

Дэнни снова говорит:

– Почему бы вам двоим не закончить пораньше? Я отмечу ваш уход в четыре.

– Серьёзно? – спрашивает Пэт.

Джесси спрашивает, уверен ли Дэнни. Пэт хлопает его по плечу, мол, *«не просри возможность»*. Он продолжает улыбаться, и не потому, что уикенд начнётся на час раньше. Ему нравится мысль, что у его босса могут быть проблемы с копами.

– Я уверен. Если вы оставили в подсобке свои вещи, заберите по пути.

Парни уходят. Джесси бросает быстрый взгляд через плечо, и Дэнни трогает забота в его глазах. Когда дверь захлопывается, он поворачивается к Джалберту и Дэвис, повторяя свой вопрос:

– Может быть, вы скажете мне?

Дэвис уходит от ответа.

– Мистер Кхефлин, у нас к вам всего несколько вопросов. Почему бы вам не проехать с нами? Полиция Маниту любезно выделила для нас комнату отдыха. Будем там через двадцать минут.

Дэнни качает головой.

– Я обещал этим молодым людям, что отмечу их в четыре. Давайте поговорим в библиотеке.

Элла Дэвис бросает быстрый взгляд на Джалберта, который пожимает плечами и улыбается, на мгновение показывая белые зубы – *«Значит, без табака»*, – думает Дэнни, – но такие маленькие, что похожи на обрубки. *«Часто скрежещет зубами»*, – думает Дэнни. – *«Не иначе»*.

– Думаю, библиотека подойдёт, – говорит Джалберт.

– Нам сюда.

Дэнни направляется по коридору, но не ведёт парочку за собой; Джалберт идёт слева от него, Дэвис – справа. Когда они усаживаются за один из библиотечных столов, Дэвис спрашивает, не возражает ли Дэнни, если их небольшая беседа будет записана. Дэнни не возражает. Женщина роется в сумке, достаёт телефон и кладёт его на стол перед Дэнни.

– Просто, чтобы вы знали, – говорит она, – вы *не* обязаны с нами разговаривать. У вас есть право хранить молчание. Всё, что вы скажете...

Джалберт поднимает руку, и Дэвис сразу замолкает.

– Не думаю, что нужно зачитывать мистеру Кхефлину... Скажите, я могу называть вас Дэнни?

Дэнни пожимает плечами.

– Как хотите.

– Не думаю, что сейчас нужно зачитывать ему Правило Миранды. Он уже слышал это раньше, ведь так, Дэнни?

– Так. – Дэнни хочет добавить, что *обвинение было снято, Марджи согласилась на это; к тому времени я бросил пить и скандалить*

с ней. Но думает, Джалберту и так об этом известно. Дэнни думает, что эти двое уже какое-то время знают, кто сделал анонимный звонок. Достаточно время, чтобы покопаться в его прошлом и узнать, что Марджи обратилась с суд за вынесением запрета на приближение

Они ждут от Дэнни продолжения. Но поняв, что он не заговорит, Дэвис роется в своей сумке, извлекая планшет. Она показывает Дэнни фотографию. Это мобильник в пластиковом пакете, с датой обнаружения и именем офицера – *Д. С. Лэйнг, криминалист ФБР*, – который его нашёл.

– Вы купили этот телефон в магазине «Доллар Дженерал» на Байфилд-Роуд в городе Томпсон? – спрашивает Дэвис.

Лгать бессмысленно. Эта парочка, вероятно, показала продавцу «Доллар Дженерал» полицейское фото Дэнни, сделанное после ареста за нарушение судебного запрета. Он вздыхает.

– Да. Наверное, мне следовало вынуть симку.

– Это бы не помогло, – говорит Джалберт. Он не смотрит на Дэнни. Он смотрит в окно на Джесси и Пэта, который ржёт, как конь. Затем Пэт хлопает Джесси по плечу и направляется к своей машине.

– У офицера, принявшего ваш звонок, на экране высветился номер телефона и номер вышки сотовой связи.

– Эх, не всё я продумал, правда?

– Правда, Дэнни. – Дэвис с серьёзным видом смотрит на него, без улыбки, но давая понять, что *могла* бы улыбнуться, если бы он сказал ей больше. – Будто бы вы хотели, чтобы вас нашли. Вы этого хотели?

Дэнни обдумывает вопрос и решает, что он идиотский.

– Нет. Просто не продумал всё как следует.

– Но вы признаёте, что совершили звонок? Касается местонахождения Ивонн Уикер? Так её звали. Ту мёртвую женщину.

– Да.

Теперь Дэнни вляпался и понимает это. Он не верит, что его могут арестовать за убийство, сама эта идея абсурдна. Худшее, что он делал в своей жизни, – это стоял возле дома своей бывшей жены, пока она не вызывала полицию Уичиты. Первые два раза они просто заставляли его уйти. В третий раз – после установления судебного запрета – они арестовали Дэнни, и ночь он провёл за решёткой.

Инспекторы ждут от Дэнни продолжения. Он молча скрещивает руки на груди. Дэнни понимает, что придётся объясняться, в этом нет сомнений, но он боится этого.

– Значит, вы были на автозаправке «Тексако» в Ганнеле? – спрашивает Джалберт.

– Да.

– Сколько раз?

«Дважды, – думает Дэнни. – Один раз во сне, а второй – наяву».

– Один.

– Вы накрыли останки бедной девушки мусорным баком, чтобы защитить от бесчинства животных? – Голос Джалберта низкий и мягкий, располагающий к доверию.

Дэнни не знает слова *«бесчинство»*, но контекст ему ясен.

– Да. Там была собака. Вы не знаете, что с ней?

– Она была нейтрализована, – отвечает Элла Дэвис. – Прибывшие офицеры не смогли отогнать её, и не захотели ждать инспекцию по контролю за животными из Бельвиля, поэтому...

Джалберт кладёт ладонь Дэвис на плечо, мягко, и она сразу затихает, даже слегка краснеет. *«Нельзя разглашать информацию подозреваемым, – думает Дэнни. – Он помнит об этом, даже если забыла она».* И мысленно добавляет: *«Берегись этого человека».*

Дэвис проводит пальцем по экрану планшета, вероятно, перелистывая фото.

– Вам принадлежит белый пикап «Тойота Тундра» 2010 года?

– 2011-го. Я паркуюсь за школьными автобусами. – Машину там нельзя заметить, но они знают год и модель. И Дэнни знает, что увидит на фото, прежде чем Дэвис покажет ему. Это его грузовик, стоящий на парковке возле «Доллар Дженерал», где он купил мобильник. Номерной знак отчётливо виден.

– Камера наблюдения?

– Да. У меня есть и другие фотографии с вашим изображением. Хотите взглянуть?

Дэнни качает головой.

– Хорошо. Но есть одна, которая может вас заинтересовать. – На этот раз Дэвис показывает чёрно-белый снимок в высоком разрешении, на котором запечатлены следы протекторов на потрескавшемся

асфальте возле «Тексако». – Когда мы сравним эти следы с шинами вашего грузовика, совпадут ли они?

– Полагаю, да. – Дэнни ни разу не подумал, что могли остаться следы колёс, хотя должен был. Потому что Окружная дорога М заасфальтирована не до конца. Дэнни приходит в голову: оказывается, можно быть чертовски беспечным в заметании следов – в буквальном смысле слова – если ты раньше не совершал преступлений.

Дэвис кивает.

– Кроме того, фермер по имени Делрой Фергюсон видел белый грузовик, припаркованный перед заправкой. В тот же день, когда вы сделали звонок из Томпсона. Фермер позвонил в дорожный патруль, сказав, что, по его мнению, кто-то вывозил мусор. Или происходит встреча наркоторговцев.

Дэнни вздыхает. Он мог бы поклясться, что фермер не сводил глаз с дороги, когда тащил свой прицеп с досками. Он снова думает: «Я попался».

– Это мой грузовик, я был там, я купил телефон и позвонил по нему. Почему бы нам уже не покончить с этим дерьмом? Спросите, почему я там оказался. И я расскажу. – Дэнни думает, не добавить ли «вы в это не поверите», но разве это не очевидно?

Дэнни думает, что Дэвис спросит именно об этом, но заговаривает мужчину в чёрном пиджаке.

– Интересно, что с телефона были стёрты отпечатки пальцев.

– Да, я это сделал. Хотя, судя по тому, что вы мне рассказали, вы бы всё равно меня нашли.

– Да, да. С другой стороны, вы заплатили за него наличными, – говорит Джалберт, будто просто коротает время. – Умно. Без записи с камеры наблюдения, нам бы понадобилось немало времени на ваши поиски. Возможно, вообще не нашли бы.

– Я не обдумал всё как следует. Я же вам сказал. – В библиотеке прохладно, но Дэнни начинает потеть. Его щёки заливает румянец. Он чувствует себя дураком. Ни одно доброе дело не останется безнаказанным – истинная правда.

Джалберт смотрит, как Пэт Грейди трогается с места, двигатель ревёт, а из выхлопной трубы брызжет масло. Затем он переводит свой затуманенный взгляд на Дэнни.

– Вы хотели, чтобы вас поймали, я прав?

– Нет, – отвечает Дэнни, хотя в глубине души сомневается. У Джалберта пронзительный взгляд. *Я знаю то, что должен знать*, говорит он. *Я занимаюсь этим долгое время, Санни Джим, и знаю то, что должен знать.* – Я просто не хотел объяснять, как я узнал об этой женщине. Думал, что мне никто не поверит. Если отмотать время, я бы написал анонимное письмо.

Дэнни замолкает, глядя на свои руки и прикусывая губу. Затем снова поднимает глаза и говорит правду.

– Нет. Я бы поступил точно также. Из-за собаки. Она добралась до девушки. И не остановилась бы на достигнутом. Возможно, к ней бы присоединились другие. Они бы учуяли...

Дэнни замолкает. За него договаривает Джалберт.

– Тело. Тело бедной мисс Ивонн.

– Я не мог этого допустить. – Дэнни ещё не привык к имени девушки. Ивонн. Красивое имя.

Элла Дэвис смотрит на Дэнни так, будто он чем-то болен, но затуманенный взгляд Джалберта не меняется. Он говорит:

– Так расскажите нам. Как вы узнали?

И Дэнни рассказывает им о своём сне. О знаке «НУЖНАЯ ДОРОГА МАНДЫ», о луне, о брякающих табличках с ценами на бензин. Он рассказывает им, как ноги сами понесли его вперёд. О руке, о браслете и собаке. Рассказывает им обо всём, но не может передать всю ясность сна, насколько он был похож на реальность.

– Я думал, он просто забудется, как и большинство снов после пробуждения. Но этого не случилось. И в конце концов я отправился туда, желая убедиться, что это просто какой-то безумный фильм, прокрученный в моей голове. Только... она оказалась там. Собака оказалась там. Поэтому я позвонил.

Инспекторы молчат, глядя на Дэнни. Рассматривая его. Элла Дэвис не произносит: *«Вы действительно думаете, что мы купимся на это?»* Ей и не нужно. Выражение её лица говорит само за себя.

Молчание затягивается. Дэнни понимает, что должен нарушить его, должен попытаться убедить их, дав больше подробностей. Понимает, что на чём-нибудь запнётся, начнёт мямлить. Он молчит. Это требует усилий.

Джалберт улыбается. Удивительно – улыбка-то приятная. Добродушная. Если не считать взгляда. Он остался прежним. Как человек, изрекающий великую истину, Джалберт говорит:

– Вы экстрасенс! Как мисс Клео!

Дэвис закатывает глаза.

Дэнни качает головой.

– Я не такой.

– Такой! Да, вы такой! Ей-богу! Держу пари, вы помогли полиции в других расследованиях, как Нэнси Уэбер и Питер Хуркос. Наверное, вы даже знаете, что думают другие люди! – Инспектор постукивает себя пальцем по виску, на котором пульсирую маленькие голубые жилки.

Дэнни улыбается и смотрит на Эллу Дэвис.

– Я без понятия, кто такие Нэнси Уэбер и Питер Хуркос, но я знаю, что *она* думает. Что я лгу как дышу.

Дэвис невесело улыбается в ответ.

– Так точно.

Дэнни поворачивается к Джалберту.

– Я никогда не помогал полиции. Я имею в виду, до этого раза.

– Нет?

– И мне не снилось ничего подобного раньше.

– Никаких экстрасенсорных озарений? Может быть, говорили другу, чтобы он осторожней спускался по лестнице в подвал, а то не соберёт костей?

– Нет.

– Ради всего святого, не выходи из дома двенадцатого мая? В двенадцать часов дня?

– Нет.

– Потерявшееся кольцо лежит в аптечном шкафчике в ванной?

– Нет.

– Только в этот единственный раз! – Джалберт пытается казаться удивлённым. Но в его взгляде удивления нет. Его глаза бегают взад-вперёд по лицу Дэнни. Они буквально сверлят его. – Единственный!

– Да.

Джалберт качает головой – изображает ещё больше изумления – и смотрит на свою напарницу.

– Что будем делать с этим парнем?

– Как насчёт того, чтобы арестовать его за убийство Ивонн Уикер?
Хороший план?

– Да ладно! Я сообщил вам о местонахождении тела. Если бы я убил её, зачем бы мне это делать?

– Шумиха? – Дэвис почти выплёвывает это слово. – Как вам такой вариант? Поджигатели постоянно так делают. Устраивают пожар, общаются о нём, помогают тушить, а потом их фото появляется в газетах.

Джалберт внезапно подаётся вперёд и хватается Дэнни за руку. Это неприятное прикосновение – такое сухое и жаркое. Дэнни пытается вырваться, но у Джалберта крепкая хватка.

– Вы клянётесь? – спрашивает он доверительным шёпотом. – Вы клянётесь, клянётесь, *клянётесь* – ради Отца, Сына и Святого Духа, – что вы не убивали Ивонн Уикер?

– Да! – Дэнни отдёргивает руку. Сначала он был растерян и напуган, но теперь пришёл в ужас. Ему кажется, что Франклин Джалберт, возможно, ненормальный. Возможно, это игра, но что если нет? – Мне приснилось, где находится её тело, вот и всё!

– Вот что я вам скажу, – говорит Элла Дэвис. – Мне доводилось слышать всякие отговорки, но эта достойна первого приза. Даже лучше, чем «собака съела мой дневник».

Тем временем Джалберт качает головой и выглядит сочувствующим... но его взгляд не изменился. Он продолжает сновать по лицу Дэнни. Взад-вперёд.

– Элла, нам стоит поверить этому человеку.

– Но он знал, где находится тело!

«Они работают по сценарию, – думает Дэнни. – Будь я проклят, если это не так».

Джалберт продолжает качать головой.

– Нет... нет... нам стоит поверить ему. Стоит поверить этому только-единственный-раз уборщику-экстрасенсу.

– Я *смотритель!* – говорит Дэнни и тут же чувствует себя глупо.

– Извините, только-единственный-раз смотритель-экстрасенс. Мы можем отпустить вас, потому что человек, изнасиловавший Ивонн, не воспользовался защитой, и он оставил следы ДНК. Дэнни, вы не воз-

ражаете, если мы возьмём мазок? Чтобы исключить вас из списка подозреваемых? Никакого дискомфорта, никакой боли, просто проведём ватной палочкой за щекой. Вы согласны?

Дэнни не осознаёт, насколько выпрямившись он сидит, пока весь не подбирается на своём стуле.

– Да! Сделайте это!

Дэвис тут же снова роется в своей сумке. Прилежная гёрлскаут – пришла подготовленной. Она достаёт упаковку тампонов. Дэнни смотрит на Джалберта, на лице которого – возможно – отражается мимолётное разочарование. Дэнни не уверен, но думает, что Джалберт блефовал насчёт «резинки» убийцы-насильника.

– Откройте рот пошире, мистер Хранитель-экстрасенс, – говорит Дэвис.

Дэнни широко раскрывает рот, и Дэвис проводит тампоном по внутренней стороне его щеки. Одобрительно посмотрев на результат, она опускает тампон в контейнер.

– ДНК скажет нам, – произносит она. – Всегда говорит.

– А носитель уже здесь, – говорит Джалберт.

Дэнни видит в окно, как на парковку въезжает эвакуатор. Элла Дэвис смотрит на Джалберта. Он кивает ей, и она снова роется в своей сумке. Затем достаёт две тонкие пачки бумаг, соединённых скрепками.

– Это ордера на обыск. Один на ваш грузовик, а второй на ваш дом по адресу... – Дэвис смотрит в бумаги. – Оук-Драйв, 919. Не могли бы вы ознакомиться с ними?

Дэнни мотает головой. Что ещё он должен был ожидать?

Джалберт говорит:

– Выйди и скажи им, что пикап стоит в самом конце. Снимай всё на видео, чтобы наш зритель не смог потом заявить, что мы что-то ему подбросили.

Дэвис берёт свой телефон и встаёт, но на её лице заметна неуверенность. Джалберт улыбается ей, демонстрируя свои мелкие зубы-обрубки, и показывает рукой в сторону двери.

– С нами всё будет в порядке, правда Дэнни?

– Как скажете.

– Ключи? – спрашивает Дэвис.

– Под сиденьем. – Дэнни хлопает по связке ключей, висящей у него на ремне. – У меня их и так достаточно, чтобы таскать ещё и от машины. Грузовик не заперт. – В кои-то веки он не оставил там свой мобильник.

Дэвис кивает и уходит. Когда дверь закрывается, Джалберт говорит:

– Эвакуатор отвезёт ваш пикап в Грейт-Бенд, где его осмотрят от бампера до выхлопной трубы. Найдём ли мы что-нибудь, принадлежащее мисс Ивонн?

– Нет, если только вы не подбросите.

– Хотя бы один волосок? Один-единственный светлый волосок?

– Нет, если только...

– Нет, если только мы не подбросим, ага. Дэнни, вам всё-таки придётся поехать с нами, но не в полицию Маниту. К вам домой. Просто из любопытства, есть ли дубы в трейлерном парке Оук-Гроув?²¹ Четыре или пять? Может быть, только три?

– Нет.

– Я так и думал. Там будут полицейские и криминалисты. Ваш ключ от дома вместе с ключами от грузовика?

– Да, но дверь не заперта.

Джалберт поднимает брови, такие же рыже-белые, как и его «паучья жопка».

– Привыкли доверять людям?

– Я запираюсь на ночь. А днём... – Дэнни пожимает плечами. – У меня нечего брать.

– Так сказать, путешествуете налегке? Не просто экстрасенс, но и последователь Торо!

Дэнни знает о нём не больше, чем о «Тиндере». Он догадывается, что Джалберт понимает это. Его глаза продолжают бегать по лицу Дэнни. Он понимает, почему взгляд инспектора показался ему каким-то затуманенным. В его глазах нет ни блеска, ни искорки, только какая-то скупость. *«Он как монотонный звук»*, – думает Дэнни. Странная мысль, но в чём-то она верна. Он задаётся вопросом, видит ли Джалберт сны.

²¹ Оук-Гроув (букв.) – «Дубовая роща».

– У меня есть к вам вопрос, Дэнни. Я уже его задавал, и вы ответили, но на этот раз я сначала зачитаю вам ваши права. У вас есть право хранить молчание. Если вы решите говорить со мной – вы не обязаны, но если захотите, – всё, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде. У вас есть право на присутствие адвоката. Если вы не можете позволить себе адвоката, вам его предоставят. – Джалберт делает паузу, показывая свои маленькие белые обрубки. – Уверен, всё это прозвучало для вас знакомо.

– Так и есть. – Дэнни думает, что, когда они подъедут с Джалбертом к его трейлеру, копы уже будут там. Те, кто не на работе, увидят и разнесут остальным. К вечеру новость разнесётся по всему Оук-Гроув.

– Вам ясны ваши права?

– Да. Но вы не записываете. Она забрала телефон.

– Не имеет значения. Это только между нами. – Джалберт поднимается и наклоняется вперёд, опершись пальцами о библиотечный стол. Его глаза бегают по лицу Дэнни. – Итак, ещё раз. Вы убили Ивонн Уикер?

– Нет.

Впервые улыбка Джалберта кажется искренней. Тихим, почти ласковым голосом он говорит:

– Я думаю, это сделали вы. Я *знаю*, что это сделали вы. Уверены, что не хотите рассказать об этом?

Дэнни смотрит на свои часы.

– Чего я хочу, так это отметить уход тех двух парней. И свой тоже.

13

Именно это Дэнни и ожидал увидеть в Оук-Гроув: две полицейские машины и белый фургон криминалистов, припаркованные перед его трейлером. Полдюжины его соседей стоят вокруг и наблюдают. Элла Дэвис уже там, вместе с четырьмя полицейскими в форме и двумя криминалистами в белых костюмах, перчатках и бахилах. Дэнни предполагает, что она приехала в трейлерный парк на эвакуаторе, так что соседи тоже это видели. Просто замечательно. По крайней мере, нет Бекки, и это утешает. По понедельникам, средам и пятницам она подрабатывает в прачечной Фредди. Её дочь, Дарла-Джин, рисует или

читает книгу, пока Бекки опорожняет стиральные и сушильные машины, закидывает грязную одежду и складывает чистую.

«Но она узнает, – думает Дэнни. – Кто-нибудь расскажет ей. Возможно, эта болтунья Синтия Бэбсон».

Хотя трейлер Дэнни не заперт, все ждут Джалберта. Дэвис подходит к машине. Когда Дэнни вылезает с переднего, а не с заднего сиденья, она хмуро смотрит на Джалберта, который только пожимает плечами.

Дэвис спрашивает:

– Мы найдём там какое-нибудь оружие, мистер Кхефлин?

Никакого больше «Дэнни», и она говорит достаточно громко, чтобы услышали окружающие зеваки. Хочет ли Дэвис донести до них, что Дэнни Кхефлин подозревается в чём-то серьёзном? Несомненно.

– 38-ой полуавтоматический, в прикроватной тумбочке. «Кольт Коммандер». – Дэнни хочет добавить, что имеет полное право на оружие для самообороны, его никогда не осуждали за тяжкое преступление, но держит язык за зубами. Он видит Билла Дамфриса, стоящего возле своего трейлера; мускулистые руки скрещены на груди, нейтральное выражение лица. Дэнни решает, что нужно бы с ним поговорить, когда выпадет такая возможность.

– Заряжен?

– Да.

– Найдём ли мы там наркотики, шприцы или иные принадлежности для употребления наркотиков?

– Только аспирин.

Дэвис кивает криминалистам. Они заходят внутрь, неся в руках чемоданы. За ними следует полицейский с видеокамерой. На нём бахилы и нитриловые перчатки, но он без комбинезона.

– Могу я войти внутрь? – спрашивает Дэнни.

Дэвис мотает головой.

– Пусть стоит в дверях и наблюдает, – говорит Джалберт. – Хуже от этого не будет.

Дэвис снова хмурится, но Дэнни уверен, что эти двое уже разыгрывали этот спектакль раньше. Не «хороший-плохой полицейский», а «агрессивный-снисходительный полицейский». Только Дэнни сомневается, что Джалберт снисходителен. И Дэвис тоже.

Дэнни поднимается по ступеням. Они сделаны из бетонных блоков, и даже спустя три года он продолжает думать, что его трейлер в Оук-Гроув – это временно, хотя по обе стороны крылечка растут цветы. Дэнни дал Бекки денег на покупку семян, которые они посадили вместе с Дарлой-Джин.

Он стоит в дверях, наблюдая, как криминалисты осматривают его личное пространство, открывая ящики и шкафчики. Они заглядывают в холодильник, в духовку, в микроволновку на столе. Это приводит Дэнни в бешенство. Он продолжает думать: *«Вот, что ты получаешь за желание помочь. Вот, что ты получаешь»*.

Из-за спины Дэнни раздаётся тихий голос Джалберта:

– Они оставят расписки на всё, что возьмут для анализа.

Дэнни вздрагивает. Он не слышал шагов Джалберта. Какой беззвучный сукин сын.

В итоге криминалисты берут только оружие и нож для разделки мяса. Один из них складывает их в пакеты, а другой фотографирует – видимо, видеосъёмки недостаточно. У Дэнни есть три других кухонных ножа, но их они не берут. Он полагает, что их зазубренные лезвия не подходят под раны на теле Ивонн Уикер.

Дэнни спускается по ступеням. Дэвис и Джалберт склоняются друг к другу. Она что-то шепчет ему, он слушает, не отрывая взгляда от Дэнни. Джалберт кивает, что-то бормочет ей в ответ, затем они оба подходят к Дэнни. За ними наблюдают любопытные глаза. Визиты полиции в трейлерный парк – обычное дело, но это первый раз, когда они наведываются к Дэнни.

Элла Дэвис произносит будничным тоном, словно просто так, между делом:

– Вы убивали других, Дэнни? И вам показалось, что вы перешли через край? Это было чувство вины, а не тяга к шумихе? Стала ли Уикер той каплей, которая переполнила чашу?

Глядя ей прямо в глаза, Дэнни говорит:

– Я никого не убивал.

Дэвис улыбается.

– Завтра вам нужно прийти в полицейский участок Маниту. У нас остались ещё вопросы. Вас устроит в десять часов?

«Именно так я и хотел провести субботнее утро», – думает Дэнни.

– Что если я откажусь?

Дэвис округляет глаза.

– Ну, решать вам. Но если вы ничего не делали, кроме сообщения о теле, думаю, вы бы хотели покончить с этим.

– Раз и навсегда, – добавляет Джалберт, изображая, будто стряхивает пыль с рук. – В десять часов, договорились?

– Если вы не в курсе, то ваши люди забрали мой грузовик.

– Мы пришлём за вами машину, – отвечает Джалберт.

– Может, мне стоит взять машину напрокат, а потом прислать вам счёт.

– Удачи в поисках того, кто согласится его оплатить, – говорит Джалберт. – Бюрократия. – Мелькают его зубы-обрубки, а затем исчезают. – Но вы можете попробовать.

Дэвис говорит:

– Не уезжайте сегодня далеко. Можете выехать за город, но не покидайте пределы округа. – Она улыбается. – Мы будем приглядывать за вами.

– Не сомневаюсь. – Дэнни колеблется, затем говорит: – Если вы так поступаете с теми, кто желает добра, то мне бы не хотелось увидеть, что вы делаете с теми, кто желает зла.

– Мы знаем...

С Дэнни хватит.

– Ни черта вы не знаете, инспектор Дэвис. А теперь убирайтесь. Оба.

Дэвис выглядит невозмутимой, она просто расстёгивает молнию на боковом кармане своей сумки и протягивает Дэнни визитку.

– Это мой номер. Я отвечаю днём и ночью. Позвоните, если решите отказаться от утренней беседы. Но я не советую так поступать.

Они с Джалбертом садятся в тёмно-синий седан и едут ко входу в трейлерный парк, мимо знака «СБАВЬТЕ СКОРОСТЬ, МЫ ЛЮБИМ СВОИХ ДЕТЕЙ».

Дэнни подходит к Биллу Дамфрису.

– Какого чёрта тут произошло? – спрашивает Билл.

– Если кратко, то я нашёл тело убитой девушки в маленьком городке к северу отсюда. В Ганнеле. Попытался сообщить об этом анонимно. Теперь они думают, что это сделал я.

– Господи, – произносит Билл, качая головой. – Копы!

Звучит ободряюще и, возможно, сомнение, замеченное Дэнни в глазах Билла, надуманное. Дэнни всё равно. Билл три года назад ушёл из «Дамфрис Контрактинг», и если кто-то в округе знаком с юристом, то только Билл. Дэнни спрашивает об этом, Билл заглядывает в телефон, и Дэнни узнаёт имя и номер ещё до того, как тёмно-синий седан выезжает на шоссе. Дэнни записывает номер в свой мобильник.

– Я удивлён, что они не забрали мой телефон, – говорит Дэнни. – Оставь я его в бардачке своего грузовика, он бы оказался у них.

Билл говорит, что для этого им, скорее всего, потребовался бы отдельный ордер, а затем добавляет:

– Могут забрать завтра. На твоём месте я бы избавился от него, если не хочешь, чтобы они увидели то, что им не стоит видеть.

– Нет, – отвечает Дэнни, чуть громче, чем нужно. Зеваки продолжают глазеть на него, а дверь его трейлера осталась открытой. Он чувствует себя оскорблённым и говорит себе, что это глупо, но чувство не проходит. Потому что это не глупо.

– Билли! – Это миссис Дамфрис, стоящая в дверях их двухкомнатного трейлера, самого дорогого в парке. – Иди домой, ужин стынет!

Билл не оборачивается, но показывает Дэнни большой палец. Что, по мнению Дэнни, лучше, чем ничего.

14

В трейлере, за закрытой дверью, Дэнни внезапно начинает трясти так, что ему приходится присесть. Это первый приступ с тех пор, как он бросил пить. Тогда его трясло по утрам, пока он не выпивал первую чашку кофе. И не принимал пару таблеток аспирина. И, разумеется, его трясло, когда он очнулся в тюремной камере в Уичите, где не было ни кофе, ни аспирина, способных ему помочь. Именно тогда Дэнни решил, что должен прекратить пить, иначе наживёт себе ещё большие неприятности. Он бросил, и посмотрите, в какой заднице он сейчас находится. Ни одно доброе дело, бла-бла-бла.

Дэнни лень варить кофе, но в холодильнике стоит упаковка пепси. Он залпом выпивает одну бутылку, громко рыгает и потихоньку успокаивается. Адвоката зовут Эдгар Болл, и он местный. Дэнни не ожидает ответа – вечер пятницы, – но в записанном сообщении указан номер, по которому можно позвонить в случае срочного дела. Дэнни набирает его.

– Алло?

– Это Эдгар Болл? Адвокат?

– Он самый, и сейчас я собираюсь сводить жену на ужин в «Хэппис Джек». Так что обрисуйте вашу проблему коротко.

– Меня зовут Дэниел Кхефлин. Кажется, в полиции считают, что я убил одну девушку. – Дэнни задумывается и поправляется. – Я уверен, что они так считают. Но я этого не делал, просто сказал им, где находится тело. Завтра я должен явиться на допрос в полицейский участок Маниту.

– В департаменте полиции Маниту хотят...

– Нет, это КБР. Они просто собираются провести допрос там. На сегодня они оставили меня в покое, но, думаю, утром могут арестовать. Мне нужен адвокат. Ваш номер мне дал Билл Дамфрис.

На заднем плане слышен женский голос. Болл говорит, что будет через минуту. Затем, обращается к Дэнни:

– Я адвокат по недвижимости, Билл сказал вам это? Я занимался уголовными делами только в первый год своей практики, в основном вождение в нетрезвом виде и мелкие кражи.

– Я не знаю других...

– Во сколько состоится допрос?

– В десять.

– В ДП Маниту на Рэмпарт-Стрит.

– Судя по всему.

– Я согласен присутствовать, но на большее не рассчитывайте.

– Спасибо...

– Если на том дело не закончится, я порекомендую вам адвоката, занимающегося уголовными делами.

Дэнни собирается ещё раз сказать «спасибо» и, возможно, попросить Болла довезти его до полицейского участка, но тот вешает трубку.

Не густо, но хоть что-то. Дэнни звонит Бекки.

– Привет, Бекки, – говорит он. – У меня тут маленькая проблема, и я подумал...

– Я знаю о твоей маленькой проблеме, – отвечает Бекки, – и она не кажется мне такой уж маленькой. Я только что разговаривала с Синтией Бэбсон.

«Кто бы сомневался», – думает Дэнни.

– Говорит, копы думают, что ты убил ту девушку, найденную на севере.

Бекки замолкает, ожидая, что Дэнни скажет, что не делал этого, что это просто нелепо, но он не должен оправдываться. Она знает Дэнни уже три года, раз в неделю они занимаются сексом, иногда дважды, он забирает её дочь из школы, и он не должен оправдываться, точка.

Дэнни говорит:

– Завтра я должен поехать на беседу с этими двумя следователями из КБР, и я подумал, нельзя ли взять твою машину. Они забрали мой грузовик, и я не знаю, когда получу его обратно.

Следует долгая пауза, затем Бекки говорит:

– Завтра я собираюсь сводить Ди-Ди на автовыставку. Ты же знаешь, она обожает эти смешные гоночные машинки.

Дэнни знает о выставке, хотя никогда там не был. Он также знает, что Дарла-Джин никогда не проявляла ни малейшего интереса к этим маленьким гоночным машинам, по крайней мере, в его присутствии. Будь это кукольный музей – другое дело.

– Всё в порядке. Не беспокойся.

– Ты же никак не связан с этой девушкой, а, Дэнни?

Он вздыхает.

– Нет, Бекки. Я просто знал, где её искать, вот и всё.

– Откуда? Как ты узнал об этом?

– Видел во сне.

Бекки оживает.

– Как Летиция в «Инсайд Вью»?

– Да. Как она. Мне нужно идти, Бекки.

– Береги себя, Дэнни.

– Ты тоже, Бекки.

«По крайней мере, она поверила насчёт сна», – думает Дэнни. С другой стороны, Бекки, похоже, верит во всё, о чём читает в своих любимых «жёлтых» журналах, в том числе в призрак королевы Елизаветы, гуляющий по замку Балморал, и в разумных людей-муравьёв, живущих в тропических лесах Амазонки.

15

Элла Дэвис отвозит своего напарника в отель в Лайонсе, где тот остановился, и паркуется под навесом. Джалберт берёт свой старый потрёпанный портфель – его верный спутник в течение двадцати с лишним лет расследований, объездивший с ним весь Канзас от края до края и сверху до низу, – и говорит Дэвис, что будет в ДП Маниту к девяти утра. Забирать его не нужно, он приедет на своём автомобиле. До появления Кхефлина они успеют ещё раз обсудить «план атаки». Сама Дэвис отправляется в Грейт-Бенд к своей сестре. Там намечается большая вечеринка по случаю дня рождения. Дочери Эллы исполняется восемь лет.

– Достаточно ли у нас оснований для его ареста, Фрэнк?

– Давай дождёмся результатов осмотра его грузовика.

– У тебя нет сомнений, что это сделал он?

– Никаких. Езжай осторожно, Элла.

Дэвис уезжает. Джалберт машет ей рукой и направляется в свой номер, по пути похлопав свой «Шевроле Каприс». Как и его портфель, «Каприс» принимал участие во многих делах от Канзас-Сити на одном конце штата до Скотт-Сити на другом.

Двухкомнатный номер далёк от совершенства, такие обычно называют «простота по-канзасски». Здесь пахнет дезинфекцией и плесенью. Унитаз после смыва подтекает, если не дёрнуть ручку ещё пару раз. Кондиционер дребезжит. Джалберт бывал в местах и получше, но бывал в местах и похуже. Он бросает портфель на кровать и открывает кодовый замок. Затем достаёт папку с надписью «УИКЕР» на ярлыке. Проверяет, плотно ли задёрнуты шторы. Накидывает на дверь цепочку и поворачивает замок. Затем раздевается догола, складывая все вещи поверх портфеля. И садится на стул у двери.

– Один.

Джалберт встаёт, подходит к стулу у крошечного (почти бесполезного) стола и садится.

– Один плюс два, добавляем три: шесть.

Он подходит к кровати и садится рядом с портфелем, поверх которого уложена его одежда.

– Один, два, три, четыре, пять и шесть – это двадцать один.

Он идёт в ванную и садится на крышку унитаза. Пластик холодит его тощую задницу.

– Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять и десять – это пятьдесят пять.

Он возвращается к первому стулу, его тонкий пенис раскачивается, как маятник, и садится.

– Теперь добавляем одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать и пятнадцать – получается сто двадцать.

Джалберт делает ещё один полный круг и с удовлетворением останавливается. Иногда ему приходится сделать десять или двадцать кругов, прежде чем разум говорит ему, что этого достаточно. Наконец, он мочится после долгого сдерживания, и моет руки, считая до семнадцати. Он не знает, почему семнадцать – идеальное число для мытья рук, просто так получилось. Оно подходит и для чистки зубов. А вот для мытья головы нужно двадцать пять, ещё с тех пор, как он был подростком.

Достав из-под кровати свой чемодан, Джалберт надевает свежую одежду. Снятое ранее кладёт в чемодан, который возвращает под кровать. Стоя на коленях, он произносит:

– Господи, по воле Твоей я служу жителям Канзаса. Завтра, если на то будет воля Твоя, я арестую человека, убившего бедную мисс Ивонн.

Джалберт кладёт папку на стул у бесполезного стола и открывает. Он смотрит на фотографии мисс Ивонн, перебирая их пять раз (сумма чисел от одного до пяти – пятнадцать). На неё ужасно смотреть, ужасно, просто ужасно. Эти фотографии разбили бы самое каменное сердце. Джалберт постоянно возвращается к её браслету с подвесками – судя по виду, некоторые из них отсутствовали – и грязи в волосах. Бедная мисс Ивонн! Изнасилована и убита в двадцать лет! Какую боль она, должно быть, испытала! Какой страх! Пастор Джалберта

утверждает, что все земные ужасы и страдания исчезают в небесной благодати. Это прекрасная мысль, но Джалберт в этом не уверен. Он считает, что некоторые травмы могут перешагнуть даже порог смерти. Ужасная догадка, но она кажется ему правдивой.

Джалберт просматривает отчёт патологоанатома, в котором кроется проблема. В нём говорится, что мисс Ивонн пролежала в пропитанной машинным маслом земле не менее десяти дней, плюс-минус, до того, как её тело извлекли люди из дорожного патруля, и нет никакой возможности определить, когда она в действительности была убита. Кхефлин мог сразу же закопать её позади заброшенной автозаправки или оставить тело на какое-то время у себя, не зная куда его деть, или по каким-то своим собственным ненормальным причинам. Без определения точного времени Кхефлину по сути даже не нужно алиби; он – движущаяся мишень.

– С другой стороны, – говорит Джалберт, – он хочет, чтобы его поймали. Вот почему он выступил вперёд. Он как девушка, чей рот говорит «нет-нет», но чьи глаза говорят «да-да». – Не то чтобы Джалберт мог провести такое сравнение с кем-то ещё, особенно с Эллой Дэвис. Только не в эпоху #ВерьтеЖенщине.

«Я верю в мисс Ивонн», – думает Джалберт.

Он раздосадован, что у них больше ничего нет, и подумывает снова заняться стульями, но отказывается. Вместо этого он идёт в «Снэк Снэк» за чизбургером и коктейлем. Джалберт считает свои шаги и складывает их. Это не так эффективно, как фокус со стульями, но успокаивает. Джалберт сидит в своей «простоте по-канзасски», о которой забудет, как только покинет номер, как забыл о многих других местах временного проживания. Он ест бургер. Пьёт коктейль, пока соломинка не начинает хлюпать на дне стакана. Он думает о словах Кхефлина, что местонахождение мисс Ивонн явилось тому во сне. Это говорит та часть его души, которая хочет признаться. Когда Кхефлин признается, с ним будет покончено.

Дэнни без особого интереса смотрит что-то на «Нетфликсе», когда звонит его мобильник. Взглянув на экран, он видит, что звонок от

Бекки, возможно, она передумала насчёт своей машины. Но он ошибается. Бекки говорит Дэнни, что им лучше на какое-то время разойтись и держаться на расстоянии. Только до тех пор, пока копы не снимут с него обвинения, что, несомненно, произойдёт.

– Понимаешь, Дэнни, тут такое дело. Энди снова собирается подать на меня в суд... или как там это называется... за опеку над Дарлой-Джин. И если его адвокат заявит, что я проводила время с человеком, находящимся под подозрением в... в общем, я о той девушке... Возможно, ему удастся убедить судью.

– Бекки, ты серьёзно? Разве ты не говорила, что он уже полгода не выплачивает алименты? Не думаю, что судья захочет передать Ди-Ди отцу-неплательщику, согласна?

– Я знаю, но... Дэнни, пожалуйста, постарайся понять... Будь Дарла-Джин у него, ему бы *не пришлось* платить алименты. На самом деле... Я не уверена, как это работает, но, возможно, *мне* придётся платить ему.

– Когда он в последний раз брал Ди-Ди на уикенд?

На это у Бекки тоже есть ответ, ещё одна жалкая чушь, и Дэнни не понимает, почему так держится за неё. Между ними никогда не было настоящей любви, обычные отношения двух одиноких людей, живущих в трейлерном парке и подбирающихся к среднему возрасту. Она хочет всё прекратить? Ради бога. Но Дэнни будет скучать по Дарле-Джин, которая помогала ему сажать цветы, чтобы немного украсить его трейлер. Ди-Ди – чудо и...

Вдруг его осеняет. Мысль неприятная, но правдоподобная, неприятно правдоподобная.

– Бекки, ты боишься, что я могу что-то сделать с Ди-Ди? Помогать ей или что-то в этом роде? В этом всё дело?

– Нет, конечно, нет!

Но Дэнни слышит это в её голосе, или ему кажется, что слышит – суть одна.

– Береги себя, Бекки.

– Дэнни...

Он заканчивает разговор, садится и смотрит телевизор, где какой-то придурок объясняет какой-то придурошной, что всё сложно.

– Разве не просто? – произносит Дэнни и гасит телевизор. Сидя и глядя на пустой экран, он думает: «Я не буду жалеть себя. Я просто облажался с анонимным звонком, и не собираюсь жалеть себя».

Затем он вспоминает взгляд Джалберта, скользящий по его лицу.

– Этого стоит опасаться, – говорит Дэнни в пустоту. Впервые за два года ему хочется выпить пива.

17

Джалберт лежит в своей постели, вытянувшись, как палка, и слушает, как за окном завывает степной ветер. Он думает о завтрашнем допросе. Не хочет думать, потому что ему нужно выспаться, чтобы утром встать свежим. Этой ночью *Кхефлин* должен лежать без сна, ворочаясь с боку на бок.

Но иногда котелок продолжает варить.

Джалберт свешивает ноги с кровати, берёт свой телефон и звонит Джорджу Гибсону, последние семь лет возглавляющему отдел криминалистики КБР. Гибсон прилетел из Уичиты как только судья выписал ордера на обыск, и готов был сразу приступить к обыску грузовика Кхефлина. Звонить Гибсону бесполезно, он позвонит *сам*, если что-нибудь найдёт, но Джалберт ничего не может с собой поделаться. Иногда – как, например, сейчас – он понимает, что чувствуют наркоманы.

– Джордж, это Фрэнк. У тебя есть что-нибудь? Какие-нибудь свидетельства пребывания девушки в грузовике?

– Пока ничего, – отвечает Гибсон, – но мы продолжаем работать.

– Я не буду выключать телефон. Позвони, если найдёте что-то явное. В любое время.

– Обещаю. Теперь я могу вернуться к работе?

– Да. Извини. Просто... мы работаем ради этой девушки, Джордж. Ради мисс Ивонн. Мы – её...

– Заступники. Спасибо за напоминание.

– Извини. Извини. Продолжайте работу.

Джалберт заканчивает разговор и ложится. Он начинает считать и складывать. Один плюс два – три, ещё три – шесть, ещё четыре – десять, ещё пять – пятнадцать. Досчитав до семнадцати – в сумме это сто

пятьдесят три – он, наконец, начинает расслабляться. Добравшись до двадцати восьми – это четыреста шесть, он засыпает.

18

В два часа ночи Джалберта будит звонок телефона. Это Гибсон.

– Надеюсь, у тебя хорошие новости, Джордж.

– Если бы. – Голос Гибсона звучит удручающе. – Я собираюсь домой, пока глаза не слиплись.

Джалберт резко выпрямляется в постели.

– *Ничего?* Ты серьёзно?

– Я всегда серьёзен после полуночи.

– Ты ставил грузовик на подъёмник? Проверял ходовую?

– Не учи учёного, Фрэнк.

Кажется, Гибсон готов вот-вот выйти из себя. Джалберту стоит притормозить. Но он не может.

– Наверное, он вымыл машину. Этот сукин сын вымыл машину и, вероятно, выскреб каждый дюйм.

– По крайней мере, не в последнее время. На ней всё ещё много грязи после поездки в Ганнел. Ни в салоне, ни в кузове грузовика нет следов химии.

Джалберт ожидал большего. Он ожидал хотя бы чего-то. Действительно надеялся на это.

Гибсон говорит:

– Найти отпечатки пальцев, волосы, предметы её одежды – было бы просто идеально, как по учебнику, но это не значит, что она не находилась в машине. Он либо провёл генеральную уборку салона, либо...

– Её никогда не было в грузовике. – У Джалберта начинает болеть голова. Вероятно, ему не удастся снова заснуть. – Он мог воспользоваться другим транспортом. В трейлерном парке у него есть подруга. Возможно, он одолжил машину у неё. Если не сознается, возможно, нам придётся...

– Есть и третий вариант, – говорит Гибсон.

– Что? – рявкает Джалберт.

– Он может быть невиновен.

Джалберт замолкает в изумлении. Затем смеётся.

Когда Джалберт прибывает в полицейский участок Маниту – в свежих джинсах, свежей рубашке и в неизменном чёрном пиджаке, – он видит Эллу Дэвис, сидящую на крыльце с сигаретой во рту. Увидев его, Дэвис бросает окурок, наступая на него ботинком. Она подумывает, не сказать ли Джалберту, что тот выглядит усталым, но отказывается от этой мысли. Вместо этого она спрашивает о грузовике Кхефлина.

– Всё чисто, – отвечает Джалберт, ставя портфель между своих чёрных ботинок. – А это значит, что нам предстоит ещё немного поработать.

– Это также может означать, что Ивонн Уикер была у него не первой. Ты думал об этом?

Конечно, Джалберт думал. Серийники часто плошают с первой жертвой, но если их не ловят, они учатся на своих ошибках. Он мог бы сказать Дэвис, что в грузовике не обнаружено следов химии, а значит Кхефлин попросту не использовал чистящие средства для удаления следов крови, выделений или материалов, содержащих ДНК. Но такая мысль не приходила ему в голову, потому что это не имеет значения. Кхефлин убил девушку. Рассказ о сне – либо неудачная попытка покрасоваться (как, по словам Дэвис, любят делать поджигатели, спешащие потушить собственноручно устроенный пожар), либо чувство вины стало настолько сильным, что Кхефлин хочет признаться. Джалберт склоняется ко второму варианту и будет только рад поспособствовать.

– 31 мая мисс Ивонн ночевала в приюте в Арканзас-Сити, – говорит Джалберт. – Её роспись имеется в их регистрационной книге. Утром она купила кофе и сэндвич в «Гас-н-Гоу» рядом с пересечением федеральной трассы 35 и... напомни мне.

– Шоссе 166, – говорит Дэвис. – Она попала на видео с камеры наблюдения. Собственной персоной. Продавец увидел её фото в «Оклахомэне» и сообщил. Медаль ему за это.

Джалберт кивает.

– 1 июня, чуть позже восьми утра, она отправилась ловить попутку на трассу 35. И это был последний раз, когда кто-либо видел мисс

Ивонн, пока Кхефлин не поехал в Ганнел и не сообщил о теле. Действуем дальше?

Дэвис кивает.

– Так, когда будем допрашивать Кхефлина, нужно спросить, где он был и что делал с 1 по 24 июня, когда позвонил в полицию.

– Он скажет, что не помнит. Вполне естественно. Только в телевизоре люди поминутно помнят где они были. Спроси меня, где я была пятого... или десятого... я не смогу ответить. По крайней мере, с уверенностью.

– Кхефлин отмечает рабочее время в школе – так мы сможем сузить круг.

Дэвис начинает что-то говорить, но Джалберт прерывает её, подняв два пальца.

– Я уловил твою мысль, но табельные часы не показывают, что ты делаешь в нерабочее время. Зато у нас есть двое его помощников. Поговорим с ними. Узнаем, оставлял ли он их одних на пару часов или даже на целый день.

Дэвис достаёт из своей безразмерной сумки блокнот и начинает что-то в нём записывать. Не поднимая глаз, она говорит:

– В первую неделю июня школа продолжала работать. Я проверила это в интернете. Многие могли видеть Кхефлина, если он присутствовал.

– Значит опросим всех, – говорит Джалберт. – Только ты и я, Элла. Выясним как можно больше о том, где Кхефлин был в течение этих трёх недель. Выявим пробелы. Нестыковки. Ты согласна?

– Да.

– Это в том случае, если он не сознается сегодня утром, а у меня такое чувство, что он может заговорить.

– Одно беспокоит меня, – говорит Дэвис. – То, как Кхефлин выглядел после слов об обнаруженной ДНК. В его лице – во всём его теле – я увидела облегчение. Почти радость. Он буквально горел желанием сдать мазок.

Джалберт поднимает ладони вверх, будто собираясь физически отбросить эту идею.

– С чего бы ему беспокоиться о ДНК? Он знал, что это блеф, потому что перед изнасилованием принял надлежащие меры.

Дэвис ничего не говорит, но выражение её лица заставляет Джалберта нахмуриться.

– Что?

– Это было облегчение, – повторяет она. – Будто он *не знал*, что преступник воспользовался резинкой. Будто думал, что сравнительный анализ ДНК снимет его с крючка.

Джалберт смеётся.

– Некоторые из этой братии – отличные актёры. У Теда Банди была девушка. Деннис Рэйдер²² водил за нос свою жену. *Годами*.

– Допустим, но он не очень-то хорошо разбирался в компьютерах, я права?

Джалберт снова хмурится.

– Да ладно тебе, Элла, Кхефлин хотел, чтобы мы поймали его. Итак, этим утром мы собираемся добиться правосудия для мисс Ивонн?

Дэвис обдумывает его слова. Джалберт двадцать лет был следователем в КБР. Она проработала инспектором пять лет. Она доверяет его интуиции. К тому же рассказ о сне – явная чушь.

– Собираемся.

Джалберт похлопывает Дэвис по плечу.

– Отлично, напарница. На том и стой.

20

Меньше всего Дэнни хочет, чтобы у его трейлера появилась ещё одна полицейская машина, поэтому в половине десятого он стоит на въезде в Оук-Гроув, засунув руки в карманы и дожидаясь транспорта. Он думает о том, как сильно облажался с анонимным звонком, сделав только хуже себе. И он думает о Джалберте. Та женщина не пугает его. А вот Джалберт – да. Потому что Джалберт уже всё решил для себя, а у Дэнни есть только сон, в который поверили бы немногие (например, читатели «Инсайд Вью», такие как Бекки).

Что ж, в пользу Дэнни говорит ещё одно обстоятельство: он не убивал ту девушку.

²² Тед Банди и Деннис Рэйдер – известные серийные убийцы.

Как выясняется, он мог подождать в своём трейлере, потому что коп приехал за ним на машине без опознавательных знаков. На нём полицейская форма, но, сидя на водительском месте, положив фуражку на сиденье и расстегнув верхнюю пуговицу, он мог бы сойти за гражданского.

Коп опускает пассажирское стекло.

– Вы Кхефлин?

– Да. Можно мне сесть спереди?

– Ну, я не знаю, – отвечает коп. Он молод, не старше двадцати пяти. Хотя сейчас они в Канзасе, он больше похож на беспечного серфингиста. – Вы же не собираетесь нападать на меня?

Дэнни улыбается.

– Я не нападаю на людей до обеда.

– Ладно, можете сесть спереди, как большой мальчик, но сделайте мне одолжение, держите руки на виду.

Дэнни садится и пристёгивает ремень безопасности. Компьютер на приборной панели выключен, но в радиии копа непрерывно раздаются голоса, хотя и слишком тихо, чтобы расслышать.

– Значит, в нашем маленьком участке вас будет допрашивать КБР? Наверное, волнуетесь?

– Только не я, – отвечает Дэнни.

– Вы убили ту девушку? Которую нашли в Ганнеле? Так сказать, между нами говоря.

– Нет.

– Конечно, что *ещё* вы можете сказать, – говорит коп и смеётся. Удивительно, но Дэнни смеётся вместе с ним. – Как вы узнали, что она лежит там, если не убивали?

Дэнни вздыхает. Опять двадцать пять. Как пел Элвис, это твоя детка, сам с ней и разбирайся.

– Я видел сон. Поехал проверить и нашёл её.

Дэнни ожидает, что коп скажет, мол, это самая нелепая история, которую он когда-либо слышал, но коп говорит другое:

– Всякая хрень бывает. Знаете Рэд-Блафф, примерно в шестидесяти милях к западу отсюда?

– Слышал, но никогда там не бывал.

– В полицию обратилась пожилая женщина. Рассказала о своём видении, в котором маленький мальчик упал в старый колодец. Это случилось шесть или восемь лет назад. И знаете что? Там мальчика и нашли. Живым. Новость разлетелась по всей стране. Попросите этих из КБР, пусть погуглят. Рэд-Блафф, мальчик в колодце. Пусть сами убедятся. Но...

– Что «но»?

– Если вы невиновны, не отступайте от своей истории. Не вздумайте ничего менять в ней, иначе не избежать петли.

– Похоже, что вы не очень-то жалуете КБР.

Коп пожимает плечами.

– По большей части они нормальные. Относятся к нам, как к провинциалам, хотя, если разобраться, разве мы не такие? Шесть человек в подразделении, засада в кустах с радаром – это про нас. Шеф разрешил тем двоим воспользоваться комнатой отдыха для разговора с вами. Мы используем её для допросов, когда возникает необходимость, поэтому там есть камера и микрофон.

Коп останавливается у входа. Дверь полицейского участка открывается и выходит Джалберт. Он стоит на верхней ступеньке в своём чёрном пиджаке с потёртыми локтями и смотрит вниз.

– И ещё кое-что, мистер Кхефлин. Мы все знаем, каков Фрэнк Джалберт. Он не отступает. Дорожный патруль боготворит его, считает грёбаной легендой. И, мне кажется, он не верит в сны.

– Это я и так знаю, – отвечает Дэнни.

21

Дэнни поднимается по ступеням. Джалберт протягивает ему руку. Дэнни колеблется, но пожимает её. Рука такая же сухая и жаркая.

– Спасибо, что пришли, Дэнни. Давайте зайдём внутрь и разберёмся с этим делом, согласны? Дежурный офицер только что принёс свежий кофе.

– Не сразу.

Джалберт хмурится.

– Ещё только без пяти десять, – поясняет Дэнни. – Я кое-кого жду.

– Да?

– Адвоката.

Джалберт поднимает брови.

– Как правило, к адвокату обращаются виновные люди.

– Или умные.

На это Джалберт ничего не отвечает.

Эдгар Болл появляется ровно в десять. Он приезжает на огромном мотоцикле «Хонда Голд Уинг». Мотор работает так тихо, что Дэнни улавливает приятную для уха мелодию «Take It On the Run» группы «REO Speedwagon», играющую по радио на приборной панели. Болл останавливается, ставит мотоцикл на подножку и спешивается. Дэнни он сразу же понравился, отчасти из-за огромного мотоцикла, отчасти из-за того, что он средних лет, одет в рубашку-поло, не скрывающую его мужские сиськи, и большие старые шорты цвета хаки, свисающие до колен. Дэнни никогда не видел адвоката по недвижимости столь непохожего на адвоката.

– Я так понимаю, вы Дэниел Кхефлин, – говорит Болл, протягивая пухлую руку.

– Это я, – отвечает Дэнни, пожимая руку в ответ. – Спасибо, что приехали.

Болл переключает внимание на мужчину в чёрном пиджаке.

– Я Эдди Болл, адвокат. А вы, сэр...?

– Инспектор Фрэнклин Джалберт, Канзасское бюро расследований. – Он смотрит на почти пустынную главную улицу Маниту, будто бы не замечая протянутой руки Болла. – Давайте пройдем внутрь. У нас есть вопросы к Дэнни.

– Вы идите, – говорит Болл, – а мы скоро к вам присоединимся. Я бы хотел поговорить наедине со своим клиентом.

Джалберт хмурится.

– Мы не можем сидеть там целый день. Я бы хотел покончить с этим и, уверен, Дэнни тоже.

– Конечно, но дело серьёзное, – по-прежнему любезно отвечает Болл. – Если на это уйдёт весь день, значит так тому и быть. Я имею право поговорить со своим клиентом до начала допроса. Если вы работаете в КБР, вы это знаете. Будьте признательны инспектор, что я согласен сделать это прямо здесь, на ступеньках полицейского участка,

вместо того чтобы везти моего клиента в свой кабинет на заднем сиденье моего «коня».

– Пять минут, – говорит Джалберт. Затем обращается к Дэнни: – Вы делаете только хуже для себя, дружище.

– Ох, прошу вас, – так же любезно говорит Болл, – избавьте нас от этой песни.

Джалберт на мгновение обнажает в улыбке свои зубы-обрубки. *«Вот так он всегда выглядит внутри себя»*, – думает Дэнни.

Когда Джалберт уходит, Болл говорит:

– А он та ещё бестия, да?

Дэнни не знает такого слова и на секунду ему кажется, будто Болл сказал, что Джалберт бесится.

– Ну, что-то вроде того. По правде говоря, он меня пугает. По большей части из-за своей уверенности, что я убил ту девушку, но я её не убивал.

Болл поднимает руку.

– Стоп, никаких предварительных заявлений. Я назвал вас своим клиентом, но вы им не являетесь, по крайней мере на данный момент. Мой гонорар за сегодняшнюю встречу – четыреста долларов. Я бы согласился и на две сотни, поскольку забыл большую часть того, что знал об уголовном праве, но сегодня субботнее утро, и я бы предпочёл наслаждаться гольфом. Вас устраивает такая сумма?

– Да, но у меня нет с собой чековой книж...

– У вас есть доллар?

– Да.

– Сойдёт в качестве аванса. Раскошеливайтесь. – И когда Дэнни отдаёт доллар, Болл говорит: – Теперь вы мой клиент. Расскажите мне в точности, что произошло и почему инспектор Джалберт имеет на вас зуб, а он явно имеет. Не добавляйте ничего лишнего, и не упускайте ничего такого, что позже может обернуться против вас.

Дэнни рассказывает адвокату о своём сне. О том, как поехал в Ганнел, где нашёл заправку «Тексако». Рассказывает о собаке. О руке и мусорном баке. Всё это кажется безумием, но Дэнни не краснеет до тех пор, пока не рассказывает Боллу о своём опрометчивом анонимном звонке.

– На мой взгляд, дело клонится в вашу пользу, – говорит Болл. – Вы не знали, что делать. И желание сохранить анонимность, учитывая, как вы получили информацию, вполне объяснимо.

– Я должен был подойти к этому более основательно, – говорит Дэнни. – Я предположил... ну, вы знаете, как говорят...

– Да, да. Выставляя дураком себя и меня. Старая добрая поговорка. Дэниел, у вас когда-нибудь был опыт экстрасенсорного характера?

– Нет.

– Подумайте хорошенько. Нам бы определённо не помешало, если бы до этого...

– Нет. Это единственный раз.

Болл вздыхает, раскачиваясь взад-вперёд. На нём мотоциклетные ботинки и компрессионные носки до колен, а также безразмерные шорты, которые кажутся Дэнни забавными.

– Ладно, – произносит адвокат. – Что есть, то есть – ещё одна старая добрая поговорка.

Выходит Элла Дэвис.

– Дэнни, если вы не хотите ехать два часа в Грейт-Бенд и отвечать на наши вопросы там, давайте уже проведём наше выездное шоу.

Болл улыбается ей.

– А вы?

– Инспектор Дэвис, КБР, и я теряю терпение. Фрэнк тоже.

– Нам бы этого не хотелось, правда? – говорит Болл. – И поскольку ваше драгоценное время – это также драгоценное время моего клиента, я уверен, что Дэниел с радостью поможет вам в вашем расследовании, чтобы как можно скорее вернуться к своим субботним делам.

22

В комнате отдыха ДП Маниту стоит тархтящий автомат с безалкогольными напитками. На столешнице – кофейник и несколько пирожных. Надпись над пирожными: «ДЕНЬГИ НА БОЧКУ». На одной стене табличка с надписью «МЫ СЛУЖИМ И ЗАЩИЩАЕМ». На другой – постер с О. Джей Симпсоном и Джонни Кокреном. В центре комнаты стоит стол с микрофоном на нём и с четырьмя стульями вокруг. Между

автоматом с напитками и столешницей мигает красным огоньком камеры на штативе.

Джалберт разводит руками, указывая на два стула. Их занимают Дэнни и его адвокат. Элла Дэвис садится напротив них и достаёт блокнот. Джалберт остаётся стоять. Он называет дату, время и имена присутствующих. Затем снова зачитывает Дэнни Правило Миранды, спрашивая, понимает ли тот свои права.

– Понимаю, – отвечает Дэнни.

– Предупреждаю, инспекторы, я в основном веду дела о недвижимости, – говорит Болл. – Занимаюсь земельными участками, работаю с несколькими местными банками, координирую покупателей и продавцов, составляю контракты, иногда завещания. Я не Перри Мейсон и не Сол Гудман.²³ Я просто хочу убедиться, что вы будете уважительны и непредвзяты.

– Кто такой Сол Гудман? – с сомнением спрашивает Джалберт.

Болл вздыхает.

– Вымышленный персонаж из сериала. Не важно. Задавайте свои вопросы.

Джалберт говорит:

– К слову об уважении. Ивонн Уикер – вот кто заслужила уважения. А вместо этого её изнасиловали и убили, нанеся множественные ножевые ранения.

Болл впервые хмурится.

– Сэр, вы не являетесь обвинителем по этому делу. Вы проводите расследование. Оставьте красноречие для зала суда и задавайте свои вопросы, чтобы побыстрее покончить с этим.

Джалберт снова демонстрирует свои зубы-обрубки в подобии улыбки.

– Просто чтобы вы поняли, мистер Болл. Поняли и запомнили. Мы говорим о хладнокровном убийстве беззащитной молодой женщины.

– Ясно. – Болл не кажется смущённым – по крайней мере, Дэнни так не думает, – но приятная улыбка исчезает с его лица.

Джалберт кивает своей напарнице. Элла Дэвис спрашивает.

²³ Перри Мейсон – адвокат по уголовным делам, персонаж серии детективных романов Э. С. Гарднера.

Сол Гудман – главный герой сериала «Лучше позвоните Солу» и второстепенный персонаж в сериале «Во все тяжкие».

– Дэнни, как вы себя чувствуете этим утром? Всё в порядке?

Дэнни думает: *«Всё-таки «плохой коп – хороший коп».*

– Не считая того, что все в Оук-Гроув думают, будто у меня проблемы с законом, то всё в порядке. А у вас?

– Всё хорошо.

– Скоро они узнают, какого рода проблемы, я прав?

– Не от нас, – говорит Дэвис. – Мы не рассказываем о наших делах до полного завершения.

«Но расскажет Бекки, – думает Дэнни. – И как только она донесёт Синтии Бэбсон, кот в мешке будет не удержат».

– Мы бы хотели взглянуть на ваш телефон, – говорит Дэвис. – Это обычная процедура. Вы не против? – Она смотрит Дэнни прямо в глаза, с улыбкой. – Просто взглянув на ваши перемещения, мы можем обойтись без запроса на предоставление информации. Сократим время для себя и неудобства для вас.

– Плохая идея, – говорит Болл, обращаясь к Дэнни. – Я думаю, им нужно специальное разрешение для изучения вашего телефона, иначе они бы уже забрали его.

Не обращая внимания на Болла, Дэвис, по-прежнему со своей *«доверься мне»* улыбкой, говорит:

– Разумеется, вам придётся разблокировать телефон. «Эппл» очень щепетильна в вопросах конфиденциальности.

В это время Джалберт отошёл к столешнице с пирожными, довольный тем, что отдал бразды хорошему полицейскому, по крайней мере, на время. Наливая себе кофе, он говорит:

– Это во многом способствовало бы установлению доверия, Дэнни.

Дэнни чуть не произносит вслух: *«Вы доверяете мне не больше, чем Гитлеру».* Он и без Болла – приятного человека, но явно находящегося не в своей тарелке – понимает, что не стоит болтать лишнего. Враждебные выпады нисколько не помогут, как бы сильно ему не хотелось высказаться. Дэнни может говорить только правду, от этого у него неприятностей не будет. Он может *попытаться* рассказать правду.

Дэнни достаёт телефон из кармана и смотрит на него. Уже 10:23. *«Как быстро летит время, когда ты «развлекаешься»*, – думает он, и снова убирает мобильник в карман.

– Пожалуй, я обожду с этим, пока не узнаю, куда зайдёт разговор.

– Вообще-то, нам не нужен ордер, – говорит Джалберт. Он возвращается к плакату с О. Джей Симпсоном и его адвокатом.

– Уверен, что это ересь, – говорит Болл, – но могу позволить коллеге, дабы убедиться. Хотите, чтобы я позвонил, инспекторы?

– Я уверена, Дэнни примет правильное решение, – говорит Дэвис. Женщина, которая вместе с Джалбертом появилась в Уайлдер Хай, исчезла. Её заменила более молодая и красивая, она как бы говорит: *«Я на твоей стороне»*.

«По крайней мере, пытается», – думает Дэнни.

– В вашем грузовике нет регистратора, – говорит Дэвис. – Вы знаете, что это такое?

Дэнни кивает.

– У этой колымаги нет даже камеры заднего вида. Приходится поворачиваться, когда включаешь задний ход.

Дэвис кивает.

– Значит вам придётся помочь нам с вашими перемещениями за последние несколько недель, вы согласны?

– Их было не так уж много. После закрытия школы я отправился на уикенд к брату в Боулдер. Самолётом.

– Это был уикенд...? – Джалберт сверяется со своим телефоном. – 3 и 4 июня?

– Вроде того. Брат работает в «Тэйбл Меса Кинг Суперс». – Дэнни хочет добавить что-нибудь ещё, он очень гордится Стиви, но останавливается на этом.

Серьёзная, с широко раскрытыми глазами, по-прежнему с улыбкой на лице Элла Дэвис говорит:

– Попробуйте вспомнить точно, Дэнни. Это важно.

«Думаете, я не понимаю?» – хочет сказать он. – *«Вы играетесь с моей жизнью»*.

– Я улетел в пятницу вечером. Рейсом «Юнайтед». Вернулся в воскресенье. Рейс в Грейт-Бенд задержали, и я добрался до дома только

после полуночи. Так что, когда я ложился спать, было уже утро понедельника.

– Спасибо, мы это проверим. Были другие поездки?

Дэнни обдумывает это.

– В воскресенье ездил в Уичиту навестить свою бывшую. Это было ещё до сна.

Джалберт фыркает.

Болл, глядя в свой мобильник, спрашивает:

– Могло ли это быть 11 июня?

Дэнни думает.

– Скорее всего. Всё остальное время я оставался здесь. Ездил на работу и обратно, в магазин, пару раз забирал из школы Ди-Ди.

– Ди-Ди? – спрашивает Дэвис.

– Дарла-Джин. Она дочь моей подруги Бекки. Хорошая девочка. – Дэнни не может удержаться и добавляет: – Благодаря вам, не думаю, что увижусь с ней в ближайшее время.

Дэвис пропускает это мимо ушей.

– Подытожим: вы ездили в Уичиту навестить бывшую жену, Марджори Кхефлин, 11 июня?

– Одиннадцатого, – говорит Джалберт, затем, будто бы для пущей убедительности повторяет ещё раз.

– Марджи, да. Но она взяла обратно девичью фамилию. Джервейс. – Дэнни не произносит вслух: *«Сказала, что устала от кхе-кхе-Кхефлин»*. Становится легче, когда ты не пытаешься выплюнуть свои кишки наружу.

– Вас ведь задерживали за домогательства к ней? – спрашивает Дэвис, будто пришла сюда скоротать время.

Болл собирается что-то сказать, но Дэнни кладёт руку ему на плечо.

– Нет. Меня арестовали за нарушение судебного запрета на приближение. И нарушение общественного порядка. Обвинения были отозваны. По её решению.

– Ясно, хорошо, и теперь вы снова ладите! – говорит Дэвис с такой сердечностью, будто это достижение на уровне мира между Россией и Украиной.

Дэнни пожимает плечами.

– Лучше, чем во времена брака. В тот день мы пообедали, и я починил ей поворотники. Сгорел предохранитель. Так что да, мы ладим.

– Ясно, хорошо, хорошо, – говорит Дэвис, по-прежнему сердечно и с широко раскрытыми глазами. – А теперь, не могли бы вы объяснить, как отпечатки пальцев Ивонн Уикер оказались на приборной панели вашего грузовика?

Дэнни обдумывает вопрос, принимая во внимание тот факт, что находится в комнате для допросов, а не в тюремной камере. Он улыбается Дэвис и говорит:

– У вас растёт нос.

– Думаете, вы такой умный, да? – спрашивает Джалберт, стоящий перед плакатом.

Дэвис бросает на него взгляд. Джалберт пожимает плечами и показывает ей два пальца, давая понять, что она может продолжать. Ни с того ни с сего (по крайней мере, для Дэнни это загадка) он произносит:

– Один, три, шесть.

– Что?

– Ничего. Продолжайте, рассказывайте свою историю. – С небольшим упором на слово «история».

Дэвис говорит.

– У вас своеобразный нрав, да, Дэнни?

– Раньше я пил. Но бросил.

– Не слишком убедительный ответ. – Дэвис произносит это с упрёком. – Если мы спросим вашу бывшую жену – а мы спросим, – что она скажет о вашем характере?

– Она скажет, что у меня, как вы только что выразились, *был* своеобразный характер.

– О, всё прошло? Я правильно понимаю?

Дэвис ждёт. Дэнни молчит.

– Вы когда-нибудь избивали её?

– Нет. – Следом Дэнни заставляет себя добавить, потому что это правда: – Однажды я схватил её за руку. Остался синяк. Это произошло как раз перед тем, как она меня выгнала.

– Никогда не хватали за шею? – Дэвис улыбается и наклоняется вперёд, призывая довериться. – Скажите правду – устыдите дьявола.

– Нет.

– И вы никогда не насильовали её?

– Так, хватит, – произносит Болл. – Уважение, помните?

– Я должна спросить, – отвечает Дэвис. – Уикер была изнасилована.

– Я никогда не насильовал свою жену, – говорит Дэнни. Не в первый раз его охватывает чувство нереальности происходящего, и он думает: *«Я помог вам, ребята. Если бы не я, та девушка до сих пор была бы закуской для собак».*

– Когда вы в последний раз были в Арканзас-Сити?

Смена темы – как удар хлыста.

– Что? Я никогда в жизни не был в Арканзасе.

– Арканзас-Сити, штат *Канзас*. Недалеко от границы с Оклахомой.

– Никогда там не был.

– Нет? Что ж, проверить ваш регистратор мы не можем, так? Потому что в «Тойота Тундра» их стали устанавливать годом позже. Но мы могли бы проверить ваш телефон.

Дэнни снова говорит:

– Давайте посмотрим, куда зайдёт разговор.

– Ну, а Ханневелл? Это тоже в Кан...

Дэнни мотает головой.

– Я слышал о нём, но никогда там не был.

– Что насчёт «Гас-н-Гоу» на пересечении федеральной трассы 35 и шоссе 166? Когда-нибудь бывали там?

– Кажется, на этой заправке я не был, но они ведь все похожи, разве нет?

– Вам *кажется*? Ну же, Дэнни. Это серьёзный разговор.

– Если «Гас-н-Гоу» находится в Ханневелле, то я никогда там не был.

Дэвис делает пометку, затем укоризненно смотрит на Дэнни.

– Если бы мы могли просто проверить ваш телефон...

Дэнни сыт этим по горло. Он достаёт свой мобильник из кармана и протягивает через стол. Джалберт подходит и выхватывает телефон, будто боится, что Дэнни передумает.

– Пароль: 7813. И потом я попрошу своего IT-специалиста проверить, не появилось ли там что-то новое. – Это чистой воды блеф. У Дэнни нет знакомого айтишника.

– Мы так не поступаем, – говорит Дэвис.

– Ага, и про отпечатки пальцев вы тоже не лжёте. – Дэнни делает паузу. – Или про следы спермы.

На мгновение Дэвис кажется оторванной от своей игры. Затем она снова наклоняется к Дэнни и улыбается своей «можешь говорить, что хочешь» улыбкой.

– Давайте поговорим о вашем сне, хорошо?

Дэнни молчит.

– У вас часто бывают такие видения?

Болл говорит:

– Хватит уже. Это не было видением, если тело девушки действительно оказалось там.

Джалберт снова фыркает.

– Что ж, надо признать, это очень удобно, – произносит Дэвис.

– Не для меня, – отвечает Дэнни. – Мадам, посмотрите, где я оказался.

– Дэнни, вы не могли бы ещё раз рассказать нам об этом... *сне*?

Он пересказывает им сон. Это легко, потому что он несколько не забылся и, хотя поездка Дэнни была схожей, сон и реальность не соприкасаются друг с другом. Сон – сам по себе, такой же реальный, как надпись «ДЕНЬГИ НА БОЧКУ» над пирожными. Как мохнатая «паучья жопка» на макушке Джалберта и его алчные, но лишённые блеска глаза.

Когда Дэнни заканчивает, Дэвис спрашивает – для протокола, как предполагает Дэнни, поскольку этот вопрос ему только что задавали, – бывали ли у него раньше экстрасенсорные видения. Дэнни отвечает «нет».

Джалберт садится рядом со своей напарницей. Он кладёт телефон Дэнни в карман своего чёрного пиджака.

– Вы бы согласились пройти проверку на детекторе лжи?

– Думаю, да. Для этого придётся съездить в Грейт-Бенд, я прав? Так что я смогу это сделать только после работы. И, разумеется, мне понадобится мой грузовик.

– В данный момент мытьё окон и подметание полов – наименьшая из ваших забот, – говорит Джалберт.

– Мы закончили? – спрашивает Болл. – Я полагаю, мистер Кхефлин ответил на все ваши вопросы, причём более вежливо, чем поступил бы я на его месте. И вы должны вернуть его телефон. Чем быстрее, тем лучше.

– Ещё пара вопросов, – отвечает Дэвис. – Дэнни, мы можем проверить вашу поездку в Колорадо и в Уичиту, но тогда останется приличный отрезок между первым и двадцать третьим числом. Согласны?

Дэнни говорит:

– Проверьте местоположение на моём телефоне. Когда я не дома, он обычно лежит в бардачке моего грузовика. Те двое парней, которые мне помогают в школе, подтвердят, что я находился там каждый день с половины восьмого до четырёх. Что составляет большую часть того времени, о котором вы хотите знать.

Хотя Эдгар Болл не адвокат по уголовным делам, но он не дурак. Обращаясь к Джалберту, он говорит:

– Господи. Вы ведь не знаете, когда убили девушку, я прав? Или даже когда на неё напали.

Джалберт одаривает Болла каменным взглядом. Элла Дэвис краснеет, затем говорит:

– Это не имеет отношения к тому, что мы обсуждаем. Мы пытаемся исключить Дэнни из списка подозреваемых.

– Нет, это не так, – говорит Болл. – Вы пытаетесь поймать его, но у вас нет козырей в рукаве, правда? У вас нет точной даты смерти.

Джалберт возвращается к плакату с О. Джей Симпсоном и Джонни Кокреном. Дэвис спрашивает имена подростков, с которыми Дэнни работает.

– Пэт Грейди и Джесси Джексон. Как тот политик в семидесятых.

Дэвис что-то записывает в своём блокноте.

– Может быть, ваша девушка поможет вспомнить те разы, когда...

– Она мой друг, а не девушка. – *По крайней мере, была.* – И держитесь подальше от Ди-Ди. Она ещё ребёнок.

Джалберт усмехается.

– Вы не в том положении, чтобы отдавать нам приказы.

– Дэнни, послушайте меня, – говорит Дэвис.

Он тычет в неё пальцем.

– Знаете, меня уже начинает бесить, что вы обращаетесь ко мне просто по имени. Мы не друзья, *Элла*.

В этот раз Болл кладёт руку на плечо Дэнни.

Дэвис продолжает, будто Дэнни ничего не говорил. Она с серьёзным видом смотрит на него, улыбка пропала.

– На вас давит груз ответственности. Я почти вижу это. Поэтому вы твердите о своём сне.

Дэнни молчит.

– Звучит ужасно неправдоподобно, вы должны это признать. Взгляните на это с нашей точки зрения. Я сомневаюсь, что даже ваш адвокат верит в это, хоть на минуту.

– Не будьте так уверены, – говорит Болл. – Есть многое на свете, что и не снилось нашим мудрецам. Шекспир.

– Хрень, – говорит Джалберт, стоя у плаката. – Я.

Дэнни продолжает держать взгляд женщины-инспектора. Джалберт – безнадежный случай. Дэвис, возможно, не такая, несмотря на свой «панцирь».

– Вы чувствуете раскаяние, я это знаю. Прикрыли руку Ивонн мусорным баком, чтобы до неё не добрались собаки, – самое настоящее раскаяние.

Дэнни ничего не говорит, но если Дэвис действительно в это верит, то, возможно, её случай тоже безнадежен. Это было сострадание, а не раскаяние. Сострадание к мёртвой девушке с браслетом на изуродованном запястье. Но Дэвис в ударе, так пусть и дальше гнёт свою линию.

– Мы можем помочь вам сбросить этот груз. Стоит только начать, и дальше будет легче. И тут прилагается бонус. Если вы сделаете чистосердечное признание, мы, возможно, сможем вам помочь. В Канзасе действует смертная казнь, и...

– Не применялась более сорока лет, – говорит Болл. – Последними были Хикок и Смит, о которых Трумэн Капоте написал книгу.

– Но могут применить за убийство девочки Уикер, – настаивает Дэвис. Дэнни удивляется тому, как *девушка* вдруг стала *девочкой*. Но, разумеется, прокурор назвал бы её именно так: девочка. Беззащитная девочка. – Но если вы признаетесь в содеянном, смертная казнь почти

наверняка останется за бортом. Облегчите задачу нам и себе. Расскажите, что произошло на самом деле.

– Уже рассказал, – отвечает Дэнни. – Мне приснился сон. Я поехал, чтобы доказать самому себе, что это всего лишь сон, но девушка оказалась там. Я позвонил в полицию. Вы мне не верите. Я это понимаю, но говорю правду. А теперь давайте покончим с этим дерьмом. Вы собираетесь арестовать меня?

Тишина. Дэвис продолжает смотреть на Дэнни с прежней сочувствующей серьёзностью. Затем выражение её лица меняется, становится не холодным, а пустым. Профессиональным. Она откидывается на спинку стула и смотрит на Джалберта.

– Не в этот раз, – произносит Джалберт. Его затуманенный взгляд говорит: *«Но скоро, Дэнни. Скоро»*.

Дэнни встаёт. Его ноги ощущаются как ноги из сна – будто они ему не принадлежат и могут унести его куда угодно. Болл встаёт вместе с Дэнни. Они идут к двери. Дэнни думает, что он, должно быть, не совсем твёрдо стоит на ногах или слишком бледен, потому что Болл придерживает его рукой. Всё, чего хочет Дэнни, – это выйти из комнаты, но он оборачивается и смотрит на Дэвис.

– Человек, убивший ту девушку, всё ещё на свободе, – говорит Дэнни. – Я обращаюсь к вам, инспектор Дэвис, потому что с ним бесполезно разговаривать. Он принял решение. Вы хорошо играете свою партию, но я не уверен, что вы тоже приняли решение. Поймайте его, хорошо? Перестаньте видеть преступника во мне и найдите человека, который убил её. Пока он не сделал это снова.

Возможно, Дэнни что-то улавливает в лице Дэвис. Возможно, нет. Болл тянет его за руку.

– Нам пора, Дэнни. Пойдём.

23

Когда они уходят, Джалберт выключает камеру и диктофон.

– Это было интересно.

Дэвис кивает.

Он вглядывается в её лицо.

– Есть сомнения?

– Нет.

– Потому что пару раз у тебя был такой вид, будто он действительно убедил тебя.

– Никаких сомнений. Он знал, где она, потому что сам её там оставил. Это логично. А история со сном – телевизионный бред.

Джалберт достаёт мобильник Дэнни из кармана своего пиджака. Вводит пароль, просматривает различные приложения, затем выключает телефон.

– Нужно как можно скорее передать это криминалистам, они проверят всё, не только его местонахождение, начиная с 1 июня. Электронные письма, сообщения, фото, историю поиска. Скопируем и вернём ему телефон завтра или в понедельник.

– Учитывая добровольную передачу мобильника, я не думаю, что мы что-нибудь там найдём, – говорит Дэвис. – Я не ожидала этого от него.

– Самонадеянный мерзавец, но он мог что-нибудь забыть. Одно единственного сообщения может оказаться достаточно.

Дэвис вспоминает похожие слова Джалберта: «Достаточно найти один-единственный волосок в салоне грузовика Кхефлина». Но они ничего не нашли. Она говорит:

– Мы увидим только одну поездку в Ганнел. Ты ведь понимаешь это, да? Он оставил телефон в трейлере, когда убил девушку и похоронил её. Готова поставить на это.

Джалберт произносит:

– Четыре.

– Что, прости?

– Ничего. Просто мысли вслух. Мы прижмём его, Элла. Эта его самоуверенность... это высокомерие... погубят его.

– Насчёт детектора лжи ты говорил серьёзно?

Джалберт невесело усмехается.

– Он либо социопат, либо откровенный психопат. Ты заметила это?

Дэвис задумывается, затем говорит:

– Не скажу с уверенностью.

– А я уверен. Видел таких раньше. И в девяти случаях из десяти они способны обдурить полиграф. Что делает процедуру бессмысленной.

Они выходят из комнаты и идут по коридору. Молодой коп, который доставил Кхефлина, спрашивает их, как всё прошло.

– Закручиваем гайки, – отвечает Дэвис. Джалберту это нравится, и он похлопывает напарницу по руке.

Оказавшись на улице, Дэвис достаёт из сумки сигареты и предлагает одну Джалберту, который мотает головой. Она щёлкает зажигалкой и глубоко затягивается.

– Адвокат оказался прав. У нас нет козырей в рукаве, не так ли?

Джалберт смотрит на главную улицу, где почти ничего не происходит, как, впрочем, и во всём Маниту.

– Всё будет, Элла. Будь уверена. Помимо остального, он действительно хочет признаться. Ты почти поймала его. Он был на грани.

Дэвис так не думает, но не говорит этого вслух. Джалберт занимается этой работой уже долгое время, и она доверяет его чутью больше, чем своему.

– Меня продолжают беспокоить две вещи, – говорит Дэвис.

– Какие?

– Выражение облегчения на его лице, когда ты сказал о наличии ДНК убийцы, и его улыбка, когда я сказала об отпечатках пальцев девушки на приборной панели грузовика. Он знал, что я лгу.

Джалберт проводит рукой по остаткам своих рыжих с проседью волос.

– Он знал, что ты *блефуешь*.

– Но ДНК, это было так...

– Как?

– *Моментально*. Будто он понял, что сорвался с крючка.

Джалберт поворачивается к Дэвису.

– Подумай о его сне, Элла. Ты бы поверила в такое хотя бы на секунду?

Она отвечает без колебаний.

– Нет. Он лгал. Никакого сна не было.

Джалберт кивает.

– Держи это в голове и всё будет в порядке.

У Джалберта имеется пятикомнатное ранчо в Лоуренсе, почти в двух шагах от офиса в Канзас-Сити, но он не собирается возвращаться туда, пока Кхефлин не будет арестован, обвинён и не предстанет перед судом. Его аскетичный двухспальный номер в Лайонсе находится недалеко как от Маниту, так и от Грейт-Бенда... Ну, недалеко по меркам Канзаса. Это большой штат, тринадцатый по величине. Джалберт любит узнавать подобные факты.

Субботним вечером он стоит у окна, наблюдая за сгущающимися сумерками и прокручивая в голове допрос Кхефлина, состоявшийся этим утром. Элла проделала прекрасную работу, сам Джалберт не справился бы лучше, но всё равно результат неудовлетворительный. Он не ожидал, что Кхефлин наймёт адвоката. Он ожидал, что тот сознается.

«В следующий раз, – думает Джалберт. – Просто нужно продолжать раскручивать».

В этом он хорош, но вечером раскручивать нечего. Телевизор он не смотрит, но два раза обходит стулья. В магазине напротив он купил пару «Хот Покетс» и разогрел их в микроволновке. Три минуты, 180 секунд, произвёл сложение от 1 до 18, выкинув девятку. Джалберт не любит выкидывать числа, но иногда с этим ничего не поделать. «Хот Покетс» не такие уж вкусные, и у Джалберта есть счёт на служебные расходы, но он даже не задумывается о доставке еды в номер. Какой смысл? Еда – это просто топливо для организма.

Он никогда не был женат, у него нет друзей (Дэвис нравится ему, но она всегда была и будет лишь его напарницей), у него нет домашних животных. Когда-то, в детстве, у Джалберта был попугай, но он умер. Джалберт не имеет пороков, не считая мастурбации, которой он занимается раз в неделю. Ситуация с Кхефлином не даёт ему покоя; он как муха, которая всё время уворачивается от свернутой газеты.

Джалберт решает лечь спать. В четыре он будет на ногах, но ничего страшного. Ему нравятся ранние часы и, возможно, проснувшись, он лучше поймёт ситуацию с Кхефлином. Джалберт медленно раздевается, считая до 11 каждый раз, когда снимает очередной предмет одежды. Пара ботинок, пара носков, брюки, трусы, рубашка, майка. Итого 88. Не очень удачное число, его любят неофашисты. Джалберт достаёт из-под кровати свой чемодан, вынимает спортивные шорты, в

которых спит, и надевает их. Таким образом получается 99. Он садится на стул у столика, добавляя один, чтобы получилось сто. Хорошее число, на него можно положиться. Джалберт идёт в ванную. Напольных весов там нет. Он попросит принести их завтра. Он чистит зубы, отсчитывая движения рукой, начиная с 17-ти. Затем мочится, моет руки и опускается на колени у изножья кровати. Джалберт просит Бога помочь ему добиться справедливости для бедной мисс Ивонн. Потом он лежит в темноте, скрестив руки на узкой груди, и ждёт сна.

«У нас нет козыря в рукаве», – сказала Элла, и она права. Они знают, что Кхефлин убийца, но грузовик чист, трейлер чист, и он приехал на допрос с адвокатом. Не очень хорошим, но адвокат есть адвокат. Телефон может им что-то дать, но учитывая то, как легко Кхефлин его отдал...

– Но не сразу, – произносит Джалберт. – Взял время подумать, так? Хотел убедиться, что это безопасно.

Зачем ему адвокат? Возможно ли, что Кхефлин не хочет признаваться, не получив свои пятнадцать минут славы в качестве экстрасенса, которому приснилось местонахождение тела? Что он хочет поднять шумиху?

– Если ему нужно это, я позабочусь, чтобы он получил известность, – говорит Джалберт, и вскоре после этого засыпает.

25

Для Дэнни неделя на которую выпадает 4-е июля – сущий ад.

В понедельник Пэт Грейди не появляется на работе. Дэнни спрашивает Джесси, не заболел ли Пэт.

– Без понятия, – отвечает Джесси. – Я пересекаюсь с ним только здесь. Так как завтра 4 июля, может, он подумал, что сегодня тоже выходной.

Дэнни не удивлён. Джесси Джексон – молодой человек, идущий куда-то. Пэт Грейди – молодой человек, идущий в никуда. Разве что в бары Маниту, когда станет достаточно взрослым для выпивки. И баров этих довольно много. В своё время Дэнни побывал во всех.

Пэт появляется около десяти, заводит шарманку о том, что ему якобы понадобилось помочь отцу, и Дэнни говорит ему, что Пэт уволен.

Грейди потрясённо смотрит на Дэнни.

– Вы не можете этого сделать!

Дэнни отвечает.

– Только что сделал.

Пэт в недоумении смотрит на Дэнни, его щёки пылают, на лбу алеет прыщ. Затем он направляется к двери. Дойдя до неё, Грейди резко оборачивается и кричит:

– Иди в жопу!

– Взаимно, – говорит Дэнни.

Пэт хлопает дверью. Обернувшись, Дэнни видит Джесси, стоящего у дверей в спортзал с ведром и шваброй. Джесси поднимает большой палец, что вызывает у Дэнни улыбку. Старый «Мустанг» Пэта с рёвом вырывается с парковки, оставляя сорокафутовый след от колёс. *«Это не на пользу твоим шинам»*, – думает Дэнни. По крайней мере, он избавился от этой занозы в заднице.

Вернувшись домой тем вечером (его подвозит Джесси), Дэнни находит свой грузовик возле трейлера. По всему салону следы порошка для снятия отпечатков пальцев и стоит запах спирта, вероятно, от средства, используемого для поиска следов крови. Ключи лежат в подстаканнике, а мобильник Дэнни – на пассажирском сиденье.

Во вторник – Славное Четвёртое Июля – Дэнни отсыпается. За поздним завтраком он вспоминает, что забрал ключи от грузовика, но оставил телефон в салоне. Он забирает мобильник, в основном, чтобы посмотреть, не пришло ли ему сообщение от Марджи, может, картинка с фейерверками. Никакого «С праздником!», ни электронных писем, но пришло голосовое сообщение от адвоката Дэнни, который просит перезвонить. Дэнни догадывается, в чём дело. Он поздравляет Болла с праздником, на что Болл отвечает тем же.

– Вы, наверное, хотели спросить о гонораре, но мой грузовик вернули только вчера. – Дэнни с иронией осознаёт, что говорит совсем как Пэт. – Я принесу чек сегодня к вам в офис.

– Я звонил не поэтому. О вас написали в газете.

Дэнни хмурится.

– О чём это вы? В бельвильской газете?

– Не в «Телескопе». В «Плейнс Трут».

Дэнни отодвигает тарелку с хлопьями.

– Вы имеете в виду ту, что разносят бесплатно? В которой печатают купоны? Я никогда не тратил на неё время.

– Она самая. Мне сообщила Сара, моя помощница, и я прихватил копию к своему утреннему пончику. Эта газета держится только на рекламе, поэтому распространяется бесплатно. За такую рекламу, должно быть, хорошо платят, потому что эту газету можно найти в любом магазине и на заправочной станции в четырёх округах. Содержание – уж какое есть – включает в себя местные спортивные соревнования, праворадикальные передовицы, и две-три страницы писем читателей, в основном, хвалебных и напыщенных. Что касается новостей, им всё равно, что печатать. Так, в последнем номере указано имя погибшей девушки.

– Они напечатали это?

– Ага. Ивонн Уикер из Оклахома-Сити. Вот, послушайте: «Полиция получила анонимное сообщение, которое привело их к неглубокой могиле несчастной девушки за заброшенным зданием в Ганнеле, маленьком городке недалеко от границы с Небраской. Надёжный источник сообщил «Плейнс Трут», что установлена личность информатора: Дэниел М. Кхефлин, в настоящее время работающий уборщиком в школе Уайлдер Хай. Утверждается, что он помогает детективам КБР в поисках убийцы».

Дэнни поражён.

– Разве они могут разглашать моё имя, если меня ни в чём не обвиняют?

– Обычно газеты так не поступают, но «Плейнс Трут» – не газета, а просто сортирное чтиво. Это ещё не всё. Далее говорится: «На вопрос, откуда мистер Кхефлин узнал о местонахождении тела, наш источник промолчал». Читателям не предлагают сложить один плюс один, но это и не обязательно, не так ли?

– Джалберт, – говорит Дэнни. Его свободная рука сжимается в кулак.

– Пожалуй, соглашусь. Либо он, либо Дэвис...

– Нет, это был он.

– ...но поди докажи. Об этом знали полдюжины копов в участке Маниту, они видели, как мы вошли. Плюс тот, кто привёз вас на допрос. А также жители трейлерного парка. Они могли догадаться, почему там появились полицейские.

Конечно, и Бекки тоже. Дэнни даже рассказал ей о сне. Но всё же...

– У Джалберта недостаточно оснований для ареста, поэтому он сделал это.

– Поспешные выводы сильно нам не помогут...

– Да ладно. Вы видели его? Слышали?

Болл вздыхает.

– Дэнни, вам нужен адвокат, который даст более ценные советы, чем я. Адвокат по уголовным делам.

– Пока что меня устраиваете вы. Может быть, всё уляжется.

– Возможно, и так. – Всего три слова, но Дэнни понимает, что Болл считает это маловероятным. Может, даже абсурдным.

26

В среду адской недели Дэнни узнаёт, что скоро потеряет работу.

В обед он идёт к своему грузовику, намереваясь взять контейнер с едой и присоединиться к Джесси за столиком на заднем дворе. Достав из бардачка телефон, Дэнни проверяет электронную почту, и тут же теряет аппетит. Всего три e-мейла. Одно от бельвильского «Телескопа», второе – из «Плейнс Трут», и оба издания просят прокомментировать связь Дэнни с убийством Ивонн Уикер. «Плейнс Трут» также просит подтвердить или опровергнуть «сообщение о том, что место захоронения мисс Уикер вы увидели во сне».

Дэнни удаляет оба. Третий e-мейл от школьного инспектора округа Уайлдер. В нём сообщается, что в связи с сокращением бюджета должность Дэнни в качестве старшего смотрителя упразднена. Он может остаться до конца недели, но в понедельник будет считаться безработным.

«В связи с досадной внезапностью реорганизации, – говорится в электронном письме, – ваша зарплата будет выплачиваться в течение июля и первой недели августа».

По всем вопросам Дэнни может связаться с помощницей школьного инспектора и школьным окружным контролёром Сьюзан Эггерс. Ниже указан номер телефона и ссылка на «Зум».

Для полного понимания Дэнни несколько раз перечитывает этот шаблонный e-мейл. Затем бросает телефон обратно в бардачок и направляется через спортзал к столику для пикника.

– Хотите чили? – спрашивает Джесси. – Мама всегда кладёт слишком много. Я разогрел его в микроволновке.

– Откажусь. У меня ливерная колбаса и сыр.

Джесси морщит нос, словно от неприятного запаха.

– Кроме того, – продолжает Дэнни, – меня, кажется, уволили.

Джесси опускает пластиковую ложку.

– *Что* вы сказали?

– Ты слышал. Пятница – последний день.

– *Почему?* – Джесси делает паузу, затем спрашивает: – Это из-за той девушки?

– Ты знаешь об этом, да?

– Все об этом знают.

«*Естественно*, – думает Дэнни».

– Так прямо они не говорят, но они и не могут, разве нет? Я не сделал ничего плохого – только сообщил о теле. Говорят, что сокращают бюджет.

Дэнни ожидает от своего помощника других вопросов. О теле, о том, как Дэнни нашёл его, но Джесси, возможно, единственный человек в Уайлдере или округе Репаблик, который не горит желанием узнать о дурном сне Дэнни. У Джесси есть свои заботы. «*И да благословит его Бог за это*», – думает Дэнни.

– О, чёрт! Мы же должны покрыть лаком пол в спортзале! Я не смогу сделать это сам, я не знаю как!

– Невелика наука. Сделаем это завтра. Важно, что начав, нельзя останавливаться. И надень бандану или медицинскую маску. Мы, конечно, откроем все окна, но запах будет сильный.

– Они не могут оставить меня здесь одного! – Джесси едва сдержался, чтобы не выкрикнуть это. – У меня нет *ключей*! И они мне не нужны! Боже, Дэнни, я *чёрный*. Если что-нибудь случится – пропадут чистящие средства или что-нибудь из столовой, – кого обвинят?

– Я тебя понял, и постараюсь это уладить, – говорит Дэнни. – У меня есть кому позвонить. Я позабочусь о тебе, если смогу.

– Разве они могут так поступить? Вы можете подать на них в суд?

– Не думаю, – отвечает Дэнни. – Канзас – вольный штат. Это означает, что работодателю не нужно приводить веские основания для моего увольнения.

– Это так несправедливо!

Дэнни улыбается.

– Для кого из нас?

– Блин, для нас обоих! Я серьёзно.

Дэнни спрашивает:

– Можно мне немного твоего чили?

27

Дэнни не звонит Сьюзан Эггерс по мобильнику, а связывается с ней через «Зум». Он хочет посмотреть ей в лицо. Но сначала он проверяет бюджет округа Уайлдер на прошлый и текущий год. И находит то, что ожидал.

Эггерс – женщина средних лет с копной седых волос, круглыми очками в золотой оправе и узким лицом. Типичное лицо бухгалтера, думает Дэнни. Она сидит за своим столом. За её спиной красуется в рамке репродукция обложки «Маленького домика в прериях»: маленькие девочки в повозке, обе выглядят до смерти напуганными.

– Мистер Кхефлин, – произносит Эггерс.

– Так точно. Человек, которого вы только что уволили.

Эггерс складывает руки на груди и смотрит прямо в объектив камеры своего компьютера.

– Сократили, мистер Кхефлин. А ещё, хотя мы не обязаны этого делать, мы назвали вам причину...

– Урезание бюджета. Да. Но в этом году школьный бюджет не уменьшился, а наоборот увеличился на десять процентов. Я проверил.

Эггерс одаривает Дэнни натянутой улыбкой, как бы говоря: «Вы мало знаете».

– Инфляция перебила наш бюджет.

Дэнни отвечает:

– Давайте говорить прямо, мисс Эггерс. Вы не сокращали меня, вы меня уволили. И причина не в бюджете. Это из-за слухов о преступлении, которого я не совершал и в котором меня не обвиняли. Говорите честно, чёрт возьми.

Сьюзан Эггерс явно не привыкла, чтобы с ней так разговаривали. Её щеки вспыхивают, а на прежде гладком лбу пролегает вертикальная складка.

– Вы действительно хотите знать? Хорошо. Мистер Кхефлин, мне сообщили о вас довольно неприятную информацию. Помимо нынешней ситуации, вы были арестованы за нарушения судебного запрета после домогательств к своей бывшей жене. Насколько я понимаю, вы оказались в изоляторе в Уичите.

Насчёт изолятора она права, но Дэнни провёл в камере всего одну ночь, и то за нахождение в нетрезвом виде и нарушение общественного порядка. Однако, рассказ об этом деле не поможет... не то чтобы у него были другие аргументы.

– Вы разговаривали с человеком по имени Джалберт, я прав? Вы или школьный инспектор. Это сотрудник КБР. Носит чёрный пиджак и мешковатые джинсы.

Эггерс не отвечает, но моргает. Этого достаточно для ответа.

– Мистер Кхефлин, на мой взгляд, руководство школы более чем доброжелательно к вам. Мы будем выплачивать вам зарплату до конца июля...

– И не забудьте про первую неделю августа.

– Да. Весь июль и первую неделю августа будем платить за работу, которую вы не будете выполнять. – Эггерс колеблется, явно раздумывая стоит ли продолжать дальше, но Кхефлин задел её. Если он хочет знать чёртову правду, то он её получит. – Допустим, условно говоря, ваша нынешняя... ситуация... сыграла свою роль. Ваше имя фигурирует в печати в связи с ужасным преступлением. Что бы вы сделали, узнав, что ваш школьный смотритель, мужчина, который каждый день находится рядом с девочками-подростками, в прошлом обвинён в домогательствах к жене, а сейчас его допрашивает полиция по поводу изнасилования и убийства?

Дэнни мог бы сказать Эггерс, что Марджи никогда не обвиняла его в домогательствах, она просто хотела, чтобы он перестал орать на её

лужайке в два часа ночи: «Вернись, Марджи, я изменюсь». Он мог бы сказать, что понятия не имеет, кто убил Ивонн Уикер. Мог бы абсолютно уверенно сказать, что та бесплатная «подстилка для собак» получила его имя от инспектора Джалберта, потому что Джалберт знал, что они без колебаний опубликуют всё, что угодно. Но для этой женщины это не будет иметь ни малейшего значения.

– Мы закончили, мистер Кхефлин? Потому что меня ждёт работа.

– Не совсем, потому что вы, похоже, не задумывались о том, что будет со школой после моего ухода. Я говорю о так называемых последствиях. Кто меня заменит? Со мной работает сезонный сотрудник, парень по имени Джесси Джексон. Он хороший человек и отличный работник, но он не справится в одиночку. Во-первых, он многого не знает. Во-вторых, ему всего семнадцать. Слишком молод, чтобы брать на себя ответственность. И в-третьих, в сентябре он снова вернётся к учёбе.

– Его тоже отпустят, – говорит Эггерс. – Когда в пятницу будете закрывать школу, передайте ключи директору, мистеру Коутсу. Кажется, он живёт в Маниту.

– А Джесси тоже оплатят июль и первую неделю августа? – Дэнни знает ответ на этот вопрос, но хочет услышать от Эггерс.

Если он надеялся увидеть смущение на её лице, то просчитался. В ответ Дэнни получает снисходительную улыбку.

– Боюсь, что нет.

– Ему нужны деньги. Он помогает своей семье.

– Я уверена, он найдёт другую работу. – Как будто вакансии раскиданы по всему округу Уайлдер. – Эггерс берёт со стола листок бумаги, изучает его, затем откладывает. – Кажется, у вас в помощниках был другой парень, Патрик Грейди. Его родители подали жалобу. Они позвонили мистеру Коутсу и сказали, что их сын уволился из-за угроз с вашей стороны.

На мгновение Дэнни настолько ошарашен и взбешён, что даже не может произнести ни слова. Затем он говорит:

– Пэт Грейди уволен за систематические опоздания и халатное отношение к работе. Ему никто не угрожал, он просто обычный бездельник. Джесси скажет вам то же самое, если вы его спросите. В чём я очень сомневаюсь.

– Вряд ли в этом есть необходимость. Это всего лишь ещё одна часть непривлекательной картины. Картины вашего характера, мистер Кхефлин. Радуйтесь, что мы отпускаем вас из-за сокращения бюджета. Это будет лучше смотреться в вашем резюме при поиске новой работы. А сейчас, поскольку я довольно занята...

– Школа так и простоит до конца лета? – Помимо всего прочего, Дэнни претит подобная мысль. Школа Уайлдер Хай – старая добрая старушка, которая изрядно страдает в течение учебного года. Сейчас июль и Дэнни только начал прихорашивать её. – А что будет осенью?

– Это не ваша забота, – отвечает Эггерс. – Спасибо за звонок, мистер Кхефлин. Надеюсь, ваши текущие проблемы разрешатся. До свидания.

– Подождите, чёрт возьми...

Но поздно, Сьюзан Эггерс отключилась.

28

Ранним вечером четверга этой адской недели Дэнни отправляется в Маниту за покупками. Он любит заниматься этим по четвергам, потому что большинству работяг зарплату выдают по пятницам, и в магазине не так много людей. Его собственный зарплатный чек – один из последних пяти-шести – поступит на счёт «Ситизенс Нэшнл» в пятницу. Кроме того, у него отложено чуть больше трёх тысяч – сбережения и чеки, которых хватит ненадолго. Дэнни не платит алименты своей бывшей жене, но каждую неделю-две отправляет ей пятьдесят-шестьдесят баксов. Он должен ей эти деньги, хотя бы за всё причинённое беспокойство. Больше он не сможет себе этого позволить и боится, что придётся позвонить бывшей и объяснить свою ситуацию. Хотя она, вероятно, уже знает. Хороших новостей – кот наплакал, а плохие льются как из рога изобилия. И Дэнни больше не нужно поддерживать Стиви. Его младший брат всё ещё живёт в интернате Мелоди-Хайтс, но, скорее всего, приносит домой больше недельного заработка Дэнни.

«Возможно, кончится тем, что он будет поддерживать меня, – думает Дэнни. – Вот это будет поворот».

Дэнни стоит у мясного прилавка, пытаюсь выбрать между одно- и двухфунтовой упаковкой фарша (самого дешёвого), когда позади него раздаётся громкий голос.

– Дэниел Кхефлин? Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Это Джалберт. Разумеется. Сегодня вечером он в синей ветровке с надписью КБР на левой стороне груди. Хотя Дэнни не видит обратной стороны куртки, он знает, что там те же буквы, только крупнее. Джалберт мог бы подойти к нему и заговорить нормальным тоном, а также мог встретить на парковке. Другие покупатели возле мясного прилавка оглядываются по сторонам, чего и добивается Джалберт.

– Я уже ответил на ваши вопросы. – Дэнни бросает в тележку упаковку мяса – один фунт вместо двух, пора начинать экономить. – Если хотите задать ещё, то только в присутствии моего адвоката.

– Это ваше право, – говорит Джалберт таким же громким голосом. Дэнни думает, что рыжие лохматые волосы этого человека похожи на наконечники стрел или ржавые копья. Глубоко посаженные глаза смотрят на Дэнни, как на представителя нового вида насекомых. – Право на адвоката. Однако вам придётся подождать его появления в полицейском участке.

Тем же чрезмерно громким голосом. У мясного прилавка начинают собираться люди, некоторые толкают перед собой тележки, кто-то просто глазеет.

– Или мы можем поговорить здесь. Выбирайте.

«Чтобы все слышали, – думает Дэнни. – Вам бы этого хотелось, да?»

– Выберу меньшее зло из возможных. Давайте выйдем на улицу.

Дэнни не даёт Джалберту возразить, просто проходит мимо него (сдерживаясь, чтобы не пихнуть его плечом) и направляется к двери. Не то чтобы инспектор мог остановить его; Дэнни весит на пятьдесят-шестьдесят фунтов больше, а у Джалберта снова нет при себе оружия, только значок на поясе. А на шее висит удостоверение личности. Дэнни не смотрит, следует ли Джалберт за ним.

Продавщицы за кассами замирают. Двух из них Дэнни знает по школе. Он знает многих по школе, поскольку работал в Уайлдер Хай со времени своего отъезда из Уичиты. Когда двери раздвигаются, выпускающая Дэнни в тёплый канзасский вечер, его вдруг осеняет, что никто из

тех, кого он встретил в проходах между стеллажами, не поздоровался с ним, хотя он узнал нескольких человек, включая пару учителей.

Стоя в белом свете витрины магазина, Дэнни поворачивается к Джалберту.

– Вы изводите меня.

– Я веду расследование. Если кого-то и изводили, так это бедную мисс Ивонн. Вы извели её до смерти. Разве не так?

Вспомнив какое-то телешоу, Дэнни отвечает:

– Сами ответьте на свой вопрос.

– Мы проверили ваш мобильный телефон. В журнале записей местоположения очень много пробелов. Мне нужно, чтобы вы объяснили каждый из них. Если сможете.

– Нет.

Брови Джалберта – такие же густые и спутанные, как и его редящие волосы – взмывают вверх. В голову Дэнни приходит странная мысль: *«Возможно, он изводит меня, но, возможно, я отвечаю ему взаимностью. Мешки под его глазами, по-моему, стали больше и темнее».*

– Нет? *Нет?* Дэнни, разве вы не хотите перестать быть подозреваемым?

– Вы этого не хотите. Меньше всего на свете. – Дэнни указывает на яркие жёлтые буквы КБР на ветровке Джалберта. – С таким же успехом вы могли бы носить на себе рекламный щит. Кстати, вы что, похудели?

Джалберт изо всех сил старается скрыть удивление после этого неожиданного вопроса, но Дэнни полагает, что Джалберт удивлён. Или ему кажется? Может быть.

– Дэнни, мне нужно, чтобы вы заполнили пробелы. Столько, сколько смож...

– Нет.

– Тогда вы будете часто меня видеть. Вы ведь понимаете это, правда?

– Что насчёт проверки на детекторе лжи? Я получил обратно свой грузовик и смогу приехать в любой день, раз уж вы позаботились о том, чтобы я потерял работу.

Джалберт оголяет свои обрубки, которые у него вместо зубов. *«Наверное, он редко ест твёрдую пищу»*, – думает Дэнни.

– Забавно, как люди, подобные вам – социопаты, – способны обвинять во всех своих несчастьях других.

– Полиграф, инспектор. Как насчёт полиграфа?

Джалберт машет рукой перед лицом, словно отгоняя назойливую муху.

– Социопаты почти всегда обыгрывают полиграф. Это доказанный факт.

– Или вы боитесь, что мои слова окажутся правдой.

– Двадцать один, – произносит Джалберт.

– Что?

– Ничего.

– Вы в порядке? – Дэнни спрашивает с огромным удовольствием. Это низко и подло, но его вывалили в грязи перед всем городом. Который он раньше считал своим.

Джалберт говорит:

– Вы убили её.

– Я не убивал.

– Ну же. Признайтесь. Скиньте груз, Дэнни. Вам станет легче. Здесь только мы вдвоём. На мне нет «жучка», и потом вы всё сможете отрицать. Сделайте это для меня и для себя. Облегчите душу.

– Мне не в чем признаваться. Я видел сон. Поехал туда, где оказалась похоронена девушка. Сообщил в полицию. Вот и всё.

Джалберт смеётся.

– А вы стойкий, Дэнни. Отдаю вам должное. Но я тоже.

– Вот что я вам скажу. Если вы думаете, что это сделал я, предъявите мне обвинение. Арестуйте.

Джалберт ничего не отвечает.

– Вы не можете, я прав? Держу пари, окружной прокурор Уайлдер-Сити сказал, что у вас недостаточно доказательств. Ни результатов криминалистической экспертизы, ни видеозаписей, ни свидетелей. У вас есть старик, который видел меня возле «Тексако», но в тот день, когда я сообщил о теле, так что он ничем не может вам помочь. В общем, инспектор, вы обделались.

Что забавно, думает Дэнни, потому что он и сам в дерьме. Джалберт позаботился об этом.

Джалберт ухмыляется и тычет пальцем в Дэнни. Эта ухмылка напоминает ему полумесяц из сна.

– Это сделали вы. Я знаю, и вы знаете, двадцать восемь.

– Я собираюсь продолжить покупки. Если хотите, можете следовать за мной. Остановить я вас не могу, да и урон уже нанесён. Когда вы слили моё имя той вшивой газетёнке.

Джалберт не отрицает этого, но и не следует за Дэнни в магазин. Его работа закончена. Все пялятся на Дэнни, когда он идёт между прилавков. Некоторые даже сворачивают в сторону при его приближении.

29

Дэнни возвращается домой, в свой трейлер в Оук-Гроув. Разбирает продукты. Он раскошелится на коробку «Набиско Пинвилс» – своего любимого печенья – и намеревался полакомиться им во время просмотра телевизора. Но сейчас не хочет смотреть телевизор, и определённо не хочет никакого печенья. Если съест хоть одно, оно встанет у него поперёк горла. Дэнни никогда не был так зол с тех пор, как в школе над ним издевался более крупный мальчик, и разумеется, никогда не чувствовал себя таким... таким...

– Загнанным в угол, – бормочет Дэнни.

Уснёт ли он сегодня ночью? Нет, если только не успокоится. А он хочет успокоиться, хочет взять себя в руки. Джалберт выглядит так, будто не спал всю ночь, и желает, чтобы Дэнни тоже потерял сон. *Сорвись, Дэнни, сделай какую-нибудь глупость. Например, ударь меня. Подумай, как бы тебе стало хорошо! Только попробуй!*

Что бы такое сделать для снятия напряжения?

Дэнни достаёт бумажник и роется в нём. Каждый из следователей дал ему визитку с номерами КБР на лицевой стороне и номерами сотовых на обратной. На случай, если Дэнни надоест история про его сон и он решит поведать, что произошло на самом деле. Он засовывает визитку Джалберта обратно в бумажник и набирает личный номер Дэвис. Она отвечает после первого же гудка, и её голос почти заглушается тем, что происходит рядом с ней или вокруг неё. Это неровное исполнение «С Днём Рождения» хором молодых голосов.

– Здравствуйте, инспектор Дэвис. Это Дэнни Кхефлин.

На мгновение с её стороны воцаряется молчание, будто она не знает, что ответить на вечерний звонок своего главного подозреваемого. Дэнни думает, что застал её врасплох, как застал врасплох Джалберта, и это кажется ему справедливым... по крайней мере, при его плохом настроении. Пауза длится достаточно долго, чтобы Дэнни услышал: *«С днём рождения, дорогая Лори, с днём рождения тебя»*. Затем Дэвис говорит:

– Дайте мне минуту. – И обращаясь к гостям вечеринки (Дэнни предполагает, что это вечеринка): – Я должна ответить.

Голоса стихают, когда Дэвис переходит в более тихое место. Дэнни хватается времени, чтобы перебрать глаголы. *Разговаривал?* Нет. *Беседовал?* Нет, точно не это. *Допрашивал?* Верно... но и неверно. Затем Дэнни находит подходящее слово.

– Чем я могу помочь, Дэнни?

– Полчаса назад ваш напарник досаждал мне в супермаркете, когда я делал покупки.

Ещё одна пауза. Затем:

– У нас всё ещё остаются вопросы о вашем местонахождении в течение трёх интересующих нас недель. Я говорила с вашим братом, и он подтвердил, что вы навещали его в первый уикенд июня. Он аутист?

Дэнни хочет спросить, не расстроила ли Дэвис Стиви – его легко расстроить, когда он выходит из зоны комфорта, – но он не позволит ей увести разговор в сторону.

– Вместо своего обычного пиджака ваш напарник был одет в куртку с буквами КБР на груди и спине. У него не было мегафона, в чём он не нуждался, потому что и так говорил слишком громко. В четверг вечером не так уж много людей ходит за покупками, но все, кто там находились, отлично всё слышали. И видели.

– Дэнни, это слегка похоже на паранойю.

– Не вижу никакой паранойи в том, как тридцать человек наблюдают за твоим унижением. Когда я понял, что он затеял, то вынудил его пойти за мной на улицу. И знаете что? Не последовало никаких вопросов. Как только мы оказались на тротуаре, он завёл ту же пластинку: признайтесь, вы сделали это, вам станет легче.

– Станет, – искренне произносит Дэвис. – Действительно станет легче.

– Я позвонил, чтобы задать *вам* пару вопросов.

– Моя работа не в том, чтобы отвечать на ваши вопросы. Это вы должны отвечать на мои.

– Но, видите ли, это не касается дела. По крайней мере, не напрямую. Я бы назвал эти вопросы процедурного характера. Первое. Вы бы подошли ко мне в магазине в полицейской куртке, устроив так, чтобы все вокруг слышали наш разговор?

Дэвис не отвечает.

– Да ладно, это простой вопрос. Вы бы поставили меня в неловкое положение перед моими соседями?

В этот раз она отвечает незамедлительно, тихо и яростно.

– Вы не просто поставили Ивонн Уикер в неловкое положение. Вы изнасиловали её. Вы убили её!

– А как же, чёрт возьми, презумпция невиновности, инспектор Дэвис? Я всего лишь нашёл её тело. Но мы уже ходили вокруг да около, и это не имеет никакого отношения к моему вопросу. Вы бы поступили так же, как Джалберт, особенно не имея ничего нового, о чём можно спросить?

Дэнни слышит голоса гостей вечеринки, но где-то вдалеке. Следует долгая пауза, прежде чем Дэвис отвечает.

– У каждого следователя свои методы.

– Это ваш ответ?

Дэвис издаёт короткий раздражённый смешок.

– Я сейчас не в суде. И вы не имеете права подвергать меня перекрёстному допросу. Поскольку у вас нет ничего существенного, я собираюсь закончить этот разг...

– Вам что-нибудь говорит имя Питер Андерссон? С двумя «с».

– С чего бы?

– Он автор в бесплатной газете «Плейнс Трут». Они напечатали имя мисс Уикер. Это *обычная* процедура? Оглашение имён жертв до уведомления ближайших родственников?

– Я... их уведомили! – Наконец в голосе Эллы Дэвис звучит волнение. – На прошлой неделе!

– Но в «Телескопе» об этом не говорилось. В любом случае, они не стали бы это печатать. А «Плейнс Трут» напечатала. И что насчёт моего имени? Его тоже опубликовали. Является ли оглашение имён людей,

которым не предъявлены обвинения в совершении преступления, частью процедуры КБР?

Снова тишина. Дэнни слышит тихий хлопок. Возможно, лопнул воздушный шарик.

– Ваше имя было напечатано? Вы полностью в этом уверены?

– Найдите газету и убедитесь сами. Мы знаем, кто слил информацию, разве нет? И мы знаем почему. У него нет ничего конкретного, только история, в которую он отказывается верить. Не может поверить. Не хватает воображения. То же можно сказать и о вас, но, по крайней мере, вы не выбалтывали моё имя единственной газетёнке, которая не отказалась его напечатать. Вот почему я позвонил вам.

– Дэнни, я... – Дэвис замолкает, возможно, не решившись сказать *«приношу извинения»*. Дэнни не знает, вертелось ли это на языке Дэвис, но почти в этом уверен.

Она отматывает назад.

– Ваше имя мог назвать любой человек. Вероятнее всего, кто-то из ваших соседей в трейлерном парке. Ваше предположение о том, что Фрэнк Джалберт донимает вас – абсурдно.

– Неужто?

– Да.

– Позвольте мне рассказать вам о «Плейнс Трут», – говорит Дэнни. – Я взял копию по дороге домой с работы. Это мой предпоследний день. Меня уволили. За это я тоже должен поблагодарить вас.

Дэвис молчит.

– В основном там одна реклама и несколько статей местных новостей... плюс криминальные новости, читатели их любят. Всё, что угодно, от опрокидывания коров до поджогов. Что и заставляет людей брать в руки эту гадость.

– Дэнни, мне кажется этот разговор затянулся.

Дэнни продолжает:

– В «Плейнс Трут» нет криминальных репортёров. Они не занимаются расследованиями. Андерссон и другие просто сидят сложа руки, пока новости сами не дойдут до них. В данном случае – имя Уикер и моё. Кто-то позвонил им и назвал имена.

– Если вы собираетесь попросить меня выяснить, кто это, то вы фантазёр. Репортёры не выдают свои источники.

Дэнни смеётся.

– Называть людей, работающих на эту подстилку для собак, *репор-
тёрами* – всё равно что называть двоечника Эйнштейном. Я думаю,
Питер Андерссон даст вам имя, если знает. Просто немного надавите
на него. Как надавили на меня.

Тишина, но Дэвис ещё не закончила разговор. Дэнни продолжает
слышать тихий фоновый шум вечеринки. Интересно, Лори – это её
дочь? Племянница?

– Может быть, не имя, а источник, – говорит Дэнни. – Если Андерс-
сон спросил, с кем разговаривает, Джалберт мог ответить, что он из
полиции Маниту или дорожного патруля, и повесить трубку. Уважае-
мая газета не стала бы публиковать анонимную наводку, не подтвер-
див её другим источником, но эта подстилка готова на всё и с радо-
стью. Им позвонил ваш напарник, инспектор. Я знаю это и, думаю, вы
тоже.

– До свидания, Дэнни. Больше не звоните мне. Только если воз-
никнет желание признаться.

Дэнни «выстреливает» наобум:

– Он что, любит сыпать случайными числами? Без всякой на то
причины?

Нет ответа.

– Не хотите об этом говорить? Хорошо. Пожелайте имениннице...
– Но Дэвис прерывает связь.

Дэнни сразу же звонит Стиви в Боулдер. Его брат отвечает, как
обычно, изображая записанное на автоответчик сообщение.

– Вы позвонили Стиву Альберту Кхефлину.

– Привет, Стиви, это...

– Знаю, знаю, – смеётся Стиви. – Дэнни-Дэнни-бо-бэнни, бана-
на-фанна-фо-фэнни. Как дела, братишка?

Этот тон говорит всё, что Дэнни хотел узнать. Элла Дэвис не сооб-
щала Стиви, что его старший брат подозревается в убийстве. Она
была... осторожна? Или даже больше. Может быть, подходящее слово
– *«тактична»*? Дэнни не хочет симпатизировать Дэвис, но этим по-
ступком она зарабатывает себе в копилку один балл. У Стиви свои спе-
циальные способности, и он развивает – постепенно – социальные
навыки, но хрупок в эмоциональном плане.

– У меня всё хорошо, Стиви. Тебе звонила моя подруга Элла Дэвис?

– Да, та дама. Сказала, что она полицейский инспектор и ты помогаешь им в расследовании. Ты правда помогаешь им в расследовании, Дэнни-бо-бэнни?

– Пытаюсь, – отвечает он, и переводит разговор на другую тему. Братья говорят о Нидерлэнде, куда Стиви ездит в поход по выходным. О танцах, на которые Стиви ходил со своей подругой Джанет, и о том, как они три раза поцеловались по дороге домой. Кто-то громко включает музыку и Стиви кричит, чтобы убавили, чего он бы никогда не смог сделать, будучи подростком; тогда он лупил себя по голове, пока кто-нибудь не останавливал его.

Дэнни говорит, что ему пора идти. Его гнев почти пропал. Благодаря общению со Стиви. Стиви отвечает «хорошо», затем выпаливает в своём духе:

– Ну-ка спроси меня!

Дэнни готов к этому.

– «Фолджерс», особая обжарка.

Стиви смеётся. Это прекрасный, радостный звук. Когда он счастлив – это по-настоящему.

– Проход 5, верхняя полка справа, если идти к мясному прилавку, цена двенадцать долларов и девять центов. Вообще-то обжарка классическая. – Стиви доверительно понижает голос. – Особую обжарку больше не производят.

– Отлично, Стиви. Мне пора.

– Хорошо, Дэнни-бо-бэнни. Я люблю тебя.

– Я тебя тоже.

Дэнни рад, что именно Дэвис разговаривала со Стиви. От одной мысли, что этим мог заняться Джалберт – или даже приблизиться к его брату, – Дэнни пробирают мурашки.

Элла Дэвис засовывает телефон в карман брюк и возвращается к празднику. Её сестра раздаёт торт и мороженое полудюжине маленьких девочек в праздничных колпаках. Дочь Дэвис, именинница и

звезда сегодняшнего вечера, не сводит жадных глаз с груды подарков на серванте. Лори сегодня исполнилось восемь лет. Вскоре подарки будут открыты и быстро забыты – возможно, за исключением куклы Адоры, которая обошлась Дэвис в сорок с трудом заработанных долларов. Маленькие девочки, получив дозу сахара, станут играть в гостиной, их визг разлетится по дому её сестры. К восьми часам они улягутся спать за просмотром в сотый раз «Холодного сердца».

– Кто это был? – спрашивает сестра Дэвис. – По поводу твоего дела?

– Да. – Кто-то из девочек опрокинул чашку с мороженым, что сразу же замечает Митци, бигль Реджины.

– Это ведь был не *он*? – шёпотом спрашивает Реджина. – Кхефлин?
– Затем: – Возьми вилку, Оливия!

– Нет, – лжёт Дэвис.

– Когда ты собираешься его арестовать?

– Я не зна...

– *КОГО арестовать?* – выкрикивает маленькая гостья. Её зовут Мэри или Меган, Элла не может вспомнить. – *КОГО арестовать?*

– Никого, – отвечает Реджина. – Не отвлекайся, Марин.

– Я не знаю, Редж. Это вне моей компетенции.

Пока девочки уплетают торт с мороженым, Дэвис извиняется и выходит на заднее крыльцо покурить. Её беспокоит поступок Фрэнка, который подошёл в магазине к Кхефлину и намеренно привлёк к нему внимание, сообщив свидетелям конфронтации, что *это он, тот самый человек, поэтому приглядитесь к нему получше*.

Ещё больше Дэвис беспокоит мысль о том, что Джалберт мог назвать имя Кхефлина единственному изданию, которое решилось бы на публикацию. Она не хочет верить, и почти не верит, но нет никаких сомнений, что Фрэнк нацелился на Кхефлина. Зациклился на нём.

«*Неправильное слово*, – говорит она сама себе. – *Это – самоотверженность*».

Больше её беспокоит сам Кхефлин. *Он*, казалось, испытал облегчение, когда Фрэнк сообщил о ДНК, и был рад предоставить образец для сравнения. *Он* знал, что Дэвис солгала насчёт отпечатков пальцев девушки на приборной панели его грузовика. Но, возможно, потому, что Кхефлин их стёр. Или Уикер – бедная мисс Ивонн, как её называет

Джалберт – вообще не находилась в салоне; Кхефлин мог завернуть её в брезент и положить в кузов. И если он избавился от брезента, то понятно, почему в кузове не нашли ни волос, ни отпечатков пальцев, ни следов ДНК. Но почему он не закопал тело *вместе* с брезентом?

Или всё может объясняться тем, что Ивонн Уикер никогда не была в грузовике.

«Нет. С этим я не согласна».

Кхефлин также предложил пройти проверку на детекторе лжи, почти умолял Дэвис. Фрэнк отказал ему, и на то были веские причины, но...

Из дома выходит сестра Дэвис.

– Лори открывает подарки, – говорит она с едва заметным упрёком. – Не хочешь присоединиться?

«А как же, чёрт возьми, презумпция невиновности, инспектор Дэвис?»

– Ага, – произносит Элла, туша сигарету. – Конечно.

Реджи кладёт руки ей на плечи.

– У тебя встревоженный вид. Это был он?

Дэвис вздыхает.

– Да.

– Заявлял о своей невиновности?

– Да.

– Ты почувствуешь себя лучше, когда он окажется за решёткой?

– Да.

Позже, когда девочки в пижамах собрались на полу в гостиной, как всегда зачарованно слушая песню Эльзы и Анны «Впервые за целую вечность», Элла спрашивает Реджи, был ли у неё когда-нибудь экстра-сенсорный опыт. Например, сон, оказавшийся реальностью.

– Нет, но моей подруге Иде приснилось, что у Хорста случился сердечный приступ, и через две недели он *случился*.

– Правда?

– Ага!

– Значит, ты веришь, что такое возможно?

Реджи обдумывает это.

– Ну, я не думаю, что Ида солгала, но я бы поверила в это больше, если бы она рассказала о сне *до* того, как у Хорста случился приступ.

Не то чтобы он не напрашивался, учитывая какой он толстый. Ты только посмотри на свою малышку, Элс! Она обожает эту куклу!

Лори прижимает к груди рыжеволосую Адору, и у Дэвис внезапно возникает собственное видение: Дэнни Кхефлин снова и снова наносит удары ножом Ивонне Уикер, затем забирается на неё верхом посреди кукурузного поля и насилует, пока та истекает кровью. Им известно, что это произошло на кукурузном поле, потому что в её волосах нашли кукурузный шёлк.

«Если Кхефлин виновен, он заслуживает всего, что на него обрушил Фрэнк», – думает Дэвис. Затем, стоя в дверях вместе с сестрой, она впервые осознаёт, что коварное слово «если» закралось в её мысли.

Есть ещё кое-что, и Дэвис готова признаться – самой себе, только самой себе, – что по-настоящему потрясена. *«Он что, любит сыпать случайными числами? Без всякой на то причины?»* Дэвис слышала эти числа от Фрэнка несколько раз, особенно с тех пор, как они начали расследовать убийство Уикер, и, возможно, это ничего не значит, но он похудел и так зациклился на Кхефлине...

«Не используй это слово! Не зациклился, а проявил самоотверженность. Он адвокат Уикер, и хочет добиться для неё справедливости».

Вот только, что *если* это правильное слово?

31

На полпути к Лайонсу Джалберт заезжает на потрескавшуюся и изрытую выбоинами парковку заброшенного торгового ряда. Он чувствует, что если сейчас же не выйдет из машины и не начнёт считать, то взорвётся. Ещё светло и не стемнеет до девяти. Не так далеко от него группка хихикающих девочек смотрит «Замороженную».

– Он хитрит, – шепчет Джалберт. – Этот сукин сын пытается тянуть время.

Ох, его голова! Она раскалывается! Джалберт проводит обеими руками по своей копне торчащих волос. По обе стороны от макушки он чувствует выступившие капельки пота. Нужно срочно заняться счётом. Это успокоит его. Всегда успокаивает, и когда он доберётся до

своего двухкомнатного номера в «Селебрейшн Сентр», он сможет пройтись по стульям. Без этого он просто не уснёт. То, что некогда было забавой для коротания времени, стало потребностью.

Джалберт подходит к фасаду заброшенного ломбарда. Тридцать три шага, то есть семнадцать и шестнадцать. Он возвращается к машине – пятнадцать и четырнадцать. Снова подходит к ломбарду: тринадцать, двенадцать, одиннадцать – последние три шага короткие, потому что в сумме получается тридцать шесть, а числа должны совпадать. Джалберт начинает чувствовать себя лучше. Десять, девять, восемь, семь – назад к машине. Он сжимает кулак и стучит им по капоту двадцать один раз, вполголоса ведя отсчёт.

Он пока не может арестовать Кхефлина. Окружной прокурор тут не поможет, потому что директор КБР наложил запрет на арест. И Джалберт вынужден признать, что директор прав. Рассказ о сне абсурден, но без всего остального, даже Эдгар Болл, адвокат из маленького городка, сможет добиться прекращения дела.

Или, возможно, он бы *не стал* так поступать. Будь окружной прокурор настолько глуп, чтобы довести такое нелепое дело до суда, Кхефлина бы признали невиновным, и его нельзя будет судить повторно. Дело закрыто. Джалберту нужно что-то такое, что заставит Кхефлина открыться, чтобы мир увидел психа, скрывающегося за этими наивными заявлениями о невиновности. Нужно продолжать раскручивать. Нужно надавить.

Джалберт решает пройтись вокруг торгового ряда, вдумчиво ведя счёт, начиная с единицы. Он доходит до двадцати шести (351 в сумме), когда возвращается к фасаду и видит машину дорожного патруля с мигалками, припаркованную рядом с его немаркированным «Фордом». Пользуясь наплечной рацией, патрульный сообщает диспетчеру номерной знак. Услышав приближение Джалберта, он поворачивается, положив ладонь на рукоять своего «Глока». Затем видит форменную куртку Джалберта с буквами КБР и расслабляется.

– Здравствуйте, сэр. Я увидел вашу машину и...

– Выполнили свой долг. Проявили надлежащую осмотрительность. Двадцать шесть. Рад за вас. Сейчас я достану из кармана удостоверение личности.

Полицейский мотает головой и ухмыляется.

- В этом нет необходимости. Фрэнк Джалберт, я прав?
- Да. – Джалберт протягивает руку. Патрульный трясёт её три раза, самое то для рукопожатия.
- Как вас зовут, патрульный?
- Генри Калтен, сэр. Вы расследуете дело убитой девушки?
- Да, мисс Ивонн. – Джалберт качает головой. – Бедной мисс Ивонн. Я остановился размять ноги и обдумать свой следующий шаг.
- Человек, сообщивший о находке тела, кажется неплохим кандидатом, – говорит патрульный Калтен. – Просто моё мнение.
- Я тоже так думаю, патрульный, но он выжидает. – Джалберт качает головой. – Так сказать, смеётся над нами.
- Неприятно такое слышать.
- Нужно раскручивать его. Надавить.
- Ладно, продолжайте размышлять, – говорит Калтен, – но знаете что, если я могу чем-то помочь, хотя это маловероятно...
- Не так уж маловероятно, – отвечает Джалберт. – В этом мире всё возможно. Шестнадцать.
- Калтен хмурится.
- Простите?
- Приятное число, вот и всё. Кстати, о числах. Дайте мне ваш номер.
- Калтен произносит с энтузиазмом:
- Ну, конечно.
- Он достаёт из нагрудного кармана визитку КДП и нацарапывает на обороте свой личный номер.
- Знаете, я подумывал подать заявление в КБР.
- Сколько вам лет? – Джалберт берёт визитку.
- Двадцать четыре.
- Тройная восьмёрка. Хотите совет? Не тяните с этим. Не откладывайте в долгий ящик. И приятного вам вечера.
- И вам тоже. Если я смогу, ну, в общем, помочь чем-нибудь...
- Я буду иметь в виду. Возможно, я вам позвоню.
- Садясь в свою машину, патрульный Калтен оглядывается с лёгкой усмешкой.
- Достаньте его, инспектор.
- Таков план.

В отеле Джалберт подходит к стойке регистрации и спрашивает, есть ли у них складные стулья. Администратор отвечает, что вроде бы такие есть в конференц-зале. Джалберт просит его принести три стула в номер 521.

– Впрочем, я принесу сам, – говорит Джалберт. У стены стоит дюжина или около того стульев, поэтому он берёт четыре. Четыре – хорошая цифра, лучше, чем три. Трудно сказать почему, но чётное всегда на голову обходит нечётное. Джалберт берёт по два стула в каждую руку и несёт их к лифту, игнорируя вопросительный взгляд администратора.

Он ставит два стула в гостиной и два в спальне. Теперь у него восемь сидячих мест (включая кровать и унитаз). От одного до восьми включительно – тридцать шесть, от одного до двадцати четырёх включительно – триста, от одного до сорока включительно – восемьсот двадцать. Люди этого не поймут (*большинство* из них), но это действительно прекрасная система, своего рода финансовая пирамида, которая приносит дивиденды не в виде денег, а в виде ясности.

К концу пятого круга стульев, Джалберт понимает, каким должен стать его следующий шаг. Он складывает стулья, принесённые из конференц-зала, и ставит их рядом с маленьким столом. Достав из-под кровати свой чемодан, открывает его. Из эластичного чехла вынимает пару тонких резиновых перчаток и надевает их. Пора раскручивать. Затем Джалберт звонит патрульному Калтену. Пора ещё немного надавить.

В ночь на пятницу этой адской недели Дэнни просыпается от громкого металлического удара, за которым следует рёв автомобильного двигателя либо с неисправным глушителем, либо вообще без него. Часы на прикроватной тумбочке показывают 2:19. Он встаёт, хватается

фонарик, который держит под рукой на случай перебоев с электричеством, и подходит к окну гостиной. Снаружи всё спокойно, только облако мотыльков кружит вокруг фонарного столба, стоящего между конторским помещением трейлерного парка и прачечной. Оак-Гроув (где нет дубов) погружён в сон. Громкий стук не разбудил никого, кроме Дэнни, потому что адресован *только* ему.

Дэнни открывает дверь. Иногда он забывает запереть её на ночь, но полагает, что после статьи в «Плейнс Трут» и вчерашнего шоу Джалберта в супермаркете ему следует быть повнимательней. Он спускается по бетонным ступеням и включает фонарик, стараясь найти причину удара. На это не уходит много времени. В алюминиевом корпусе трейлера, аккуратно под матовым окном ванной, виднеется вмятина. Дэнни предполагает, что его ночной гость целился в окно.

В самом центре вмятины красное пятно. Дэнни освещает фонариком землю под окном и находит кирпич. Вокруг него обмотана записка, удерживаемая куском проволоки. Дэнни знает, что там написано, но всё равно опускается на корточки и вытаскивает листок. Сообщение короткое, написано чёрным карандашом или фломастером.

«УБИРАЙСЯ, СРАНЫЙ УБИЙЦА. А ТО БУДЕТ ХУЖЕ».

Первая мысль Дэнни после прочтения: *«Не в этой жизни. – Вторая: – Серьёзно? Это что, похоже на кино? Ты кто – Клинт Иствуд?»*

Посреди ночи, с угрожающей запиской в руке и кирпичом под ногами, мысль убраться из Маниту кажется Дэнни не только разумной, но даже заманчивой. Подруга Дэнни – подруга с бонусом – Бекки, порвала с ним, она будет держать малышку Ди-Ди подальше от него, как от прокажённого; кроме того, он лишился работы. Вдобавок, похоже, у половины города ковид. Дэнни не очень нравится мысль быть изгнанным, как Каин после убийства брата, но этот трейлерный парк далеко не райское место. Возможно, пришло время двинуть в Колорадо. Стиви будет рад.

Дэнни задаётся вопросом, не Пэт ли Грейди наведался к нему на своём «Мустанге». Вполне возможно, что так оно и есть; впрочем, какое это имеет значение?

Дэнни заходит внутрь и возвращается в постель, но сначала запирает дверь трейлера.

В свой последний день в качестве сотрудника школы Уайлдер Хай Дэнни переносит книги из хранилища в учительскую, которая фактически служит кабинетом истории и английского языка. Книги будут лежать там до начала занятий в сентябре... к этому времени Дэнни Кхефлин надеется жить далеко от округа Уайлдер.

Джесси бежит по коридору из нового крыла, где отмывал плинтусы. Он застаёт Дэнни возле библиотеки и говорит:

– Хочу предупредить, что к вам приехал тот коп, который появлялся раньше. Тот, с забавной... – Джесси потирает лоб двумя пальцами, изображая «паучью жопку» Джалберта. – Он припарковался сзади.

– Женщина с ним?

– Не-а, только он.

– Спасибо, Джесси.

– Он всё никак не уймётся, да?

– Я помогу тебе, как только разберусь с книгами.

Джесси продолжает тему.

– Он же не собирается арестовать вас?

Дэнни расплывается в улыбке.

– Не думаю, что он сможет, и это сводит его с ума. Ладно, занимайся делом. Пусть наш последний день будет плодотворным.

Джесси уходит. Джалберт стоит в вестибюле, снова разглядывая витрину с наградами. В руке у него что-то похожее на свёрнутую газету.

«Может, он хочет отхлестать меня ею по носу», – думает Дэнни. Ну вот, хоть одна забавная мысль на фоне страха, который он испытывает перед новой встречей с Джалбертом. Дэнни знает, что инспектор хочет, чтобы Дэнни испытывал страх. Дэнни рад бы изменить это, но он не может. Он выходит в коридор как раз в тот момент, когда Джалберт проходит через дверь.

– Хорошо провели Четвёртое июля? – спрашивает Джалберт.

Дэнни не отвечает.

– Почему вы пришли один?

К удивлению Дэнни, Джалберт отвечает на вопрос.

– Дочь моей напарницы заболела. Мне нужно, чтобы днём вы приехали в Грейт-Бенд.

– Я арестован?

Джалберт обнажает свои зубы-обрубки.

– Пока нет. Я хочу, чтобы вы дали официальные показания. Под запись. Рассказали всё о своём сне. Уверен, когда о нём станет известно общественности, вас пригласят на телевидение. О такой славе можно только мечтать. Жаль, что Джерри Спрингер²⁴ умер, вы бы отлично вписались в компанию блудниц и проходимцев.

– Обвиняете меня в том, что я гонюсь за славой, в то время как сами раскрыли моё имя? Слишком гнусно даже для вас.

– Я тут ни при чём, – отвечает Джалберт, продолжая улыбаться. – Я бы никогда так не поступил. Скорее всего, это кто-то из ваших соседей.

Дэнни мог бы сказать Джалберту, что прошлой ночью один из его соседей (или Пэт Грейди) бросил кирпич в его трейлер, мог бы даже показать ему записку – она лежит у него в кармане, – но какой от этого толк?

Вместо этого Дэнни спрашивает Джалберта, почему тот так долго тянул с просьбой об официальных показаниях.

– Потому что вы надеялись на что-то получше, я прав? Не на показания, а на признание. Вот только ваше начальство не удовлетворило бы моё признание. Подумайте над этим, инспектор Джалберт. Я не знаю, в какую часть тела ей наносили удары, сколько раз и чем именно.

– Вы могли быть в состоянии безумия, – говорит Джалберт. Он верит в виновность Дэнни так же истово, как покойная мать Дэнни верила в Христа-Искупителя. – Обычное явление у маньяков-убийц. Это старое и, возможно, не совсем корректное определение, но оно мне нравится. Идеально вам подходит.

– Я её не убивал. Только нашёл.

Джалберт демонстрирует свои остатки зубов.

– Может, ещё расскажете про Санта-Клауса? Обожаю эту сказку.

²⁴ Кроме всего прочего, ведущий «Шоу Джерри Спрингера», скандальной программы, вроде нашей «Пусть говорят».

– Я работаю до четырёх. А это значит, что в Грейт-Бенде я буду не раньше половины седьмого, при условии соблюдения скоростного режима. Который я намерен соблюдать.

– Я подожду. Элла Дэвис тоже. Или вы можете закончить пораньше, всё-таки это ваш последний день.

Дэнни уже утомил этот человек.

– И я подумал, что вам будет интересно взглянуть на это. – Джалберт разворачивает газету. Это «Оклахоман». Джалберт открывает нужную страницу, протягивая газету Дэнни. Статья называется «УБИТАЯ ДЕВУШКА ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ». В тексте имеется фотография. Джалберту нужно, чтобы Дэнни увидел её. Это и есть причина его прихода, думает Дэнни.

На фото всё, что нужно знать о человеческом горе. Отец Ивонн Уикер обнимает свою жену, уткнувшись лицом в его рубашку. Его голова запрокинута к небу. Рот скривился в гримасе. На шее вздулись жилы. Его глаза крепко зажмурены. Позади них, рядом с длинным чёрным «Кадиллаком» с надписью «ПОХОРОННОЕ БЮРО ХЕРСТА», стоит молодой человек в чём-то похожем на школьную куртку. На нём бейсболка. Козырёк скрывает опущенное лицо. Дэнни догадывается, что это младший брат Ивонн.

Дэнни кажется, что подобное зрелище редко увидишь в кино или телесериалах: человеческие жертвы. Всепоглощающая скорбь и бессмысленность утраты. Изуродованные жизни.

Его глаза наполняются слезами. Он смотрит на снимок, на заголовок «УБИТАЯ ДЕВУШКА ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ», затем в лицо Джалберта. Инспектор *улыбается*, и это ошеломляет Дэнни.

– Ох, вы посмотрите! Убийца плачет! Прямо как в итальянской опере!

Дэнни чуть было не наносит удар. Мысленно он так и делает, разбивает Джалберту нос в кровь, стекающую на его рыжие усы а-ля Фу Манчу. Сдерживает его только мысль о том, что Джалберт именно этого и добивается. Дэнни вытирает глаза рукой.

– Хотя бы скажите мне, что её родители не знают о собаке. Скажите хотя бы это.

– Понятия не имею, – говорит Джалберт, чуть ли не с весельем в голосе. – Информацию предоставил не я, а детектив из Оклахома-

Сити. Моя работа – заниматься этим делом, Дэнни. А значит заниматься *вами*.

Дэнни продолжает держать газету. Скомканную. Он разглаживает её, показывая Джалберту.

– Хотите увидеть других родителей на подобном снимке? Потому что тот, кто убил девушку, возможно, ещё не закончил. Он может убить ещё нескольких, пока вы зацикливайтесь на мне.

Джалберт отшатывается, будто Дэнни махнул рукой перед его лицом.

– Я не зациклился, это самоотверженность. Я знаю, что это сделали вы, Дэнни. Не было никакого сна. Потому что вы закопали её там. Но пока останемся каждый при своём. Будьте в Грейт-Бенде к половине седьмого, или я передам КДП ваше имя и регистрационный номер. Если хотите, приводите своего адвоката. А газету можете оставить себе. Возможно, вам захочется позлорадствовать над тем, что вы сделали с её семьёй. Четыре жертвы по цене одной.

Джалберт разворачивается, и направляется в вестибюль.

– Инспектор Джалберт!

Он поворачивается обратно, брови вопросительно приподняты, по обе стороны от этой смешной «паучьей жопки» белеет череп.

– Вы скрежете зубами?

Джалберт хмурится.

– Что?

– Ваши зубы. Они все сточены. Может, вам стоит приобрести специальную резиновую капу? Они продаются в «Уолгринс».

– Мои зубы не относятся к теме...

– А ваши подсчёты – это помогает?

Впервые Джалберт выглядит поистине потрясённым.

– Я разузнал об этом сегодня утром, перед приходом на работу, – говорит Дэнни. – Это называется арифмомания. Вы занимаетесь этим? Занимаетесь, когда просыпаетесь посреди ночи от скрежета зубов?

Также впервые Дэнни замечает пульсирующую венку на правом виске Джалберта: тик-тик-тик.

– Вы убили её, умник. Мы оба это знаем, и вы поплатитесь за это.

Джалберт уходит. Дэнни стоит на месте со смятой газетой в руке, пытаюсь совладать с собой. Каждая встреча с Джалбертом хуже предыдущей. Он вытирает глаза рукавом рабочей рубашки. Затем возвращается к книгам. Это последний день и нужно закончить достойно.

35

Во время обеда Дэнни идет к грузовику забрать свой телефон. Он должен позвонить Марджи, сказать ей, что потерял работу, а Канзас потерял свой шарм, по крайней мере, для него. Он подумывает двинуться в сторону Боулдера. Она это поймёт, ей нравится Стиви. Если ей понадобятся деньги, Дэнни, пожалуй, сможет выделить часть... но немного. Пока он не найдёт работу, ему придётся жить на то, что удалось скопить. Кроме того, Марджи ведь выходит замуж, верно?

Дэнни открывает пассажирскую дверь, напоминая себе, что ему также нужно заплатить Эдгару Боллу, и берёт телефон из бардачка. Идёт обратно к школе с опущенной головой, проверяя, нет ли сообщений, затем останавливается. Дэнни вспоминает слова Джесси: *«Он припарковался сзади»*. Зачем Джалберту так поступать, если учительская парковка ближе всего ко входу? Дэнни приходит в голову только одна причина.

Дэнни возвращается к «Тундре». Бросает на кузов грузовика беглый взгляд. Там пусто, не считая ящика с инструментами, который он запирает на висячий замок. С другой стороны, салон не заперт. Дэнни всегда оставляет его незапертым, и Джалберт наверняка это видел. Возможно, Дэнни даже сам упоминал об этом ему и его напарнице. Но он не помнит.

Дэнни роется в куче барахла в бардачке – удивительно как оно там всегда скапливается, – не ожидая что-либо найти, и ничего не находит. Джалберт не стал бы ничего туда класть. Не после того, как узнал, что Дэнни держит там свой телефон. Средняя консоль кажется более подходящей, но и там ничего нет... хотя Дэнни находит пакетик «Эм-энд-Эмс», которым собирался наградить Дарлу-Джин за очередную хорошую оценку. Ди-Ди получает много хороших оценок в школе, она умница.

Дэнни заглядывает в боковые карманы. Ничего. Заглядывает под пассажирское сиденье и ничего не находит. Заглядывает под водительское сиденье и вот оно: бумажный конверт с белым порошком, скорее всего с кокаином, героином или фентанилом. Дэнни знает, что в Канзасе строго с тяжёлыми наркотиками; детям постоянно читают об этом лекции на собраниях. В конверте слишком малое количество, чтобы считаться «предназначенным для распространения», но в Канзасе даже хранение является уголовным преступлением, за которое дают до двух лет тюрьмы.

Хочет ли Джалберт отправить Дэнни на два года в тюрьму – по факту не больше девяноста дней в местном изоляторе – по обвинению в хранении наркотиков? Нет, но он хочет видеть Дэнни в тюрьме. Потому что тогда Джалберт сможет «поработать» с ним. И работать. И охранники тоже. Если Джалберт их попросит.

Позади сиденья есть место, где скапливается всякий мусор, в том числе смятый пакет из «Макдональдса». Внутри пакета – обёртка от гамбургера и картонный «рукав» из-под жаренного яблочного пирожка. Как раз подходящего размера. Дэнни берёт конверт с наркотиком за края и засовывает его туда, согнув «рукав» пополам, чтобы на конверте не размазались отпечатки пальцев, возможно на нём оставшиеся. Маловероятно, но возможно. Дэнни кладёт картонный «рукав» обратно в пакет из «Макдональдса», а сам пакет в свой обеденный контейнер. Возвращаясь назад, Дэнни видит за столом Джесси.

– Сейчас подойду, – говорит Дэнни, заходя в школу. Он ставит пакет на верхнюю полку в кладовой, позади чистящих средств. Затем звонит Эдгару Боллу.

– Вы всё ещё мой адвокат?

– До тех пор, пока не наймёте профессионала, – отвечает Болл. – У вас интересная ситуация.

Они немного разговаривают. Эдгар Болл обещает заехать за Дэнни около двух и отправиться с ним к шести пятнадцати на встречу в участок КБР в Грейт-Бенде. Дэнни обещает Боллу выдать чек на четыре сотни долларов.

– Пусть будет пять, учитывая то, о чём вы меня просите, – говорит Болл.

Дэнни соглашается. Это справедливо, но довольно приличный кусок от его пирога. Он звонит Марджи, говорит, что, возможно, какое-то время не сможет ей помогать, потому что лишился работы. Она отвечает, что всё понимает.

– Пусть эти копы поговорят со мной, – говорит Марджи. – Я скажу им, что ты крикун, а не убийца. Сама мысль, что ты способен кого-то убить, просто безумна.

Дэнни говорит, что она прелесть. Марджи – а для Стиви Марджи-Марджи-бо-барджи – отвечает, что он чертовски прав. Дэнни берёт свой сэндвич и термос, направляясь к столу для пикника, чтобы пообедать с Джесси.

– Я буду скучать по этому месту, – говорит Джесси. – Странно, но это правда. И я буду скучать по работе с вами. Вы хороший начальник, Дэнни.

– Ты прорвёшься, – говорит Дэнни. – Я бы написал рекомендацию, но, знаешь... учитывая обстоятельства...

– Ага, – произносит Джесси с улыбкой. – Я вас понимаю.

Эдгар Болл появляется в два пятнадцать. Дэнни отдаёт ему чек и пакет из «Макдональдса».

– Вы уверены, что хотите поступить именно так? – спрашивает Болл. – Вам придётся нелегко.

– Мне и так нелегко, – отвечает Дэнни. – С каждым разом всё больше.

36

Они заканчивают в половине четвёртого, на полчаса раньше обычного. Дэнни в последний раз запирает школу, все семь дверей. Джесси крепко обнимает Дэнни, а тот в ответ хлопает его по спине. Дэнни советует Джесси беречь себя и оставаться на связи. Джесси просит Дэнни о том же.

Дэнни едет в Оук-Гроув, поглядывая в зеркало заднего вида, не увязались ли за ним копы. Но никого не замечает. Вернувшись домой, он находит записку, приклеенную к двери его трейлера. Записка ко-

роткая и прямолинейная: «Уезжай. Тебе здесь не рады». Дэнни сры-
вает её и бросает в мусорное ведро, затем наспех принимает душ и
надевает свежую одежду. После этого он звонит Элле Дэвис.

– Инспектор, это снова Дэнни Кхефлин.

– Чем могу помочь?

– Немного мне довериться. – Дэнни рассказывает ей, чего он от
неё хочет. Дэвис не говорит «да»... но и не говорит «нет».

Дэнни отправляется в Грейт-Бенд и проезжает около тридцати
миль, когда с просёлочной дороги выруливает автомобиль КДП, пре-
следуя его с мигалками. Патрульный подаёт сигнал сиреной, в чём со-
вершенно нет необходимости, так как Дэнни уже съезжает на обочину
и опускает стекло. После этого Дэнни кладёт обе руки на руль, чтобы
их было видно.

Патрульного зовут Х. Кальтен. Он подходит к Дэнни, держа одну
руку на «Глоке» в расстёгнутой кобуре.

– Ваши права и техпаспорт, пожалуйста.

– Мои права в бумажнике, – говорит Дэнни. – Сейчас я их достану
из заднего кармана. – Что Дэнни и делает, очень медленно. Отдав
права патрульному, он говорит: – Теперь я достану из бардачка техпас-
порт.

– В вашем бардачке есть оружие?

– Нет.

– А в средней консоли?

– Нет.

– Доставайте техпаспорт.

Опять же очень медленно Дэнни открывает бардачок и достаёт
документы.

– У вас есть страховой полис?

– Да. – Дэнни снова тянется к бардачку.

– Не нужно. Сидите спокойно, мистер Кхефлин.

Кальтен возвращается к своей машине и включает рацию. Дэнни
сидит неподвижно. Проходит пять минут. Так он опоздает в Грейт-
Бенд, но ничего страшного. Джалберт уверен, что он вообще туда не
доедет.

Убедившись, что «Тундра» 2011 года выпуска действительно при-
надлежит Дэниелу Кхефлину – по мнению Дэнни патрульный знал это

заранее – он возвращается к водительской двери с документами Дэнни. Но не отдаёт их.

– Вы знаете, почему я остановил вас, мистер Кхефлин?

Дэнни отвечает «нет».

– Вы петляли по всей дороге.

Дэнни знает, что это неправда, но молчит.

– Мистер Кхефлин, вы сегодня что-нибудь пили?

– Если вы спрашиваете об алкоголе, то ответ отрицательный.

– Как вы относитесь к алкотестеру? Хотите попробовать?

– Да.

– А что насчёт наркотиков? Употребляли? Травку? Экстази? Кокаин?

– Нет.

– Вы согласны на обыск вашей машины?

– Разве для этого вам не нужен ордер или что-то в этом роде?

– Нет, если водитель создаёт опасность на дороге. Вы можете дать согласие на обыск, или я могу конфисковать ваш автомобиль.

– Хорошо, – говорит Дэнни, открывая дверь. – У меня назначена встреча, так что лучше проведите обыск.

Патрульный Кальтен демонстративно обыскивает салон, оставляя напоследок место под водительским сиденьем. Он долго заглядывает туда, даже берёт фонарик из своей машины. Затем захлопывает дверь и бросает на Дэнни равнодушный взгляд.

– Так что насчёт алкотестера? – спрашивает Дэнни.

– Сэр, вы что, пытаетесь умничать? – Дэнни не может понять покраснели ли щёки патрульного от злости или виной тому солнце.

– Нет. Но я не петлял, и мы оба это знаем.

– Мистер Кхефлин, я вынужден привлечь вас за неосторожное вождение.

– Я бы не стал этого делать, – говорит Дэнни. – Если вы так поступите, то мы увидимся в суде. Где мой адвокат спросит, общались ли вы до моего задержания с инспектором Джалбертом из КБР. После чего вам придётся решить, хотите ли вы сказать правду или будете лжесвидетельствовать. Что может вам потом аукнуться. Так вы намерены это сделать?

Кальтену требуется минута, чтобы решить, стоит ли продолжать в том же духе. Это не солнце, а определённо краска в щеках. Дэнни считает, что неплохо хоть раз сыграть в нападения. Кальтен возвращает ему права и техпаспорт.

– Старайтесь держаться своей полосы, сэр.

Дэнни чуть было не пошёл дальше, чуть не спросил, не хочет ли Кальтен хотя бы выписать ему предупреждение, но решил, что не стоит перегибать палку. Кальтен вооружён, и кобура его по-прежнему расстёгнута.

– Обязательно, офицер.

– Убирайтесь прочь.

Кальтен ехал за Дэнни ещё почти пять миль, чуть ли не бампер в бампер, затем свернул. Оставшаяся часть поездки до Грейт-Бенда прошла для Дэнни без происшествий.

37

Эдгар Болл дожидается Дэнни в дальнем конце парковки участка КБР. Он спрашивает, как прошла поездка. Дэнни рассказывает ему о патрульном Кальтене.

– Невероятно, – говорит Болл. – Вы уверены, что хотите забрать дурь обратно?

– Теперь всё должно быть в порядке. Джалберт сделал свой ход. – Дэнни надеется на это, а также надеется, что позже его не арестует инспектор Дэвис.

Болл открывает багажник своей машины, протягивая Дэнни пакет из «Макдональдса». Дэнни кладёт его в среднюю консоль и на этот раз запирает свой грузовик.

– Пойдёмте внутрь, – говорит Дэнни. – Понаблюдайте за Джалбертом, когда он меня увидит. Это будет занятно.

Но увы. Всё, что они замечают – едва уловимый проблеск удивления, который тут же исчезает. В комнате, оборудованной аппаратурой для записи звука и видео, полно народу. Помимо Джалберта и Дэвис, здесь присутствует тучный лысый мужчина по имени Альберт Хеллер, и здоровяк Вернон Рэмси. Хеллер – прокурор округа Уайлдер. Рэмси –

детектив из Оклахома-Сити. В тесной комнате с шестью мужчинами создаётся ощущение настоящей клаустрофобии. Где-то в этом здании, несомненно, есть более просторное помещение для беседы, но Джалберт и Хеллер не намерены беседовать. Их задумка – сломить Дэнни. Раз уж он оказался здесь.

Все по очереди представляются. Жмут руку (Дэнни и Джалберт воздерживаются). Зачитывается Правило Миранды, но в этот раз устами прокурора. В конце Хеллер озвучивает под запись, что «мистер Кхефлин прибыл в сопровождении своего адвоката».

Хеллер берёт инициативу в свои руки, занимая ту же позицию, которую Дэнни уже видел на своём последнем допросе. Они сидят лицом друг к другу, Эдгар Болл – на стороне Дэнни, Элла Дэвис рядом с Хеллером. Рэмси подпирает стену с бесстрастным выражением лица. Джалберт стоит в углу, скрестив руки на груди.

Дэнни рассказывает о своём сне. О поездке на заброшенную автозаправку в округе Дарт. О своей неловкой попытке сделать анонимное сообщение. Когда Хеллер спрашивает, зачем Дэнни это понадобилось, он рассказывает прокурору о собаке.

– Она пыталась откопать девушку. Грызла её. Уверен, вы видели фотографии.

Хеллер говорит, что ему нужно подробнее знать, где Дэнни был в первые три недели июня. Дэнни отвечает, что поможет, чем сможет, но он не ведёт ежедневник или что-то в этом роде.

Когда у Хеллера заканчиваются вопросы, своё слово берёт Вернон Рэмси, коп из Оклахома-Сити.

– Это вы убили Ивонн Уикер?

– Нет.

Рэмси замолкает. Больше у него вопросов нет. Джалберт что-то шепчет ему на ухо, и Рэмси кивает с бесстрастным лицом.

В конце Хеллер просит Дэнни не покидать пределы округа.

Дэнни качает головой.

– Вообще-то я планирую уехать из округа *и* из этого штата. Моё имя напечатали в бесплатной газете. Я главный подозреваемый, и кому-то очень хотелось, чтобы все в центральной части Канзаса знали об этом. – Дэнни переводит взгляд на Джалберта. Тот лукаво смотрит в ответ.

– Я могу заверить вас, что никто из причастных к расследованию убийства не называл вашего имени прессе, – говорит Хеллер. – Это печально и, тем не менее, с вашей стороны будет очень неразумно покидать Маниту, не говоря уже о Канзасе. Это чревато последст...

– Арестуйте меня, – говорит Дэнни. – Если хотите удержать меня в Канзасе, арестуйте.

Хеллер не сводит глаз с Дэнни. Элла Дэвис смотрит на свои руки, сложенные на столе. Рэмси, кажется, изучает потолок. Джалберт не скрывает злость в своём взгляде.

– Не можете, – подытоживает Дэнни. – У вас нет доказательств, потому что я не убивал Ивонн Уикер. Я только сообщил о теле. Так что не толкуйте мне о последствиях.

– Вообще-то последствия будут, – говорит Болл почти извиняющимся тоном. – Иск о незаконном аресте. Поданный мной.

– Я настоятельно советую вам оставаться на месте, – говорит Хеллер. – Если вы уедете, то будете выглядеть ещё более виновным.

Из угла Джалберт тихо произносит:

– Он виновен.

Дэнни достаёт из заднего кармана сложенный листок бумаги и протягивает его через стол, но не Хеллеру, а Дэвис.

– Здесь написано: «Убирайся, сраный убийца. А то будет хуже». Записку прикрепили к кирпичу. А кирпич прилетел в мой трейлер посреди ночи. Мистер Хеллер, *это* последствие придания огласке моего имени. Колодец отравлен. – Дэнни снова переводит взгляд на Джалберта. – Следующий кирпич может прилететь в мою голову.

Рэмси спрашивает:

– Куда хотите податься?

– Думаю, в Колорадо. У меня там брат, и я редко его вижу.

– Неважно, куда вы отправитесь, – говорит Джалберт. – Мисс Ивонн будет преследовать вас, как дурной запах, от которого вы никогда не отмоетесь.

Дэнни знает, что это, скорее всего, правда. Он смотрит на Рэмси.

– У вас есть другие подозреваемые? Хоть кто-то? Может быть, она бросила парня, который из-за этого разозлился? Проблемы в семье?

Рэмси говорит:

– У следственного отдела ОДП нет привычки делиться информацией с подозреваемыми.

Дэнни не ожидал другого ответа. Он предполагает, что у ОДП нет других подозреваемых в Оклахоме, и на то есть веская причина. Дэнни считает, что Ивонн Уикер и её убийца никак не связаны. Она ловила попутку, нарвалась не на того человека и это стоило ей жизни.

Дэнни встаёт.

– Я ухожу.

Никто не останавливает его, но Джалберт говорит:

– Вы вернётесь.

38

На парковке Дэнни пожимает руку адвокату, который приехал из Маниту на своей стальной машине «Хонда». Болл был немногословен... за исключением той язвительной фразы о судебном иске за незаконный арест. Хороший выпад. Но помимо этого, что ещё можно было сказать?

– Вы уверены, что хотите попытать удачу с Дэвис? – спрашивает Болл.

Дэнни пожимает плечами.

– Думаете, она арестует меня за хранение, когда я покажу ей кокаин? По сравнению с тем, что мне грозит, риск тут минимальный.

Болл переминается с ноги на ногу.

– Если вы не убивали ту девушку, то вы самый искусный лжец из всех, кого я встречал. Даже лучше моего дяди Рэда, которому, как я думал, нет равных.

– Я этого не делал, – отвечает Дэнни. Он уже устал это повторять.

39

От участка КБР до места, где Дэнни должен встретиться с Эллой Дэвис, всего пара миль, но он вынужден сделать длинный крюк через мизерный деловой центр Грейт-Бенда, поглядывая в зеркало заднего вида, дабы убедиться, что за ним никто не следует. Когда Дэнни, наконец, подъезжает к «Кофи Хат», на часах уже половина девятого. Перед

зданием имеется асфальтированная парковка, но Дэнни паркуется позади кофейни, останавливаясь рядом с «РАВ-4». Он почти уверен, что это автомобиль Дэвис. На пассажирском сиденье лежит фигурка, которую Дэнни узнаёт, благодаря Дарле-Джин. Это Эльза Ольденбург из «Холодного сердца».

Он заходит внутрь. Дэвис сидит за столиком в углу рядом со стойкой, где её не видно с парковки.

– Я не думала, что вы придёте, – говорит она. – Я уже собиралась уходить.

– Хотел убедиться, что за мной нет слежки. По крайней мере, насколько это возможно.

Дэвис удивлённо приподнимает брови.

– Да вы настоящий параноик, как я посмотрю.

– Это для нашего общего блага. Не думаю, что Джалберт будет в восторге, узнав о нашей встрече за его спиной.

От ответа Дэвис избавляет появление официантки. Дэнни, который сегодня ничего не ел, кроме своего обеденного сэндвича, заказывает ветчину по-деревенски с подливкой и колу.

– От этого у вас будут проблемы с артериями, – говорит Дэвис, когда официантка уходит.

– Не хуже кирпича в голову.

– Фрэнк Джалберт думает, что вы сами написали ту записку.

– Ещё бы.

– Зачем мы здесь, Дэнни? Я оставила дочь с няней, у которой почасовая оплата.

Дэнни рассказывает Дэвис о визите Джалберта в школу, якобы для того, чтобы сообщить, что Дэнни должен дать официальные показания. А также чтобы показать ему фотографию скорбящей семьи Уикер в «Оклахомэне».

– Но причина была другая. Я бы не узнал, если бы Джесси – парень, с которым я работаю – не сказал, что Джалберт припарковался позади школы, в то время как от учительской парковки, пустующей летом, до входной двери всего пара шагов. Это вызвало у меня подозрения. Я проверил и нашёл маленький конверт под водительским сиденьем моего грузовика. – Дэнни протягивает Дэвис упаковку из-под жареного пирожка. – Вот. Возможно, это героин, но мне кажется – кокаин.

Впервые с их первой встречи её маска профессионала даёт трещину. Дэвис отгибает край упаковки, заглядывая внутрь.

– Я брал конверт за края. Сомневаюсь, что он оставил отпечатки, он слишком умён для этого, но вы могли бы проверить, на всякий случай, вдруг он дал промашку.

Дэвис быстро приходит в себя.

– Давайте уточним. Вы обвиняете Фрэнка Джалберта, инспектора КБР с двадцатилетним стажем, получившего полдюжины поощрений, в том числе два за проявленную храбрость, в том, что он подбросил наркотики в ваш грузовик.

– Уверен, он отличный коп, но он убеждён, что девушку убил я. – Нет, не совсем так. – Он одержим, и если вы ещё этого не заметили, я буду очень удивлён.

– Вы могли сделать это сами, Дэнни.

– Я ещё не закончил. – Он рассказывает Дэвис об остановке на шоссе под фиктивным предлогом и о том, как патрульный Кальтен с особым пристрастием осматривал место под водительским сиденьем. – Он вполглаза осмотрел всё остальное, потому что знал, где должен лежать конверт. Что касается версии моего участия в этом... спросите Джесси Джексона о том, где припарковался Джалберт. Он всё вам расскажет.

Подходит официантка с заказом для Дэнни. Дэвис прячет упаковку из-под пирожка в свою сумку. Когда официантка уходит, Элла показывает на тарелку Дэнни и говорит:

– Похоже на собачью рвоту.

Дэнни смеётся, принимаясь за еду.

– Ну вот! Теперь вы разговариваете как нормальный человек.

– Я и есть нормальный человек. А ещё я работаю в Канзасском бюро расследований, что делает меня Фомой Неверующим.

– Джалберт назвал моё имя этой бумажной подстилке. «Плейнс Трут».

– Как скажете. Вы так же одержимы им, как и он вами.

– Приходится, ведь он пытается обвинить меня в преступлении, которого я не совершал. Что я могу сделать, чтобы противостоять этому? Проколоть ему колёса? Приклеить ему на спину бумажку «ПНИ

МЕНЯ ПО ЗАДНИЦЕ»? Остаётся только довериться вам, а это рискованно. Мой адвокат сказал, что вы можете арестовать меня за хранение.

– Я не собираюсь этого делать.

Дэвис смотрит на жующего Дэнни, теребя маленький золотой крестик на шее.

– Давайте предположим, что Фрэнк назвал ваше имя одной конторе, которая опубликовала его, и что он подбросил вам кокаин. Если, конечно, это не тальк и не пудра. Просто предположим для эксперимента. Доказывает ли это, что вы не насильствовали и не убивали Ивонн Уикер? никоим образом.

С этим Дэнни не может поспорить.

– Я проверю содержимое этого маленького конверта и поговорю с тем человеком из «Плейнс Трут», с Андерссоном. Скиньте мне номер вашего помощника, с ним я тоже побеседую. А теперь мне нужно идти. – Дэвис начинает вставать.

– Этот маленький крестик для виду или вы верующая?

– Я посещаю мессу, – осторожно отвечает Дэвис.

– Значит, вы можете верить в Бога, но не в то, что мне приснился сон о местонахождении тела Уикер. Я правильно понимаю?

Дэвис дотрагивается до золотого крестика.

– Иисус сотворил тридцать чудес, Дэнни. Вам приснился один сон. По крайней мере, вы так утверждаете. Оплата за вами. Я взяла только кофе.

Дэнни говорит:

– Мэм, вы не представляете, как сильно я хочу, чтобы мне никогда не снился этот гадский – нет, *блядский* – сон.

Элла Дэвис делает паузу. На её лице едва заметна улыбка.

– Вы приятный человек, Дэнни. Разумный. Доброжелательный. По крайней мере, таким вас видят люди. Что скрывается за этим, я не знаю. Но открою вам секрет. – Дэвис склоняется над столом, опёршись на него пальцами; её маленький золотой крестик покачивается на шее. – Я бы хотела вам верить. Может, даже поверила бы, но у вас было *одно-единственное чёртовое экстрасенсорное видение*. Почему вы, спрашиваю я себя?

– Отличный вопрос, – говорит Дэнни. – Люди, которые выигрывают в лотерею, вероятно, спрашивают себя о том же. Только тут другой случай. Не знаю, почему я. Вам легче поверить, что девушку убил я, да?

– Определённо.

– Сделайте мне одолжение. Будьте настороже с Джалбертом. Мне кажется, он может быть опасен. Дело не только в подбрасывании наркотиков или раскрытии моего имени. Это его счетоводство – странная штука. Я разузнал об этом. Называется...

– Арифмомания, – говорит Дэвис, но выражение её лица говорит, что лучше бы она промолчала. Дэвис уходит, не оглядываясь, её безразмерная сумка покачивается на плече. Подходит официантка.

– Оставь место для черничного пирога, дорогуша.

– Попробую, – отвечает Дэнни.

40

На обратном пути в отель Джалберт звонит по одноразовому телефону.

– В его машине не было наркотиков, – говорит Кальтен. – Ни под сиденьем, нигде.

– Всё в порядке, – говорит Джалберт, хотя это не так. – Он нашёл и избавился от них, вот и всё. Как волк, учуявший ловушку. Что касается вас, патрульный, то вы ничего не знаете, верно? Вы просто остановили его из-за опасного вождения.

– Так точно, – отвечает Кальтен.

– И не забудьте удалить этот звонок.

– Вас понял, инспектор. Извините, что ничего не вышло.

– Я ценю ваши усилия.

Джалберт завершает разговор и кладёт одноразовый мобильник под сиденье. Он собирается подержать его у себя какое-то время, может, дней десять (пять плюс пять, четыре плюс шесть и так далее), а затем выбросить, заменив на другой.

Знает ли Кхефлин, что это он подбросил наркотики? Разумеется. Может ли он что-нибудь с этим поделаться? Нет. В полиции скажут, что Кхефлин сам себе их подбросил. Но то, что он их нашёл... Джалберт

этого не ожидал. Кхефлин и впрямь как волк, почуявший ловушку, как бы хорошо она ни была спрятана. Если его не остановить, он будет убивать снова. Его нужно остановить не только ради бедной мисс Ивонн, но и ради других девушек, которые попадутся ему на пути.

«И если он отправится в Колорадо, – думает Джалберт, – мы можем потерять его след. Животные знают, как прятаться. Как раствориться в зарослях».

Кхефлина нужно остановить здесь, в Канзасе.

– Арестуйте меня, – шепчет Джалберт, ударяя кулаком по рулю – бах. – Наглость. Какая наглость. Но знаете что, мистер Кхефлин? Мы ещё не закончили. Это далеко не конец. – Он представляет себе лицо Кхефлина. Его бесконечное отрицание содеянного. Его *бесстыдство*.

Арестуйте меня.

Джалберту нужно успокоиться, чтобы обдумать свой следующий шаг. Ему нужно заняться счётом.

41

Администратор в «Селебрейшн Сентр» листает странный каталог под названием «Всякая ерунда». Сейчас он рассматривает футболку с надписью «ДЛЯ МЕДВЕДЯ ЧЕЛОВЕК В СПАЛЬНОМ МЕШКЕ – ЭТО НЕХРУСТЯЩЕЕ ТАКО». Его прерывает постоялец, подходящий к стойке... и не просто постоялец, а инспектор КБР. Который выглядит по-настоящему взбешённым. Лицо у него красное до самого края «паучьей жопки», до смешного растрёпанной... не то чтобы администратору хотелось смеяться. Глаза инспектора широко раскрыты и выпучены, будто налиты кровью. Администратор поспешно засовывает каталог всякой херни под стойку и спрашивает, чем он может помочь.

– Стулья пропали.

– Какие стулья, сэр?

– *Складные*. Я взял четыре складных стула из конференц-зала, или из бизнес-центра, или как это у вас называется. И расставил их так, как мне было нужно, но они пропали!

– Наверное, горничная...

– На двери висела табличка «НЕ БЕСПОКОИТЬ!» – кричит Джалберт. Женщина, идущая в сувенирный магазин, бросает на него испуганный взгляд.

– Эти таблички довольно старые, – говорит администратор, гадая, вооружён ли инспектор. – Иногда они падают, а горничные их не замечают...

– *Табличка не падала!* – На самом деле Джалберт этого не знает; он слишком расстроен. Он с нетерпением представлял себе эти стулья.

– Я попрошу кого-нибудь принести...

– Не утруждайтесь, я сделаю это сам. – Джалберт усилием воли понижает голос, понимая, что немного перегнул, но, тем не менее, зайти в свой маленький номер и обнаружить, что стулья пропали! Это был шок.

Он идёт в конференц-зал и берёт пять стульев. Вот только два в одной руке и три в другой – это кажется неправильным. Нет баланса. Он раздумывает, взять ли шестой или поставить один на место. Выбор трудный, потому что Джалберт продолжает думать о Кхефлине, о том, каким наглым он выглядел при словах: «*Если хотите удержать меня в Канзасе, арестуйте*». И завершающий штрих, приводящий в бешенство: «*Не можете*». Приводящий в бешенство, потому что это правда.

«*До поры*», – думает Джалберт.

Джалберт решает взять четыре стула, считая четвертями шаги до лифта: «*Один, два, три, четыре. Два, два, три, четыре. Три, два, три, четыре*». Он знает, что подсчёт – штука специфичная, но в то же время безобидная. Способ избавиться от непродуктивных мыслей и очистить разум. Джалберт заканчивает на «*девять-два-три-четыре*», подойдя к стойке регистрации; всего тридцать шесть. Он говорит администратору:

– Я немного вспылал. Прошу прощения.

– Ничего страшного, – отвечает администратор, наблюдая за тем, как инспектор Джалберт направляется к лифтам. Кажется, он что-то бормочет себе под нос. Администратор считает, что в этом мире нужны всякие люди. Для него это интересная мысль. Он думает, что она бы хорошо смотрелась на футболке.

В своём тесном номере Джалберт расставляет стулья и проходится по ним. Он понимает, что в последнее время часто этим занимается, может быть, слишком часто, но это помогает. По-настоящему помогает. И, возможно, он часто занимался этим ещё до Кхефлина. Возможно, стулья и подсчёт стали для него проблемой. Джалберт понимает, что в последние дни числа редко выходят у него из головы – сложение, деление – и это походит на зависимость. Иногда, во время мысленного счёта какое-нибудь число выскакивает из его рта, как чёртик из табакерки. Такое случалось при Кальтене, и вроде бы при администраторе внизу. Тот определённо подумал, что Джалберт ведёт себя странно в разговоре о стульях. Следует что-то предпринять, пока ситуация не вышла из-под контроля. Может, попробовать гипноз? Но не раньше, чем Кхефлину предъявят обвинение в убийстве мисс Ивонн. А пока что Джалберту нужно спланировать свой следующий шаг. Счёт помогает. Пробег по стульям помогает.

Джалберт переходит от складного стула на кровать – это четыре шага. От кровати до унитаза – ещё одиннадцать. Итого пятнадцать, что получается при последовательном сложении от 1 до 5. Далее к стулу у маленького стола. Это ещё четырнадцать шагов. Итого...

На мгновение Джалберт не понимает сколько это будет, и начинает паниковать. Бедная мисс Ивонн рассчитывает на него, её семья рассчитывает на него, и если он не может высчитать простую арифметическую сумму, то как он вообще сможет...

«Двадцать девять», – думает Джалберт, испытывая облегчение.

Всё дело в этом Кхефлине.

– Арестуйте меня, – бормочет Джалберт, выпрямившись на одном из складных стульев. – Вы не можете, верно?

Кхефлин собирается уехать из штата? Джалберт может сидеть и считать сколько угодно, но на это он не рассчитывал. Как он, инспектор Фрэнк Джалберт, сможет оказывать давление, если Кхефлин просто смотает удочки и уедет?

Джалберт считает. Складывает. Иногда делит. К нему приходит мысль об убийстве Кхефлина, уже не в первый раз. Джалберт уверен, что это сойдёт ему с рук, если он будет достаточно осторожен, и таким

образом он спасёт других девушек, которых может постичь участь бедной мисс Ивонн. Но без веских доказательств вины Кхефлина – или признания, что даже лучше – этот сукин сын умрёт невиновным человеком.

Неприемлемо.

Джалберт переходит от одного стула в номере к другому, затем к кровати, к раскладному стулу, к унитазу, снова к раскладному. Он ненадолго ложится, надеясь поспать, или хотя бы отдохнуть, но закрывая глаза, видит наглое лицо Кхефлина. *Арестуйте меня. Не можете, верно?*

Джалберт вскакивает и снова начинает пробегать по стульям. *«Последний раз, – говорит он себе. – После этого я смогу уснуть. А когда проснусь, буду знать, что делать дальше».*

На унитазе он закрывает лицо руками и шепчет:

– Я делаю это ради тебя, мисс Ивонн. Всё только ради тебя.

Это ложь, и Джалберт это знает. Мисс Ивонн уже не помочь. Дэнни Кхефлин продолжает жить. И оставаться на свободе.

43

Субботним утром Элла Дэвис едет в Маниту. Её дочь, пристёгнутая ремнём безопасности на заднем сиденье, поглощена своим «Айпад Мини», полученным на день рождения. Элла сказала Дэнни Кхефлину, что нанимает няню с почасовой оплатой. Это ложь, но Дэвис не чувствует себя виноватой. В конце концов, Кхефлин лжёт об Ивонн Уикер, и его ложь будет посильнее.

«Ты уверена, что он лжёт? Абсолютно уверена?»

Элла и Лори гостят у Реджины в Грейт-Бенде. У Реджи есть дочь, примерно того же возраста, что и Лори, и вечеринка по случаю дня рождения была идеей Реджи. Она без ума от Лори и рада присмотреть за ней, когда Дэвис уходит на работу.

«Уверена на сто процентов?»

Дэвис убеждает себя в этом. Меньше она уверена в том, что Кхефлин сообщил о местонахождении тела девушки из-за угрызений совести и желания понести наказание за своё ужасное преступление.

Будь это так, он бы уже сознался. Теперь Дэвис считает это своего рода высокомерием.

– Он играет с нами в «кто первый струсит», – бормочет Дэвис.

– Что, мамочка?

– Ничего, милая.

– Мы уже приехали?

– Ещё три или четыре мили.

– Хорошо. Я играю в «Пив-Понг».

– *Какой «понг»?*

– Я бросаю маленькие шарики в стаканчики с пивом. Когда попадаю, раздаётся «бульк», и я получаю очки.

– Здорово, Лори.

Дэвис думает: *«Пив-Понг». Моя восьмилетняя дочь играет в «Пив-Понг». Дэвис думает: «Что если он говорит правду? Что если это действительно был сон?»*

Каждый раз один и тот же рассказ, без существенных изменений и без кривляний лжеца, которые Дэвис обучена выявлять: косые взгляды влево, облизывание губ, повышение тона, будто громкий голос способен убедить в правдивости сказанного. Кхефлин также не грешит лишними подробностями, не рискуя запутаться в собственной лжи. Возможно ли, что он убедил сам себя? Что его рациональное «я», напуганное тем, что натворило чудовище глубоко внутри него, создало свою собственную альтернативную реальность?

Возможно ли, что он говорит правду?

Сегодня утром Дэвис позвонила Джексонам в Маниту, спросив Джесси, не согласится ли он поговорить с ней. Джесси согласился без колебаний, и вот Дэвис сворачивает на подъездную дорожку перед домом Джексонов. Она здесь не потому, что верит рассказу Дэнни о сне. Она здесь потому, что почти поверила ему насчёт Джалберта. Если Фрэнк причастен к тому, о чём ей рассказал Кхефлин, это может свести на нет все шансы на возбуждение дела. Кроме того, это неправильно. Недостойная полицейская работа. У Дэвис растёт беспокойство за своего напарника. Она почти готова разозлиться на него.

«Нет. Ты уже злишься на него».

– Правда, – произносит Дэвис.

– Что, мама?

– Ничего, Лор.

Миссис Джексон развешивает одежду. Неподалёку на качелях сидит маленький мальчик, на вид ровесник Лори, и поёт дурацкую песенку «Baby Shark». Когда Дэвис открывает заднюю дверь, выпустив Лори, мальчик спрыгивает с качелей и подбегает, разглядывая прибывших. Лори стоит рядом с Эллой, держась за её ногу. Повернувшись, миссис Джексон здоровается с Дэвис.

– Привет. Я инспектор Дэвис, приехала поговорить с Джесси.

– Он в доме. Джесси! К тебе приехали!

Маленький мальчик говорит:

– Я – Люк. Это у тебя «Айпад Мини»?

– Да, – отвечает Лори. – Мне подарили на день рождения.

– Крутяк!

– Меня зовут Лори Роуз Дэвис. Мне восемь лет.

Лори смотрит на Эллу.

– Мама, можно мне?

– Можно, но будь осторожна. Не сломай свой «Айпад».

– Не сломаю!

Дети бегут к качелям.

– Милая девчушка, – говорит мисс Джексон. – А у меня два сына. Я бы всё отдала за девочку.

– С ней бывает нелегко, – говорит Элла.

– Видели бы вы Люка. – Миссис Джексон возвращается к развешиванию белья.

Из дома выходит Джесси, в джинсах и простой белой футболке. Он без колебаний подходит к Дэвис и пожимает ей руку.

– Рад буду поговорить с вами, если это касается Дэнни. Скажу прямо, я не думаю, что он сделал то, о чём говорит полиция. Он хороший человек.

Дэвис уже неоднократно слышала подобные слова, даже от Бекки Ричардсон, бывшей подруги Дэнни. Сейчас Ричардсон не хочет иметь с ним ничего общего, но продолжает твердить, что «он кажется самым приятным парнем, которого можно встретить». И Ричардсон верит в рассказ о сне.

– Я хочу поговорить не о Дэнни Кхефлине, по крайней мере, не напрямую, – говорит Дэвис. – Это правда, что вчера к нему в школу заходил инспектор Фрэнк Джалберт?

– Да. Он мне не понравился.

– Вот как? Почему?

– Он уже всё для себя решил. Я понял это по тому, как он смотрел на Дэнни.

«Что ж, – думает Дэвис. – Я тоже так считаю. Разве нет?»

– Дэнни утверждает, что ты видел, как инспектор Джалберт припарковался за школой.

– Так и было. А что?

– Он встал рядом с грузовиком Дэнни?

– Нет, рядом со школьными автобусами, но довольно близко. Эй, он что-то подложил в машину Дэнни? Попытался его подставить? Я бы не стал этого исключать. Он казался способным на всё.

– Ты видел, как он подкладывал что-нибудь в грузовик Дэнни?

– Нет...

– Ты видел, как он подходил к грузовику? Может быть, разглядывал его? Ну, с таким видом как некоторые смотрят на авто?

– Нет. Я увидел его, когда он выходил из своей машины, и сразу же пошёл рассказать Дэнни. Потом вернулся к работе. Это был наш последний день, но Дэнни сказал, что это не повод расслабляться.

– Мне жаль, что ты потерял работу из-за Кхефлина.

Лицо Джесси становится мрачным.

– Не из-за него. Долбаное школьное правление решило, что Дэнни должен уйти, и я вместе с ним. Они придумали кучу сраных причин...

– Джесси, следи за языком, – говорит его мать. – Ты разговариваешь с представителем закона.

– Просто это выбешивает меня. Они придумали какую-то хрень, потому что не могли написать на бумаге: в связи с убийством девушки. А как же презумпция невиновности?

«Я уже это слышала», – думает Дэвис.

– Ушёл он, пришлось и мне уйти, – говорит Джесси. – Я понимаю, я всего лишь подросток. Но мне нужны были эти деньги на колледж.

– Ты найдёшь другую работу, – говорит Дэвис.

– Уже нашёл. На лесопилке. – Джесси корчит гримасу. – Платят больше, но можно и руки лишиться.

– Лучше не надо, – говорит его мать. – Рука тебе пригодится.

Лори и Люк оставили качели. Они сидят в тени единственного дерева в маленьком дворе, склонив голову друг к другу, и смотрят на экран «Айпад Мини». Когда Дэвис бросает взгляд в их сторону, двое детей начинают хихикать над тем, что происходит на экране. Дэвис внезапно рада тому, что приехала сюда. После стольких лет, проведённых с Джалбертом, это всё равно, что выйти из затхлой комнаты на свежий воздух.

– Давай всё подытожим, – говорит Дэвис, доставая свой блокнот. – Ты видел, как инспектор Джалберт припарковался сзади...

– Да, хотя передняя парковка гораздо ближе к школе.

– Но ты не видел, чтобы он подходил к грузовику Дэнни Кхефлина или прикасался к нему.

– Я же сказал, что меня ждала работа.

– Хорошо, я поняла. – Дэвис улыбается, протягивая Джесси свою визитку. – Если ты вспомнишь что-нибудь ещё...

– Вы бы видели его! – восклицает Джесси. – Размахивал газетой перед лицом Дэнни. Это так подло! После того, как Дэнни оказал услугу копам! Не думаю, что этому человеку вообще есть дело до настоящего убийцы. Он просто хочет посадить Дэнни в тюрьму.

– Джесси, перестань, – говорит его мать. – Веди себя прилично.

– Этот Джалберт не выказал никакого приличия, – говорит Джесси, и Дэвис догадывается, что так оно и было. Но это простительно. Когда перед тобой насильник-убийца, о хороших манерах можно забыть.

– Спасибо за уделённое время. Лори, нам пора идти.

– Мы *только что* пришли! – стонет Лори. – Мы с Люком играем в «Корги Хоп»! Это очень весело!

– Пять минут, – говорит Элла. Её бывший заявляет, что она балует девочку, и он прав. Но Лори – это *всё*, что у нее есть, и она очень любит свою дочь. У Эллы кровь стынет в жилах при мысли, что Кхефлин может прикоснуться к Лори своими грязными кровавыми руками.

– Миссис Джексон, вы не против, если я помогу вам развесить бельё, пока они не закончат игру?

– Если хотите, – отвечает миссис Джексон; в её голосе слышатся одновременно удивление и радость. – Прищепки в том мешочке.

Две женщины быстро справляются с работой, развешивая две последние простыни как одна команда. Дэвис думает Джалберте, который припарковался возле грузовика Кхефлина. Она не хочет – не может – поверить, что Дэнни Кхефлину приснилось место захоронения убитой девушки, но почти верит в то, что Фрэнк Джалберт, заслуженный инспектор, подбросил наркотики, а затем поручил какому-то копу остановить Дэнни по дороге до Грейт-Бенда. Она просто не может этого доказать, как и они не могут доказать виновность Дэнни Кхефлина.

«Не думай об этом», – говорит Дэвис сама себе, пристёгивая последнюю простыню.

Хороший совет, но она не может ему следовать. Если Джалберт перешёл черту, Дэвис не может просто стоять в стороне. Нужно спросить кое-кого ещё. Возможно, это ни к чему не приведёт, но, по крайней мере, она сможет сказать себе, что старалась.

– Хотите стакан чая со льдом? – спрашивает миссис Джексон, беря корзину для белья.

– Знаете, звучит заманчиво, – отвечает Элла, следуя за матерью Джесси к дому.

В одном Дэвис уверена: это будет последнее дело с Фрэнком. Помимо всего прочего, Дэнни совершенно прав в одном: это счетоводство, арифмомания – пугающая штука.

44

В воскресенье утром, в десять часов, кто-то стучит в дверь трейлера Дэнни. Он ожидает увидеть Джалберта или Дэвис, но это Билл Дамфрис, отставной подрядчик, который познакомил Дэнни с Эдгаром Боллом. Он выглядит смущённым, скрестив руки на мясистой груди и избегая зрительного контакта. Дэнни прекрасно понимает, что Дамфрис пришёл не для того, чтобы пригласить его на ужин.

– Привет, Дэнни.

– Привет. Чем могу помочь?

Дамфрис вздыхает.

– Это нелегко объяснить, поэтому скажу прямо. Большинство жителей парка считает, что лучше бы тебе уехать.

Дэнни и так собирается уехать, и вроде как такое заявление должно восприниматься спокойно, но нет.

– Зайдёшь внутрь, выпить чашечку кофе? Поговорим об этом немного?

– Лучше не стоит. – Дамфрис бросает взгляд в сторону своего трейлера, и Дэнни замечает Алтею Дамфрис, стоящую на верхней ступеньке и наблюдающую за ними. Наверное, хочет убедиться, что Дэнни не выхватит свой нож для убийств и не начнёт бить им её мужа. Вообще это забавная мысль. Если Дэнни попытается напасть на Билла, тот переломит его пополам.

– Вчера вечером прошло что-то вроде собрания, – говорит Дамфрис. Его шею и щёки заливают краска. – Люди собирались составить петицию, но я сказал, к чёрту петицию, я поговорю с ним сам. Скажу, куда ветер дует.

Дэнни вспоминает свою мать, у которой на каждый случай была своя поговорка. Одна из них гласила: *не море топит корабли, а ветер*. Вот он, этот ветер, и Дэнни знал имя злого колдуна, который наслал его. Как бы Дэнни не злился на Джалберта, он не желал ему вреда. Это бы только ухудшило его положение. Всё, чего он хотел – убраться из зоны его влияния. Чем скорее, тем лучше.

– Передай людям пусть не переживают. – Дэнни машет Алтее Дамфрис, сдерживаясь, чтобы не показать ей средний палец. Она машет в ответ. – Я скоро уеду. Ты не хочешь видеть меня здесь, а я не хочу здесь оставаться. Моя мама сказала бы: вот оно доказательство того, что ни одно доброе дело не останется безнаказанным.

– Ты ведь не убивал её.

– Нет, Билл. Я не убивал. И единственный человек, готовый поверить мне, это адвокат, которого ты порекомендовал. Наверное, это покажется тебе иронией судьбы.

– Куда отправишься?

Биллу Дамфрису необязательно знать, что Дэнни до сих пор не определился, но поскольку у Билла хватило мужества встретиться с Дэнни лицом к лицу (правда, без зрительного контакта), он тихонько

закрывает дверь своего трейлера, вместо того чтобы захлопнуть её перед носом Билла.

Вернувшись в гостиную, Дэнни звонит брату по «ФэйсТайм», зная, что у Стиви сейчас перерыв. Стиви придерживается распорядка и расстраивается, если что-то идёт не так. *«В этом смысле, – думает Дэнни, – он чем-то похож на Джалберта».*

Стиви сидит на коробке, уплетая «Твинки». Он радуется, увидев лицо Дэнни.

– Как дела, Дэнни-бо-бэнни?

– Я тут подумал переехать в Колорадо, – говорит Дэнни. – Что ты об этом скажешь?

Стиви выглядит одновременно обрадованным и обеспокоенным.

– Ну... можеет быть. Но почему? Чего это?

– Устал от Канзаса, – говорит Дэнни. И это чистая правда. Затем Дэнни понимает, почему Стиви выглядит обеспокоенным и перестал жевать свой «Твинки». Стиви Кхефлин живёт по заведённому порядку, этот порядок даёт ему ощущение безопасности. Его девиз: бережного Бог бережёт. Он главный специалист по информации в «Кинг Скупер», у него даже есть бэйджик с соответствующей надписью, и он любит свою комнату и друзей в интернате.

– Я не говорю, что мы будем жить вместе, – поясняет Дэнни. – Возможно, я буду жить даже не в Боулдере. Я присмотрел кое-что в Лонгмонте, ну, через интернет...

Стиви облегчённо улыбается.

– Лонгмонт – это хорошо!

Дэнни сомневается, что Стиви вообще был там.

– Говорят, так оно и есть, и жильё там дешёвое. В общем... дешевле. Можно как-нибудь поужинать вместе... может быть, сходить в кино... или в поход...

– Западная Магнолия! Грязное озеро! Я бы сводил тебя туда! Вот это был бы поход! Дикая природа! Я бы сделал столько фотографий! Грязное озеро, да, название некрасивое, но само озеро прекрасное!

– По-моему, звучит здорово, – говорит Дэнни, а затем добавляет ещё кое-что и это чистая правда: – Я скучаю по тебе, Стиви.

Теперь, когда Стиви знает, что ему не придётся уезжать из интерната – и, возможно, от Джанет, – кажется, что он почти в восторге.

– Я тоже скучаю по тебе, Дэнни-бо-бэнни. Приезжай! Роки Маунтин Хай, в Кол-о-рааадо.

– Звучит неплохо. Дам тебе знать, когда буду готов.

– Хорошо. Это хорошо. Теперь спроси меня. Только быстро, у меня почти закончился перерыв.

Дэнни ждал этого.

– Сардины «Кинг Оскар».

Стиви смеётся.

– Конец шестого ряда, верхняя полка слева, как раз перед стойкой. Упаковка из четырёх банок – девять долларов и девяносто девять центов.

– Ты лучший, Стиви. Им повезло, что ты у них работаешь.

– Знаю, – говорит Стиви. И хихикает.

45

В понедельник Джалберта вызывают в Уичиту для доклада по делу Ивонн Уикер. Там будет присутствовать высшее начальство, а также прокурор округа Уайлдер. В округе Дарт даже нет своего прокурора, говорит Джалберт Дэвис.

– Хочешь, я поеду с тобой? – спрашивает Элла.

– Нет. Я хочу, чтобы ты надавила на Кхефлина по поводу его местонахождения в первые три недели июня. И пройдишь по его соседям в трейлерном парке. Поговори с Бекки Ричардсон...

– Уже...

Джалберт резко взмахивает рукой, что совсем на него не похоже.

– Поговори ещё раз. И с её дочерью. Спроси, было ли ей когда-нибудь неловко с Кхефлином. Ну, ты поняла.

– Господи, Фрэнк!

– *Что* Фрэнк? Ты думаешь, то, что он сделал с мисс Ивонн, просто возникло из ниоткуда? Наверняка были какие-то знаки. Ты согласна со мной или нет?

– Да, конечно.

– Хорошо. Девятнадцать.

– Что?

– Единственное хорошее простое число, – отвечает Джалберт, затем снова взмахивает рукой. – Неважно. Обойди соседей. Мы не можем позволить ему покинуть округ Уайлдер, не говоря уже о штате. А я поеду в Уичиту.

– Ты сможешь убедить их арестовать Кхефлина?

– Постараюсь, – говорит Джалберт, – но особо не надейся.

Он уезжает. Дэвис отправляется в Оук-Гроув и принимается стучать в двери, но не в дверь Дэнни Кхефлина; после их разговора в «Кофи Хат» она не готова снова с ним встречаться. Бекки Ричардсон дома, но собирается уйти; она говорит Дэвис, что должна помочь подруге. Как бы то ни было, ей больше нечего добавить, кроме того, что у них с Кхефлином были отношения, но теперь всё закончилось. Дочь Бекки, Дарла-Джин, смотрит на Дэвис большими глазами, сидя у телевизора. Элла не пытается поговорить с ней.

В одиннадцать часов, после безрезультатных расспросов, которые не дали Дэвис ничего нового, кроме того, что Дэнни согласился покинуть трейлерный парк, она звонит в «Плейнс Трут». Дэвис уверена, что ей ответит записанный голос, но на звонок отвечает молодой человек.

– У аппарата.

– Я бы хотела поговорить с Питером Андерссоном, если можно.

– Это я.

– Мистер Андерссон, я инспектор Элла Дэвис из Канзасского бюро расследований. Я бы хотела поговорить с вами о Дэниеле Кхефлине.

Следует долгая пауза. Дэвис собирается спросить, здесь ли ещё Андерссон, когда он снова заговаривает, и голос его звучит моложе, чем раньше.

– Мне дали наводку, и я её напечатал. Если разглашать его имя было противозаконно, то я этого не знал.

«Незнание закона не освобождает от ответственности», – думает Дэвис, хотя законом тут и не пахнет – просто общепринятая практика.

– Но если что-то не так с новой статьёй, я мог бы опубликовать опровержение. Если информация ошибочна.

«Какой статьёй?», – думает Дэвис и напоминает себе, что нужно раздобыть последний номер «Плейнс Трут».

– Мистер Андерссон, я хочу знать, кто дал вам информацию.

– Полицейский. – Андерссон на секунду замолкает, а затем выпаливает: – По крайней мере, он *так* представился, и я ему поверил, потому что он был в курсе деталей расследования. Сказал, что публикация имени этого человека окажет на него давление, и он, в общем, расскажет всё начистоту.

– Этот таинственный полицейский назвал вам своё имя?

– Нет...

– Но вы всё равно напечатали статью.

– Ну, а разве всё это не было правдой? – Андерссон пытается идти в атаку. – Разве этот Кхефлин не тот, кого вы подозреваете в убийстве девушки?

– Мистер Андерссон, мне кажется, будет лучше, если мы встретимся, – говорит Дэвис.

– О Боже, – произносит он, и его голос звучит моложе, чем когда-либо.

– В какое время вам будет удобно?

– Думаю, в любое время, когда я в офисе. Например, сейчас. У вас есть наш адрес? Мы находимся в Кэткарте.

– Есть.

– Хотя, по сути «Трут» держится на одном человеке. Мэм, просто скажите мне: нарушил ли я закон, напечатав имя Кхефлина?

– Насколько мне известно, нет, – отвечает Дэвис. – Это не было противозаконно, просто паршивый поступок. Я зайду после обеда.

46

Дэнни не знает, где будет его следующая остановка – может, в Денвере, в Лонгмонте или в Арваде, – но после почти трёхлетнего пребывания в Оук-Гроув двух его маленьких чемоданов явно не хватит для вещей, что он собирается взять с собой. Дэнни решает зайти в «Файн Ликерс» в Маниту, раздобыть несколько пустых коробок под свою одежду. Там его могут не знать в лицо, потому что даже во времена своих запоев Дэнни предпочитал в основном пиво.

После полудня Дэнни открывает дверь своего трейлера и останавливается на верхней ступеньке. Дарла-Джин Ричардсон установила свой кукольный домик на асфальте в тени конторского здания Оук-

Гроув. Домик большой, чуть ли не настоящий особняк. Должно быть, вынести его из трейлера было нелегко. Бекки купила его на «Амазон» на семилетие Ди-Ди, а затем досадно всплеснула руками, увидев, что домик пришёл в разобранном виде. Дэнни собрал его вместе с Ди-ди, которая подавала ему детали, и они вместе подпевали песням по радио. Это был замечательный день.

Сейчас Ди-Ди девять, и Дэнни не видел этот домик мечты Мэри-голд почти год. Он полагал, что она играет с домиком в своей спальне. Или уже переросла его. Но если уж Ди-Ди притащила его сюда от самого своего трейлера, то на это имелась лишь одна причина.

– Привет, Ди-Ди, что нового?

Это приветствие всегда вызывало улыбку на её лице, но не сегодня. Ди-ди серьёзно смотрит на Дэнни.

– Она ушла, если из-за этого ты прятался дома.

Дэнни не нужно спрашивать, о ком говорит Ди-Ди. Ранее Элла Дэвис обходила парк, стучала в двери и разговаривала со всеми, кто был дома. Он ожидал её появления у своего трейлера, но она так и не пришла; просто сняла ковидную маску и укатила.

– Где твоя мама?

– Она пошла подменить Мариэль в закускойной. У Мариэль импети-го²⁵. Ди-Ди произносит это слово очень тщательно, по слогам. – Мама сказала, что я могу остаться одна, а она принесёт мне кусочек торта. Я не хочу торт, мне всё равно, если я даже навсегда останусь без торта. Мама сказала, что мне нельзя стучать в твою дверь, поэтому я пришла сюда. Чтобы увидеть тебя, когда ты будешь выходить.

Дэнни спускается, проходит половину расстояния до Ди-Ди, затем останавливается. Кукольный домик раскрыт на две половинки, и Дэнни видит внутри Барби и Кена, сидящих за кухонным столом. Барби сидит с неловко выгнутыми ногами, потому что у неё плохо сгибаются колени. Было время, когда Ди-Ди и Дэнни обсуждали это и другие неправдоподобные анатомические детали кукол: пластиковую кожу, жуткие волосы.

– Почему ты остановился? – спрашивает Ди-Ди.

Разумеется, из-за чужих глаз. Обвиняемый в убийстве и беззащитная маленькая девочка. Большинство обитателей парка на работе, но

²⁵ Кожная сыпь.

некоторые дома – те, с кем разговаривала инспектор Дэвис, – и они могут наблюдать. Вообще-то, Дэнни должно быть всё равно, но нет.

Прежде чем он успевает придумать ответ, Ди-Ди говорит:

– Мама спрашивала, *домогался* ли ты меня. Я знаю, что это значит. Это значит: чужой – плохой, но я сказала, что Дэнни никогда не стал бы *домогаться* меня, потому что он мой друг.

Дарла Джин начинает плакать.

– Боже, Ди-Ди, не надо...

– Ты не убивал ту девушку. *Ведь* нет. – Это утверждение.

В жопу наблюдателей. Дэнни подходит к Ди-Ди и садится на корточки рядом с ней.

– Нет. Они думают, что это сделал я, потому что мне приснился сон о том, где она похоронена, но я не убивал её.

Ди-Ди вытирает глаза.

– Мама говорит, что я больше не могу ходить к тебе в трейлер, а ты больше не будешь забирать меня из школы. Она говорит, что они арестуют тебя или ты уедешь. Они хотят арестовать тебя?

– Они не могут, потому что я не сделал ничего плохого.

– Ты хочешь уехать?

– Я должен. У меня нет работы и большинство людей не хотят меня здесь видеть.

– Я хочу! Что если мама снова захочет встречаться с Бобби? *Он* даже не может починить машину! Я его ненавижу. Он отправил меня в мою комнату без ужина, и мама не помешала ему!

Ди-Ди начинает всхлипывать и, будь оно всё проклято, но Дэнни обнимает её за плечи, притягивая к себе. Она прижимает лицо к его рубашке, разгорячённое и мокрое, но ничего страшного. Всё в порядке.

– Боб не вернётся, – говорит Дэнни. – Уж твоя-то мама знает.

Он понятия не имеет так ли это, но надеется на лучшее. Дэнни никогда не встречался со своим предшественником, и это может оказаться какой-то тощий бухгалтер в очках, получающий удовольствие, отправляя маленьких девочек к себе в комнату без ужина. Но воображение Дэнни рисует здоровяка с короткой стрижкой и множеством татуировок. Такого маленькая девочка и правда может бояться.

– Возьми меня с собой, – говорит Ди-Ди.

Дэнни смеётся и взъерошивает её тёмно-русые волосы.

– Тогда они точно меня арестуют.

Дарла-Джин смотрит на Дэнни и робко улыбается. В этот момент из своего трейлера выходит Алтея Дамфрис.

– Отпусти девочку! – кричит она. – Отпусти её сию же минуту, или я вызову полицию!

Ди-Ди вскакивает на ноги, по её лицу текут слёзы.

– *Иди в жопу! ИДИ В ЖОПУ, ЖИРНАЯ СУКА!*

Дэнни в ужасе, но в то же время восхищён. И хотя он уверен, что Дарла-Джин только что нажила себе кучу неприятностей, сказать лучше не смог бы даже он сам.

47

Элла Дэвис считала, что таких городков, как Кэткорт, давно не существует, даже в захолустном центре Канзаса. Пыльное поселение с одним светофором, находящееся в сорока милях от Маниту. Напротив ржавой водонапорной башни расположен магазинчик «Квик Шоп» (ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В КЭТКАРТ, ГДЕ ВСЕ ЖИЗНИ ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЕ). Дэвис покупает себе колу «Ар-Си», и берёт со стойки у кассы выпуск «Плейнс Трут». На первой полосе – Дэнни Кхефлин, между рекламой «Ройал Тайрс» и мебельного склада, где каждый день распродажи со скидками. Заголовок гласит: «ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ЕМУ ПРИСНИЛСЯ СОН».

Дэвис включает кондиционер в машине и читает статью, прежде чем двинуться дальше по Мэйн-Стрит. Автор – Питер Андерссон (похоже, что Андерссон пишет все статьи «Плейнс Трут» за исключением спортивной сводки), и Дэвис сомневается, что в ближайшее время ему позвонят из «Нью-Йорк Таймс». Если Андерссон хотел написать в ироничном тоне, то сильно промахнулся; получилось лишь некое подобие скептицизма. Как ни странно, Дэвис хочется поверить в версию Дэнни. Она бросает жалкое подобие газеты за спину.

Редакция «Плейнс Трут» находится на первом этаже белого каркасного здания в центре Мэйн-Стрит. Она уютится между «Доллар Три» и «Вестерн Ауто». Здание не мешало бы покрасить. Доски повело, под гвоздями подтёки ржавчины. Дверь заперта. Дэвис заглядывает в

окно, приложив к лицу ладони, и видит большую захлавленную комнату со старым стационарным компьютером, царствующим в ней, как древнее божество. Кресло перед компьютером кажется новым, но остальная мебель выглядит так, словно её купили на дворовой распродаже или принесли со свалки. Длинная информационная доска забита рекламными макетами и старыми выпусками «Плейнс Трут», некоторые из них пожелтели и скрутились от времени.

– Привет, привет, привет, вы Дэвис?

Она оборачивается и видит очень высокого молодого человека, ростом примерно шесть с половиной футов или даже на пару дюймов выше. Он худой, как доска. И поразительно бледен для этого времени года, когда большинство канзасцев имеют хотя бы минимальный загар. Над одним глазом свисает гитлеровская прядь чёрных волос. Мужчина зачёсывает их назад, но прядь снова падает на лоб.

– Это я, – отвечает Элла.

– Обождите, обождите, я открою дверь. – Они заходят внутрь. Дэвис чувствует запах освежителя воздуха и едва уловимый аромат марихуаны. – Я ходил навестить маму, она живёт дальше по улице. У неё диабет. В прошлом году ей отняли ногу. Не желаете ли чего-нибудь холодненького? Думаю, в холодильнике найдётся...

Дэвис показывает бутылку «Ар-Си».

– О. Ясно, ясно, хорошо, отлично. А вот по еде, боюсь, у меня пусто. – Мужчина смеётся – на самом деле хихикает – и убирает со лба прядь волос, но она тут же падает обратно. – Извините за духоту. Кондиционер сломался. Всегда так, согласны? Всё катим камень, как Сизиф.

Дэвис понятия не имеет, о чём он говорит, но понимает, что он напуган до смерти. Хорошо.

– Я пришла сюда не ради еды.

– Нет, конечно, нет. Кхефлин, статья о Кхефлине.

– Как оказалось, две статьи.

– Две, да, ага. Как я уже сказал по телефону, я думал, что получил информацию от человека, имеющего отношение к расследованию. От полицейского. Так он назвался. Из КДП.

– Не из КБР? Канзасское бюро расс...

– Нет, нет, он был из дорожного патруля, я уверен, совершенно уверен, абсолютно. – Прядь волос падает, Андерссон зачёсывает её назад.

– Он же рассказал вам о сне?

– Да, ага, конечно, даже предложил придержать это для следующего номера. Сказал, что я всё равно опережу остальные газеты. Я решил, что это неплохая мысль.

– Мистер Андерссон, вы обычно пользуетесь наводками анонимных информаторов?

Он издаёт нервный смешок. Дэвис легче было представить себе, как этот человек убивает Ивонн, а не Кхефлин; в телепередаче о серийных убийцах ему бы дали какое-нибудь странное прозвище, например, «Репортёр».

– Я *редко* получаю наводки, мисс Дэвис. Мы, по сути, занимаемся рекламой...

– *Инспектор Дэвис*, – поправляет Элла, и не потому, что она обожает своё звание. Она хочет напомнить ему, кто тут у руля.

– Ещё раз спрашиваю: разве я напечатал неправду, инспектор Дэвис?

– Я не имею права разглашать, да и не в этом дело. Хотя это было настолько безответственно, что я с трудом поверила, лишь прочитав собственными глазами.

– Ну, ну, это слегка...

– Не думаю, что у вас есть запись того таинственного звонка, я права? – Дэвис не очень-то на это надеется.

Андерссон смотрит на неё широко раскрытыми глазами и снова нервно хихикает.

– Я записываю *всё*.

Дэвис кажется, что она ослышалась.

– *Всё? Серьёзно? Каждый телефонный звонок?*

– Приходится. Газета не приносит большого дохода, мисс... инспектор. Я подрабатываю на лесоповале за городом. Вы, должно быть, проезжали мимо него. «Вулф Ламбер»?

Дэвис не помнит, проезжала она или нет. В тот момент она думала о Джалберте. Она жестом велит Андерссону продолжать.

– Пока я там или присматриваю за мамой – а за ней нужен глаз да глаз, – все звонки, в основном рекламные, но иногда от Херда Конвея, занимающегося спортивными новостями, записываются и отправляются в «облако».

– Вы их не стираете?

Андерссон хихикает.

– Зачем утруждать? В «облаке» много места. Много обитателей, как говорится в Книге Книг. Вот, обрела душа моя простор. Шекспир. Возможно, наша система и не подходит для крупной городской газеты, но для нас она в самый раз. Сейчас, я покажу вам.

Андерссон включает свой компьютер и вводит пароль. Дэвис сама далеко не педант, но от засилья иконок на рабочем столе у неё рябит в глазах. Андерссон наводит курсор на иконку телефона, щёлкнув по ней. Из динамиков по обе стороны комнаты гремит записанное сообщение. Андерссон морщится и убавляет громкость.

– Вы позвонили в «Плейнс Трут», рупор центрального Канзаса и лучшее место для вашей рекламы. Мы – бесплатный новостной и спортивный еженедельник, выходящий раз в неделю, иногда два раза, и распространяющийся *бесплатно* более чем в шести тысячах точек в шести округах.

«Если это правда, я съем свои ботинки», – думает Элла.

– Если у вас есть новости, нажмите «5». Если вы располагаете спортивными результатами, нажмите «4». Если вы хотите сообщить о происшествии, нажмите «3». Если вы хотите разместить объявление, нажмите «2». Если у вас есть вопросы о расценках, нажмите «1». Итого: «5» – новости, «4» – спорт, «3» – происшествие, «2» – реклама и «1» – расценки. И не бойтесь, что вам дадут от ворот поворот! – Раздаётся уже знакомое хихиканье. – Это «Плееейнс Трут», где правда имеет значение!

Андерссон поворачивается к Дэвис.

– Неплохо, согласны? Как говорится, полный фарш.

При других обстоятельствах Дэвис, любопытная по натуре, спросила бы Андерссона, много ли денег приносит реклама. Но не сейчас.

– Не могли бы вы найти тот анонимный звонок?

– Конечно. Назовите дату.

Дэвис не знает.

– Примерно между 30 июня и 4 июля.

Андерссон открывает файл.

– Тут много входящих, но, может быть... – Он хмурится. Прядь падает на лоб. – Помню, перед этим кто-то звонил насчёт пожара. Почти уверен.

Андерссон щёлкает, слушает, качает головой, щёлкает дальше. Наконец раздаётся голос какого-то фермера, который, растягивая слова, говорит, что видел огонь в дымоходе на Фарм-Роуд 17. Андерссон показывает Дэвис большой палец и щёлкает на следующее сообщение. Она садится поближе к нему.

– Забавное сообщение, потому что...

– Тссс!

Андерссон проводит пальцами по губам, будто застёгивает «молнию».

Сообщение действительно забавное, потому что звонивший использовал устройство, изменяющее голос, возможно, вокодер. Сначала голос похож на мужской, потом на женский, и снова на мужской.

– Приветствую, «Плейнс Трут». Я из Канзасского дорожного патруля. Я не веду расследование Ивонн Уикер, но ознакомился с отчётами. Возможно, вашим читателям будет интересно узнать, что человека, обнаружившего тело, зовут Дэниел М. Кхефлин. Он уборщик в школе Уайлдер Хай. Живёт в трейлерном парке Оук-Гроув...

– Адрес я не печатал, – говорит Андерссон. – Думал, что это будет...

– Тссс! Назад.

Андерссон вздрагивает и отматывает сообщение.

– ...школе Уайлдер Хай. Живёт в трейлерном парке Оук-Гроув в Маниту. Напечатайте это как можно быстрее. – Следует пауза. – Он является главным подозреваемым КБР; утверждает, что ему приснился сон о местонахождении тела. Следователи ему не верят. Возможно, стоит приберечь это для последующей статьи. Просто совет. – Снова пауза. Затем вокодерный голос произносит: – Пятнадцать. До свидания.

Раздаётся щелчок, после которого следует извещение, что празднование Четвёртого июля в округе Уайлдер было перенесено на 8 число, очень жаль. Андерссон выключает звук и смотрит на Дэвис.

– Всё в порядке, мэм?

– Включите ещё раз.

Дэвис достаёт телефон и включает запись.

48

Вернувшись в свою машину и включив кондиционер на всю катушку, Дэвис снова слушает сообщение. Затем выключает телефон и смотрит через ветровое стекло на пыльную Мэйн-Стрит Кэткарта. Она вспоминает дело о поджоге, над которым работала с Джалбертом весной. Это случилось в сельском городке Линдсборг. По дороге к месту происшествия они проезжали поле, на котором паслись коровы. Элла, сидящая на пассажирском месте, от нечего делать сосчитала их вслух.

– Семь, – сказала она.

– Двадцать восемь, – тут же произнёс Джалберт

Дэвис вопросительно посмотрела на него, на что он ответил: сумма цифр от одного до семи получается двадцать восемь. Сказал, что такие подсчёты помогают скоротать время, а также поддерживают ум в тонусе. Дэвис подумала, что у её напарника может быть небольшое ОКС.²⁶ Она даже начала искать название этого состояния в телефоне, но затем передумала. У каждого свои бзики, разве нет? Сама она не могла заснуть, пока не вымоет и не уберёт всю посуду... но ей никогда не приходило в голову заниматься *подсчётом*.

И вот сейчас, сидя в своей машине, она прокручивает в голове записанное на автоответчик сообщение Питера Андерссона. Пять вариантов на выбор, и если сложить все цифры от одного до пяти, получится...

– Пятнадцать, – произносит Дэвис. – Это *был* он. Блядь. Блядь!

Она сидит ещё какое-то время, пытаюсь убедить себя, что ошибается. Но не может. Никак не может. Поэтому Дэвис звонит в подразделение «С» Канзасского дорожного патруля, представляется, и просит, чтобы ей как можно скорее перезвонил патрульный Кальтен.

В ожидании этого звонка, которого она боится, Дэвис спрашивает себя, как ей быть с тем, что она узнала.

49

²⁶ Обсессивно-компульсивное расстройство.

Дэнни берёт в «Файн Ликерс» столько коробок, сколько ему нужно. И покупает бутылку «Джим Бим» пятилетней выдержки. К четырём часам коробки лежат в его спальне, а бутылка «Бима» стоит на кухонном столе. Дэнни сидит и смотрит на неё, сложив руки перед собой. Он пытается вспомнить, когда пил виски в последний раз. Точно не в ту ночь, когда стоял на лужайке Марджи и что-то выкрикивал в сторону её дома, после чего его арестовали; тогда он вливал в себя пиво. Между Маниту и Уичитой он выпил почти упаковку «Курс». Дэнни помнит, как его вырвало в стальной унитаз камеры, куда его поместили, а потом он лёг спать не на койке, а под ней, будто сон на бетоне мог искупить часть его грехов.

Дэнни решает, что в последний раз употреблял дурман-зелье на рыбалке с Диком Мэтерсом. Они так поднабрались, что не сумели найти дорогу к шоссе 327, пока совсем не стемнело. К тому времени их уже начало отпускать, и они поклялись себе, что больше ни капли в рот не возьмут, никогда в жизни. Дэнни не знал сдержал ли Дик данное самому себе слово. Переехав в Оук-Гроув, он больше его не видел, но сам с тех пор не притрагивался к виски. И уже пару лет не пил пиво.

«Джим Бим» не решит его проблем, Дэнни это знает. Они по-прежнему будут с ним, когда он проснётся во вторник с похмельем. Но это поможет забыть о грустном лице Ди-Ди, по крайней мере, на какое-то время. Она сказала: *«Что если мама снова захочет встретиться с Бобби?»* Она сказала: *«Он даже не может починить машину!»* Она сказала (и почему-то эти слова ранили больше всего): *«Я не хочу торт, мне всё равно, если я даже навсегда останусь без торта».*

– Этот сон, – произносит Дэнни. – Этот сраный сон.

Только проблема не во сне. Проблема в Джалберте. Джалберт отравил его чёртову жизнь своей версией агента «оранж». Он пытается отравить всё, включая маленькую девочку, считавшую, что в её жизни всё наладилось: у её мамы наконец-то появился парень, который нравился Дарле-Джин и который не кричал на неё, отправляя в свою комнату без ужина.

Джалберт.

Всё это Джалберт.

Дэнни откручивает крышку, наклоняет бутылку к себе и делает глубокий вдох. Он вспоминает, как они с Диком Мэтерсом смеялись на берегу реки, и как всё было прекрасно. Он вспоминает, как они чертыхались, пробираясь через заросли ежевики к дороге, а пот заливал царапины, отчего они болели ещё сильнее.

«Джалберт будет рад, если ты напьёшься, – думает Дэнни. – Напьёшься и сотворишь какую-нибудь глупость».

Дэнни идёт в ванную, выливает виски в унитаз и смывает. Затем начинает складывать одежду в коробки. Он не может противодействовать Джалберту, кроме как уехать, поэтому так он и намерен поступить. Будет проводить время со Стиви, который знает расположение и цену всех товаров в «Тэйбл Меса Кинг Суперс». Что касается Дарлы-Джин... она это переживёт. Как обычно бывает со всеми детьми. Так Дэнни утешает себя.

50

«Я не злюсь, – думает Джалберт, возвращаясь в свой отель в Лайонсе. – Просто расстроен».

Встреча в Уичите прошла не очень хорошо. Он настаивал на задержании Кхефлина. На сорок восемь часов, предложил Джалберт. Можно сказать, для его же безопасности. Я сломаю его. Он на грани. Я уверен.

– Для его же безопасности? – переспросил Тишман, директор КБР. Рядом с ним сидел его помощник Невилл, кивая на каждое слово. – От кого? От убийцы? Кхефлин не говорил, что знаком с ним. Он только рассказал о местонахождении тела, которое явилось ему во сне.

Джалберт спросил присутствующих – в том числе Рэмси, невозмутимого и немногословного детектива из Оклахомы – верит ли кто-нибудь из них в рассказ о сне Кхефлина. Все согласились, что не верят. Убийца наверняка Кхефлин. Но без признания и без вещественных доказательств, связывающих его с преступлением...

И так далее.

Джалберту необходимо заняться счётом. Это его успокоит. С ясной головой он сможет решить, каким будет следующий шаг. Вернувшись в отель, он расставит стулья, примет душ и позвонит Элле. Возможно,

она напала на след в трейлерном парке. Или у Кхефлина развязался язык, хотя вряд ли. Он хитрый малый – избавился от наркотиков – но платит высокую цену. Лишился работы, на него ополчились соседи. Несомненно, он разозлён, а в таком состоянии люди совершают ошибки.

«Но я не злюсь. Просто расстроен, и почему? Потому что он сделал это, и сделает снова».

– Разве они не понимают? – вопрошает Джалберт, ударяя кулаком по рулю. – Неужели они настолько слепы?

Ответ: нет.

Были проверены все видеозаписи между Арканзас-Сити, где мисс Ивонн провела свою последнюю ночь, и заправкой «Гас-н-Гоу», где её видели в последний раз. Засветились несколько «Тундр», но ни одной белого цвета, и все новее, чем у Дэнни.

«Он воспользовался другой машиной, – думает Джалберт. – Вот почему мы не нашли в его грузовике никаких следов ДНК или других улик. Умно, очень умно».

Вначале Джалберт – и Элла – верили, будто Дэнни хотел стать звездой СМИ, либо признаться. Возможно, Элла всё ещё верит в это, но не Джалберт. *«Для Кхефлина это игра. Он крутит перед нами хвостом и талдычит: докажите, арестуйте меня, арестуйте, ха-ха, не можете, верно? Вы знаете, что мой рассказ – полная чушь, и вы ни черта не можете с этим поделаться».*

Джалберт снова ударяет кулаком по рулю.

Пятнадцать, даже десять лет назад игра велась бы по-другому, с другими правилами. Кхефлин сидел бы в тесной комнатке с Джалбертом и Дэвис, и они бы прожаривали его, пока он не сдастся. Десять часов, двенадцать, не имеет значения. Крутили бы и крутили его на вертеле. Они были заступниками бедной мисс Ивонн и всех других девушек, которые могли последовать за ней. Они без усталости измывались бы над ним в комнатке без настенных часов.

«Вы, наверное, проголодались. Скажите нам что-нибудь и мы пошлём за едой. Любите «Бургер Кинг»? Тут есть неподалёку. Как вам такое предложение? Хотя бы расскажите нам, когда вы закопали её? Днём или ночью? Нет? Ладно, давайте сначала, с самого начала».

Что-то в таком роде.

Чтобы скоротать время, Джалберт начинает считать амбары, силосные вышки и фермерские дома. Он досчитывает до двадцати трёх (что в сумме составляет 276), когда звонит его мобильник. Это Элла. Джалберт ожидает, что она спросит, как всё прошло в Уичите. Но вместо этого Дэвис спрашивает, когда он вернётся в отель. У неё отрывистый и напряжённый голос, она сама на себя не похожа. Может, волнение вызвано тем, что она раскопала?

«Хотя бы ничтожная ниточка, это всё, о чём я прошу. Мы пойдём за ней. Пройдём до самого ада, если потребуется».

– Буду там через сорок минут. У тебя что-то есть?

– Я сейчас возвращаюсь из Маниту. Встретимся в отеле.

– Ну же, выкладывай. – Джалберт пробегает рукой по «паучьей жопке». – Кхефлин что-то тебе рассказал?

– Не по телефону.

– Буду через полчаса, – говорит Джалберт, прибавляя скорость.

51

Элла дожидается Фрэнка в вестибюле. Она боится предстоящего разговора, но сделает то, что нужно сделать. Было бы гораздо тяжелее, если бы Фрэнк ей нравился. Дэвис пыталась вызвать в себе симпатию и у неё не получилось, но до последнего времени она уважала его. В каком-то смысле всё ещё уважает. Он отчаянно предан своей работе, хочет добиться справедливости для девушки, которую называет «бедная мисс Ивонн». Просто его преданность перешла все границы, и когда это произошло, превратилась в нечто иное.

Джалберт улыбается Дэвис, показывая свои сточенные зубы, которые нуждаются в лечении. Пухлая «паучья жопка» растрёпана, будто он теребил её рукой.

– Пойдём в мой так называемый номер. Не ахти какой – из окон видна только парковка – но в самый раз под служебные расходы.

Элла следует за Фрэнком. Она не знает, почему у него возникла такая сильная связь с Уикер – или это связь с Кхефлином? – но Дэвис знает, что это повлияло на какую-то фундаментальную трещину в его личности. Теперь на его лбу под линией волос, появилась борозда.

Джалберт открывает дверь. Дэвис проходит первой и останавливается, оглядывая маленькую гостиную.

– Для чего здесь складные стулья?

– Ни для чего. Я просто...

Джалберт подходит к двум стульям в гостиной и складывает их. Идёт в спальню и возвращается с ещё двумя. Затем прислоняет их к стене возле телевизора.

– Нужно отнести их в конференц-зал. Давно собираюсь. Хочешь выпить? В минибаре есть безалкогольные напитки.

– Нет, спасибо.

– Это связано с Кхефлином? Он проговорился?

– Я с ним не общалась.

Джалберт хмурится.

– Элла, я же просил тебя ещё раз поговорить с ним. – Затем выражение его лица смягчается. – Дело в Бекки? Это его женщина. Или её дочь! Она что...

– Послушай, Фрэнк. Об этом нелегко говорить. Тебе нужно отойти от дела. Это для начала.

Джалберт одаривает Эллу лёгкой насмешливой улыбкой. Он понятия не имеет, о чём она толкует.

– К тому же тебе пора на пенсию. Ты отдал работе двадцать лет, даже больше.

– Я не...

– И обратись за профессиональной помощью.

Лёгкая улыбка никуда не делась.

– Это какой-то вздор, Элла. Я не собираюсь на пенсию. Даже не думаю об этом. А собираюсь я – мы оба собираемся – арестовать Дэнни Кхефлина и упрятать за решётку до конца его дней.

Дэвис удивлена его неистовством, но позже придёт к выводу, что это неистовство имелось с самого начала.

– То, как ты *поступаешь*, ставит под угрозу все наши шансы возбудить против него дело! Ты выдал его «Плейнс Трут», Фрэнк!

Улыбка угасает.

– Откуда у тебя такая безумная мысль?

– Это не безумие, а факт. Ты выдал его и выдал себя с этим своим счетоводством. В конце оставленного тобой сообщения, ты сказал

«пятнадцать». Вроде бы ничего не значит... если не сложить все цифры из записанного на автоответчик сообщения Андерссона, от одного до пяти – получается пятнадцать.

Теперь улыбка Джалберта исчезает.

– Услышав одно число, ты делаешь поспешный вывод, что я...

– Иногда ты выдаёшь случайные числа – в половине случаев даже не осознаёшь этого. Именно так и случилось на записи, которую мне включил Питер Андерссон. Я слышала своими ушами. Ты тоже можешь послушать, если хочешь. Запись у меня на телефоне.

Губы Джалберта раздвигаются в улыбке, обнажая сточенные зубы. *«Он скрежещет зубами, – думает Дэвис. – Без сомнения».*

– Элла, я бы не хотел доносить на тебя за эти ложные обвинения. Ты была хорошей напарницей, о лучшей я и не мечтал. Но если ты будешь настаивать, мне придётся пойти на это. Ты не могла узнать голос звонившего – *никто* бы не смог, – потому что он изменён каким-то устройством.

– Да, он изменён. Но откуда *ты* знаешь?

Джалберт моргает, находясь в секундном замешательстве. Затем он говорит:

– Потому что я спросил Андерссона. Я допрашивал его.

– Видимо, не в моём присутствии.

– Нет, я звонил по телефону.

– И он подтвердит это?

– Я подтверждаю это тебе прямо сейчас.

– Тем не менее, я поговорю с ним. Если придётся. И мы оба знаем, что Андерссон скажет, я права?

Джалберт молчит. Он смотрит на Дэвис, как на пришельца. *И, вероятно, так и чувствует себя по отношению к ней.*

Дэвис указывает на стулья.

– Ты их считаешь? Или, может, садишься и считаешь шаги между ними?

– Мне кажется, тебе лучше уйти.

– Иногда я вижу, как шевелятся твои губы, когда ты считаешь. У этого расстройства даже есть название. Арифмомания.

– Уходи. Подумай над своими словами, и позже мы поговорим, когда ты... когда ты образумишься.

Дэвис внезапно чувствует себя слишком уставшей, чтобы держаться на ногах. Кто бы мог подумать, насколько изматывающими могут быть подобные конфронтации? Она садится и кладёт открытую сумку на маленький стол. Внутри лежит её мобильник, включенный на запись.

– Ты также подбросил наркотики в грузовик Кхефлина. У школы.

Джалберт отшатывается, будто Дэвис ударила его по лицу.

– Это возмутительное обвинение!

– Возмутительно, что ты решился на это. Кхефлин заподозрил неладное, когда парень, работавший с ним, увидел, что ты припарковался на заднем дворе, а не на учительской парковке. Кхефлин обыскал свой грузовик, нашел наркотики и передал их мне.

– *Что? Когда?*

– Я встречалась с ним в кофейне в Грейт-Бенде после допроса, на котором он предложил нам арестовать его. Чего мы не могли сделать ни тогда, ни сейчас, как, я уверена, ты выяснил в Уичите.

– Он лжец! И ты действовала за моей спиной! Спасибо, напарница! Дэвис краснеет. Она ничего не может с собой поделать.

Джалберт проводит рукой по своим редеющим волосам.

– Если в его грузовике и были наркотики, он подбросил их сам. Боже, он хитёр, как лиса. И ты действительно поверила в его байку? – Джалберт качает головой. В его голосе звучит жалость, но в глазах Дэвис видит неприкрытую ярость. *«Будь осторожна с этим человеком, – думает Элла. – Дэнни был прав насчёт этого».*

– Я представить себе не мог, что ты такая доверчивая, Элла. Он и тебя убедил в том, что всего лишь увидел сон? Теперь ты на его стороне?

– Я говорила с патрульным Кальтенем.

Джалберт замолкает.

– Кхефлин прочитал его имя на плашке. Я позвонила Кальтену, сказав ему, что знаю, кто устроил подброс наркотиков и последующий обыск. Сказала, что сохраню его участие в тайне, если он расскажет, в чём заключалась его роль. Он всё рассказал.

Джалберт подходит к окну, выглядывает наружу, затем возвращается к Дэвис.

– Я не хотел вешать на Кхефлина наркотики. Я хотел прижать его из-за мисс Ивонн. Хотел, чтобы его задержали, хотел надавить на него. Где сейчас наркотики?

– В надёжном месте. – Этот вопрос немного пугает Дэвис. Вообще-то она не верит, что Фрэнк может причинить ей вред, но его прижали к стенке. Без всяких вопросов.

Джалберт снова подходит к окну и возвращается обратно. Его губы шевелятся. Он считает. Он вообще осознаёт, что делает? Дэвис так не думает.

– Он убил её. Изнасиловал и убил. Кхефлин. Ты знаешь, что это был он.

Элла вспоминает вопрос Кхефлина о крестике – для виду ли этот крестик или она верующая? Затем он спросил её, как она может верить в Бога, но не верить в его сон.

– Фрэнк, слушай внимательно. В данной ситуации уже не имеет значения, убил он её или нет. Здесь, в этом номере, важно только то, что ты пообещаешь написать электронное письмо Дону Тишману, в котором попросишь отпуск по личным причинам, и скажешь, что планируешь уйти в отставку.

– Никогда! – Джалберт сжимает и разжимает кулаки.

– Либо так, либо я пойду к Тишману и расскажу о том, что ты натворил. Звонок Андерссону, возможно, и не приведёт к твоему увольнению, но история с наркотиками поставит крест на твоей карьере. Более того, это бросит такую тень на любое дело, которое мы могли бы возбудить против Дэнни Кхефлина, что его сможет отмазать даже провинциальный адвокат, вроде Болла.

– И ты решишься на это?

– Ты сам виноват! – вставая, кричит Дэвис. – Ты облажался с этим делом, облажался сам и подставил меня! Только посмотри, что ты устроил!

– Мы не можем позволить ему уйти, – произносит Джалберт. Он оглядывает номер, ни на чём не останавливая взгляд. – Это сделал он.

– Если ты так считаешь, то не упusti ни единого шанса прижать его. На этом всё. Я знаю, это трудное решение. Переспи с ним.

– Переспать? – со смехом вторит Джалберт. – Переспать!

– Я позвоню тебе утром. Спрошу, что ты решил. Но, как мне кажется, выбор очевиден. Уйди в отставку, и у нас всё ещё будет шанс возбудить дело против Кхефлина. Подброшенные наркотики нигде не всплывут, и ты сохранишь свою пенсию.

– *Думаешь, мне не наплевать на мою пенсию?* – кричит Джалберт. На его шее вздуваются жилы. Элла не сводит с него глаз. Она боится.

– Возможно, сейчас ты говоришь сгоряча, но изменишь своё мнение. И я знаю, что тебе всё ещё не наплевать на Ивонн Уикер. Подумай хорошенько, Фрэнк. Я закрою глаза, если ты подашь в отставку, но если ты этого не сделаешь, всё выплывет наружу.

Дэвис идёт к двери. Это один из самых долгих походов в её жизни, потому что она ожидает, что Джалберт пойдёт за ней. Но он не трогается с места. В коридоре, за закрытой дверью, Дэвис выдыхает. Она начинает застёгивать молнию на сумке, но сзади раздаётся грохот. Там что-то разбилось. Хочет ли она узнать, что именно? Нет. Элла медленно и уверенно идёт по коридору.

В своей машине она опускает голову и плачет. Был момент, всего лишь мгновение, когда Дэвис действительно подумала, что Фрэнк может убить её.

52

За всю свою карьеру следователя Фрэнклин Джалберт останавливался в сотнях мотелей по всему Канзасу. Почти во всех номерах встречаются пластиковые стаканы в пакетиках, на многих из которых написано что-то вроде «ПРОДЕЗИНФИЦИРОВАНО ДЛЯ ВАШЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ». Стаканы из минибара в его номере «Селебрейшн Сентр» обычные, стеклянные. Джалберт понял это по весу, взяв один стакан в руку, когда было уже поздно останавливаться – и, вероятно, он бы всё равно не остановился. Джалберт швыряет стакан в дверь, за которую только что вышла Дэвис, и тот разлетается вдребезги.

«Лучше стакан, чем она, – думает Фрэнк. – Хотя я бы никогда не причинил ей вреда».

Конечно, нет. Может, она и предатель, но они хорошо проводили время вместе. Поймали несколько плохих парней и плохих девушек.

Он учил Эллу, и она впитывала знания. Только, похоже, она делала это недостаточно хорошо. Она не понимает, насколько опасен Кхефлин. Джалберт задаётся вопросом, не отправились ли они после предательской встречи в кафе куда-нибудь ещё? Может быть, в мотель?

«Нет, нет, она бы никогда не пошла на это. Только не с главным подозреваемым в деле об убийстве».

Никогда? Правда? *Никогда?*

Кхефлин недурно выглядит, и обладает этим обезоруживающим «я говорю правду» взглядом. Кому-то он может показаться привлекательным. Неужели действительно за гранью возможного, что она... и он... некое странное проявление стокгольмского синдрома...?

Несмотря на то, что Элла нанесла Джалберту удар в спину, он не может в это поверить. Да и Бог с ней, с Эллой. Она выпала из обоймы. Вопрос в том, как поступить с Кхефлином?

Судя по всему... никак. Элла загнала Джалберта в угол. *Этот проклятый бесхребетный патрульный всё выложил как на духу.*

Мысль об отставке, которую она предложила, ужасна. Будто тебя подводят к краю обрыва. Джалберт не представляет себя шагающим в пустоту. У него нет никаких увлечений, кроме ежедневных кроссвордов в газете и собирания паззлов. Во время отпусков он бесцельно скитается на взятом напрокат кемпере, осматривая достопримечательности, на которые ему плевать, и делая фотографии, которые потом редко пересматривает. Каждый час растягивается на три. Выход на пенсию умножит эти долгие часы на тысячу, затем на две тысячи, затем на десять. Каждый час его будут преследовать мысли о Дэнни Кхефлине, смотрящем на него через стол с видом «я и мухи не обижу»: *«Арестуйте меня. Вы не можете, верно?»*. Мысли о Дэнни Кхефлине, который в каком-нибудь другом штате подсаживает в свой грузовик очередную молоденькую девушку с рюкзаком, голосующую на дороге.

«Но что я могу сделать?»

Что ж, Джалберт может сделать только одно: собрать осколки стекла. Он приносит мусорную корзину, опускается на колени и принимается наводить порядок. Довольно скоро он насчитывает уже 57 осколков, 1653, если сложить числа в последовательности.

«Я бы никогда не причинил ей вреда, ни за что. Но был один момент...»

Острая боль пронзает кончик пальца Джалберта. Появляется капля крови. Джалберт, понимает, что сбился со счёта. Он раздумывает, не начать ли с начала.

53

Последняя неделя, проведённая Дэнни Кхефлином в Маниту, штат Канзас, одновременно удручающая и обнадеживающая.

Во вторник он находит в своём почтовом ящике большую кучу собачьего дерьма. Надев резиновые перчатки, он убирает её и тщательно отмывает ящик. Ведь кто-то будет пользоваться этим ящиком после его отъезда.

В среду Дэнни отправляется в «Фуд Таун», чтобы купить продукты, в том числе стейк, которым планирует насладиться на прощание в пятницу вечером. Он недолго ходит по магазину, но когда возвращается к своему грузовику, обнаруживает два спущенных колеса.

«По крайней мере, не проколоты», – думает Дэнни. Наверное, у того, кто это сделал, не оказалось с собой ножа. Дэнни звонит Джесси, потому что его номер записан в телефоне, и Дэнни больше не к кому обратиться за помощью. Джесси говорит, что его отец, уйдя из семьи, оставил много разных вещей, включая насос «Хаусбелл».

– Буду через двадцать минут, – отвечает Джесси.

Дэнни ждёт у своего грузовика, попутно ловя на себе косые взгляды. Джесси приезжает на своём потрёпанном «Каприсе», и вскоре задние колёса «Тундры» снова в порядке. Дэнни благодарит Джесси, чувствуя, что вот-вот заплачет.

– Без проблем, – отвечает Джесси, протягивая руку. – Послушайте, я хочу сказать ещё раз. Я знаю, что вы не убивали ту девушку.

– И за это тоже спасибо. Как тебе лесопилка? Я проезжал мимо и видел тебя там.

Джесси пожимает плечами.

– Деньги платят. А как у вас дела, Дэнни?

– В этот уикенд уезжаю из города. Думаю для начала податься в Нидерланд. Буду жить в палатке, снаряжение у меня есть, и поищу работу. А заодно и жильё.

Джесси вздыхает.

– Наверное, так будет лучше, учитывая ситуацию. Напишите, когда где-нибудь устроитесь. – В лице Джесси видна подростковая застенчивость. – И будьте на связи.

– Обещаю, – отвечает Дэнни. – Береги пальцы на лесопилке.

Джесси улыбается.

– То же самое мне сказала мама. Говорит, что теперь я мужчина в доме.

В четверг утром большая часть вещей упакована и готова к вывозу, отчего трейлер кажется опустевшим. Дэнни пьёт кофе, когда ему звонит Эдгар Болл.

– У меня плохая новость, хорошая и очень хорошая. По крайней мере, я так думаю. С какой начать?

Дэнни со стуком ставит чашку.

– Они поймали его? Того, кто убил девушку?

– Боюсь, новости не настолько хорошие, – отвечает Болл. – Плохая новость заключается в том, что вы теперь не только в «Плейнс Трут». Это и «Телескоп», и «Уичита Иглс», «Канзас Сити Стар» и «Оклахомэн». Везде напечатана ваша фотография.

– Дерьмо, – произносит Дэнни.

– Хорошая новость в том, что они достали ваш снимок десятилетней давности. На нём у вас волосы до плеч и байкерские усы. Похоже, что вы стоите перед баром, но я могу только догадываться по тому, что у вас в каждой руке по бутылке пива.

– Наверное, это «Голден Роуп» в Кингмэне. До женитьбы на Марджи, я часто туда заходил. По-моему, тот бар сгорел.

– Ничего об этом не знаю, – весело говорит Болл, – но на фотографии вы совсем не похожи на себя нынешнего. А теперь вы готовы узнать самую приятную новость?

– Выкладывайте.

– Об этом рассказала моя знакомая, работающая секретарём в подразделении «Ф» дорожного патруля. В Кечи, рядом с Уичитой. Я даже встречался с ней, но это было в другой жизни. Она знает, что вы

наняли меня. И вот, вчера вечером она позвонила и сказала, что Фрэнк Джалберт уходит в отпуск. Ходят слухи, что он собирается на пенсию.

Лицо Дэнни расплывается в широкой улыбке. Первая настоящая улыбка с тех пор, как он проснулся после того поганого сна. Джалберт всегда маячил где-то на заднем плане. Даже общение со Стиви не способно было выгнать инспектора из головы Дэнни. Джалберт напоминает ему какое-то животное – может, росомаху? – которое якобы не разжимает челюсти даже после смерти.

– И правда хорошая новость.

– Не желаете ли отпраздновать это в «Дэбнис»? Позавтракать. За мой счёт.

«Дэбнис» находится за два города отсюда, и там должно быть достаточно безопасно, особенно учитывая, что фотография в газетах сделана в те дни, когда Дэнни подражал Дэйву Певеретту из группы «Foghat».

– Звучит неплохо. Возможно, я приду с другом. Парень, с которым я работал.

Но Джесси говорит, что не может, как бы ему ни хотелось. Он работает до восьми.

– А ещё мая мама сильно рассердилась из-за того, что я вчера поехал вам помогать. Я сказал ей, что вы не делали того, о чём все говорят. Она ответила, что это неважно, так как я чернокожий подросток, а вы... в общем, вы сами понимаете.

– Белый мужчина, обвиняемый в убийстве, – говорит Дэнни. – Я понимаю.

– Ну, да. Но я бы всё равно приехал, если б не работа.

– Я ценю это, Джесси, но твоя мама, наверное, права.

Дэнни отправляется в «Дэбнис». Болл уже там. Они заказывают большие завтраки и съедают всё до последнего кусочка. Дэнни предлагает разделить счёт пополам, но Болл и слышать об этом не хочет. Он спрашивает Дэнни, что тот собирается делать дальше. Дэнни рассказывает ему о своём плане поехать в Колорадо, поближе к брату, который страдает аутизмом, но имеет особенный дар. Психолог, обследовавший его в подростковом возрасте, назвал этот дар «комплексным распознаванием». Попросту говоря, он видит где что находится. Какое-то время они обсуждают эту тему.

– У меня есть одна мысль, – говорит Болл, когда они с Дэнни выходят из ресторана. – Я размышлял над этим с нашей первой встречи с этим негодяем Джалбертом, но потом прочитал комментарии в «Игл» и «Телескоп» и подумал, что, возможно, моя идея сработает.

– Я понятия не имею, о чём вы говорите. Что за комментарии?

– Полагаю, вы их не читаете. В прежние дни они были чем-то вроде читательских писем редактору. А сейчас, прочитав статью в интернете, вы можете прокомментировать её. И там есть много комментариев о вас.

– Вздёрнуть его побыстрее и повыше, – говорит Дэнни.

– Конечно, не без этого, но вы удивитесь, узнав, сколько людей верят в ваш сон о местонахождении тела. У каждого из них найдётся история о том, как бабушка знала о взрыве газа и вывела всех из дома; или о том, как они взяли билеты на следующий рейс, предчувствуя, что самолёт разобьётся...

– Это вещие сны, – говорит Дэнни. Он кое-что разузнал на эту тему.
– Не то же самое.

– Да, но попадаются также комментарии от людей, которым приснилось потерянное кольцо или потерявшаяся собака. А в одном случае – пропавший ребёнок. Та женщина утверждала, что ей приснилось, как соседский мальчик упал в старый колодец, там его и нашли. Вы не один такой, Дэнни. И людям нравятся подобные вещи, потому что они создают у них представление, что этот мир нечто большее, чем мы думаем. – Болл делает паузу. – Конечно, есть и такие, кто думают, что от вашей истории брехнёй тянет за версту.

От этих слов Дэнни смеётся.

Возле его грузовика Болл говорит:

– Ладно, вот что я думаю. Возможно, на этом можно даже подзаработать, но не это главное. Главное – дать им отпор.

– Вы говорите... о судебном иске?

– Именно. За причинение беспокойства. Кто-то бросил кирпич в ваш трейлер, верно?

– Верно...

– Собачье дерьмо в почтовом ящике, спущенные колёса...

– Не слишком-то убедительно, – говорит Дэнни. – И я думаю, копы защищены от такого рода нападков. Джалберт, конечно, может уйти в

отставку, но за меня он взялся, будучи полицейским с хорошей репутацией.

– Ага, но он подбросил вам наркотики, – говорит Болл, – и если мы сможем затащить полицейского, который вас изводит, в суд, под присягу... мы можем обсудить это в вашем трейлере? Если только у вас не осталось каких-нибудь важных дел.

– Не особо, – признаётся Дэнни. – Конечно, мы вполне можем всё обсудить.

Дэнни едет в Оук-Гроув, Болл следует за ним на своей «Хонде». Подъезжая к дому, Дэнни видит, что кто-то сидит на бетонных ступеньках его трейлера, опустив голову и свесив руки между колен. Выйдя из грузовика, Дэнни закрывает дверь и на мгновение застывает на месте, поражённый чувством дежавю. Буквально ошеломлённый. На молодом человеке школьная куртка – где-то он уже видел такую картину. Болл останавливается позади грузовика Дэнни. Парень встаёт и поднимает голову. И тут Дэнни узнаёт его. Это тот самый парень с фотографии в газете, который стоял перед катафалком позади своих убитых горем родителей.

– Ублюдок, ты убил мою сестру, – произносит парень. Он засовывает руку в правый карман куртки и достаёт револьвер.

Где-то позади Дэнни Болл глушит свою «Хонду Голд Уинг» и спешивается, но это происходит словно в другой вселенной.

– погоди, сынок. Я не...

Только это и успевает сказать Дэнни, прежде чем парень стреляет. Дэнни чувствует удар в живот. Он отступает на шаг назад, и тут возникает боль, похожая на сильнейшее расстройство желудка, которое у Дэнни когда-то приключилось. Боль поднимается к горлу и опускается к бёдрам. Он с трудом нащупывает за спиной дверную ручку своей «Тундры». Его ноги подкашиваются. Дэнни велит им держаться. По животу разливается тепло. Рубашка и джинсы краснеют.

– Эй! – кричит Болл из другой вселенной. – У него *оружие!*

«*В натуре?*», – думает Дэнни. Водительская дверь «Тундры» распахивается под его весом. Дэнни не падает только потому, что по дороге домой опустил стекло. Утренний воздух казался таким прохладным и свежим. Дэнни цепляется локтем за окно, обхватывает дверь и

разворачивается, как стриптизёрша на шесте. Парень снова стреляет, и пуля с глухим хлопком попадает в дверь под открытым окном.

– *Оружие! ОРУЖИЕ!* – надрывается Болл.

Следующая пуля попадает в открытое окно, со свистом пролетев мимо правого уха Дэнни. Он видит, что по щекам парня текут слёзы. Он видит Алтею Дамфрис, стоящую на крыльце своего трейлера – самого богатого в парке, думает Дэнни; удивительно, какие мысли приходят в голову, когда в тебя стреляют. Кажется, она держит в руках надкусанный тост.

Дэнни опускается на колени. Боль в животе становится невыносимой. Он слышит, как ещё одна пуля попадает в открытую дверь «Тундры». Затем Дэнни растягивается на земле. Он видит ноги парня. На нём кроссовки «Конверс». Он видит брошенный парнем револьвер, упавший на землю. Болл продолжает вопить. *«Болл на крик изошёл»*, – думает Дэнни, и затем мир погружается во тьму.

54

Дэнни приходит в себя на носилках. Эдгар Болл возбуждённо смотрит на него сверху вниз. Его щёки и лоб измазаны грязью. Он бормочет, возможно, что-то вроде «держись, старина», а потом носилки обо что-то ударяются, и боль становится всеобъемлющей и всепоглощающей. Дэнни пытается закричать, но может только стонать. На мгновение он видит небо, затем крышу и думает: *«Наверное, скорая помощь. Неужели она добралась сюда так быстро или я так долго пробыл без сознания?»*

Кто-то говорит:

– Сейчас будет маленький укол и вам станет легче.

Дэнни чувствует укол. Затем наступает тьма.

55

Когда сознание возвращается, Дэнни видит над собой проносящиеся огни. Это похоже на сцену из фильма. По громкоговорителю вызывают доктора Бродера. «Доктор Бродер, срочный случай», – говорит голос. Дэнни пытается ответить, пытается сказать «это что, хороший

доктор из сериала?»), просто в шутку, он знает, что это не так, но из-под маски на его лице вырывается лишь несколько невнятных звуков. С грохотом распахиваются двери. Свет здесь более яркий, а стены облицованы зелёной плиткой. Дэнни предполагает, что это операционная, он хочет сказать, что у него нет денег на операцию, так как он потерял работу. Его переключают сильные руки – Господи, как же больно!

Дэнни чувствует укол. Наступает тьма.

56

Теперь он в постели. Должно быть, это больничная койка. Здесь светло, но не так ослепительно ярко «сейчас мы будем вас резать», как в зелёном помещении. Нет, свет тут дневной. У кровати сидит бывшая жена Дэнни, Марджи. Она одета как на парад, и Дэнни знает, что если она так нарядилась, значит он, скорее всего, умрёт. Его живот туго стянут. Тугой как доска. Наверное, из-за бинтов, а на крючке висит капельница, и Дэнни думает: *«Если мне что-то вливают, может, я и не умру»*. Марджи спрашивает:

– Как ты себя чувствуешь, Данно. – Как в старые добрые времена, когда они ещё жили вместе. Как в сериале: «Арестуй его, Данно». Дэнни пытается ответить, но не может.

Снова темнота.

57

Дэнни открывает глаза и видит, что у его кровати сидит Эдгар Болл. У него чистое лицо, значит, он успел умыться. Сколько времени прошло? Дэнни понятия не имеет.

– На волосок от смерти, но вы поправитесь, – говорит Болл, и Дэнни думает: «Все они так говорят». Но, может быть, это правда.

– Хорошо, что вы спрятались за дверью грузовика. Будь калибр побольше, пули бы прошли навывлет. Но отстрелял из 32-го.

– Парень, – говорит Дэнни.

– Альберт Уикер, – отвечает Болл. – Брат Ивонн Уикер.

– Я так и знал, – пытается сказать Дэнни.

– Он выстрелил три или четыре раза, бросил оружие и прошёл мимо меня. Сел на бордюр и стал ждать полицию. В кино я бы набросился на него, но на самом деле после первого выстрела я упал лицом вниз рядом со своим мотоциклом. Извините.

– Порядок, – говорит Дэнни. – Всё... в порядке.

– И на том спасибо. Теперь у нас есть *реальный* иск, Дэнни. Как только вам станет лучше.

Дэнни пытается улыбнуться. Затем закрывает глаза.

Темнота.

58

Это Джесси? Или ему приснилось? Врачи дают Дэнни кучу сильнодействующих препаратов, так что он не до конца уверен. Но уверен (почти) в том, что видит темнокожую руку поверх своей.

59

В следующий раз, когда Дэнни просыпается, перед ним предстаёт Элла Дэвис. Он чувствует себя чуточку лучше, а она выглядит чуточку моложе в линялых джинсах и футболке с глубоким вырезом. У неё распущены волосы. И она улыбается.

– Дэнни? Вы проснулись?

– Да. – Едва слышный хрип. – Воды. Здесь есть...

Дэвис протягивает Дэнни стакан с торчащей из него соломинкой. Он пьёт, и это просто рай для его горла.

– Дэнни, мы взяли его.

– Того парня? – Его голос звучит немного увереннее. – Думаю, Эдгар всё рассказал полиции...

– Не парня, а его. Человека, убившего Ивонн Уикер. Он... вы улавливаете суть? Понимаете, что я вам говорю?

– Да. – Чувствует ли Дэнни облегчение? Чувствует ли себя оправданным? Он не может сказать. Он даже не осознаёт, насколько сильно ранен и сможет ли когда-нибудь оправиться от этого. Что если ему придётся провести остаток жизни, испражняясь в пакет?

– Он признался, Дэнни. Признался в убийстве Уикер и двух других. Полиция в Иллинойсе и Миссури ищет тела.

– Хорошо, – произносит Дэнни. Он очень устал. Он хочет, чтобы Дэвис ушла.

– Я ходила на мессу, молилась за вас.

– Это помогает, если вы верите, – говорит Дэнни.

Он чувствует, как Элла берёт его за руку, ощущает прохладу её кожи. Он думает, не сказать ли, что он не винит её, но сама мысль об обвинении кажется сейчас бессмысленной. Дэнни отворачивает голову. Погружается в сон.

Снова тьма.

60

На третий день Дэнни испытывает сильную боль, но возвращается в этот мир. Он понимает, что находится в Региональной больнице в Грейт-Бенде, где пробудет не меньше недели, а, может, дней десять. Пуля прошла ему живот. Его спасли и подлатали, но Бродер, его лечащий врач, говорит, что если Дэнни попытается встать, даже в туалет, у него может разойтись шов.

– Скажите спасибо, что пуля была не с мягким наконечником и не более крупного калибра. Какое-то время вам придётся питаться лёгкой пищей. Надеюсь, вы любите яичницу и йогурт.

Постельный режим подразумевает использование «утки», но унижительность ситуации смягчается тем, что Дэнни избавлен от катетера и калоприёмника. Он узнал, что Марджи разрешили навестить его раньше всех – она назвалась его женой, что не являлось правдой. Эдгару Боллу разрешили прийти, так как он представился адвокатом Дэнни, и это являлось правдой. Эллу Дэвис тоже пустили, потому что она офицер КБР и принесла для Дэнни хорошие новости, очень хорошие. А что же Джесси? Возможно, то была галлюцинация, вызванная лекарственными препаратами, но Дэнни так не думает. Он считает, что Джесси каким-то образом проскользнул к нему в палату и взял его за руку. Когда-нибудь Дэнни спросит его об этом.

Стиви не знает о случившемся, и это хорошо. Он бы расстроился. Когда-нибудь Дэнни расскажет ему, но не сейчас.

Ближе к вечеру четвёртого дня пребывания в больнице Дэнни разрешают сесть у окна, до которого приходится сделать два шага с помощью двух санитаров. Пока он сидит, подставив лицо солнечным лучам, к нему снова приходит Эдгар Болл. Он садится на койку и спрашивает Дэнни о самочувствии.

– Неплохо. «Колёса» тут отменные.

– Что вы хотите знать?

– Всё.

– Трудно будет успеть за двадцать минут – столько они мне выделили. Потом они хотят уложить вас в постель и оросить. – Болл морщится. – Даже боюсь представить, что это такое.

– Дэвис сказала, что они поймали человека, убившего Ивонн Уикер, но я отключился до того, как она успела сообщить подробности. Начнём с этого.

– Его зовут Эндрю Айверсон, без постоянного места жительства. Кочующий «муж на час». Он направлялся на запад в маленьком синем грузовике с надписью «ЭНДИ А., РЕМОНТ ВОДОПРОВОДНЫХ И ОТОПИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ». Попал на камеру видеонаблюдения как в Арканзас-Сити, где в последний раз ночевала Уикер, так и у «Гас-н-Гоу», где её видели в последний раз. Он также есть на видеозаписи из Грейт-Бенда, Маниту и Кокер-Сити.

– Кокер ведь находится недалеко от Дарта?

– Да. Когда он проезжал там, тело Уикер, вероятно, лежало в кузове его машины. Он искал уединённое место, чтобы закопать её.

– И нашёл.

– Фото Айверсона самое место в энциклопедии рядом с определением серийного убийцы. Он разъезжает по стране, где-то ненадолго останавливается, выполняет работы – оплата только наличными, потому что, как он сказал полиции, наличка не оставляет следов.

– Вы узнали это от Дэвис?

– Да. У нас был долгий разговор. Она ужасно себя чувствует из-за всей этой передраги.

«И не только она», – думает Дэнни.

– Айверсон убил девушку в Иллинойсе и ещё одну в Миссури. Закопал их в сельской местности. Одну полицейские нашли и продол-

жают искать вторую. Он подобрал четвертую девушку в Вайоминге, недалеко от городка Глен-Рок. Затем остановился на какой-то просёлочной дороге и попытался изнасиловать её. У девушки в ботинке был спрятан нож. Пока он снимал штаны, она нанесла ему четыре удара ножом.

– Рад за неё, – говорит Дэнни. Он вспоминает собаку, которая грызла руку Ивонн Уикер. – Чертовски рад.

– Дэвис говорит, что девушка оказалась не робкого десятка. Она вытолкала Айверсона из машины, поехала в сторону Каспера, пока её мобильник не поймал сигнал, и вызвала полицию. На месте происшествия его не оказалось, но они отследили его по кровавому следу до ближайшего амбара. Айверсон лежал в стойле для лошадей, потеряв сознание от потери крови. Дэвис говорит, что он поправится.

– Он признался? Она сказала, что он признался. Если только мне это не приснилось.

– Не приснилось. Ранения причиняют боль, вам ли не знать. В вас попала одна пуля. Айверсон получил четыре ножевых ранения: в щёку, в плечо, в бок и в ногу. Он хотел обезболивающие, а полиция хотела получить информацию. Все получили, что хотели.

– Это всё вам рассказала Дэвис?

– Да, и велела передать вам. Думаю, она боится снова встречаться с вами.

– Я её понимаю, но всё-таки она выполнила свою работу.

– Выступила против Джалберта, если вы это имеете в виду, но об этом в другой раз. Мои двадцать минут почти истекли. Вы помните тот браслет на руке Уикер?

Дэнни помнит. Он видел его дважды, один раз во сне, а другой – в реальности.

– У Айверсона нашли две подвески с этого браслета и не только. У него сохранились вещи с двух других убийств.

– Где сейчас парень, который стрелял в меня?

– Альберт Уикер в мотеле в Маниту вместе со своими родителями. Он внёс залог. Точнее, это сделали его родители. Я знаком с его адвокатом. Он говорит, что Уикеры заложили свой дом.

Дэнни задумывается. Дочь мертва, сыну предъявлено обвинение в покушении на убийство, родителям, вероятно, грозит банкротство.

«А я лежу в больнице с дырой в животе», – думает Дэнни. Бродячий сантехник наделал кучу бед, только усиливших боль вокруг девушки, которую Джалберт упорно называл «бедной мисс Ивонн». Жаль, что последняя жертва не отрезала Айверсону яйца, думает Дэнни.

– Я не хочу выдвигать обвинения, – говорит Дэнни.

Эдгар Болл улыбается.

– Удивлён ли я? Нет. Но это зависит не только от вас. Уикеру придётся отсидеть какое-то время, но при смягчающих обстоятельствах, возможно, не так уж долго.

В дверь просовывает голову медсестра.

– Сэр, мой хороший друг Дэнни нуждается в отдыхе. К тому же, ему нужно провести кое-какую процедуру, и вряд ли она вам понравится.

– Орошение, – угрюмо произносит Дэнни. – В телефильмах с подстреленными так не обращаются.

– Ещё пять минут, – говорит Болл. – Прошу вас.

– Только три, – говорит медсестра и уходит.

– Я встречался с Доном Тишманом, формально отвечающим за расследование КБР. Я изложил ему факты, касающиеся Джалберта, но подумал, что будет разумно не называть имя патрульного, который остановил вас и пытался найти наркотики.

– Для провинциального юриста, специализирующегося на сделках с недвижимостью, у вас полно забот.

Дэнни говорит это в шутку, но Болл краснеет и опускает взгляд на свои руки.

– Мне следовало наброситься на того парня. И я мог бы – он полностью сосредоточился на вас. Но вместо этого я упал лицом в грязь.

Дэнни повторяет, что реальность отличается от телевизора.

Болл поднимает глаза.

– Ясно, но мне от этого не легче. Ни один мужчина не хочет, чтобы его считали трусом, особенно если он ездит на крутом мотоцикле.

– Я бы не назвал «Хонду Голд Уинг» крутым, Эдгар. Вот «Харлей Софтэйл» – это круто.

– Как бы то ни было, мы достигли соглашения. Мне так кажется. Предстоит проработать ещё несколько нюансов, но... да, всё обстоит неплохо. В обмен на молчание о Джалберте – который действительно

подал в отставку – Подсолнечный штат оплатит все медицинские счета, после чего у вас на руках останется некоторая сумма. Не огромная, но приличная. Пятизначная. Таким образом, вы сможете обустроиться в Колорадо, если всё же решите уехать.

На этот раз медсестра не просто заглядывает в палату. Она указывает на Болла.

– Не прошу. Требую.

– Ухожу, – отвечает Болл, поднимаясь. – Знаете, вы можете вернуться к своей прежней работе. Как только встанете на ноги.

– Приятно слышать, – говорит Дэнни.

Он не намерен оставаться. Кто-то бросил кирпич в его трейлер. Кто-то подбросил дерьмо в его почтовый ящик. Билл Дамфрис от имени добрых жителей Оук-Гроув по сути посоветовал ему убраться подальше. Всё это перекрывает лишь образ Дарлы-Джин, сидящей на земле рядом с кукольным домиком и заливающейся слезами. Но Дэнни не думает, что это способно склонить чашу весов. В Колорадо у него живёт брат, и если от пулевого ранения есть хоть какая-то польза, так это осознание того, как мало времени мы проводим со своими близкими.

– И всё это из-за сна, – с горечью произносит Дэнни. – Он даже не помог поймать того человека.

– Но вспомните, какое вам выдалось приключение.

Дэнни показывает Боллу средний палец.

– На этом и закончим, – говорит Болл и уходит.

61

Пока Альберт Уикер проводит свой первый день в тюрьме округа Уайлдер, с трудом осознавая, что он натворил – последние несколько дней как в тумане, а нынешнее утро вообще будто стёрлось из памяти – Фрэнклин Джалберт сидит в обеденной комнате в халате, собирая пазл из тысячи деталей.

Рисунок пазла представляет собой коллаж из киношных постеров, все сплошная классика: «Касабланка», «Эта замечательная жизнь», «Челюсти» и другие, всего две дюжины. Джалберт внимательно считает сколько деталей он вставил. После 10 он делает один

шаг (на месте, будто марширует). После 20 делает два шага, один в сторону от стула и один обратно. Уложены почти 800 деталей, когда звонит телефон Джалберта. На экране высвечивается имя: Х. Аллард. Это его друг, Хэнк Аллард, капитан канзасского дорожного патруля. Фрэнк разрывается между ответом и следующей чередой шагов, от одного до восьмидесяти включительно.

Он выбирает шаги. 3240 – довольно много! Джалберт начинает с 80 и считает в обратном порядке. Он шагает на задний двор своего ранчо и обратно. Он замечает, что уже протоптал тропинку в траве. Затем осознает, что с тех пор, как ему не удалось арестовать Дэнни Кхефлина, процесс подсчёта шагов – и прохода по стульям – стал всё больше выходить из-под контроля. Дэвис назвала это арифмоманией. Вышагивая в соответствии с паззлом, Джалберт часто думает, что похож на хомячка, который бежит в колесе, вперёд и вперёд, гадит на бегу и никак не может никуда добежать. Но это нормально. Чего Дэвис не может понять, так это того, что маленькое помешательство удерживает его от более серьёзного безумия – мыслей о будущем, из которого вычеркнута его работа. Сколько паззлов ему придётся сложить, прежде чем он осознает бессмысленность своей дальнейшей жизни и засунет себе в рот ствол табельного оружия? Бах, и всё кончено. Видит Бог, он будет не первым. Видит Бог, он думал об этом. И продолжает думать.

Досчитав до пяти, Джалберт подходит к крыльцу. Досчитав до нуля – он уже на кухне. Пора добавить ещё 10 деталей. Тогда он сможет начать обратный отсчёт с 81. Возможно, сначала нечётные числа, а потом чётные. После этого можно будет пообедать и вздремнуть. Джалберт любит вздремнуть. Такое приятное забытье!

Его мобильник лежит рядом с почти законченным паззлом (сейчас Фрэнк собирает «Десять заповедей», фильм, который определён не считает классикой). Хэнк Аллард оставил голосовое сообщение, и голос у него взволнованный.

– Позвони, у меня есть новости. Тебе будет интересно услышать.

Джалберт не представляет, какие новости он бы хотел услышать, но всё-таки перезванивает. Аллард отвечает после первого гудка и не теряя времени, говорит:

– В твоего Кхефлина стреляли.

– *Что?* – Джалберт вскакивает, задевая стол, отчего почти готовый пазл скатывается к самому краю. Несколько деталей падают на пол. Аллард смеётся.

– Брат Уикер подстрелил ублюдка. Ты искал правосудия? Вот и оно, на блюдечке.

– Он мёртв?

– Можно на это надеяться. Патрульный, первый прибывший на место происшествия, сказал, что в грузовике этой твари несколько пулевых отверстий и вокруг полно крови. Его отвезли на скорой в Региональную больницу, а не в это подобие лечебницы в Маниту, так что ранение серьёзное. Может, он умер по дороге.

Джалберт потрясает кулаком в воздухе, думая: «Возмездие, сладкое возмездие».

– Бог сделал то, чего я не смог. – Голос Джалберта слегка дрожит.

– Не могу не согласиться, – говорит Аллард.

– Держи меня в курсе. Как ты знаешь, я не у дел.

– И это ещё одна поганая несправедливость в этом поганом мире, – говорит Аллард. – Буду на связи.

В тот вечер Джалберт отправляется в «Буллвинклз» и впервые за двадцать лет напивается. Он не считает шаги, от чего ему только легче. Считать шаги и прыгать по стульям – изматывающая работа. Так много чисел, которые нужно держать в голове, так легко сбиться со счёта. Джалберт полагает, что никто ему не поверит, но это правда. Если сбиться со счёта, приходится начинать сначала.

Когда Джалберт пьёт второй стакан виски с содовой, снова звонит Аллард. Фрэнку приходится перекрикивать рёв телевизора, музыкального автомата и кучки студентов из Канзасского университета.

– *Он умер?*

– Нет! В тяжёлом состоянии! Ранен в живот!

Сначала Джалберт чувствует разочарование, затем радость. Разве это не лучше, чем тюрьма, где Кхефлин получал бы трёхразовое питание, телевизор в камере и прогулки во дворе? Пуля в живот – это больно. Джалберт слышал, что боль невыносима, и это такое ранение, от которого Кхефлин – в зависимости от калибра пули – возможно, никогда не оправится.

– Может, так даже лучше! – кричит Джалберт.

– Я знаю, к чему ты клонишь, дружище, – говорит Аллард. – И судя по шуму, знаю, где ты находишься. Возьми одну выпивку за меня.

– Возьму две, – со смехом отвечает Джалберт. Первый настоящий смех за долгое время, и похмелье, с которым он просыпается на следующий день, кажется вполне оправданным. Он совершает долгую прогулку, не считая шаги, просто надеясь – почти молясь, – что Кхефлин выживет, но подхватит серьёзную инфекцию. Возможно, ему придётся удалить желудок. Можно ли жить после такого? Придётся ли питаться через трубочку? Если так, то не станет ли это ещё большим наказанием?

Джалберт считает – да.

К полудню похмелье проходит. Он плотно обедает и даже не думает возвратиться к паззлу. Он раздумывает, не послать ли Кхефлину цветы (с открыткой «*Выздоровливай медленнее*»), когда звонит его телефон. Это его бывшая напарница.

– Фрэнк, у меня потрясающие новости.

– Я уже знаю. Наш любимчик Кхефлин получил пулю в живот. Он в больни...

– Его поймали!

Джалберт мотает головой, не совсем понимая Дэвис.

– Ты имеешь в виду брата Ивонн Уикер, или ты раскопала что-то о Кхефлине? Ты об этом? Да? – Он может только надеяться. Пулевое ранение, а затем тюрьма – как это было бы прекрас...

– Человека, убившего Уикер! Его поймали в Айове! Его зовут Эндрю Айверсон!

Джалберт хмурится. У него снова начинает болеть голова.

– Я не понимаю, о чём ты говорить. *Кхефлин* убил бедную мисс...

– Айверсон пытался убить ещё одну девушку! Она ударила его ножом и сбежала! – Дэвис рассказывает всю историю, приберегая лучшую часть напоследок: две подвески с браслета Ивонн Уикер, найденные у Айверсона.

– Мы понапрасну преследовали невинного человека, – заканчивает Дэвис. – Потому что не могли ему поверить.

Джалберт выпрямляется. Его голова разболелась как никогда. Нужно что-то с этим сделать. Принять аспирин. Затем пройтись по стульям.

– Мы не *преследовали* его, Элла. Мы вели *расследование*. Исходя из того, что нам было известно, мы имели полное право. Это наша обязанность.

– Прекрати говорить «мы», Фрэнк. – Теперь в голосе Дэвис звучит нетерпение. – Я не сообщала имя Кхефлина бесплатной газете и не подбрасывала наркотики в его грузовик. Ты всё это проделал. И стреляли в него не из-за меня.

– У тебя путаются мысли.

– Речь о тебе, а не обо мне. Я сказала Кхефлину, что ходила на мессу и молилась за него. Знаешь, что он ответил? «Это помогает, если вы верите». И я буду иметь это в виду на будущее.

– Тогда тебе лучше уйти из полиции и устроиться... жрицей вуду или кем-то в этом роде.

– Фрэнк, ты не чувствуешь ни малейшей вины?

– Нет. Я отключаюсь, Элла. Не звони мне больше.

Джалберт заканчивает разговор. Пробегается по стульям. Складывает десять деталей паззла, затем считает шаги на заднем дворе: от 81 до 1. Итого: 3321. Хорошее число, но головная боль никуда не делась.

62

После визита Эдгара Болла Дэнни ужинает зелёной жижей, по виду похожей на сопли, а по вкусу на овощной сок «V8». Но, в отличие от «V8», у жижи противный вкус. Тем не менее он всё съедает, потому что по-настоящему голоден с тех пор, как впервые очнулся в больнице. По правде говоря, впервые после поездки в Ганнел в округе Дарт. Теперь всё изменилось. Дэнни чувствует себя спасённым.

В девять часов приходит медсестра с парой обезболивающих таблеток. Дэнни говорит ей, что обойдётся без них, по крайней мере, сейчас. Она удивлённо спрашивает:

– Серьёзно? И вы сможете заснуть?

– Думаю, да. Оставьте их на столике, на всякий случай.

Что она и делает, затем проверяет повязки и желает Дэнни спокойной ночи. Дэнни желает ей того же. У него болит живот, но боль терпимая, если не делать резких движений. Он берёт пульт от телеви-

зора, щёлкает каналы, затем выключает. Дэнни вспоминает слова Эдгара Болла: «Вы можете вернуться к своей прежней работе, если захотите». На самом деле от подобной мысли у него щемит в груди. В Маниту есть люди, которые всегда будут верить, что Дэнни в чём-то да виновен. Сплетни – как радиоактивные отходы. У них долгий и ядовитый период полураспада.

Стиви отправил Дэнни электронное письмо с несколькими вариантами съёмного жилья в Нидерлэнде и Лонгмонте. Неделю назад Дэнни бы не смог себе этого позволить, но если Эдгар прав насчёт денег...

Дэнни продолжает размышлять, когда проваливается в первый крепкий сон с тех пор, как ему приснилась заброшенная автозаправка.

И спит до 1:20 ночи, когда ему снится второй сон.

63

Если Джалберт не работает над каким-нибудь делом – а благодаря Элле Дэвис с этим покончено – он ложится спать в половине десятого. Согласно информации в интернете, это время считается самым благоприятным, но сегодня он не в состоянии уснуть.

Только сегодня? Если бы. С тех пор, как он узнал, что бродячего сантехника по имени Эндрю Айверсон арестовали за убийство Ивонн Уикер и двух других девушек, Джалберту удаётся только дремать урывками.

И кто тут главный плохиш? Фрэнк Джалберт! И кто тут главный неудачник? Фрэнк Джалберт!

Двадцать плодотворных лет, полдюжины благодарностей – всё это смыто в унитаз. Всё, чему он посвятил свою жизнь, кануло в Лету. Его имя поругано. Пока Дэнни спокойно спит в Грейт-Бенде, Джалберт не может сомкнуть глаз в Лоуренсе. Его разум обратился против самого себя, как шелудивый пёс, который до крови грызёт и кусает себя за бока.

Полтора часа ворочаясь в кровати с боку на бок, Джалберт откидывает одеяло и встаёт. Ему необходимо пройтись и необходимо заняться подсчётом. Если он этого не сделает, то сойдёт с ума. К нему возвращается мысль о том, чтобы засунуть себе в рот пистолет, и

мысль эта кажется привлекательной, но если он так поступит, Кхефлин одержит торжественную победу. А Элла! Она сказала: «Мы понапрасну преследовали невинного человека... потому что не могли ему поверить». Какая чушь – легко говорить задним числом. И что, им теперь – отбросить многолетнюю полицейскую работу, основанную на фактах, из-за того, что школьному уборщику приснился сон? Когда по всей Америке бушевал ковид, советовали следовать науке. Когда ты полицейский, ты следуешь логике. Разве это бессмысленно, или мир окончательно сошёл с ума?

– Элла верила, что Кхефлин убил девушку, – говорит Джалберт, выходя из дома в летнюю ночь. – Она верила так же, как и я.

Он идёт по Западной 6-ой улице в домашних тапках, мимо «Уолгринс» и «Хай-Ви», мимо «Диллонс» и «Старбакс». Проходит мимо «Сикс Майл Чоп Хаус» и жилого комплекса «Альвадора», где когда-то арестовал убийцу, в данный момент отбывающего срок в Эльдorado. Джалберт доходит до развязки на шоссе 40. Он считает шаги. Уже 154 – итого 11953 при последовательном сложении. Затем внезапно к нему приходит *логическое* озарение.

Сбежала ли девушка в Вайоминге от Эндрю Айверсона? Того самого с фургоном «Сантехника и отопление»?

Да. Джалберт с этим согласен.

Убил ли Эндрю Айверсон двух других девушек, одну в Иллинойсе, а другую в Миссури?

Он тоже с этим согласен.

Нашли ли у Эндрю Айверсона две подвески с браслета бедной мисс Ивонн?

Ладно, допустим. И, допустим, их оставил Дэнни Кхефлин.

Тогда всё обретает смысл, если отбросить ту паранормальную хрень. Элла может и верит в эту чушь, но Джалберт всегда отвергал и никогда не поверит. Он следует науке, следует логике.

Кхефлин и Айверсон знакомы. Джалберт уверен. Это логично. Джалберт также уверен, что для раскрытия этой связи никогда не будет проведена должная полицейская работа. Зачем какому-то следователю КБР утруждать себя, если и так всё решено? Если Дэнни Кхефлин, скорее всего, предстанет героем, который просто пытался выполнить свой гражданский долг? Герой-экстрасенс!

Единственный вопрос, который возникает у Джалберта, когда он стоит и смотрит на проезжающие по шоссе 40 машины: удерживал ли Айверсон бедную мисс Ивонн, пока Кхефлин насилывал её, или это Кхефлин держал её, пока Айверсон делал своё грязное дело.

Первый ли это в истории тандем убийц? Нет, конечно, нет. Были и другие. Иэн Брэйди и Майра Хиндли. Кеннет Бьянки и Анджело Буоно. Дик Хикок и Перри Смит – последние действовали здесь, в Канзасе.

По 6-ой улице проезжает машина, из которой доносится: «Эй, папаша, на тебе *пижааама!*»

Слышен удаляющийся смех. Джалберт этого не замечает. Он мысленно складывает части криминальной картины, как складывал детали киношного паззла, и все они идеально сочетаются.

Айверсон позвонил Кхефлину оттуда, где подобрал бедную мисс Ивонн – где-то неподалёку от «Гас-н-Гоу» – и спросил, не хочет ли тот немного повеселиться. И когда они закончили, Кхефлин снял пару подвесок с браслета бедной мисс Ивонн, сказав Айверсону... сказав ему...

– Вот, возьми их, – бормочет Джалберт. – Будет потом на что передёрнуть.

Никаких долбаных снов, только сухая логика.

Кхефлин подумал: «Я не только с удовольствием изнасилую и убью её, но и прославлюсь, став тем, кто найдёт её тело».

Это совершенно логично. *Пророчески* логично. Потому что Кхефлин прекрасно понимал, что его нелепый анонимный звонок отследят. Как можно было этого не понимать?

Джалберту приходит в голову – сейчас он возвращается домой, забыв о подсчёте, – что он может провести собственное расследование. Так сказать, немного копнуть. Выяснить, где пересекались Кхефлин и Айверсон. Возможно, вместе учились в школе. После этого прошерстить их электронную почту и сообщения. Убивал Айверсон, но Кхефлин, вероятно, тоже.

Вероятно? Скорее, *бесспорно*.

Но нужно признаться: у Джалберта нет ресурсов для проведения такого расследования, а если бы и были, он привлечёт к себе внимание, и они – КБР, газеты – прикроют его лавочку.

И что же остаётся? Где справедливость для бедной мисс Ивонн? Кто будет её заступником?

Ответ кажется Джалберту совершенно очевидным.

Ему самому придётся разобраться с Дэнни Кхефлином. Этой самой ночью. Завтра утром больницу, где сейчас пребывает Кхефлин, наводнят люди, но в ближайшие часы там будет тихо. Кхефлина никто не охраняет – с чего бы, если слепые идиоты из КБР думают, что убийца бедной мисс Ивонн прикован наручниками к больничной койке в Вайоминге? А Кхефлин – *герой-экстрасенс!*

Дома Джалберт надевает джинсы и свой чёрный рабочий пиджак. Пристёгивает к поясу значок, что формально запрещено законом, потому что он в отставке, но значок поможет ему попасть внутрь, если кто-то из ночной смены начнёт задавать вопросы.

И он берёт с собой табельное оружие.

64

В четверть третьего ночи санитар Региональной больницы Чарльз Бисон на третьем этаже играет во «Фрут Ниндзя» на своем телефоне.

– Чак? Чак!

Он оборачивается и с удивлением видит, что к нему, прихрамывая, приближается Дэнни Кхефлин. Из одежды на нём только больничная сорочка. Одна рука прижата к животу. По щекам Дэнни текут слёзы – слёзы боли, но также слёзы ужаса.

– Мистер Кхефлин, вам нельзя вставать с постели, пока ваш врач не разрешит...

– У меня сел мобильник, – говорит Дэнни. Голос у него хриплый, он тяжело дышит. – Мне нужна зарядка, очень вас прошу. Мне нужно сделать звонок.

Когда Дэнни засыпал, боль не была такой сильной, но проход по коридору разбудил её. Дэнни морщится и почти падает. Чак подхватывает его. Он несёт Дэнни на руках обратно в его палату. Как только Дэнни оказывается в постели, Чак протягивает ему мобильник.

– Вот, возьмите мой, если это так важно.

Дэнни мотает головой. Его волосы прилипли ко лбу. Щеки вспотели.

– Мне нужен мой список контактов. Даже двух процентов будет достаточно. Я должен ей позвонить.

Пока телефон Дэнни заряжается на сестринском посту, Джалберт мчится по 56-му шоссе, направляясь в Грейт-Бенд. По федеральной автостраде, конечно, быстрее, но на шоссе меньше шансов нарваться на дорожный патруль, а Джалберт несётся как на пожар. Согласно GPS, при соблюдении скоростного режима поездка из Лоуренса заняла бы около трёх часов, но, учитывая, что в ранний час шоссе почти пустынно, Джалберт выжимает 85 миль в час. Когда он выехал, была почти половина первого. Джалберт рассчитывает быть на месте самое позднее к трём часам ночи. 150 минут, что получается при последовательном сложении от 1 до 17. Конечно, остаётся тройка, но кто считает?

Во что бы то ни стало нужно свершить над Кхефлином правосудие, которого тот иначе избежит; ничто не должно встать у Джалберта на пути. Это будет его последней жертвой, ради спасения всех девушек и женщин, с которыми в противном случае Кхефлин может столкнуться.

В средней консоли автомобиля Фрэнка лежит одноразовый телефон, с которого он звонил Андерссону. Выйдя из дома в последний раз, он предварительно занёс в список контактов департамент полиции Грейт-Бенда. Джалберт делает звонок в 2:15 ночи, не отрывая взгляда от дороги. В этот раз у него нет устройства, изменяющего голос, поэтому, когда ему отвечает диспетчер: «Полиция Грейт-Бенда, чем я могу помочь?» – Джалберт просто повышает голос. Он надеется, что будет звучать, как подросток, но на самом деле это не имеет значения. Они и так отреагируют. Обязаны реагировать на подобные звонки.

– В средней школе готовится взрыв. Очень сильный. Это произойдёт примерно в то время, когда начнут пребывать дети. – И тут вдруг с языка Джалберта слетает: – Три.

– Сэр, откуда вы звон...

– Три бомбы, – говорит он, импровизируя на ходу. – Три. Они хотят разнести всю школу.

– Сэр...

Джалберт заканчивает звонок, затем на полном ходу выбрасывает мобильник из окна машины. Полиция может найти телефон, и если это случится, найдутся и его отпечатки пальцев, но не имеет значения. Назад дороги нет, и это не может не радовать.

65

Чак приносит Дэнни его телефон, заряженный на пять процентов. Должно хватить.

– Послушайте, Чак. Я хочу, чтобы вы позвали медсестёр – Карен и ту блондинку, не помню её имени, – и спустились на второй этаж.

– Что? Зачем?

– Просто доверьтесь мне. У нас не так много времени. – Дэнни бросает взгляд на часы на прикроватной тумбочке: 2:10. Чак стоит в дверях палаты, озадаченно глядя на Дэнни. – Идите. Это вопрос жизни и смерти. Я не шучу.

– Это ведь не реакция на обезболивающие?

«Вера, – думает Дэнни. – Это вопрос веры».

– Нет. Спускайтесь на второй этаж. Все вместе. Так или иначе, через час всё закончится. А пока идите. Там вы будете в безопасности.

Дэнни просматривает список контактов. На секунду ему с ужасом кажется, что имени и номера Дэвис там нет, что он только *собирался* внести их с визитной карточки и забыл об этом. Но номер Дэвис обнаруживается в списке контактов, и он звонит ей, молясь, чтобы её мобильник не оказался выключен.

Раздаётся четвёртый гудок, затем пятый. Когда Дэнни уже отчаивается, Дэвис отвечает. Её сонный голос звучит более человечно, чем когда-либо.

– Алё? Кто...

– Дэнни Кхефлин, – отвечает он. – Проснитесь, инспектор Дэвис. Выслушайте меня. Мне приснился ещё один сон. В этот раз вещий. Вы понимаете?

Секунда тишины. Отвечает Дэвис уже чуть бодрее.

– Вы имеете в виду...

– Он идёт за мной. Если ничего не изменится, в коридоре будет стрельба; думаю, возле сестринского поста. Раздастся крик – значит он

уже здесь. Одет так же, как во время нашей первой встречи в школе: чёрный пиджак, синие джинсы. Только в тот раз он был безоружен. А сейчас вооружён.

– Я вызову полицию, – говорит Дэвис, – но если это какой-то странный розыгрыш...

– Я похож на шутника? – Дэнни почти выкрикивает это. – Полиция не приедет, он отправил их по какому-то ложному следу. Не спрашивайте меня, откуда я знаю, во сне этого не было, но я...

– Он бы так и поступил, – говорит Дэвис. – Если и правда собирается прийти за вами... да, так бы он и поступил. – Теперь Дэвис, похоже, окончательно проснулась. – Я позвоню в полицию Данди и Пауни-Рок, затем приеду сама. Я у сестры, всего в шести милях от больницы.

Второй сон отпечатался в памяти Дэнни так же ясно, как и сон об Окружной дороге М, автозаправке «Тексако» и нескончаемом «бряк-бряк-бряк» табличек с ценами на бензин. Такой же реальный, как собака и торчащая из земли рука. На сестринском посту раздались – *раздадутся* – выстрелы с последующим одиночным криком. Крик мужской, вероятно, это санитар Чак. А затем мужчина в чёрном пиджаке и старомодных джинсах встал – *встанет* – в дверях палаты Дэнни. *Угрожающий* тёмный силуэт. С этой странной «паучьей жопкой» посреди белой кожи головы, с глубоко посаженными усталыми глазами.

«*За бедную мисс Ивонн*», – скажет он, поднимая пистолет. И в момент выстрела Дэнни поворачивает голову на подушке. Он смотрит на часы на прикроватном столике.

– Я велел санитару всех собрать и спуститься на второй этаж, но они не пошли. Я слышу их голоса в коридоре. Они мне не верят. Со всем как он. Совсем как вы.

Дэнни посмотрел на часы во сне; он смотрит на них сейчас.

– Забудьте о Данди и Пауни-Рок, инспектор. Они слишком далеко. Он начнёт стрелять за минуту до трёх ночи. У вас есть тридцать девять минут, чтобы что-то предпринять.

Реджина, сестра Эллы, спит одна в спальне. Её муж как обычно находится в деловой поездке. У Дэвис есть свои догадки по поводу

этих поездок, и ей кажется, что у Реджины тоже, но об этом в другой раз. Цифровые часы рядом с кроватью Реджины показывают 2:24.

– Редж! Реджи! Проснись!

Реджина шевелится и открывает глаза. Дэвис одета в джинсы, кроссовки без носков и футболку Канзасского университета, явно без лифчика. Но проснуться её заставляет вид оружия в кобуре на бедре сестры и висящее на шее удостоверение личности.

– Что...

– Мне нужно идти. Прямо сейчас. Я вернусь до пробуждения Лори.

– По крайней мере, Дэвис на это надеется. – Возникла проблема.

– Какая проблема?

– Я не могу объяснить, Редж. Надеюсь, ничего серьёзного. – Но Элле больше так не кажется. Она верит Кхефлину. Во всём. И может только надеяться, что ещё не слишком поздно. – Я позвоню, когда всё уладится.

Реджи продолжает задавать вопросы, когда её сестра уходит. Элла сбегает по лестнице, перепрыгивая через ступеньку, и хватается за ключи из корзинки у двери. Машина Дэвис стоит на подъездной дорожке перед домом, но, чёрт возьми, позади неё Реджина поставила свою. Дэвис едет вперёд, пока не срабатывает датчик столкновения, когда машина задевает бампером крыльцо. Затем она выкручивает руль и сдаёт назад, толкнув «Субару» Реджи с такой силой, что машина покачивается на рессорах. Выезжая задним ходом на дорогу, Дэвис едва не сбивает почтовый ящик. Она смотрит на часы на приборной панели: 2:28.

Улицы пустынные, и Дэвис игнорирует знаки «СТОП», притормаживая только чтобы проверить, не приближаются ли огни фар. Она выезжает на 7-ю улицу – большая ошибка. Там идёт ремонт, виднеется ряд сигнальных огней вокруг ямы на дороге. В ночи оранжевые огни кажутся размытыми. Дэвис заезжает на чью-то подъездную дорожку, разворачивается и едет по 8-ой улице, проклиная задержку. Она достаёт из кармана мобильник и, когда на перекрёстке Маккинли-Стрит светофор загорается красным, Дэвис просит Сири позвонить в полицию Грейт-Бенда.

Дэвис называет себя, сообщая диспетчеру, что к Региональной больнице направляется потенциальный стрелок, пришлите всех свободных офицеров. Диспетчер говорит, что ей некого послать. Кто-то позвонил и сообщил об угрозе взрыва бомбы в средней школе – даже *трёх* бомб – и несколько офицеров ночной смены отправились туда, чтобы перекрыть улицы, ведущие к зданию школы. Сапёры уже в пути из Уичиты.

– Нет никакой бомбы, – твердит Дэвис. – Этот человек хочет отвлечь ваших сотрудников, пока не закончит то, что собирается сделать.

– Мэм... инспектор... откуда вы это знаете?

Часы на приборной панели показывают 2:39. Элле приходит в голову, что недостаток веры – это проклятие разума. Она бросает телефон на пассажирское сиденье, и сворачивает на Маккинли. Дэвис жмёт педаль газа, затем обеими ногами выжимает тормоз, потому что какой-то ночной бродяга выталкивает на дорогу магазинную тележку. Дэвис обеими руками давит на клаксон. Мужчина лениво показывает ей средний палец, продолжая идти вперёд. Дэвис объезжает его и давит на газ, оставляя позади пятидесятифутовые следы от колёс на асфальте.

Вот, наконец, Кливленд-Стрит и здание больницы впереди. Красная вывеска «СКОРАЯ ПОМОЩЬ» служит Дэвис маяком. Сейчас 2:46. *«Опередила его, – думает Дэвис. – Если Дэнни не ошибся со временем, я опереди...»*

В зеркале заднего вида появляется красный внедорожник. Он равняется с Дэвис, едва не зацепив её машину, затем мчится вперёд. Дэвис лишь мельком успевает увидеть водителя, но этого достаточно. Эта пухлая «паучья жопка» всё ей говорит. Вспыхивают задние фары внедорожника, когда тот останавливается перед главным входом. Из машины выходит Джалберт в чёрном пиджаке и старомодных мешковатых джинсах. Несмотря на страх и ощущение, будто Дэвис видит свой собственный сон – не прошло и часа с тех пор, как её разбудил телефонный звонок, – у неё возникает чувство, что она стала свидетелем поразительного чуда. Потому что Дэнни оказался прав во всём, и теперь она знает, что он чувствовал на автозаправке «Тексако», когда его сон стал реальностью.

Дэвис не сбавляет скорость, а просто врывается сзади в машину Джалберта. Он разворачивается, выпучив глаза, и тянется за пистолетом. Элла правой рукой нажимает на клаксон – *просыпайтесь, люди, просыпайтесь* – и левой открывает дверь.

Выходя, она достаёт свой пистолет, надеясь на две вещи: что ей не придётся стрелять в своего бывшего напарника и что её бывший напарник не выстрелит в неё. У Дэвиса есть маленькая дочь, к которой она хочет вернуться.

– Фрэнк! Остановись! Не входи туда!

– Элла? Что ты здесь делаешь?

«Он выглядит таким измученным, – думает Элла. – Таким потеряннным». И таким опасным.

– Убери оружие, Фрэнк.

Из больницы начинают появляться люди. Медсёстры в розовых и голубых спецодеждах, пара санитаров в белом, врач в зелёном халате, пара пациентов из стационара, у одного из них рука не перевязи.

– Он лжёт, Элла. Ты что, не понимаешь этого?

Они целятся друг в друга из «Глоков», как пара стрелков из вестерна. На такой близкой дистанции пули 40-го калибра смертельны. Если начнётся стрельба, один из них или оба наверняка погибнут.

– Нет, Фрэнк. Они поймали преступника в Вайоминге. Его зовут Эндрю...

– Да, Айверсон. – Джалберт кивает. – В это я верю, но они были заодно. Разве ты не понимаешь? Мысли логически, Элла, это тандем убийц! Пораскинь мозгами. Как ты можешь верить в его рассказы? Ты слишком умна для этого! В десять раз умнее! В двадцать!

Из больницы выходит всё больше людей. Они толпятся на крыльце. Дэвис хочет крикнуть, чтобы они возвращались внутрь, но не смеет отвести взгляд от Джалберта. Теперь она слышит вой сирены. Он приближается, но слишком далеко, слишком.

– Фрэнк, как ты думаешь, почему я здесь? Как, по-твоему, я об этом узнала?

Впервые он кажется растерянным.

– Я... не знаю.

– Мне позвонил Дэнни. Он знал, что ты придёшь. Увидел это во сне.

– Какая глупость! Ложь! Байка для детей!

– Но я здесь. Как ещё ты можешь это объяснить?

Из отделения неотложной помощи вышла медсестра – крупная женщина в синем халате – и сейчас она подкрадывается к Джалберту со спины. Элла хочет предупредить её, что это плохая идея, худшая идея, но не решается. Джалберт подумает, что она пытается отвлечь его, и выстрелит.

– Я не могу, – говорит Джалберт. – Тебя не должно быть здесь. Думаю, тебя здесь и нет. Это галлюци...

Крупная женщина хватается за Джалберта, прижимая к себе. Она кажется фунтов на шестьдесят тяжелее его, но он молниеносно реагирует. Он наступает ей на ногу. Женщина вскрикивает, её хватка ослабевает. Джалберт высвобождает одну руку и ударяет её локтем в горло. Медсестра с кашлем отступает назад. Он поворачивается к ней лицом и спиной к Дэвис.

– *Фрэнк, брось оружие! БРОСЬ ЕГО, БРОСЬ, БРОСЬ!*

Он будто не слышит её. Медсестра сгибается пополам, хватаясь руками за горло. Джалберт поднимает пистолет. Он делает это очень медленно. У Эллы есть время вспомнить все мили, которые они проехали по дорогам Канзаса, все канзасские закусовые, которые они посещали. Подготовки к допросам. Посиделки на бесконечных брифингах. У Дэвис есть время, чтобы выстрелить, но она этого не делает. Не может. Она в состоянии только наблюдать, как Джалберт продолжает поднимать пистолет, но он не направляет оружие на медсестру. Он приставляет пистолет к своей голове.

– Фрэнк, нет. Прошу, нет.

– Я сделал всё это ради бедной мисс Ивонн, – говорит Джалберт. – Три, два, один. – И он нажимает на курок.

Проходит почти час, прежде чем Эллу наконец впускают в палату Дэнни Кхефлина. Снаружи перед дверью стоят двое полицейских. «Поздно запирать конюшню после кражи лошади», – думает Дэвис. В палате находятся санитар Чак и лечащий врач. Дэвис кажется, что именно его она видела на крыльце во время финальной схватки, но

она может ошибаться. Все они кажутся похожими в своей зелёной спецодежде. В своей больничной сорочке Дэнни выглядит так, будто похудел на сорок фунтов. Такой же изнеможённый, каким в конце был Джалберт, но в его лице видна ясность.

Элла без колебаний подходит к Дэнни и обнимает его.

– Мне жаль. Я так сожалею обо всём.

– Всё в порядке, – говорит Дэнни. Он гладит Дэвис по волосам. Ему кажется, что не стоит так делать, но почему бы нет.

Дэвис отстраняется от него.

– Мэм, – говорит врач, – этот человек достаточно пережил для одной ночи. Ему нужен покой.

– Я знаю. Уже ухожу. Но Дэнни... почему вам приснился этот сон? Почему? У вас есть хоть малейшее понятие?

Дэнни смеётся. И это грустный смех.

– Почему молния попадает в человека дважды?

Дэвис качает головой.

– Я не знаю.

– Я тоже. – Дэнни показывает пальцем на её шею. – Я вижу, вы носите крестик.

Дэвис дотрагивается до него.

– Всегда ношу.

– Конечно. Но верить трудно, согласны? – Дэнни ложится на подушку, закрывает глаза руками – будто хочет стереть оба мира, тот, что виден, и тот, что кроется за ним и так редко проявляет себя – и снова повторяет: – Верить трудно.

Дэнни опускает руки. Они молча смотрят друг на друга. Сказать больше нечего.

ФИНН

У Финна жизнь не заладилась с самого начала.²⁷ Он выскользнул из рук акушерки, которая до этого принимала роды у сотен младенцев, и издал свой первый крик, ударившись об пол. Когда ему было пять, в соседнем доме проходила вечеринка. Ему разрешили выйти послушать музыку (в переносных колонках на треногах гремел Шэйн Макгоуэн). Стояло лето и Финн был босиком. Какой-то отвязный тусовщик бросил «бомбочку», которая искрясь фитилём, описала в воздухе дугу и оторвала детский пальчик на левой ноге.

«Случай – один на миллион, – сказала бабушка Финна. И добавила: – Должно быть, палец понадобился Богу для какого-нибудь ангела».

Когда Финну исполнилось семь, он с сёстрами играл в парке Петтингилл, а их бабушка сидела рядом на скамейке, попеременно занимаясь вязанием и поиском слов в головоломке. Финна не интересовали качели, ни подвесные, ни в виде перекладины, и он был равнодушен к карусели. А нравилась ему «Спиралька», восхитительная извивающаяся конструкция из синего пластика двадцати футов в высоту. У неё имелась лесенка, но Финн предпочитал взбираться на четвереньках по самой горке – вверх и по кругу, вверх и по кругу. Наверху он садился и скользил вниз к утрамбованной земле. На «Спиральке» с ним никогда не случалось происшествий.

– Может, передохнёшь от этой штуки, а? – как-то раз спросила бабушка. – Только и делаешь, что катаешься на этой старой «Спиральке». Попробуй что-нибудь новенькое. Например, турник. Покажи мне, что ты умеешь.

Сёстры Финна, Коллин и Марси, как раз были на турнике, лазали и болтались, как... в общем, как обезьянки. Поэтому, чтобы порадовать бабушку, Финн залез на турник, повис вниз головой, сорвался и сломал руку.

Его учительница, прелестная мисс Моноган, любила заканчивать урок словами: «Итак, дети, чему мы сегодня научились?» В пункте неотложной помощи, когда Финну вправляли руку (выданный ему после

²⁷ Действие рассказа происходит в Ирландии. В рассказе присутствует обилие ирландских непередаваемых сленговых словечек, придающих колорит, к сожалению, теряемый в переводе.

этого леденец вряд ли мог компенсировать пережитую боль), он подумал: «Сегодня я научился одному: никогда не отходить от «Спиральки»».

В четырнадцать лет, когда Финн в грозу бежал домой после посиделок у своего друга Патрика, у него за спиной ударила молния, да так близко, что прожгла его куртку. Финн упал ничком, ударился головой о бордюры, получив сотрясение мозга, и два дня пролежал в постели без сознания, а когда очнулся, спросил, что с ним случилось. Бесчувственного мальчика заметила Дейрдре Хэнлон (одна из тусовщиц на той памятной вечеринке, где пел Шейн Макгоуэн, хотя «бомбочку» бросила не она), живущая через дорогу. «Я подумала, что теперь-то бедолаге Финну точно конец», – сказала она.

Его покойный отец говорил, что Финн родился под дурным знаком. Бабушка (которая так и не извинилась за турник) придерживалась другого мнения. Она сказала Финну, что за каждую ниспосланную Богом неудачу, он дарует две удачи. Финн обдумал это и сказал, что с ним не припоминает случившейся с ним удачи, разве что молния не ударила его прямо в темечко.

– Тебе стоит радоваться своим неудачам, – сказала бабушка. – Может, тебе повезёт сразу по-крупному, и ты выиграешь в лотерею. Или богатый родственник после смерти оставит тебе всё своё состояние.

– У меня нет богатых родственников.

– Или ты о них не знаешь, – ответила бабушка. Она была из тех, кто всегда оставляет за собой последнее слово. – Когда что-то идёт не так, просто напоминай себе: «Бог задолжал мне». А Бог всегда отдаёт свои долги.

Однако к Финну это пока что не относилось. Впереди его ждала очередная неудача.

В девятнадцать лет Финн бежал после посиделок у своей девушки не потому, что шёл дождь. До «шпили-вили» дело не дошло, но после всех этих объятий и поцелуев он был в крайнем возбуждении. И чувствовал, что нужно бежать или его разорвёт. На нём была кожаная

куртка, джинсы, кепка «Кабинтили»²⁸ и винтажная футболка с логотипом старой рок-группы «Nazareth». Он завернул за угол на Пик-Стрит и врезался в бегущего навстречу парня. Они оба упали. Финн поднялся на ноги и принялся извиняться, но парень уже вскочил и снова побежал, оглядываясь через плечо. На нём также были джинсы, кепка и футболка, что не показалось Финну каким-то невероятным совпадением – в этом городе так одевалась вся молодёжь, как парни, так и девушки.

Финн побежал дальше по Пик, на ходу потирая расцарапанный локоть. Навстречу ему ехал фургон «Додж» с выключенными фарами. Финн не придавал этому значения, пока машина не остановилась рядом с ним и из кузова ещё на ходу не выскочили несколько человек.

Двое из них схватили Финна под руки. Он лишь воскликнул: «Э-э!»

Третий произнёс: «В жопу себе экни!» и нацепил на голову Финна мешок.

Что-то кольнуло его чуть выше расцарапанного локтя. Финн почувствовал, как тротуар уходит у него из-под ног, а затем весь мир растворился.

Когда Финн пришёл в себя, он лежал на койке в маленькой комнате с высоким потолком. В углу стояла настольная лампа, но без стола. В другом углу – комод из синего пластика, совсем как «Спиралька» в парке Петтингрилл. Другой мебели не было. В потолке имелось окно, но грубо покрашенное чёрной краской.

Финн сел и поморщился. Голова не раскалывалась, но шея ужасно затекла, а рука болела, как после прививки от ковида. Он посмотрел на руку и увидел, что кто-то прилепил пластырь повыше царапины. Отклеив пластырь, Финн увидел крошечную отметину с красноватыми краями.

Финн попробовал открыть дверь, но та была заперта. Он постучал, а затем забарабанил по ней. словно в ответ громыхнула песня «AC/DC» «Dirty Deeds Done Dirt Cheap» – не меньше пары тысяч децибел. Финн зажал уши ладонями. Музыка продолжалась двадцать-

²⁸ Ирландский футбольный клуб.

тридцать секунд, затем прекратилась. Финн поднял глаза и увидел высоко над собой три динамика. Кажется, фирмы «Боус», дорогие, подумал Финн. Из угла над настольной лампой на него смотрел объектив камеры.

В отличие от того раза, когда в него чуть не попала молния, Финн сумел вспомнить, что с ним случилось перед тем, как он отключился, и сразу всё понял. Это было абсурдно, но не удивительно. Похищение – просто ещё один пример «удачи» Финна Мюрри.

Он снова принялся колотить в дверь и кричать, чтобы кто-нибудь пришёл. Когда этого не случилось, он отступил назад и посмотрел в объектив.

– Там кто-то есть? Наблюдаете за мной? Если да, то, пожалуйста, придите и выпустите меня. Полагаю, вы дали маху. Вам нужен другой парень.

Ответа не было почти минуту. Финн уже собирался прилечь, когда динамики снова заревели. Финну нравились «Ramonas», но не на такой сумасшедшей громкости, к тому же в замкнутом пространстве. На этот раз звуковая атака продолжалась около двух минут, прежде чем так же внезапно прекратилась.

Финн лёг на койку и только начал засыпать, когда загрохотала «Shear Trick». Двадцать минут спустя – лихое саксофонное соло из «Tequila» группы «Champs».

Так продолжалось довольно долго. Вероятно, несколько часов. Финн не мог сказать точно – похитители забрали его часы.

Финн клевал носом, когда дверь открылась. Вошли двое мужчин. Финн не был уверен, что это они схватили его на улице, но, скорее всего, именно они. У одного из них было приспущенное верхнее веко. Он спросил:

– От тебя стоит ждать проблем, Бобби-О?

– Нет, если вы всё исправите, – ответил Финн. Он едва обратил внимание на то, что его называли Бобби-О. Подумал, что это просто та-

кое нарицательное имя. Так, например, его отец, увидев на улице шатающегося пьянчугу, всегда говорил: «Вот опять Пэдди О'Рэйли бредёт домой, где обязательно поколотит жену».

– Это тебе решать, – сказал другой, с узким лицом и чёрными, как у хорька, глазами.

Все вышли за дверь – Финн в сопровождении двух мужчин, одетых в чиносы и белые рубашки. Ни у одного из них не было оружия, что немного утешало, хотя Финн не сомневался, что они легко справятся с ним, если он решит доставить им проблемы. Они выглядели крепкими. Финн был высоким, но тощим, как щепка.

Вся троица оказалась в комнате с рядами пустых полок. Финн подумал, что это кладовая, или, как сказала бы его бабушка, учитывая размеры помещения, – ледник. В молодости она «прислуживала» в графстве Даун.

Из кладовой они попали в самую большую кухню, которую Финн когда-либо видел. На столе стояла пара пустых тарелок с ложками. Судя по остаткам, из них ели суп. У Финна заурчало в животе. Он понятия не имел, когда ел в последний раз. Перед нежничанием Элли приготовила ему яичницу, но Финн полагал, что та давно переварилась. Если пищеварение продолжается, когда ты без сознания. Хотя, что ему мешает? Организм просто продолжает заниматься своими делами. До тех пор, пока может.

Дальше располагалась столовая с полированным столом из красного дерева, достаточно длинным, чтобы сыграть в шаффлборд. Тяжёлые шторы сливового цвета наглухо задёрнуты. Финн напряг слух, надеясь услышать проезжающие автомобили, но ничего не услышал.

Троица прошла дальше по коридору, и мужчина с приспущенным веком открыл дверь справа. Хорёк легонько подтолкнул Финна. В комнате стоял массивный письменный стол. Вдоль стен сплошь книги и папки. Позади стола – тёмно-красные шторы, тоже задёрнуты. За столом сидел мужчина с седыми волосами, зачёсанными назад, как у раннего Клиффа Ричарда. На нём был твидовый пиджак с заплатами на локтях и расслабленный галстук тёмно-коричневого цвета. Загорелое лицо покрывали морщины. Он выглядел ненамного старше отца Финна, когда тот умер.

– Садись.

Финн сел напротив седовласого мужчины. Мистер Приспущенное веко встал в один угол. Мистер Хорёк – в другой. Оба стояли, засунув большие пальцы за пряжки ремня. Перед седовласым мужчиной лежала папка, тоньше, чем те, что беспорядочно громоздились на полках. Он открыл её, взял лист бумаги, глянул и вздохнул.

– Всё может пройти либо легко, либо тяжело, мистер Фини. Это полностью зависит от вас.

Финн подался вперёд.

– Понимаете, это не моё имя. Вы взяли не того человека.

Седовласый мужчина казался заинтригованным. Он положил лист обратно в тонкую папку и закрыл её.

– Не Бобби Фини? Я правильно понимаю?

– Меня зовут Финн Мюрри. Через «ю», а не через «у». – Финн полагал, что одного этого нюанса будет достаточно, чтобы убедить седовласого мужчину. Довольно специфичная деталь.

– В самом деле? – произнёс седовласый. – Вот так чудеса, а?

– Я расскажу вам, что произошло. То есть, как я это вижу. Когда я завернул за угол на Пик-Стрит, то столкнулся с парнем, бежавшим мне навстречу. Мы сбили друг друга с ног. Он поднялся и побежал дальше. Я вскочил и тоже побежал. Должно быть, вашим людям, – Финн указал на мужчин, стоящих по углам, – нужен был тот, другой, этот ваш Бобби Фини. Он был одет так же, как я.

– Одет также, правда? Кепка «Кабинтили»? Футболка «Nazareth»? Кожаная куртка?

– Ну, я не знаю, что у него было на футболке, и не помню, была ли на нём кепка. Всё произошло так быстро. Но я уверен – он именно тот, кто вам нужен. Такое происходит со мной постоянно.

Седовласый наклонился вперёд, его руки (покрытые шрамами, как заметил Финн, возможно, от ожогов) сжали тонкую папку. Он казался ещё более заинтригованным.

– Хочешь сказать, тебя постоянно похищают?

– Нет, я имею в виду неудачи. Мне постоянно не везёт. – Финн поведал седовласому, как его уронили при рождении, о «бомбочке», оторвавшей ему палец на ноге, потому что тот якобы понадобился ангелу, о сломанной руке, потому что поддался на уговоры бабушки

оставить в покое «Спиральку», и об ударе молнии. Финн мог бы вспомнить и другие происшествия, но решил, что лучше всего закончить на молнии и последующем сотрясении мозга. Так сказать, кульминация его рассказа. – Теперь вы понимаете, что я не тот, кто вам нужен.

– Хм. – Седовласый откинулся на спинку кресла, прижал руку к животу, будто ему стало больно, и вздохнул.

Вдруг Финн ощутил воодушевление.

– Просто подумайте, сэр. Если бы я убежал от ваших людей, то я бы побежал дальше. Но я этого не сделал, согласны? Я, так сказать, бросился в их распростёртые объятия. А убежал другой парень, Бобби Фини.

– Так, ты не Бобби Фини?

– Нет, сэр.

– Ты Финн Донован.

– Финн Мюрри. Через «ю». – Казалось бы, с этим они уже разобрались. Оказалось, что нет, от чего у Финна возникло дурное предчувствие.

– У тебя есть какие-нибудь документы? Потому что, если у тебя был бумажник, то, наверное, ты засунул его себе в очко. Это единственное место, куда мы не заглянули.

Финн машинально потянулся к заднему карману, но спохватился.

– Я оставил его у своей девушки. Мы сидели на диване, – точнее лежали, Элли была сверху, – и он впивался мне в задницу, поэтому я вынул его и положил на маленький столик, где стояли наши банки с пивом. Наверное, забыл его забрать.

– Забыл, – ухмыляясь сказал Мистер Хорёк.

– Ну, конечно, – сказал мистер Приспущенное веко. Он тоже ухмылялся.

– Вот видишь, у нас с тобой уже нарисовалась проблемка, – заметил седовласый мужчина.

Финн снова ощутил воодушевление. Неприятная ситуация, в которой он оказался – даже невероятная ситуация, хотя ему ничего не оставалось, кроме как поверить в неё, – казалось, рождала воодушевления одно за другим.

– У меня в кармане отдельно лежала карта «Одеон», на случай, если Элли захочет съездить в Стиллорган...

Финн полез за ней, но не нащупал.

Седовласый открыл свою папку, порылся в бумагах и достал оранжевую карточку.

– Эта?

– Да, она самая. Видите моё имя? – Финн потянулся к карточке. Седовласый откинулся назад. Мистер Хорёк и Мистер Приспущенное веко разжали кулаки, готовые в любой момент наброситься на Финна, если это потребуется.

Седовласый поднёс карточку к носу, как делают близорукие люди.

– Здесь написано: Финн Мурри. Через «у».

Финн почувствовал, как у него запылали щёки, будто его поймали на лжи. Он не лгал, но именно так себя чувствовал.

– Они постоянно делают ошибки в именах, разве не так? Моего отца звали Стивен, и его имя постоянно писали через две «и» или вообще Стефан.

Седовласый убрал карточку «Одеон» обратно в свою папку.

– Тебе понравилось, как в твоей конуре долбила музыка?

– Я знаю, почему вы это делаете. Я видел такое по телеку. Это типа такой приём. Чтобы держать человека на нервах.

– Думаешь, поэтому мы это делаем? Пандо, ты знал, что именно для этого мы врубаем музыку?

– Затрудняюсь сказать, – ответил Мистер Хорёк, пожимая плечами.

– Говорят, музыка успокаивает буйных, хотя не думаю, что это ответ на ваш вопрос.

– Мы можем включить «Nazareth», если хочешь, – сказал седовласый. – Ты вроде как их фанат. – Затем с весьма сомнительной гордостью добавил: – У нас есть «Спотифай»!

– Я хочу домой. – Финну не понравилась дрожь в собственном голосе, но он ничего не мог с собой поделать. – Вы совершили ошибку, и я хочу вернуться домой. Я больше ничего не скажу. – Он тут же пожалел об этих словах. Жертвы похищений всегда говорят что-то подобное, но это никогда не срабатывает. Это он тоже видел по телеку.

– Возвращение домой можно организовать, и очень легко. Но сначала ты должен ответить на один вопрос. Что ты сделал с портфелем,

Бобби? Тем самым, с документами. Его точно не было с тобой, когда тебя привезли сюда.

В уголках глаз Финна выступили слёзы.

– Сэр...

– Если хочешь, зови меня мистер Ладлум. Раньше я был мистером Дейтоном, но мне надоело.

– Мистер Ладлум, я не Бобби Фини, и у меня не было никакого портфеля. Вообще никогда. Я не тот, кто вам нужен, и пока вы возитесь со мной, другой парень уходит всё дальше.

– Значит тебя зовут Бобби Мюрри. Через «ю».

– Да. То есть нет. Я Финн Мюрри. Финн.

– Док. – Седовласый – мистер Ладлум – кивнул в сторону охранника с приспущенным веком. – Помоги этому славному молодому человеку вспомнить его имя.

Док шагнул вперёд. Пандо, он же Мистер Хорёк, схватил Финна за плечи. Док снял массивное кольцо с пальца, положил в карман брюк и отвесил Финну крепкую смачную пощёчину. Затем с ещё большей силой ударил по второй щеке. Из рта Финна брызнула слюна. Ему было очень больно, но ещё сильнее в тот момент он чувствовал изумление. И стыд. Ему нечего было стыдиться, но он стыдился.

– Итак, – произнёс мистер Ладлум, откинувшись назад и сложив руки на груди, – как тебя зовут?

– Финн! Финн Мюр...

Мистер Ладлум кивнул Доку, и тот отвесил Финну ещё две хлёсткие пощёчины. У Финна зазвенело в ушах. Щёки запылали. Навернулись слёзы.

– Перестаньте! Зачем вы это делаете? Вы совершили ошибку!

– Могу и делаю. – Мистер Ладлум открыл папку и бросил через стол брошюру. – Пощёчины открытой ладонью – одобренный во всём мире метод продвинутого допроса. Думаю, тебе стоит внимательно прочитать это, прежде чем мы продолжим разговор. Поинтересуйся, какие ещё методы мы можем применить. Вы двое, отведите его обратно. Мистеру Бобби Доновану нужно просветиться.

– Вы даже сами не знаете, кто вы такой...

Финна рывком поставили на ноги – Пандо с одной стороны, Док с другой. Пандо взял брошюру и засунул её за пояс джинсов Финна.

– Пойдём Бобби-О, – сказал он. – Немного прошвырнёмся.

– Пока-пока, – произнёс мистер Ладлум.

С этими словами Финна, с пылающими щеками и заливающегося слезами, вытолкали из кабинета.

Вернувшись в свою конуру – свою клетку – Финн вытащил брошюру из кармана джинсов и просмотрел её. Ни переплёта, ни даже скрепок. Просто несколько сложенных листов бумаги. На титульной странице смазанными и неровными буквами было напечатано: «ОДОБРЕННЫЕ ВО ВСЁМ МИРЕ МЕТАДЫ ПРОДВИННУТОГО ДОПРОСА».

– Да вы гоните, – произнёс Финн. Он говорил шёпотом, чтобы его не услышали через микрофоны – а там наверняка помимо камеры стояли ещё и микрофоны. Он подумал, что брошюра – какая-то дурная шутка. Но оплеухи были нешуточные. Его лицо всё ещё пылало.

На первой странице брошюры: ПОЩОЧИНЫ ОТКРЫТОЙ ЛАДОНЬЮ – **ОДОБРЕНО!**

На второй странице: МЕТАДЫ ЛЕШЕНИЯ СНА (ГРОМКАЯ МУЗЫКА, ЗВУКИ, И Т. Д.) – **ОДОБРЕНО!**

На третьей странице: УГРОЗЫ (ЧЛЕНАМ СЕМЬИ, ЛЮБОВНЕКАМ И Т. Д.) – **ОДОБРЕНО!**

На четвёртой: КЛИСМЫ – **ОДОБРЕНО!**

На пятой: НЕУДОБНЫЕ ПОЗЫ – **ОДОБРЕНО!**

На шестой: ПЫТКА ВАДОЙ – **ОДОБРЕНО!**

На седьмой: УДАРЫ КУЛАКОМ, УДАРЫ ПАЛКОЙ ПО СТУПНЯМ, ПРИЖЫГАНИЕ (СИГАРЕТАМИ ИЛИ ЗАЖЫГАЛКАМИ), СЕКСУАЛЬНЫЕ УНИЖЕНИЯ И ИЗНАСИЛОВАНИЕ – **НЕ ОДОБРЕНО!**

На восьмой: ЕСЛИ МЕТАД НЕ УКАЗАН, ТО, **СКОРЕЕ ВСЕГО, ОДОБРЕН!**

Остальные страницы были пусты.

– Блядь, они даже не смогли написать без ошибок, – прошептал Финн. Но если он не стал жертвой заблуждения или чьего-то жуткого розыгрыша, значит, он попал в руки психопатов. Мысль ещё более ужасающая, чем то, что его приняли за другого человека. Это, по крайней мере, можно было исправить.

На ум Финну пришёл один из афоризмов его бабушки (у неё их было много): большинство людей поведут себя благоразумно, если разговаривать с ними спокойно и проявить терпение.

Поскольку у Финна не было лучшей идеи, он бросил брошюру на пол, встал и повернулся лицом к объективу. Он заговорил спокойным тоном:

– Меня зовут Финн Мюрри. Я живу на Роуэн-Три-Роуд, 19, со своей бабушкой и двумя сёстрами, Коллин и Мари. Моя мама уехала по делам, но с ней можно связаться по мобильному телефону, номер... – Финн назвал номер. – Все они подтвердят, что я тот, за кого себя выдаю. Потом...

Что потом?

Пришло воодушевление. Или логика. Может быть, и то, и другое.

– Потом вы можете надеть мне мешок на голову, можете даже вырубить меня, если посчитаете нужным, и высадить меня на углу какой-нибудь улицы. Вы вполне можете это сделать, потому что я не знаю вас и не знаю, где находится это место. У меня нет ни портфеля, ни документов. В общем, будьте благоразумны. Пожалуйста.

Финн уже сбился со счёта сколько раз он сказал «пожалуйста». Наверняка много.

Вернувшись к койке, Финн улёгся и начал прогонять всё в голове. Был ли тот, другой парень похож на него? Действительно ли он был похоже одет? Возможно, дело в подставе, а не ошибке? Он жалел, что ему не удалось взглянуть на Бобби хотя бы мельком. Как раз в тот момент, когда он начал «отъезжать», из динамиков заревела песня «Madhouse» группы «Anthrax».

Финн чуть не свалился с койки, заткнув уши. Через две минуты, показавшиеся ему невыносимо долгими, музыка прекратилась. Финн больше не чувствовал сонливости, но ощущал сильный голод. Накормят ли его? Может, и нет. Морить человека голодом – этого не упоминалось в брошюре, так что, **СКОРЕЕ ВСЕГО, ОДОБРЕНО!**

Финн уснул. Ему снилось, что Бобби похож на него. Или это он и есть.

Они дали ему четыре часа передышки.

Затем они пришли за ним.

Финн не разглядел, был ли это Док или Пандо или кто-то другой. Он всё ещё не проснулся, когда его подняли на ноги и нацепили на голову мешок, слегка отдающий куриным дерьмом. Финна толкнули вперёд, и он врезался в дверь.

– Ой, пардон, Бобби! – сказал чей-то голос. – Немного не рассчитал траекторию.

Финна дёрнули назад и снова толкнули вперёд. У него пошла кровь из носа, возможно, сломанного. Он захлюпал, поперхнулся и закашлялся. Они тащили его с неистовым рвением, его семенящие ноги едва касались пола. Дойдя до лестницы, они погнали Финна по ней, как свинью в загон. У подножия они отпустили его, и один из охранников от души толкнул Финна. Он закричал, представив себе падение с высоты ста, двухсот, трёхсот футов и смерть с переломанными костями.

Но до конца лестницы оставались лишь две или три ступени. Нога Финна зацепилась за нижнюю и он распластался. Затем его снова схватили под руки. При каждом вздохе мешок попадал Финну в рот, и он ощущал вкус собственной крови, тёплой и с привкусом куриного дерьма.

– Хватит! – закричал он. – Хватит, я не могу дышать!

– Кому ты заливаешь, Бобби, – сказал один из истязателей. – Эта часть программы ждёт тебя дальше.

Колени Финна ударились обо что-то твёрдое. Ему дали подзатыльник, и он упал вперёд на что-то похожее на скамейку.

– Надо бы вертануть котлетку, чтобы не подгорела, – кто-то весело произнёс, и Финна перевернули на спину. Взмахнув рукой, он наткнулся на что-то мягкое.

– Не хватай меня за болт, педик, – произнёс новый голос, и Финн получил затрещину через мешок. – Он тока для моей подружки.

– Пожалуйста, – взмолился Финн. Он рыдал, стараясь не захлебнуться кровью, которая теперь стекала ему в горло. Нос пульсировал, как больной зуб. – Пожалуйста, не надо, пожалуйста, хватит, я не тот, кто вам нужен, я не Бобби Донован...

Кто-то отвесил Финну знатную пощёчину.

– Бобби Фини, ты тупой дебил.

Поверх мешка накинули ткань. Первый голос сказал:

– Ух, сейчас начнётся, Бобби! Буль-буль!

Тёплая вода сначала пропитала ткань, затем мешок и попала на лицо Финна. Он всосал её и, выплюнув, задержал дыхание. Вода продолжала литься и, наконец, ему пришлось сделать вдох. Вместо воздуха он втянул воду, часть проглотил, поперхнулся, выплюнул и снова проглотил. Но воздуха не поступало, он пропал. Воздуха больше не было. Старый добрый воздух остался в прошлом. Финн тонул.

Он задёргался. Вода продолжала литься через мешок. У Финна не было чувства, что он куда-то проваливается, ни ощущения упокоения, – только ужас непрерывного потока воды. Он бы и рад отключиться, но не мог этого сделать. Его поглотила вода.

Наконец всё прекратилось. Финна перевернули на бок и его вырвало прямо в мешок. Один из мужчин пощупал его.

– Вся рожа в блевотине! – воскликнул он. – А ведь мы только начали!

Финна перевернули на спину и позволили вытереть лицо. При этом он не переставал кашлять. Наконец он очухался и увидел мистера Ладлума, который смотрел на Финна сверху вниз и казался перевёрнутым вверх ногами. Его тёмно-коричневый галстук висел, как застывший маятник.

– Ты Бобби Фини или Финн Мюрри? – спросил мистер Ладлум.

Финн сначала не мог ответить из-за сильного кашля. Когда горло немного успокоилось, он сказал:

– Как вам угодно. Ну, правда. Только больше не делайте этого. Пожалуйста, больше не надо.

– Допустим, к нашей великой радости, мы сошлись на том, что ты Мюрри, а не Фини. В таком случае, где он?

– Кто?

Мистер Ладлум кивнул. Один из мужчин – не Док и не Пандо, их здесь не было – отвесил Финну убойную пощёчину открытой ладонью, от чего в стороны брызнули капли рвоты и воды.

– Фини, ты идьёт, Фини! Где он?

– Я не знаю!

– Где находится завод по изготовлению бомб? Последний шанс, мой мальчик, перед очередным крещением.

Финн закашлялся, поперхнулся, повернул голову в сторону, издал рвотный звук и сплюнул.

– Вы говорили... о документах. Документах в портфеле.

– К чёрту документы. Где изготавливают бомбы?

– Я ничего не знаю о...

Мистер Ладлум кивнул. На лицо Финна накинули мокрую тряпку. Потекла вода. Вскоре ему захотелось умереть. Он желал этого больше всего на свете. Но не умер. Наконец, в полубессознательном состоянии, снова с мешком на голове, пропитанным блевотиной, Финна отвели обратно в камеру. Он больше не чувствовал голода. По крайней мере, ему так казалось.

Перед тем, как закрыть дверь, мистер Ладлум сказал:

– Знаешь, не обязательно, чтобы всё проходило именно так. Просто скажи нам, что Фини сделал с чертежами, и это может закончиться.

Музыка не гремела, но Финн всё равно долго не мог заснуть. Каждый раз, когда он начинал «уплывать», его будил очередной приступ кашля. Последний был настолько сильным, что Финн чуть не потерял сознание, чему был бы только рад. Всё что угодно, лишь бы сбежать от этого кошмара. Сквозь облупившуюся краску на потолочном окне, просачивались несколько лучиков тусклого света. Снаружи, в каком-то другом мире без Финна, был день. Может, утро, а, может, полдень. В любом случае, люди там продолжали заниматься своими делами, не подозревая, что один невезучий молодой человек в камере пытается выкашлять воду из своих лёгких.

«За каждую неудачу, ниспосланную Богом, – говорила бабушка Финна, – Он дарует две удачи».

– Какой же бред, – прохрипел Финн и, наконец, заснул.

Ему снился Петтингилл-Парк. Колин на карусели. Мари на турнике, висит вниз головой и ковыряет в носу – привычка, от которой её невозможно было отучить. Бабушка сказала, что Мари будет ковырять в носу даже на смертном одре. Эта милая пожилая дама сидела поодаль

на скамейке со своим вязанием на коленях и занималась поиском слов. Финн карабкался на четвереньках по изгибам «Спиральки», затем садился и соскальзывал вниз, снова и снова.

Не было никаких музыкальных интерлюдий, которые могли бы прервать этот приятный сон, который в конце концов растворился сам по себе, как обычно бывает со снами. Через какой-то неизвестный промежуток времени Финна разбудили Док и ещё один мужчина, намного старше всех остальных. Они сдёрнули Финна с койки и потащили через кухню и обеденную комнату в кабинет, где его ждал седовласый мистер Ладлум. Этим утром (по крайней мере, Финну так казалось) Ладлум выглядел постаревшим, с красными глазами и чем-то похожим на пятно горчицы на своём твидовом пиджаке. Его руки снова покоились на столе, и Финн заметил, что покрытые шрамами костяшки пальцев мистера Ладлума выглядят распухшими. И тоже в каких-то пятнах. Неужели кровь?

Мистера Ладлум уставился на Финна. Финн уставился на него в ответ, снова вспомнив увиденное по телеку. Одно из бесконечных скучных обсуждений на «Би-Би-Си», которые, казалось, так нравились матери Финна, чего его сёстры и бабушка (той нравились сериалы «Улица коронации», «Жители Ист-Энда» и «Доктор Кто») никогда не могли понять. В этом обсуждении говорилось о расширенных методах допроса (то есть о пытках), и один из участников дискуссии – мужчина, который выглядел как принц Эндрю после года, проведённого в тёмной комнате за поеданием двойных бургеров с молочными коктейлями, – сказал, что они никогда не работали.

– Потому что, если бедолага не знает, что... э-э... контактные лица хотят выяснить, он... э-э... возьмёт и что-нибудь выдумает. И это логично!

Это и правда звучало логично, а Финн был находчивым парнем – достаточно находчивым, чтобы выпутаться из любых передраг дома, в школе и у себя на районе. Но он не мог придумать историю, которая удовлетворила бы мистера Ладлума и уберегла его от ещё одной

пытки водой. Финн мог бы придумать историю о пропавшем портфеле, мог бы даже добавить туда чертежи, но стоило ли ему говорить, что портфель с чертежами спрятан на том самом заводе по производству бомб? Это уже походило на сюжет настольной игры «Клуедо». А что дальше? Украденные детали подводных лодок? Взломанные пароли к банковским счетам российских олигархов?

Тем временем мистер Ладлум продолжал таращиться на Финна.

– Я голоден, – выпалил Финн. – Не могли бы вы дать мне что-нибудь поесть, сэр?

Мистер Ладлум продолжал пялиться. Как раз в тот момент, когда Финн решил, что тот не собирается говорить, что он находится в каком-то трансе, мистер Ладлум спросил:

– Вас устроит традиционный ирландский завтрак, мистер Херлихи?

У Финна отвисла челюсть. Мистер Ладлум рассмеялся.

– Я просто дразню тебя, Финн. Финн сейчас. Финн – раз и навсегда. Яйца, бекон, грибочки и аппетитная пухлая сарделька. С помидоркой для полноты картины!

В животе Финна заурчало, от чего мистер Ладлум снова рассмеялся.

– Сам спросил, сам ответил. Когда рак на горе свиснет, мой Финни-Фин-Фин. А? А?

– Вы в порядке, мистер Ладлум? – Это был странный для Финна вопрос, учитывая обстоятельства, но человек перед ним, казалось, утратил часть своей «думалки», как говаривала бабушка Финна, когда кто-то в телевикторине не мог придумать правильный ответ, пока впустую тикало время.

– Всё славно, – ответил мистер Ладлум. – Да и вообще – я славный малый. Получишь завтрак, Финн, если скажешь названия трёх песен покойного Элвиса Пресли.

Финн не стал утруждать себя вопросом почему – этот человек явно был сумасшедшим, – но вспомнил обширную коллекцию пластинок своей бабушки. Одной из её любимых была «5000000 поклонников Элвиса не могут ошибаться», заезженная до такой степени, что на ней появился странный белёсый налёт, будто её посыпали мелом. Колин и

Мари морщились и зажимали уши ладонями, когда бабушка ставила пластинку, но разве она обращала на них внимание? Конечно, нет.

Финн сказал:

– Вы правда накормите меня завтраком?

Мистер Ладлум приложил руку к сердцу – и, да, на костяшках его рук почти наверняка были пятна засохшей крови.

– Даю слово.

Финн сказал:

– Хорошо. «I Got Stung» – это первая. «One Night of Sin» – это вторая. И «A Bigga-Bigga-Hunka Love» – третья.

– Очень хорошо! – В углу стоял Старикан, засунув большие пальцы рук за пряжку. Мистер Ладлум повернулся к нему и сказал: – Завтрак для нашего друга Финна, Марм! Он вытянул призовой билет!

Марм ушёл. Док остался. Финну показалось, что он выглядит усталым.

– Песни Элвиса ты знаешь, – произнёс мистер Ладлум. Он подался вперёд, пристально глядя на Финна покрасневшими глазами. – Но знаешь ли ты самого Элвиса? Знаешь ли ты Короля Рок-н-ролла?

Финн покачал головой. Об Элвисе он знал лишь одно: по словам бабушки, он был старым рок-н-рольщиком, и умер в сортире. И что бабушка любила его. Вероятно, сохла по Элвису во времена своей юности.

– У него был брат-близнец. – Мистер Ладлум выдохнул, и до Финна через стол донёлся запах алкоголя, может быть, скотча или виски. – Близнец при одноплодных родах. Как ты объяснишь такой парадокс?

– Я не знаю.

– Тогда я поведаю тебе. Будущий Король Рок-н-ролла поглотил своего брата-близнеца в утробе матери. Съел его в акте внутриутробного каннибализма!

На мгновение Финн забыл о своих собственных проблемах. Он был уверен (почти), что брат-близнец Элвиса такая же выдумка, как портфель с украденными документами или завод по производству бомб, но мысль о внутриутробном каннибализме показалась ему странно увлекательной.

– Такое реально могло произойти?

– Могло и произошло, – ответил мистер Ладлум. – Моя дорогая матушка, будучи дамой весьма благовоспитанной, тем не менее любила скабрёзно пошутить про Элвиса. Она говорила, что у Элвиса-Та-зобедриса был брат-близнец Энос-Членос. Ты врубаешься, Финн?

Финн кивнул, подумав: *«Меня удерживает и пытается человек, который верит, что я знаю, где находится завод по производству бомб, и что Элвис Пресли сожрал своего брата-близнеца, находясь в утробе матери».*

– Элвис всегда казался мне немного сладеньким, – задумчиво произнёс мистер Ладлум. – В таких песнях, как «Teddy Bear» или «Wooden Heart» он поёт каким-то полуфальцетом. Можно даже представить, как он гарцует в студии, щебечет, раскинув в стороны руки, слегка перебирая пальцами, и, несомненно, в своих фирменных замшевых туфлях. Я никогда не верил в эту историю с Ником Адамсом – полная хрень, но эти его наряды со стразами под конец... и шарфы... и разговоры об этих его поясах... да, мол, всё это отдаёт какой-то латентностью... – Ладлум замолк, вздохнул и на мгновение закрыл лицо руками. Опустив руки, он сказал: – Финн, меня бросили двое из моих людей. Сбежали. Смылись. Встали на лыжи. Я пытался убедить их остаться, но они чувствуют, что наши враги приближаются. Putain de bougnouille²⁹, короче говоря.

Ладлум подмигнул покрасневшим глазом.

– Итак, наше время истекло. Сейчас ты пойдёшь обратно в свою конуру – позавтракать, и хорошенько там подумай. Я уверен, что ты больше не хочешь испытывать неудобства. Всё, что нам нужно знать, – это куда ты дел перевод документов. И, разумеется, ключ к самому коду. Док, проводи нашего юного друга.

Док подошёл к двери и кивнул Финну, который встал и присоединился к нему.

– Ты будешь паинькой? – спросил Док.

Финн, который в этот момент думал о яичнице с беконом и грибами, а также о пухлой сардельке, согласно кивнул. Он будет абсолютным паинькой. Они с Доком прошли на кухню, где Старикан – Марм – щипцами выкладывал на тарелку с уже лежащими яйцами (хоро-

²⁹ Сраные чурки (фр.)

шенько поджаренными, как любил Финн) идеально поджаренную сосиску, четыре полоски бекона, грибы в масле и ломтик помидора. Финн повернулся к тарелке, как стрелка компаса, указывающая на север. Док потянул его назад.

– Подожди, – сказал он. – Не дёргайся, сынок. – И обратился к Марму: – Дальше я сам. Ты нужен ему.

Марм кивнул, подмигнул Финну и направился в кабинет мистера Ладлума.

Док взял тарелку, полную вкуснятины, насыщенной холестерином, но как только Марм ушёл, поставил её обратно на стол и потянул Финна вправо, в сторону от кладовки и конуры за ней.

– Эй! – воскликнул Финн. – А как же мой завтрак!

Рука Дока сжала до боли локоть Финна. Он потащил Финна к двери между раковиной и холодильником. Они оказались в переулке. Финн ощутил запах свежего воздуха с примесью бензина. Перед ним стоял фургон с заведённым двигателем. За рулём сидел Мистер Хорёк. Увидев Дока и Финна, он прошёл между сидений в кузов и распахнул задние двери.

– Вперёд, мать твою, – сказал Пандо.

– Не бойся, он сейчас в толчке, разгружает кишки, – сказал Док.

– Ага, но нынче он там долго не задерживается, и ещё далеко не выжил из ума. Залезай, сынок.

Финн на секунду взглянул на узкую полоску неба над головой, затем полез в фургон. Запнулся и упал, наполовину торча из машины. Пандо поднял Финна и втянул в кузов. Затем достал из заднего кармана чёрный мешок.

– Надень это на голову. Не спорь. На это нет времени.

Финн натянул мешок. У него дрожали руки. Один из мужчин – Док, подумал Финн – пихнул его, от чего Финн шлёпнулся на задницу, ударившись головой о стенку фургона с такой силой, что в глазах заплясали звёздочки. Двери захлопнулись.

– Гони, – прорычал Док. – И смотри, не угрожь нас.

Финн услышал, как Пандо вернулся на водительское место, заскрипели пружины сиденья. Фургон тронулся. В конце переулка он притормозил, затем резко повернул направо.

Док со вздохом опустился рядом с Финном.

– Будь я проклят, если я преступник, – сказал он.

«А как ещё тебя можно назвать?» – подумал Финн.

– Вы собираетесь меня где-то убить? – Мысль на самом деле не казалась такой уж плохой в сравнении с «водными процедурами».

Док издал какой-то короткий звук, похожий за смешок.

– Если бы я хотел твоей смерти, я бы разрешил тебе позавтракать. Грибы были отравлены.

– Что...

– Отравлены, отравлены! Никогда не слышал о таком, кретин?

– Куда вы меня везё...

– Заткнись.

Последовал поворот налево, направо, затем ещё по одному в обе стороны, когда фургон проезжал по меньшей мере два кольцевых перекрёстка. Затем долгая остановка – на светофоре, предположил Финн, – и Пандо нажал кнопку клаксона, подгоняя впереди идущие машины.

– Прекрати, болван, – крикнул Док. – Не привлекай внимание.

Фургон поехал дальше. Ещё несколько поворотов налево и направо. Затем фургон набрал скорость, будто они поехали по скоростной дороге, но, по мнению Финна, для автострады было слишком мало шума от других машин. Шло время. Послышался щелчок зажигалки и Финн почувствовал запах табачного дыма.

– Он не разрешает нам курить на работе, – сказал Док.

Финн молчал. Он думал об отравленных грибах. Если они и правда были отравлены.

Через какое-то время – минут через пятнадцать или двадцать – Док закурил ещё одну сигарету и сказал:

– Он думает, что потерял только двух человек, но остальные улизнули прошлой ночью. Мы с Пандо – последние. Не считая Марма. Этот его не бросит.

С водительского сиденья отозвался Пандо.

– Долбаный Марм такой же шизик, как и он.

– Мы рисковали жизнями, чтобы вытащить тебя, Финн, – сказал Док. – Я не жду благодарности, но такие вот дела.

Финн всё равно поблагодарил Дока. Его голос дрожал, а ноги тряслись. Тряси, тряси, детка, но ты никогда не отвяжешься от меня, подумал Финн. Строчка из песни Элвиса – «Stuck on You». Финну стало интересно, знала ли его бабушка, что Элвис сожрал своего брата-близнеца Эноса.

– Огромное вам спасибо.

– Не знаю, стоишь ли ты для кого-нибудь хотя бы плевка, но ты не заслуживаешь смерти только потому, что он такой, какой есть. Ты читал эту брошюру, которой он так кичится? Написал её самолично. Но он не всегда был таким. Нет. Когда-то давно мы проворачивали грандиозные операции, согласен, Пандо?

– В 2017 спасли весь этот долбаный мир, – ответил Пандо, – о чём знало не больше дюжины человек. Но мы-то знали, пацан. Мы знали.

– Этот хрен Фини что-то задумал, – сказал Док. – В этом я никогда не сомневался. Ты к этому не причастен, но Ладлум бы этого так не оставил. Хотя он уже ни хера не помнит.

– Это... – начал Финн.

– Заткнись, – велел Док. – Будь послушным мальчиком и держи свой гадский рот на замке. Если не хочешь ещё больших неприятностей.

Пандо сказал:

– Нет, он не всегда был таким. Я помню... ах, неважно. Раньше я бы и за полкроны³⁰ пустил пулю в твою чёртову башку.

Через два часа – не меньше двух – фургон въехал в другой город, довольно крупный, судя по шуму машин и грузовиков, и по голосам людей, которые Финн слышал во время остановок на светофорах. Голоса и смех, звуки, уже ставшие для него непривычными.

Наконец фургон остановился и Док сдёрнул мешок с головы Финна.

– Твоя остановка, сынок. А это тебе за беспокойство. – Он сунул что-то в передний карман джинсов Финна. Затем, внезапно – казалось,

³⁰ Английская монета в 2 шиллинга 6 пенсов, была в ходу до 1970 года.

Док сам не подозревал, что решится на такое, пока не сделал – поцеловал Финна в лоб. – Вспоминай меня в своих молитвах. Мне их понадобится хренова туча.

Док открыл задние двери. Финн нетвёрдой походкой выбрался наружу. Док ещё не успел захлопнуть двери, как фургон уже тронулся. Финн огляделся, как человек, проснувшийся после чересчур яркого сна. Какой-то велосипедист зазвонил в колокольчик и закричал:

– Берегись, берегись!

Финн шагнул на бордюр, чтобы его не сбил с ног дедок с седыми усами и носом размером с эсминец. Справа на Рэндольф-Стрит стоял газетный киоск, в котором Финн покупал сборники словесных головоломок для бабушки, а иногда – когда чувствовал внезапный наплыв щедрости – «ОКЕЙ» или «Хит» для своих сестёр. Рядом с киоском располагалась забегаловка «Йор Бест». За последние десять лет Финн, должно быть, оставил там целое состояние. Его дом находился менее чем в миле отсюда.

Финн шёл медленно, оглядываясь по сторонам, встречаясь взглядом с другими пешеходами (большинство сразу отводило глаза, наверняка полагая, что встретились с местным уличным сумасшедшим), смотрел на небо, заглядывал в каждое окно. Я жив, думал он. Жив, жив, жив. Он также несколько раз оглянулся через плечо – удостовериться, что чёрного фургона «Додж» нигде не видно.

Финн остановился на углу Пик-Стрит и выглянул, желая убедиться, что в этот раз ему на встречу не бежит Бобби Финни, унося с собой секретные документы, или чертежи, или направляясь к заводу по производству бомб. Там никого не было. Финн сунул руку в карман, вытащив пачку зелёных банкнот: сотки евро, сорок штук или больше. Затем сунул пачку обратно.

«За каждую ниспосланную Богом неудачу, Он даёт две удачи», говорила бабушка. Что ж, одна удача – это по меньшей мере четыре тысячи евро. А вторая – это жизнь Финна.

Его дом находился всего через два квартала и одну улицу отсюда. Там беспокоились о нём – насколько Финн знал, его мать уже вернулась из своей важной деловой поездки, – но они могут подождать ещё немного. Финн пошёл обратно по Пик-Стрит к Эмберли, затем свернул на Джейн-Стрит. Дальше по этой улице находился парк Петтингилл.

Должно быть, учебный день уже начался, так как игровая площадка была почти пуста, за исключением двух малышек, медленно кружившихся на карусели, которую толкала то ли их мать, то ли нянечка. Финн сел на скамейку.

Он посмотрел на «Спиральку», и на него нахлынуло жуткое воспоминание. В последний учебный год в школе мистер Эджертон дал им задание прочитать рассказ Амброза Бирса. После того, как все прочитали (предположительно – не все одноклассники Финна посещали класс чтения), мистер Эджертон показал им короткометражный фильм, снятый по этому произведению, в котором рассказывалось о повешении рабовладельца во время Гражданской войны в Америке. Развязка такова: удачный побег произошёл только в его голове, своего рода видение, пришедшее за секунду до того, как в реальности его столкнули с моста, казнив таким образом.

«Такое могло случиться со мной, – подумал Финн. – Они переборщили с водной пыткой, и я захлебнулся. Только вместо всей жизни, проносящейся перед глазами, как положено, я представил, как Док выводит меня наружу, Пандо увозит нас, и вот он я, сижу в парке, где обожал играть в детстве. Потому что, возможен ли на самом деле мой побег? Насколько это реалистично? В это можно поверить в рассказе, но в реальной жизни..? Особенно в реальной жизни такой невезучей твари, как я?»

Но была ли эта жизнь реальной? Была ли?

Финн схватил себя за щёку, всё ещё чувствительную после пощёчин, отвешенных Доком до того, как он внезапно перевернулся, и сильно вывернул её. Было больно, и на мгновение парк Петтингилл будто бы заплясал, как мираж. Но только лишь от выступивших на глазах слёз боли.

Или нет?

Станным было не только поведение Дока. Мистер Ладлум, который раньше был мистером Дейтоном... плохо напечатанная брошюра (к тому же с ошибками)... история о брате-близнеце Элвиса... разве всё это не плод воображения? Что, если Финн после столкновения с Бобби Финни ударился не только задницей, но и башкой? Что, если удар пришёлся в то же самое место, как в тот памятный день (не то чтобы он

особо помнил), когда его чуть не убила молния и он налетел черепушкой на бордюр? Разве не стало бы это ещё одной «удачей» Финна Мюрри? Что если он лежал где-нибудь на больничной койке в глубокой коме, а его повреждённый мозг создавал какую-то безумную альтернативную реальность?

Финн встал и не спеша подошёл к «Спиральке». Он не взбирался по её изгибам уже много лет, с тех пор, как ходил пешком под стол, выразилась бы его бабушка. Теперь он карабкался, подтягиваясь за края горки. Финн едва умещался на ней, и чувствовал каждую свою шишку и ушиб, но ему удалось забраться.

Мама или нянечка перестала толкать карусель. Она приставила ладони козырьком ко лбу и произнесла:

– Ради всего святого, что это ты там выдумал? Ты же сломаешь горку!

Финн не ответил, и он ничего не сломал. Он добрался до вершины, развернулся и сел, свесив ноги. Затем подумал: *«Либо я всё ещё буду здесь, когда скачусь вниз, либо испарюсь. Вот так».*

Финн взглянул на женщину и крикнул:

– Элвис покинул здание. – Бабушка сказала, что так всегда говорили в дурацких старых передачах. Затем он оттолкнулся.

НА СЛАЙД-ИНН-РОУД

Дедушкин допотопный универсал «Бьюик» ползёт по грунтовой дороге со скоростью двадцать миль в час. Фрэнк Браун ведёт машину, прищурив глаза и сжав губы в тонкую белую линию. Его супруга, Корин, сидит рядом с айпадом на коленях, и когда Фрэнк спрашивает её правильно ли они едут, она отвечает, что курс верный, так держать: через шесть, максимум восемь миль, они доберутся до главной дороги, а дальше прыг-скок – и они на магистрали. Она не говорит, что мигающая синяя точка, отмечающая их местоположение, пропала с экрана пять минут назад, и карта зависла. Они женаты четырнадцать лет и по лицу мужа Корин видит, в каком он сейчас состоянии. На его лице написано, что он может психануть в любую минуту.

На просторном заднем сиденье разместились Билли Браун и Мэри Браун – бок о бок от дедушки, который расставил свои ноги в больших чёрных ботинках по сторонам от горба карданного вала. Билли – одиннадцать. Мэри – девять. Дедушке – семьдесят пять, и он, насколько мог судить его сын, та ещё заноза в заднице, и слишком стар для таких юных внуков, но так уж случилось. Когда они выехали из Фалмута в Дерри повидать умирающую сестру дедушки, он чесал языком без умолку, в основном о спортивной сумке на заднем сиденье. В ней лежали бейсбольные сувениры Нэн. Она с ума сходила по бейсболу, говорит он им. Там бейсбольные карточки, говорит он, которые стоят целое состояние (в чём Фрэнк Браун охренеть как сомневается), её софтбольная перчатка времён колледжа, подписанная Домом Ди Маджо,³¹ и самая главная ценность – бита «Луисвиль-Слаггер», подписанная Тедом Уильямсом. Она выиграла её на благотворительном розыгрыше Фонда Джимми за год до того, как Неповторимый Крушитель объявил об уходе.

– Тедди-чемпион улетел в Корею, знаете ли, – говорит дедушка детям. – Бомбить чёртовых косоглазых.

– Не то слово, которое нужно знать детям, – говорит Корин с переднего сиденья, но без особой надежды. Её тесть вырос в неполиткорректное время и с тех пор не изменился. А ещё она хотела спро-

³¹ Знаменитый американский бейсболист середины 20-го века.

силь, зачем умирающей, полукоматозной восьмидесятилетней старушке бита и перчатка, но промолчала. Дональд Браун никогда особо не говорил о своей сестре – ни плохого, ни хорошего, – но определённо испытывал к ней какие-то чувства, иначе не настоял бы на поездке. И он настоял на своём старом «Бьюике». Потому что машина эта просторная, и он заявил, что знает короткий путь, который может оказаться немного жестковат. Он оказался прав в обоих случаях.

Дедушка также засунул в сумку стопку старых комиксов. «Добротное чтение для молодёжи в дороге», – сказал он. Билли было наплевать на старые комиксы – он играл на своём айфоне, – но Мэри поднялась на коленях, залезла в багажный отсек, расстегнула дедушкину сумку и вытащила стопку комиксов. В основном отстойные, но есть и парочка неплохих. В том, который она сейчас читает, Бетти и Вероника ссорятся из-за Арчи, дёргая друг друга за волосы и тому подобное.

– Знаете, что? В былые дни можно было добраться до стадиона Фенуэй, потратив три доллара на бензин, – говорит дедушка. – Можно было пойти на игру, купить хот-дог и пиво...

– И получить сдачу с пятёрки, – бурчит Фрэнк, сидя за баранкой.

– Вот именно! – восклицает дедушка. – Как пить дать! На первой игре, что я посмотрел с сестрой, Эллис Киндер был питчером, а Хут Эверс стоял в центре поля. Ох, как же он бил! Один раз мяч улетел через ограждение и Нэн так радовалась, что растрясла весь попкорн!

Билли Брауну было плевать на бейсбол.

– Дедушка, почему ты так любишь сидеть посередине? Тебе же приходится расставлять ноги.

– Проветриваю шары, – отвечает дедушка.

– Какие шары? – спрашивает Мэри и хмурится, когда Билли смеётся.

Корин оборачивается назад.

– Ну, хватит, дедушка, – говорит она. – Мы везём вас повидать сестру, и мы едем в вашей старой машине, как вы того хотели, так что...

– И она жрёт бензин так, что мама не горюй, – говорит Фрэнк.

Корин пропускает его слова мимо ушей; она пристально смотрит на дедушку.

– Мы оказываем вам услугу. Так что окажите одну мне: никаких неприличных выражений.

Дедушка отвечает, что больше не будет, извините, а потом скалит свои зубные протезы в ухмылке, будто обещающей, что он будет делать всё, что ему, блядь, вздумается.

– Какие шары? – настаивает Мэри.

– Бейсбольные, – отвечает Билли. – Дедушка говорил о бейсболе. Читай свои картинки и не возникай. Не беси меня. Я дошёл до пятого уровня.

– Если бы у Нэн были шары, она бы стала настоящим профи, – говорит дедушка. – Эта стерва была хороша.

– Дональд! – почти выкрикивает Корин Браун. – Хватит!

– Да, была, – угрюмо произносит старик. – Играла в команде Университета Мэна, которая участвовала в женской Мировой серии. Дошла до самого Оклахома-Сити и чуть не угодила в торнадо!

Фрэнк не участвует в разговоре, только смотрит вперёд на дорогу, на которую ему не следовало сворачивать, и благодарит Бога, что не отклонил предложение отца и не взял «Вольво». Дорога становится уже? Ему кажется, что да. Она становится жёстче? Он уверен, что да. Даже её название кажется Фрэнку каким-то жутковатым. Кто назовёт дорогу, пусть и такую дерьмовую, как эта, Слайд-Инн-Роуд? Дедушка сказал, что это кратчайший путь до шоссе 196, с чем согласилась Корин, сверившись с айпадом, и хотя Фрэнк не любитель коротких путей (как банкир он знает, что они всегда ведут к неприятностям), изначально его подкупило ровное чёрное покрытие. Однако вскоре покрытие сменилось грунтом, а через милю-другую грунт превратился в твёрдую ухабистую корку, заросшую по бокам высокой травой, золотарником и подсолнухами. Они проезжают по «стиральной доске», от чего «Бьюик» трясётся, как собака после ванны. Фрэнку плевать, если это древнее детройтское недоразумение, жрущее бензин, развалится на части от тряски, но они заехали куда-то к чёрту на кулички. И теперь, господи-боже, мистеру Брауну приходится объезжать слева засоренную дренажную трубу, которая размыла полдороги; колёса с его стороны едва огибают канаву. Будь здесь место развернуться, он бы послал всё к чёрту и поехал обратно, но развернуться негде.

Им удаётся проехать. Едва.

– Сколько ещё? – спрашивает он Корин.

– Около пяти миль. – «MapQuest» завис, и она понятия не имеет сколько, но в её сердце теплится надежда. Это хорошее качество. Много лет назад она поняла, что быть женой Фрэнка и матерью Билли и Мэри – совсем не то, чего она ожидала, а теперь в виде дерьмового бонуса с ними живёт этот противный старикан, потому что они не могут позволить себе отправить его в дом престарелых. Надежда помогает ей держаться.

Они едут навестить старую даму, умирающую от рака, но Корин Браун надеется, что когда-нибудь она поедет в круиз и будет попивать какой-нибудь напиток, увенчанный бумажным зонтиком. Она надеется, что у неё будет больше денег и более насыщенная жизнь, когда дети наконец вырастут и станут самостоятельными. Она также хотела бы трахнуть с накачанным загорелым спасателем с ослепительной белозубой улыбкой, но понимает разницу между надеждой и фантазией.

– Дедушка, – говорит Мэри, – почему они назвали дорогу Слайд-Ин-Роуд? Кто скользит?

– Это «Инн», с двумя «н»³², – отвечает дедушка. – Раньше здесь стояла неплохая гостиница, даже с полем для гольфа, но она сгорела дотла. Дорога стала хуже с тех пор, как я последний раз ездил по ней. Раньше была гладкой, как попа младенца.

– Когда это было, пап? – спрашивает Фрэнк. – Когда Тед Уильямс всё ещё играл за «Ред Сокс»? Потому что сейчас она выглядит совершенно убитой. – Они попадают в большую выбоину. «Бьюик» подскакивает. Фрэнк скрежещет зубами.

– Едрить твою налево! – восклицает дедушка, и когда Билли спрашивает его, что это значит, дедушка отвечает: так говорят, когда налетают на такую вот колдобину. – Правда, Фрэнк? Мы частенько это говорили, так ведь?

Мистер Браун не отвечает.

– Так ведь?

Фрэнк не отвечает. Костяшки его пальцев на руле белеют.

– Так ведь?

– Да, папа. Ёб твою налево.

– Фрэнк, – с упрёком произносит Корин.

³² Slide in – соскользнуть куда-либо. Inn – гостиница.

Мэри хихикает. Билли гогочет. Дедушка обнажает свои зубные протезы в очередной ухмылке.

«Ну и веселуха, – думает Фрэнк. – Господи, вот бы эта поездка длилась подольше. Вот бы она длилась целую вечность».

«Беда с этим старым козлом в том, – думает Корин, – что он до сих пор кайфует от жизни, а люди, которые кайфуют от жизни, не торопятся сыграть в ящик».

Билли возвращается к своей игре. Он достиг шестого уровня. Впереди седьмой.

– Билли, – говорит Фрэнк, – у тебя есть деления на телефоне?

Билли ставит игру на паузу и проверяет.

– Одно, но оно мигает.

– Отлично. Замечательно.

Ещё одна «стиральная доска» сотрясает «Бьюик» и Фрэнк сбавляет скорость до пятнадцати. Он думает, не сменить ли ему имя, бросить семью и устроиться в какой-нибудь маленький банк в Австралии. Научиться называть людей *«приятель»*.

– Гляньте, детки! – гаркает дедушка.

Он подаётся вперёд, оглушая сына на правое ухо, а невестку на левое. Они дёргаются в противоположные стороны не только от громкого звука, но и от его дыхания. Будто у него во рту сдохла какая-то маленькая зверушка и теперь разлагается. Почти каждое утро он начинает, отрыгивая желчь, а потом причмокивает, будто это какая-то вкуснятина. Что бы ни творилось у него внутри, это не может сулить ничего хорошего, и всё же он излучает эту неиссякаемую жизненную энергию. *«Иногда, – думает Корин, – я почти готова его убить. Серьёзно. Только кажется, что дети любят его. Бог его знает почему, но любят».*

– Гляньте, вон там! – Скрюченный артритом палец тычет между мистером и миссис Браун. Ороговевший ноготь почти впивается в щеку миссис Браун. – Это старая гостиница «Слайд-Инн» – то, что от неё осталось! Вон она! Я бывал там разок. С сестрой Нэн и нашими родителями. Завтракали прямо в номере!

Дети послушно смотрят на то, что осталось от «Слайд-Инн»: несколько обгоревших балок и квадратная яма в земле. Миссис Браун замечает старый автофургон, стоящий среди травы и подсолнухов. Он

выглядит даже древнее дедушкиного «Бьюика» – его бока покрыты ржавчиной.

– Круто, дедушка, – произносит Билли и снова возвращается к игре.

– Круто, дедушка, – произносит Мэри и возвращается к своим картинкам.

Руины гостиницы остаются позади. Фрэнк гадает, не специально ли хозяева спалили её, чтобы получить деньги по страховке. Ну кто поедет сюда на уикенд или, не дай Бог, на медовый месяц? В Мэне есть множество прекрасных мест, но это не одно из них. Вы не окажетесь здесь даже проездом, если только у вас нет другого выхода. А он был. Будь оно всё неладно.

– Дедушка, что, если двоюродная бабушка Нэн умрёт до того, как мы доберёмся туда? – спрашивает Мэри. Она дочитала комикс. Следующий про Малышку Лулу, и он ей не интересен. Малышка Лулу похожа на какашку в платье.

– Ну, значит мы развернёмся и поедем назад, – говорит дедушка. – Естественно, после похорон.

Похороны. Господи, похороны. Фрэнк даже не подумал, что она умирает. Может даже преставиться во время их визита и тогда им придётся остаться на похороны этой старой бестии. А у него нет сменной одежды...

– Берегись! – кричит Корин. – Стой!

Фрэнк останавливается и как раз вовремя. Впереди ещё одна забитая труба и вымоина на вершине холма. Только в этот раз она перекрывает всю дорогу. Расщелина кажется не менее трёх футов в ширину. И Бог знает насколько глубока.

– Что случилось, пап? – спрашивает Билли, поставив игру на паузу.

– Что случилось, пап? – спрашивает Мэри, оторвавшись от поиска другого комикса про Арчи.

– Что случилось, Фрэнки? – спрашивает дедушка.

Минуту Фрэнк Браун только сидит, положив руки на большой руль «Бьюика» и смотрит вверх длинного капота. В былые дни они знали толк в машинах, любит иногда приговаривать его отец. Разумеется, в те же самые былые дни, когда ни одна уважающая себя женщина не ходила в магазин, не затянув пояс и не пристегнув чулки к подвязкам;

в те дни, когда геи выходили на улицу в страхе за свою жизнь, а в каждом дешёвом магазине продавали конфеты, называемые «детёнышами нигеров»³³. Дассэр, ничего не сравнится со старыми деньками!

– В жопу твой сраный короткий путь, – говорит Фрэнк. – Смотри, куда он нас завёл.

– Фрэнк, – начинает Корин, но он выходит быстрее, чем она успевает закончить, и встаёт, уставившись на то место, где обрывается дорога.

Билли перегибается через колено дедушки и шепчет сестре на ухо: «В жопу твой сраный короткий путь». Мэри закрывает рот руками и хихикает. Неплохо. Дедушка гогочет, что ещё лучше. Вот почему они так его любят.

Корин выходит наружу и встаёт рядом с мужем перед будто бы насмехающейся решёткой радиатора «Бьюика». Она заглядывает в расщелину и не видит ничего хорошего.

– Что будем делать?

К ним присоединяются дети: Мэри встаёт рядом с матерью, а Билли с отцом. Затем, с весёлым видом, к ним подходит дедушка, шаркая своими большими чёрными ботинками.

– Не знаю, – отвечает Фрэнк, – но мы точно тут не проедем.

– Придётся сдать назад, – говорит дедушка. – Назад до самой «Слайд-Инн». Сможешь развернуться на подъездной дороге.

– Господи, – произносит Фрэнк и проводит пальцами по редющим волосам. – Ладно. Когда доедем до главной дороги, там и решим, ехать ли в Дерри или вернуться домой.

Дедушка выглядит возмущённым при мысли об отступлении, но всмотревшись в лицо сына – особенно в красные пятна на щеках и на лбу – решает держать рот на замке.

– Все в машину, – говорит Фрэнк, – но в этот раз, пап, ты сидишь либо с одной стороны, либо с другой. Чтобы твоя голова не маячила в зеркале, и я видел, куда ехать.

«Если бы мы взяли «Вольво», – думает он, – я бы воспользовался задней камерой. А вместо этого придётся заниматься этой хернёй».

– Я пройду, – говорит дедушка. – Тут не больше двухсот ярдов.

³³ Конфеты в виде маленьких черных человечков.

– Я тоже, – говорит Мэри и её поддерживает Билли.

– Ладно, – говорит Фрэнк. – Только постарайся не споткнуться и не сломать себе ногу, пап. Это будет последний штрих к этому совершенно чудесному дню.

Дедушка с детьми начинают спускаться с холма к подъездной дороге сгоревшей гостиницы; Мэри и Билли держат старика за руки. Фрэнк думает: ну прямо картина Нормана Роквелла: «И старый засранец поведёт их».

Он садится за баранку «Бьюика». Корин – на пассажирское место. Корин кладёт ладонь на руку Фрэнка и одаривает его своей ласковой улыбкой как бы говоря: *я люблю тебя, большой сильный мужчина*. Фрэнк не большой и не такой уж сильный, и на розе их брака осталось не так уж много цветков (и те полуувядшие), но ей нужно вывести его из «красной зоны»; долгий опыт научил её, как это сделать.

Фрэнк вздыхает и включает заднюю передачу.

– Постарайся не переехать их, – говорит она, глядя назад через плечо.

– Не искушай меня, – говорит Фрэнк и начинает вести «Бьюик» задним ходом. Канавы по обе стороны этой узкой дороги очень глубоки и, если он заедет в одну из них – тушите свет.

Дедушка с детьми спускаются к подъездной дороге быстрее, чем Фрэнк преодолевает даже половину пути. Старик замечает в траве следы от колёс. Хотя автофургон выглядит так, будто простоял там долгие годы, дедушка сомневается в этом. Может, кто-то решил выбраться на природу на пару дней. Это единственное, что приходит ему в голову. Тут определённно не осталось ничего, чем можно поживиться – это ясно любому дураку.

Дональд Браун любит своего сына, и во многих вещах Фрэнк хорош (хотя сейчас дедушке ничего не приходит на ум), но когда дело доходит до вождения универсала «Бьюик» задним ходом – это жалкое зрелище. Задняя часть виляет из стороны в сторону, как хвост старой собаки. «Бьюик» почти ныряет в левую канаву, выравнивается, почти ныряет в правую и снова выравнивается.

– Блин, у него не очень-то получается, – говорит Билли.

– Тихо ты, – говорит дедушка. – Всё у него нормально.

– Можно мы с Мэри пойдём посмотрим на старую «Слип Инн»?

– «Слайд Инн», – поправляет бабушка. – Конечно, сбегайте на минутку. Но только туда и обратно. Ваш папа сейчас не в очень хорошем настроении.

Дети бегут по заросшей дороге.

– Не свалитесь в яму! – кричит им вслед бабушка и хочет добавить, чтобы они оставались на виду, но тут раздаётся треск, короткий гудок клаксона и голос его сына, сыплющего проклятья. Последнее – это как раз то, в чём Фрэнк хорош.

Бабушка отворачивается от убегающих детей и видит, что, умудрившись не съехать с дороги по пути с холма, Фрэнк угодил в канаву, выполняя трёхпозиционный разворот.

– Заткнись, Фрэнки! – кричит бабушка. – Перестань ругаться и выключи мотор, пока он не заглох! – Скорее всего, у «Бьюика» уже отвалилась половина выхлопной трубы, но нет смысла говорить Фрэнку об этом.

Фрэнк глушит мотор и вылезает из машины. За ним выбирается Корин, но с трудом. Ей приходится продраться сквозь траву перед дверью, но она справляется. Задний бампер машины завален вправо, а передний торчит вверх слева.

Фрэнк подходит к отцу.

– Земля просела, когда я разворачивался!

– Ты срезал слишком круто, – говорит старик. – Вот почему соскочило только заднее правое.

– Земля просела, говорю тебе!

– Срезал слишком круто.

– Земля просела, чёрт возьми!

Пока они стоят рядом, Корин замечает, насколько они похожи, и хотя она уже много раз видела сходство, этим поганым летним утром оно становится для неё откровением. Она понимает, что её муж – яблочко от яблони и, прежде чем укатиться на кладбище, он превратится в своего собственного отца, только без его едкого, но порой обаятельного чувства юмора. Иногда ей так тяжело. От Фрэнка, да, но и от себя тоже. Разве она чем-то лучше? Конечно, нет.

Она смотрит в сторону, где должны были находиться Билли и Мэри и обращается к бабушке:

– Дональд? Где дети?

Дети изучают автофургон на вершущке холма, недалеко от того места, где когда-то стояла гостиница «Слайд-Инн». Колесо с водительской стороны спущено. Пока Мэри обходит спереди, чтобы взглянуть на номерной знак (она постоянно ищет новые – этой игре её научил дедушка), Билли подходит к краю большой ямы, на месте которой раньше стояла гостиница. Он смотрит вниз и видит, что яма заполнена тёмной водой. Из неё торчат обгорелые балки. И женская нога. На ноге ярко-синяя кроссовка. Он смотрит, поначалу застыв на месте, потом отступает.

– Билли! – зовёт Мэри. – Это Делавер! Мой первый знак из Делавера!

– Всё верно, дорогая, – кто-то произносит. – Самый настоящий Делавер.

Билл поднимает голову. Двое мужчин подходят с дальнего конца ямы. Они молоды. Один высокий, с рыжими волосами, сальными и сильно спутанными. На лице много прыщей. Другой – низкий и толстый. В одной руке у него сумка, похожая на дедушкину сумку для боулинга с выцветшей синей надписью «шаровая молния» на боку. Но на этой сумке надписей нет. Оба мужчины улыбаются.

Билли пытается улыбнуться в ответ. Он не знает, действительно ли это похоже на улыбку или больше на то, как ребёнок старается не закричать, но надеется, что на улыбку. Он не хочет дать понять двум этим мужчинам, что он заглядывал в яму. Мэри выходит из-за маленького белого автофургона со стороны спущенного колеса. Её улыбка кажется абсолютно естественной. Конечно, почему бы нет? Она маленькая девочка и, насколько она знает, все любят маленьких девочек.

– Привет, – говорит она. – Я Мэри. Это мой брат Билли. Наша машина застряла в канаве. – Она показывает вниз по склону, туда, где её отец и дедушка смотрят на заднюю часть «Бьюика», а их мать смотрит на них.

– Что ж, привет Мэри, – произносит рыжеволосый. – Рад познакомиться.

– И с тобой, Билли. – Толстый молодой человек кладёт ладонь на плечо Билли. Это прикосновение пугает, но Билли и так слишком напуган, чтобы вздрогнуть. Он изо всех сил изображает улыбку.

– Да, наблюдается проблемка, – говорит толстый молодой человек, глядя вниз, и когда Корин поднимает в приветствии руку – нерешительно, – толстяк поднимает свою в ответ. – Думаешь, мы сможем помочь, Гэлен?

– Держу пари, что сможем, – отвечает рыжеволосый. – Как видите, у нас тут тоже проблемка. – И он показал на спущенное колесо. – Нет запаски. – Он наклоняется к Билли. У него ярко-голубые глаза. Они кажутся пустыми. – Ты заглядывал в эту яму, Билли? Вот в эту, здоровенную.

– Нет, – отвечает Билли. Он старается говорить естественно, не показывая виду, но не понимает, проскользнуло ли что-то в его голосе. Ему кажется, что он сейчас грохнется в обморок. Господи, лучше бы он не заглядывал в яму. Этот синий кроссовок. – Я боялся, что упаду туда.

– Умный парень, – говорит Гэлен. – Правда, Пит?

– Умный, – соглашается толстяк и снова машет Корин рукой. Теперь дедушка тоже смотрит вверх на холм. Фрэнк, поникнув, продолжает смотреть на провалившееся заднее колесо.

– Худой – это твой отец? – спрашивает Мэри рыжеволосый.

– Ага, а это наш дедушка. Он старый.

– В натуре, – говорит Пит. Его рука всё ещё лежит на плече Билли. Билли смотрит на неё и видит под ногтем среднего пальца Пита то, что может быть кровью.

– Короче, знаешь, что? – говорит Пит, наклоняясь и обращаясь к Мэри, которая улыбается ему. – Уверен, мы могли бы вытолкать оттуда эту старую развалюху. А в благодарность твой отец мог бы подбросить нас до мастерской. Чтобы достать новое колесо для нашего маленького грузовика.

– Вы из Делавэра? – спрашивает Мэри.

– Ну, мы там были, – отвечает Пит. Затем он переглядывается с Гэленом и они смеются.

– Давайте-ка посмотрим, что там с вашей машиной, – предлагает Гэлен. – Хочешь, я отнесу тебя вниз, милашка?

– Нет, спасибо, – отвечает Мэри. Её улыбка становится слегка неуверенной. – Я могу идти сама.

– Твой братец не слишком-то разговорчив, а? – говорит Пит. Его рука, та, что без сумки для боулинга (если она для боулинга), всё ещё покоится на плече Билли.

– Обычно его на заставишь замолчать, – говорит Мэри. – Язык без костей, мелет, как помело – так говорит наш дедушка.

– Может, он увидел что-то такое, что его испугало, – говорит Гэлен. – Сурка или лисицу. Или что-то ещё.

– Я ничего не видел, – говорит Билли. Ему кажется, что он может разреветься и говорит себе, что этого делать нельзя.

– Что ж, пойдём, – говорит Гэлен. Он берёт Мэри за руку – она позволяет ему, – и они начинают спускаться по заросшей подъездной дороге. Пит идёт рядом с Билли, удерживая ладонь на его плече. Это не похоже на хватку, но Билли подозревает, что пальцы моментально вцепятся в плечо, если он попытается бежать. Он почти уверен, что мужчины видели, как он заглядывает в яму с водой. Он подозревает, что у них серьёзные проблемы.

– Здорово, мужики! Приветствую, мэм! – Голос Гэлена звучит бодро, как майский день.

– Кажется, у вас тут проблемка. Подсобить?

– О, это было бы замечательно, – отвечает Корин.

– Отлично, – говорит Фрэнк. – Долбаная дорога ушла прямо из-под машины, пока я разворачивался.

– Слишком круто срезал, – твердит дедушка.

Фрэнк зло глядит на него, затем поворачивается обратно к вновь прибывшим и расплывается в улыбке.

– Держу пари, мы с вами сможем вытолкать её оттуда.

– Не сомневаюсь, – отвечает Пит.

Фрэнк протягивает руку.

– Фрэнк Браун. Это моя жена, Корин, а это мой отец, Дональд.

– Пит Смит, – отвечает толстый молодой человек.

– Гэлен Прентис, – говорит рыжеволосый.

Все пожали друг другу руки. Дедушка бормочет: «Здрасьте», но едва достаивает незнакомцев вниманием. Он смотрит на Билли.

– Мэм, – говорит Гэлен, – почему бы вам не сесть за руль? А мы с Питом и вашим красавчиком мужем будем толкать, пока вы рулите.

– О, ну я не знаю, – говорит Корин.

– Я могу, – говорит дедушка. – Это моя машина. Из далёких старых времён. Раньше знали толк в машинах. – Голос у него надутый, и сердце Билли, которое слегка воспрянуло, теперь упало. Ему показалось, что дедушка кое-что понял об этих мужчинах, но нет.

– Дедуля, с тебя достаточно наблюдать за процессом. Уверен, благоверная Фрэнк сама справится. Я прав?

– Я полагаю... – Корин замолкает.

Гэлен показывает ей большой палец.

– Ну конечно сможете! Дети – в сторонку вместе со своим дедулей.

– Он дедушка, – говорит Мэри. – Не дедуля.

Гэлен ухмыляется.

– Конечно, – говорит он. – Дедушка – не бабушка же.

Корин садится за руль «Бьюика» и пододвигает сиденье вперёд. Билли всё думает о ноге, торчащей из мутной воды в яме. В синей кроссовке.

Гэлен и Пит занимают позиции слева и справа от кормы «Бьюика». Фрэнк встаёт посередине.

– Заводите, миссис! – кричит Гэлен, и когда она заводит двигатель, трое мужчин наклоняются вперёд, расставив ноги и упёршись руками в плоскую заднюю часть универсала.

– Так! Прибавьте немного газу! Не сильно, потихоньку!

Двигатель набирает обороты. Дедушка наклоняется к Билли. У него как обычно кислое дыхание, но это дыхание дедушки и Билли не возражает.

– Что случилось, парень?

– Мёртвая леди, – прошептал Билли и в этот раз он не смог сдержать слёз. – Мертвая леди в той яме.

– Ещё чуток! – орёт толстый Пит. – Напрягите эту колымагу!

Корин прибавляет ещё газу и мужчины толкают. Задние колёса «Бьюика» прокручиваются, а затем вгрызаются в землю. Универсал выскакивает на дорогу.

– Стоп, стоп, стоп! – кричит Гэлен.

У Билли вдруг возникает невольное желание, чтобы его мать просто уехала и оставила их; чтобы она оказалась в безопасности. Но она останавливается, ставит «Бьюик» на ручник и выходит из машины, прижимая рукой подол платья.

– Проще пареной репы! – восклицает Гэлен. – Снова в строю и как новенькая! Только вот у нас всё ещё есть одна проблемка. Так ведь, Пит?

– Так точно, – отвечает Пит. – На нашем грузовике спустило колесо и нет запаски. Наверное, наскочили на гвоздь, когда поднимались. – Он надувает свои небритые щёки, теперь вспотевшие, и издаёт звук спущенной шины: *пшшшшшш!* До этого Пит поставил свою сумку на землю и теперь поднимает её. Затем расстёгивает.

– Чёрт, – говорит Фрэнк. – И нет запаски?

– Хреново, да? – говорит Гэлен.

– Что вы там делали? – спрашивает Корин. Она не заглушила двигатель «Бьюика» и оставила дверь открытой. Она смотрит на мужа, который улыбается своей широкой банкирской улыбкой, затем на двух своих детей. Дочь выглядит в порядке, но лицо Билли бледное, будто из воска.

– Выбрались на природу, – отвечает Пит. Его рука исчезает в сумке, которая вовсе не была сумкой для боулинга.

– Хм, – произносит Фрэнк. – Это...

Он умолкает; вероятно, не знает, что сказать, и, кажется, никто не знает, как снова начать разговор. Птицы щебечут в ветвях деревьев. Сверчки стрекочут в высокой траве – для них это весь мир, который они знают. Семеро человек стоят неполным кругом позади работающего на холостом ходу «Бьюика». Фрэнк и Корин обмениваются взглядом, как бы вопрошая: *что тут такое происходит?*

Дедушка знает. Он видел таких людей во Вьетнаме. Им бы только поживиться чем-нибудь и быстрее сделать ноги. Одного такого поставили к стенке и пристрелили свои же после сворачивания Тетского наступления – полнейшего пиздеца, о котором внуки, для которых он

слишком стар, вероятно, никогда не прочитают в своих учебниках истории.

Тем временем Фрэнк оживает, как заводная игрушка. Снова появляется его улыбка «ваш-кредит-одобрен». Он достаёт бумажник из заднего кармана.

– Я бы хотел отвезти вас в мастерскую или ещё куда, но как видите, у нас все места заняты...

– Твоя миссис могла бы сесть мне на колени, – говорит Пит, подёргивая бровями.

Фрэнк решает не обращать на это внимания.

– Но вот как мы поступим: первым делом мы остановимся и пошлём кого-нибудь сюда. А пока что: как насчёт десятки? За помощь.

Он открывает свой бумажник. Гэлен очень спокойно забирает бумажник из его руки. Фрэнк даже не пытается остановить его. Он просто продолжает смотреть широко открытыми глазами на руки, будто всё ещё держит бумажник. Будто всё ещё чувствует его вес, но сам бумажник каким-то образом стал невидимым.

– Почему бы мне не забрать всё? – спрашивает Гэлен.

– Верните назад! – говорит Корин. Она чувствует, как Мэри берёт её за руку, и в ответ сжимает её ладонь. – Это не ваше!

– Теперь наше. – Голос Гэлена так же спокоен, как и его рука, взявшая бумажник. – Посмотрим, что тут у нас.

Гэлен открывает бумажник. Фрэнк делает шаг вперёд. Пит достаёт руку из своей сумки-не-для-боулинга. В ней зажат револьвер. Дедушке кажется, что это 38-ой калибр.

– Назад, Фрэнки-Вэнки, – говорит Пит. – Мы тут заняты делом.

Гэлен достаёт из бумажника небольшую пачку банкнот. Он складывает их, засовывает в карман джинсов, затем протягивает бумажник Питу, который кладёт его в сумку.

– Дедуля, теперь твой.

– Бандиты, – говорит дедушка. – Вот кто вы.

– Всё верно, – соглашается Гэлен своим спокойным тоном. – И если ты не хочешь, чтобы я выбил душу из этого парнишки, отдай свой бумажник.

Эти слова действуют на Билли: его мочевого пузыря расслабляется, а в промежности становится тепло. Он начинает реветь, отчасти от стыда, отчасти от страха.

Дедушка вытаскивает из переднего левого кармана своих мешковатых брюк старый потрёпанный «Лорд Бакстон» и отдаёт его. Бумажник пухлый, но в основном там карточки, фотографии и товарные чеки пятилетней давности. Гэлен достаёт двадцатку и ещё несколько монет, засовывает их себе в карман и протягивает «Лорд Бакстон» Питу. Бумажник отправляется в сумку.

– Надо бы время от времени его чистить, дедуля, – говорит Гэлен.
– А то вон его как расперло.

– Говорит человек, который, похоже, последний раз мыл голову в прошлый День благодарения.

Едва дедушка договаривает, Гэлен с быстротой змеи, выпрыгивающей из кустов, отвешивает ему оплеуху. Мэри ударяется в слёзы и прижимается лицом к бедру матери.

– Перестаньте! – говорит Фрэнк, будто дело ещё не сделано и у его отца не кровоточит губа и нос. Затем на том же дыхании произносит: – Заткнись, пап!

– Никому не позволено дерзить мне, – говорит Гэлен, – даже старикам. Старики должны лучше всех это понимать. Теперь очередь Корин. Давай-ка достанем твою сумочку из машины. А ты, малышка, можешь пойти с нами. – Он хватает Мэри, кончики его пальцев вонзаются в её худенькую руку.

– Отпусти её, – говорит Корин.

– Ты здесь не командуешь, – отвечает Гэлен. Теперь его голос звучит не так спокойно. – Ещё раз укажешь мне, что делать, и я подправлю тебе лицо. Пит, сделай так, чтобы Фрэнк и его папаша встали рядом. Плечом к плечу. Если кто шевельнётся...

Пит делает жест револьвером. Дедушка шаркает к своему сыну. Фрэнк дышит через нос, издавая короткие сопящие звуки. Дедушка бы не удивился, если бы его сын потерял сознание.

– Ты ведь видел, не так ли? – спрашивает Пит Билли. – Признавайся.

– Я ничего не видел, – отвечает Билли сквозь слёзы. Он хнычет, как маленький ребёнок, но ничего не может с собой поделаться. Синяя кроссовка стоит у него перед глазами.

– На лгунишке горят штанишки, – говорит Пит. Он смеётся и тербит волосы мальчика.

Гэлен возвращается, засовывая в карман ещё несколько банкнот. Он отпустил Мэри. Девочка теперь прижимается к матери. Корин выглядит потрясённой.

Дедушка не смотрит на своих. Он наблюдает, как Гэлен подходит к Питу – ему важно увидеть их манипуляции, и он видит почти то, что и ожидал, в чём практически можно не сомневаться. Они могут взять «Бьюик» и оставить семью Браунов в покое или могут взять «Бьюик» и убить Браунов. Если этих двоих поймают, они всё равно получат пожизненный срок в Шенке и не важно, какой у них будет счёт.

– Есть ещё, – говорит дедушка.

– В смысле? – спрашивает Гэлен. Он тут самый общительный. Его толстый подельник, похоже, тихоня.

– Ещё деньги. Прилично. Я отдам их, если вы отпустите нас. Возьмите машину и просто оставьте нас.

– Сколько? – спрашивает Гэлен.

– Не скажу точно, но, думаю, около тридцати трёх сотен. В моей сумке.

– На хрена такому старому пердуну разъезжать по чигирям с тремя с лишним тыщ?

– Из-за Нэн. Моей сестры. Мы ехали в Дерри проведать её перед смертью. Ей недолго осталось, если она вообще ещё жива. У неё рак. Эта поездка из-за неё.

Пит снова поставил свою сумку-не-для-боулинга на землю. Теперь он потирает два пальца друг о друга и говорит:

– Это самая маленькая скрипка в мире, и она играет «А не насрать ли мне с высокой колокольни?».

Дедушка не обращает на это внимания.

– Я обналичил большую часть своего социального обеспечения, чтобы оплатить похороны. У Нэн нет ни цента, и они дают скидку, если платишь наличными. – Он поглаживает Билли по плечу. – Этот паренёк узнал всё это для меня в Интернете.

Билли ничего подобного не делал, но если не считать одного-двух сдавленных всхлипов, он молчит. Он хочет, чтобы они с Мэри никогда не ходили к «Слайд-Инн», и когда он смотрит затуманенными глазами на отца, то ощущает проблеск лютой ненависти. *«Это ты виноват, папа, – думает он. – Ты посадил машину в канаву, а эти мужики забрали наши деньги и теперь хотят убить нас. Дедушка это знает. Я вижу, что он знает».*

– Где твоя сумка? – спрашивает Гэлен.

– Сзади с остальным багажом.

– Доставай.

Дедушка идёт к «Бьюику», который всё ещё продолжает работать на холостом ходу. Он кряхтит, открывая заднюю дверь – у него почти сводит спину. Его отец говаривал: первой выходит из строя спина, последним – причиндал, а всё остальное – в промежутке между ними. Сумка почти такая же, как у Пита, с молнией сверху, только длиннее; больше похожа на вещмешок, чем на сумку для боулинга. Дедушка расстёгивает молнию и раздвигает края.

– Там ведь нет пушки, дедуля? – спрашивает Гэлен.

– Нет, нет, пушки только у таких парней, как вы. Но глянь-ка сюда. – Дедушка достаёт старую потрёпанную перчатку для софтбола. – Я говорил вам о сестре. Так вот – это её перчатка. Я хотел отвезти ей, пока она ещё не скончалась. Или не впала в кому. Она пользовалась ей в Женской мировой серии в Оки-Сити. Была шорт-стопом. Не верится, но это было ещё до Второй мировой. Посмотри сюда! – Он переворачивает перчатку.

– Дедуля, – говорит Гэлен, – при всём моём уважении, но мне совершенно до лампочки.

– Да, но вот тут, сзади, – не унимается дедушка. – Видишь? Подписана Домом Ди Маджо. Ну, братом Ударного Джо.

Он откладывает перчатку в сторону и снова залезает в сумку.

– Тут около двух сотен бейсбольных карточек, некоторые подписаны и стоят денег...

Пит хватает Билли за руку и выворачивает её. Билли кричит.

– Нет! – вскрикивает Корин. – Не делай больно моему сыну!

– Это твой сын виноват, что ты вляпалась в эту историю, – говорит Пит. – Мелкий негодник. – Затем обращается к дедушке: – Нам на хер не нужны твои бейсбольные карточки!

Мэри рыдает, Корин рыдает, Билли видит, что его отец вот-вот потеряет сознание, а дедушке, похоже, нет до них никакого дела. Дедушка пребывает в своём собственном мире.

– А, может, комиксы? – спрашивает дедушка. Он достаёт стопку и помахивает ею. – «Арчи» и «Каспер» ничего не стоят, но есть парочка про Супермена... и про Бэтмена, где он борется с Джокером...

– Думаю, я велю Питу пристрелить твоего сына, если ты не прекратишь тянуть резину, – говорит Гэлен. – Там есть деньги или нет?

– Да-да, – отвечает дедушка, – на дне, но есть кое-что другое, что может заинтересовать вас.

– Весь мой интерес иссяк, – говорит Гэлен. Он шагает вперёд. – Я сам достану деньги. Если они там. Свали отсюда.

– Да ты только посмотри, – говорит дедушка. – Это будет стоить в два раза больше, чем у меня есть налички. – Он вытаскивает «Луисвиль-Слаггер». – Подписана Тедом Уильямсом, самим Неповторимым Крушителем. Выстави её на «иБэй» – выручишь семь тысяч. Не меньше семи.

– Как она попала к твоей сестре? – спрашивает Гэлен всё-таки заинтересовавшись. Он видит на ручке подпись, потускневшую, но читаемую.

– Она просто улыбнулась и подмигнула ему, когда он проходил по «аллее автографов», – говорит дедушка и взмахивает битой. Она входит в контакт с виском Гэлена. Его черепушка раскалывается, как арбуз. Брызжет кровь. Его глаза жмурятся от боли и удивления. Он шатается, вытянув одну руку и пытаясь сохранить равновесие.

– Хватай второго, Фрэнки! – кричит дедушка. – Вали его!

Фрэнк просто стоит с открытым ртом, не шелохнувшись.

Пит тарашится на Гэлена, на какое-то драгоценное мгновение совершенно ошеломлённый, но мгновение проходит. Он направляет оружие на дедушку. Билли бросается к нему.

– Нет! – кричит Корин. – Билли, нет!

Билли хватается Пита за руку, опуская её вниз, и когда Пит стреляет, пуля уходит в землю между его ног. Гэлен выпрямляется, одной рукой

вцепившись в открытую заднюю дверь универсала. Дедушка замахи-вается, игнорируя взрыв боли в спине, и бьёт рыжеволосого по рёбрам 33-унцевым куском твёрдого кентуккийского ясеня. Колени Гэлена подгибаются и он на выдохе, почти шёпотом произносит: «Пит, при-стрели этого пидара!» Дедушка поднимает биту. Раздаётся ещё один выстрел, но пуля в него не попадает (по крайней мере, ему так ка-жется) и он опускает биту на опущенную голову Гэлена. Тот ныряет вниз лицом в отпечаток следа от колеса «Бьюика»

Пит пытается стряхнуть Билли, но Билли вцепился, как хорёк, вы-пучив глаза и закусив нижнюю губу. Оружие качается вперёд и назад, и стреляет в третий раз, посылая пулю в небо.

– Теперь твоя очередь, сукин ты сын, – рычит дедушка.

Наконец, Пит отшвыривает Билли, но прежде чем он успевает навести револьвер, дедушка обрушивает биту и ломает его запястье. Оружие падает на землю. Пит разворачивается и бежит, оставляя на земле свою сумку-не-для-боулинга.

Дети бросаются к дедушке, обнимают его, чуть не сбив с ног. Он отталкивает их. Старое сердце колотится, и он ничуть не удивится, если оно не выдержит.

– Билли, возьми сумку толстяка. Там наши вещи. Мне кажется, я не смогу наклониться.

Мальчик не выполняет просьбу – возможно, выстрелы немного оглушили его – но выполняет девочка. Она бросает сумку в багажник универсала, а потом вытирает руки о свою футболку с единорогом.

– Фрэнк, – спрашивает дедушка, – этот рыжий мёртв?

Фрэнк не двигается, но Корин опускается на колени рядом с Гэле-ном. Через несколько секунд она поднимает голову, её глаза сияют го-лубизной под бледным лбом. – Он не дышит.

– Не такая уж большая потеря для этого мира, – говорит дедушка. – Билли, возьми оружие. Но не касайся спускового крючка.

Билли поднимает револьвер. Он протягивает его своему отцу, но Фрэнк лишь смотрит на него. Дедушка берёт револьвер и сунёт в кар-ман, где раньше лежал бумажник. Фрэнк стоит на месте и смотрит на Гэлена, лежащего лицом вниз в траве с проломленной макушкой.

– Дедушка, дедушка! – зовёт Билли, дёргая старика за руку. Губы его дрожат, по щекам текут слёзы, под носом пузырятся сопли. – Что если у толстяка есть ещё оружие в грузовике?

– Что если мы просто свалим отсюда на хрен? – произносит дедушка. – Корин – за руль. Я не могу. Дети – на заднее сиденье. – Он даже не уверен, что сможет сидеть; он угробил свою спину самым праведным способом, но ему придётся сесть, как бы больно ни было.

Корин закрывает заднюю дверь. Дети бросают последний взгляд на подъездную дорожку – не возвращается ли Пит, – затем бегут к универсалу.

Дедушка подходит к сыну.

– У тебя был шанс, а ты просто стоял. Меня могли убить. Всех нас могли убить. – Дедушка отвешивает Фрэнку оплеуху, точно так же, как ему отвесил оплеуху человек, который теперь лежит мёртвый у их ног. – Садись, сын. Не знаю, может, ты слишком стар, чтобы перебороть самого себя.

Фрэнк подходит к переднему пассажирскому сиденью, будто в прострации, и садится. Позади него дедушка открывает дверь и обнаруживает, что не может согнуться. Поэтому он просто падает навзничь на сиденье, подтягивая ноги и тихонько всхлипывая от боли. Мэри переползает через него, чтобы закрыть дверь, и от этого ему тоже больно. И дело не только в спине; такое ощущение, что его пырнули в живот.

– Дедушка, вы в порядке? – спрашивает Корин. Она смотрит назад. Фрэнк смотрит прямо перед собой через лобовое стекло. Его руки лежат на коленях.

– Я в порядке, – отвечает дедушка, хотя это не так. Сейчас бы он не отказался от обезболивающего, которое, без сомнения, его сестре выписывает её онколог, но Нэн в сотне миль отсюда и что-то подсказывает ему, что сегодня они её не увидят. Нет, не сегодня. – Езжай.

– Дедушка, у тебя правда есть эти деньги? – спрашивает Билли, когда его мама начинает движение тем же путём, каким они приехали, но гораздо быстрее, чем мог осмелиться Фрэнк. Желая оставить «Слайд-Инн» позади. И Слайд-Инн-Роуд – тоже.

– Конечно, нет, – отвечает дедушка. Он вытирает слёзы с лица внучки и прижимает её к себе. Ему больно, но он вытерпит.

– Дедушка, – говорит она, – ты забыл бейсбольную битку тёти Нэн.
– Ничего страшного, – говорит дедушка, глядя её по взмокшим и спутанным волосам. – Возможно, позже она вернётся к нам.

Фрэнк наконец заговаривает:

– На шоссе 196 как раз перед поворотом был магазин «Ред Эппл». Я позвоню оттуда в полицию. – Он поворачивается и смотрит на старика. На его щеке виднеется красная отметина от оплеухи.

– Это твоя вина, отец. Всё из-за тебя. Нам пришлось взять твою сраную машину. Если бы у нас был «Вольво»...

– Заткнись, Фрэнк, – говорит Корин. – Прошу тебя. Хоть разок.

И Фрэнк замолкает.

Памяти Фланнери О'Коннор³⁴.

³⁴ Фланнери О'Коннор (1925-1964) – американская писательница.

КРАСНЫЙ ЭКРАН

У Уилсона задаётся плохое утро. Он режется во время бритья, и салфеткой «Клинекс» стирает струйку крови с подбородка, когда в дверь заглядывает Сэнди – напомнить ему, чтобы Уилсон не забыл опустить стульчак и вернуть колпачок на тюбик зубной пасты. Он проливает сок на галстук, и приходится взять новый. Прежде чем он успеет сбежать на работу, он выслушивает ещё несколько замечаний: Сэнди нашла пивные бутылки в общем мусорном ведре, а не в предназначенном для вторсырья, и Уилсон забыл сполоснуть чашку из-под мороженого перед отправкой в посудомойку. Следует ещё одно замечание, но оно залетает в одно ухо, а вылетает из другого – в общем, какая-то фигня. В последнее время Уилсон стал забывчивым и немного рассеянным, или это она изменилась за последние шесть или восемь месяцев? Он не знает, да и слишком рано для таких вопросов.

И всё же, как только он садится в машину и сдаёт назад по подъездной дорожке, у него появляется мысль, которая поднимает ему настроение. Если существует такая вещь, как плохая карма, возможно, он уже получил своё на сегодняшний день и дальше...

– Жить – не тужить! – восклицает Уилсон, и угощается сигаретой из пачки в бардачке.

Эта оптимистичная мысль крутится в его голове следующие пятнадцать минут. Затем звонит мобильник Уилсона и голос велит ему ехать на 34-ю авеню в Квинсе. Велит встретиться с полицейскими, что никогда не сулит хорошей кармы.

Через пять часов, когда Уилсону следовало бы пойти на обед, он смотрит через одностороннее стекло в маленькую комнату для допросов. В ней стоит стол и два стула. На одном сидит человек по имени Леонард Крокер. Он пристёгнут наручниками к кольцу со своей стороны стола. На нём майка и рабочие штаны цвета хаки. Его рубашка сейчас находится в полиэтиленовом пакете с биркой по пути на криминалистическую экспертизу. Когда она вернётся (через какое-то время, потому что всегда есть очередь), из имеющихся на ней пятен

крови будет выделена группа крови и ДНК. Это простая формальность. Крокер уже признался в убийстве. Скоро его майка и брюки сменятся на тюремную робу.

Уилсон прикрепляет удостоверение личности на ремешке. И нацепляет на лицо улыбку, входя в комнату.

– Приветствую, мистер Крокер. Помните меня?

Леонард Крокер выглядит совершенно непринуждённо, несмотря на наручники и всё остальное.

– Вы детектив.

– Точно! – Уилсон садится. – Как к вам обращаться: Лен, Ленни или Леонард?

– Обычно Ленни. Так меня зовут парни из магазина сантехники.

– Значит, Ленни. То, что здесь происходит – если вы согласны – это, так сказать, предварительная беседа. Вам зачитали ваши права, верно?

Ленни улыбается, как человек, разгадавший вопрос с подвохом.

– Сначала полицейские на месте происшествия, затем вы. Я вызвал их, знаете ли. Полицию.

– Замечательно! Просто, чтобы подытожить: всё, что вы скажете...

– ...может быть использовано против меня.

Улыбка Уилсона становится шире.

– В точку! Как насчёт юридического представительства? Об этом вы помните? Потому что разговор записывается.

– Я могу в любое время обратиться к услугам адвоката. Если я не могу позволить его себе, адвоката предоставите вы. Таков закон.

– Точнёхонько. Так вам нужен адвокат? Только скажите. – И я смогу пойти перекусить, думает Уилсон.

– Я с радостью пообщаюсь с вами, детектив, но мне понадобится адвокат на суде, да?

– Если только вы не предпочтёте защищаться самостоятельно. Но тот, кто защищает себя сам...

Ленни поднимает указательный палец и склоняет голову – жест, скорее, учёного, чем продавца сантехники.

– ...у того клиент без портков.

Уилсон смеётся и кивает.

– И приз уходит победителю. – Затем Уилсон становится серьёзным, складывает руки под подбородком и смотрит в глаза Ленни. – Почему бы нам не перейти к делу? Этим утром вы убили свою жену, не правда ли? Нанесли ей три удара ножом в живот, после чего она скончалась от потери крови. Так вы сказали полиции, я прав? И мне.

Ленни мотает головой.

– Если подумать, то вообще-то *правда*.

– То есть вы убили свою жену. Арлин Крокер.

– Она не была моей женой.

Уилсон достаёт из внутреннего кармана пиджака блокнот и сверяется с записями.

– Разве Арлин Крокер не ваша жена?

– Не сегодня. Не последний год. – Ленни задумывается. – Может быть, дольше. Трудно сказать наверняка.

– Вы хотите сказать, что убили незнакомого человека? Просто кого-то, кто случайно выглядит как ваша жена, с которой вы прожили девять лет?

– Да. – Ленни снисходительно смотрит на Уилсона. На его лице написано: *в конце концов ты станешь задавать правильные вопросы, но я не собираюсь тебе в этом помогать*.

– Значит... когда мы определим группу и ДНК из крови на полу вашей кухни и по всей вашей рубашке, она не совпадёт с кровью покойной женщины?

– О, скорее всего совпадёт, – рассудительно кивает Ленни. – Я почти в этом уверен. Хотя надеюсь, что ваши учёные найдут необычные... эээ... – Ленни подбирает нужное слово. – Необычные *составляющие*. Не думаю, что вы что-нибудь найдёте, но было бы не дурно поискать. Я понимаю, что попаду в тюрьму за убийство этого существа, но, конечно, предпочёл бы не попадать.

Теперь Уилсону становится ясно. Крокер пытается косить под невменяемого.

– Что вы пытаетесь мне сказать, Ленни? Что ваша жена была одержима? Помогите мне понять.

Ленни задумывается.

– Я не думаю, что это можно так назвать. Когда человек одержим – поправьте меня, если я ошибаюсь, детектив – дух или демон входит

в тело и управляет им, но личность человека всё ещё внутри. Заточена в плену. Вы это имеете в виду?

Уилсон смотрел «Изгоняющего дьявола» и пару похожих фильмов, поэтому кивает.

– Типа того. Но ведь не это случилось с вашей женой?

– Нет. Она умерла, когда оно пришло. Они все.

– Они все? Кто?

– Пока что немногие, по сравнению с населением Земли, которое составляет почти восемь миллиардов человек – можете погуглить – но их число всё время растёт. Они перехватывают контроль, детектив. Это идеальная маскировка. *Мы* – идеальная маскировка.

Уилсон делает вид, будто обдумывает услышанное. На самом деле он думает, что для районного прокурора эта беседа будет бесполезной. И дальше канители станет только больше: пара психиатров со стороны обвинения, плюс личный мозгоправ Крокера. Уилсон бы не удивился, будь он у Крокера на быстром наборе.

– Пришельцы?

На лице Крокера написано: *до него дошло*.

– Верно. Пришельцы. Я не знаю, откуда они взялись, из космоса или какого-то параллельного мира. В Интернете мнения по этому вопросу разделились. Я думаю, из космоса. Это логично, потому что... – Крокер проникновенно подаётся вперёд. – Скорость света, знаете ли.

– А что с ней?

Не то чтобы Уилсона это волновало. Он теряет интерес. Его больше интересуется ветчина и индейка в магазине дальше по улице. И «Мальборо».

– Космические корабли не могут превысить скорость света – они либо начинают двигаться назад во времени, либо просто распадаются на атомы. Такова наука. Но *чистый* разум, детектив... *он* может совершить прыжок. Вот только попав сюда, им нужны тела. Иначе они, вероятно, погибают. Сейчас идёт предварительная стадия вторжения, но если мировые правительства не раскроют глаза, они придут тысячами, сотнями тысяч, *миллионами*.

До этого Крокер сидел, склонившись над кольцом с наручниками, но теперь откидывается назад.

– Всё это есть в Интернете.

– Не сомневаюсь, Ленни. Уверен, Камала Харрис, одна из захватчиц, только и ждёт, когда Амтрак Джо³⁵ склеит ласты, чтобы прибрать руль к своим рукам. – Уилсон встаёт. – Я думаю, вам стоит вернуться в камеру и всё хорошенько обдумать, прежде чем вам предъявят обвинение. И дам простой совет: вам нужен хороший адвокат. Потому что только хороший адвокат сможет скормить всё это присяжным.

– Сядьте, – тихо произносит Ленни. – Вам стоит послушать.

Уилсон смотрит на часы и решает дать Леонарду Крокеру ещё пять минут, может, даже десять. Возможно, ему удастся определить, действительно ли этот человек сумасшедший или пытается разыграть спектакль. Он должен суметь отличить одно от другого – детектив он всё-таки или нет?

– Пять-шесть лет назад кто-то сумел понять, что происходит. Всё это есть в Даркнете, детектив, и расползается, как круги на воде.

– Уверен, так и есть. – Уилсон больше не улыбается. – Вместе с демократами-кровопийцами, насильственным сексом, убийствами животных и детским порно. Вы убили свою жену, Ленни. Вам нужно прекратить нести бред, и немного задуматься. Вы ударили её мясницким ножом и смотрели, как она умирает.

– Они меняются. Они становятся раздражительными и придирчивыми. Им недостаточно просто попасть сюда, они хотят доминировать. Но у нас есть шанс, потому что какой-то компьютерный гений придумал, как их обнаружить. Если мы выживем, ему стоит поставить памятник в каждой стране, по всему миру. Пришельцы отправляют сигнал, ясно? Автоматический. Надёжный. Сейчас об этом знают всего несколько человек, но информация распространяется. Для чего хорош Интернет, так это для распространения информации.

«И сумасшествия», – думает Уилсон.

– Это будет гонка. – Глаза Ленни широко раскрыты. – Гонка со временем.

– Притормозите-ка, отмотаем назад, ладно? Вы убили свою жену, потому что она стала раздражительной и придирчивой?

Ленни улыбается.

³⁵ Прозвище президента Джо Байдена.

– Не будьте узколобым, детектив. Я знаю, многие женщины ворчат. Поэтому легко не заметить первичные признаки. – Ленни разводит руки, насколько позволяют наручники. Не очень далеко.

Уилсон говорит:

– Мне кажется, в браке с вами у Арлин было много поводов для раздражения и придирок.

– Она начала пилить меня, – говорит Ленни. – Пилить, пилить и пилить. Сначала я просто чувствовал себя подавленным...

– Пострадала самооценка, да?

– Затем я стал подозревать.

– Моя жена тоже меня пилит, – говорит Уилсон. – Любит говорить, что моя машина похожа на свинарник на колёсах, злится, если я забываю опустить стульчак. Но я не собираюсь опробовать на ней мясницкий нож.

– Экран моего телефона стал красным. Всего на секунду или две, чтобы *они* не увидели. Но когда увидел я, то всё понял.

– А я понимаю, что беседа окончена. – Уилсон поворачивается к зеркалу на стене слева от себя и проводит ребром ладони по горлу: *конец*.

– Это происходит ненавязчиво, – говорит Ленни. Он смотрит на Уилсона одновременно с жалостью и неким превосходством. – Как в той истории про лягушку, где её варят, постепенно увеличивая температуру. Они ослабляют тебя. Они отбирают твоё самоуважение, и когда ты слаб... – Ленни вытягивает руки на всю длину цепи и изображает удушье, – ...они лишают тебя жизни.

– Женщины, да?

– Женщины и мужчины. Затем приходит очередь следующего.

– Значит это не «Изгоняющий дьявола», это «Похитители тел».³⁶

Убийца жены расплывается в широкой улыбке.

– *Именно!*

– Думайте так дальше, Ленни. Посмотрим, как это вам поможет.

³⁶ Роман Джека Финнея, в основе сюжета которого, как нетрудно догадаться по названию, пришельцы, постепенно и незаметно захватывающие тела земных жителей.

Уилсон возвращается домой без четверти семь. Сэнди сидит в гостиной и смотрит вечерние новости. На кухонном столе накрыто одно, выглядящее одиноким, место.

– Привет, детка, – говорит Уилсон.

– Твой ужин в духовке. Курица, наверное, уже подсохла. Ты сказал, что будешь дома к пяти.

– Нарисовались дела.

– У тебя всегда так.

Разве он говорил Сэнди, что будет к пяти? Честно говоря, Уилсон не может вспомнить. Но он помнит, как Крокер – который, должно быть, сейчас уже находится в следственном изоляторе – сказал, что «это происходит ненавязчиво».

Уилсон достаёт курицу с картофелем из духовки, и зелёную фасоль из пароварки на плите. Картошка выглядит аппетитно, но курица и фасоль кажутся обветренными и невкусными.

– Ты забрал одежду из химчистки?

Уилсон замирает, наполовину отрезав кусочек куриной грудки. Правильнее сказать – наполовину *отпилив*.

– Какую одежду?

Сэнди встаёт в дверном проёме.

– *Нашу* одежду. Я говорила тебе прошлым вечером, Фрэнк! Господи!

– Я... – Звонит его мобильник. Уилсон снимает его с пояса и смотрит на экран. Будь звонок от его напарника, Уилсон не стал бы отвечать. Но это капитан Альварес. – Я должен ответить.

– Конечно, должен, – говорит Сэнди, уходя обратно в гостиную, чтобы не пропустить последнюю статистику смертности от коронавируса. – *Бог* свидетель, как должен.

Уилсон думает было пойти за Сэнди, попытаться разрядить ситуацию, но звонит его босс, поэтому он отвечает. Слушает, что говорит Альварес, затем садится.

– Да ты *гонишь?* Как?

На его голос Сэнди снова появляется в дверном проёме. А его скрюченная поза – телефон прижат к уху, голова склонена, одна рука лежит на бедре – побуждает её подойти к столу.

Уилсон слушает, затем даёт отбой. Он относит тарелку в раковину и вываливает еду в измельчитель.

– Идеальное, блядь, завершение идеального дня.

– Что случилось? – Сэнди кладёт руку ему на плечо. Прикосновение лёгкое, но очень приятное.

– Мы задержали парня, который убил свою жену. Я был на месте преступления – настоящий ужас. Кровь по всей кухне, она лежала в луже крови. В участке я провёл предварительный допрос. У преступника явно не всё в порядке с головой. Утверждал, что она была пришельцем, частью группы вторжения.

– О, боже мой.

– Он покончил с собой. Перед рамкой металлоискателя в изоляторе схватил карандаш на цепочке и проткнул себе ярёмную вену. Альварес говорит, что это слепое везение, но сержант уверяет, будто он знал, куда бить.

– Может быть, проходил медицинскую подготовку.

– Сэнди, он был *сантехником*.

Сэнди смеётся, и это заставляет засмеяться Уилсона. Он прижимается лбом к её лбу.

– Смешно не от самого факта, – говорит Сэнди, – а от того, как ты это сказал. *Сантехник*. – Она снова смеётся.

– Альварес сказал, что он отбивался от них. Продолжал отбиваться, пока лилась – *хлестала*, – кровь. Когда потерял сознание, его отвезли в пресвитерианскую больницу, но было уже поздно. Он потерял слишком много крови.

– Выключи, пожалуйста, телек, – просит Сэнди. – А я пока приготавливаю тебе яичницу.

– С беконом?

– Вредно для уровня холестерина, но сегодня... можно.

Той ночью они занимаются любовью впервые за... несколько недель? Нет, больше. Прошло не меньше месяца. Это приятно. Когда всё заканчивается, Сэнди спрашивает:

– Ты всё ещё куришь?

Уилсон хочет солгать. Он вспоминает слова ныне покойного сантехника: *«Она начала пилить меня. Пилить, пилить и пилить»*. Он думает о том, каким приятным выдался этот вечер. Насколько он выделялся на фоне последних шести или восьми месяцев.

«Они меняются, – сказал Ленни. – Становятся раздражительными и придирчивыми».

Уилсон решает не лгать. Он признаётся, что продолжает курить, но понемногу. Максимум полпачки в день, ожидая услышать от Сэнди: *«Даже это может тебя убить»*.

Но она говорит другое:

– Есть с собой?

– Ты не курила с...

– Мне нужно кое-что тебе сказать. Я всё откладывала.

«О, боже», – думает Уилсон.

Он включает прикроватный светильник. Сверху на столике небрежно лежат ключи, бумажник, телефон и немного мелочи. Служебный пистолет он как всегда сунул в ящик. За ним лежит пачка «Мальборо» и зажигалка «Бик». Уилсон даёт Сэнди сигарету, думая, что после многолетнего перерыва одна затяжка вырубит её наповал.

– Возьми одну себе.

– У меня нет пепельницы. Обычно, когда хочу покурить, хожу в гостевую ванную.

– Воспользуемся моим стаканом.

Уилсон прикуривает её сигарету, затем свою. Они опять курят в постели, как раньше, когда только поженились, думая, что заведут пару детей и будут жить долго и счастливо. Двенадцать лет спустя детей так и нет, и Уилсон чувствует себя постаревшим.

– Ты же не собираешься сказать, что хочешь развестись? – Это шутка. Или не шутка.

– Нет. Я хочу рассказать тебе, почему с весны была такой чертовски сварливой и тяжёлой в общении.

– Хорошо...

Сэнди пыхает сигаретой, но без затяжки.

– Меня «штормило».

– Я не понимаю, что ты имеешь в виду, Сэнди.

– Я имею в виду менопаузу, Фрэнк. Ты знаешь, что это такое?

– Ты уверена?

Сэнди бросает на него кислый взгляд, но затем фыркает и смеётся.

– Уж кому знать, как не мне, ты согласен?

– Детка... тебе всего тридцать девять.

– В моей семье мы рано начинаем и рано заканчиваем. Моя сестра Пат начала меняться, когда ей стукнуло тридцать шесть. Я была вся на эмоциях, как ты мог заметить.

– Почему ты не сказала?

– Потому что тогда мне пришлось бы признаться в этом самой себе. – Сэнди вздыхает. – Последние месячные случились четыре месяца назад, и всего лишь пару капель. С тех пор... сухо. – По щеке Сэнди скатывается слеза. Она бросает недокуренную сигарету в стакан с водой и прикрывает рукой глаза. – И я чувствую себя сухой, Фрэнки. Старой, потрёпанной и нелюбимой. Прости, я относилась к тебе, как сука.

Уилсон тоже тушит сигарету. Он ставит стакан на столик и заключает Сэнди в объятия.

– Я люблю тебя, Сэнди. Всегда любил и буду любить.

– Спасибо, дорогой.

Она протягивает через него руку, прижимаясь грудью к его щеке, и выключает свет. На мгновение экран его телефона мигает красным.

Сэнди Уилсон улыбается в темноте.

ЭКСПЕРТ ПО ТУРБУЛЕНТНОСТИ

1

Крейг Диксон сидел в гостиной полулюкса «Четыре сезона», ел дорогую еду, доставляемую прямо в номер, и смотрел платный фильм, когда зазвонил телефон. Его до этого спокойное сердцебиение вдруг ускорилось. Диксон был одинок, идеально подходил под определение «перекати-поле», и только один человек знал, что он здесь, в этом шикарном отеле напротив парка Бостон-Коммон. Он хотел было не отвечать, но этот человек – Диксон называл его куратором – будет называть, пока ему не ответят. И если этого не сделать, то жди неприятных последствий.

Это не ад, подумал Диксон, апартаменты слишком хороши, но это чистилище. И никаких перспектив для выхода в отставку в ближайшее время.

Он выключил телевизор и поднял трубку. Без всякого приветствия он сказал:

– Это несправедливо. Я только два дня назад прилетел из Сиэтла. И ещё не пришёл в себя.

– Я понимаю и ужасно сожалею, но дело срочное, и вы единственный, к кому можно обратиться. – Вместо «сожалею» он сказал «сошалею».

У куратора был успокаивающий, почти усыпляющий голос, как у ведущего на радио, подпорченный лишь изредка пробивающейся шепелявостью. Диксон никогда его не видел, но представлял высоким и стройным, с голубыми глазами и нестареющим лицом без морщин. В реальности он наверняка толстый, лысый и смуглый, но Диксон был уверен, что его представление о нём никогда не изменится, потому что он не ожидал, что когда-либо встретится с куратором лицом к лицу. За годы работы в фирме – если это *была* фирма – Диксон познакомился со многими экспертами по турбулентности, и никто из них никогда не видел этого человека. Естественно ни один из экспертов, работавших на него, не был «бессмертным» – даже двадцатилетние и тридцатилетние выглядели людьми среднего возраста. Дело не в работе, где

иногда случалось задерживаться допоздна, хотя никаких тяжестей таскать не приходилось. Дело в том, почему именно они были *пригодны* к этой работе.

– Говорите, – сказал Диксон.

– «Аллаид Эйрлайнс», рейс № 19. Бостон – Сарасота, без пересадок. Вылет сегодня вечером в 8:10. Вы как раз успеваете.

– И больше *никто* не может? – Диксон вдруг понял, что стонет, как маленький мальчик. – Блин, я устал. *Устал*. Этот перелёт из Сиэтла выдался жёстким.

– Займите ваше обычное место, – сказал куратор, произнеся последнее слово как «мешто». Затем он повесил трубку.

Диксон посмотрел на недоеденную рыбу-меч, но у него пропал аппетит. Он взглянул на экран телевизора, где шёл фильм с Кейт Уинслет, который он всё никак не мог досмотреть, по крайней мере в Бостоне. Затем подумал – и не в первый раз! – о том, чтобы просто собрать вещи, взять напрокат машину и поехать на север, сначала в Нью-Гэмпшир, затем в Мэн и через границу в Канаду. Но они его поймут. Он это знал. И до него долетали слухи о сбежавших экспертах, которых потом били электрическим током, потрошили и даже варили заживо. Диксон не верил этим слухам... но сомнения закрадывались.

Он начал собирать вещи. Скучные. Эксперты по турбулентности путешествовали налегке.

2

Билет дожидался его на стойке регистрации. Как обычно, его место эконом-класса располагалось в начале хвостового отсека, центральное в правом ряду. Каким образом оно всегда было доступно, оставалось ещё одной загадкой, как, например, сам куратор, откуда он звонил или в какой организации работал. Как и билет, место просто всегда дожидалось Диксона.

Он засунул свою сумку на полку над головой и оглядел сегодняшних попутчиков: бизнесмена с красными глазами и запахом джина у прохода, и даму средних лет, похожую на библиотекаршу, у окна. Бизнесмен пробурчал что-то неразборчивое, когда Диксон, извиняясь,

протиснулся мимо него. Он читал книгу в мягкой обложке с очаровательным названием «Не позволяй своему боссу е*ать тебе мозги». Библиотекарша смотрела в окно на всякие снующие туда-сюда технические агрегаты, будто в своей жизни не видела ничего более захватывающего. На её коленях лежало какое-то вязание. Диксону показалось, что это свитер.

Женщина повернулась, улыбнулась ему и протянула руку.

– Приветствую, я Мэри Уорт. Как девушка из комиксов.

Диксон не знал никаких девушек из комиксов по имени Мэри Уорт, но пожал её руку.

– Крэйг Диксон. Рад познакомиться.

Бизнесмен что-то буркнул и перевернул страницу своей книги.

– Я в полнейшем нетерпении, – сказала Мэри Уорт. – У меня двенадцать лет не было настоящего отпуска. Мы с подружками сняли небольшое местечко на Сиеста-Ки.

– Подружки, – буркнул бизнесмен. Похоже, бурканье было его стилем общения.

– Да! – подмигнула Мэри Уорт. – У нас будет целых три недели. Вообще-то, мы никогда не встречались, но они настоящие подружки. Мы все вдовы. Познакомились в Интернете. Это невероятная вещь. В моём детстве ничего подобного не было.

– Педофилы тоже думают, что это невероятная вещь, – сказал бизнесмен и снова перевернул страницу.

Улыбка мисс Уорт дрогнула, затем стала ещё шире.

– Очень приятно познакомиться с вами, мистер Диксон. Вы путешествуете по делам или в своё удовольствие?

– По делам, – ответил Диксон.

Из динамиков донеслось «дин-дон».

– Добрый вечер, дамы и господа, говорит капитан Стюарт. Сейчас мы начнём движение от посадочных ворот на взлётную полосу № 3, где будем третьими в очереди на взлёт. Ориентировочно перелёт до аэропорта Эс-Ар-Кью в Сарасоте займёт два часа сорок минут, и мы окажемся в краю пальм и песчаных пляжей незадолго до одиннадцати часов. Небо ясное, и мы ожидаем, что перелёт пройдёт гладко на протяжении всего пути. А теперь я бы хотел, чтобы вы пристегнули ремни безопасности, убрали столики, если кто-то уже успел их опустить ...

– Как будто нам было что на них ставить, – буркнул бизнесмен.

– ...и не забудьте убрать все личные вещи. Спасибо, что воспользовались услугами авиакомпании «Аллайд». Мы знаем, что вам было из чего выбирать.

– Хер там, – буркнул бизнесмен.

– Читайте свою книгу, – сказал Диксон. Бизнесмен бросил на него изумлённый взгляд.

Сердце Диксона уже билось, как паровой молот, желудок сжался в комок, а в горле пересохло от предвкушения. Он мог бы сказать себе, что всё будет хорошо, всегда так было, но это не помогало. Он боялся бездны, которая вскоре должна была разверзнуться под ним.

Рейс «Аллайд» № 19 вылетел в 8:13 вечера, всего на три минуты отставая от графика.

3

Где-то над Мэрилендом стюардесса покатила по проходу тележку с напитками и закусками. Бизнесмен отложил книгу, нетерпеливо ожидая её приближения. Когда стюардесса подошла, он взял банку тоника «Швепс», две маленькие бутылочки джина и пакетик «Фритос». Оплата по его карте «МастерКард» не прошла, и он сунул девушке карту «Американ Экспресс» с таким свирепым взглядом, будто это она виновата в том, что первая карта не сработала. Диксон подумал, не исчерпал ли он лимит «МастерКард», и не приберёт ли карту «Амекс» на экстренный случай. Всё возможно. Стрижка у бизнесмена была небрежная, а одежда казалась поношенной. Так или иначе, для Диксона это не имело значения, но, по крайней мере, отвлекало от непрерывного глубинного страха. От предвкушения. Они летели на высоте 34000 футов, а это было чертовски далеко от земли.

Мэри Уорт попросила немного вина и аккуратно налила его в свой маленький стаканчик.

– Вы ничего не будете, мистер Диксон?

– Нет. В полёте я не ем и не пью.

Мистер Бизнесмен что-то буркнул. Он уже выпил свой первый шкалик джина с тоником и принялся за второй.

– Похоже, вы боитесь летать? Я смотрю, у вас даже костяшки побелели, – сочувственно сказала Мэри Уорт.

– Ага. – Не было причин не признавать этого. – Ещё как боюсь.

– Напрасно, – сказал Мистер Бизнесмен. Приняв на грудь, он взбодрился и начал выражать мысли по существу, вместо своего привычного бурчания. – Это самый безопасный вид транспорта из когда-либо придуманных. Авиакатастроф коммерческих рейсов не случилось уже целую вечность. По крайней мере, в этой стране.

– Я вот не боюсь, – сказала Мэри Уорт. Она выпила половину своей маленькой бутылочки, и теперь у неё порозовели щёки. А глаза заблестели. – Я не летала на самолёте с тех пор, как пять лет назад умер мой муж, но раньше мы с ним летали три-четыре раза в год. Здесь я чувствую себя ближе к Богу.

Словно в знак этого заплакал ребёнок.

– Если в раю так же многолюдно и шумно, – заметил Мистер Бизнесмен, оглядывая салон Боинга 747, – я не хочу там оказаться.

– Говорят, самолёт в пятьдесят раз безопаснее автомобиля, – сказала Мэри Уорт. – Может быть, больше. Даже в сто раз.

– Берите выше: в пятьсот раз безопаснее. – Мистер Бизнесмен подался вперёд через Диксона и протянул Мэри Уорт руку. Джин сотворил маленькое чудо, на время превратив его из ворчуна в приветливого человека. – Фрэнк Фриман.

Она с улыбкой пожала ему руку. Крейг Диксон сидел между ними, как обездоленный, выпрямившись по струнке, но когда Фриман протянул ему руку, то пожал её.

– Ого, – произнёс Фриман и рассмеялся. – Вы и правда напуганы. Но знаете как говорят: холодные руки – горячее сердце. – И он допил остатки своего алкоголя.

Кредитные карты Диксона всегда срабатывали. Он останавливался в первоклассных отелях и ел первоклассную еду. Иногда проводил ночь с привлекательной женщиной, доплачивая сверху за некоторые причуды, которые, судя по определённым интернет-сайтам – вряд ли знакомым Мэри Уорт – не были такими уж причудами. У Диксона имелись друзья среди других экспертов по турбулентности. Они были сплочённой командой, связанной не только своей профессией, но и

своими страхами. Зарплата лучше, чем можно желать, плюс все эти дополнительные бонусы... но в такие моменты, как нынешний, ничто из этого, казалось, не имело значения. В такие моменты оставался только страх.

Всё закончится хорошо. Так было всегда.

Но в такие моменты, в ожидании, когда дерьмо понесётся по трубам, подобные мысли не имели своей силы. Что, несомненно, делало Диксона мастером своего дела.

34000 футов. Чертовски далеко от земли.

4

ТЯН – турбулентность ясного неба.

Диксон хорошо её знал, но никогда не был к ней готов. Когда турбулентность налетела в этот раз, Рейс № 19 авиакомпании «Аллайд» находился где-то над Южной Каролиной. Женщина направлялась в туалет в хвостовой части самолёта. Молодой человек в джинсах и с модной бородкой разговаривал с девушкой, сидевшей у прохода в левом ряду, они оба над чем-то смеялись. Мэри Уорт дремала, прислонившись головой к окну. Фрэнк Фриман потягивал третью бутылочку и ел вторую пачку «Фритос».

Воздушное судно внезапно накренилось на левый бот и с глухим стуком и скрипом совершило гигантский прыжок вверх. Женщину, направляющуюся к туалету, отбросило на последний левый ряд. Молодой человек с бородкой влетел в верхнюю перегородку, как раз вовремя подняв руку, чтобы смягчить удар. Несколько непристёгнутых человек подлетели над сидениями, будто левитировали. Раздались крики.

Самолёт с глухим стуком провалился, как камень в колодец, затем снова поднялся вверх, теперь накренившись в другую сторону. В этот момент Фриман собирался сделать глоток и облился джином.

– Блядь! – воскликнул он.

Диксон закрыл глаза и стал ждать смерти. Он знал, что не умрёт, если выполнит свою работу – ради этого он находился здесь, но с ним всегда случалось одно и то же. Он ждал смерти.

Раздался «дин-дон».

– Говорит капитан. – По голосу Стюарт казался – как любил повторять один спортивный комментатор – спокойным, как удав. – Похоже, ребята, мы вошли в неожиданную зону турбулентности. Я...

Самолёт совершил ещё один ужасающий скачок, шестьдесят тонн металла взметнулись вверх, как прогоревший листок бумаги через дымоход, затем самолёт провалился с очередным глухим стуком. Раздались новые крики. Дама, направлявшаяся в туалет, успела подняться, но отшатнулась назад, замахала руками и рухнула на сиденья справа. Мистер Бородка сидел на корточках в проходе, держась за подлокотники с обеих сторон. Из двух-трёх распахнувшихся багажных отделений вывалились сумки.

– Блядь! – снова выпалил Фриман.

– ...поэтому я включил знак «Пристегните ремни», – продолжал пилот. – Извините, ребята, мы вернёмся в спокойную атмосферу...

Самолёт принялся подниматься и опускаться в серии резких рывков, как камешек, прыгающий по поверхности воды.

– ...совсем скоро, так что держитесь.

Самолёт провалился, затем снова взмыл вверх. Ручная кладь, кувыркаясь, то взлетала, то падала. Глаза Диксона крепко зажмурились. Его сердце теперь билось так быстро, что он почти не мог различить ударов. Во рту стало кисло от адреналина. Он почувствовал, как в его ладонь скользнула чья-то рука, и открыл глаза. На Диксона смотрела Мэри Уорт, с бледным как полотно лицом. Её глаза стали огромными.

– Мы умрём, мистер Диксон?

Да, подумал он. На этот раз мы умрём.

– Нет, – ответил он. – С нами всё будет в полном пор...

Самолёт, казалось, врезался в кирпичную стену, швырнув их вперёд поперёк ремней безопасности, а затем накренился влево: тридцать градусов, сорок, пятьдесят. Когда Диксон уже был уверен, что самолёт перевернётся, он вдруг выровнялся. Диксон услышал крики пассажиров. Где-то плакал ребёнок. Закричал мужчина: «Всё хорошо Джули, всё хорошо!»

Диксон снова закрыл глаза и позволил страху полностью завладеть им. Это был настоящий ужас, но единственный способ уцелеть.

Он увидел всё с самого начала, но в этот раз без остановок, до самого конца. Он увидел, как большой самолёт теряет своё место в термодинамическом таинстве, поддерживающем его в воздухе. Он увидел, как нос быстро задирается, затем замедляется, клонится вниз, как тележка на американских горках, заходящая на первый спуск. Он увидел, как самолёт начинает своё последнее погружение, непристёгнутых пассажиров, которые теперь прилипли к потолку, жёлтые кислородные маски, исполняющие в воздухе последнюю безумную танталеллу. Он увидел плачущего ребёнка, пролетевшего мимо и исчезнувшего где-то в бизнес-классе. Он увидел удар самолёта о землю, носовую часть и салон первого класса превращающиеся в стальной букет, расцветающий в салон эконом-класса проводами, кусками пластика и оторванными конечностями и всё это в огненном вихре, в котором Диксон делает свой последний вздох и его лёгкие сгорают, как бумажные пакеты.

Всё это пролетело за считанные секунды – возможно тридцать, не больше сорока – и было настолько реальным, будто случилось на самом деле. Затем, после ещё одного неожиданного прыжка, самолёт выровнялся, и Диксон открыл глаза. Мэри Уорт смотрела на него со слезами.

– Я думала, мы умрём, – сказала она. – Я знала, что мы умрём. Я *видела* это.

Я тоже, подумал Диксон.

– Ерунда! – Хотя его голос звучал бодро, Фриман явно выглядел чуть живым. – Эти самолёты, из-за своей конструкции, могут влететь прямо в ураган. Они...

Его прервал рвотный позыв. Фриман достал из кармана на спинке сиденья пакетик, открыл и поднёс ко рту. Послышался звук, который напоминал Диксону маленькую, но эффективную кофемолку. Звук прервался, затем продолжился.

Раздался очередной «дин-дон».

– Извините за это, ребята, – сказал капитан Стюарт. Он по-прежнему был спокоен, как удав. – Время от времени такое случается – небольшое погодное явление, которое мы называем турбулентностью ясного неба. Хорошая новость в том, что я сообщил о ней, и все осталь-

ные самолёты будут направлены в обход этой проблемной зоны. А самая хорошая новость заключается в том, что мы приземлимся через сорок минут, и я гарантирую вам спокойный полёт до самого пункта назначения.

Мэри Уорт нервно рассмеялась.

– То же самое он говорил в прошлый раз.

Фрэнк Фриман сгибал верхний край пакетика для рвоты, делая это умелыми движениями опытного человека.

– Чтоб вы знали, это не из-за страха – меня просто укачало. Меня подташнивает даже на заднем сиденье машины.

– Обратно в Бостон я поеду на поезде, – сказал Мэри Уорт. – Спасибо, но больше я *этого* не переживу.

Диксон наблюдал за стюардессами, которые сначала убедились, что с непристёгнутыми пассажирами всё в порядке, а затем убрали с прохода разбросанный багаж. По всему салону слышались болтовня и нервный смех. Диксон наблюдал и слушал, его сердцебиение приходило в норму. Он устал. Он всегда чувствовал себя уставшим после спасения самолёта, набитого пассажирами.

Остаток полёта прошёл в штатном режиме, как и обещал капитан.

5

Мэри Уорт поспешила за своим багажом, который должен прибыть на транспортёр № 2 внизу. Диксон, с одной лишь маленькой сумкой, пошёл выпить в бар «Дьюарс Клубхаус». Он пригласил Мистера Бизнесмена составить ему компанию, но Фриман покачал головой.

– Свою норму по завтрашнему похмелью я выbleвал где-то над границей Южной Каролины и Джорджии, поэтому пока что попридержу коней. Удачи вам с вашими делами в Сарасоте, мистер Диксон.

Диксон, чьи дела, собственно говоря, были закончены над той же границей Южной Каролины и Джорджии, кивнул и поблагодарил Фримана. Когда он допивал свой виски с содовой, пришло текстовое сообщение от куратора. Всего два слова: «ХОРОШАЯ РАБОТА».

Диксон спустился по эскалатору. Внизу стоял мужчина в тёмном костюме и шофёрской фуражке, держа табличку с его именем.

– Это я, – сказал Диксон. – Где мне забронировали номер?

– В отеле «Ритц-Карлтон», – ответил шофёр. – Отличное место.

Ну, разумеется. И там Диксона наверняка ждал великолепный номер-люкс, возможно, с видом на залив. В гараже дожидался арендованный автомобиль на случай, если ему вздумается посетить близлежащий пляж или какие-нибудь местные достопримечательности. А в номере лежал конверт со списком различных женских услуг, которыми этим вечером Диксон не собирался пользоваться. Всё, чего он хотел сегодня вечером – это поспать.

Когда они с шофёром вышли на улицу, Диксон увидел Мэри Уорт, стоявшую в одиночестве и выглядевшую слегка несчастной. По обе стороны от неё стояли чемоданы (клетчатые и, естественно, из одной серии). В руке она держала телефон.

– Мисс Уорт, – позвал её Диксон.

Она подняла глаза и улыбнулась.

– Привет, мистер Диксон. Мы всё-таки пережили это, согласны?

– Согласен. Вас кто-нибудь встречает? Кто-то из ваших подружек?

– Должна была приехать миссис Йегер, Клодетт Йегер, но её машина не заводится. Я как раз собиралась вызвать «Убер».

Диксон вспомнил её слова, когда турбулентность – сорок секунд, показавшиеся четырьмя месяцами, – наконец стихла: я *знала*, что мы умрём. Я *видела* это.

– Не стоит. Мы можем отвезти вас в Сиеста-Ки. – Диксон указал на большой лимузин, стоящий чуть дальше по тротуару, затем повернулся к шофёру. – Мы ведь можем?

– Конечно, сэр.

Мэри Уорт с сомнением посмотрела на Диксона.

– Вы уверены? Уже очень поздно.

– Прошу вас, – сказал Диксон. – Едем.

6

– О, какая прелесть, – сказала Мэри Уорт, устраиваясь на кожаном сиденье и вытягивая ноги. – Чем бы вы ни занимались, мистер Диксон, должно быть у вас очень успешное дело.

– Зовите меня Крейг. Вы – Мэри, я – Крейг. Давайте обращаться друг к другу по имени, потому что я хочу поговорить с вами. – Диксон

нажал на кнопку и поднялась стеклянная перегородка, отделяющая салон от шофёра.

Мэри Уорт наблюдала за этим с лёгкой тревогой, затем повернулась к Диксону.

– Вы же не собираетесь, так сказать, приставать ко мне, правда?

Диксон улыбнулся.

– Нет, со мной вы можете чувствовать себя в безопасности. Вы сказали, что собираетесь вернуться поездом. Вы говорили серьёзно?

– Совершенно. Помните, я сказала, что в самолёте я будто бы ближе к Богу?

– Да.

– Я не чувствовала близости к Богу, пока нас кидало из стороны в сторону на высоте шести или семи миль. Вовсе нет. Я только чувствовала близость смерти.

– Вы ещё *когда-нибудь* полетите?

Мэри хорошенько обдумала вопрос, наблюдая, как мимо проносятся пальмы, автосалоны и заведения быстрого питания, пока они катили на юг по шоссе Тамиами-Трейл.

– Скорее всего. Например, если кто-то окажется при смерти и мне нужно будет быстро добраться. Только не знаю, с кем такое может случиться, потому что у меня не так много родственников. Детей мы с мужем не завели, мои родители умерли, и осталось всего несколько двоюродных братьев и сестёр, с которыми я изредка переписываюсь по электронной почте, не говоря о том, чтобы видеться.

Всё лучше и лучше, подумал Диксон.

– Но вам будет страшно лететь.

– Да. – Мэри посмотрела на Диксона широко раскрытыми глазами.

– Я действительно думала, что мы умрём. Прямо в небе, если бы самолёт развалился на части. Или на земле, если бы мы разбились. От нас бы ничего не осталось, кроме маленьких обугленных ошмётков.

– Позвольте мне изложить вам одно предположение, – сказал Диксон. – Только не смейтесь. Отнеситесь к этому серьёзно.

– Хорошо...

– Допустим, существует организация, чья задача обеспечивать безопасность полётов.

– Она действительно существует, – с улыбкой сказала Мэри Уорт.
– Кажется, это Федеральное управление гражданской авиации.

– Предположим, организация, о которой я говорю, способна предсказать, какой самолёт на любом из рейсов столкнётся с неожиданной турбулентностью.

На эти слова Мэри Уорт мягко захлопала в ладоши, улыбаясь ещё сильнее.

– И, несомненно, у них в штате имеются предсказатели! Люди, которые...

– Люди, которые видят будущее, – закончил Диксон. Разве это не казалось возможным? Или хотя бы вероятным? Как ещё куратор мог получать информацию? – Но предположим, что их способность видеть будущее ограничена только одним этим аспектом.

– Как это так? Почему бы им не предсказывать результаты выборов... исход футбольных матчей... скачек Кентукки Дебри...

– Я не знаю, – ответил Диксон, думая, что, может быть, они и могут. Может быть, они способны предсказывать всевозможные вещи – эти гипотетические предсказатели, сидящие в гипотетической комнате. Может быть, они и предсказывают. Но Диксона это не волновало. – Теперь давайте пойдём чуть дальше. Давайте предположим, что мистер Фриман был неправ, и подобная турбулентность, с которой мы столкнулись этим вечером, намного серьёзнее, чем кто-либо – включая авиакомпанию – может считать или готов признать. Предположим, что подобную турбулентность можно пережить только в том случае, если в каждом самолёте будет присутствовать хотя бы один талантливый, напуганный до ужаса пассажир. – Диксон сделал паузу. – И предположим, что на сегодняшнем рейсе этим талантливым и напуганным пассажиром был я.

Мэри залилась весёлым смехом, но тут же осеклась, увидев, что Диксон не смеётся вместе с ней.

– Крейг, а что вы скажете о самолётах, которые попадают в ураган? Кажется, мистер Фриман что-то говорил о них как раз перед тем, как ему понадобился рвотный пакет. *Такие* самолёты выдерживают турбулентность, вероятно, даже хуже той, что мы пережили сегодня вечером.

– Но люди на них знают, что их ждёт, – ответил Диксон. – Они морально готовы. Это справедливо для многих коммерческих рейсов. Ещё до взлёта пилот сообщает: «Ребята, извините, но сегодня вечером нас ждёт слегка неприятный полёт, так что пристегните ремни безопасности».

– Я понимаю, – сказала Мэри Уорт. – Морально подготовленные пассажиры могли бы... наверное, вы бы назвали это объединённой теплотической силой, которая способна удержать самолёт. И только *нежданная* турбулентность требует присутствия кого-то уже подготовленного. Напуганного... ммм... не знаю, как бы вы назвали такого человека.

– Эксперт по турбулентности, – тихо произнёс Диксон. – Так их называют. Так называют меня.

– Вы же не серьёзно.

– Отнюдь. И я уверен, что прямо сейчас вы думаете, что едете в одной машине с человеком, страдающим серьёзным расстройством, и вам не терпится побыстрее выбраться отсюда. Но это и правда моя работа. Мне хорошо за неё платят...

– И кто же? – спросила Мэри Уорт.

– Я не знаю. Звонит некий мужчина. Я и другие эксперты по турбулентности – нас несколько десятков – называем его куратором. Иногда между звонками проходят недели. Однажды мне позвонили только через два месяца. В этот раз прошло всего лишь два дня. Я летел в Бостон из Сиэтла, над Скалистыми горами... – Диксон приложил ладонь ко рту, не желая вспоминать, но всё равно вспомнил. – Скажем так – это было сурово. Не обошлось без пары сломанных рук.

Лимузин повернул. Диксон выглянул в окно и увидел указатель с надписью «СИЕСТА-КИ, 2 МИЛИ».

– Если это правда, – произнесла Мэри, – зачем, ради всего святого, вы этим занимаетесь?

– Хорошо платят. Прекрасные бытовые условия. Я люблю путешествовать... или, во всяком случае, любил; лет через пять-десять все места начинают выглядеть одинаково. Но в основном... – Диксон подался вперёд и взял руку Мэри в свои. Он подумал, что она может отстраниться, но она этого не сделала. Она зачарованно смотрела на него. –

Это спасение жизней. Сегодня тем рейсом летели более ста пятидесяти человек. Только авиакомпании называют их не просто людьми, они называют их *душами*, и это правильное слово. Сегодня вечером я спас сто пятьдесят душ. И с тех пор как я этим занялся, счёт пошёл уже на тысячи. – Диксон покачал головой. – Нет, десятки тысяч.

– Но вы каждый раз испытываете ужас. Сегодня я смотрела на вас, Крейг. Вы были в смертельном ужасе. Как и я. В отличие от мистера Фримана, которого якобы вырвало из-за качки.

– Мистер Фриман никогда бы не справился с этой работой, – сказал Диксон. – Вы не сможете выполнять свою работу, если при каждой турбулентности не будете убеждены, что погибнете. Вы убеждены в этом, хотя знаете, что именно вы являетесь гарантией того, что этого не произойдёт.

Шофёр тихо произнёс по внутренней связи:

– Пять минут, мистер Диксон.

– Должна признаться, это была увлекательная беседа, – сказала Мэри Уорт. – Могу я поинтересоваться, как вы вообще получили эту уникальную работу?

– Меня завербовали, – сказал Диксон. – Так же, как я сейчас вербую вас.

Мэри улыбнулась, но в этот раз не рассмеялась.

– Хорошо, я сыграю в эту игру. Предположим, вы всё-таки завербовали меня? Что вы с этого получите? Какой-то бонус?

– Да, – ответил Диксон. Минус два года своей будущей работы – таков был его бонус. На два года ближе к отставке. Он говорил правду о своих альтруистических побуждениях – спасение жизней, спасение *душ*, – но также говорил правду о том, что путешествия в конечном итоге стали утомительными. То же справедливо и для спасения душ, когда ценой этого были бесконечные секунды ужаса высоко над землёй.

Должен ли он сказать ей, что войдя в организацию, ты уже не сможешь выбраться? Что это твоя сделка с дьяволом? Должен. Но не стал этого делать.

Лимузин завернул на кольцевую площадку перед кондоминиумом на берегу моря. Там ждали две дамы – несомненно, подружки Мэри Уорт.

– Не могли бы вы дать мне свой номер телефона? – спросил Диксон.

– Для чего? Чтобы вы могли позвонить мне? Или передать номер своему боссу? Вашему куратору?

– На всякий случай, – ответил Диксон. – Какой бы приятной ни была наша встреча, Мэри, вероятно, мы никогда больше не увидимся.

Мэри задумалась. Её подруги чуть ли не приплясывали от волнения. Затем Мэри открыла сумочку и достала визитку, протянув её Диксону.

– Это номер моего мобильного. Вы также можете найти меня в Бостонской публичной библиотеке.

Диксон засмеялся.

– Я так и *знал*, что вы библиотекарь.

– Все так думают, – сказала Мэри. – Работа скучноватая, но, как говорится, на кусок хлеба хватает. – Она открыла дверь. Её подруги завизжали, как фанатки рок-группы.

– Есть более волнительные занятия, – произнёс Диксон.

Мэри с серьёзным видом посмотрела на него.

– Существует большая разница между временным волнением и смертельным страхом, Крейг. Думаю, мы оба это знаем.

На это Диксону нечего было возразить, поэтому он вышел из лимузина, чтобы помочь шофёру с багажом Мэри, пока она обнимала двух вдов, с которыми познакомилась в Интернете.

7

Мэри вернулась в Бостон и почти забыла о Крейге Диксоне, пока однажды ночью не зазвонил её телефон. Это был мужчина с лёгкой шепелявостью в голосе. Они немного поговорили.

На следующий день Мэри Уорт уже летела прямым рейсом № 694 авиакомпании «Джетуэй» из Бостона в Даллас, сидя в эконом-классе в начале хвостового отсека. Центральное место в правом ряду. Она отказалась что-либо есть или пить.

Турбулентность застала её над Оклахомой.

ЛОРИ

1

Через полгода после смерти жены Ллойда Сандерленда, с которой он прожил сорок лет, к нему в Каймен-Ки из Бока-Ратона приехала в гости сестра. Она привезла с собой щенка – помесь бордер-колли и муди. Ллойд никогда не слышал о муди, и ему было всё равно.

– Бет, мне не нужна собака. Это последнее, чего я хочу на этом свете. Я едва могу позаботиться о себе.

– Это заметно, – сказала она, отцепляя почти игрушечный поводок.
– Насколько ты похудел?

– Я не знаю.

Бет обвела его оценивающим взглядом.

– Я бы сказала, фунтов на пятнадцать. Что вполне допустимо, но дальше худеть не советую. Я собираюсь приготовить яичницу с сосисками. И тостами. У тебя есть яйца?

– Я не хочу яичницу с сосисками, – сказал Ллойд, разглядывая собаку. Она сидела на белом ворсистом коврикe, и Ллойд гадал, сколько времени пройдёт, прежде чем она оставит на ковре свою визитную карточку. Да, ковёр не помешало бы пропылесосить и, может быть, даже простирнуть, но, по крайней мере, на него ещё никто не мочился. Собака смотрела на Ллойда своими янтарными глазами. Казалось, будто она изучает его.

– У тебя есть яйца или нет?

– Да, но...

– А сосиски? Нет, разумеется, нет. Наверное, всё это время ты питался замороженными вафлями и супом «Кэмпбэлл». Я схожу в «Паб-ликс». Но сначала разберу твой холодильник – вдруг тебе ещё что-то нужно.

Бет была на пять лет старше Ллойда, и в основном воспитывала его после смерти их матери. В детстве он никогда не мог противостоять ей. Теперь они стали старыми, а он по-прежнему не мог противостоять ей, особенно после смерти Мэриан. Вместо внутреннего стержня у Ллойда образовалась пустота. Всё могло бы поменяться, или

не могло. Шестьдесят пять – многовато для протестов. Но собака – против этого он мог устоять. Чем вообще думала Бети?

– Я не оставлю её себе, – сказал Ллойд, обращаясь к её спине, когда она прошествовала на своих страусиных ногах в кухню. – Ты купила, ты и забирай.

– Я не покупала. Её матерью была чистокровная бордер-колли, которая убежала и понесла от соседской собаки. Муди. Хозяину матери удалось пристроить трёх других щенков, но эта недорослик и никому не нужна. Хозяин – владелец небольшого фермерского участка – собирался отвезти её в приют, когда я проходила мимо и увидела объявление на телефонном столбе: «КОМУ НУЖНА СОБАКА?»

– И ты подумала обо мне. – Ллойд не сводил глаз с щенка, смотрящего на него в ответ. Уши торчком казались самой большой частью тела.

– Да.

– Я в *трауре*, Бет. – Сестра Ллойда была единственным человеком, с которым он мог говорить откровенно, что давало ему облегчение.

– Я знаю. – В открытом холодильнике зазвенели бутылки. Ллойд видел тень сестры на стене, пока она проводила ревизию, перебирая продукты. Она и правда похожа на страуса, подумал он, человек-страус и, вероятно, будет жить вечно. – Людям в трауре бывает нужно чем-то отвлечься. Например, о ком-нибудь позаботиться. Об этом я и подумала, когда увидела объявление. Дело не в том, кто хочет собаку, а в том, кому нужна собака. И она нужна тебе. Господи боже, этот холодильник – рассадник плесени. Какая гадость.

Щенок поднялся на ноги, сделал неуверенный шаг в сторону Ллойда, затем передумал (если они вообще умеют думать) и снова сел.

– Оставь её себе.

– Ни в коем случае. У Джима аллергия.

– Бети, у тебя две кошки. На них у него нет аллергии?

– Есть. Но с него достаточно кошек. Если ты так хочешь, я просто отнесу щенка в приют для животных в Помпано-Бич. Там им дают три недели перед усыплением. Это очень миленький комочек дымчатой шерсти. Возможно, кто-нибудь заберёт её до истечения срока.

Ллойд закатил глаза, хотя Бет этого не видела. Он часто так делал, когда ему бы восемь, и Бет велела ему прибраться в комнате, иначе он получит своей ракеткой для бадминтона по заднице. Некоторые привычки никогда не меняются.

– Рассаживайтесь поудобнее, – продекламировал Ллойд. – Начинается очередной концерт Бет Янг под названием «Чувство вины».

Бет закрыла холодильник и вернулась в гостиную. Щенок взглянул на неё, затем продолжил изучать Ллойда.

– Я собираюсь в «Пабликс», где придётся потратить значительно больше сотни долларов. Принесу тебе чек – потом всё вернёшь.

– И чем мне в это время заняться?

– Почему бы не познакомиться поближе с беззащитным созданием, которое ты собираешься отправить в газовую камеру? – Бет наклонилась погладить щенка по макушке. – Взгляни на эти полные надежды глаза.

То, что Ллойд увидел в этих янтарных глазах, было всего лишь настороженностью. Оценкой.

– Что мне делать, если она напрудит на ковёр? Его купила Мэриан, как раз перед болезнью.

Бет указала на «игрушечный» поводок, лежащий на пуфике.

– Выведи её на прогулку. Познакомь с заросшими клумбами Мэриан. И, кстати, моча не сильно навредит этому ковру. Он и так грязный.

Бет схватила свою сумочку и направилась к двери, как обычно вышагивая на своих тонких ногах с чувством собственной важности.

– Домашнее животное – худший подарок, – сказал Ллойд. – Я прочитал об этом в Интернете.

– Где, как я полагаю, пишут только правду.

Бет остановилась и оглянулась. Резкое осеннее солнце западного побережья Флориды высветило на её лице вымазанные помадой морщинки в уголках губ, провисшие нижние веки и пружинку из вен на виске. Скоро ей исполнится семьдесят. Энергичная, самоуверенная и неуступчивая сестра Ллойда постарела. Как и он сам.

Они были живым свидетельством того, что жизнь – ни что иное, как короткий сон летним днём. Только у Бети всё ещё был муж, двое взрослых детей и четверо внуков – прекрасное пополнение семейства.

У Ллойда была Мэриан, но она умерла, а детей так и не случилось. Стоит ли ему променять жену на беспородного щенка? Мысль такая же унылая и идиотская, как открытки «Холлмарк», и такая же нежизненная.

– Я не оставлю её.

Бети одарила его тем же взглядом, каким одаривала, будучи тринадцатилетней девочкой, как бы говоря: скоро в ход пойдёт ракетка, если ты не приберёшься.

– По крайней мере, подожди пока я не вернусь из «Пабликса». Мне ещё нужно будет заскочить в пару других мест, а душный салон машины не лучшее место для собаки. Особенно маленькой.

И она вышла за дверь. Ллойд Сандерленд, пенсионер, шесть месяцев как вдовец, в эти дни не очень интересующийся едой (и любыми другими радостями жизни), сидел, уставившись на незваного гостя, расположившегося на его ковре. Собака глазела на него.

– Что ты смотришь, глупышка? – спросил Ллойд.

Щенок встал и направился к нему вперевалочку, будто продираясь через высокую траву. Затем снова уселся у левой ноги Ллойда, глядя вверх. Ллойд осторожно опустил руку, ожидая укуса. Но вместо этого собака лизнула его. Ллойд взял поводок и прикрепил к маленькому розовому ошейнику щенка.

– Пойдём. Нужно увести тебя с ковра, пока не поздно.

Ллойд потянул за поводок. Щенок не подумал двинуться, просто сидел и смотрел на него. Ллойд вздохнул и взял собачку на руки. Она снова лизнула его. Он вынес её на улицу и поставил в некошеную траву, в которой она почти утонула. И Бет права насчёт цветов. Они выглядели ужасно, половина – столь же мёртвыми, как Мэриан. От этой мысли Ллойд улыбнулся, хотя после такого сравнения почувствовал себя неуютно.

В траве походка собаки вперевалочку стала ещё более заметна. Она сделала около дюжины шагов, затем опустила «корму» и помочилась.

– Неплохо, но я всё равно не оставлю тебя.

Он уже склоняется к тому, что обратно в Бока Бет вернётся без собаки. Нет, этот непрошенный гость не останется с ним, в его доме в

полумиле от подъёмного моста, соединяющего Каймен-Ки с материком. Так дело не пойдёт; у Ллойда никогда в жизни не было собаки, но пока он не найдёт ей хозяина, она могла бы немного занять его, помимо просмотра телевизора или сидения перед компьютером, где Ллойд раскладывает пасьянс или ползает в Интернете. Первое время на пенсии эти занятия казались интересными, но теперь до смерти ему наскучили.

Когда через два часа вернулась Бет, Ллойд снова сидел в своём мягком кресле, а щенок снова расположился на ковре. Его сестра, которую он любил, и которая всю жизнь бередила его, сегодня разбередила его ещё сильнее, купив гораздо больше, чем он ожидал. Она принесла большой пакет корма для щенков (разумеется, натурального) и большой стакан йогурта без добавок (который вперемешку с кормом должен был укрепить хрящи в «локаторах» щенка). Бет также принесла пелёнки, собачью подстилку, три жевательные игрушки (две из них с раздражающим писком) и детский манеж. Сказала, что он удержит щенка от ночных вылазок.

– Господи, Бети, сколько это стоило?

– Всё это продавалось в «Таргете» со скидкой, – сказала она, уклоняясь от ответа. Что было так знакомо Ллойд. – Для тебя – бесплатно. Подарок от меня. Так, теперь, когда я всё это купила, ты по-прежнему хочешь, чтобы я забрала её? Если да, то сам пойдёшь в магазин делать возврат.

Ллойд привык к тому, что сестра переигрывала его.

– Ладно, я попробую, но мне *не* нравится, когда на меня взваливают ответственность. Ты всегда была бесцеремонной.

– Да, – согласилась Бети. – Когда не стало мамы, а отец был беспробудным пьяницей, мне пришлось стать такой. А теперь: как насчёт яичницы?

– Согласен.

– Она уже помочилась на ковёр?

– Нет.

– Ещё успеет. – Судя по интонации, Бет ничего не имела против. – Невелика потеря. Как собираешься назвать её?

Если я дам ей имя, она станет моей, подумал Ллойд. Только вот он подозревал, что она уже стала его, сразу после того, как лизнула его

руку в первый раз. Так же как Мэриан стала его после первого поцелуя. Ещё одно глупое сравнение, но разве можно контролировать свои мысли? Не больше, чем ночные сны.

– Лори.

– Почему Лори?

– Я не знаю. Просто это имя пришло мне в голову.

– Что ж, – произнесла Бет, – вполне подходящее.

Лори последовала за ними на кухню. Вперевалочку.

2

Ллойд накрыл ковёр пелёнками и установил манеж в своей спальне (в процессе прищемив пальцы), затем прошёл в кабинет, включил компьютер и принялся читать статью под названием «Итак, у вас в доме появился щенок!» В середине статьи Ллойд заметил, что Лори сидит рядом с его ботинком, глядя на него снизу вверх. Он решил покормить её и обнаружил лужицу мочи в проходе между кухней и гостиной, в шести дюймах от ближайшей пелёнки. Он поднял Лори, посадил рядом с лужицей, и сказал:

– Не здесь. – Затем он перенёс её на нетронутую пелёнку. – Делай свои дела тут.

Лори посмотрела на него, затем поковыляла обратно на кухню, где улеглась у плиты, положив морду на лапу и наблюдая за Ллойдом. Он взял несколько бумажных полотенец, думая, что следующую неделю придётся часто ими пользоваться.

Убрав лужицу (очень маленькую), Ллойд насыпал четверть чашки корма – рекомендуемая порция, согласно статье «Итак, у вас дома появился щенок!» – в миску для хлопьев и перемешал с йогуртом. Щенок довольно охотно принялся за еду. Пока Ллойд наблюдал, как она ест, зазвонил его телефон. Это была Бет, она звонила с какой-то стоянки на отрезке шоссе под названием Аллея Аллигаторов.

– Тебе нужно отвести её к ветеринару, – сказала она. – Я забыла тебе сказать.

– Знаю, Бети. Об этом написано в статье «Итак, у вас дома появился щенок!»

Она продолжила говорить, будто не услышала Ллойда – ещё одна характерная и хорошо известная ему черта характера Бет.

– Думаю, ей понадобятся витамины и наверняка лекарство от сердечного гельмита, плюс что-нибудь от блох и клещей – какие-нибудь таблетки, которые подкладывают в корм. Кроме того, её нужно подправить. Ну, ты понял – стерилизовать, но не раньше, чем через пару месяцев.

– Хорошо. Если я оставлю её.

Лори поела и побрела в гостиную. С набитым брюхом её походка вперевалочку стала ещё заметнее. Ллойду она показалась слегка пьяной.

– Не забывай её выгуливать.

– Понял. – Согласно статье, каждые четыре часа. Что было нелепо. Ллойд не собирался вставать в два часа ночи, чтобы вывести своего незваного гостя на улицу.

Чтение мыслей – ещё одна особенность его сестры.

– Ты, наверное, думаешь, что вставать посреди ночи будет хлопотно.

– Такая мысль приходила мне в голову. – Бети проигнорировала это так, как могла только она.

– Но если ты говорил серьёзно по поводу своей бессонницы после смерти Мэриан, то не думаю, что это будет проблемой.

– Очень понимающе и заботливо с твоей стороны, Бети.

– Просто хочу сказать, что там будет видно, как пойдёт дело. – Она сделала паузу. – Дай себе шанс, пока можешь. Я беспокоюсь о тебе, Ллойд. Я проработала в страховой компании почти сорок лет и могу сказать, что мужчины твоего возраста подвержены гораздо большему риску захворать после смерти супруги. И, разумеется, большему риску умереть.

На это Ллойд ничего не ответил.

– Ты сделаешь это?

– Сделаю что? – Будто он сам не знал.

– Дай ей шанс.

Бет настаивала на обязательстве, которое Ллойд не мог выполнить. Он огляделся, словно в поисках стимула, и заметил какашку – одну-единственную маленькую «мину» – именно в том месте, где он

только что вытер лужицу мочи, в шести дюймах от ближайшей собачьей пелёнки.

– Что ж, малышка теперь здесь, – ответил Ллойд. Ничего другого он сказать не смог. – Езжай осторожно.

– Не больше шестидесяти пяти. Меня часто обгоняют, и некоторые сигналият, но мои рефлексy уже не те.

Ллойд попрощался с Бет, взял ещё несколько бумажных полотенец и поднял «мину». Лори наблюдала за ним своими янтарными глазами. Ллойд вывел её на улицу, но безрезультатно. Когда через двадцать минут он закончил читать очередную статью о воспитании щенков, то обнаружил ещё одну лужицу мочи в проходе.

В шести дюймах от пелёнки.

Он наклонился и упёрся руками в колени, от чего в спине послышался обычный щелчок.

– Ты перегибаешь палку, собака.

Она посмотрела на Ллойда.

Казалось, Лори изучала его.

3

Ближе к вечеру – после ещё двух облегчений щенка, один раз даже на пелёнку, ближайшую к кухне – Ллойд прицепил поводок и вынес Лори на улицу, держа на руке, как футбольный мяч. Он поставил Лори на землю и повёл по тропинке, идущей по задворкам домов. Тропинка вела к неглубокому каналу, который уходил под подъёмный мост. Сейчас движение там было перекрыто в ожидании пока дорогушная игрушка какого-то Мистера Богача пройдёт от залива Оскар-Бэй в Мексиканский. Щенок семенил своей обычной походкой вперевалочку, время от времени останавливаясь обнюхать сорняки, которые с её точки зрения, должно быть, выглядели как непроходимые джунгли.

Вдоль канала тянулся полуразвалившийся дощатый настил, известный как Шестимильная тропа (Ллойд так и не понял почему – настил имел не более мили в длину), и посреди него стоял сосед Ллойда, между табличками «НЕ МУСОРИТЬ» и «РЫБАЛКА ЗАПРЕ-

ЩЕНА». Чуть дальше примостилась табличка «ОСТОРОЖНО, АЛЛИГАТОРЫ», только кто-то закрасил баллончиком слово «АЛЛИГАТОРЫ», написав «ДЕМОКРАТЫ».

Вид сгорбившегося Дона Питчера с его причудливой тростью из красного дерева и грыжевым бандажом, всегда вызывал у Ллойда лёгкое ощущение злорадства. Этот человек излагал свои утомительные политические взгляды, как радио, а также повсюду бессовестно совал свой нос. Если кто-то по соседству умирал, Дон узнавал об этом первым. Если кто-то по соседству сталкивался с финансовыми трудностями, он знал и это. Спина самого Ллойда уже не та, что прежде, как его глаза и уши, но до трости и грыжевого бандажа ему было далеко. По крайней мере, он на это надеялся.

– Взгляни на эту лодку, – сказал Дон, когда Ллойд присоединился к нему (Лори, вероятно, испугавшись воды, держалась на расстоянии вытянутого поводка). – Как думаешь, сколько бедных африканцев можно на это накормить?

– Дон, я не думаю, что даже голодные африканцы стали бы есть лодку.

– Знаешь, что я... эй, кто это там у тебя? Щеночек? Какая прелесть.

– Согласен, – сказал Ллойд. – Взял у сестры на передержку.

– Привет, лапочка, – сказал Дон, наклоняясь и протягивая руку. Лори попятилась и впервые залаяла с тех пор, как Бет привела её. Два высоких звонких тьяканья, затем тишина. Дон выпрямился.

– Не очень-то дружелюбная, а?

– Она тебя не знает.

– Наверное, везде гадит?

– Не сильно, – ответил Ллойд. Некоторое время они стояли, наблюдая за моторным шлюпом. Лори сидела на краю занозистого дощатого настила и наблюдала за Ллойдом.

– Моя жена против собак, – сказал Дон. – Говорит, что от них одни проблемы. В детстве у меня была собака, старая добрая колли. Упала в колодец. Крышка прогнила, и она провалилась. Пришлось вытаскивать её с помощью... этой штуки, не помню, как называется.

– Правда?

– Да. Так что будь начеку с тем колодцем у дороги. Убежит, прыгнет и пиши пропало. Ты только глянь какая махина! Зуб даю, что сядет на мель.

Но лодка проплыла мимо.

Когда подъёмный мост опустили и движение возобновилось, Ллойд посмотрел на щенка, и увидел, что Лори спит, лежа на боку. Он взял её на руки. Лори открыла глаза, лизнула его руку и вернулась ко сну.

– Мне нужно возвращаться, готовить ужин. Удачи, Дон.

– И тебе. Приглядывай за щенком, иначе она сгрызёт всё в доме.

– Для этого у меня припасено несколько игрушек.

Дон улыбнулся, обнажив ряд неровных зубов, отчего Ллойда аж передёрнуло.

– Ей больше по нраву мебель. Вот увидишь.

4

В тот вечер, когда Ллойд смотрел новости, Лори подошла к его мягкому креслу и дважды звонко твякнула. Ллойд увидел вопрос в её глазах, взвесил все «за» и «против», затем взял к себе на колени.

– Напрудись на меня и будешь наказана, – сказал он.

Но Лори не обмочила его. Она заснула, сунув нос под хвост. Ллойд рассеянно гладил её, пока по телевизору показывали видеозаписи террористического акта в Бельгии, сделанные очевидцами на мобильные телефоны. После новостей Ллойд вынес Лори на улицу, снова держа её как футбольный мяч. Прицепил поводок и провёл её до конца Оскар-Роуд, где она присела и сделала свои дела.

– Правильное решение, – сказал Ллойд. – Продолжай в том же духе.

В девять часов он выстелил манеж двойным слоем пелёнок – он понимал, что завтра придётся купить ещё, вместе с бумажными полотенцами – и посадил Лори внутрь. Она наблюдала за ним. Когда Ллойд дал ей воды в чашке, она немного полакала, затем улеглась, продолжая наблюдать.

Ллойд разделся и улёгся в кровать, не потрудившись откинуть покрывало. По опыту зная, что в противном случае будет ворочаться и

спихнёт его на пол. Однако этим вечером он почти сразу же заснул и проснулся только в два часа ночи от пронзительного воя.

Лори лежала, просунув мордочку сквозь прутья манежа, как заключённый в одиночной камере. На пелёнках появилось несколько «мин». Рассудив, что в столь поздний час никто не обидится, если он выйдет на улицу в семейниках и майке, Ллойд нацепил тапочки и вынес своего гостя (он продолжал так воспринимать Лори) за дверь. Он опустил ее на подъездную дорожку, засыпанную ракушками. Лори немного походила вперевалочку кругами, обнюхала птичий «шлепок» и пописала на него. Ллойд снова сказал ей продолжать в том же духе. Затем он посмотрел на небо, подумав, что никогда не видел так много звёзд, а потом решил, что вроде бы видел. Просто уже давно. Он попытался вспомнить, когда в последний раз выходил на улицу посреди ночи, и не смог. Ллойд смотрел на Млечный Путь, как замороженный, пока не понял, что засыпает прямо на ногах. Затем отнёс щенка обратно в дом.

Лори внимательно наблюдала за Ллойдом, пока он менял обгаженные пелёнки, но как только он положил её в манеж, снова заскулила. Он собирался взять её к себе в постель, но если верить статье «Итак, у вас в доме появился щенок!», это очень плохая идея. Автор (ветеринарный врач Сюзанна Моррис) недвусмысленно заявляла: «Как только вы начнёте идти по этому пути, вам будет очень трудно повернуть назад». Кроме того, Ллойд не нравилась мысль, что, проснувшись, он найдёт одну из этих маленьких коричневых «мин» на другой половине кровати, где спала его жена. Это не только оскорбило бы память о ней, но и пришлось бы менять постельное бельё – рутинное занятие, всегда его раздражающее.

Ллойд вошёл в комнату, которую Мэриан называла своей каморкой. Большинство её вещей оставались на своих местах, потому что, несмотря на настойчивые просьбы сестры, у Ллойда не хватало духу прибраться. После смерти Мэриан он старался держаться подальше от этой комнаты. Было больно даже смотреть на фотографии на стене, особенно в два часа ночи. Он думал, что ночью человек склонен расклеиваться сильнее. А с рассветом снова обретает толстокожесть.

Мэриан так и не перешла на айпод, но портативный CD-плеер, который она дважды в неделю брала с собой на занятия физкультурой,

стоял на полке над её небольшой коллекцией музыкальных альбомов. Ллойд снял крышечку снизу и не увидел на батарейках следов окисления. Он пролистал диски, задержался на «Холле и Оутсе», затем перешёл к «Лучшим хитам Джоан Баэз». Ллойд вставил диск и тот благополучно завертелся. Ллойд отнёс CD-плеер в спальню. Увидев Ллойда, Лори перестала скулить. Он нажал на «ПЛЕЙ» и Джоан Баэз запела «Ночь, когда пал Старина Дикси». Затем поставил плеер на одну из свежих пелёнок. Лори обнюхала его, затем улеглась, почти уткнувшись носом в наклейку «СОБСТВЕННОСТЬ МЭРИАН САНДЕРЛЕНД».

– Так лучше? – спросил Ллойд. – Я чертовски на это надеюсь.

Он вернулся в постель и лежал, засунув руки под подушку, где было прохладно. Слушал музыку. Когда Баэз запела «Вечно молодой», Ллойд фыркнул. Как предсказуемо, подумал он. Настоящее клише. Потом он заснул.

5

Сентябрь уступил место октябрю, лучшему месяцу в году на севере штата Нью-Йорк, где они с Мэриан жили до выхода Ллойда на пенсию, и, по мнению Ллойда (ИМХО, как говорят в «Фэйсбуке»), лучшему месяцу здесь, на западном побережье Флориды. Сильная жара спала, но днём всё ещё было тепло, а холодных ночей не приходилось ждать до января-февраля следующего года. Как и перелёта птиц. Подъёмный мост Оскар-Дробридж вместо пятидесяти раз на дню, теперь мешал движению лишь пятнадцать-двадцать раз. Хотя и самих машин стало гораздо меньше.

После трёхмесячного простоя на Каймен-Ки возобновил работу ресторан «Фиш Хаус», куда разрешалось водить собак в так называемый собачий дворик. Ллойд часто брал туда Лори, и они вдвоём прогуливались по Шестимильной тропе вдоль канала. Ллойд переносил собаку через места на дощатом настиле, заросшие травой, но она легко пробегала под нависающими пальмами, сквозь которые Ллойд приходилось пробиваться с трудом, наклонив голову и вытянув руки; он раздвигал листья со страхом, что ему на голову спрыгнет большеухий хомяк, хотя такого никогда раньше не случалось. Когда они захо-

дили в ресторан, Лори тихо сидела на солнышке у ботинка Ллойда, который время от времени награждал её за хорошие манеры картошкой фри из своей тарелки. Все официантки томно вздыхали, наклоняясь, чтобы погладить дымчато-серую шёрстку Лори.

Особенно очарована ею была хозяйка ресторана, Бернадетта. «Какая мордашка», – всегда говорила она, будто это всё объясняло. Она опускалась на колени рядом с Лори, что позволяло Ллойдку полюбоваться её великолепным и всегда желанным декольте. «О-ох, какая мордашка!»

Лори принимала эти ласки, но, казалось, не была в восторге. Она просто сидела, глядя на очередного обожателя, а потом снова обращала своё внимание на Ллойда. Вероятно, отчасти из-за картошки фри, но не совсем; она точно также внимательно наблюдала за Ллойдом, когда он смотрел телевизор. Пока не засыпала.

Лори быстро приучилась к туалету и, вопреки предсказанию Дона, не грызла мебель. Вместо этого она грызла свои игрушки, количество которых увеличилось с трёх до шести, а потом и до дюжины. Ллойд нашёл под них старый ящик. По утрам Лори подходила к этому ящику, клала передние лапы на край и изучала содержимое, как покупатель в «Пабликсе» изучает товар. Наконец, Лори выбирала одну, относила в угол и там жевала, пока игрушка ей не надоедала. Затем возвращалась к ящику и выбирала другую. К концу дня они оказывались разбросаны по всей спальне, гостиной и кухне. Перед сном Ллойд собирал их и возвращал в ящик. Не ради порядка, а потому, что каждое утро собака будто бы получала удовольствие, осматривая свои запасы.

Бет часто звонила, расспрашивая Ллойда о его питании, напоминала ему о днях рождения и годовщинах свадьбы пожилых друзей и пожилых родственников, держала в курсе, кто недавно сыграл в ящик. В конце она неизменно спрашивала, по-прежнему ли Лори находится на испытательном сроке. Ллойд всегда отвечал «да» до одного дня в середине октября. Они только что вернулись из «Фиш Хауса», и Лори спала на спине посреди гостиной, раскинув лапы во все четыре стороны. Ветерок кондиционера ерошил шерсть у неё на животе, и тогда Ллойд понял: она прекрасна. Нет, это не проявление сентиментальности, просто факт. Он чувствовал то же самое в отношении звёзд, когда по вечерам перед сном водил Лори облеγχиться.

– Нет, мне кажется, мы прошли испытательный срок. Но если она переживёт меня, Бети, ты либо заберёшь её себе – и к чёрту аллергию Джима – либо найдёшь для неё хороший дом.

– Я тебя поняла, Резиновый Утёнок. – Это прозвище Бети подхватила из какой-то песни для дальнобойщиков ещё в семидесятых, и с тех пор так и цеплялась за него. Ещё одна черта Бет, которую Ллойд находил одновременно милой и чертовски раздражающей. – Я так рада, что у вас всё сложилось. – Она понизила голос. – По правде говоря, я в этом сомневалась.

– Тогда зачем ты её привела?

– Просто так, наобум. Я знала, что тебе нужно *что-то* более трудозатратное, чем уход за золотой рыбкой. Она уже гавкает?

– Скорее тьякает. Когда приходит почтальон, курьер из «Ю-Пи-Эс» или заскакивает Дон выпить пивка. И всегда два раза. Тьяв-тяв – и всё. Когда собираешься приехать?

– Я уже приезжала. Теперь твоя очередь.

– Тогда мне придётся взять с собой Лори. Ни за что не оставлю её с Доном или Эвелин Питчер. – Глядя на своего спящего щенка, Ллойд понял, что ни за что не оставит её ни с кем. Его заставляли нервничать даже короткие походы в магазин, и он всегда испытывал облегчение, видя, что Лори ждёт его возвращения у двери.

– Значит бери её с собой. Я бы с радостью посмотрела насколько она уже выросла.

– А как же аллергия Джима?

– В жопу его аллергию, – сказала Бети и, смеясь, отключилась.

6

Поохав и поахав вокруг Лори, которая, за исключением одной остановки, чтобы облегчиться, всю дорогу до Бока проспала на заднем сиденье, Бет снова вернулась к своей роли старшей сестры. Хотя она могла допекать Ллойда по многим причинам (в чём она была мастером), но в этот раз главной темой стал доктор Олбрайт и необходимость Ллойда пройти у него обследование.

– Хотя ты выглядишь хорошо, – сказала Бет. – Должна это признать. Кажется, даже загорел. Если только это не желтуха.

– Обожаю твой позитивный настрой, Бети. Это просто загар. Я выгуливаю Лори по три раза в день. Утром веду её на пляж, днём по Шестимильной тропе к «Фиш Хаусу», куда я хожу обедать, и вечером снова на пляж. Посмотреть на закат. Ей всё равно, у собак нет чувства красоты, но мне нравится.

– Ты гуляешь с ней вдоль канала? Господи, Ллойд, там всё прогнило. Рано или поздно доска проломится, и ты полетишь в воду, вместе с принцессой. – Бет потрепала Лори по макушке; собака будто в улыбке сощурила глаза.

– Этому настилу уже сорок лет или больше. Думаю, он переживёт меня.

– Ты уже записался на приём к врачу?

– Нет, но запишусь.

Бет подняла свой телефон.

– Почему бы не сделать это сейчас, согласен? Я хочу видеть.

Судя по выражению её лица, Бет не ожидала, что он согласится – именно поэтому он так и сделал. Но не только по этой причине. В предыдущие годы Ллойд боялся идти к врачу, ожидая того самого момента (несомненно навеянного многочисленными телесериалами), когда врач с серьёзным видом посмотрит на него и скажет: «У меня плохие новости».

Однако сейчас Ллойд чувствовал себя хорошо. С утра после сна у него затекали ноги, вероятно, от долгих прогулок, а спина стонала сильнее, чем обычно, но обратив свой взор внутрь, Ллойд не заметил ничего тревожного. Он знал, что всякие бяки могут довольно долго не ощущаться в теле старика – подкрадываться незаметно, пока не настанет время для рывка, – но ни в чём не наблюдалось такого прогресса, чтобы вызвать какие-либо внешние проявления: ни кровавого стула, ни мокроты, ни боли в кишечнике, ни проблем с глотанием, ни болезненного мочеиспускания. Ллойд казалось, что гораздо легче сходить к врачу, когда твоё тело говорит, что для этого нет причин.

– Чего ты улыбаешься? – В голосе Бет проскользнуло недоверие.

– Ничего. Дай сюда.

Ллойд потянулся за телефоном. Бет убрала руку.

– Если правда собрался звонить, тогда возьми свой.

Через две недели после обследования доктор Олбрайт попросил Ллойда прийти для ознакомления с результатами. Они были хорошими.

– Ваш вес почти в норме, кровяное давление в порядке, рефлексy тоже. Показатели холестерина лучше, чем в прошлый раз, когда вы позволили нам взять немного вашей крови...

– Знаю, прошло какое-то время, – сказал Ллойд. – Вероятно, больше, чем нужно.

– Без «вероятно». В любом случае, на данный момент нет необходимости выписывать вам липиды, что вы должны воспринимать, как победу. Не меньше половины моих пациентов вашего возраста принимают их.

– Я много гуляю, – сказал Ллойд. – Моя сестра подарила мне собаку. Щенка.

– Щенки – божий дар для выполнения физических нагрузок. А как у вас дела в остальном? Справляетесь?

Олбрайту не было нужды уточнять – с чем. Мэриан также была его пациенткой, и гораздо более ответственно, чем её муж, относилась к обследованиям раз в полгода – Мэриан Сандерленд во всём была предусмотрительной – но опухоль, которая сначала лишила её разума, а потом убила, оказалась вне этой предусмотрительности. Она зародилась слишком глубоко внутри. Глиобластома, по мнению Ллойда, являлась Божьей версией пули 45-го калибра, выпущенной в голову.

– Вполне неплохо, – сказал Ллойд. – Снова сплю. Почти всегда ложусь спать уставшим, и это помогает.

– Из-за собаки?

– Да. В основном.

– Вам стоит поблагодарить свою сестру, – сказал Олбрайт.

Ллойд подумал, что это хорошая идея. Он позвонил ей в тот же вечер. Бет сказала: на здоровье, на здоровье. Ллойд вывел Лори на пляж. Он наблюдал за закатом. Лори нашла дохлую рыбу и помочилась на неё. Оба вернулись домой удовлетворённые.

6-е декабря этого года началось как обычно, с прогулки по пляжу, после которой последовал завтрак: собачий корм «Гейнс» для Лори, яичница и тост для Ллойда. Ни что не предвещало, что Бог в это время взводит курок своего оружия 45-го калибра.

Ллойд посмотрел первый час программы «Тудей», затем зашёл в каморку Мэриан. Он подрабатывал бухгалтером в «Фиш Хаус» и авто-салоне в Сарасоте. Работёнка не пыльная, без лишнего стресса, и, хотя в деньгах Ллойд особо не нуждался, ему было приятно снова работать. И он обнаружил, что ему приятнее сидеть за столом Мэриан, чем за своим собственным. К тому же ему нравилась её музыка. Всегда нравилась. Он подумал, Мэриан была бы рада, что её комната вновь используется.

Лори сидела рядом с его креслом, задумчиво жуя своего игрушечного кролика, а после задремала. В половине одиннадцатого Ллойд сохранил рабочий файл, решив передохнуть от компьютера.

– Пока перекусить, девочка.

Она последовала за ним на кухню, где с удовольствием взялась за жевательную палочку для собак. Ллойд налил себе молока и взял пару печений из посылки Бет. Они подгорели снизу (подгоревшее рождественское печенье было ещё одним отличительным признаком Бет), но оказались вполне съедобными.

Какое-то время Ллойд предавался чтению – он продолжал углубляться в обширное *oeuvre*³⁷ Джона Сэндфорда, – пока его не потревожило знакомое бряцанье. Это была Лори, сидящая у входной двери. Она водила мордочкой по стальной защёлке поводка, висящего на дверной ручке. Ллойд посмотрел на часы: без четверти двенадцать.

– Ладно, хорошо.

Ллойд защёлкнул поводок на шее Лори, похлопал по левому переднему карману, дабы убедиться, что не забыл бумажник, и позволил Лори вытянуть себя на яркий полуденный свет. Когда они спустились к Шестимильной тропе, Ллойд увидел, что Дон расставил свою неизменную коллекцию ужасных пластиковых праздничных украшений: вертеп (святое дело), большого пластикового Санту (богохульство) и кучку газонных гномов, разодетых под эльфов (Ллойд подумал,

³⁷ Труды, творчество (фр.)

что в этом и была задумка). Далее Дону предстояло, рискуя жизнью, взобраться на лестницу и развесить мигающие гирлянды, от чего бунгало Питчера походило на самое маленькое в мире плавучее казино. В предыдущие годы украшения Дона заставляли Ллойда грустить, но сегодня он рассмеялся. Нужно отдать должное этому сукиному сыну. У него артрит, больные глаза и больная спина, но Дон не сдавался. Он относился к этому так: либо Рождество, либо смерть.

На заднюю террасу домика Питчеров вышла Эвелин. На ней был косо застёгнутый розовый халат, щёки намазаны каким-то беловато-жёлтым кремом, а волосы растрёпаны. Дон признался Ллойд, что его жена начала понемногу «плыть», и сегодня, определённо, был именно такой день.

– Ты его не видел? – позвала Эмили Ллойда.

Лори подняла голову и произнесла своё фирменное приветствие: тьяв, тьяв.

– Кого? Дона?

– Нет, Джона Уэйна! Конечно Дона, кого ж ещё?

– Не видел, – ответил Ллойд.

– Ну, если увидишь, скажи ему, чтобы перестал страдать хернёй с этими чёртовыми украшениями. Гирлянды болтаются, а волхвы до сих пор стоят в гараже! У него уже совсем мозги *набекрень!*

Если так, то не у него одного, подумал Ллойд.

– Я передам, если увижу его.

Эмили пугающе опасно нависла над перилами.

– Какая у тебя красивая собака! Напомни, как её зовут?

– Лори, – ответил Ллойд, как отвечал много раз до этого.

– Ох, сука, сука, сука! – воскликнула Эвелин с каким-то шекспировским пылом, а затем захихикала. – И скажи ему, что я вздохну с облегчением, только когда это проклятое Рождество останется позади!

Эвелин выпрямилась (слава Богу; Ллойд сомневался, что сумел бы подхватить её в случае падения) и вернулась в дом. Лори поднялась на ноги и потрусилась дальше по дощатому настилу, повернув мордочку в сторону запахов, доносящихся из «Фиш Хауса». Ллойд повернул голову вместе с ней, предвкушая кусок запечённого лосося на подушечке из риса. Жаренная еда перестала ему нравиться.

Канал был извилистым, и Шестимильная тропа извивалась вместе с ним, лениво поворачивая то в одну, то в другую сторону, огибая заросший берег. Где-то местами не хватало доски. Лори остановилась понаблюдать за пеликаном, вынырнувшим из воды с рыбой, извивающейся в кожаном мешке клюва, затем они пошли дальше. Потом Лори остановилась у островка травы, торчащего между двумя прогнувшимися досками. Ллойд перенёс её, просунув руку под живот – теперь Лори была слишком большой для переноски «а-ля футбольный мяч».

Чуть дальше, перед следующим поворотом, над дощатым настилом разрослась пальма, образовав низкую арку. Рост Лори позволял ей пройти под листьями, но она остановилась, к чему-то пригнувшись. Ллойд догнал её и наклонился посмотреть, что она нашла. Это оказалась трость Дона Питчера. И хотя трость была сделана из крепкого красного дерева, по ней от резинового кончика и до середины тянулась трещина.

Ллойд поднял трость и увидел три-четыре пятнышка крови на деревянной поверхности.

– Это не к добру. Думаю, нам лучше вернуться наз...

Но Лори рванулась вперёд, вырвав поводок из рук Ллойда. Она исчезла за зелёной аркой, гремя ручкой поводка по доскам за своей спиной. Затем раздался лай, не её обычное двойное тьяв-тяв, а целый залп гортанных звуков, на которые, по мнению Ллойда, она была неспособна. Встревоженный Ллойд нырнул в заросли пальмы, размахивая тростью, чтобы раздвинуть листья. Ветки хлестали его по спине, царапая щёки и лоб. На некоторых из них виднелись капельки крови. И ещё больше крови было на досках.

Лори стояла на другой стороне, расставив передние лапы, опустив спину и тычась мордой в доски. Она лаяла на аллигатора. Взрослая особь тускло-зелёного света с чёрными пятнами, не менее десяти футов в длину. Аллигатор уставился на лающую собаку Ллойда своими безликими глазами. Распластавшись на теле Дона Питчера, он разместил свою тупую лопатообразную морду на его загорелой шее; короткие чешуйчатые лапы по-хозяйски обхватывали костлявые плечи Дона. Это был первый аллигатор, увиденный Ллойдом после поездки с Мэриан в «Джангл Гарденс» в Сарасоте, а с тех пор прошло уже много лет.

Верхняя часть головы Дона практически отсутствовала. Сквозь остатки волос проглядывала раздробленная черепная кость соседа Ллойда. На щеке Дона подсыхала кровь с примесью какой-то серой кашицы. Ллойд понял, что это мозг Дона Питчера. От мысли, что всего несколько минут назад в этом мозге ещё теплились какие-то мысли Дона, весь мир перед глазами Ллойда вдруг померк.

Ручка поводка Лори соскользнула с настила в канал. Она продолжала лаять. Аллигатор некоторое время смотрел на неё неподвижно. Эта сцена казалась невообразимо дурацкой.

– Лори! Заткнись! Заткнись на хрен!

Ллойд вспомнил Эвелин Питчер, стоящую на задней террасе, как актриса на театральных подмостках, и восклицающую: «Ох, сука, сука, сука!»

Лори перестала лаять, но продолжала утробно рычать. Казалось, она вдвое увеличилась в размере, потому что её шёрстка встала дыбом не только на загривке, но и по всему телу. Ллойд опустился на колени, не сводя глаз с аллигатора, и опустил левую руку в канал, пытаясь нащупать конец поводка. Он ухватился за шнур, подтянул к себе ручку и поднялся на ноги, не сводя глаз с чёрно-зелёного чудища, покоящегося на теле Дона. Затем потянул за поводок. Поначалу Лори стояла, как вкопанная – настолько она была напряжена – но потом повернулась к Ллойд. Как только она это сделала, аллигатор поднял хвост и с глухим ударом опустил его, от чего разлетелись брызги и затрещал деревянный настил. Лори съёжилась и прыгнула на кроссовки Ллойда.

Он наклонился и поднял Лори, не сводя глаз с аллигатора. Тело Лори дрожало, будто через него проходил электрический ток; глаза настолько расширены, что видны белки. Ллойд был слишком ошеломлён видом аллигатора верхом на теле своего мёртвого соседа, чтобы испугаться, а когда чувства вернулись, то он ощутил не страх, а своего рода защитную ярость. Он отстегнул поводок от ошейника Лори и бросил его.

– Беги домой. Ты меня поняла? Беги домой. А я следом за тобой.

Ллойд снова наклонился, по-прежнему не сводя глаз с аллигатора (который не сводил глаз с него). Когда Лори была поменьше, он много раз носил её, как футбольный мяч, и вот теперь, взяв её точно так же, он протолкнул её между своих ног к разросшейся пальме.

Ллойду некогда было смотреть, побежала ли Лори домой – аллигатор метнулся в его сторону. Он двигался с удивительной и совершенно неожиданной скоростью, оттолкнув своими короткими задними лапами тело Дона на несколько футов. Пасть открыта, обнажая зубы, похожие на грязный штакетник. На кожистом розовато-чёрном языке Ллойд увидел клочки рубашки Дона.

Ллойд взмахнул тростью и ударил ею по голове аллигатора. Удар пришёлся под одним из этих совершенно невозмутимых глаз, от чего трость из красного дерева сломалась вдоль трещины. Кусок отлетел в сторону и с плеском упал в канал. На мгновение аллигатор замер, будто от удивления, но затем двинулся дальше. Ллойд услышал цоканье его когтей по доскам. Пасть раскрылась, нижняя челюсть скользнула по дощатому настилу, срывая волокна дерева.

Ллойд ни о чём не думал. Над ним взяла верх какая-то глубинная часть его сознания. Он нанёс удар тем, что осталось от трости Дона, вонзив зазубренный конец в белесую плоть сбоку лопатообразной головы аллигатора. Ухватившись за набалдашник трости обеими руками, Ллойд подался вперёд, перенеся на неё весь свой вес и надавив, что было сил. При этом аллигатора даже слегка дёрнуло в сторону. Прежде чем он успел прийти в себя, раздалась череда резких трескучих звуков, похожих на холостые выстрелы из тренировочного пистолета. Часть старого дощатого настила проломилась под весом чудища. Его хвост ударил до треснувшим доскам, заставив тело Дона подпрыгнуть. Раздался всплеск воды. Ллойд с трудом устоял на ногах, отступив назад как раз в тот момент, когда голова аллигатора снова появилась, щёлкнув челюстями. Ллойд снова не глядя ударил его, но зазубренный конец трости попал аллигатору прямо в глаз. Его голова откинулась в сторону и, если бы Ллойд не выпустил из рук набалдашник, его бы тоже утянуло в воду.

Он развернулся и бросился через пальмовую арку, вытянув перед собой руки и ожидая, что в любую секунду в него вцепятся зубы, или аллигатор проползёт по илистому дну под настилом и пробьёт его прямо под ногами Ллойда. Но Ллойд выбрался живым с другой стороны зарослей, испачканный кровью Дона, и с дюжиной кровотокающих царапин.

Лори не убежала домой. Она стояла в десяти футах от арки и, увидев Ллойда, бросилась к нему, поджала задние лапы и прыгнула. Ллойд поймал её (как футбольный мяч при броске «хэйл Мэри»³⁸) и побежал, едва замечая, как Лори извивается в его руках, скулит и неистово облизывает его лицо. Хотя он вспомнит об этом позже.

Как только Ллойд сошёл с настила и оказался на тропинке, он оглянулся, ожидая увидеть аллигатора, несущегося за ним по Шестимильной тропе с жуткой, совершенно неожиданной скоростью. Ллойд преодолел половину пути до дома, прежде чем у него подкосились ноги, и присел. Он плакал и дрожал всем телом. И продолжал оборачиваться, высматривая аллигатора. Лори неустанно лизала его лицо, но тряслась уже не так сильно. Почувствовав, что снова может идти, Ллойд остаток пути до дома нёс Лори на руках. Дважды его одолевала слабость, и он останавливался передохнуть.

Когда Ллойд плёлся к задней двери своего дома, Эвелин снова выглянула на террасу.

– Знаешь, если ты будешь постоянно таскать собаку, она будет всё время проситься на руки. Ты не видел Дона? Он должен закончить с этими украшениями.

Она что, не видит кровь, удивился Ллойд, или не хочет замечать?

– Тут случилось происшествие.

– Какое происшествие? Опять кто-то врезался в проклятый мост?

– Иди в дом, – ответил Ллойд.

Не дожидаясь, пока она это сделает, он зашёл к себе. Затем принёс миску воды Лори, которая принялась жадно лакать. В это время Ллойд набрал 911.

9

Должно быть, полицейские отправились в дом Питчеров сразу после того, как забрали тело Дона, потому что Ллойд услышал крики Эвелин. Вероятно, они продолжались недолго, но Ллойд показалось иначе. Он подумал, не стоит ли пойти к ней, может быть, попытаться утешить, но чувствовал, что не сможет. Он ощущал себя смертельно уставшим, даже сильнее, чем после футбольной тренировки в старших

³⁸ Хэйл Мэри – в американском футболе бросок мяча на удачу.

классах жарким августовским днём. Всё, чего он хотел – это сидеть в своём мягком кресле с Лори на коленях. Она уснула, уткнувшись носом в хвост.

К Ллойд у пришли полицейские и допросили его. Сказали, что ему невероятно повезло.

– А ещё вы чертовски быстро сориентировались, – сказал один из копов, – воспользовавшись тростью мистера Питчера.

– Он бы сцапал меня, не проломись доски под его весом, – ответил Ллойд. Вероятно, сцапал бы и Лори. Потому что она не убежала домой. Она осталась ждать его.

Той ночью Ллойд взял её с собой в постель. Лори спала на стороне Мэриан. Сам Ллойд спал мало. Каждый раз, начиная засыпать, он вспоминал аллигатора, так по-хозяйски распластавшегося на теле Дона. Его безликие глаза и будто бы ухмыляющуюся пасть. Неожиданную скорость, с которой аллигатор бросился на Ллойда. И каждый раз после этого Ллойд гладил собаку, спящую рядом с ним.

На следующий день из Бока приехала Бет. Она отругала Ллойда, но лишь после того, как обняла и расцеловала его, заставив вспомнить, как отчаянно Лори облизывала его лицо, когда он выбрался из пальмовых зарослей.

– Я люблю тебя, старый ты чёрт, – сказала Бет. – Слава Богу, ты живой.

Затем она подняла Лори и заключила её в объятия. Лори терпеливо выдержала это, но как только Бет опустила её, миготом отправилась за своим резиновым кроликом и отнесла его в уголок, где тот несколько раз пискнул. Интересно, представляла ли она, как раздирает аллигатора на куски, подумал Ллойд, и сказал себе: да ты сбрендил. Собаки так не делают. Этого не было в статье «Итак, у вас в доме появился щенок!». До этого приходишь только собственным умом.

10

– Мы поймали аллигатора, – сказал Гибсон. – Вам повезло, что вы остались живы, мистер Сандерленд. Он был чертовски большим.

– Я знаю, – ответил Ллойд. – Его усыпили?

– Нет, и разгорелся нешуточный спор, нужно ли. Напав на мистера Питчера, он защищал кладку с яйцами.

– Гнездо?

– Точно.

Ллойд позвал Лори. Она тут же пришла. Он взял её на руки и принялся гладить.

– Как долго эта тварь там находилась? Мы с собакой ходили по этим проклятым мосткам до «Фиш Хауса» почти каждый день.

– Стандартный инкубационный период – шестьдесят пять дней.

– И всё это время она была там?

Гибсон кивнул.

– В основном. Сидела в гуще травы и кустов.

– Наблюдая за нами.

– За вами и всеми остальными, кто проходил мимо. Должно быть, мистер Питчер ненароком сделал что-то такое, что побудило её... в общем... – Гибсон пожал плечами. – Нельзя назвать это материнским инстинктом, но в них заложена охрана гнезда.

– Наверное, он махнул тростью в сторону аллигатора, – сказал Ллойд. – Он постоянно размахивал своей тростью. Может, даже случайно стукнул её. Или гнездо.

Гибсон допил свой чай со льдом и встал.

– Я просто подумал, что вам будет интересно узнать.

– Спасибо.

– Не за что. Симпатичная у вас собачка. Помесь бордер-колли и...?

– Муди.

– Ага, теперь вижу. И в тот день она была с вами.

– Да, бежала впереди. Она первой увидела аллигатора.

– Тоже повезло, что осталась жива.

– Да. – Ллойд погладил Лори. Она подняла на него свои янтарные глаза. Ллойд, как всегда, задался вопросом, что же такого она опять увидела в смотрящем на неё лице. Загадка – как и звёзды, которые он наблюдал, выводя Лори по вечерам на прогулку.

Гибсон поблагодарил Ллойда за чай со льдом и ушёл. Ллойд ещё какое-то время сидел, поглаживая дымчато-серую шёрстку своей со-

баки. Затем опустил её на пол, чтобы она позанималась своими делами, а он – своими. Такова теперь была жизнь Ллойда, и ему ничего не оставалось как продолжать жить.

*Памяти Виксен*³⁹

³⁹ Собака жены Кинга.

ГРЕМУЧИЕ ЗМЕИ

Июль – август 2020

Я не удивился, увидев пожилую женщину, толкающую пустую двухместную детскую коляску, меня ведь предупреждали. Дело было на Раттлснейк-Роуд, что тянется четыре мили вдоль острова Раттлснейк-Ки⁴⁰ в заливе неподалеку от побережья Флориды. На юге высились дома и кондоминиумы, на севере – несколько новомодных особняков.⁴¹

На дороге, ведущей к особняку Грега Акермана, где я поселился этим летом, болтаясь по огромному дому, словно последняя горошина в банке, имеется слепой поворот. Спутанные заросли подлеска выше моей головы (а рост у меня шесть футов четыре дюйма)⁴² окаймляли и без того узкую дорогу. По обе стороны поворота установили флуоресцентно-зелёные пластиковые фигуры детей, каждая из которых предупреждала: «ВНИМАНИЕ! ТУТ ИГРАЮТ ДЕТИ!». Я шёл пешком и, учитывая жаркое июльское утро и свои семьдесят два года, шёл довольно медленно. Планировал доковылять до распашных ворот, отделяющих частную дорогу от той, что в ведении округа, затем вернуться к дому Грега. Я уже подумывал: не откусил ли я больше, чем смогу прожевать.

Я сомневался, не шутил ли Грег насчёт миссис Белл, но вот и она, толкает в мою сторону свою здоровенную коляску. Одно колесо поскрипывало, ему не помешала бы капелька масла. На женщине были свободные шорты, сандалии поверх носков до колен и большая синяя шляпа от солнца. Она остановилась, и я вспомнил вопрос Грега, не создаст ли её проблема – так он выразился – проблем для *меня*? Я сказал, что нет, но теперь колебался.

– Здравствуйте. Вы, надо полагать, миссис Белл. А моё имя Вик Трентон. Я некоторое время поживу у Грега.

– Вы друг Грега? Очень приятно. Старый друг?

⁴⁰ Название и острова и дороги образовано от слов «гремучие змеи» (rattlesnakes).

⁴¹ В оригинале эти особняки называются McMansions по аналогии с «Мақдональдсом». То есть, не настоящие старые фамильные особняки, а упрощенные новостройки, рассчитанные на средний класс.

⁴² 193 см.

– Мы работали в Бостоне в рекламном агентстве. Я копирайтером, а он...

– Занимался фотографиями и макетами, я знаю. До того, как сорвал куш. – Она подкатила коляску ближе, но не вплотную. – Друг Грега – мой друг и всё такое. Приятно с вами познакомиться. Раз уж мы станем соседями на время вашего пребывания здесь, зовите меня Алитой. Или Алли, если угодно. Вы здоровы? Нет симптомов этого нового гриппа?

– Я в порядке. Ни кашля, ни жара. Полагаю, у вас тоже.

– Верно. Спасибо и на том, я ведь уже не молода, и накопились обычные для стариков проблемы со здоровьем. Одна из немногих вещей, благодаря которым здесь приятно проводить лето – многие люди уезжают. Утром я смотрела новости, так доктор Фаучи⁴³ сказал, что каждый день заболевает по сто тысяч человек. Вы можете такое представить?

Я сказал, что тоже видел эти новости.

– Вы приехали сюда, чтобы укрыться?

– Нет. Мне хотелось отдохнуть, подвернулось это место, и я согласился. – Я не спешил выкладывать всю историю.

– Мне кажется, вы немного с приветом, если выбрали эту часть мира для летнего отдыха, мистер Трентон.

«А Грег говорил, что это вы с приветом», подумал я. «Судя по вашей коляске, он не ошибся».

– Зовите меня Вик, пожалуйста, – сказал я. – Раз уж мы соседи.

– Не хотите ли познакомиться с близнецами? – Миссис Белл указала на коляску. Пара голубых шортиков лежала на одном сиденье, пара зелёных – на другом. На спинки сидений накинута футболка с шуточными надписями. «ПЛОХИШ» гласила одна, «ЕЩЁ ХУЖЕ» предупреждала другая.

– Это Джейкоб, – поименовала женщина голубые шорты. – А это Джозеф, – прикоснулась она к футболке с надписью «ЕЩЁ ХУЖЕ». Мимолётное прикосновение, но нежное и любящее. Взгляд Алиты оставался спокойным, но настороженным; она ждала, как я отреагирую.

⁴³ Доктор Энтони Фаучи во время описываемых событий был одним из членов президентской группы по борьбе с коронавирусом.

Чокнутая? Да, наверняка, но я не был совершенно обескуражен. По двум причинам. Первая – Грег просветил меня заранее, заверив, что в целом миссис Белл вменяема и не теряет связь с реальностью. Вторая – занимаясь всю жизнь рекламой, я повидал уйму неадекватов. Даже если поначалу они кажутся нормальными, со временем слетают с катушек.

«Просто веди себя вежливо», сказал мне Грег. *«Она безобидная и делает лучшее овсяное печенье с изюмом, что я когда-либо пробовал»*. Я не очень-то поверил ему насчёт печенья – рекламщики, даже ушедшие на покой, любят преувеличения – но я был не против проявить вежливость.

– Привет, ребята, – сказал я. – Очень рад познакомиться.

Несуществующие Джейкоб и Джозеф ничего не ответили. И раз их не было, им не приходилось терпеть жару и беспокоиться из-за ковида или рака кожи.

– Им недавно исполнилось по четыре года, – сказала Алли Белл. По мне, женщина под шестьдесят с четырехлетними мальчиками-близнецами – та ещё диковинка. – На самом деле, они уже достаточно взрослые и могут ходить сами, но этим лентяям нравится кататься. Я одеваю их в шорты разного цвета, потому что иногда сама путаюсь: кто есть кто. – Она рассмеялась. – Не буду отвлекать вас от прогулки, мистер Трентон...

– Вик, пожалуйста.

– Ладно, Вик. Часам к десяти в тени станет девяносто,⁴⁴ не говоря уж о влажности. Мальчики, скажите «до свидания».

Надо полагать, они так и поступили. Я пожелал им хорошего дня и сказал Алли Белл, что рад знакомству.

– Я тоже, – сказала она. – А близняшки считают вас хорошим человеком. Правда, мальчики?

– Вы правы, я такой и есть, – заверил я пустые сиденья двухместной коляски.

Лицо Алли Белл озарилось улыбкой. Похоже, я прошёл тест, если это был он.

– Любите печенье, Вик?

– Люблю. Грег сказал, вы мастерица печь овсяное с изюмом.

⁴⁴ 32 по Цельсию.

– Spécialitie de la maison, oui, oui,⁴⁵ – сказала она и звонко рассмеялась. Было в этом нечто слегка настораживающее. Наверное, из-за ситуации; не каждый день вас знакомят с давно умершими близнецами. – Я угощу вас в ближайшее время, если вы не будете против.

– Ничуть не против.

– Только вечером, когда воздух немного остынет. В разгар дня меня обычно мучает одышка, хотя Джейка и Джо жара не беспокоит. И я всегда ношу с собой палку.

– Палку?

– От змей, – ответила она. – Та-дам, приятно познакомиться. – Алли прокатила коляску мимо меня, но обернулась. – А всё-таки сейчас не лучшее время наслаждаться побережьем залива. Октябрь и ноябрь – самое то.

– Приму к сведению, – сказал я.

Раньше я думал, что остров Раттлснейк-Ки получил название благодаря своей форме, напоминающей с высоты извивающуюся или свернувшуюся змею. Но Грег рассказал мне, что до начала 80-х тут водились гремучие змеи, и было их видимо-невидимо. В то время активно застраивались острова к югу от Сиесты и Кейси, которые раньше никому и даром не были нужны.

– Змеи появились из-за своего рода экологического всплеска, – объяснил Грег. – Думаю, поначалу несколько могли приплыть с материка... Змеи ведь умеют плавать?

– Умеют, – сказал я.

– Или, может, они прибыли в трюме судна вместе с грузом, или ещё как-нибудь. Чёрт, может, даже на яхте какого-то толстосума. Змеи размножились в зарослях, где птицам нелегко добраться до их молодняка. Гремучие змеи не откладывают яйца, понимаешь ли. Змеиные мамки вынашивают по восемь-десять детенышей за раз, а это, скажу я тебе, немало сапог из змеиной кожи. Эти ублюдки ползали повсюду. Сотни, может и тысячи. Когда южную часть острова начали осваивать, змеи подались на север. Потом, когда появились богачи...

⁴⁵ Особое домашнее (блюдо), да-да (фр.)

– Вроде тебя, – вставил я.

– Таки да, – сказал Грег с присущей случаю скромностью. – Фондовый рынок осчастливил этого парня, особенно «Эппл».

– И «Тесла».

– Точно. А ведь я тебе намекал, но ты, скептик из Новой Англии...

– Хватит, – сказал я.

– Так вот, когда появились богачи и начали строить свои особняки...

– Вроде твоего, – опять прервал его я.

– Я тебя умоляю, Вик. По сравнению с некоторыми цементно-лепными кошмарами в этой части Флориды, мой дом – произведение искусства.

– Как скажешь.

– Начав застройку для богачей, подрядчики стали повсюду наталкиваться на змей. Они просто *кишели*. Рабочие убивали тех, что попадались на участках, где велось строительство – на берегу залива и в бухте – но *организованного* истребления не велось до случая с близнецами Белл. Власти округа и тогда не хотели ничего предпринимать, заявив, что северная часть острова застроена частной собственностью, так что подрядчики собрались и устроили охоту на змей. Я тогда ещё работал в «Масс-Адс» и приторговывал на стороне, так что сам-то не видел. Но, рассказывали, сотня мужчин и женщин – да, не меньше сотни – в перчатках и высоких сапогах начали с того места, где сейчас распашные ворота, и двигались сквозь заросли на север, убивая всех встреченных змей. В основном гремучих, но попадались и другие – чёрные аспиды, травяные змеи, несколько медянок и, ты не поверишь, но это правда – грёбаный питон.

– Они убивали неядовитых змей так же, как и опасных?

– Всех, – подтвердил Грег. – С тех пор на острове нечасто можно увидеть змею.

Грег позвонил этим вечером. Я сидел возле бассейна, потягивал джинс с тоником и любовался звездами. Он поинтересовался, понравился ли мне дом. Я ответил, что понравился, и ещё раз поблагодарил за то, что он позволил мне здесь пожить.

– Хотя сейчас не лучшее время для отдыха на Ки, – сказал Грег. – В том числе потому, что многие туристические места закрыты из-за ковида. Лучшее время...

– Октябрь и ноябрь. Мне сказала миссис Белл. Алли.

– Значит, ты с ней познакомился.

– Да, конечно. С ней и близнецами, Джейкобом и Джозефом. Во всяком случае, познакомился с их шортами и футболками.

После паузы Грег продолжил:

– Всё в порядке? Я думал о Донне, когда приглашал тебя сюда. Но мне в голову не приходило, что это может напомнить тебе о...

Мне не хотелось говорить об этом, даже спустя столько лет.⁴⁶

– Ничего страшного. Ты был прав. В целом Алли Белл показалась мне довольно милой женщиной. Предложила угостить меня печеньем.

– Тебе оно понравится.

Вспомнились маленькие круглые пятна на её щеках.

– Она сказала, что не больна ковидом – назвала его новым гриппом – и она не кашляла, но выглядела не вполне здоровой. – Я подумал о двойной детской коляске с лежащими на сиденьях футболками и шортами. – Я имею в виду – физически. Она упомянула о проблемах со здоровьем.

– Так ведь ей за семьдесят.

– Ничего себе. Я думал, шестьдесят.

– Они с мужем первыми выстроили дом в северной части острова, и это произошло ещё при президенте Картере. Я что хочу сказать, когда тебе переваливает за семьдесят – гарантия на «оборудование» перестаёт действовать.

– Больше я никого не встретил. Но я пробыл здесь всего три дня. Даже не все вещи распаковал.

⁴⁶ Начиная с этого разговора и на протяжении почти всего рассказа вспоминаются трагические события романа «Куджо». Если вы его не читали, вам трудновато будет в полной мере понять чувства главного героя.

Впрочем, я не так уж много и привёз. В основном книги, которые обещал себе дочитать, когда выйду на пенсию. При просмотре телевизора я выключал звук во время рекламы. Я был бы счастлив никогда в жизни больше не видеть ни одной рекламы.

– Приятель, сейчас *лето*. Более того, лето ковида. За распашными воротами лишь ты и Алита. И... – Грег замолчал.

– ...и близнецы, – закончил я за него. – Джейк и Джо.

– Ты уверен, что тебя это не беспокоит? Я хочу сказать, учитывая, что случилось с...

– Не беспокоит. С детьми иногда происходят страшные вещи. Такое случилось у меня и Донны, и такое случилось у Алли Белл. Моего сына давно нет. Теда нет. Он в прошлом. – Я лгал. Кое-что нельзя оставить в прошлом. – Но у меня есть вопрос.

– А у меня ответ.

Я рассмеялся. Грег Акерман старше и богаче меня, и всё так же остроумен. Когда мы сотрудничали с компанией «Брайт», продающей прохладительные напитки, он однажды явился на встречу с торчащей из расстёгнутой ширинки бутылкой «Брайт Кола» с длинным горлышком.

– Она знает?

– Что-то я не понимаю тебя.

Уверен, он понимал.

– Она знает, что коляска пуста? Она знает, что её малыши уже тридцать лет, как мертвы?

– Сорок, – уточнил Грег. – Может, чуть больше. И да, она знает.

– Полностью уверен или почти уверен?

– Полностью, – ответил он, затем, после паузы, добавил. – Почти.

– В этом был весь Грег. Всегда позаботится о лазейке.

Глядя на звёзды, я прикончил свою выпивку. Над заливом разносились раскаты грома и сверкали вспышки молний, но я счёл это пустыми угрозами.

Затем я распаковывал второй чемодан, хотя следовало этим заняться ещё два дня назад. Закончив – на всё дело ушло пять минут – я

лёг спать. Было десятое июля. В одних только Соединённых Штатах количество заболевших ковидом перевалило за три миллиона. Грег говорил, что я могу оставаться у него в доме до сентября, если захочу. Я тогда ответил, что шести недель мне хватит, чтобы выкинуть из головы всё лишнее, но теперь задумался – не задержаться ли подольше. Переждать эту страшную заразу.

Восхитительную тишину нарушал лишь сонный шум волн, накатывающихся на галечный пляж Грега. Я мог бы вставать на рассвете и выходить на прогулки раньше, чем сегодня... и, надеюсь, разминуться с Алли Белл. Она милая, и Грег, наверное, был прав – на три четверти здравомыслящая, но эта её коляска с шортами разных цветов на сиденьях... жуть какая-то.

– Плохиш и ещё хуже, – пробормотал я. Лёгкий ветерок, проникший через раздвижную спальню, выходящую на балкон, приподнял тонкие белые занавески, превратив их в подобие рук.

Я понимал, почему Грег тревожился из-за призрачных близнецов, и как они связаны со мной. Во всяком случае, теперь понял. Лучше понять поздно, чем не понять совсем, так ведь говорят? Когда Грег впервые рассказал мне о чудачествах Алиты Белл, я не сразу уловил связь со своей жизнью. Связь состояла в том, что мой сын тоже умер, примерно в том же возрасте, что Джейкоб и Джозеф. Но я принял решение уехать из Новой Англии, хотя бы на время, не из-за Теда. То горе уже больём поросло. В этом до нелепости огромном особняке и в эти жаркие летние дни мне предстояло справляться с новым горем.

Мне, как часто бывало, приснилась Донна. Во сне мы сидели на диване в нашей старой гостиной, держась за руки. Мы были молоды и сидели молча. Вот и весь сон, но я проснулся со слезами на глазах. Тёплый ветер стал сильнее, но из-за него занавески ещё больше напомнили протянутые руки. Я встал закрыть дверь, но вместо этого решил выйти на балкон. Днём отсюда (Грег разрешил мне пользоваться его спальней, что я и сделал) открывался вид на всю ширину залива, но

ранним утром виднелась лишь тьма. Если не считать редких, но приближающихся вспышек молний. Гром тоже звучал громче, надвигающаяся буря больше не казалась пустой угрозой.

Я стоял на балконе над выложенным камнем патио и бассейном, опираясь на перила, а мои футболка и свободные трусы трепетали на ветру. Я мог бы сказать, что проснулся от грома, но, конечно, меня разбудил сон. Мы вдвоём сидим на диване, держась за руки и не в силах говорить о том, что произошло. Наша потеря была слишком велика, слишком постоянна, слишком *реальна*.

Наш сын погиб не от укуса гремучей змеи. Он умер от обезвоживания в раскалённой на солнце машине. Я никогда не винил в этом жену; она едва не погибла вместе с сыном. Я даже не винил сенбернара по кличке Куджо, что три дня под палящим летним солнцем наматывал круги вокруг нашего заглохшего «Форда Пинто».

Лемони Сникет написал книгу «*Тридцать три несчастья*»,⁴⁷ и она прекрасно описывает произошедшее с моей женой и сыном. Наш автомобиль вышел из строя – из-за засорившегося игольчатого клапана, на починку которого у механика ушло бы пять минут – возле заброшенного фермерского дома далеко за чертой города. Пёс подхватил бешенство. Если у Теда и был ангел-хранитель, то он взял отпуск в июле.

Это случилось очень давно. Минули десятилетия.

Я вернулся в спальню, задвинул дверь и на всякий случай запер на задвижку. Лёг в постель и почти заснул, но услышал тихий скрип. Я резко сел и стал прислушиваться.

Подчас в голову лезут безумные мысли, которые кажутся нелепыми при свете дня, но ранним утром выглядят правдоподобно. Я не помнил, запер ли я входную дверь, и легко мог представить, как Алли, гораздо более чокнутая, чем её считал Грег, расхаживает вниз. Вот она толкает двойную коляску со скрипящим колесом из гостиной в кухню, где оставляет мне пластиковую коробку, полную овсяного печенья с изюмом. Толкает коляску, убеждённая, что на сиденьях её сыновья-близняшки, умершие сорок лет назад.

⁴⁷ В оригинале книга и её экранизация носят название «A Series of Unfortunate Events» («Стечение несчастливых обстоятельств»), что лучше подходит к дальнейшим рассуждениям Вика. Но нашим читателям произведение известно под названием «Тридцать три несчастья».

Скрип. Тишина. Скрип. Тишина.

Да, я представлял её. Я даже мог представить Джейка и Джо... потому что для неё они существовали. Но, поскольку я не был ей, в своём воображении я видел их мёртвыми. С бледной кожей и застывшим взглядом. С распухшими ногами и лодыжками, куда их искусали змеи.

Бред собачий. Я понимал это даже сидя в постели, с простыней, прикрывающей колени. И всё же:

Скрип. Тишина. Скрип.

Включив лампу возле кровати, я встал и пересёк комнату, убеждая себя, что бояться нечего. Я зажёл верхний свет в спальне, затем высунил руку в дверной проём, чтобы включить трековые светильники в галерее второго этажа, продолжая уговаривать себя, что никто не собирается хватать меня за руку, и что не стоит кричать, если это всё же произойдёт.

Я прошёл полпути по галерее и взглянул вниз через перила, достигающие мне до пояса. В гостиной, конечно, никого не оказалось, но я слышал, как первые капли дождя стучат по окнам. И кое-что ещё:

Скрип. Тишина. Скрип. Тишина.

Я забыл выключить вентилятор под потолком. Он и издавал этот скрип. Днём я его просто не замечал. Выключатель находился возле лестницы, я щелкнул им и вентилятор остановился, издав при этом прощальный скрип. Я вернулся в постель, но оставил включённой настольную лампу, убавив свет до минимума. Если мне и приснился этой ночью другой сон, то к утру я его не помнил.

Я проспал, вероятно, из-за ночного приступа страха, и пропустил утреннюю прогулку, но в последующие дни я вставал рано, пока воздух свеж, а птицы молчат. Ходил гулять до распашных ворот и обратно, заметив по пути множество кроликов, но ни одного человека. Во время прогулки я прошёл мимо почтового ящика с надписью «Белл», установленного в начале подъездной дорожки, обсаженной азалиями, но почти не разглядел сам дом, расположенный ближе к заливу и скрытый за деревьями и ещё бóльшим числом азалий.

Иногда в будни, по пути в магазин за продуктами, я слышал шум воздуходувки и видел пару пикапов на подъездной дорожке дома Алли, но, думаю, остальное время она проводила одна. Как и я. Мы были одиночками, пережившими своих спутников жизни. Про нас можно было бы снять неплохую романтическую комедию (если бы кому-то пришло в голову снимать фильмы о стариках; «Золотые девочки» – исключение, что лишь подтверждает правило), но мысль о том, чтобы поухаживать за ней, меня не привлекала. И чем мы могли бы заняться? Бок о бок прогуливались с невидимыми близнецами в коляске? Делали вид, что кормим их консервированными спагетти в виде колечек?

У Грега был садовник, но он попросил меня поливать цветы в больших горшках, установленных по обе стороны двери, выходящей к подъездной дорожке, и возле бассейна. Этим я и занимался в вечерних сумерках спустя десять или двенадцать дней после приезда. Услышав скрип колеса, я перекрыл шланг. Алли толкала коляску по дорожке. Через плечо на ней было что-то вроде перевязи, в которой покоилась палка из нержавеющей стали с U-образным разветвлением на конце. Алли спросила, всё ли у меня в порядке. Я ответил, что да.

– У меня тоже. Я принесла вам печенье.

– Как любезно с вашей стороны, – сказал я, хотя если бы она забыла про своё обещание, я бы не расстроился. Сегодня на одном сиденье коляски лежали красные шорты, на другом – белые. На спинки снова накинуты футболки. Надпись на одной гласила: «УВИДИМСЯ, АЛЛИГАТОР», на другой: «ДО СКОРОГО, КРОКОДИЛ». Будь в эти футболки одеты настоящие дети, они смотрелись бы мило. А так... нет.

Раз уж Алита была моей соседкой и достаточно безобидной, я сказал:

– Привет, Джейк. Привет, Джо, как дела?

Алли звонко рассмеялась.

– Вы такой славный. – Затем, встретившись со мной взглядом, она сказала: – Я знаю, что их там нет.

Я растерялся и не ответил. Алли, похоже, не возражала.

– И всё же иногда они *есть*.

Мне вспомнилось, как Донна однажды сказала что-то подобное. Через несколько месяцев после смерти Теда и незадолго до нашего

развода. «Иногда я вижу его», сказала она. Я пытался убедить её, что это глупо – к тому времени мы достаточно оправились от горя, чтобы говорить друг другу неприятные вещи. Но она стояла на своём: «Нет. Так нужно».

Спереди на перевязи Алли имелся карман. Она извлекла оттуда пакет на застежке с печеньем. Я взял и поблагодарил.

– Не хотите ли войти и перекусить? – После небольшой паузы я добавил. – Вместе с мальчиками, конечно.

– Конечно, – повторила она, словно подразумевая: «А как же иначе?».

Из гаража на первый этаж вела внутренняя лестница. Алли оставила коляску у подножия и велела:

– Вылезайте, мальчики. Живо, поднимайтесь. Всё в порядке, нас пригласили. – Она неотрывно следила за ними. Затем она сняла и положила свою перевязь на сиденье коляски.

Заметив, что я разглядываю палку от змей, Алли улыбнулась.

– Попробуйте её, если хотите. На удивление лёгкая.

Я взял палку в руки. Она весила не больше трёх фунтов.

– Стальная, но полая. Остриём на конце можно их колоть, но для меня змеи слишком проворные. – Алли протянула руку, и я подал ей палку. – Обычно я их отталкиваю, но, если они не уползают... – Она опустила и резко вскинула палку, – ...можно отбросить их в заросли. Но делать это нужно быстро.

Я хотел спросить, приходилось ли ей пользоваться своей палкой, но понял, что уже знаю ответ. Если есть невидимые дети, значит, есть и невидимые змеи. QED.⁴⁸ Я просто заметил, что вещь полезная.

– Очень полезная, – подтвердила Алли.

На середине лестничного пролёта Алли остановилась, приложив руку к груди, и несколько раз глубоко вдохнула. На её щеках вновь появились ярко-красные пятна.

– С вами всё в порядке?

– Немного сбоят старый моторчик. Не так уж серьёзно, и у меня есть таблетки. Думаю, стоит принять парочку. Не дадите ли вы мне стакан воды?

– Может, молока? Лучшее сочетание с печеньем.

⁴⁸ QED – аббревиатура от лат. quod erat demonstrandum («что и требовалось доказать»).

– Молоко и печенье – это просто объеденье.

Наконец, мы поднялись по лестнице. Алита, что-то тихо пробормотав, села за кухонный стол. Я налил молоко в два небольших стакана и выложил на тарелку полдюжины овсяных печенюшек с изюмом. Три для неё, три для меня – так я думал, но в итоге съел четыре. Они и правда оказались очень вкусными.

В какой-то момент Алли встала и воскликнула:

– Мальчики, не хулиганьте! Следите за своими манерами!

– Уверен, они не станут шалить. Вам лучше?

– Всё хорошо, спасибо.

– У вас немного... – Я коснулся верхней губы.

– Усы от молока? – Алли хихикнула. Это прозвучало очаровательно.

Протянув ей салфетку из подставки, стоявшей на вращающемся основании, я заметил, что она разглядывает мою руку.

– А где же ваша жена, Вик?

Я потрогал кольцо.

– Она скончалась.

Её глаза расширились.

– О, мне так жаль. Это случилось недавно?

– Да, совсем недавно. Хотите ещё печенья?

Может, эта леди и была малость не в своём уме из-за потери своих детей, но она понимала, когда надо остановиться.

– Хорошо. Только не рассказывайте моему врачу.

Мы немного поболтали, но не о гремучих змеях, невидимых детях или умерших жёнах. Она говорила о коронавирусе. О флоридских политиках, которые, по её убеждению, вредят природе. Алли рассказала, что ламантины гибнут из-за попадающих в воду удобрений, и посоветовала мне съездить и посмотреть на них в Морском аквариуме на Сити-Айленд, «если он по-прежнему открыт».

Я спросил, не хочет ли она ещё молока. Алли улыбнулась, покачала головой и, немного пошатываясь, поднялась на ноги.

– Мне нужно отвезти мальчиков домой, им уже пора баиньки. Джейк! Джо! Собирайтесь, ребята! – Она немного помолчала. – Вот и они. Чем занимались, ребята? – Затем Алли обратилась ко мне: – Они

заходили в комнату в конце коридора. Надеюсь, они не устроили там беспорядок.

В конце коридора находился кабинет Грега, куда я наведывался по вечерам почитать.

– Уверен, всё в порядке.

– Знаете, маленькие мальчики любят всё разбрасывать. Может, я позволю им самим катить коляску. В такую жару я быстро устаю. Хотите, ребята?

Я проводил Алли по лестнице в гараж, готовый поддержать, если она споткнётся, но, похоже, молоко и печенье придали ей сил.

– Сначала я, – сказала она близнецам, разворачивая коляску. – Мы ведь не хотим ударить машину мистера Трентона, правда?

– Бейте на здоровье, – сказал я. – Она взята напрокат.

Алли снова хихикнула.

– Идёмте, ребятня. Вас ждёт сказка на ночь.

С этими словами она выкатила коляску из гаража. На небе зажглись первые звёзды, стало прохладнее. Как я уже убедился, июльские дни на побережье залива слишком знойные, но вечера бывают мягкими. Сезонные отдыхающие этого лишены.

Я проводил Алли до её почтового ящика.

– О, вы только взгляните на них – убежали вперёд. – Она повысила голос: – Не убегайте далеко, мальчики! И берегитесь змей!

– Думаю, вам придётся самой толкать коляску, – заметил я.

– Похоже, так и есть, да? – Она улыбнулась, но мне показалось, что в её глазах печаль. Может, свет так падал. – Вы, наверное, считаете меня совсем чокнутой.

– Нет, – сказал я. – У каждого свои пути. Моя жена...

– Что?

– А, неважно. – Я не хотел рассказывать, как жена говорила в последние, самые тяжёлые месяцы нашего брака (нашего *первого* брака): «Иногда я вижу его». Некоторые двери лучше держать закрытыми. Я смотрел вслед Алли, пока она не исчезла в сумраке, сгущающемся в крошечную тьму. Слышал скрип колеса коляски и думал, что надо бы его смазать. Делов-то на одну минуту.

Вернувшись в дом, я запер дверь и сполоснул тарелки. Затем взял книгу, роман Джо Пикетта, и направился в кабинет Грега. Меня не интересовало его рабочее место, я даже не включал настольный компьютер, но в кабинете стояло чертовски удобное кресло рядом с лампой. Идеальное место, чтобы пару часов перед сном насладиться хорошим романом.

Ещё у Грега есть кот по кличке Пуговка, сейчас живущий вместе с Грегом и его нынешней подружкой (наверняка она моложе Грега лет на двадцать, а то и тридцать) в Ист-Хэмптоне. У Пуговки есть маленькая плетёная корзинка с игрушками. Сейчас она лежала на боку с открытой крышкой. На полу валялись несколько мячиков, изрядно пожеванная мышка, набитая кошачьей мятой, и разноцветная резиновая рыбка. Я долго смотрел на разбросанные игрушки, убеждая себя, что сам опрокинул корзинку накануне и просто не заметил. Потому что, ну кто ещё мог это сделать? Я сложил игрушки обратно в корзинку и закрыл крышку.

Садовника Грега звали мистер Ито. Он приходил дважды в неделю. Одевался он неизменно в коричневую рубашку, шорты до колен с острыми складками того же цвета, коричневые носки и коричневые же холщовые туфли. На голове всегда пробковый шлем, надвинутый по самые уши. Его осанка была идеальной, а возраст... неопределённым. Мистер Ито напоминал мне жестокого полковника Сайто из фильма *«Мост через реку Квай»*, и я постоянно ожидал, что он произнесет девиз полковника Сайто своему не слишком старательному сыну: «Работай и будь счастлив».

Но мистер Ито – его имя было Питер – вовсе не отличался жестокостью. Он был коренным жителем Флориды; родился в Тампе, вырос в Порт-Шарлотте, а сейчас жил в Палм-Виллидж за мостом. Грег был единственным клиентом мистера Ито на Раттлснейк-Ки, но он обслуживал немало домов на Парди, Сиесте и Бока-Чита. На боковых пане-

лях его фургонов (один водил сам мистер Ито, а второй – его равнодушный сын) красовался девиз: «ДА БУДЕТ ЗЕЛЕНЬ».⁴⁹ Полагаю, носи он фамилию Максуини, это считалось бы расизмом.

Однажды в августе я заметил, как мистер Ито, прервав работу, стоит в тени и прикладывает к фляжке (да, у него была фляжка). Он присматривал за тем, как его сын на газонокосилке объезжает теннисный корт Грега. Я вышел на террасу и остановился рядом с садовником.

– Только отдохну минутку, мистер Трентон, – сказал он, надевая маску. – Сейчас возьмусь за работу. Я уже не так хорошо переношу жару, как раньше.

– Подождите, пока вам стукнет столько же, сколько мне, – сказал я. – Я хотел у вас кое-что спросить. Помните близнецов Белл? Джейка и Джо.

– Боже, конечно. Разве можно забыть? Кажется, 1982 или 83 год. Просто жуть. Я тогда был в возрасте этого раздолбая. – Мистер Ито ткнул пальцем в сторону своего сына Эдди, не отрываящегося от своего телефона даже во время покоса вокруг теннисного корта. Я ждал, что он того и гляди заедет на него. Вот будет катастрофа.

– Я познакомился с Алли и... в общем...

Ито кивнул.

– Грустная леди. Очень грустная. Повсюду ходит с этой своей коляской. Не знаю, верит ли она, что в коляске и правда детишки, или нет.

– Может, и так и этак, – сказал я.

– Иногда да, иногда нет?

Я пожал плечами.

– То, что с ними случилось – это какой-то грёбанный стыд, пардон за мой французский. Миссис Белл была тогда молода. Тридцать лет? Может, чуть больше. Её муж был намного старше. Его звали Генри.

– Правда ли, что детей покусали змеи?

⁴⁹ В оригинале труднопереводимая игра слов. Ah so green буквально можно перевести «ах, такая зелень» и в то же время ah so – стереотипное азиатское «мудрое» высказывание, означающее «да будет так» или что-то вроде. Нередко произносится с иронией.

Максуини – распространенная и типичная ирландская фамилия, а зелёный цвет ассоциируется с Ирландией и ирландцами.

Мистер Ито стянул маску, хлебнул из фляги, натянул маску обратно. Свою маску я забыл дома.

– Да, змеи. Гремучки. После расследования вынесли вердикт – смерть в результате несчастного случая. Газеты в те времена не смаковали подобные происшествия, а социальные сети ещё не появились... разве что люди сплетничали, а это тоже, можно сказать, социальные сети, не правда ли?

Я согласился.

– Мистер Белл сидел в своём кабинете, разговаривал по телефону. Он считался большой шишкой в инвестиционном бизнесе. Вроде вашего друга, мистера Акермана. Миссис Белл принимала душ. Мальчики играли на заднем дворе, за высокими воротами, которые, якобы, были на запоре. Но на самом деле, они только казались закрытыми. Окружной детектив, проводивший расследование, сказал, что задвижку так часто перекрашивали из-за ржавчины, что она не защелкивалась, как следует, и мальчики выбрались со двора. Мама обычно возила их в коляске – не уверен, в той ли, что у неё сейчас, или нет – но дети отлично умели ходить и, вероятно, решили пойти на пляж.

– Но они не пошли по дороге?

Мистер Ито качнул головой.

– Нет. Не знаю, почему. Никто не знает. Люди, занимавшиеся их поисками, выяснили, куда они пошли, по сломанным веткам и маленькому лоскуту футболки, висящему на одной из них.

«УВИДИМСЯ, АЛЛИГАТОР», подумал я.

– От Раттлснейк-Роуд до пляжа около четырёхсот ярдов, сплошь заросших подлеском. Близнецы преодолели примерно половину пути. Когда их нашли, один был уже мёртв. Другой умер раньше, чем его вынесли обратно к дороге. Мой дядя Девин принимал участие в поисках, и он рассказал, что каждого мальчика укусили больше сотни раз. Я не могу в это поверить, но укусов, думаю, было много. Большая часть укусов – похожих на уколы – на ногах, но хватало на их шеях и лицах.

– Потому что они упали?

– Да. Когда яд начал действовать, вряд ли они могли устоять на ногах. К тому времени, как поисковики нашли мальчиков, рядом осталась лишь одна гремучка. Кто-то из мужчин убил её змееловкой. Это такая палка с загогулиной...

– Я знаю, что это такое. Алли носит такую палку с собой, когда гуляет в сумерках.

Мистер Ито кивнул.

– Сейчас-то змей не так уж много. А гремучих вообще не осталось. Через два дня после того случая устроили охоту на змей. Собралось много народу, целая толпа. Часть людей из бригад строительных подрядчиков, остальные – жители Палм-Виллидж. Дядя Девин тоже был среди них. Они двинулись на север, прямо сквозь заросли. По пути, говорят, убили больше двух сотен гремучек, не считая прочих гадов. Охота закончилась на участке между протокой Дейлайт и Дьюма-Ки... Вернее, там, где был Дьюма, теперь-то он под водой.⁵⁰ Некоторые змеи пытались уплыть и, наверное, утонули. Остальных истребили на месте. Дядя Девин насчитал четыре-пять сотен, но это пахнет брехнёй, пардон за мой французский. Но, думаю, змей было много. Генри Белл тоже пошёл вместе с остальными, но до финиша он не добрался. Потерял сознание из-за жары и волнения. И от горя, надо полагать. Миссис Белл увидела малышей лишь после того, как их, скажем так, привели в порядок в похоронном бюро, а отец был в составе поисковой группы и нашёл их на месте гибели. Его отвезли в больницу, где он вскоре умер от сердечного приступа. Наверное, так и не смог смириться со случившимся. А я скажу: кто бы смог?

Мне были знакомы эти чувства. С некоторыми вещами нельзя смириться.

– Как удалось перебить всех этих змей?

Я бывал на оконечности Ки, на маленьком треугольнике пляжа, усыпанного ракушками, между протокой и небольшим скоплением зелени, оставшимся от Дьюма-Ки, и я просто не мог себе представить такую уйму змей там.

Прежде чем садовник успел ответить, раздался громкий скрежет; Эдди Ито всё-таки въехал на теннисный корт.

– Ай-яй-яй! – вскричал мистер Ито и побежал к корту, размахивая руками.

Эдди оторвался от своего телефона, вздрогнул и вернул косилку на газон, прежде чем успел бесповоротно испортить покрытие корта,

⁵⁰ Отсылка к событиям романа «Дьюма-Ки». Также не единственная, так что знакомство с сюжетом романа не помешает.

хотя оставил на нём немало грязи и комьев земли, которые придётся убирать. Поэтому конец истории я так и не узнал.

Мы с Донной похоронили нашего сына на кладбище Хармони-Хилл, но его часть словно осталась с нами. Нам ещё только предстояло осознать это. Он по-прежнему был здесь, между нами. Мы пытались найти способ пережить потерю и сблизиться друг с другом, но не могли. Донна ушла в себя, страдала от ПТС,⁵¹ глотала таблетки и слишком много пила. Я не мог обвинить её в том, что она оказалась в ловушке на ферме Кэмбера, поэтому винил в том, что она завела интрижку с неудачником по имени Стив Кемп. Этот короткий бессмысленный роман не имел никакой связи с чёртовым засорившимся игольчатым клапаном, но чем больше я чесал больное место – тем сильнее болело.

Как-то раз жена сказала:

– Ты винишь меня, потому что не можешь винить вселенную.

Возможно, это правда, но легче от этого не становилось. Развод, когда до него дошло дело, произошёл по согласию. Я мог бы сказать, что мы разошлись любовно, но это не так. Просто к тому времени мы оба были так эмоционально истощены, что уже не злились друг на друга.

Выслушав рассказ мистера Ито о гибели близняшек – вряд ли достоверный на все сто, но, вероятно, близкий к тому – я с трудом смог заснуть вечером. А когда всё же заснул, спал некрепко. Мне снилось, что двухместная коляска катится по подъездной дорожке к двери дома. Сперва я подумал, что коляска катится сама собой, как коляска-призрак, но, когда включилось внешнее освещение, я увидел, что её толкают близнецы. Они выглядели неотличимо друг от друга, и я подумал: *«Неудивительно, что Алли одевает их в разные шорты и футболки»*. Их лица под светлыми шевелюрами казались какими-то

⁵¹ Посттравматический синдром.

странными. А может, причина была не в лицах, а в распухших шеях. Словно дети болели свинкой. Или ковидом. Когда они приблизились, я разглядел на их опухших руках множество красных точек, похожих на хлопья красного перца.

Скрип. Тишина. Скрип. Тишина. Скрип. Тишина.

Близнецы приблизились, и я увидел, что на каждом сиденье коляски извивается и сворачивается гремучая змея. По-видимому, они принесли мне змей в подарок. Или как наказание. За то, что меня не было рядом, когда умирал мой сын. Мой отъезд в Бостон для решения проблем с клиентом рекламного агентства оправдывал меня лишь частично. Я разозлился из-за интрижки Донны. Нет, я был в ярости. Мне хотелось отвлечься.

«Я никогда не желал ей смерти», пытался я сказать этим пустоглазым малышам, но, возможно, это было правдой только наполовину. Любовь и ненависть – тоже близнецы.

Очнувшись ото сна, я не сразу осознал, что не сплю, потому что продолжал слышать ритмичное поскрипывание. Опять вентилятор в гостиной – больше нечему – и я встал, чтобы выключить его. Не успел я дойти до двери, как скрип прекратился. Я прошёл по галерее, всё ещё скорее спящий, чем бодрствующий, и мне даже не пришлось включать свет, чтобы увидеть неподвижные лопасти вентилятора.

«Это сон», подумал я. *«Он просто преследовал меня и после пробуждения»*.

Я вернулся в постель и почти сразу крепко заснул, на этот раз без сновидений.

Я опять проспал из-за того, что вставал посреди ночи. Во всяком случае, мне так казалось; не исключено, что ночная прогулка по галерее, чтобы выключить вентилятор, тоже была частью сна. Всерьёз я так не думал, но поручиться не мог.

В жаркий день я не пошёл бы на прогулку, но ночью к нам пришёл один из легендарных холодных фронтов с побережья залива. Они никогда не бывают слишком холодными – нужно пережить зиму в Мэне,

чтобы ощутить настоящий холод – но температура снизилась до семидесяти⁵² и подул освежающий бриз. Я испёк себе английский маффин, съел его, обильно намазав маслом, и отправился к распашным воротам.

Не пройдя и четверти мили, я заметил кружащихся в небе канюков – чёрных и красноголовых индюшачьих грифов. Эти уродливые неуклюжие птицы такие здоровые, что летают с трудом. Грег говорил, что если случается красный прилив,⁵³ то сотни стервятников прилетают пожирать мёртвую рыбу, выброшенную на берег. Но этим летом красного прилива не было – ощущение жжения в лёгких ни с чем не спутаешь – и птицы кружили не над пляжем, а над дорогой.

Я ожидал найти на дороге мёртвого кролика или броненосца. Может, чью-то сбегавшую кошку или щенка. Но оказалось, что птиц привлекло не животное. Это была Алли. Она лежала навзничь возле почтового ящика. Опрокинутая двухместная коляска валялась на подъездной дорожке. Детские шорты и футболки лежали на толчёных ракушках. Полдюжины канюков дрались над телом Алли, отталкивали друг друга, клевали её руки, ноги и лицо. *Клевали* – слабо сказано. Они рывали её плоть своими громадными клювами. Я видел, как один красноголовый канюк весом фунтов пять, вцепился в её бицепс, заставив руку приподняться и шевелить кистью. Словно она машет мне рукой.

Через мгновение моё оцепенение от шока прошло, и я бросился на стервятников, размахивая руками и крича. Несколько птиц неуклюже взлетели. Остальные отступили вдоль дороги большими нелепыми прыжками. Но только не тот, что вцепился Алли в руку; он продолжал мотать головой, стараясь оторвать полоску плоти. Хотел бы я иметь в руках палку-змееловку Алли, а ещё лучше – бейсбольную биту, но вы же знаете поговорку, мол, будь желания лошадыми – нищие ездили бы верхом. Заметив опавшую пальмовую ветвь, я подхватил её и замахнулся.

– Прочь! – заорал я. – Убирайся, урод!

⁵² 21 по Цельсию.

⁵³ Природное явление, когда из-за цветения морских водорослей вода приобретает красноватый оттенок.

Сухие пальмовые ветви почти ничего не весят, но издают громкий треск. Канюк ещё разок дёрнул головой, но затем взвился в воздух и пролетел мимо меня, сжимая в клюве обрывок мяса Алли. Его чёрные глаза, казалось, стараются меня запомнить, как бы обещая: «*Придёт и твой черёд*». Я попытался ударить канюка, но промахнулся.

Я почти не сомневался, что Алли мертва, но присел рядом с ней, чтобы точно убедиться. Я уже стар и, говорят, память слабеет с возрастом даже у тех, кто не страдает болезнью Альцгеймера или деменцией – котелок уже не варит и всё такое. Но, думаю, мне никогда не удастся изгнать из памяти картину того, что птицы-падальщики сотворили с этой милой леди, притворяющейся, что её умершие дети по-прежнему живы. С женщиной, угостившей меня овсяным печеньем с изюмом. Её открытый рот с оторванной нижней губой производил впечатление, будто она скалится. Также канюкам досталась половина её носа и оба глаза. Пустые окровавленные глазницы уставились на меня в предсмертном ужасе.

Я отошёл к противоположной обочине и вытошнил свой английский маффин и утренний кофе. Затем, вернулся к ней. Я не хотел. Что я хотел, так это убежать обратно в дом Грега, так быстро, как позволят мои старые скрипучие ноги. Но если я так поступлю – канюки вернуться и продолжат свою трапезу. Некоторые из них кружили над головой. Другие устроились на ветвях австралийских сосен и на пальметто, как стервятники в фильме ужасов в стиле карикатур в «Нью-Йоркере». Телефон был у меня с собой, и я набрал 911. Сообщил о случившемся и сказал, что присмотрю за телом до приезда полиции. Вероятно, придет и скорая, хотя какой от неё прок.

К сожалению, у меня не было ничего, чем можно прикрыть изуродованное лицо Алли, но я нашёл выход. Я поднял коляску, пододвинул её к плотной стене азалий и морского винограда вдоль обочины подъездной дорожки и взял одну из футболок, накинутых на спинки сидений. Я положил её на то, что осталось от лица Алли. Её ноги были раскинуты, а юбка задралась до бёдер. Из телефильмов я знал, что нельзя трогать тело до приезда полиции, но решил похерить это правило. Свёл её ноги вместе. Их тоже покрывали красные ранки, показавшиеся мне похожими на змеиные укусы. Взяв вторую футболку, я прикрыл

ноги Алли от коленей и ниже. Одна футболка была чёрного цвета, другая – белого, но с одинаковой надписью: «Я – САМСЕБЕНЯШКА!»

Сев рядом с телом, я стал ждать полицию, жалея, что вообще приехал на Раттлснейк-Ки. На острове Дьюма-Ки, как считалось, обитали привидения – так поведал мне мистер Ито. Но, похоже, Раттлснейк ещё хуже. Хотя бы потому, что, в отличие от Дьюма-Ки, этот остров всё ещё существовал.

Дорожку к дому Алиты Белл усеивали крупные раковины. Я набрал несколько штук и всякий раз, стоило кому-то из канюков приблизиться, швырял в него ракушками. Попал только в одного, и он издал ласкающий слух вскрик.

Я прислушивался – не звучат ли сирены. Старался не смотреть на мёртвую женщину с закрытыми футболками лицом и ногами. Думал об овсяном печенье с изюмом и поездке в Провиденс десять лет назад. Мне тогда было шестьдесят два, и я собирался на пенсию. Ещё не знал, что буду делать на протяжении этих так называемых «золотых лет», но радость, что я всегда ощущал, занимаясь рекламным бизнесом – сочиняя правильный слоган, подходящий к правильной идее – почти померкла.

Вместе с двумя другими спецами из бостонского агентства, я прибыл на встречу с красноречивыми юристами из «Деббин и Деббин». Штаб-квартира компании находилась в Провиденсе, но офисы имелись во всех штатах Новой Англии. Их специальностью были автокатастрофы, увечья и бытовые травмы типа «поскользнулся и упал». «Деббины» хотели провести напористую рекламную кампанию, охватив все телеканалы от Крэнстона до Карибу. «*Что-то яркое*», сказали они. «*Что-то, заставляющее людей набирать 800*». Я не слишком-то стремился на эту встречу, обещающую стать долгой и напряжённой. Юристы думают, что они умнее всех на свете.

Накануне вечером, я сидел в холле отеля «Хилтон», дожидаясь, пока ко мне присоединятся мои товарищи Джим Вулси и Андрэ Дюбоз. По плану мы собирались отправиться в «Олив Гарден» и устроить моз-

говой штурм, конечной целью которого было родить два хороших слогана. Не больше двух. Юристы думают, что умнее всех на свете, но также юристов легко поставить в тупик. Я набросал в своём блокноте: «ЗАЧЕМ ИМЕТЬ, ЕСЛИ МОЖНО ПОИМЕТЬ? ЗВОНИТЕ В «ДЕББИН И ДЕББИН!»

Вероятно,дохлый номер. Закрыв блокнот, я убрал его в карман пиджака и глянул в бар. Вот так. Иногда я думаю, что мог бы посмотреть в окно или в сторону лифтов – не идут ли Джим и Андрэ. Но я этого не сделал. Я глянул в бар.

Там сидела женщина, одетая в тёмно-синий брючный костюм. Её чёрные с белыми прядями волосы были уложены в короткую причёску, которую парикмахеры зовут, кажется, «голландский боб». Когда она поднимала бокал, делая глоток, её лицо лишь на четверть поворачивалось в мою сторону, но мне не нужно было видеть больше. Некоторые вещи мы просто знаем, правда? Наклон головы, изгиб челюсти, переходящий в подбородок, то, как постоянно слегка приподнято одно плечо, словно в шутливом пожатии. Жест, которым она откинула назад прядь волос: два пальца вытянуты, два прижаты к ладони. Время всегда может рассказать свою историю. Время и любовь.

«Это не она», подумал я. «Это не может быть она».

Но я с первого взгляда понял – это она и никто иной. Я не видел её больше двадцати лет, мы совсем не общались, последние лет двенадцать даже не обменивались открытками по праздникам, но я сразу узнал её.

Я с трудом поднялся на онемевшие ноги. Вошёл в бар. Сел рядом с незнакомкой, которая когда-то была мне самым близким человеком, целью моей страсти и любви. Эта женщина когда-то убила бешенного пса, защищая своего сына, но поздно, слишком поздно.

– Привет, – сказал я. – Угостить тебя выпивкой?

Она испуганно обернулась, собираясь сказать: «спасибо, но я занята» или «спасибо, но я не ищу компанию» ... и увидела меня. Её рот округлился, словно идеальная «О». Она покачнулась вместе со стулом. Я поймал её за плечи. Мы смотрели друг другу в глаза. Её голубые глаза смотрели в мои.

– Вик? Это и правда ты?

– Тут не занято?

Джиму и Андрэ пришлось обойтись на мозговом штурме без меня, в итоге юристы одобрили поистине ужасный план рекламной кампании с участием позабытой звезды вестернов. Я же пригласил свою бывшую на ужин, но не в «Олив Гарден». Последний раз мы ужинали вместе через три месяца после развода. Тот ужин закончился яростной ссорой, она швырнула в меня тарелкой с салатом и нас попросили на выход. «Я больше не хочу тебя видеть», заявила она тогда. «Если что-то нужно – пиши».

И ушла, не оглядываясь. Рейган был тогда президентом. Мы считали себя старыми, но ещё не знали, что такое настоящая старость.

Тем вечером в Провиденсе не случилось никаких ссор. Мы много общались и ещё больше выпили. Она пошла вместе со мной в мой номер, где мы провели ночь. Три месяца спустя – достаточный срок, чтобы убедиться – это не какое-то подобие миража, позволяющего нам цепляться за прошлое – мы снова поженились.

Приехали аж три полицейских машины – возможно, многовато для одной мёртвой старушки. И да, машина скорой помощи тоже прибыла. С тела Алли Белл сняли детские футболки и, после того, как тело осмотрели медики и сделали фотографии, которые вряд ли кому-то понравятся, мою соседку засунули в мешок для трупов.

Показания у меня брал окружной полицейский по имени П. Зейн. Другой полицейский фотографировал и снимал видео, его звали Д. Канаван. Он со свойственным молодости любопытством рассматривал коляску и детскую одежду. Прежде чем я начал объяснять, Зейн сказал:

– Она вроде как местная знаменитость. Тронутая, но довольно милая. Слышал когда-нибудь песню «Рассвет Дельты»?

Канаван помотал головой, но я, будучи поклонником кантри вообще и Тани Такер в частности, знал, о чём говорит Зейн. Совпадение было не полным, но заметным.

– Это песня о женщине, продолжающей ждать своего давно умершего любовника, – сказал я. – Миссис Белл любила прогуливаться со своими близнецами, хотя их уже нет в живых. Они погибли давным-давно.

Канаван задумался, затем произнёс:

– Охренеть можно.

Я подумал: *«Наверное, чтобы понять её, нужно самому потерять ребёнка».*

К нам приблизился один из сотрудников скорой.

– Надо сделать вскрытие, но, полагаю, причиной смерти был инсульт или сердечный приступ.

– Готов поспорить, это сердечный приступ, – сказал я. – Она принимала таблетки от аритмии. Может, они до сих пор в кармане её платья. Или...

Подойдя к коляске, я поискал в сдвоенных чехлах на спинках сидений. В одном лежали две маленькие бейсболки «Тампа Рейс» и тюбик крема от солнца. В другом – бутылочка с таблетками. Врач скорой взял её и осмотрел этикетку.

– Соталол, – сказал он. – При учащенном и неровном сердцебиении.

Мне пришла в голову мысль, что Алли могла перевернуть коляску, попытаюсь достать лекарство. А что ещё могло случиться? Не гремучую же змею она увидела.

– Полагаю, в ходе расследования вам придётся дать показания, – сказал офицер Зейн. – Вы ещё долго пробудете здесь, мистер Трентон?

– Да. Похоже, этим летом все сидят по домам.

– Это точно, – сказал он, смущенно поправив маску. – Пройдёмте с нами. Проверим, не оставила ли она дверь открытой. Если оставила – нам стоит её закрыть.

Я покатил коляску к дому, никто ведь не запрещал мне её трогать. Зейн положил таблетки в пакетик для улики.

– Иисусе, – произнёс Канаван. – Ума не приложу, как это визжащее колесо не свело её с ума. – Обдумав сказанное, он добавил: – Хотя, наверное, она и так была с приветом.

– Тем вечером, когда он принесла мне печенье, – сказал я, – я хотел смазать колесо, но забыл.

Дом, стоящий за стеной азалий и пальметто, не слишком походил на особняк. Скорее, это был летний домик, который в середине прошлого века, задолго до того, как богачи заинтересовались островами

в заливе, сдавали в аренду рыбакам или семье отдыхающих за пятьдесят-семьдесят долларов в неделю.

Позади дома располагалась ещё одна постройка, но не столь крупная (и не столь вульгарная), чтобы претендовать на статус особняка. Гараж и дом соединялись крытым переходом. Я приложил ладони к стеклу и заглянул внутрь, разглядев обычный старенький «Шевроле Круз». Света, проникающего через окна, хватило, чтобы разглядеть два маленьких детских кресла, установленных бок о бок на заднем сиденье автомобиля.

Офицер Зейн для проформы постучал в дверь, затем потянул ручку. Дверь отворилась. Зейн велел Канавану идти за ним и снимать, чтобы, вероятно, у их начальства, включая окружного прокурора, не возникло никаких подозрений. Зейн спросил меня, пойду ли я внутрь. Я отказался, но, после того, как полицейские скрылись в доме, попробовал открыть боковую дверь гаража. Она тоже оказалась незапертой. Вкатив коляску в гараж, я оставил её возле машины. Вечером обещали грозу, и я не хотел, чтобы коляска намокла.

– Ведите себя хорошо, мальчики, – сказал я. Эти слова вырвались у меня раньше, чем я о них подумал.

Зейн и Канаван вернулись через десять минут. Канаван продолжал видеосъемку, пока Зейн перебирал ключи на связке в поисках подходящего ко входной двери.

– Весь дом нараспашку, – сказал он мне. – И окна тоже. Я закрыл изнутри заднюю дверь и выход во внутренний дворик. Похоже, хозяйка была доверчивая душа.

«Что ж», подумал я, «её дети были с ней – и только это её заботило».

Перепробовав несколько ключей покойной, Зейн закрыл дверь гаража. К тому времени Канаван уже выключил видеокамеру. Мы все вместе вернулись к дороге. Полицейские спустили свои маски ниже подбородка. А я свою опять забыл; не ожидал никого встретить.

– Ваш дом обслуживает Ито, верно? – спросил Зейн. – Японо-американец из Виллидж.

– Да, – ответил я.

– И дом миссис Белл тоже?

– Нет, только мой. Её обслуживает компания «Мир растений». Иногда я видел их пикапы. Может, пару раз в неделю.

– Но смотрителя у неё не было? Мало ли: прочистить водосток или подлатать крышу.

– Насколько мне известно – нет. Может, мистер Ито знает.

Зейн поскрёб подбородок.

– Должно быть, у неё руки росли откуда надо. Бывают такие женщины. Если она считала, что её дети живы спустя сорок лет после их гибели, это ещё не значит, что она не могла заменить прокладку в кране или оконное стекло.

– Но на то, чтобы смазать скрипящее колесо коляски её умений не хватило, – заметил Канаван.

– Может, ей так нравилось, – предположил я. – Или...

– Или нет, – сказал Канаван и рассмеялся. – Никто не любит скрипящие колёса. Говорят же: тише едешь – дальше будешь.

Зейн ничего не ответил. Я тоже промолчал, но подумал, возможно, детям нравился скрип. Может, он убаюкивал их после целого дня игр и купания. *Скрип... тишина... скрип... тишина... скрип...*

Скорая и две из трёх полицейских машин уже уехали, когда мы вернулись к месту, где я обнаружил тело Алли. Перед отъездом полицейские натянули между пальмами по обе стороны дорожки жёлтую полосу с надписью «НЕ ВХОДИТЬ». Мы прошли под ней, пригнувшись. Я спросил у офицера Зейна, что теперь будет с домом и кто оплатит ритуальные услуги.

Он ответил, что понятия не имеет.

– Наверняка у неё было завещание. Кому-то придётся поискать его в доме, а также другие документы и телефон. Её муж и дети мертвы, но должны же остаться какие-то родственники. Не могли бы вы нам помочь, мистер Трентон, пока мы будем разбираться? Вы и Ито присмотрите за домом, если не против? Нам потребуется некоторое

время. Частично из-за бюрократических проволочек, а в основном потому, что у нас всего три детектива. Двое в отпуске, один болеет.

– Ковид, – вставил Канаван. – Я слышал, дела у Трис плохи.

– Я согласен, – сказал я. – Полагаю, вы беспокоитесь о том, как бы кто-нибудь не узнал, что дом пустует, и не воспользовался этим.

– Вот именно. Хотя гиены, способные ограбить дом умершего, обычно узнают о смерти из некрологов, а кто напишет его для миссис Белл? Она была одинока.

– Почему бы мне не написать о ней в «Фейсбуке»?

– Хорошо. А мы сделаем заявление для прессы.

– А что насчёт Супердеда? – спросил Канаван. – Может он осмотреть дом? Поискать завещание и, возможно, записную книжку.

– Знаешь, а это неплохая идея, – сказал Зейн.

– Кто такой Супердед? – спросил я.

– Энди Пелли, – сказал Зейн. – Наполовину пенсионер. Не хочет уходить в отставку. Иногда помогает нам, когда требуется.

– Создатель и член «клуба 10-42»,⁵⁴ – усмехнулся Канаван, чем навлек на себя недовольный взгляд Зейна.

– Что это означает?

– Копы, которые не в силах расстаться со своим значком, – сказал Зейн. – Но Пелли хороший полицейский с богатым опытом, и он дружит с местным судьёй. Я уверен, он может получить распоряжение при чрезвычайных обстоятельствах, или как там оно называется.

– Значит, мне не придётся заходить в дом...

– Нет-нет, вам не положено, – сказал Зейн. – Эту работу возьмёт на себя Пелли, если согласится. Но спасибо за то, что позвонили. И за то, что отпугнули от неё этих грёбанных канюков. Они её пощипали, но могло быть намного хуже. Жаль, что всё это испортило вам утреннюю прогулку.

– Дерьмо случается. Кажется, так говорил Конфуций.

Канаван выглядел озадаченным, но Зейн посмеялся.

– Спросите мистера Ито, когда его увидите – не знает ли он родственников миссис Белл.

– Обязательно.

⁵⁴ Полицейский код 10-42 означает «окончание дежурства/смены».

Я проводил полицейских до их патрульной машины и помахал им вслед рукой, пока машина не скрылась за поворотом. Затем я направился домой. Думал о Донне. Думал о Теде, нашем умершем сыне, которому сейчас – если бы не засорившийся игольчатый клапан – было бы за сорок, и он бы начал сесть. Я думал об Алли Белл, которая пекла вкусное овсяное печенье и сказала: *«Я знаю, что их там нет. И всё же иногда они есть»*.

Я думал о двойной коляске, оставленной в тёмном гараже возле «Шеви Круз» с дешевыми покрышками. Я думал о том, как сказал: *«Ведите себя хорошо, мальчики»*, хотя знал, что коляска пуста.

Как же всё это несправедливо. То, что случилось с близнецами Белл, с моим сыном, с моей дважды женой. Мир полон гремучих змей. Иногда на них наступаешь, но они не кусают. Иногда перешагиваешь, а они всё равно кусают.

К тому времени, как я вернулся домой, я уже проголодался. Нет, я просто умирал с голоду. Я взбил омлет из четырёх яиц и испёк себе ещё один английский маффин. Донна назвала бы мой голод здоровым жизнеутверждающим плевком в лицо смерти, но я, вероятно, просто хотел есть. Должно быть, я сжёг уйму калорий, когда нашёл мёртвую женщину на подъездной дорожке и разгонял канюков, желающих её пообедать. У меня перед глазами так и стояло её изуродованное лицо, но я всё равно опустошил тарелку и на этот раз удержался от рвоты.

Поскольку погода стояла приятная, а не гнетущая жара («горячее, чем собачьи сопля», как любил выражаться мистер Ито), я всё-таки решил прогуляться... но не до распашных ворот, ведь этот путь проходил мимо места, где я нашёл Алли. Вместо этого, я пошёл к пляжу по дощатой дорожке от дома Грега. Начало дорожки с обеих сторон огораживали пальметто и пальмы, превращая её в зелёный туннель. Похоже, эта часть пришлась по нраву енотам, и мне приходилось огибать кучки их какашек. В конце дощатой дорожки стояла беседка. За ней деревья расступались, открывая широкую полосу пляжа, поросшего травой и тростником. Мягкий шум волн успокаивал. Над головой кру-

жили чайки и крачки, подгоняемые ветром с залива. Виднелись и другие птицы, большие и маленькие. Грег был орнитологом-любителем и, наверное, узнал бы их. Я не узнавал.

На юге виднелись обширные заросли подлеска. Над ними торчало несколько пальм, выглядевших облезлыми и чахлыми, вероятно потому, что заросли сорняков высасывали большую часть грунтовых вод, богатых питательными веществами. Должно быть, именно там Джейк и Джо попали в беду. Я видел дощатый настил у дома миссис Белл; если бы дети пошли по нему, а не затеяли игру в исследователей джунглей, им сейчас было бы за сорок, и они, возможно, возили бы собственных детей в той старой коляске. *«Если бы»* – слова, похожие на гремучих змей. Они тоже полны яда.

Оставив беседку за спиной, я направился на север вдоль широкого, влажного, блестящего на солнце пляжа. Позже днём полоса пляжа станет гораздо меньше, а к вечеру, когда начнётся прилив, почти совсем исчезнет. Мистер Ито говорил, что раньше такого не бывало, что виновато глобальное потепление, и к тому времени, как его сын Эдди доживёт до его лет, от пляжа останется лишь воспоминание.

Прогулка была приятной; слева – воды залива, справа – песчаные дюны. Дом Грега Акермана стоял последним в ряду домов на Ки; к северу от его участка начинались земли округа и снова появлялся дикорастущий подлесок, подходящий так близко к пляжу, что иногда приходилось наклоняться под ветками пальметто и перешагивать через большие скопления наупаки. Затем заросли кончились и пляж превратился в неровный треугольник, сплошь усеянный ракушками. То тут, то там я замечал акульи зубы, некоторые длиной с мой указательный палец. Несколько я подобрал, решив подарить Донне. Затем вспомнил, о, чтоб тебя, моя жена ведь умерла.

«Ещё один укус», подумал я.

Треугольник выглядел неровным, потому что протока Дейлайт резала пляж. Вода из Калипсо-Бей неслась навстречу прибою, сперва борясь с мягкими волнами залива, а затем, соединившись с ними, закручивалась в водовороте. Протока Дейлайт открылась после урагана; до этого, девяносто лет назад, она была закрыта. Я читал об этом в *«Иллюстрированной истории южных островов»*, лежащей на журналь-

ном столике в доме Грега. Напротив, над водой виднелся пятачок зелени – всё, что осталось от Дьюма-Ки, затопленного тем же ураганом, что открыл протоку.

Мне надоело собирать акульки зубы – наверное, сказались воспоминания о смерти жены – поэтому я сунул руки в карманы и стал просто разглядывать ракушечный пляж на оконечности Раттлснейк-Ки. В этот тупик охотники загнали уйму змей. Группа адвокатов зовётся коллегия, а группа гремучих змей – румба. Не помню, где я это вычитал. Разум – это не только ядовитая змея, подчас кусающая свой хвост, это ещё и любитель собирать всякий хлам. Фредди Кэннон выпускал свои пластинки на сорок пять оборотов с лейблом, на котором было написано «НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ». Второе имя Джеймса Гарфилда – Абрам. Вот ещё несколько фактов, известных мне непонятно откуда.

Я стоял на пляже, ветер трепал мою рубашку, птицы кружили над головой, а зелёное скопление листвы, оставшееся от Дьюма-Ки, поднималось и опускалось вместе с волнами, словно дышало. Как сюда загнали змей? *Ума не приложу*. А после этого, как убивали тех змей, что не пытались спастись вплавь? Тоже не знаю.

Сзади послышался скрип. Затем ещё один. На моём затылке выступил холодный пот. Я не хотел оборачиваться, уверенный, что увижу двойную коляску с мёртвыми близнецами, распухшими от змеиных укусов. Но, поскольку отступить мне было некуда (как и гремучим змеям), а в призраков я не верил, то обернулся. Пара чаек – белые головы, чёрные тела, глаза бусинки – уставились на меня, словно спрашивая, какого чёрта я сюда припёрся.

От испуга я швырнул в чаек акульими зубами. Они были не такими большими, как ракушки, которыми я распугивал стервятников, но своё дело сделали. Чайки возмущённо вскрикнули и улетели.

Вскрикнули.

Но тот звук, что я слышал сзади – *скрип*, как у колеса, требующего смазки. Я постарался выкинуть из головы эту чушь и мне это почти удалось. Ветер принёс запах чего-то вроде керосина или бензина. Ничего удивительного: флоридские политики, начиная с губернатора штата и кончая городскими и поселковыми советами, больше озабочены бизнесом, чем сохранением хрупкой экосистемы побережья залива. Им плевать на природу и, в конце концов, они её потеряют.

Я поискал взглядом радужные пятна бензина или масла на поверхности крутящейся в водовороте воды, но ничего не увидел. Глубоко вдохнул – запах исчез. Пошёл обратно домой... так я теперь думал о доме Грега Акермана.

Не уверен, работают ли в большинстве своём повторные браки. Если где-то и есть статистика, мне она не попадалась. Наш брак работал. Из-за долгого перерыва? Мы не виделись долгие годы, даже перестали общаться. Или сыграл роль шок от воссоединения? Может, отчасти так и было. Или причина в том, что рана от гибели нашего сына успела затянуться? Интересно, всем ли парам удаётся преодолеть подобное?

Лично я думал о Теде всё реже, но, когда вспоминал его, испытывал почти такую же сильную боль, как и раньше. Однажды в офисе я вспомнил, как читал Теду перед сном «Заклинание чудовищ», призванное прогнать его страх темноты, и мне пришлось запереться в офисном туалете, сесть на унитаз и поплакать. Это случилось не спустя год, два или даже десять, а когда мне было за пятьдесят. Сейчас мне за семьдесят, и я до сих пор избегаю смотреть фотографии Теда, хотя раньше хранил их в своём телефоне. Донна говорила, что смотрит фото только в день рождения Теда – своего рода ритуал. Но она всегда была сильнее меня. Она была солдатом.

По-моему, большинство первых браков заключаются благодаря романтике. Уверен, есть и исключения – женитьба ради денег или чтобы как-то улучшить своё положение, но большинство людей руководствуются тем головокружительным, заставляющим терять голову чувством, что воспевают в песнях. «Ветер под моими крыльями» – отличный пример, как из-за вызываемых песней чувств, так и из-за следствия, о котором в песне не поётся: рано или поздно ветер стихает. Тогда вам приходится взмахивать крыльями, если не хотите разбиться о землю. Любовь некоторых пар столь крепка, что сохраняется и тогда, когда романтика угасает. Другие осознают, что крепкая любовь – это не про них. Вместо того, чтобы обсуждать, они спорят. На смену доверию приходят подозрения. В тени расцветают секреты.

А иногда браки распадаются из-за смерти ребёнка. С Алли Белл этого не произошло, но могло произойти, если бы её муж не умер вскоре после гибели близнецов. Я не испытывал сердечных приступов, только приступы паники. Я носил в портфеле бумажный пакет и дышал в него, когда паника подступала. Мало-помалу приступы прекратились.

Когда мы с Донной вновь поженились, наша любовь была зрелой, доброй и сдержанной. Не было споров из-за денег, терзающих многие молодые пары, только начинающие жить в браке; я хорошо зарабатывал в рекламном бизнесе, а Донна управляла одним из крупнейших школьных округов в южной части Мэна. В тот вечер, когда я встретил её в баре, она прибыла в Провиденс на конференцию школьных администраторов Новой Англии. Её годовой доход был поменьше моего, но вполне приличный. Мы оба имели 401(К).⁵⁵ Наши финансовые потребности полностью покрывались.

Секс был довольно неплох, хоть и не феерический (кроме, может, первого раза после нашего долгого разрыва). У Донны был свой дом, у меня – свой, так мы и жили. Расстояние не доставило особых проблем. Оказалось, что все эти годы мы жили в семидесяти милях друг от друга. Мы не проводили всё время вместе, это нормально. Нам и не требовалось быть всё время вместе. Это как дружить с хорошей подругой, с которой время от времени ещё и спишь. Мы работали над отношениями не так, как делают молодые пары, ведь у тех был ветер под крыльями. Пары в возрасте, особенно те, у кого в прошлом осталась ужасная тьма, должны махать крыльями. Что мы и делали.

Донна досрочно вышла на пенсию, и с 2010 года мы стали жить как обычная семья в моём доме в Ньюберипорте. Она так решила. Сначала я думал, что она хочет больше времени проводить вместе, и я был прав. Но причина была не только в её желании. Нам понадобилась неделя на обустройство, а потом, в одну солнечную октябрьскую субботу, Донна предложила мне прогуляться вдоль каменной стены, отделяющей мой участок от реки Мерримак. Мы держались за руки и пинали опавшие листья, слушая их треск и вдыхая коричневый аромат,

⁵⁵ Накопительный пенсионный счёт частной пенсионной системы в США. Назван по номеру статьи Налогового кодекса.

что они выделяют перед тем, как завянуть и начать гнить. Это был прекрасный день, с огромными пухлыми облаками, плывущими по голубому небу. Я заметил, что Донна как будто похудела. Она ответила, что так и есть. Это потому что у неё рак, сказала она.

Я боялся, что мысли о канюках, рвущих Алли, не дадут мне уснуть, поэтому порылся в аптечке Грега (ты всегда был немного ипохондриком, друг мой) и нашёл бутылочку «Амбиена» с оставшимися там четырьмя таблетками. Судя по этикетке, срок годности снотворного истёк в мае 2018 года, но я решил – какого чёрта, и проглотил пару таблеток. То ли они сработали, то ли помог эффект плацебо, но я проспал всю ночь, даже без сновидений.

На следующее утро я проснулся в семь утра, посвежевшим, и решил отправиться на свою обычную прогулку, понимая, что не смогу до конца своего пребывания здесь избегать места, где погибла Алли. Я надел шорты, кроссовки и спустился вниз, чтобы включить кофеварку. Подъездная дорожка ведет вдоль боковой стены во двор дома Грега. Окно у подножия лестницы смотрит на этот двор. Я сделал пару шагов, спустившись с лестницы, и замер, уставившись в окно.

Снаружи стояла коляска.

Я не поверил своим глазам. Не мог уложить это в голове. Подумал, не игра ли это теней, вот только под ранним утренним светом не было никаких теней... кроме той, что отбрасывала коляска. Она стояла там. Настоящая. Тень доказывала это лучше, чем что-либо ещё; несуществующие предметы тень не отбрасывают.

После первоначального оцепенения, я ощутил страх. Кто-то, какой-то мерзкий тип, притащил сюда эту коляску, чтобы напугать меня. Это сработало. Я *и правда* перепугался. Ума не приложу, кто мог это проделать? Уж точно не офицеры Зейн или Канаван. Мистер Ито, вероятно, уже слышал о смерти миссис Белл – слухи быстро расходятся в небольших поселениях – но он был не из любителей подобных розыгрышей, а его сын большую часть времени проводил в волшеб-

ной стране по ту сторону экрана своего телефона. Я не знал кого подозревать, и в общем-то это было неважно. Важно, что кто-то пришёл к моему дому во то время, что писатели называют беспросветной тьмой.

Неужели я не запер дверь? Испуганный и потрясённый (разозлиться я ещё не успел), я не мог вспомнить. Не уверен, что вспомнил бы сейчас второе имя покойной жены, если бы меня спросили. Я подскочил ко входной двери – заперто. Проверил ту, что выходила во внутренний двор и к бассейну – она тоже закрыта. Подошёл к задней двери, ведущей в гараж, и она тоже оказалась на запоре. Значит, внутрь дома ночью всё же никто не пробрался. Вроде бы повод вздохнуть с облегчением, но я не мог.

«Должно быть, кто-то из копов оставил эту штуку», думал я. *«Зейн запирает гараж, у него есть ключи».*

Звучало логично, но невероятно. Зейн показался мне серьёзным надёжным человеком, отнюдь не тупым. К тому же, так ли уж нужен ключ от гаража? Скорее всего, нет. Замок на боковой двери, похоже, можно открыть проволочной вешалкой или кредитной карточкой.

Я вышел взглянуть на коляску. Пришло в голову, вдруг там лежит записка, вроде тех, что оставляют в жутких третьеразрядных триллерах: *«Ты следующий»* или *«Возвращайся, откуда пришёл»*.

Записки я не нашёл. Нашёл кое-что похуже. Жёлтые шорты на одном сиденье, красные на другом. Не те, что были вчера. И футболки, накинутые на спинки, тоже другие. Мне не хотелось прикасаться к этим футболкам, да и прочесть надписи можно было, не трогая их: *«ТРУЛЯЛЯ»* и *«ТРАЛЯЛЯ»*. Футболки близнецов, конечно же, но близнецы, носившие их, давно мертвы.

Что делать с этой проклятой коляской – вот в чём вопрос и хороший вопрос. Теперь, когда её реальность не вызывала сомнений, мой первоначальный шок, за которым последовал страх, сменился любопытством и злостью – дерьмово утречко началось. В кармане шорт у меня лежал мобильный телефон. Я позвонил в окружное управление шерифа и попросил офицера П. Зейна. Диспетчер перевела меня в режим ожидания, затем, вернувшись, сообщила, что офицер Зейн выйдет на службу лишь в следующий понедельник. Я знал, что бесполезно

спрашивать домашний номер полицейского, поэтому попросил диспетчера передать ему, что звонил Виктор Трентон, вместе с просьбой перезвонить.

– Постараюсь вам помочь, – ответила женщина-диспетчер, не слишком улучшив моё дерьмовое утро.

– Постарайтесь, – сказал я и завершил разговор.

Мистер Ито тоже не появится до понедельника, и я не ждал никого другого, но не собирался оставлять коляску у себя во дворе. Я решил отвезти её к дому миссис Белл и поставить обратно в гараж. В конце концов, этот путь совпадал с моей обычной прогулкой, и я мог бы проверить, не взломал ли какой-нибудь шутник или мерзавец дверь гаража. Но сначала я сделал несколько фотографий коляски там, где она стояла, чтобы позже показать их Зейну. Если, конечно, он заинтересуется. Возможно, он будет не слишком доволен, что я увёз коляску со двора, где её нашёл, но разве это улика преступления? Неужели Алли Белл забили до смерти коляской? Нет. Я просто верну её на место, туда, где мы её изначально поставили.

Я толкал коляску по дороге под лучами утреннего солнца. Похоже, «Амбиен» ещё продолжал на меня действовать, потому что, когда страх рассеялся благодаря прозаической обыденности (даже шорты и футболки были совершенно обычными, из тех, что можно купить в любом «Уолмарте» или на «Амазоне»), я ощутил некое одеревенение. Наверное, лежа в постели или на диване, я бы задремал. Но, поскольку я шагал по Раттлснейк-Роуд, то просто позволил своим мыслям плыть по течению.

Коляска без сидящих в ней четырёхлетних пацанов катилась легко, несмотря на скрипящее колесо («*Надо бы его смазать, наконец*», подумал я). Я толкал её левой рукой, правой ощупывая висевшие на спинках сидений футболки, то одну, то другую. Только потом я осознал, что делаю.

Я думал о мальчиках, пересёкших дорогу и продирающихся через заросли к пляжу. Когда их хлещут по лицам отлетающие ветки или колючки царапали руки, они не злятся и не орут свои мальчишеские обзывалки. Они не сердятся, не сгорают от нетерпения и не жалеют, что не пошли по дощатому настилу. Их полностью захватила общая фантазия – будто они исследователи джунглей в шапочках, которые отец

сделал им из листов воскресного выпуска «Трибьюн» с цветными смешными картинками. Где-то впереди скрывается сундук с сокровищами, оставленный пиратами, или гигантская обезьяна, вроде Кинг-Конга – они видели этот фильм в четыре часа в передаче «Утренник Тампы», сидя, скрестив ноги, перед телевизором, пока мама не пришла смотреть вечерние новости с Томом Брокоу.

Героически продвигаясь вперёд, близнецы слышат треск, сперва негромкий, но становящийся всё громче и ближе. Сначала они не обращают на него внимания, а затем совершают роковую ошибку, решив идти дальше несмотря на звук. Джо думает, что это жужжат пчёлы и они могут найти улей с мёдом. Джейк спрашивает брата, мол, он что – хочет, чтобы его ужалили? Пусть не тупит. Они ищут сокровища, а мёд – не сокровище. Потрескивание доносится то слева, то справа. Нет проблем! Путь к пляжу прямо впереди. Братья уже слышат шум прибоя, и они предвкушают, как поплещутся в воде, прежде чем приступить к поиску золота в песке (или к постройке замка, если поиски окажутся безрезультатными). Они хотят искупаться, потому что день очень жаркий, как и тот, который пришлось выносить моему малышу. У него не было воды, в которой он мог бы искупаться, он сидел в раскалённом на солнце автомобиле вместе с мамой, потому что снаружи поджидало чудовище. Машина не заводилась, а чудовище не спешило уходить.

Близнецы не замечают ямку, скрытую путаницей ветвей. В тени этих зарослей также скрывается логово змей – румба гремучек. Джейк и Джо могли бы обойти это скопление зелени, но отважные исследователи так не поступают. Отважные исследователи идут напролом, прорубая заросли невидимыми мачете.

Так они и делают, а поскольку идут бок о бок, то вместе плюхаются в скопившуюся в яме воду. И оказываются среди змей. Их десятки. Некоторые ещё молоды – змейки – и хотя они способны укусить, но не могут (вопреки распространённому мнению) впрыскивать яд. Но их укусы всё равно болезненны. Большинство же гремучих змей взрослые, полные решимости защищать своё логово. Они выстреливают вперёд своими ромбовидными головами и глубоко вонзают клыки.

«Ой!», кричат мальчики. А ещё: «Нет!», «Что?» и «Как больно!».

Они получают множество укусов в лодыжки и икры. Джо опускается на колени. Змея жгутом охватывает его ногу и жалит в бедро. Джейк с трудом выбирается из заросшей кустами ямы со змеями, обившимися, словно браслеты, вокруг лодыжек. Треск змеиных погремушек заполняет весь мир. Когда Джейк пытается подтянуть брата к себе, змея в мгновение ока всаживает клыки в мякоть его маленькой ладошки. Джо растянулся на животе и змеи ползают по нему. Он пытается защитить хотя бы лицо, но безуспешно. Его кусают в шею и щеки, а когда он отворачивается в тщетной попытке уклониться – в нос и губы. Лицо тут же начинает опухать.

Джейк разворачивается и бредёт назад к дому Беллов по ту сторону дороги, волоча за собой обвивших лодыжки змей. Одна отпускает его. Другая начинает взбираться по ноге мальчика, так что та становится похожа на столб со спиральным узором из змеи. Почему Джейк убегает, ведь они с Джо были неразлучны? Потому что понимает – его брата-близнеца уже не спасти? Потому что он ослеплён паникой? Нет, даже отчаянная паника не заставила бы его бросить Джо в беде. Джейк хочет найти папу, если он дома, или маму, если папы нет. Он не паникует, а отправляется за помощью. Джейк срывает змею с ноги и успевает взглянуть в её оценивающие глазки-бусинки, прежде чем она впивается клыками в его запястье. Он отбрасывает змею и пытается бежать, но не может – яд разносится по телу, нарушая работу сердца, затрудняя дыхание.

Джо перестаёт кричать.

Перед глазами у Джейка двоится, затем троится. Он уже не в силах идти, поэтому ползёт. Руки распухли, как перчатки на руках мультяшных героев. Джейк силится позвать брата по имени, но не может, потому что его горло...

Моё видение нарушил лязг и вой механизма открывающихся распашных ворот. Коляска пересекла луч фотоэлемента, управляющего воротами. Словно зомби, я миновал подъездную дорожку к дому Алли и ушёл гораздо дальше. Я заметил, что моя правая рука всё ещё ощущает то одну футболку (ТРУЛЯЛЯ), то другую (ТРАЛЯЛЯ). Я отдёргнул

руку, словно коснулся чего-то раскалённого. Погода пока стояла прохладная, но моё лицо покрылось испариной, и рубашка потемнела от пота. Я всю дорогу шёл шагом (во всяком случае, мне так показалось, точно не скажу), но я хватал ртом воздух, как после двухсотярдовой пробежки.

Я отодвинул коляску от фотоэлемента и ворота закрылись. Я гадал – что сейчас произошло, но, кажется, знал ответ. Мои коллеги по рекламному агентству рассмеялись бы – за исключением, может, Кэти Уилкин, чьё воображение простиралось дальше рекламных слоганов для туалетных чистящих средств – но я не находил другого объяснения. Я видел в фильмах и по крайней мере в одной документалке, как полицейские обращались за помощью к так называемым ясновидящим, чтобы отыскать тела людей, считающихся погибшими. Подобно тому, как ищейкам дают предмет одежды, по запаху которого они должны следовать, экстрасенсам предлагали вещи, предположительно важные для разыскиваемых людей. Чаще всего ни хрена у них не получалось. Но в нескольких случаях срабатывало. Или казалось так.

Дело в футболках. В прикосновении к ним. А мысли о Тедде? Мои воспоминания, вторгшиеся в то видение, что я получил от футболок. Ничего удивительного, что в своём странном состоянии я думал о сыне. Тед погиб примерно в том же возрасте и в то же время, что и близнецы Белл. Тройняшки вместо двойняшек. Трагедия, взывающая к трагедии.

Когда я развернул коляску и отправился в обратный путь, краски моего видения стали тускнеть. Я уже сомневался, что пережил настоящий приступ ясновидения. Я ведь не мог знать, что именно произошло с близнецами Белл. Мой разум, по-видимому, добавил детали, такие, как скрытая в зарослях яма, в которую они свалились. Возможно, на самом деле всё было не так. К тому же, не стану отрицать, я был в крайне внушаемом состоянии из-за появления коляски.

Вот этого я *не мог* объяснить.

Я пролез вместе с коляской под жёлтой полицейской лентой и покатил её по извилистой подъездной дорожке к дому миссис Белл. *Скрип, скрип, скрип.* Открытая боковая дверь гаража лениво покачивалась от лёгкого ветерка. Ни на замке, ни на самой двери не имелось никаких повреждений. Может, её и открыли кредитной карточкой, но не взламывали.

Я изучил дверные ручки снаружи и изнутри. В центре наружной ручки находилась замочная скважина, куда офицер Зейн вставлял ключ, запирая дверь. Чтобы запереть дверь изнутри, ключ не требовался. Достаточно нажать кнопку в центре дверной ручки.

«Картина ясная», подумал я. *«Это всё близнецы. Джейкоб и Джозеф. Они просто повернули внутреннюю ручку, отжали кнопку и дверь открылась. Пара пустяков. А потом они покатали коляску ко мне во двор: Джейк с одной стороны, Джо с другой».*

Ну конечно же. И если вы поверите этому, то поверите и тому, что мы одержали победу во Вьетнаме, высадка на Луну – обман, убитые горем родители в Сэнди-Хук⁵⁶ – всего лишь актёры, а 9/11 устроили мы сами.

И всё же дверь гаража *была* открыта.

А коляска оказалась в четверти мили от него, возле моего дома.

Зазвонил телефон. Я вздрогнул. Это был офицер П. Зейн. Диспетчер из управления шерифа всё-таки дозвонилась до него.

– Здравствуйте, мистер Трентон. Чем могу помочь? – сегодня голос Зейна звучал по южному расслабленно. Возможно, в свой выходной он вёл себя, как простой человек.

– Я у дома миссис Белл, – сказал я и объяснил причину. Вряд ли стоит уточнять, что я пропустил ту часть, где у меня было видение, как мальчики упали в неприметную яму со змеями.

Когда я закончил, на минуту наступила тишина. Затем Зейн сказал:

– Поставьте коляску обратно в гараж, почему бы и нет. – В его голосе не было удивления и тревоги. Конечно, *он-то* не видел змей, ползающих по пронзительно орущему Джо Беллу. – Кто-то вас разыг-

⁵⁶ В 2012 году в школе Сэнди-Хук города Ньютаун произошло массовое убийство. Погибло около тридцати человек, по большей части дети.

рал. Скорее всего, подростки, прокрававшиеся на Раттлснейк-Роуд посмотреть, где умерла двинутая леди. Такая уж у неё репутация в Палм-Виллидж.

– Вы и правда так считаете?

– А кто ещё мог это сделать?

«Призраки», подумал я. «Призраки детей». Но я не собирался говорить этого вслух. Мне и думать-то об этом не нравилось.

– Наверное, вы правы. Они, судя по всему, открыли замок кредиткой или водительскими правами. Никаких следов взлома.

– Наверняка. Открыть такой замок проще простого.

– Легче лёгкого.

Зейн усмехнулся.

– Так и есть. Просто поставьте коляску на место и захлопните дверь. Ключи покойной у нас в участке. Энди Пелли их заберёт. Вы помните, я вам о нём говорил?

– Конечно. Супердед.

– Верно, – Зейн рассмеялся, – только не называйте его так в лицо. В общем, он упросил своего друга судью подмахнуть ту писульку насчёт чрезвычайных обстоятельств, чтобы заняться поиском ближайших родственников и опросить местных знакомых. Энди старый тёртый калач; он узнает всё, что нужно. Нам нужно найти кого-то, кто возьмёт на себя заботу об останках леди.

«Останки», подумал я, наблюдая, как дверь раскачивается туда-сюда на ветру. Слово-то какое.

– Полагаю, она не может просто полежать в морге, да?

– Так у нас его и нет. Она в похоронном бюро Пердомо на Тамими. Послушайте, раз уж вы там, и гараж открыт, может, зайдёте посмотреть – не повредили ли вандалы автомобиль миссис Белл? Проколотые шины, разбитые или треснувшие стёкла и тому подобное. Тогда нам придётся отнестись к этому делу более серьёзно.

– Буду рад помочь. Извините, что потревожил вас в выходной.

– Не извиняйтесь. После завтрака я просто сижу на заднем дворе и читаю газету. Перезвоните мне, если с машиной что-нибудь случилось, и я тогда сообщу Энди. И, мистер Трентон...

– Почему бы вам не звать меня Вик?

– Хорошо, Вик. Если вы опасаетесь, что подростки, притащившие коляску к дому мистера Акермана, могут проделать это снова – а от детей, откалывающих такие номера, всякого можно ожидать – откадите её назад и запирайте в своём гараже.

– Лучше оставлю её здесь.

– Тоже неплохой вариант. Удачного вам дня.

Закатывая коляску в гараж (пришлось приподнять переднюю часть, чтобы перевалить через порожек), я вспомнил, что не рассказал Зейну про шорты и футболки.

Кондиционера в гараже не было, и я покрылся потом сразу, как вошёл. Не считая того, что автомобиль следовало бы прогнать через ближайшую автомойку – бока и ветровое стекло покрывал налёт соли – «Шевроле Круз» Алли выглядел целым и невредимым. Я уставился на пустые детские кресла на заднем сиденье (*конечно, пустые*), но заставил себя отвести взгляд. Вдоль задней стены гаража громоздились картонные коробки. На каждой из них красовалась надпись маркером «ВЕЩИ ДЖ.»

У моей матери была поговорка: «*Подглядывать – гаже, чем сплетничать*», а отец любил передразнивать её другой поговоркой: «*Любопытство убило кота, но удовлетворение вернуло его к жизни*».

Открыв одну из коробок, я увидел паззлы с картонными кусочками, вырезанными в форме животных. В другой коробке я обнаружил книжки с картинками: Доктор Сьюз, Ричард Скарри, «Мишки Беренштейна».⁵⁷ Ещё в нескольких лежала детская одежда, в том числе шорты и парные футболки с разнообразными забавными надписями про близнецов. Вот откуда взялись шорты и футболки в коляске. Мне стало интересно, откуда неведомый шутник мог знать, что Алли раскладывала эти вещи на сиденьях, словно одевала невидимых кукол? Офицер Зейн сказал бы, что слухи об этом ходили. Но я не уверен.

Горе засыпает, но не умирает. Во всяком случае, пока не умрёт сам скорбящий. Этот урок я заново усвоил, открыв последнюю коробку. Её заполняли игрушки. Машины «Матчбокс», конструктор «Плейстикс»,

⁵⁷ Доктор Сьюз (настоящее имя: Теодор Сьюз Гайсел) и Ричард Скарри – популярные детские писатели. «Мишки Беренштейна» – серия детских книг про семью медведей.

фигурки из «Звёздных войн», настольная игра «Кэндиленд» и дюжина пластиковых динозавров.

У нашего сына тоже были машинки «Матчбокс» и игрушечные динозавры. Он их обожал.

У меня на глаза навернулись слёзы, а руки дрожали, пока я закрывал коробку. Мне хотелось скорее покинуть жаркий замерший гараж. И, возможно, Раттлснейк-Ки тоже. Я приехал сюда, чтобы перестать оплакивать свою жену и все те годы, что мы потратили впустую, пока были в разрыве, а не для того, чтобы разбередить давно затянувшуюся рану от ужасной гибели нашего мальчика. И уж точно не ради того, чтобы испытывать вспышки ясновидения, достойные страниц «Взгляда изнутри».⁵⁸ Я решил, что для уверенности потерплю ещё два-три дня, но если буду чувствовать себя так же – позвоню Грегу, поблагодарю его и попрошу мистера Ито присматривать за домом. Затем отправлюсь в Массачусетс, где в августе тоже жарко, но не *безумно* жарко.

На пути к выходу, я заметил кое-какие инструменты – молоток, отвёртку, пару гаечных ключей – на полке слева от двери. Там же стояла и старомодная маслénка с металлическим корпусом, который надо сжать пальцами, и длинным носиком, напомнившим мне палку-змееловку Алли Белл. Хотя я не собирался толкать коляску до дома Грега, я решил хотя бы смазать скрипучее колесо. Если, конечно, в емкости осталось немного масла.

Я взял маслénку и увидел на полке что-то ещё. Папку с надписью «ДЖЕЙК И ДЖО». Ниже, большими буквами: «СОХРАНИТЬ!».

Открыв папку, я нашёл внутри две бумажные шапочки, сделанные из цветных картинок воскресной газеты. Я и думать забыл про смазку скрипящего колеса, и не хотел прикасаться к этим самодельным шляпам. Прикосновение к ним могло вызвать ещё одно видение. В жаркой духоте гаража эта мысль казалась отнюдь не глупой, а более чем правдоподобной.

Я запер дверь гаража и пошёл домой. Добравшись до дома, включил телефон и набрал в поисковике «Утренник Тампы». Мне не хотелось этим заниматься, но после того, как я нашёл шапки, у меня не

⁵⁸ Вымышленный таблоид, регулярно упоминаемый Кингом в разных произведениях ещё со времён «Мёртвой зоны». Стереотипный образец «жёлтой» прессы.

было выбора. Сири привела меня на трогательный сайт, созданный бывшим руководителем канала WTVT – филиала «Си-Би-Эс» в Тампе с незапамятных времён. На сайте размещался список местных программ с пятидесятых до девяностых. Утреннее кукольное шоу. Танцевальная вечеринка для подростков в субботу днём. И «Утренник Тампы» – дневной киносеанс, идущий по будням с четырёх до шести до 1988 года. Давным-давно, всего через три года после смерти моего сына, Джо и Джейк сидели, скрестив ноги, перед телевизором и смотрели, как Кинг-Конг карабкается на вершину Эмпайр-Стейт-Билдинг.

Теперь я не сомневался в этом.

После повторного брака мы прожили вместе десять лет. Девять их них, до того, как вернулся рак, были хорошими. Последний год... ну, мы старались сделать его хорошим, и первые шесть месяцев нам это удавалось. Потом боли стали усиливаться, проходя стадии от серьёзной к очень серьёзной, а затем к такой, когда ты больше не можешь думать ни о чём, кроме боли. Донна боролась изо всех сил, а мужества ей было не занимать. Однажды она столкнулась с бешеным сенбернаром, вооружённая лишь бейсбольной битой. Против рака, сжигающего её, у Донны не было никакого оружия, кроме собственной воли, и долгое время этого хватало. Под конец она превратилась в тень той женщины, которую той ночью в Провиденсе я затащил в постель, но для меня она оставалась красавицей.

Донна хотела умереть дома, и я выполнил её желание. Днём нам помогала одна сиделка, а другая проводила с Донной часть ночи, но чаще я ухаживал за ней сам. Я кормил её, а когда она не могла дойти до ванной – менял бельё. Я охотно выполнял эту работу, потому что столько лет было упущено. У нас на заднем дворе росло дерево, которое расщепилось – вероятно, от удара молнии – а потом вновь срослось, образовав дыру в форме сердца. Так же было с нами. Если метафора кажется вам излишне сентиментальной, ничем не могу вам помочь. Я говорю правду, как её понимаю. Как её чувствую.

Некоторым людям везёт в жизни меньше. Мы же сделали то, что смогли, с тем, что нам было дано.

Лёжа в постели, я смотрел на медленно вращающиеся лопасти потолочного вентилятора. Раздумывал о коляске со скрипящим колесом, о шапочках из газетной бумаги и игрушечных динозаврах. Но в основном думал о той ночи, когда умерла Донна – воспоминание, которого я обычно избегал. Теперь же оно казалось необходимым. В тот день налетел сильный северо-восточный ветер, его скорость достигала сорока миль в час, и валил снег. В три позвонила ночная сиделка из Льюстона и сказала, что не сможет приехать – дороги замело. Несколько раз мерцал свет, но, к счастью, не погас. Не знаю, что бы я делал, если бы пропал свет. В конце декабря Донну перевели с таблеток оксиконтинна на морфиновую помпу. Она стояла на страже возле кровати и работала от электричества. Донна спала. В спальне похолодало – печь не справлялась с завывающим январским ветром – но впалые щеки Донны покрывала испарина, а немногие оставшиеся волосы, когда-то густые, теперь словно прилипли к хрупкому изгибу черепа.

Я понимал, что она на пороге смерти. Её онколог тоже это знал; он снял ограничитель с морфиновой помпы, и теперь маленькая лампочка всегда светилась зелёным. Он предупредил меня, что передозировка может привести к смерти, но не выглядел при этом обеспокоенным. С чего бы? Рак уже съел бóльшую часть её тела и доедал остатки. Я сидел с Донной почти всё время на протяжении последних трёх недель. Я наблюдал, как двигаются её глаза под похожими на кровоподтёки веками, пока она смотрела свои предсмертные сны. Внутри помпы была емкость с морфином, и я подумал, что, если отключат свет, я достану из подвала отвёртку и...

Донна открыла глаза. Я спросил, как она себя чувствует, сильная ли боль?

– Неплохо, – ответила она. Затем: – Он хотел посмотреть на уток.

– Кто, дорогая?

– Тед. Он сказал, что хотел бы посмотреть на уток. Думаю, это были его последние слова, сказанные мне. Что за утки, не знаешь?

– Нет, не знаю.

– Ты помнишь каких-нибудь уток? Может, в зоопарке в Рамфорде, где мы с ним были?

Честно говоря, я не припоминал, чтобы мы водили Теда туда.

– Да, наверное, там. Я думаю...

Взгляд Донны был устремлён мимо меня.

– Боже мой! Как же ты вырос! Гляди-ка, какой *высокий!*

Я обернулся. Естественно, никого за спиной не оказалось, но я понимал, кого она видит. Порывы ветра завывали вокруг карнизов и бросали снег в закрытое окно спальни с такой яростью, что казалось, будто по ставням стучит гравий. Свет ламп померк, затем яркость вернулась. Где-то хлопнула дверь.

– *Ты не мог ДЫШАТЬ!* – закричала Донна.

Всё моё тело покрылось мурашками, с головы до пят. Волосы встали дыбом. Не стану утверждать наверняка, но мне так казалось. Не верилось, что у Донны остались силы кричать, но она всегда меня удивляла. До самого конца. Ветер ворвался в дом, словно грабитель, собирающийся перевернуть всё вверх тормашками. Я чувствовал, как он прорывается под закрытой дверью спальни. В гостиной что-то упало и разбилось.

– *ДЫШИ, Тед! ДЫШИ!*

Что-то ещё упало. Наверное, стул.

Донне каким-то чудом удалось приподняться, опираясь на руки, тонкие, как карандаши. Затем она улыбнулась и вновь опустилась на постель.

– Хорошо, – сказала она. – Я согласна. Да.

Похоже на разговор по телефону, когда слышишь реплики лишь одного из говорящих.

– Да. Хорошо. Слава богу, что ты... Что? – Она кивнула. – Я буду.

Донна закрыла глаза, продолжая улыбаться. Я вышел из спальни, чтобы запереть входную дверь, через которую уже намело дюймовый слой снега. Когда я вернулся, моя жена скончалась. Вы можете высмеять мысль, что наш сын пришёл проводить её из этой жизни, это ваше право. Но однажды я слышал голос моего малыша из его шкафчика для одежды, в то время, как он умирал в дюжине миль от меня.

Я никому об этом не рассказывал, даже Донне.

Эти воспоминания продолжали кружить в голове. Словно канюки. Словно гремучие змеи. Они клевали, кусали, не давали мне покоя. Около полуночи я выпил ещё две грегговские таблетки «Амбиена» с истёкшим сроком годности, и стал ждать, когда же они подействуют. Продолжал думать о том, как Донна, уходя из этого мира, увидела Теда взрослым мужчиной. То, как и чем закончилась её жизнь, должно бы меня успокоить, но воспоминание о её смертном одре постоянно накладывалось на моё видение – как мальчики падают в яму со змеями, и как я, очнувшись, ощупывал их футболки с надписями «ТРУЛЯЛЯ» и «ТРАЛЯЛЯ». Чувствуя остатки их владельцев. Их *останки*.

«Что, если я увижу их в конце, как Донна увидела Теда?», подумал я. *«Алли видела. Я уверен – она видела»*.

Видение Теда принесло успокоение Донне, когда она пересекала границу между жизнью и смертью. Успокоюсь ли я, увидев мальчиков? Я так не думаю. Их мать умерла. А я – посторонний человек. Кем ещё я мог быть? Кем я был *для них*?

Я не желал знать. Не желал, чтобы они меня преследовали, и мысль о том, что это возможно – вот, что не давало мне заснуть.

Я всё-таки начал дремать, когда услышал ритмичное поскрипывание. Оно началось ни с того ни с сего, и я не мог притвориться, что это вентилятор в гостиной Грега; звук доносился из ванной комнаты, соседствующей со спальней.

Скрип и скрип и скрип.

Я перепугался так сильно, как только может человек, живущий в доме в конце безлюдной дороги. Но если Донна, защищая своего сына, не побоялась схватиться с бешеным сенбернардом, вооружённая всего лишь бейсбольной битой, то я уж наверняка смогу заглянуть в ванную. Пока я включал ночник и вставал с кровати, мне даже подумалось, что звук мне померещился. Кажется, я где-то читал, что «Амбиен» может вызывать галлюцинации.

Подойдя к двери в ванную комнату, я прижался к стене рядом с ней, закусив губу. Повернул ручку и толкнул дверь. Скрип стал громче прежнего. Ванная комната была большая, и кто-то катал по ней коляску туда-сюда, туда-сюда.

Я протянул руку в дверной проём, ужасно боясь – как, думаю, любовью на моём месте – что чья-то рука схватит мою. Нащупав выключатель, я возился с ним мучительно долго, хотя прошло, наверное, всего две-три секунды. Наконец, я щелкнул им; над головой зажглись флуоресцентные лампы, красивые и яркие. Чаще всего свет бесследно рассеивает ночные кошмары. Но не в этот раз. Я всё ещё не мог осмотреть всю ванную с того места, где стоял, но на противоположной стене видел большую тень,двигающуюся из стороны в сторону. По неопределённой форме тени трудно было с уверенностью сказать, что это та проклятая коляска, но я знал – это она. И кто же её толкает? Мальчишки?

Каким образом она ещё могла попасть сюда?

«*Ребята*», попытался сказать я, но издал лишь сухой шёпот. Я откашлялся и попробовал снова:

– Ребята, вас сюда не приглашали. Вам тут не рады.

Я осознал, что повторяю переименованную версию «Заклинания чудовищ», которым когда-то успокаивал своего малыша перед сном.

– Это моя ванная, а не ваша. Это мой дом, а не ваш. Возвращайтесь туда, откуда явились.

И куда же это? В два детских гробика на кладбище Пальметто-Гроув? Неужели их мёртвые тела – их гниющие *останки* – с маниакальной страстью толкали коляску, роняя на пол куски мёртвой плоти?

Скрип и скрип и скрип.

Тень на стене.

Собрав последние остатки мужества, я отлип от стены и вошёл в дверь. Скрип оборвался. Покинутая коляска стояла возле застеклённой душевой кабины. Теперь на сиденьях лежали две пары чёрных брючек, а на спинках – два чёрных пиджачка. Погребальные костюмы для вечного ношения.

Пока я, замерев в ужасе, пялился на коляску, которая невесть как оказалась в ванной комнате, вместо скрипа колеса раздался треск. Сперва он был негромким, как будто доносился издалека, но потом стал нарастать, превратившись в звук высохших косточек, перекатывающихся в дюжине тыков. Я взглянул на шикарную ванну Грега, длинную и глубокую. Её до краёв заполняли гремучие змеи. Пока я смотрел, из извивающейся массы, из этой румбы в ванной, поднялась с мольбой крохотная ручка и потянулась ко мне.

Я сбежал.

В себя я пришёл благодаря коляске.

Она стояла посреди дворика, выложенного плиткой, как и раньше... только теперь она отбрасывала тень, освещённая не утренним солнцем, а на три четверти полной луной. Я не мог вспомнить, как сбежал в одних спортивных трусах вниз по лестнице или выходил через дверь во внутренний двор. Но, уверен, так и было, потому что, вернувшись, нашёл дверь открытой.

Коляску я оставил на месте.

Я поднимался наверх, вздрагивая при каждом шаге и убеждая себя, что это был сон (не считая коляски снаружи – она несомненно реальна), но понимал, что сам в это не верю. И это не просто видение. Это *явление*. Единственное, что удержало меня от того, чтобы провести ночь в арендованном автомобиле за запертыми дверями – чёткое ощущение, что явление закончилось. В доме снова никого не было, кроме меня. Скоро, сказал я себе, он *совсем* опустеет. Я не собирался оставаться на Раттлснейк-Ки, имея отличный дом в Ньюберипорте. Там мне придётся мириться лишь с воспоминаниями о покойной жене.

Как я и ожидал, ванная комната была пуста. Никаких гремучих змей в ванне, а на полу из искусственного мрамора не осталось следов колёс. Я вышел на галерею и осмотрел внутренний двор, надеясь, что коляска тоже исчезла. Увы, в этом не повезло. Она так и стояла в лунном свете, настоящая, как розы.

Но она хотя бы находилась снаружи.

Я вернулся в постель и, хотите верьте, хотите нет, заснул.

Утром коляска всё так же стояла на месте, но на этот раз с одинаковыми белыми шортами, лежащими на сиденьях. Только подойдя вплотную, я разглядел, что они не совсем одинаковые. У одних вдоль

штанин шли красные полоски, у других – синие. На футболках красовались рисунки сорóк из мультика, одну из них звали ХЕКЛ, вторую – ДЖЕКЛ.⁵⁹ Я больше не собирался возвращать коляску к дому Алли Белл. За годы работы в рекламном бизнесе я научился узнавать бесполезное занятие, столкнувшись с ним. Вместо этого, я затащил коляску в свой гараж.

Вы можете спросить: не казалось ли мне всё, кроме неугомонной коляски, сном при утреннем ярком свете? Ответ прост: нет, не казалось. Я слышал скрип и видел движущуюся тень, пока близнецы неистово катали коляску по ванной комнате, размером почти с гостиную небольшой квартиры. Я видел ванну, заполненную змеями.

После девяти утра я позвонил в «Дельта Эйрлайнс».⁶⁰ Голос автоответчика сообщил, что все агенты по бронированию билетов сейчас заняты, и предложил мне подождать. Я терпеливо ждал, пока в трубке не зазвучала версия «Лестницы в небеса» группы «Сотня коматозников», сдался и перезвонил в «Америкэн». Та же история. «ДжетБлю» – то же самое. У «Саутвест» был рейс до Кливленда в четверг, но не стыковочный до Бостона. Впрочем, агент сказал, что возможны изменения. Из-за коронавируса все словно с ума посходили.

Я забронировал билет до Кливленда, рассудив, что если стыковочного рейса не будет, я смогу взять машину напрокат, доехать до Бостона, а потом на «Юбер» до Ньюберипорта. Часы уже показывали девять тридцать. Я не мог выкинуть из головы коляску, стоящую в гараже. Всё равно, что таскать горячую головешку в кармане.

Я зашёл с телефона на сайт «Херц»⁶¹ и меня вновь поставили в очередь. То же самое на «Эйвис» и «Энтерпрайз». В «Баджете» агент покопался в компьютере и заявил, что в Кливленде у них нет свободных автомобилей для аренды в одну сторону. Оставалась «Амтрак» и междугородние автобусы, но к этому времени я уже истрепал себе нервы и устал держать телефон возле уха. В голове всё время вертелись коляска, футболки, детские чёрные погребальные костюмчики. Я надеялся, что свет жаркого августовского дня прогонит прочь эти мысли, но напрасно. Чем меньше у меня оставалось возможностей уехать, тем

⁵⁹ Персонажи серии мультфильмов 1950-70-х годов.

⁶⁰ Здесь и далее упоминаются различные американские авиакомпании.

⁶¹ Здесь и далее – американские агентства и компании по прокату автомобилей.

сильнее я хотел – я нуждался в этом – покинуть дом Грега и оказаться как можно дальше от дома Алли Белл. Место на берегу безмятежного залива, избранное мною, чтобы оправиться от потерь, теперь стало похоже на тюрьму.

Я налил себе чашку кофе, побродил по кухне, пытаюсь представить, что делать дальше, но в голову не лезло ничего, кроме коляски (*скрип*), парных футболок (*скрип*) и чёрных погребальных костюмчиков (*скрип*). Гробы тоже были парными. Белые с позолоченными ручками. Я это знал.

Пока я пил чёрный кофе, в голову пришла мысль: ночные явления закончились, но проклятие никуда не делось.

Четверг. Я сосредоточился на нём. В четверг у меня рейс хотя бы до Кливленда. Остаётся три дня.

«Убраться бы с Ки до тех пор. Это меньшее, что мне нужно сделать. Смогу ли я?»

Сперва я думал, что смогу. Одна нога здесь – другая там. Схватив телефон, я нашёл номер «Курортного отеля Барри» в Палм-Виллидж и позвонил. Наверняка у них найдётся номер, где я могу провести три ночи; я ведь видел новости, там сказали, что этим летом мало кто путешествует. Так что, вероятно, они примут меня (*скрип*) с распростёртыми объятиями!

Всё, что я получил в ответ – короткое, но ёмкое сообщение: «Благодарим за звонок в "Курортный отель Барри". Мы закрыты до дальнейших объявлений».

Я позвонил в «Холидей Инн Экспресс» в Венеции,⁶² и узнал, что отель работает, но новых постояльцев не принимает. «Мотель 6» в Сарасоте на звонки не отвечал. Набрав последний номер в поисках номера (пardon за каламбур – *скрип*), я дозвонился в «Дейз Инн» в Брадентоне. Да, ответили мне, есть свободные комнаты. Да, номер можно забронировать, при условии, что при заселении я согласен проверять температуру и носить маску. Я забронировал номер, несмотря на то, что Брадентон расположен в сорока милях и в двух округах отсюда. После этого я вышел наружу, проветриться, прежде чем начать соби-

⁶² Имеется в виду, конечно, не европейская Венеция, а одноимённый город в штате Флорида.

рать вещи. Я мог бы пройти через гараж, но предпочёл дверь во внутренний двор. Мне не хотелось вновь видеть коляску, а тем более смазывать её скрипучее колесо. Близнецам это может не понравиться.

Стоя у бассейна, я наблюдал, как пикап F-150, ослепительно блестящий на солнце, проехал подъездную дорожку и остановился во дворе, как раз там, где я оба раза находил проклятую коляску.

Из автомобиля выбрался мужчина, одетый в гавайскую рубашку с рисунком попугаев, просторные шорты цвета хаки и соломенную шляпу, как у коренных жителей побережья Флориды. Его лицо покрывал загар и украшали огромные моржовые усы. Он увидел меня и взмахнул рукой.

Я спустился из патио во двор, на ходу протягивая руку. Как же я рад был видеть этого человека. Его появление прервало круговорот мыслей в моей голове. Возможно, помогла бы встреча с кем угодно, но я был уверен, что ко мне прибыл Супердед.

Вместо рукопожатия, он выставил локоть. Я коснулся его локтя своим, решив, что теперь так принято.

– Энди Пелли. А вы, как я понимаю, мистер Трентон.

– Верно.

– Ковидом не болеете, мистер Трентон?

– Нет. А вы?

– Чист, как стёклышко, насколько я знаю.

Я расплылся в дурацкой улыбке, и знаете почему? Потому что был счастлив его видеть. Так счастлив, что выкинул из головы мысли о чёрных костюмчиках, белых гробах и скрипучих колёсах.

– Вам известно, на кого вы похожи?

– О, боже, ну конечно. Мне то и дело об этом напоминают. – С улыбкой под усами и огоньком в глазах Пелли довольно сносно изобразил Уилфорда Бримли.⁶³ – «Квакер Оутс»! То, что надо!

Я в восторге рассмеялся.

– Отлично получилось! – пролепетал я; ничего не мог с собой поделать. – Это была превосходная рекламная компания, уж кому знать, как не мне...

– Потому что вы раньше работали в рекламном бизнесе. – На лице Пелли всё ещё сияла улыбка, но я заблуждался насчёт огонька в его

⁶³ Американский актёр и певец.

голубых глазах. Это был оценивающий взгляд. Взгляд полицейского. – Вашим клиентом ведь были «Каши Шарпа»?

– Очень давно, – ответил я, подумав: *«Он поискала меня в сети. Наводил справки. Зачем – я не знаю. Уж не подозревает ли он меня...»*.

– Я бы хотел задать вам несколько вопросов, мистер Трентон. Может, мы зайдём внутрь? Тут такая ужасная жара. Думаю, холода канули в прошлое, как и синие замшевые туфли.

– Конечно. И, ради бога, зовите меня Вик.

– Понял вас, Вик.

Я хотел отвести его по ступенькам в патио, но Пелли направился к гаражу, где и остановился, увидев коляску.

– Хмм, Престон Зейн сказал мне, что вы вернули коляску в гараж миссис Белл.

– Я так и сделал, но кто-то притащил её обратно. Снова. – Я был близок к тому, чтобы выложить как на духу, что понятия не имею, почему коляска преследует меня повсюду, словно противный запах (если бы запах ещё мог издавать скрипящие звуки), но в прищуренных на солнце глазах Пелли вновь появилось оценивающее выражение, и я прикусил язык.

– Хмм. Две ночи подряд. Ничего себе.

Его взгляд говорил, насколько неправдоподобно звучат мои слова, и спрашивал, нет ли у меня причин лгать и что-то скрывать. Я не лгал, но мне определённо было что скрывать. Потому что я не хотел, чтобы меня сочли психом. Или человеком, причастным к смерти Алли Белл, пресловутым «заинтересованным лицом». Но это же нелепо. Правда ведь?

– Почему бы нам не зайти внутрь и не включить кондиционер, Вик?

– Хорошо. Я заварю кофе, если вы...

– Не надо. В такую жару я от кофе исхожу потом. Но я не откажусь от стакана холодной воды. Может, даже с кубиком льда. Вы точно не больны? Выглядите немного бледным.

– Нет, не болен. – Не тем, о чём *он* подумал.

Пелли предпочёл не рисковать. Зайдя внутрь, он достал маску из кармана своих широченных шорт и нацепил её. Я принёс ему стакан холодной воды, а себе налил кофе. Подумал, не надеть ли свою маску, но решил воздержаться. Пусть он видит моё лицо. Мы присели за кухонный стол. Каждый раз, делая глоток воды, Пелли стягивал маску, а затем возвращал её на место. Усы выпячивались под маской.

– Как я понимаю, это вы обнаружили тело миссис Белл. Должно быть, вы испытали потрясение.

– Да. – Облегчение от того, что у меня появилась компания – ещё один человек в Проклятом Особняке – сменилось настороженностью. Может, старина Пелли и состоит в «клубе 10-42», как назвал его Канаван, но и Зейн был прав – мозги у него на месте. Я так понял, мне предстоит не столько визит вежливости, сколько допрос.

– Буду рад поведать вам о том, как нашёл миссис Белл, но, раз уж вы здесь, меня тоже кое-что интересует.

– Правда? – Пелли смотрел прямо мне в глаза. В уголках его глаз виднелись «гусиные лапки» от улыбки, но сейчас он не улыбался.

– Офицер Зейн сказал, что вы здешний старожил.

– Да, живу тут целую вечность, – сказал Пелли, глотнул воды, вытерев усы огромной, как у фермера, ладонью, и вернул маску на место.

– Я слышал, что близнецы миссис Белл погибли от укусов гремучих змей. Любопытно, как толпа, устроившая после облаву на змей, избавлялась от них? Вы знаете?

– Ещё бы. – Пелли, похоже, расслабился впервые после приезда. – Я ведь участвовал в той охоте на змей. Участвовали все местные копы, кто был не на службе, ещё уйма парней и даже несколько девок. Собралось, наверное, человек сто. Может и больше. Как на обычную пляжную вечеринку, только никто не веселился. День был знойный, гораздо хуже, чем сегодня, но все мы облачились в длинные штаны, рубашки с длинными рукавами, сапоги, перчатки и маски, вроде той, что на мне сейчас. И вуали.

– Вуали?

– Некоторые как у пчеловодов, а другие из материи – тюля, наверное – что женщины носят на выходных шляпках. По крайней мере, но-

сили в старые добрые времена. Потому что, понимаете ли... – Наклонившись к мне, Пелли стал похож на Уилфорда Бримли больше, чем раньше. – Змея, понимаете ли, иногда становится на дыбы. Если она сильно испугана, конечно. И вместо того, чтобы укусить и впрыснуть яд, она им плюётся. Если яд попадёт в глаза... – Он взмахнул рукой. – Это короткий путь к мозгу. Прости-прощай, ложись и помирай. – Почти без паузы Пелли добавил: – Вижу, ваш полуночный гость принёс и палку-змееловку миссис Белл.

Если он хотел застать меня врасплох – у него получилось.

– Что?

– Видел её в гараже, стоит у задней стены. – Он не сводил с меня взгляда, ожидая, что я отведу глаза или ляпну что-то не то. Я моргнул; не мог удержаться.

– Вы, наверное, её не заметили.

– Я... не заметил. Думаю... – Не зная, как закончить фразу, я просто пожал плечами.

– Сразу узнал её палку по маленькому серебряному колечку на ручке. Леди ходила с ней повсюду, во всяком случае на Ки. Многие жители Раттлснейк-Роуд и за разводным мостом в Виллидж тоже видели её.

– И коляску, – вставил я.

– Да, ей нравилось гулять с коляской. Иногда разговаривала с ней. Разговаривала со своими умершими мальчиками. Я сам это видел.

– Я тоже.

Пелли помолчал. Я подумал, не рассказать ли ему, как прошлой ночью мёртвые близнецы толкали коляску по моей ванной комнате.

– Вы спрашивали о змеях. – Он отпил воды и вытер усы ладонью. Подтянул маску. – Великая змеиная охота восемьдесят второго или восемьдесят третьего года. Надо бы уточнить. Может, вы уже уточнили, Вик?

Я покачал головой.

– В общем, те из нас, кому не хватило палок-змееловок, взяли бейсбольные биты, выбивалки для ковров, даже теннисные ракетки. Что только попало под руку, лишь бы годилось хлестать по кустам, понимаете ли. А ещё мы запаслись рыболовными сетями. Здесь в них

нехватки нет. Все острова возле западного побережья имеют вытянутую форму, а этот уже других. С одной стороны – залив, с другой – Калипсо-Бей. В самой широкой точке, возле разводного моста, всего шестьсот ярдов. Эта оконечность, куда перебрались гремучки, когда в южной части острова началось строительство – примерно вдвое уже. Отсюда можно увидеть и залив и бухту, верно?

– Если встать сбоку от дома – да.

– В то время этот дом ещё не построили. Здесь росли пальметто, пляжная наупака – змеи её обожали – и сосны. И уйма кустарников, названий которых я не знаю. Мы выстроились в ряд от залива до Калипсо, и пошли на север, продираясь сквозь кусты, таща следом сети и стуча по земле. Слух у змей так себе, но они чувствуют вибрации. Они знали, что мы приближаемся, и пытались сбежать. Листва колыхалась, особенно наупака. Наверное, им это представлялось землетрясением. Когда мы приблизились к концу Ки, где кончаются заросли, то увидели их. Эти ублюдки были повсюду. Казалось, будто земля шевелится. Мы не верили своим глазам. И этот их треск; я до сих пор его слышу.

– Словно высохшие косточки в тыкке.

Пелли смерил меня пристальным взглядом.

– Точно. Откуда вы знаете?

– Видел змей в зоопарке Франклин-Парка, – солгал я с честным лицом. – Это в Бостоне. А ещё в передачах о живой природе.

– Что ж, описание подходящее. Только придётся представить десятки тыкв, может, сотни. И целое кладбище костей.

Мне вспомнилась громадная ванна Грега. И маленькая ручка, поднимающаяся из извивающейся массы.

– Вы бывали на северной оконечности Ки, Вик?

– Ходил туда на днях.

Пелли кивнул.

– Я не ходил туда со времён охоты на змей, но часто видел этот участок, когда рыбачил. За последние сорок с лишним лет Ки сильно поменялся, домов понастроили чуть ли не один на другом, но северная часть сохранилась такой же, как тогда. Ракушечный пляж в виде большого неровного треугольника, так ведь?

– Совершенно верно.

Он снова кивнул. Опустил маску, сделал глоток воды, поднял маску.

– Вот там и скопились змеи, которым некуда было отступать, кроме протоки Дейлайт. Можно сказать, их припёрли спиной к воде, хотя у змей *повсюду* спина, знаете ли. Они сплошь покрыли пол-акра пляжа. Ракушек даже не было видно, разве что на секунду-две, когда они переползали с места на место, тряся своими погремушками. Они ползали друг по другу. Яда этих змей хватило бы убить половину населения Тампы, скажу я вам. Нам помогали пожарные из Палм-Виллидж, и ещё несколько со станции на шоссе 41 в Нокомисе. Здоровенные крепкие ребята. Ещё бы, ведь за спинами у них висели двадцатигаллоновые распылители «Смоукчейзер». Раньше такие называли индейскими насосами. Их обычно использовали при борьбе с лесными пожарами, которые у нас не редкость, но в тот день ёмкости были заполнены не водой. В них залили керосин. Когда мы собрали змей в кучу – большинство из них; люди находили улизнувших и месяцы спустя – на участке, окружённом водой, пожарные как следует опрыскали их. Затем мой старый, уже давно покойный друг Джерри Гант, начальник пожарной охраны Палм-Виллидж, зажёг пропановую горелку «Бензоматик» и швырнул её. Гремучек объяло пламя, и поползла вонь – боже, она была такой ужасной, что мне так и не удалось вывести её с одежды. Никто не мог. Стирать без толку. Одежду пришлось сжечь, как змей.

Некоторое время Пелли сидел молча, разглядывая свой стакан с водой. Нет, он не забыл зачем пришёл, но сейчас ему было не до того. Он снова видел тех горящих змей и чувствовал их вонь, пока они корчились в пламени.

– Некоторые змеи поплыли к Дьюма-Ки, остров тогда ещё был на месте. Может, единицы и доплыли, но бóльшая часть утонула. Не знаю, видели вы водоворот там, где поток из бухты встречается с водой залива...

– Видел.

– Та водяная круговерть... водоворот... во времена, когда существовал Дьюма-Ки, был сильнее, потому что вода проходила через него с большим напором. Могу поспорить, глубина в этом месте футов шестнадцать, а то и больше. Вода промыла себе путь, знаете ли. К тому

же, тогда был отлив, а при нём поток из бухты усиливается. Мы видели, как змеи крутились в том водовороте, некоторые продолжая гореть. Вот такой, Вик, была великая змеиная охота восемьдесят-какого-то года.

– Весьма занятная история.

– А теперь вы расскажите мне историю. Про то, как познакомились с Алитой Белл и как позже нашли её тело.

– Я её почти не знал, встречал всего пару раз. Живую, я имею в виду. Во второй раз она угостила меня овсяным печеньем с изюмом. Мы ели его за этим самым столом, запивая молоком. Я поприветствовал близнецов.

– Серьёзно?

– Наверное, звучит безумно, но я не чувствовал себя безумцем. Просто проявил вежливость. Потому что во всём остальном Алли показалась мне полностью нормальной. Вообще-то... – Я нахмурился, стараясь припомнить ту встречу, – она сказала, что знает – близнецов в коляске нет.

– Хмм.

А разве не добавила она: *«И всё же иногда они есть»*? Мне так казалось, но точно вспомнить я не мог. Даже если она так сказала, то она была права. Теперь я и сам в этом убедился.

– И кто-то прикатил сюда коляску. Не однажды, а дважды.

– Да.

– Но вы никого не видели.

– Никого.

– И ничего не слышали.

– Нет.

– И не заметили, чтобы свет включился от датчиков движения? Я знаю, Акерман их поставил.

– Не заметил.

– Палку-змееловку не вы принесли?

– Нет.

– Расскажите, как вы нашли миссис Белл.

Я рассказал, в том числе про то, как швырял ракушками – вероятно, больше, чем одной; я расстроился и позабыл детали – в канюков, чтобы отогнать их от тела.

– Я уже говорил всё это офицерам Зейну и Канавану.

– Я знаю. Это есть в их отчёте. За исключением того, что коляска оказалась здесь во второй раз. Это мы называем свежей информацией.

– Вряд ли смогу чем-то вам помочь. Я спал.

– Хмм. – Пелли опустил маску, допил воду, вернул маску на место.

– Пит Ито говорил, что вы собираетесь пожить тут до ноября, мистер Трентон.

Я обратил внимание, что Пелли пообщался с мистером Ито. Также от меня не укрылось и то, что он обратился ко мне по фамилии.

– Мои планы изменились. Такое иногда происходит, когда найдешь мёртвую женщину, исклёванную канюками. На сегодня у меня забронирован номер в «Дейз Инн» в Брадентоне, а в четверг у меня рейс из Тампы в Кливленд. Как дальше добираться до своего дома в Массачусетсе мне ещё предстоит выяснить. Вся Америка сейчас – один большой бедлам.

Бедлам. Я сделал ударение на этом слове, хотя и не собирался.

– По всему миру бедлам, – сказал Пелли. – Почему вы вообще приехали сюда летом? Мало кто так поступает, если только у них нет бесплатных билетов в «Дисней Уорлд».

После разговора с Питом Ито, он наверняка знает. Да, это допрос, всё верно.

– Моя жена недавно умерла. Я пытаюсь смириться с потерей.

– И... как? Чувствуете какое-то облегчение?

Я пристально посмотрел на Пелли. Он больше не походил на Уилфорда Бримли. Он походил на серьёзную проблему.

– В чём дело, помощник шерифа Пелли? Или мне следует называть вас мистер Пелли? Я так понимаю, вы вышли на пенсию.

– Наполовину. Я больше не детектив, но числюсь полноправным помощником шерифа на полставки. И вам придётся отменить свои планы покинуть этот остров. – Послышался ли мне небольшой нажим в слове «покинуть»? – Уверен, деньги за билет вернут вам на карту. И за номер в гостинице тоже. Вы могли бы остановиться в «Барри» в Виллидж, но...

– «Барри» закрыт. Я звонил. Что «но»?

– Но вот что я вам скажу: мне будет спокойнее, если вы останетесь здесь, пока не произведут вскрытие тела миссис Белл. То есть, таково пожелание департамента шерифа округа, мистер Трентон.

– Не думаю, что вы вправе меня задержать.

– На вашем месте, я бы не стал проверять. Всего лишь дружеский совет.

И тут я услышал звук, слабый, но различимый: *скрип и скрип и скрип*.

Я сказал себе, что ничего не слышу. Это какой-то бред. Я же не герой рассказа «Коляска-обличитель».⁶⁴

– Спрошу снова, мистер Пелли... *помощник шерифа* Пелли – в чём дело? Вы ведёте себя так, словно я подозреваемый в убийстве этой женщины.

Пелли и глазом не моргнул.

– Вскрытие покажет, какова была причина её смерти. Скорее всего, это снимет вас с крючка.

– Понятия не имел, что я на крючке.

– Есть кое-что, скажем так, усложняющее дело. Я нашёл это на кухонном столе миссис Белл, когда заглянул в её дом сегодня в шесть утра.

Пелли покопался в своём телефоне, затем передал его мне. На экране была фотография делового белого конверта. Надпись на нём аккуратным почерком гласила: **Вскрыть в случае моей смерти**. А ниже: **Алита Мари Белл**.

– Конверт не был запечатан, поэтому я заглянул в него. Переходите к следующей фотографии.

Я так и сделал. Записка из конверта была написана тем же красивым почерком. А дата сверху...

– Это же на следующий день после того, как мы ели печенье с молоком!

Скрип доносился снизу, из гаража. Как и полицейские в рассказе По, Пелли, похоже, его не слышал. Но в его возрасте слух, наверное, уже не тот.

– Правда?

⁶⁴ В рассказе Э. А. По «Сердце-обличитель» убийцу преследует и вынуждает признаться мнимый стук сердца убитого им старика.

– Да, и мы приятно побеседовали. – Я не собирался рассказывать о том, как Алли отправила Джейка и Джо поиграть в кабинет Грега, и как позже я нашёл кошачью корзину перевернутой, а игрушки – разбросанными. Это *последнее*, что стоит выкладывать моему остроглазому (но, возможно, тугоухому) собеседнику. Не стал я говорить и о том, что сам разговаривал с близнецами. «Привет, Джейк. Привет, Джо, как дела?»

Это всего лишь безобидное потакание печальной фантазии старой леди. Так я думал, но кто знает – не открыл ли я лазейку для призраков? Как это обычно происходит?

– Читайте дальше.

Я продолжил чтение. Записка была краткой и без формальностей.

Это моя последняя воля и завещание, отменяющее все предыдущие. Глупо звучит, потому что у меня никаких предыдущих и не было. Я пребываю в здравом уме, хотя нельзя сказать, что в здравом теле. Я оставляю этот дом, мой банковский счёт в «Фёст Сан Траст», инвестиционный счёт в ООО «Строим Будущее» и всё прочее мирское имущество ВИКТОРУ ТРЕНТОНУ, проживающему сейчас в доме 1567 по Раттлснейк-Роуд. Мой адвокат, с которым я не советовалась во время писания сего – Натан Резерфорд из Палм-Виллидж.

Подписано:
Алита Мари Белл

Ниже стояла ещё одна подпись, другим почерком: Роберто М. Гарсия, свидетель.

Я думать забыл про скрип в гараже (или, возможно, он смолк). Я перечитал предсмертное письмо Алли – другого слова не подберёшь – снова. А потом в третий раз. Затем толкнул телефон по столу, немного сильнее, чем хотел. Пелли поймал телефон загорелой морщинистой рукой, точно вратарь – хоккейную шайбу.

– Бред какой-то.

– Вы и правда так считаете?

– Я встречался с ней всего два раза. Три, если считать тот раз, когда нашёл её мёртвой.

– И вы не знаете, почему она оставила всё вам?

– Нет. И вот эта... эта *записка*, не будет иметь никакой силы в суде. Я бы сказал, что родственники миссис Белл выпрыгнут из штанов от ярости, но им не придётся этого делать, поскольку я не собираюсь посягать на их права.

– Роберто Гарсия владелец фирмы «Мир растений». Они обслуживали её участок.

– Да, я видел их пикапы на подъездной дорожке её дома.

– Бобби Джей живет здесь с незапамятных времён. Если он говорит, что видел, как миссис Белл всё это написала – а он видел, хотя она прикрыла текст рукой, когда он его подписывал – то у меня нет причин в этом сомневаться.

– Это неважно. – Голос мой звучал нормально, но лицо онемело, словно мне вкололи новокаин. Престранное ощущение. – Её адвокат свяжется с родственниками и...

– Я уже поговорил и с Нейтом Резерфордом. Знаю его...

– С незапамятных времён, я уверен. Вы проделали солидную работу, помощник шерифа Пелли.

– Я старался, – сказал он не без гордости. – Нейт был адвокатом миссис Белл с... – кажется, он вновь хотел сказать «с *незапамятных времён*», но решил, что надо бы знать меру, – ...с прошлого века. После смерти её мужа и мальчиков, он взял на себя все её дела. Она в то время была, как говорится, на грани. И знаете что? Нейт сказал, что у неё не осталось родственников.

– У всех есть родственники. Донна, моя покойная жена, утверждала, что корни её семьи уходят вплоть до Марии Стюарт, известной, как королева...

– Королева Шотландии. Я ходил в школу, мистер Трентон, в те годы, когда на телефонах были диски с цифрами, а про ремни безопасности в машинах и слыхом не слыхивали. Я спросил Нейта, во сколько примерно оценивается состояние леди, но он отказался говорить. Но, учитывая недвижимость – очень дорогой участок от бухты до залива – это довольно-таки солидный куш.

Я встал, сполоснул кофейную чашку, наполнил её водой. Дал себе время поразмыслить. Заодно прислушался – нет ли поблизости коляски, но стояла тишина.

Я вернулся к столу и сел.

– Уж не предполагаете ли вы, что я каким-то образом заставил миссис Белл написать завещание... а затем... что? Убил её?

Пелли буравил меня взглядом.

– Думаю, вы *сами* это предположили, мистер Трентон. И, раз уж предположение прозвучало – вы это сделали?

– Боже правый, нет! Я всего лишь дважды пообщался с ней! Я по-такал её безобидным фантазиям! А потом обнаружил её умершей. Скорее всего, от сердечного приступа – она жаловалась мне на проблемы с сердцем.

– Нет, я не верю, что вы убили миссис Белл, потому и не прошу вас сделать официальное заявление. Но вы наверняка понимаете, в каком положении находимся я и департамент шерифа в моём лице? Перед самой смертью леди составляет так называемое рукописное завещание, заверяет его, а человек – можно сказать, *посторонний* – нашедший её тело, становится единственным наследником.

– Должно быть, её чудачества касались не только детей, – пробормотал я, думая о песне, что упомянул офицер Зейн – «Рассвет Дельты».

– Может, *si*, может, *no*.⁶⁵ В любом случае, проводится вскрытие. После него мы что-нибудь да узнаем. И вам, конечно, придётся дать показания. *На этот раз* – официально.

Моё сердце замерло.

– Когда?

– Не раньше, чем через пару недель. Можно по видеосвязи. «ФейсТайм», «Зум», без понятия. Я еле научился пользоваться своим модным телефоном.

Ни на секунду в это не поверил.

– Как бы то ни было, лучше вам задержаться, Вик. – Теперь обращение по имени прозвучало, словно он расставляет ловушку. – Вообще-то, я вынужден на этом настаивать. Сейчас, когда в стране разбушевался ковид, в ваших же интересах остаться здесь, застегнуться на все пуговицы и надеть маску. Вы как считаете?

⁶⁵ Да... нет (исп.)

Возможно, тогда я начал понимать, что натворила Алита Белл, однако полностью картина вырисовалась лишь к вечеру.

А может, она ни при чём. Я вспомнил, как Донна в свой последний вечер смотрела мимо меня, как её умирающие глаза в последний раз засияли. *«Боже мой! Как же ты вырос!»*

Дети не могут строить планы и замыслы. Взрослые – другое дело...

– Вик?

– Хмм?

«Гусиные лапки» в уголках глаз Пелли стали чётче.

– Я уж решил, вы отключились.

– Нет, я здесь. Просто... размышляю.

– Да уж, поразмыслить надо как следует. И мне тоже. Прямо как в каком-нибудь романе-загадке. Думаю, вам лучше придерживаться первоначального плана. Отдыхайте до сентября. Гуляйте по утрам или вечером, когда прохладно. Поплавайте в бассейне. Нам нужно разобраться в этом деле, если получится.

– Я подумаю.

Морщинки разгладились.

– Хорошо подумайте, а пока думаете – не покидайте округ. – Пелли встал и подтянул пояс шорт. – Не смею больше отнимать у вас время.

– Я вас провожу.

– Не стоит, я найду дорогу.

– И всё же я провожу, – повторил я, и Пелли воздел руки, как бы говоря: будь по-вашему.

Мы стали спускаться по лестнице в гараж. На полпути Пелли остановился и спросил, с тактичным сочетанием любопытства и сочувствия:

– От чего умерла ваша жена, Вик?

Вопрос прозвучал вполне естественно, не было причин полагать, что Пелли ещё в чём-то меня заподозрил, но я догадывался, что у него на уме. И не только на уме.

– От рака, – ответил я.

Он сошёл с последней ступени лестницы.

– Сожалею о вашей потере.

– Спасибо. Вы отвезёте коляску в дом миссис Белл? Вы можете положить её в кузов вашего пикапа. – Мне жутко хотелось избавиться от неё.

– Почему бы и нет, – согласился Пелли. – Могу отвезти. Но есть ли смысл? Если этот... шутник... решит продолжать над вами глумиться, то он снова притащит коляску обратно. Патрульная машина проезжает по Раттлснейк-Роуд раз или два за ночь, но остаётся полно времени. Да ещё несколько офицеров подхватили ковид. Может, проще оставить коляску здесь.

«Не верит он ни в каких шутников», подумал я. *«Он считает, что это мои проделки. Оба раза. Он уверен в этом, хоть и не понимает, зачем это мне».*

– Как насчёт отпечатков пальцев?

Пелли поскрёб свою сильно загорелую морщинистую шею.

– Можно попробовать, у меня в пикапе есть набор для снятия отпечатков. Но если придётся копировать какие-либо отпечатки, я могу напортачить. Руки уже не так тверды, как прежде.

Я бы так не сказал.

Пелли вдруг просиял.

– Знаете что? Я могу посыпать порошком хотя бы хромированные детали, и сделать несколько снимков на телефон, если что-то обнаружу. Нет смысла пробовать рукояти – они обтянуты резиной, а подлокотники сидений – тканью. Но эти металлические перекладки – да, отличное место для отпечатков. Зейн или Канаван прикасались к ним?

– Не уверен, но, думаю, только я. И Алли Белл, конечно.

Он кивнул. Мы пока стояли у подножия лестницы, в гараж не входили.

– Значит, я могу найти два набора отпечатков – ваши и миссис Белл. И то маловероятно. Люди обычно берутся за обрезиненные рукояти.

– Припоминаю, что я наклонялся и приподнимал коляску, чтобы перевалить через порог гаража. Так что я вполне мог схватиться за эти детали чуть ниже ручек. Возможно, вы не найдёте там отпечатки пальцев, но будут отпечатки ладоней.

Пелли снова кивнул, и мы вошли в гараж Грега. Пелли хотел выйти наружу, за своим набором для снятия отпечатков, но я остановил его, схватив за локоть.

– Смотрите, – сказал я, указав на коляску.

– Что с ней?

– Её переместили. Когда я привёз коляску со двора, то оставил её возле водительской двери своей машины. А теперь она стоит со стороны пассажира.

Значит, я и правда *слышал* скрип.

– А я вот не помню.

Его хмурый вид – вертикальная линия между бровей так углубилась, что казалась бездонной – подсказывал мне, что он помнит, но не хочет верить.

– Да ладно вам, Энди. – Я намеренно назвал его по имени – старый приём, что я использовал на рекламных конференциях, когда страсти накалялись. Я хотел, чтобы мы были заодно, если это возможно. – Вы столько лет проработали в полиции, что должны бы привыкнуть обращать внимание на любые мелочи. Коляска стояла в тени. Теперь она по другую сторону машины и на солнце.

Он задумался, покачивая головой.

– Не могу сказать с уверенностью.

Я хотел заставить его признать, что всё так, как я говорю, хотел сказать, что слышал скрип колеса, когда коляску передвигали, даже если Пелли этого не слышал, хотел дёрнуть его за руку, которую всё ещё держал. Вместо этого, я разжал свою хватку. Было трудно, но я переборол себя. Потому что не хотел, чтобы Пелли считал меня сумасшедшим... а такой вывод не заставит себя ждать, если он думает, что это я катаю коляску по ночам между домом миссис Белл и домом Грега. А тут в придачу странное рукописное завещание Алли Белл, подкинувшее ему пищу для размышлений. Поверил ли Пелли, что мы с Алли встречались всего пару раз и были едва знакомы? А я бы поверил?

Как я догадывался, вопросы ко мне только начинаются.

– Принесу свой маленький набор, – сказал Пелли. – Хотя особых надежд не питаю.

Минут через десять-пятнадцать Пелли уехал в своём пикапе, ещё раз напомнив, чтобы я не покидал пределов округа, мол, это *очень плохая идея*. Он пообещал, что после вскрытия со мной свяжутся либо он сам, либо один из штатных детективов.

День тянулся бесконечно. Я попытался подремать, но не смог заснуть. Несколько раз мне казалось, что я слышу скрип колеса, и я спускался в гараж. Коляска стояла на месте. Я не удивился. Когда я *слышал* скрип, сидя вместе с Пелли за кухонным столом, он казался реальным. Позже он стал восприниматься иначе. Игра воображения, скажете вы, но это не так. Не совсем так. Думаю, это что-то вроде поддразнивания. Верите или нет, дело ваше, но я верил.

Нет, я *знал*.

Однажды, услышав скрип (не настоящий, но кажущийся таковым в моей голове), я спустился в гараж и мне показалось, что я вижу тени змей на стене. Я крепко зажмурился, затем открыл глаза. Тени исчезли. Сперва они были, потом нет. Осталась лишь коляска, стоящая в солнечных лучах на цементном полу гаража и отбрасывающая свою обычную тень.

Около полудня, пообедав сэндвичем с куриным салатом, я подумал, не смазать ли то скрипучее колесо – на верстаке во второй половине гаража я заметил банку смазки «три в одном» – но отказался от этой идеи. Мне не нравилось даже думать о том, чтобы прикоснуться к коляске, но никаких истерик или фобий по этому поводу я не испытывал. Просто я вспомнил старую басню Эзопа о том, как мыши надели на кота колокольчик. Зачем? Они хотели слышать, как он идёт.

То же самое я чувствовал к коляске. Особенно после того, как Пелли посыпал порошком хромированные стержни и не обнаружил никаких отпечатков, даже случайных пятен и частиц пыли, которые ожидал найти.

– Думаю, её протёрли. Этот ваш шутник.

Он смотрел мне в глаза, говоря это.

Вечером я прошёлся вдоль Раттлснейк-Ки до разводного моста. Длинная прогулка для старика, но было о чём подумать по пути. Я начал с того, что попытался разобраться: не спятил ли я? Однозначный ответ – нет. Змеи в ванне и протянутая рука могли быть галлюцинацией, вызванной стрессом (в это не очень-то верилось, но я не исключал такую возможность). С другой стороны, коляска и правда была в ванной комнате. Я видел только её тень, но скрип колеса не вызывал сомнений. И когда коляска находилась в гараже, то *перемещалась*. Я это слышал. Не уверен, слышал ли Пелли, но он знал, что коляска переместилась, просто не хотел признаваться в этом мне (и, возможно, самому себе).

Разводной мост работал круглые сутки, без выходных. В тот вечер на нём дежурил старикан по имени Джим Моррисон (*не* из «Дорз», как он любил уточнить),⁶⁶ который был, наверное, старше и меня и Пелли. Мы слегка поболтали – о погоде, предстоящих выборах, о том, как из-за ковида опустели бейсбольные стадионы, где зрителей теперь изображают картонные макеты. Потом я задал вопрос о миссис Белл.

– Вы нашли её, верно? – спросил Джим. Мы разговаривали возле его маленькой будки, где перед телевизором стояло обшарпанное кресло и имелась туалетная кабинка. На Джиме был надет жёлтый жилет со светоотражающими полосами и красная кепка с надписью «РАТТЛСНЕЙК-КИ» на козырьке. В углу его морщинистого рта торчала зубочистка.

– Да.

– Несчастливая леди. Несчастливая старая душа. Она так и не смирилась с потерей своих мальчиков. Повсюду таскалась с коляской.

Прекрасный повод спросить то, что меня интересовало.

– Как считаете, она и впрямь верила, что мальчики в коляске?

Джим задумчиво почесал заросший щетиной подбородок.

– Точно не скажу, но, думаю, она верила, хотя бы иногда. Может, даже постоянно. Думаю, она заставила себя поверить. А это опасная штука, если хотите знать моё мнение.

– Что вы имеете в виду?

⁶⁶ Знаменитая американская рок-группа, возглавляемая тёзкой персонажа.

– Иногда лучше отпустить ушедших, залечить рану и жить дальше со шрамом.

Я ждал продолжения, но он молчал.

– Вы принимали участие в охоте на змей после гибели детей? Энди Пелли рассказал мне об этом.

– О да, я побывал там. До сих пор чувствую вонь горящих гремучих змей. И знаете что? Иногда мне кажется, что я их вижу, особенно ближе к вечеру. – Джим перегнулся через перила моста и выплюнул зубочистку в залив. – В сумерках, понимаете ли. Тогда реальность словно размывается, по крайней мере для меня. Моя жена говорила, что с такими-то идеями мне стоило бы стать поэтом. Но с появлением на небе звёзд я чувствую себя лучше. Сегодня я много чего увижу. Я работаю до полуночи, потом меня сменит Патриция.

– Не думаю, что в это время года будет много лодок, тем более ночью.

– О, вы удивитесь. Взгляните-ка туда. – Старик указал на недавно взошедшую луну, чьё отражение серебрилось в воде. – Людям нравится плавать при луне. Им это кажется романтическим. Когда луны не видать – другое дело, во всяком случае, летом. Тогда проплывают в основном катера береговой охраны. Или УБН.⁶⁷ Эти ребята всегда спешат. Можно подумать, от их гудков старый мост поднимется быстрее.

Мы ещё немного пообщались, пока я не сказал, что мне пора возвращаться.

– Хорошо, – ответил Джим. – Долгая прогулка для человека в годах. Но луна осветит вам дорогу.

Я пожелал ему доброго вечера и отправился домой через мост.

– Вик?

Я обернулся. Джим прислонился к стене своей будочки, сложив руки поверх жилета.

– Спустя пару недель после смерти жены, я спустился среди ночи попить воды и увидел её за кухонным столом, сидящую в своей любимой ночной рубашке. Свет не горел и в кухне царил полумрак, но это точно была она. Я готов поклясться в этом перед всемогущим Господом. Но тут я включил свет, и она... – он поднял руку, сжатую в кулак, и распрямил пальцы, – исчезла.

⁶⁷ Управление по борьбе с наркотиками.

– Я слышал голос своего сына после его смерти. – После слов Джима я счёл вполне подходящим поделиться этим воспоминанием. – Голос доносился из шкафа. И я *тоже* готов поклясться.

Джим лишь кивнул, пожелал мне спокойной ночи и вернулся к себе в будку.

Первую милю или около того обратного пути мне встречалось немало домов, сперва обычных, но чем дальше – тем больше и изысканнее. В некоторых из них горел свет, на подъездных дорожках, усыпанных ракушками, стояли автомобили, но в большинстве домов было темно. Их владельцы приезжали после Рождества и уезжали перед Пасхой. Конечно, теперь многое ещё зависело от ситуации с ковидом.

Когда я прошёл распашные ворота на северной оконечности Ки, немногочисленные новомодные особняки скрылись за пальметто и азалиями, охватившими дорожку с обеих сторон. Слышно было лишь стрекотание сверчков, шум прибоя с пляжа со стороны залива, пение козодоя и звук моих шагов. К тому времени, как я добрался до жёлтой полицейской ленты, перекрывающей подъездную дорожку к дому миссис Белл, уже почти стемнело. Луна стояла довольно высоко и могла бы освещать мне путь, но её заслоняла листва, вольготно разросшаяся в тёплом климате Флориды.

Только я миновал подъездную дорожку Алли, раздался скрип. Его источник находился футах в тридцати-сорока позади меня. У меня по коже пробежали мурашки. Язык прилип к нёбу. Я замер, не в силах сделать и шагу, не то что бежать (с моими старческими суставами я бы всё равно далеко не убежал). Кажется, я понял, что происходит. Они ждали меня у подъездной дорожки своего дома. Ждали, когда я пройду мимо, чтобы проводить до дома Грега. Что мне больше всего запомнилось в этот момент: странное ощущение в глазах. Они словно набухали в глазницах. Помнится, я подумал, что они могут лопнуть и я ослепну.

Скрип прекратился.

Теперь я слышал другой звук: удары собственного сердца. Словно приглушенная барабанная дробь. Козодой замолчал. Сверчки тоже

стихли. С моего виска по челюсти стекала капля холодного пота. Я сделал шаг вперёд. Он дался мне нелегко. Затем ещё один. Уже легче. Третий, ещё легче. Я пошёл дальше, но с таким чувством, будто двигаюсь на ходулях. Преодолею около пятидесяти футов к дому Грега и снова услышал скрип. Я становился и скрип прекратился. Двинулся вперёд на своих невидимых ходулях – скрип возобновился. Это был звук колеса коляски. Её толкали близнецы. Они двигались с места, когда я шёл вперёд и замирали, когда я останавливался. И они, я в этом уверен, проделывали это с ухмылками. Для них это была прикольная шутка над новым... новым кем? Кем именно я для них являлся?

Боюсь, ответ мне известен. Алли Белл завещала мне свой дом, деньги и ценные бумаги. Но она оставила мне не только это. Так ведь?

– Ребята, – произнёс я. Мой голос звучал неузнаваемо. Я смотрел прямо перед собой, и голос был словно чужим. – Ребята, шли бы вы домой. Вам уже пора баиньки.

Никакого ответа. Я ждал прикосновения холодных рук. Или что увижу десятки змей, извивающихся на освещённой луной подъездной дорожке. Змеи тоже будут холодными. Пока они не укусят. Когда они впрыснут яд, начнётся жар, распространяясь до самого сердца.

Никаких змей. Змей нет. Даже если б я их увидел – они не настоящие.

Я двинулся с места. Коляска следом. *Скрип и скрип и скрип.*

Я встал. Коляска остановилась. До дома Грега было уже рукой подать, я видел его громаду на фоне неба, но легче мне от этого не становилось. Они могли войти вслед за мной. Они уже входили.

«Взгляни на нас. Взгляни на нас. Взгляни на нас».

«Покатай нас. Покатай нас. Покатай нас».

«Одень нас. Одень нас. Одень нас».

Я сходил с ума от мыслей, крутящихся в голове, как одна из тех песен, что постоянно всплывают в памяти. Например, «Рассвет Дельты». Но я мог остановить близнецов. Я знал, как заставить их исчезнуть, хотя бы на время.

Они тоже знали.

«Взгляни на нас. Покатай нас. Одень нас».

Я не решался обернуться, но кое-что всё-таки мог сделать. Если мне хватит смелости. Мой телефон лежал в кармане шорт. Я достал

его и включил фронтальную камеру, так что на экране я видел своё испуганное лицо, в лунном свете бледное, как у покойника. Я поднял телефон над плечом, чтобы посмотреть себе за спину, не поворачивая головы. До этого я и не замечал, как сильно дрожат у меня руки, и постарался держать телефон крепче.

Джейкоба и Джозефа позади не было, как и коляски... но были их тени. Две тени человеческих фигур и угловатая тень двухместной коляски, в которой их возила мать. Не сказал бы, что эти бесплотные тени на экране смотрелись страшнее, чем если бы я увидел их воочию, но всё же они приводили меня в ужас. Я нажал большим пальцем на кнопку, в полной уверенности, что ничего не получится, но раздался характерный щелчок.

«Взгляни на нас. Покатай нас. Толкни нас».

Я переключил телефон с камеры на диктофон.

«Взгляни на нас. Покатай нас. Толкни нас».

На мой взгляд, их тени выглядели слишком длинными для теней четырехлетних детей, и я снова вспомнил предсмертные слова Донны: *«Как же ты вырос! Гляди-ка, какой высокий!».*

ВЗГЛЯНИ НА НАС ПОКАТАЙ НАС ТОЛКНИ НАС!

Я снова пошёл. Скрип преследовал меня, сперва близко, потом постепенно отдаваясь. Когда я добрался до дома Грега, он уже стих, но шум мыслей – не голосов, а *мыслей* – раздавался в моей голове громче прежнего. Хотя мысли принадлежали мне, меня словно заставляли их думать.

Коляска вернулась во двор; кто бы сомневался. Она отбрасывала угловатую тень, такую же, как я видел на экране телефона. Футболки всё так же были аккуратно накинуты на спинки сидений; «ХЕКЛ» на одной, «ДЖЕКЛ» на другой. Я не знал, как мне унять бурю в голове. Коснулся спинки сидений. Коснулся футболок. Шумные, повторяющиеся без конца мысли пропали. Я втолкнул коляску обратно в гараж, вышел наружу и подождал. Круговорот мыслей не возвращался. Но он, без сомнения, ещё вернется. В следующий раз мысли будут звучать громче и настойчивее. В следующий раз они захотят большего, чем просто прикосновение.

В следующий раз они захотят покататься.

Я запер все двери – можно подумать, от этого будет какой-то толк – и включил все лампы в доме. Затем за кухонным столом проверил телефон. Увидел пропущенный звонок от Натана Резерфорда, но меня ожидали дела поважнее, чем разговор с адвокатом Алли Белл. Я рассмотрел сделанную фотографию. Она немного размылась, потому что мне так и не удалось справиться с дрожью рук, но тени мальчиков и коляски можно было рассмотреть. Их ничто не отбрасывало. Дорога была пуста. Затем я открыл голосовые заметки и включил последнюю запись. Секунд двадцать я слушал ритмичное поскрипывание несмазанного колеса коляски. Потом звук стих.

Я подумал, не связаться ли с Энди Пелли, потому что я был уверен – после нашего разговора он взял на заметку изменившееся положение коляски. У меня осталась его визитка. Я мог бы отправить ему по электронной почте фотографию и запись, но он наверняка отвергнет и то и другое. Скажет, это тени от пальметто. Он может думать иначе, но скажет именно так. А звук скрипящего колеса? Он заподозрит, что я сам его записал, толкая коляску туда-сюда по гаражу. Скорее всего, он не станет так говорить, но подумает. Он же коп, а не охотник за привидениями.

Но, возможно, пусть всё идёт своим чередом. Я получил эмпирическое доказательство. Я уже знал, что происходящее – реально, но сомнения – не померещилось ли мне, всё равно оставались в глубине души.

Сидя за кухонным столом, я обхватил голову руками и погрузился в размышления. *«Немного сбоят старый моторчик»*, ответила Алли, когда я спросил, всё ли с ней в порядке. Но что, если она была больна гораздо серьезнее, чем утверждала? И знала об этом. Может, у неё была не просто аритмия, а хроническая сердечная недостаточность. Или даже рак, типа глиобластомы, что равнозначно смертному приговору.

Допустим, она смирилась со своей смертью, но не со смертью своих мальчиков? В конце концов, они же умерли однажды, но вернулись. Или она их вернула. А затем...

– Допустим, она встретила *меня*, – сказал я.

Да, допустим.

Я перезвонил Натану Резерфорду, представился, и начал с места в карьер: мол, я не претендую на имущество Алли Белл.

Думаю, в его хихиканье крылось больше цинизма, чем удивления.

– Тем не менее, мистер Трентон, похоже, вы стали его новым владельцем.

– Чуть собачья. Поищите её родственников.

– Она утверждала, что их нет. После смерти мужа и малышей Джей – так миссис Белл их называла – она осталась последней веточкой на древе семьи. Это единственная причина, не дающая опротестовать жалкое подобие завещания. Её наследство оценивается в немалую сумму. Семизначную, может, даже восьмизначную. Должно быть, вы её обворожили, сэр.

«Э, нет», подумал я. «Это меня обворожили. Но я не собираюсь сидеть сложа руки».

– Я оказался в отвратительном положении, мистер Резерфорд. Я обнаружил её тело, и теперь, пока не будут получены результаты вскрытия, я выгляжу как человек с мотивом для её убийства. Вы же понимаете?

– А у вас были основания полагать, что вы станете наследником? Может, вы видели ту бумажку, на которой миссис Белл написала завещание, незадолго до её смерти?

– Нет, но помощник шерифа Пелли сказал мне, что нашёл конверт с завещанием незапечатанным. Окружной прокурор, если он захочет раскрутить дело, заявит, что у меня мог быть доступ к завещанию.

– Пройдет время и всё уладится, – сказал Резерфорд. Это могло означать что угодно. Его голос звучал спокойно, как, вероятно, при общении с неуравновешенными клиентами. Во всяком случае с теми, у кого есть деньги, а у меня их теперь гораздо больше, чем накопилось на пенсионном счете. – Если завещание никто не оспорит, и оно вступит в законную силу, вы можете сделать с полученными деньгами всё, что пожелаете. Можете продать дом и раздать деньги на благотворительность, если будет такое желание.

Адвокат не стал уточнять, что о себе и своих близких тоже не грех позаботиться, но его тон наводил на эту мысль. Я услышал всё, что хотел. Резерфорд хотел обсудить предстоящий извилистый правовой

путь, но я больше беспокоился о своих склонных извиваться видениях. Снаружи уже стемнело и мне становилось жутковато. Я поблагодарил адвоката и положил трубку.

Неужели Алли составила завещание, а затем покончила с собой, приняв убойную дозу дигоксина или соталола?

«Нет», подумал я. «Малышам Джей это не понравилось бы. Я могу оказаться в окружной тюрьме, где от их “взгляни на нас пока-тай нас одень нас” не будет никакого толка. Следствие установит, что смерть Алли – несчастный случай. А я тем временем побуду здесь... как и они».

– Потому что они хотят, чтобы я остался, – прошептал я.

Приняв душ, я надел спортивные шорты, закрыл дверь в ванную комнату и прилёг на огромную двуспальную кровать Грега Акермана. Будучи более-менее современным холостяком, он наверняка делил её со всеми своими милашками. Моя милая покоится в земле. Как и мой сын.

Я неосознанно скрестил руки на груди, словно защищаясь, и уставился в потолок. Дело не в ней, а в них. *Они* хотят, чтобы я остался. Они хотят, чтобы я подчинялся им. Они хотят, чтобы я заменил им мать, и тогда им не придётся уходить туда, куда уходят беспокойные призраки. Им нравилось здесь, на Раттлснейк-Ки. И чтобы я поселился в доме Алли, если не хочу терпеть в голове круговерть сумбурных повторяющихся мыслей и слышать за спиной скрип колеса детской коляски. Чтобы я ел на кухне Алли, спал в кровати Алли. И катал бы близнецов в коляске.

В конце концов, я бы встретился с ними.

«Мне незачем оставаться», подумал я. «У меня есть арендованная машина, заправленная под завязку. Я могу уехать, подальше от них. Сомневаюсь, что шериф округа объявит меня в розыск, хотя какой-нибудь судья может выписать мне предписание вернуться до окончания следствия... Резерфорд мог бы узнать точно и, надо полагать, он те-

перь мой адвокат, и я бы подключил его. А пока юристы выясняют отношения, Джей и Джо будут слабеть. Потому что их мать умерла, и кроме меня у них никого нет.

Да, всё так. И я *был* напуган, уж можете мне поверить. В фильме Скорсезе «*Злые улицы*» звучит фраза, которая всегда находила во мне отклик: «Не пытайся поиметь бесконечность». Но в придачу я разозлился. Меня загнали в клетку, припёрли к стенке. Не Алли – в глубине души я верил, что она ни при чём – а *пара её детишек*. Пара *мёртвых* детишек, если точнее.

Мне недоставало тайного оружия для борьбы с ними, вроде креста и чеснока от вампиров (а если я был прав – ими близнецы и являлись), или обряда изгнания бесов. Но у меня оставался мой разум, и я был чертовски стар, чтобы позволить Плохишу и тому, кто Ещё Хуже мной помыкать.

Если не Алли устроила ловушку, в которую я угодил, то как они с этим справились? Большинство мальчишек – напомню, у меня был один – с трудом могут спланировать поход в уборную.

Я провалился в сон, вспоминая слова Донны за минуту до того, как её не стало: «*Как же ты вырос! Гляди-ка, какой высокий!*»

Скрип. Скрип. Скрип.

Мне не пришлось просыпаться в темноте, потому что я не выключал свет. На этот раз скрип колеса коляски раздавался не в ванной комнате, а где-то дальше. Кажется, в той части дома, которую Грег с важным видом величал «гостевыми покоями». Они представляли собой небольшую гостиную на первом этаже и спальню со смежной ванной комнатой на втором, куда вела винтовая лестница.

Коляска оказалась в гостевой спальне. Настоящая коляска, вероятно, по-прежнему стояла в гараже, но призрачная тоже была реальна, как и близнецы, настойчиво толкающие её взад-вперёд по комнате.

В голову снова просачивались мысли. Сперва они звучали негромко, затем всё громче, словно невидимая рука повернула регулятор. *«Взгляни на нас, покатай нас, одень нас. Взгляни на нас, покатай нас, одень нас! ВЗГЛЯНИ НА НАС, ПОКАТАЙ НАС, ОДЕНЬ НАС!»*

Лежа на спине, я сцепил руки перед грудью, прикусил губу и старался заставить мысли – *их мысли, мои мысли* – остановиться. С тем же успехом я мог пытаться остановить заход солнца. Я всё ещё мог думать о чём-то другом – не знаю, как долго это продлится – и, похоже, у меня было лишь три варианта действий: лежать и сходить с ума, пока эти уховёртки выедают меня изнутри; спуститься в гараж и дотронуться до коляски, что заставит эти мысли на время замолчать; или вступить с близнецами в противостояние. Именно это я и решил попробовать.

«Эти дети не смогут свести меня с ума», подумал я.

А ещё я думал: *«Покатай нас, катай, катай, катай. Мы – твои, а ты – наш»*.

Я встал и направился по галерее в гостевые покои. Едва я прошёл полпути, скрип прекратился. Но я не остановился, как и мысли – *«покатай нас, толкай нас, одевай нас, мы – твои, ты – наш»*. Я не стал медлить у приоткрытой двери. Задержись я хоть на секунду, чтобы воздействовать ту часть своего разума, что ещё способна мыслить самостоятельно – и я убежал бы, поджав хвост. Что я собирался делать, войдя в комнату? Я не имел понятия. Велю близнецам отправляться домой, иначе я их отшлёпаю? Вряд ли это сработает.

Увиденное заставило меня замереть на месте. Коляска стояла посреди комнаты. Джейкоб и Джозеф лежали на кровати для гостей. Они уже не выглядели детьми... и в то же время оставались ими. Под покрывалом угадывались фигуры взрослых высоких мужчин, но головы, гротескно распухшие, принадлежали детям. Яд гремучих змей так обезобразил их лица, что они стали похожи на хэллоуиновские тыквы. Губы почернели. Лоб, щёки, шеи испещрены змеиными укусами. Глаза запали, но взгляд оставался чертовски живым и осознанным. Они с ухмылками пялились на меня.

«Сказку на ночь! Сказку на ночь! Сказ...»

И тут они исчезли. Вместе с коляской. Мгновение назад близнецы требовали сказку на ночь. А мгновение спустя комната опустела. Но

углы покрывала словно откинули с двух сторон аккуратными треугольниками, а когда я приехал из Массачусетса, постель была идеально заправлена. Я сам видел.

Мои ноги вновь превратились в ходули. На них я вошёл в комнату и осмотрел кровать, на которой недавно лежали мальчики. Я не хотел садиться на неё, но пришлось, потому что задрожали колени. Сердце всё ещё бешено колотилось, и я слышал со стороны, как ловлю ртом воздух.

«Вот так и умирают старики», подумал я. *«Когда меня найдут – скорее всего, Пит Ито – в заключении судмедэксперта будет стоять: сердечный приступ. Им будет невдомёк, что меня до смерти напугали двое мертвецов с детскими головами».*

Но близнецы ведь не желали мне смерти, так ведь? Теперь, когда не стало их матери, я последняя ниточка, связывающая их с миром, где они хотели бы остаться.

Я протянул руку, притронулся к откиннутому треугольником покрывалу и понял, что эта кровать не нравится близнецам. У них есть свои кровати в доме дальше по дороге. *Прекрасные* кровати. Их мать сохранила обстановку в комнате такой же, какая была в день их смерти, сорок с лишним лет назад. Им нравились те кровати, и когда я буду жить там, то буду укладывать их спать и читать перед сном *«Винни Пуха»*, как читал Теду. Но я, конечно, не стану читать им *«Заклинание чудовищ»*, ведь они сами были чудовищами.

Отдохнув, я встал и медленно побрёл по галерее к себе. Может, сон ко мне и не придёт, но не думаю, что этой ночью снова услышу скрип коляски. Явление окончено.

Вопрос о том, чтобы сохранить автомобиль, в котором погиб мой сын, никогда не стоял. Мы не оставили бы машину, даже если бы пёс не повредил её в дюжине мест, пытаюсь прорваться внутрь. Эвакуатор доставил машину к нашему дому. Донна отказалась даже смотреть на неё. Я её не винил.

В Касл-Роке не было своей свалки. Ближайшая – у Андретти, в Гейтс-Фоллз. Я позвонил им. Они приехали, забрали «Пинто» – машину смерти – и пропустили её через давилку. Получился куб, усеянный яркими кусочками стекла – то, что осталось от окон, задних фонарей и фар. Я сделал фото. Донна не стала его смотреть.

У нас начались разногласия. Она хотела еженедельно посещать вместе со мной Хармони-Хилл, где похоронен Тед. Я отказался, как она отказалась смотреть на сплюснутый куб машины смерти. Я сказал, что для меня Тед дома, и так будет всегда. Донна ответила, что это звучит высокопарно и напыщенно, но по сути – чушь. Она сказала, что я боюсь. Боюсь сломаться. И в этом она была права. Думаю, она видела это в моих глазах, каждый раз, как смотрела на меня.

Она ушла от меня, не наоборот. Однажды я вернулся из поездки в Бостон, а её уже не было. Нашёл лишь записку с обычными словами, о которых вы, наверное, догадываетесь: *«Больше так не могу... хочу начать новую жизнь... перевернуть страницу...»* бла-бла-бла. Единственной по-настоящему оригинальной была строчка, нацарапанная под подписью, как запоздалая мысль: *«Я всё ещё люблю тебя, а также ненавижу, и ухожу, пока ненависть не победила»*.

Наверное, излишне говорить, что я чувствовал к ней то же самое.

Помощник шерифа Зейн позвонил мне следующим утром, пока я завтракал «Райс Чекс» – без особого удовольствия, просто ради поддержания сил. Зейн сообщил, что получены результаты вскрытия. Алита Белл, жена Генри, мать Джейкоба и Джозефа, скончалась от сердечного приступа.

– Медэксперта удивило, что она протянула так долго. У неё сосуды были на девяносто процентов закупорены, и это ещё не всё. На сердечной ткани обнаружены рубцы, значит, она перенесла несколько инфарктов. Небольших, как вы понимаете. Он также сказал... впрочем, не имеет значения.

– Нет, договорите. Пожалуйста.

Зейн откашлялся.

– Он сказал, что даже не очень серьёзные сердечные приступы, которые можно и не почувствовать, наносят ущерб восприятию. Это в какой-то мере объясняет, почему она верила, что её дети живы.

Я подумал, не сказать ли ему, что *знаю* – её дети живы (или наполовину живы), хотя у меня никогда не было сердечных приступов. Я едва успел прикусить язык.

– Мистер Трентон? Вик?

– Просто обдумываю ваши слова, – сказал я. – Я так понимаю, это снимает меня с крючка расследования?

– Нет, вам всё равно не следует уезжать. Вы обнаружили тело.

– Но, раз это был сердечный приступ и не более того...

– Да, но отчёт токсикологической экспертизы будет готов только через пару дней. Нужно выяснить, что она ела перед смертью. Просто расставим все точки над *i*, вы же понимаете.

Я подумал, что не всё так просто. Наверное, Энди Пелли хочет убедиться, что объявившийся, как из-под земли, наследник Алли Белл не скормил ей что-нибудь этакое. Может, дигоксин в яичнице на завтрак. Тем временем, Зейн продолжал что-то говорить, и мне пришлось попросить его перемотать назад.

– Я говорю: есть загвоздка. Своеобразная. Есть тело, но нет указаний по его погребению. Энди Пелли считает, что этим должны заняться вы.

– Подождите-ка. Я что – должен организовать похоронную церемонию?

– Ну, не совсем *церемонию*, – сказал Зейн, немного смутившись. – Не думаю, что придёт кто-нибудь, кроме дежурных на мосту и, может, Ллойда Сандерленда – он живёт на другой стороне.

«А я думаю, что придут её дети», подумал я. *«Хотя их никто не увидит. Кроме, возможно, их приёмного отца»*.

– Вик? Мистер Трентон? Вы ещё на связи?

– Да, я тут. Я знаю её адвоката. Теперь это и мой адвокат, во всяком случае, пока всё не устаканится. Я лучше позвоню ему, когда начнётся рабочий день.

– Хорошая идея. Так и сделайте. Удачного вам дня.

Хорошо бы.

Мне не хотелось доедать остатки хлопьев, вкус которых я почти не чувствовал. Я ополоснул тарелку в раковине (*«взгляни на нас»*), поставил её в посудомойку (*«одень нас»*) и задумался, что дальше. А то я не знал.

«Возьми нас на прогулку. Покатай нас!»

Я боролся с мыслями – отчасти с *моими*, это было хуже всего – пока одевался, а затем сдался. Зашёл в гараж и взялся за ручки коляски. Послышался облегчённый вздох, мой или их, я не разобрал. Суতোлока в голове прекратилась. Я подумал, не сходить ли с коляской до распашных ворот, но понял, что это плохая идея. Джейкоб и Джозеф уже вклинились в моё сознание. Чем чаще я буду делать то, что они хотят, тем легче им будет управлять мной.

То, что я увидел в гостевой спальне, так и стояло перед глазами: мужские тела, детские головы, распухшие от яда. Близнецы выросли, будучи мёртвыми, но при этом остались прежними детьми. У них была сила взрослых мужчин, но простые и эгоистичные желания маленьких детей. Они обладали могуществом, и это плохо. Потому что в придачу они были психопатами.

Однако, *принимая* всё это, я испытывал к близнецам некоторое сочувствие. Они упали в яму со змеями. Их закусали до смерти. Кто бы не сошёл с ума от такого конца жизни? И кто не захочет вернуться и вновь обрести детство, которого лишился, даже если для этого придётся сделать кого-то своим пленником?

Я немного покатаю коляску взад-вперёд по бетонному полу гаража, словно пытаюсь убаюкать капризного ребёнка. Мог ли на моём месте оказаться кто-то другой, подумал я, и решил, что вряд ли. Я идеальный вариант. Одинокий человек, страдающий от своего собственного горя.

Отпустив ручки коляски, я подождал, вернётся ли *«взгляни на нас покатай нас одень нас»*. Нет, не вернулось. Я вышел из гаража, желая почувствовать тепло утреннего солнца на лице. Задрал голову и закрыл глаза. Свет, проходящий сквозь веки, окрасил всё кроваво-красным. Я постоял так немного, словно молясь или медитируя, в поисках

решения проблемы, выходящей за рамки реальности. И которой я не мог ни с кем поделиться.

Я должен проводить Алли в последний путь, потому что больше у неё никого нет, во всяком случае, на этом свете. Но разве я не такой же? Мои родители скончались, старший брат умер, жена мертва. Кто похоронит меня? И что предпримут эти чёртовы близнецы – если, конечно, они добьются своего и я останусь с ними, как мужская версия девушки из «Рассвета Дельты» – когда я умру? Учитывая мой возраст и статистику смертности, это не заставит себя ждать. Может, они ослабеют и просто развеются? Я могу похоронить Алли, но кто похоронит меня?

Открыв глаза, я увидел палку от змей Алли, лежащую на камнях двора, на том самом месте, где всегда стояла, возвращаясь, коляска. Мелькнула мысль, что это может оказаться очередной иллюзией, как ванна, полная змей, но нет. Палка не была видением или явлением. Близнецы не клали её сюда. Они управляли коляской.

Я поднял палку. Настоящая, никаких сомнений. Стальная трубка грела мою руку. Пролежи она на брусчатке и на солнцепёке подольше – нагрелась бы так, что в руку не возьмёшь. Но кто же принёс её из гаража, ведь кроме меня здесь никого не было?

Сжимая палку в руке, я понял, что мои родители, брат и жена – не все близкие мне люди, умершие раньше меня. Я не упомянул ещё одного. Того, кто тоже умер в детстве ужасной смертью.

– Тед?

Наверное, это прозвучало в лучшем случае жалко, а в худшем – безумно: старик, зовущий по имени своего давно умершего сына в пустом дворе огромного до нелепости дома на флоридском острове. Но я так не считал, поэтому повторил:

– Тед, ты здесь?

Ничего. Лишь палка-змееловка, безусловно настоящая.

– Ты можешь мне помочь?

В конце дощатого настила у дома Грега стояла ветхая беседка. Я пошёл туда, держа змееловку на плече, как солдаты былых времен носили винтовки... и, хотя у палки не было штыка, на конце имелся опасный на вид крюк. На полу беседки валялись несколько заплесневелых спасательных жилетов, вряд ли способных спасти кому-нибудь жизнь, и древняя доска для сёрфинга, украшенная россыпью енотового дерьма. Я сел на скамейку, скрипнувшую под моим весом. Не нужно быть Эркюлем Пуаро, чтобы понять – Грег не слишком много времени проводил на пляже; он владел особняком на побережье залива, стоимостью шесть или восемь миллионов, а эта беседка выглядела, как заброшенный сортир где-то в глухомани прихода Божер, штат Луизиана. Но я пришёл сюда не критиковать архитектуру. Я пришёл поразмыслить.

А, чушь собачья. Я пришёл сюда, чтобы попытаться вызвать своего умершего сына.

Есть разные способы призыва духов, если допустить, что умерших не унесло туда, куда они отправляются, потеряв интерес к нашему миру; я заранее поискал кое-что в Интернете. Можно воспользоваться спиритической доской, но её у меня не было. Можно взять зеркало или свечи, и то и другое достать не проблема... но после того, что я увидел на экране мобильного телефона прошлой ночью, я не решился попробовать. В доме Грега *были* духи, но те, в существовании которых я не сомневался, настроены не слишком дружелюбно. В итоге я пришёл в эту захудалую беседку с пустыми руками. Я сидел и смотрел на нетронутый следами пляж и на залив, не отмеченный ни одним парусом. В феврале или марте пляж и залив были бы полны народом. В августе здесь был только я.

Пока я не почувствовал его.

Или кого-то.

Или мне просто хотелось так думать.

– Тед?

Ничего.

– Если ты слышишь меня, малыш, мне бы не помешала небольшая помощь.

Но Тед уже *не был* малышом. Минуло четыре десятка лет с тех пор, как Тед Трентон погиб в раскалённой на солнце машине, осаждаемой

бешеным сенбернардом во дворе фермерского дома, таком же пустынным, как северная оконечность Раттлснейк-Ки. Мёртвые могут взрослеть. Я никогда раньше не задумывался над этим, но теперь знал.

Но это происходит только если они сами хотят. Позволяют себе взрослеть. Очевидно, они могли частично расти и в то же время не расти – этот парадокс привёл к появлению жутких гибридов, увиденных мной на двуспальной кровати в гостевой комнате: мужеподобные существа с распухшими от яда детскими головами.

– Ты мне ничего не должен. Я пришёл слишком поздно. Знаю. Признаю. Но... – Я замолчал. Кажется, будто человек способен сказать всё, что угодно, когда он наедине с собой, согласны? Только я не был до конца уверен, что я один. И я не был уверен в том, что хотел сказать, пока не произнёс это.

– Я горевал по тебе, Тед, но я отпустил тебя. Донна со временем тоже отпустила. В этом нет ничего плохого, правда же? Забвение – вот что было бы плохо. А если цепляться слишком крепко... думаю, это порождает чудовищ.

Я держал палку-змееловку на коленях.

– Если ты принёс её для меня, значит, мне и правда нужна помощь.

Я подождал. Ничего не происходило. Но что-то витало в воздухе – то ли чьё-то присутствие, то ли надежда испуганного до полусмерти старика, которого вынудили вспомнить старые горести. Всех змей, что его когда-либо кусали.

Затем вернулись мысли, прогнав те ласковые чувства, что могли бы посетить меня.

«Одень нас, покатай нас, взгляни на нас. Взгляни на нас, одень нас, покатай нас!»

Детки хотели меня. Они хотели стать *моими* детьми. И, самое ужасное, они уже стали *моими* мыслями. Когда твой разум обращён против тебя – это билет в психушку вне очереди.

Мысли перебил – хотя бы частично – звук клаксона автомобиля. Я обернулся и увидел человека, машущего мне рукой. Всего лишь силуэт на краю двора, но очертания тонких ног под широченными шортами позволили мне безошибочно определить, кто нанёс мне визит. Я мах-

нул в ответ, прислонил палку-змееловку к перилам беседки и направился обратно по дощатой дорожке. Энди Пелли встретил меня на полпути.

– Доброе утро, мистер Трентон.

– Вик, вы забыли?

– Точно, Вик. Вот, проезжал мимо и решил заодно наведаться.

«Хрена лысого ты проезжал мимо», подумал я. А затем: *«Покатай нас, одень нас, взгляни на нас, мы ждём тебя»*.

– Чем могу помочь?

– Я хотел сообщить вам о результатах вскрытия.

– Офицер Зейн уже опередил вас.

Трудно было понять, нахмурился ли Пелли, потому что его лицо, включая кустистые усы, скрывала маска, но его не менее кустистые брови сошлись вместе, так что, думаю, он хмурился.

– Что ж, это хорошо. Хорошо.

«Хрена лысого ты считаешь, что это хорошо», подумал я. А затем: *«Покатай нас, покатай нас, тебе станет легче и ты сам это понимаешь»*.

Мы пошли к дому. Дорожка была слишком узкой, чтобы идти бок о бок, поэтому я шёл первым. От мыслей – *моих* мыслей, от которых я не мог отвязаться – у меня уже трещала голова.

– Конечно, я ещё должен дождаться, что скажет токсиколог.

Мы сошли с дощатого настила и миновали стоящий во дворе пикап Пелли; я по-прежнему шёл впереди. Пелли приехал не для того, чтобы поделиться со мной результатами вскрытия. Я понимал это, как понимал и то, что мне необходима ясная голова, чтобы общаться с ним.

– Так объяснил офицер Зейн. И мне всё равно придётся задержаться на время следствия. У вас есть ко мне какие-то вопросы, помощник шерифа? А то я сидел в той беседке, размышлял и наслаждался покоем. Медитировал, так сказать.

– Вы скоро вернётесь к этому занятию. Хочу прояснить лишь пару вещей, вот и всё.

Мы зашли в гараж, где было немного прохладнее, чем снаружи. Я приблизился к коляске. Чем ближе я подходил, тем интенсивнее становились мысли: **«ОДЕНЬ НАС! ПОКАТАЙ НАС! ВЗГЛЯНИ НА НАС!»**.

На секунду мне показалось, что я их вижу, но не в чудовищном облике, а как детей, какими они были в день смерти. Всего лишь на секунду. Когда я взялся за ручку коляски, видение пропало... если вообще было. И безумные мольбы в моей голове прекратились. Я слегка катнул коляску туда-сюда.

«Просто не знаю, куда деть руки, Энди. Не обращай внимания».

– Я немного навёл о вас справки, – сказал Энди.

– Я догадывался.

– То, что случилось с вашим маленьким сыном – ужасно. Просто ужасно.

– С тех пор прошло много лет. Энди, вы ведёте это дело? Если вообще *есть* дело. Его поручили вам? Потому что я в этом сомневаюсь.

– Нет-нет, – ответил Пелли, подняв руки в жесте *«как вы могли такое подумать?»*. – Но вы же знаете, как оно бывает: можно уволить человека из полиции, но не вытравить полицию из человека. Наверное, в вашей профессии похожая картина. Рекламный бизнес, не так ли?

– Вы отлично это знаете. И нет ничего похожего. В тех редких случаях, когда я смотрю обычное телевидение, а не через Интернет, я выключаю звук во время рекламы. Получается, вы тут никто и звать никак, верно?

– Я бы так не сказал. Просто... я любопытен. У нас здесь чудной случай. Не в смысле чудный, а в смысле причудливый. Уж вы-то понимаете.

Коляска проезжала несколько футов вперёд, потом несколько футов назад. Детей надо укачивать, чтобы они не плакали.

– Почему Алли оставила всё вам? Вот что меня напрягает. И я уверен, вы знаете ответ.

И правда, я знал.

– Не знаю.

– И почему вы раз за разом прикатываете эту коляску от её дома? Ведь кроме вас некому? В это время года тут больше никого нет.

– Это не я.

Пелли вздохнул.

– Расскажите мне, Вик. Почему ж нет? Если анализ на токсины окажется отрицательным, вы выйдете сухим из воды, что бы ни сделали.

Вот оно что. Он всё же думает, я убил миссис Белл.

– Поделитесь со старым дураком. Всё останется между нами.

Мне разонравился этот подражатель Уилфорду Бримли, отвлёкший меня в тот момент, когда я пытался нащупать некую тонкую нить. Скорее всего, ничего бы у меня не вышло, но теплее от этого мои чувства к Пелли не становились, поэтому я сделал вид, что обдумываю его просьбу.

– Покажите мне свой телефон, – попросил я.

Даже его моржовые усы не могли скрыть улыбку. Я затруднялся определить её природу, но готов был поспорить, это улыбка из ряда *«ты подловил меня, приятель»*. Из кармана мешковатых шорт появился телефон, и да, запись разговора была включена.

– Наверное, случайно нажал.

– Ну конечно. А теперь выключите.

Пелли не стал возражать.

– Теперь мы *и правда* наедине. Утолите же моё любопытство.

– Хорошо. – Я выдержал театральную паузу – так обычно делают перед тем, как представить клиентам заказанную ими рекламную компанию – а затем озвучил две лжи, за которыми последовала чистая правда.

– Я понятия не имею, кто и почему постоянно перемещает эту коляску. Это раз. Я понятия не имею, почему Алли Белл составила своё сумасбродное завещание. Это два. А вот и три, помощник шерифа Пелли: я не убивал её. Результаты расследования убедительно доказывают, что смерть наступила от естественных причин. И когда придёт отчёт токсиколога – он это подтвердит.

Я надеялся, так и будет. Только бы близнецы-призраки не влезли в голову Алли и не заставили её каким-то образом наглотаться сердечных препаратов, чтобы они могли переметнуться к чуть более здоровому носителю. Если подумать, заключение токсикологической экспертизы, говорящее о том, что Алли проглотила слишком много таблеток, не в интересах близнецов, и так оно и есть... но они были всего лишь *детьми*.

– А теперь, полагаю, вам пора. – Я прекратил катать коляску. – И заберите с собой эту штуку.

– Мне она не нужна, – ответил Пелли и, похоже, сам удивился горячности в своём голосе. О, да, он понимал, что с коляской что-то не так. Он направился к выходу из гаража, но на пороге обернулся. – Я с вами ещё не закончил.

– О, ради бога, Энди, займитесь чем-нибудь полезным. Отправляйтесь на рыбалку. Наслаждайтесь отдыхом на пенсии.

Пелли забрался в свой пикап, завёл мотор и газанул так резко, что оставил чёрный след покрышек на покрытии двора. Я подумал, не вернуться ли в беседку... по крайней мере до тех пор, пока не вернуться мысли-уховёртки.

Не совсем подходящее слово – «уховёртки». Скорее, змеи. Две змеи в моей голове и, если я не делаю того, что они хотят, они впрыскивают яд из своих бездонных запасов.

В какой-то мере я понимал подозрения Пелли и не винил его за это. У адвоката Алли, Резерфорда, наверняка тоже были подозрения. Всё это так несправедливо. Хуже всего было моё нынешнее незавидное положение. То, что вызывает неприятные ощущения днём, ночью приводит в ужас. Ночью они становятся сильнее. Как там говорил Джим, дежурный на мосту? *«В сумерках, понимаете ли, реальность словно размывается».*

Это правда. А с наступлением ночи граница между реальностью и совершенно иным уровнем существования может совсем исчезнуть. Одно было ясно – попытка связаться с моим умершим сыном оказалась неудачной. Старый коп нарушил заклинание. Лучше я просто посижу немного, глядя на залив. Попытаюсь выкинуть Пелли с этим его *«я с вами ещё не закончил»* из головы. Подумаю о том, что делать дальше, пока я ещё способен думать.

Вернувшись к беседке, я заглянул внутрь и остолбенел. Кажется, Пелли не единственный, кто со мной ещё не закончил. Тед – или кто-то другой – всё-таки пытался со мной связаться. Палка-змееловка больше не опиралась на перила, а лежала на полу беседки. Груда старых спасательных жилетов отодвинута в сторону. На половой доске остриём крюка змееловки – у меня не было в этом сомнений – нацарапаны две буквы. Третья буква осталась недописанной.

Я рассматривал эту надпись и тут понял, что должен сделать. Ответ всё это время был у меня под самым носом. Джейкоб и Джозеф, Хекл

и Джекл, Плохиш и Ещё Хуже – были не так всеильны, как мне казалось. В конце концов, после смерти матери у них осталась только одна связь с миром живых.

Две нацарапанные на доске буквы: КО. Третья, начатая, но не законченная, угадывалась по наклонным штрихам: Л.

Кол... Коляска.

Если есть возможность покончить с чем-то, то сделай это как можно быстрее.

Так рассудил бы в подобной ситуации Макбет, а он был смекалистым типом. Я полагал, что может – *может* – мне удастся разобраться с парочкой гибридных гарпий, если я буду действовать быстро. Если же я облажаюсь, и змеемысли зароятся в мой разум ещё глубже, у меня останется лишь два пути: самоубийство или существование в качестве приёмного отца близнецов. Или в качестве их раба.

Я вернулся к дому и заглянул в гараж, как бы прогуливаясь: *«взгляните на меня, ничто в этом мире меня не волнует».*

Сразу же оживились мысли. Мне уже нет нужды объяснять, что это были за мысли. Взявшись за ручки коляски, я покатал её взад-вперёд, прислушиваясь к адскому скрипу. Если мне не суждено избавиться от близнецов, то я смажу это несчастное колесо. Обязательно! И это ещё не всё! Наброшу парные футболки на спинки сидений! Положу на сиденья разноцветные шорты! Поселюсь в доме миссис Белл (впоследствии он станет домом Трентона) и буду разговаривать с ними. Буду укладывать их спать и читать перед сном книжки. *«Ночная кухня», «Сильвестр и волшебный камушек», «Вельвет».* Покажу им картинки!

– Как дела, ребята?

«Хорошо, хорошо».

– Хотите покататься?

«Да, да».

– Прекрасно, почему бы и нет? Мне только нужно уладить пару дел. Я скоро вернусь.

Войдя в дом, я нашёл свой телефон на кухонном столе. Проверил по нему местное расписание приливов и отливов, и мне понравилось то, что я увидел. Прилив шёл на убыль и вскоре после одиннадцати вода окажется в низшей точке. Уже скоро.

На мне по-прежнему были спортивные шорты и футболка без рукавов. Я стянул и уронил футболку на пол, сбросил сандалии и поспешил наверх. Там я надел джинсы и толстовку. Натянул бейсболку «Ред Сокс». У меня не было ботинок, но на первом этаже в шкафу я обнаружил пару резиновых сапог. Они принадлежали Грегу и были мне великоваты, поэтому я снова поднялся наверх и надел три пары носков, чтобы ноги не болтались. Под конец я уже вспотел, несмотря на работающий кондиционер. На улице, в августовскую жару, я вообще изойду потом.

Энди Пелли рассказал, как они загнали змей на северную оконечность Ки, где те змеи, что не сгорели – утонули. Но он также упомянул, что некоторые могли улизнуть от цепи охотников. Я не знал, способны ли братья Джей призвать тех, что остались. Может и не могли, а может, за сорок лет змеи исчезли окончательно, но на всякий случай я оделся, чтобы защититься от них. В одном у меня сомнений не было: Флорида – самое подходящее для змей местечко.

Под раковиной я нашёл пару резиновых хозяйственных перчаток. Я натянул их и с широкой улыбкой на лице вернулся в гараж. Уверен, услышь кто-нибудь, как я разговариваю с пустой коляской, меня сочли бы таким же чокнутым, как Алли Белл. Но никого поблизости не было. Кроме близнецов, конечно же.

– А может, хотите прогуляться? – Я постарался придать голосу завлекательную интонацию. Постарался *продать идею*, как мы обычно говорили. – Такие большие мальчики наверняка могут пройтись ножками, да?

«Нет! Катай нас, катай!»

– Если я возьму вас на пляж, обещаете хорошо себя вести?

«Да! Покатай нас, покатай!»

Следующая мысль пробрала меня до печёнок:

«Отвези нас на пляж, папочка!»

– Ладно, – сказал я, подумав: «Лишь один мальчик может меня так называть, мелкие вы засранцы». – Поехали.

Мы пересекли двор под палящими лучами августовского солнца – скрип и скрип и скрип. Я потел, как свинья, в своей толстовке, чувствуя, как капли пота скатываются по бокам за пояс джинсов. Коляска катилась по дощатому настилу, доски трещали под колёсами. Пока всё шло довольно легко. На пляже будет сложнее. Я могу забуксовать. Надо бы держаться поближе к воде, где песок влажный и плотный. Это может помочь. А может, и нет.

Я прокатил коляску через беседку, подобрав по пути палку-змееловку и положив её между широко расставленными ручками коляски.

– Вам весело, ребята?

«Да! Да!»

– Точно не хотите вылезти из коляски и прогуляться? – Пожалуйста, нет.

«Катай нас! Катай нас!»

– Хорошо, но держитесь крепче. Здесь небольшой бугорок.

Я мягко спустил коляску по единственной просевшей ступеньке, ведущей от беседки к линии наупаки и морской травы на пляже. Затем мы оказались на песке. Катить коляску под уклон было нетрудно, а у кромки воды песок стал твёрже. Пряжки моих сапог позвякивали на ходу.

– Ваааау! – воскликнул я. По моему лицу струился пот, а в глотке пересохло. – Вам весело, ребята?

«Да! Катай нас!»

Я уже научился различать их по голосам. Это был Джо. Джейк молчал. Меня это насторожило.

– Джейк? Тебе весело, здоровяк?

«Да-а-а...»

Мне не понравилось сомнение в его голосе. И ещё кое-что – они словно отделялись от меня. Становились сильнее. Ещё сильнее, чем раньше. Отчасти благодаря коляске, но отчасти из-за меня. Я открылся им. Мне пришлось. Выбора не было.

Я развернул и покатил коляску на север. Маленькие птички – я называл их пичугами – то расхаживали по песку перед нами, то вспархивали и улетали. Резиновые сапоги звенели пряжками и шлёпали по воде. В брызгах от колёс, там, где вода залива встречалась с сушей,

играла крошечная радуга. Ехать по песку, пусть даже плотному, было всё же труднее, чем по доскам настила. Вскоре я начал хватать ртом воздух. Я сохранял неплохую форму, никогда не пил сверх меры и не курил, но возраст за семьдесят давал о себе знать.

Джейк: *«Куда ты нас везёшь?»*

– О, просто немного покататься. – Мне хотелось остановиться и отдохнуть, но я боялся, что колёса завязнут в песке, даже если я замедлю ход. – Вы же хотели покататься, вот я вас и катаю.

Джейк: *«Я хочу назад».*

Это прозвучало уже не с сомнением, а с подозрением. И Джо подхватил подозрение от брата, как при жизни, полагаю, подхватывал от него простуду.

Джо: *«Я тоже хочу назад! Я устал! Солнце такое жаркое! Надо было надеть кепки!»*

– Мы уже почти... – начал я, но тут из зарослей наупаки и пальметто полезли змеи. Дюжины змей, здоровенных, хлынули на пляж. Я колебался лишь секунду – ещё немного и коляска завязла бы. Я толкнул её прямо на змей, и они пропали. Как те, что мне привиделись в ванне.

Джейк: *«Назад! Вези нас обратно! МЫ ХОТИМ ДОМОЙ!»*

Джо: *«Мне тут не нра-а-вицца!»* Он расплакался. *«Не люблю змеек!»*

– Мы же кладоискатели. – Меня мучала одышка. – Может, мы даже встретим Кинг-Конга, как в фильме. Как насчёт такого, маленькие негодники?

Впереди виднелся заваленный ракушками треугольник, которым заканчивался Раттлснейк-Ки. За ним начиналась протока Дейлайт с её неустанным водоворотом. Энди сказал, что водоворот сильно углубил дно протоки. Я уже забыл, какая там глубина; футов шестнадцать, кажется. Но эти кучи ракушек между мной и водой могли создать мне проблему. Колёса коляски наверняка увязнут в них, кроме того, там ползали несколько змей, в чью иллюзорную природу мне не верилось. Они походили на *настоящих*. Остались после великой охоты на змей? Новенькие? Не имеет значения.

Джейк (не упрашивая, а приказывая): *«Верни нас обратно! Верни нас, а не то пожалеешь!»*

«Я уже жалею», подумал я. Чтобы произнести это вслух мне не хватало воздуха. Моё сердце иступленно колотилось. Я боялся, что в любую секунду оно может лопнуть, как слишком раздутый воздушный шарик.

К моему ужасу, близнецы стали воплощаться. Их тела взрослых мужчин были слишком велики для сидений коляски, но, каким-то образом, разместились в них. Распухшие детские головы повернулись, глядя на меня чёрными и злобными глазами, на щеках и лбах краснели точки змеиных укусов. Близнецы словно подхватили апокалиптическую разновидность ветрянки.

Пара ползущих ко мне змей были настоящими, никаких сомнений. С сухим шуршанием их тела, извиваясь спиралью, прокладывали путь по ракушкам. Погремушки на хвостах потрескивали – как сухие косточки в пустой тыкве.

Джейк: *«Кусайте его! Кусайте хорошенько!»*

Джо: *«Кусайте его! Остановите его! Заставьте его вернуть нас обратно!»*

Когда змеи атаковали, я ощутил, словно в резиновые сапоги попадают пульки из пневматики. Или, может, градины. Коляска всё-таки застряла, колёса завязли в ракушках. Сидящие в коляске муже-дети извернулись, глядя на меня, но, кажется, не могли выбраться. Во всяком случае сейчас. Одна из гремучек обвила сапог на моей правой ноге, её голова поднималась всё выше. Раз уж коляска всё равно застряла – села на мель, можно сказать – я переключился с неё на палку-змееловку. Я ткнул ей вниз, надеясь, что не пораню случайно сам себя, и понимая, что сейчас не время колебаться. Зацепил изгиб змеи крюком и забросил змею в воду. Другая змея вцепилась в мой левый сапог. На мгновение я взглянул в её чёрные глаза, уставившиеся на меня, и понял, что точно такие же глаза смотрят на меня с детских лиц существ, сидящих в коляске. Затем я ударил палкой и вонзил остриё крюка позади треугольной головы. Подняв палку вместе со змеёй, я получил от неё удар хвостом по плечу, возможно, в попытке освободиться. Не вышло. Я взмахнул палкой. На мгновение на фоне неба мелькнуло корчащееся тело, и змея шлепнулась в воду.

Коляска раскачивалась из стороны в сторону, а сидящие в ней существа – видимые, но эфемерные – пытались выбраться. Пока им это

не удавалось. Коляска была их связью с миром живых и со мной. Я не мог больше толкать её, поэтому отбросил палку-змееловку и перевернул коляску. Услышал крик близнецов, когда они упали на ракушки, а потом они исчезли. Я хочу сказать, хотя я больше не видел их («*взгляни на нас, взгляни на нас*»), они всё ещё оставались здесь. Я слышал крики Джейка и плач Джо. Он рыдал так же, как, наверное, когда его облепили гремучие змеи и он понял, что его слишком короткой жизни пришёл конец. Этот плач вызвал у меня жалость – думаю, так же плакал мой сын, когда они с Донной чуть не изжарились заживо в «Пинто» – но я не остановился. Я должен был закончить начатое, если только смогу.

Задыхаясь, я поволок коляску к протоке. Туда, где крутился водоворот.

Джейк: *«Нет! Нет! Ты должен заботиться о нас! Катать нас! Одевать нас! Нет!»*

Его брат испустил лишь крик ужаса.

Мне оставалось двадцать футов до кромки воды, когда вокруг меня всколыхнулись языки пламени. Они были не настоящими и не обжигали, но я ощутил запах керосина. Такая сильная вонь, что я закашлялся. Кашель сменился тошнотой. Груды ярких белых ракушек пропали, вместо них я видел ковер из горящих змей. Они тоже были не настоящими, но я слышал, как со звуком попкорна трескаются от жара огня их хвостовые погремушки. Змеи тыкались в меня своими иллюзорными головами.

Наконец, я добрался до воды. Я мог бы бросить коляску здесь, но этого недостаточно. Вдруг им удастся вытащить эту проклятую штуку, как они каким-то образом перемещали её от дома миссис Белл к дому Грега. Я слышал истории о том, как мужчины и даже женщины – *слабые* женщины – иногда могли приподнять автомобиль, под которым застряли их дети. А женщина по имени Донна Трентон однажды вступила в бой со 150-фунтовым⁶⁸ сенбернардом, имея в руках лишь бейсбольную битку... и победила. Если она справилась, то справлюсь и я.

Коляска весила не 150, а, возможно, фунтов 30. Если бы существа в ней обладали реальным весом, я бы никогда не смог поднять коляску даже до пояса. Но призраки веса не имели. Я поднял коляску за

⁶⁸ 68 кг.

стойки над задними колёсами, взвалив её на правое бедро, от чего суставы отчётливо заскрипели. Развернувшись в другую сторону, я швырнул коляску, как самый неуклюжий в мире спортивный снаряд. Она шлёпнулась всего лишь в пяти футах от края ракушечного пляжа. Не слишком далеко, но течение из Калипсо-Бей усиливалось из-за отлива. Коляску, переворачивая с боку на бок, потянуло к водовороту. Близнецы снова появились в ней. Может, там им и место. Я успел ещё раз взглянуть на эти жуткие лица, прежде чем их утащил поток. Когда я вновь увидел коляску, она тонула, сиденья скрылись под водой. Её пассажиры пропали. Футболки одну за другой унесло водой. Я ощутил в голове последний всплеск гнева: это был крик Джейка Белла, самого сильного из братьев. Во время следующего круга на водяной карусели над водой остались лишь ручки коляски. Затем она исчезла полностью, не считая бликов от солнца на глубине трёх-четырёх футов.

Пламя тоже пропало. Как и горящие змеи. Осталась только вонь керосина. Вода принесла к моим ногам пару голубых шорт. Я взял палку-змееловку, подцепил их крюком и забросил подальше в залив.

У меня в спине что-то хрустнуло. Я нагнулся, пытаюсь облегчить боль. Когда я выпрямился и взглянул через протоку Дейлайт, то увидел нечто большее, чем скопление плавающей зелени. Там был Дьюма-Ки. Он выглядел не менее реальным, чем рука, тянущаяся из ванны со змеями, или жуткие гибриды, лежащие на кровати в комнате для гостей. Я видел пальмы и розовый дом, стоящий на сваях. Ещё я видел высокого мужчину, одетого в джинсы и простую белую рубашку из хлопка. Он помахал мне рукой.

«Боже мой!», сказала Донна за несколько секунд до смерти. *«Как же ты вырос! Гляди-ка, какой высокий!»*

Я помахал в ответ. Кажется, он улыбнулся, но я не мог быть уверен, так как глаза мои наполнились слезами, превратившимися в жидкие линзы, вчетверо усиливающие яркость солнца. Когда я вытер слёзы, Дьюма-Ки как ни бывало, и мужчины тоже.

Мне потребовалось всего десять минут, чтобы прикатить коляску на дальний конец Ки. Может, пятнадцать – я был слишком занят,

чтобы следить за временем. Обратный путь к беседке и дощатой дорожке занял три четверти часа, потому что у меня постоянно ныла спина. Я раздевался на ходу, снимая перчатки, толстовку, резиновые сапоги. Сел на песок, чтобы стянуть джинсы. Боль при этом была не такая сильная, как при ходьбе, но приятного мало. Вставать тоже было больно, но теперь я хотя бы двигался налегке. И ужасающая круговерть мыслей в голове прекратилась. На мой взгляд, боль в спине, что не проходит до сих пор – справедливая плата за это. Остаток пути я шёл в одних шортах.

Оказавшись в доме, я нашёл в аптечке Грегга «Тайленол» и выпил три таблетки. Они не убили боль, но хотя бы смирили её. Я проспал четыре часа сном праведника, без сновидений. Когда я проснулся, спина так одеревенела, что мне пришлось разработать пошаговый план – а), б), в) – чтобы приподняться, опустить ноги с кровати и, наконец, встать. Я принял горячий душ, он немного помог. Я не мог растереться полотенцем, поэтому обсох на воздухе.

Спускаясь по лестнице – шаг за шагом – я подумывал позвонить Пелли, но мне не хотелось с ним говорить. *«Не больше, чем с грёбаным человеком на грёбаной Луне»*, как сказала бы Донна.

Вместо этого я набрал номер Зейна. Он спросил, чем может мне помочь, и я сказал, что хочу сообщить о пропаже коляски.

– Может, кто-то из вашего департамента – Пелли, к примеру – наконец-то забрал её?

– Хмм. Не думаю. Я уточню и перезвоню вам.

Так он и поступил. Никто из окружного офиса шерифа, по словам Зейна, не забирал коляску. Да и зачем?

– Наверное, тот, кто дважды привозил её к моему дому, в конце концов решил оставить коляску себе, – предположил я.

Зейн согласился. На этом и закончилась история с проклятой коляской.

Май 2023

Прошло почти три года. Я вернулся в Ньюберипорт и больше не испытываю никакого желания посетить Солнечный штат. Даже Джорджия слишком близко к нему.

Токсикологическая экспертиза тела Алиты Белл не выявила ничего подозрительного, так что я был свободен, как ветер. Натан Резерфорд позаботился об организации похорон Алли. Мы с ним присутствовали на церемонии. Кроме нас: Зейн и Канаван, старый приятель Алли по имени Ллойд Сандерленд (вместе со своей собакой) и несколько дежурных с разводного моста.

Энди Пелли тоже заявился. Он подошёл ко мне, пока я за стаканом пунша ждал своей очереди сказать прощальное слово. Сквозь его усы пробивался запах виски. Маска не могла приглушить его.

– Я всё-таки думаю, что ты вышел сухим из воды, братец, – сказал он и, немного пошатываясь, направился к двери, прежде чем я успел что-либо ответить.

Показания я дал по «Зуму» из дома Грега. Особых вопросов ко мне не возникло. Более того, судмедэксперт похвалил меня за то, что я отгонял стервятников от тела покойной до прибытия властей.

Не свалился, как снег на голову, ни один родственник, желающий оспорить бумажку с завещанием Алиты Белл. Путь этого клочка до окончательного утверждения в суде был долгим, но к июню 2022 всё имущество Алли стало моим. Невероятно, но это правда.

Я выставил недвижимость на продажу, понимая, что вряд ли кто-то заинтересуется изрядно обветшавшим, несмотря на все старания и умения Алли, домом. А вот участок, который он занимал – совсем другое дело. Его купили в октябре 2022 почти за семь миллионов долларов. От залива до бухты, знаете ли – участок высшего класса. Скоро здесь выстроят очередной новомодный особняк. Остальные активы Алли составляли шесть миллионов. После уплаты налогов, пошлин и прочих хлопот, которыми неизбежно обрастает любая сделка с крупной недвижимостью, тринадцать миллионов превратились в четыре с половиной. Миленькое наследство, если забыть про жутких детей, идущих вместе с ним.

Я положил полмиллиона на свой пенсионный счёт – скажем так: за оказанные услуги и сорванную спину, которая, наверное, будет бо-

леть до самой смерти. Остальное я передал в «Продуктовый Межцерковный Банк»⁶⁹ в Сарасоте – они, как сказала бы Донна, *выпрыгнули из штанов от счастья*, когда на них свалились эти деньги. Ещё одно исключение – восемь тысяч долларов, отправленные адвокату Резерфорду.

Затраты на похороны Алли.

Я оставался в доме Грега до окончания расследования, когда дело Алиты Белл было официально закрыто. Всё это время меня не тревожили ни видения, ни скрип колес. Каждое утро первым делом, ещё до того, как поставить вариться кофе, я проверял двор и гараж – не появилась ли коляска. Не только горе оставляет шрамы. Пережитый ужас тоже. Особенно сверхъестественный ужас.

Но близнецы сгнули с концами.

Как-то раз я попросил мистера Ито показать мне место, где Джейкоб и Джозеф попали в беду во время своей роковой прогулки к пляжу через заросли. Он согласился, и, немного поискав, мы нашли ту яму. Честно говоря, мистер Ито чуть сам в неё не свалился. Яма заросла наупакой и ромашками, огромными, словно мутанты, так что было трудно определить её размеры – мне показалось, что она такой же длины, как роскошная ванна Грега, и почти столь же глубокая.

У меня оставались ключи от дома миссис Белл, но я зашёл туда лишь один раз. Меня съедало любопытство, что за видение или галлюцинацию – выбирайте сами – я видел на ракушечном пляже, когда тащил коляску к воде: пламя, ковер из горящих змей, вонь керосина. Близнецы погибли до великой охоты на змей, откуда же они могли знать о ней?

Дом не изменился с тех пор, как Алли покинула его, вывозя близнецов-призраков на последнюю прогулку (во всяком случае – свою). В раковине стояла тарелка, на ней лежали нож и вилка. Дно коробки с пшеничными хлопьями, лежащей на столе, прогрызли в поисках пропитания какие-то мелкие животные. Я заставил себя зайти в спальню мальчиков. Думал, Алли сохранит её такой, как она была при жизни

⁶⁹ Благотворительная организация, собирающая продукты для нуждающихся.

Джейка и Джо, и оказался прав. Тут стояли две кровати близнецов. На простынях и наволочках рисунки мультяшных динозавров. У Теда были точно такие же. Понимание этого ужаснуло меня и в то же время успокоило.

Я закрыл дверь в спальню. Снаружи на ней была надпись разноцветными буквами-наклейками: «КОРОЛЕВСТВО БЛИЗНЕЦОВ».

Я не знал, что ищу, но, найдя – сразу понял. В кабинете Генри Белла тоже всё сохранилось, как при жизни хозяина. Слева от пишущей машинки «Ай-Би-Эм Селектрик» аккуратно сложены жёлтые блокноты, справа – папки. С каждой стороны, словно пресс-папье, стояли фотографии в рамках: Джо – напротив блокнотов, Джейк – напротив папок. На стене висела фотография Алли, она выглядела на ней молодой и потрясающе красивой.

На другой стене висели три чёрно-белых фотографии в рамках, посвящённые великой охоте на змей. На одной запечатлены люди, разгружающие грузовики, надевающие ранцы «Смоукчейзер», которые в те дремучие времена называли индейскими насосами, и облачающиеся в защитное снаряжение. На второй фотографии люди, выстроившиеся цепью, прочёсывали заросли, выгоняя змей на север острова. На третьем фото – треугольный участок ракушечного пляжа, где тысячи змей горели и гибли в пламени. Я знал, что призраки Джейка и Джо завелись в этом доме задолго до того, как перебрались в мой. Возможно. Алли даже привозила их сюда и показывала фотографии.

«Видите, мальчики? Вот что стало с плохими змейками, которые сделали вам больно!»

Я ушёл. С радостью. И больше не возвращался.

И ещё кое-что.

Уилл Роджерс⁷⁰ однажды сказал, что земля – единственный товар, который больше не производят. А во Флориде земля – на вес золота, особенно после пандемии. И хотя землю не получится просто взять и создать, нельзя сбрасывать со счетов рекультивацию.

В округе заговорили о восстановлении Дьюма-Ки.

⁷⁰ Американский ковбой, актёр и журналист, жил и был знаменит в начале 20-го века.

Ассоциация агентов по недвижимости (в неё вошёл и тот агент, через которого я продал дом миссис Белл), обратилась в компанию, занимающуюся рекультивацией, чтобы обсудить эту возможность. На встрече с участием уполномоченных лиц округа и под председательством управляющего округом, несколько экспертов из компании «Ленд Голд» представили презентацию в «ПауэрПойнт» в комплекте с теоретической идеей восстающего из глубин моря Дьюма-Ки. По их словам, это не так уж дорого и сложно реализовать; достаточно снова перекрыть протоку Дейлайт, что уменьшит поток воды. Ещё год или около того земленасыпных работ – и дело в шляпе.

Обсуждение продолжается и сейчас, пока я пишу. Защитники окружающей среды подняли крик, а я каждые два месяца перечисляю деньги в недавно появившуюся организацию «Спасём протоку Дейлайт», но в конечном итоге это ничего не изменит, потому что во Флориде – особенно в местах, облюбованных богачами – деньги решают всё. Если перекроют протоку, то в процессе работ наверняка найдут некую ржавую коляску. Хотелось бы верить, что к тому времени жуткие существа, что катались в этой коляске, уже исчезнут.

Я *почти* в этом уверен.

Если я ошибаюсь, то, надеюсь, они потеряли ко мне интерес. Если же я ошибаюсь и в этом, когда-нибудь наступит ночь, когда я услышу скрип колеса приближающейся коляски. И да поможет мне Бог.

Да поможет мне Бог!

Вспоминая Джона Д. Макдональда

СНОВИДЦЫ

Я не знаю, как устроена Вселенная. У меня есть лишь догадки. У вас, возможно, тоже. А может и нет. Все, что я могу вам сказать – берегитесь снов. Они опасны. Я это выяснил.

Я отрубил два срока во Вьетнаме. Вернулся в июне 71-го. Когда я вышел из самолёта, никто не плевал на меня, не называл убийцей детей. Впрочем, никто и не благодарил меня за службу, так что, думаю, всё честно. Эта история – мемуары? исповедь? – не имеет никакого отношения к Наму, но всё-таки связана. Да, связана. Если б я не провёл двадцать шесть месяцев в той долбанной дыре, я мог бы попытаться остановить Элджина, когда мы увидели зубы. Сомневаюсь, что у меня получилось бы. Учёный-джентльмен намеревался довести дело до конца, и в каком-то смысле ему это удалось. Но я мог хотя бы уйти. Я этого не сделал, потому что молодой человек, что вернулся из Вьетнама, был уже не тем, кто туда отправился. Этот молодой человек был опустошён. Эмоции на нуле. Так что случилось то, что случилось. Я не считаю, что ответственность на мне. Он продолжал бы, несмотря ни на что. Но я сознательно остался, даже поняв, что мы перешли грань разумного. Наверное, я хотел снова разбудить себя. Возможно, так и было.

Я вернулся в Мэн и некоторое время жил в Скоухегане у матери. Дела у неё шли неплохо. Она работала помощником менеджера в «Банановом киоске Джорджа» – звучит, словно это придорожный ларёк, но на самом деле – бакалейный магазин. Мама сказала, что я изменился, я ответил – сам знаю. Она спросила, чем я собираюсь заняться, а я сказал, что попробую найти работу в Портленде. Сказал, что буду заниматься тем, чему научился у Сисси, и мать согласилась, что это неплохая идея. Похоже, она была рада, что я вернулся. Думаю, она переживала за меня. Однажды я спросил, по кому она больше скучает – по

моему отцу или отчиму? Она ответила, что по отцу. О Лестере она отозвалась, мол, скатертью дорога.

Я купил подержанную машину, отправился в Портленд и подал заявление в контору под названием «Темп-О». Женщина, принявшая заявление – её звали миссис Фробишер – сказала:

– Не вижу, какие курсы вы закончили.

– Я не заканчивал.

– Что?

– Не заканчивал курсы.

– Вы, похоже, не понимаете, молодой человек. Нам требуются стенографисты на замену, когда кто-то заболевает или увольняется. Некоторые из наших временных сотрудников работают в окружном суде.

– Испытайте меня, – предложил я.

– Вы знакомы с системой Грегга?⁷¹

– Да. Я научился у своей сестры. Помогал ей с учёбой, а потом оказалось, что я справляюсь лучше её.

– Где работала ваша сестра?

– Она умерла.

– Очень жаль это слышать.

Не похоже было, что миссис Фробишер и правда жаль, но я её не винил. Людям нелегко справляться с собственными трагедиями, не хватало ещё переживать из-за чужих.

– Сколько слов в минуту?

– Сто восемьдесят. – Она улыбнулась. – Правда.

– Сомневаюсь.

Я ничего не ответил. Она протянула мне блокнот и карандаш «Эберхард Фабер #2».

– Хочу увидеть, как у вас получится сто восемьдесят. Это было бы впечатляюще.

Я раскрыл блокнот. Вспомнил, как мы с Сисси сидели в её комнате – она за письменным столом, в круге света от лампы, я – на кровати. Она утверждала, что я способнее её. Она говорила, что я словно учусь во сне, и это было правдой. Похоже было на освоение вьетнамского языка, включая диалекты Тай и Мьен. Дело не в знаниях, а в сноровке. Я видел, как слова превращаются в крючки и палочки. Толстые штрихи,

⁷¹ Одна из систем стенографии, разработанная Джоном Робертом Греггом.

тонкие штрихи, завитки. Они строем маршировали по моему сознанию. Если вы спросите, нравилось ли мне это занятие, я отвечу – временами. Так же, как человеку временами нравится дышать. Обычно ты просто дышишь.

– Вы готовы?

– Всегда готов.

– Это мы ещё посмотрим.

Затем, очень быстро она прочла:

– «Не действует по принуждению милость;

Не можешь с улицы прийти ты и сказать,

Что делаешь сто восемьдесят слов.

Как тёплый дождь, она спадает с неба

На землю и вдвойне благословенна:

Тем, кто даёт и кто берет её».⁷²

Следом она попросила меня прочитать ей, что получилось. Я прочитал, не став говорить, что она сделала несколько ошибок в последней части речи Порции. Миссис Фробишер задержала на мне взгляд, затем произнесла:

– Чтоб меня черти взяли!

Следующие десять месяцев или около того я работал в «Темп-О». Мы проигрывали во Вьетнаме. Не обязательно быть гением, чтобы это понять. Иногда людям надо бы остановиться, но они этого не делают. Говоря это, я вспоминаю Элджина. Учёного-джентльмена.

Поначалу нас было четверо, потом шестеро, затем трое и снова шестеро. Временная работа всегда означает «текучку». Все сотрудники были женщинами, за исключением Пирсона – высокого мужчины с лысиной, которую он пытался скрывать, и экземой вокруг носа и в уголках рта. Вокруг рта она выглядела, как засохшая слюна. Пирсон работал, когда я пришёл, и остался, когда я ушёл. Он выдавал не более шестидесяти слов в минуту. И то в удачный день. Если ему диктовали

⁷² Уильям Шекспир, «Венецианский купец». Перевод Щепкиной-Куперник. Отрывок носит название «Речь Порции о милосердии». Две строки в середине про 180 слов вставлены, конечно, миссис Фробишер для проверки.

слишком быстро, он просил: «Помедленней, помедленней». Я знаю, потому что иногда, когда выдавалась свободная минутка, мы устраивали гонки. Две минуты телерекламы. Жидкость для мытья посуды. Зубная паста. Бумажные полотенца. То, что покупают женщины, которые смотрят телевизор днём. Я всегда выигрывал. Через некоторое время Пирсон перестал даже пробовать. Он называл это детскими играми. Не знаю, почему миссис Фробишер держала Пирсона. Она с ним не трахалась, ничего такого. Думаю, он был чем-то таким, к чему привыкаешь, вроде стопки рождественских открыток на столике в прихожей, которые валяются там до Дня святого Валентина. Я Пирсону не нравился. Но к нему никаких чувств не испытывал, потому что так себя вёл в 71-м и 72-м годах. Но именно Пирсон познакомил меня с Элджином. Если можно так выразиться; у него не было такого намерения.

Мы приходили к половине девятого и сидели в задней комнате дома на Биржевой улице, пили кофе с пончиками, смотрели маленький переносной телевизор или читали. Иногда устраивали гонки. Обычно там лежали два-три экземпляра «Пресс Геральд», и Пирсон читал один из них, что-то бормоча себе под нос и растирая экзему, так что её хлопья сыпались, как снег. Миссис Фробишер вызывала Энн, Диану или Стеллу, если намечалась обычная работа. Меня вызывали в суд обычно в тех случаях, если кто-то заболел. Мне пришлось освоить стенограф и носить стеномаску,⁷³ но всё было путём. Иногда меня отправляли на важные совещания, где записывающие устройства были под запретом. Тогда в строю оставались лишь я и мой блокнот. Эта работа нравилась мне не меньше любой другой. Подчас после завершения стенограммы я должен был сдать свой блокнот. Это в порядке вещей. Иногда я даже получал чаевые.

Пирсон, читая газету, имел привычку бросать прочитанные листы на пол. Как-то раз Диана назвала это паршивой манерой, а Пирсон ответил, что если её это не устраивает – она может свернуть эти бумажки в трубочку и засунуть себе в задницу. Через неделю или две Диана ушла. Иногда я подбирал брошенные Пирсоном листы и просматривал их. Когда не было работы, в задней комнате, которую мы называли

⁷³ Стеномаска – специальное устройство, используемое стенографистами, позволяющее говорить в микрофон так, чтобы этого не слышали окружающие, и оградить микрофон от фонового шума.

«кутузкой», становилось скучновато. Викторины и ток-шоу по телевизору надоедали. Я обычно носил с собой книжку в мягкой обложке, но в тот день, когда я узнал об Элджине (хотя тогда я ещё не знал его имени, его не называли в объявлении), книга не захватила моё внимание. Она была о войне, но написана человеком, который ничего в этом не смыслил.

Я решил просмотреть раздел объявлений в газете. На одной странице продавались автомобили, на другой были предложения работы. Я окинул взглядом этот раздел; не то чтобы я хотел сменить работу, мне нравилось в «Темп-О». Просто хотел скоротать время. Слова «учёный-джентльмен» выделенные жирным шрифтом, бросились мне в глаза. Как и слово «флегматичный». Такое слово не часто встретишь в объявлениях.

УЧЁНЫЙ-ДЖЕНТЛЬМЕН ищет ассистента для проведения серии экспериментов. Обязательное требование – владение стенографией (60-80 слов в минуту или больше). Отличная оплата при наличии отличных рекомендаций. Конфиденциальность и флегматичный характер обязательны.

Ниже был указан телефонный номер. Из любопытства – кому понадобился флегматичный ассистент? – я набрал его. Просто скоротать время. Это было в полдень четверга. В субботу я преодолел на своём подержанном «Форде» семьдесят с лишним миль до Касл-Рока, и выехал на Лейк-Роуд, заканчивающуюся у озера Дарк-Скор. На берегу стоял большой каменный дом с отдельной подъездной дорожкой, а за ним – маленький каменный домик, где я проживал, пока работал на Элджина, учёного-джентльмена. Дом почти тянул на особняк. На подъездной дорожке стояли «Фольксваген Жук» и «Мерседес». У «Жука» были номера штата Мэн, наклейка в виде цветка на люке бензобака и наклейка «НЕТ ВОЙНЕ» на бампере. Я узнал его. «Мерседес» имел номер штата Массачусетс. Я подумал, что он, вероятно, принадлежит учёному-джентльмену, и оказался прав. Я так и не узнал, откуда у Элджина состояние. По-видимому, джентльмены о таком не распространяются. Думаю, он получил наследство, потому что, насколько я мог судить, у него не было никакого занятия, кроме джентльменской

науки, и он называл этот не-совсем-особняк своим местом для летнего отдыха. Понятия не имею, где он проводил зиму. Возможно, в Бостоне, или в одном из тех отдалённых пригородов, где чернокожих и азиатов можно увидеть только толкающими газонокосилки или накрывающими на стол. Я мог бы навести справки, поспрашивать в городе, ведь городские умеют держать нос по ветру и, если задавать правильные вопросы – они всё что угодно вам расскажут. Они *хотят* рассказать вам, потому что ничто так не скрашивает время, как сплетни. А я знал, как правильно себя вести, поскольку сам вырос в маленьком городке и глотал «р» как истинный янки. Но это не моё собачье дело, как говорится. Мне было всё равно, где он жил – в Вестоне, Бруклине или Бэк-Бей. Я даже не знал, хочу ли я получить эту работу или нет. Я не был психом или типа того, но что-то со мной было не в порядке. Может, вы понимаете, а может и нет. Я не спал большую часть ночи, и тьма тянулась долгие часы. Почти всю ночь я сражался с войной, и война побеждала. Знаю, это старая история. Такое можно увидеть по телевизору раз в неделю.

Я поставил машину рядом с «Жуком». Из дома вышла молодая женщина в юбочном костюме, с портфелем в одной руке и блокнотом в другой. Это оказалась Диана, ранее работавшая в «Темп-О».

– Привет, незнакомка, – пошутил я.

– И тебе привет. Ты, наверное, следующий. Может, тебе повезёт больше.

– Не взяли?

– Он сказал, что перезвонит. Я понимаю, что это значит. Пирсон всё ещё работает?

– Ага.

– Вот дерьмо.

Она села в «Жука» и уехала. Я нажал кнопку звонка. Ответил Элджин. Он оказался высоким и худым, с копной белых волос, как у пианиста на концерте. Белая рубашка и брюки цвета хаки висели на нём, как на вешалке, словно он недавно похудел. На вид ему было около сорока пяти. Он спросил, не Уильям ли я Дэвис? Я ответил, что он и есть. Он спросил, есть ли у меня стенографический блокнот? Я ответил, что их у меня полдюжины на заднем сидении.

– Возьмите один.

Я взял блокнот, думая, что меня ожидает повторение истории с миссис Фробишер. Элджин провёл меня в гостиную, будто всё ещё хранящую призрак зимы, когда дом стоял пустой, а озеро было скованно льдом. Он спросил, есть ли у меня резюме? Я достал бумажник, показал приказ о моём увольнении из армии с почётом и сказал, мол, вот моё резюме. Сомневаюсь, что Элджина интересовало, как я подрабатывал после школы на заправке и официантом в «Безголовой женщине».

– После увольнения из армии я работаю в агентстве «Темп-О» в Портленде. Ваш предыдущий соискатель тоже оттуда. Можете позвонить, если хотите. Спросите миссис Фробишер. Может, она даже позволит мне сохранить работу, зная, что я подыскиваю другую.

– Почему?

– Потому что я лучший из тех, кто у неё есть.

– Вам действительно нужна эта работа? Потому что вы кажетесь мне, так сказать, равнодушным.

– Я не против перемен. – Это было правдой.

– А как насчёт оплаты? Хотите узнать о ней? Или то, как долго придётся работать?

Я пожал плечами.

– Вы что, «перекати-поле»?

– Я не знаю. – Это тоже было правдой.

– Скажите, мистер Дэвис, вы можете написать слово «*флегматичный*»?

Я написал.

Он кивнул.

– Девушка перед вами не смогла, хотя наверняка прочла это слово в моём объявлении. Сомневаюсь, что она понимает его значение. Мне она показалась взбалмошной. Она такой и была, когда вы работали вместе?

– Я бы предпочёл не говорить.

Элджин улыбнулся. Губы тонкие, складки по бокам рта были как у куклы чревовещателя. Очки в роговой оправе. Он не очень-то походил на учёного. Казалось, он пытается *выглядеть* учёным.

– Где вы служили? Вьетнам?

– В основном.

– Приходилось кого-то убивать?

– Не хочу об этом говорить.

– Награды есть?

– И об этом я тоже не хочу говорить.

– Справедливо. Когда вы сказали, что лучший в «Темп-О» – а я встречался с парой людей оттуда, не только с Дианой Биссонет – о каком количестве слов в минуту шла речь?

Я сказал ему.

– Я собираюсь вас проверить. Обязательно. Если вы лучший – то вы тот, кто мне нужен. Стенография будет единственным методом записи. За редким исключением. Я не планирую делать никаких аудиозаписей своих экспериментов. Никакого видео. Будут полароидные фотографии, которые я сохраню, если захочу опубликовать, или, в противном случае, уничтожу.

Элджин ожидал заинтриговать меня, и я был заинтригован, но не настолько, чтобы задавать вопросы. Он либо расскажет сам, либо нет. На журнальном столике покоилась стопка книг. Элджин поднял верхнюю и проверил меня по ней. Эта книга называлась «Человек и его символы». Он говорил в хорошем темпе, но до миссис Фробишер было далеко. В тексте попало несколько технических жаргонизмов, вроде «активации синтеза», и несколько сложных имён и названий, например, Аниэла Яффе⁷⁴ и Университет Брешии, но я передал их правильно. Это было своего рода озарение. Я справился с этими словами, несмотря на то, что Элджин ошибся в фамилии Яффе, произнеся её как Джафф. Я перечитал ему всё от слова до слова.

– Вы напрасно теряли время в «Темп-О», – сказал Элджин.

Мне нечего было возразить.

– Во время моих экспериментов вы будете жить здесь, в гостевом домике. Есть ли у вас какие-либо навыки в медицине, полученные во время службы?

– Кое-что умею. Могу вправить кость или сделать искусственное дыхание. Если человека вовремя достали из воды, конечно. Не думаю, что вам здесь понадобятся пакеты с сульфоксидом.⁷⁵

⁷⁴ Коллега и личный секретарь Карла Густава Юнга.

⁷⁵ Сульфоксид применялся в качестве обезболивающего противовоспалительного средства при обработке ран, в том числе и в полевых условиях, на войне.

- Сколько вам лет?
- Двадцать четыре.
- Выглядите старше.
- Возможно.
- Вы, случайно, не были в Май Лай?⁷⁶
- Это произошло до меня.

Элджин взял ещё пару книг из стопки. Одна называлась «Архетипы и коллективное бессознательное». Другая – «Воспоминания, сны, размышления». Он держал по книге в каждой руке, словно взвешивая их на весах.

- Знаете, что общего у этих книг?
- Обе написаны Карлом Юнгом.

Элджин поднял брови.

- Вы правильно произносите его имя.

«Лучше, чем вы – имя Аниэлы Яффе», подумал я, но промолчал.

- Полагаю, по-немецки вы не говорите?

– Ein wenig,⁷⁷ – ответил я, слегка раздвинув большой и указательный пальцы.

Он взял из стопки ещё один том. Название гласило «Gegenwart und Zukunft».⁷⁸

– Это моё сокровище. Редкое первое издание. «Настоящее и будущее». Я не могу прочитать, но рассматриваю иллюстрации и изучаю графики. Математика – это универсальный язык, как вы наверняка знаете.

Я не знал, потому что универсальных языков не бывает. Числа можно научить делать трюки, как и собак. А название той книги на самом деле было «Присутствие и будущее». Между настоящим и присутствием огромная разница, целая пропасть. Мне это было безразлично, но книга, лежащая под «Gegenwart und Zukunft», меня заинтересовала. Единственная книга, написанная не Юнгом. «За стеной сна» Г.Ф. Лавкрафта. У одного парня, которого я знал в Наме – бортового

⁷⁶ В Май Лай (Сонгми) во время Вьетнамской войны в 1969 произошло печально известное массовое убийство мирных жителей солдатами американской армии.

⁷⁷ Немного (нем.)

⁷⁸ Настоящее и будущее (нем.) Слово Gegenwart может означать и «настоящее время» и «присутствие».

стрелка – была эта книжка в мягкой обложке. Она сгорела вместе с ним.

Мы ещё о многом поговорили. Плата, что предлагал Элджин, была столь высока, что я засомневался – законны ли его эксперименты? У меня была возможность спросить об этом, но я ей не воспользовался. Наконец, он перестал ходить вокруг да около и спросил, рискну ли я предположить, с чем связаны его эксперименты? Я ответил, что, вероятно, со снами.

– Да. Но, думаю, я до поры до времени сохраню при себе точную природу моего интереса, *направление*, так сказать.

Я не стал расспрашивать о направлении – ещё одной вещи, на которую не потрудился обратить внимание. Элджин сфотографировал мои документы об увольнении своим «Полароидом» и предложил мне работать на него.

– Конечно, вы можете остаться работать в «Темп-О», а можете помочь мне исследовать области, в коих ещё не побывал ни один психолог, даже Юнг. Девственные территории.

Я согласился. Элджин сказал, что работа начнётся в середине июля, и я снова согласился. Он попросил мой телефонный номер. Я дал, предупредив, что это телефон в холле общежития. Элджин поинтересовался, есть ли у меня девушка? Я ответил, что нет. Он тоже не носил обручальное кольцо на пальце.

Переехав в маленький гостевой домик, я обходился без помощи, сам готовил себе еду или питался в городском кафе. Не знаю, кто готовил еду Элджину. Он выглядел неподвластным времени, словно у него не было ни прошлого, ни будущего. Он жил в настоящем, но будто в нём не особо присутствовал. Элджин курил, но я никогда не видел его выпивающим. Всё, что им двигало – навязчивая идея о снах.

На обратном пути я спросил:

– Вы ведь хотите проникнуть сквозь стену сна, да?

Он рассмеялся.

– Нет. Я хочу пройти *под* ней.

Элджин позвонил мне первого июля и напомнил, чтобы я предупредил об увольнении за две недели. Я так и сделал. Как я и ожидал, миссис Фробишер не стала настаивать, чтобы я катился колбаской сразу, забыв про двухнедельный срок. Я был её лучшим сотрудником, и она хотела использовать меня на всю катушку. Восьмого июля Элджин позвонил ещё раз и велел мне переезжать, как только я закончу работу четырнадцатого. Как он предположил, раз я живу в общежитии – вещей у меня не много. В этом он был прав. Ещё он добавил, что у него сразу будет для меня небольшое задание.

Последним, с кем я пообщался в «Темп-О», был Пирсон. Я сказал ему, что он мудила. Он не ответил. Возможно, согласился с такой оценкой. Может, боялся, что я ему врежу. Не знаю. Я подъехал к гостевому дому и увидел, что в замочной скважине двери торчит ключ, и ещё два болтаются на этой же связке. Четыре комнаты. Опрятные. Тут было теплее, чем в большом доме, возможно, потому, что гостевой дом построили позже, когда уже появилась теплоизоляция для стен. В гостиной имелся камин, а на заднем дворе – куча дров, накрытых брезентом. Мне всегда нравился огонь в камине. Я пока не стал заходить в большой дом. Решил, что Элджин увидит мою машину и сообразит, что я приехал. В маленькой, как на корабле, кухне был установлен домофон, а рядом – факс. Мне раньше не доводилось видеть факс в доме, но я представлял, что это такое, потому что видел несколько в штабах во Вьетнаме. На кухонном столе лежало что-то похожее на альбом для газетных вырезок. К нему крепилась записка, гласящая: *«Ознакомьтесь с этим. Возможно, вам захочется сделать заметки».*

Я пролистал альбом. Заметок не делал. У меня и так хорошая память. В альбоме было двенадцать страниц и на каждой – фотографии под прозрачной плёнкой. Два фото были как на водительских правах. Два – портретные снимки. Шесть мужчин и шесть женщин. Все разного возраста. Самый младший выглядел старшеклассником. Под фотографиями указаны их имена и профессия. Двое были студентами колледжа, двое – учителями, вероятно, в летнем отпуске. Один пенсионер.

Остальные – те, кого люди далёкие от этих профессий называют «синими воротничками»: официантка, продавец в магазине, плотник и длинноволосый дальнобойщик.

В холодильнике я нашёл яйца и бекон. Я поджарил четыре яйца на жире от бекона. Сбоку дома имелась небольшая веранда с видом на озеро. Я ел и смотрел на воду. Когда солнце вошло в клин между горами Вашингтон и Джефферсон и залило гладь озера золотом, я вернулся в дом и лёг спать. В ту ночь я спал лучше, чем когда-либо за последние четыре года. Десять часов бездумной, лишённой образцов тьмы. Вот, должно быть, каково быть мёртвым.

Субботним утром я спустился к берегу озера. Там стояла скамья. На ней сидел и курил Эджин. Он был всё в той же белой рубашке и брюках хаки. Может и в других таких же. Я никогда не видел, чтобы он носил что-то другое, словно это было что-то вроде униформы. Он пригласил меня сесть рядом. Я сел.

– Хорошо устроился?

– Да.

Он достал из кармана бумажник и протянул мне чек. Чек был выписан на моё имя от «Корпорации Сна ООО». Сумма составляла тысячу долларов.

– Можешь отнести его в «Кей-Банк» в Касл-Роке. Там я держу свои счета, как личные, так и корпоративные. Можешь и свой счёт открыть, если хочешь.

– Могу я просто обналичить его?

– Конечно. Помнишь первого испытуемого из альбома, что я тебе оставил?

– Да. Алтея Гибсон. Парикмахер. На вид около тридцати.

– Хорошая память. Эйдетическая?⁷⁹ С учётом твоей скорости работы и знания вьетнамского, думаю, да.

Выходит, он провёл кое-какие раскопки, как говорится. Сделал несколько звонков.

⁷⁹ Особый вид памяти, преимущественно на зрительные впечатления, позволяющий удерживать и воспроизводить в деталях образ воспринятого ранее предмета или явления.

– Я тоже так думаю. Я перенял стенографию у своей сестры. Помогал ей с учёбой.

– И у тебя получалось лучше, чем у неё.

– Наверное. Но она тоже неплохо устроилась. Получила работу в отделе кадров в медицинском центре Восточного Мэна. Там хорошо платят.

Элджину не обязательно было знать, что моя сестра умерла, и я не стал об этом говорить.

– Ты был переводчиком во Вьетнаме?

– Иногда.

– Не хочешь об этом рассказывать? Что ж, ладно. Хорошо здесь, не правда ли? Мирно. Ближе к вечеру появятся отдыхающие. Шум от лодок раздражает; он продолжается с Дня памяти до Дня труда,⁸⁰ но пикники обычно устраивают дальше по берегу.

– Ваш участок уединённый.

– Да. Люблю уединение. Дэвис, я верю, что способен изменить мир.

– Вы имеете в виду представление в мире о снах?

– Нет. Сам *мир*. Если я добьюсь успеха. – Он встал. – Я пришлю вам факс. Ознакомьтесь с ним. Миссис Гибсон прибудет сюда во вторник, в два часа дня. Я оплатил ей вынужденный выходной в её парикмахерской. Ты встретишь её и проводишь в дом. Перед этим я покажу тебе, как там всё устроено. Скажем, около полудня, на тот случай, если она приедет раньше.

– Хорошо.

– Прочти факс. Если будут замечания – используй домофон. В остальном ты свободен до вторника.

Элджин протянул мне руку. Я встал, чтобы ответить на рукопожатие. Меня снова поразил его неподвластный времени облик. Чувствовалось в нём некая безмятежность. Он верил, что изменит мир. Он и правда верил в это.

⁸⁰ То есть с конца мая до начала сентября.

Пока я готовил кофе, пришёл факс. Он представлял собой бланк для испытуемых. Я вновь задумался о законности этих исследований. В документе следовало указать имя, адрес и номер телефона испытуемого. Дальше говорилось, что нижеподписавшийся проинформирован и согласен на введение лёгкого гипнотического препарата перед началом эксперимента. Упоминалось, что действие препарата закончится через шесть часов или меньше, после чего испытуемый будет чувствовать себя нормально. Поскольку вводить препарат будет Элджин, а я не буду нести ответственность за возможные проблемы, я не стал ничего комментировать. Должен признаться, я слегка заинтересовался. Мелькнула мысль, что Элджин, возможно, спятил. После Вьетнама у меня нюх на такое.

Я съездил в центр города и закупил продукты. Банк работал до полудня. Я открыл счёт и положил на него сумму с чека, оставив сто долларов наличными. Ждать, пока чек проверят, не пришлось; в банке заверили, что с ним всё в порядке. Я пообедал в закусочной Касл-Рока, вернулся в гостевой домик и подремал. Без снов.

В полдень во вторник я пришёл в большой дом. Элджин встретил меня на крыльце. Слева от двери находилась гостиная, где он просматривал мои документы об увольнении и показывал свои книги Юнга. Направо вели двойные двери; Элджин распахнул их. Раньше тут была столовая, а теперь он собирался проводить свои эксперименты. Помещение разделяла пополам перегородка, похоже, из фанеры. Одна половина предназначалась для испытуемых. Там стояла кушетка с высоким подголовником, как в кабинете у психолога. По одну сторону от кушетки – штатив с фотоаппаратом «Полароид», направленным вниз. С другой стороны, размещался маленький столик с блокнотом «Блю Хорс», открытым на первой чистой странице, и ручкой. Видимо, Элджин предполагал, что испытуемые будут записывать свои сны, пока воспоминания о них свежие, или делать заметки. На стене закреплены колонки, а по центру фанерной перегородки находилось зеркало. Не обязательно быть любителем полицейских сериалов по телевизору, чтобы догадаться – зеркало одностороннее, прозрачное с изнанки. Со

стороны Элджина у стены стоял стол и второй «Полароид» на штативе, направленный сквозь фальшивое зеркало на кушетку. На столе микрофон. Там же ряд кнопок. Ещё пара колонок на стене. Стереосистема «Филипс» с пластинкой на проигрывателе. Рядом с зеркалом – кресло.

– Это для тебя, – пояснил Элджин, указав на кресло. – Твой пост, где ты будешь сидеть и наблюдать. Есть чистый блокнот?

– Да.

– Будешь записывать всё, что я скажу. Если миссис Гибсон что-либо произнесёт, ты услышишь её слова из колонок по эту сторону и запишешь. Если не получится разобрать, что она говорит – люди во сне часто говорят неразборчиво – поставь двойной прочерк.

– Будь у вас диктофон... – начал я, но Элджин отмахнулся.

– Я же сказал, никаких аудио или видеозаписей. Только «Полароид». Я могу управлять звуковой системой и обеими камерами со стола.

– Ни аудио, ни видео, понял, – ответил я.

В комнате не было никакого медицинского оборудования, ничего для записи мозговой активности испытуемых в фазе БДГ.⁸¹ Все это выглядело бредово, но чек не отклонили в банке, так что я смирился. Я не заметил на лице Элджина ни волнения, ни нервозности. Лишь спокойствие. Он собирался изменить мир, и был уверен в себе на все сто.

Алтея Гибсон прибыла на пятнадцать минут раньше. Она была из тех двоих, кто прислал Элджину фотопортрет, сделанный профессионалом; он использовал лампу кольцевого света, чтобы немного омолодить лицо клиентки. На самом деле ей было около сорока, полная. Я встретил её у машины, представившись ассистентом мистера Элджина.

– Я немного побаиваюсь, – призналась она, пока мы шли к дому. – Надеюсь, всё будет в порядке. Со мной всё будет в порядке, мистер Дэвис?

– Конечно, – ответил я. – Пройдёт без сучка, без задоринки.

Говорят, правда бывает причудливее вымысла. Взять женщину, говорящую с мужчиной, которого видит первый раз в жизни, на подъездной дорожке, упирающейся в частный пляж. Встречалась ли она с

⁸¹ БДГ – быстрые движения глаз. Фаза сна, при которой мозг наиболее активен. Предполагается, что именно в этот момент спящий человек видит сны.

Элджином, или разговаривала с ним только по телефону? Она надеялась, что с ней не произойдёт ничего плохого, хотя знала, что ей предстоит принимать так называемый «лёгкий гипнотический препарат». Она так думала, потому что плохое случается только с другими людьми, о чём потом рассказывают в новостях по телевизору. Говорило ли это о недостатке воображения – то, что она никогда не думала об изнасиловании и смерти в неглубокой могиле, или дело было в слишком близком горизонте её восприятия? Это поднимает вопрос о том, что же такое воображение и восприятие? Возможно, я думал по-другому, потому что побывал на другом конце света, где с людьми постоянно происходило что-то плохое, иногда даже с парикмахерами.

– Это ж восемьсот долларов, как я могла отказаться? – Алтея понизила голос. – Я что, буду под кайфом?

– Честно говоря, не знаю. Вы наш первый... – Кто? – ...наш первый клиент.

– Вы же не собираетесь воспользоваться мной, правда? – Это прозвучало шуткой, потому что она надеялась, что это и есть шутка. – Или он?

– Ни в коем случае, – сказал Элджин, выходя в холл, чтобы поприветствовать миссис Гибсон. На ремне через плечо у него висел небольшой плоский портфель, похожий на офицерский планшет для карт. – Я безобиден насколько это возможно, и Билл тоже. – Он протянул обе руки, взял в них ладони гостьи и слегка сжал. – Вам понравится. Обещаю.

Я подал Алтее Гибсон бланк, который, вероятно, был столь же законен, как трехдолларовая купюра. Она бегло просмотрела его, заполнила пустые графы вверху и поставила подпись внизу. Миссис Гибсон жила своей жизнью, не веря, что она может закончиться или даже измениться. Слепота в отношении возможных последствий – то ли благословение, то ли проклятие. Выбирайте сами. Элджин подвёл миссис Гибсон к кушетке в бывшей столовой и достал из портфеля флакон с прозрачной жидкостью. Вытащил резиновую пробку и протянул ей. Женщина взяла флакон с осторожностью, словно боялась обжечься.

– Что это?

– Лёгкое гипнотическое средство, как я и говорил. Оно введёт вас в безмятежное состояние, а затем убаюкает так, что вы уснёте. Никаких побочных эффектов и похмелья не будет. Это совершенно безвредно.

Алтея взглянула на флакон, затем сделал жест в мою сторону, словно поднимая тост, и произнесла:

– Через зубы, через рот – попадает всё в живот.

Она с лёгкостью отбросила сомнения – правда оказалась причудливее вымысла – затем посмотрела на Элджина.

– Я ожидала чего-то, но не почувствовала. Вы уверены, что это не простая вода?

– В основном вода, – улыбнувшись ответил Элджин. – Вы сядете за руль и вернётесь домой... Где вы живёте, напомните?

– Норт-Виндхэм.

– ...вернётесь домой в Норт-Виндхэм к четырём часам, с чеком на восемьсот долларов в сумочке. А пока расслабьтесь, и я расскажу, что от вас требуется. Всё очень просто.

Элджин взял флакон, закрыл его пробкой и убрал в портфель, где для него имелась удерживающая лямка. Затем достал из портфеля ещё один предмет. Картинку с изображением маленького домика в лесу, выкрашенного в красный цвет. Дверь была зелёная, к ней вели две каменные ступеньки, а над крышей возвышался дымоход. Он протянул картинку Алтее.

– Я включу музыку. Очень тихую и спокойную. Хочу, чтобы вы слушали её и смотрели на картинку.

– Ооо, теперь я что-то чувствую, – улыбнулась Алтея. – Вроде как от курения косяка. Мягко!

– Смотрите на картинку, миссис Гибсон, и убедите себя, что вы хотите увидеть этот дом изнутри.

Я всё записывал. «Г» – означало «Гибсон», «Э» – Элджин. Крючки прыгали по девственно-чистой странице стенографического блокнота. Я делал то, за что мне платили.

– А что там внутри?

– Это зависит от вас. Возможно, вы попадёте туда во сне, тогда всё увидите сами. Попробуйте это сделать?

– А если мне не приснится что внутри дома, я всё равно получу восемьсот долларов?

– Безусловно. Даже если вы просто приятно вздремнёте.

– Если я засну – разбудите меня к четырём? – Алтея начала клевать носом. – Соседка забирает мою дочь из школы, но я должна вернуться к шести, приготовить ей... приготовить ей...

– Приготовить ей ужин?

– Да, ужин. Взгляните-ка на эту зелёную дверь! Мне бы в голову не пришло выкрасить дверь красного дома в зелёный цвет. Слишком рождественски.

– Смотрите на картинку.

– Я *смотрю*.

– Помечтайте о доме. Попытайтесь войти в него, – голос Элджина звучал гипнотически.

– Хорошо.

Думаю, она уже под гипнозом. Если бы Элджин попросил её залазать, как собака – Алтея попыталась бы.

– Войдите внутрь и осмотритесь.

– Хорошо.

– Идите в гостиную.

– Хорошо.

– Не сразу внутрь, просто загляните за дверь.

– Вы хотите, чтобы я рассказала, как выглядит гостиная? Какая там мебель и обои? Что-то в этом роде?

– Нет. Я хочу, чтобы вы опустились на колени и поискали трещину в полу. Прямо тут, у двери в гостиную.

– А она есть?

– Я не знаю, миссис Гибсон. Алтея. Это ваш сон. Если трещина есть, засуньте в неё пальцы и приподнимите пол в гостиной.

Она одарила Элджина мечтательной улыбкой.

– Я не смогу поднять пол, глупенький.

– Может, не сможете, а может – наоборот. Во сне возможно то, что невозможно наяву.

– Например, полёт. – Мечтательная улыбка стала шире.

– Да, например, полёт.

В голосе Элджина слышалось некоторое раздражение, хотя мне идея полёта во сне представлялась не менее логичной, чем что-либо другое. Если верить Юнгу, сны о полётах указывали на стремление психики человека освободиться от ожиданий других людей, или от ещё более трудных, зачастую невозможных, собственных ожиданий.

– Поднимите пол. Посмотрите, что находится под ним. Если будете помнить, когда проснётесь – запишите в блокнот, что я вам дал. Я задам вам несколько вопросов. Если не вспомните – ничего страшного. Мы скоро вернёмся, да, Билл?

Мы покинули половину бывшей столовой, предназначенную для испытуемых, и перешли в свою половину. Я занял место перед односторонним зеркалом, положив блокнот на колени. Элджин сел за стол и нажал одну из кнопок. Включился проигрыватель, тонарм опустился на пластинку и зазвучала музыка – Дебюсси.⁸² Элджин нажал на другую кнопку, и музыка на нашей половине экспериментального помещения смолкла, но я по-прежнему слышал её с половины миссис Гибсон. Вглядываясь в картинку, она хихикнула, и я записал (не по системе Грегга, а обычным образом): «Г смеётся в 14:14».

Время шло. Минуло десять минут по моим часам. Женщина изучала картинку с домом так сосредоточенно, как бывает с теми, кто всерьёз под кайфом. Мало-помалу картинка стала клониться в её руке. Я видел, как откинувшись на спинку кушетки Алтея то закрывает, то вновь открывает глаза. Её губы, выкрашенные ярко-красной помадой, расслабились. Элджин теперь встал рядом со мной, наклонившись к зеркалу и уперев руки в колени. Он походил на полковника, которого я помнил по тому, другому миру. Тот наблюдал в бинокль, как F-100D 352-ой эскадрильи, обременённые грузом напалма, снижаются над Бьенхоа, готовые разрешиться от бремени оранжевой завесой, сжигающей зелень дотла и оставляющей после себя лишь пепел и превращённые в скелеты пальмы. Мужчин и женщин ждала та же участь. Они звали: *nahn tu, nahn tu*,⁸³ но никто не мог их услышать и никого не заботило, что с ними будет.

⁸² Клод Дебюсси – французский композитор-импрессионист.

⁸³ Вьетнамско-русский словарь тут бессилён, впрочем, о смысле можно догадаться.

Картинка дома опустилась миссис Гибсон на живот. Она засыпала. Эджин вернулся к столу и выключил музыку. Должно быть, он прибавил громкость звука для нашей половины, потому что я расслышал негромкий женский храп. Затем Эджин вернулся на прежнее место. «Полароиды», как на нашей половине, так и по другую сторону перегородки, повинаясь таймерам, выдавали вспышки через каждые полминуты. После каждой вспышки фотография выезжала с тем особым звуком, похожим на кошачье урчание, и падала на пол.

Я заметил что-то странное через три или четыре минуты после того, как миссис Гибсон заснула, и наклонился ближе к стеклу. Я не мог поверить своим глазам, как не веришь тому, что противоречит привычному ходу вещей. Но *это* происходило. Я провёл поверх глаз ладонью, но ничего не поменялось.

– Эджин. Её рот.

– Я вижу.

Губы миссис Гибсон раздвинулись, и между ними показались зубы. Это напоминало рождение вулканического острова из глубин океана, только меньше острых краёв, не считая, пожалуй, клыков. Это были не звериные клыки, а её обычные зубы, но длиннее и больше, чем раньше. Губы завернулись, обнажив розовые дёсны. Руки подёргивались, двигались туда-сюда, пальцы шевелились. «Полароиды» продолжали урчать и вспыхивать. Два снимка с той стороны, два снимка с нашей. Фотографии падали на пол. Потом в фотоаппаратах закончилась плёнка. После этого, зубы миссис Гибсон стали втягиваться обратно. Её руки всё ещё дрожали, пальцы словно играли на невидимом пианино. Потом это прекратилось. Губы сомкнулись, но под носом остался едва заметный отпечаток красной помады от завернутой и прижатой губы.

Я взглянул на Эджина. Он выглядел невозмутимым, но таковым не был. Я на мгновение увидел, что скрывала его невозмутимость, подобно тому, как облака на исходе дня расходятся, показывая кровавые блики заходящего солнца. Если раньше я сомневался, что учёный-джентльмен – это безумный учёный-джентльмен, то теперь сомнениям пришёл конец.

– Вы знали, что это произойдёт? – спросил я.

– Нет.

Двадцать минут спустя, в 14:58, миссис Гибсон заворочалась. Мы подошли к ней и Элджин тряс женщину, пока она не проснулась. Она вышла из сна без промежуточного смутного состояния, потянулась, раскинув руки так широко, будто собиралась обнять весь мир.

Г: Это было чудесно. Такой замечательный сон.

Э: Хорошо. Что вам снилось? Вы помните?

Г: Да! Я побывала внутри. Это оказался дом моего дедушки! Такие же часы «Сет Томас»⁸⁴ в прихожей. Мы с сестрой называли их дедушкины тик-так.

Э: А как насчёт гостиной?

Г: Она тоже была дедушкина. Такое же кресло, диванчик, туго набитый конским волосом, та же модель телевизора с вазой на нём. Невероятно, что я всё это помню. Но вы сказали, что для вас это не имеет значения.

Э: Вы пытались поднять пол?

Г (после долгой паузы): Да... У меня немного получилось...

Э: Что вы там увидели?

Г: Темноту.

Э: То есть, подпол.

Г (после долгой паузы): Я так не думаю. Я опустила его обратно. Пол. Он был такой тяжёлый.

Э: Что-нибудь ещё заметили? Когда вы поднимали пол.

Г: Оттуда шёл противный запах. Вонь. (долгая пауза) Смерд.

Тем же вечером я спустился к пляжу, где на скамье сидел Элджин. Я сел рядом с ним.

– Расшифровал свои записи, Уильям? – Он щёлкал крышкой зажигалки, то открывая, то закрывая её.

– Займусь попозже. Что было в том флаконе?

– Ничего особенного. Флуразепам.⁸⁵ Даже не клиническая доза, сильно разбавленный.

– Ни один наркотик не мог вызвать то, что мы видели.

⁸⁴ Часовая компания, названная в честь её основателя.

⁸⁵ Препарат, обладающий снотворным и седативным действием.

– Нет. Но препарат сделал её внушаемой. Я сказал ей, что делать, и она подчинилась. Открыла доступ к реальности по ту сторону сна, если угодно. Если допустить, что реальность такова, какова она есть. Или нет.

– То, что произошло с её зубами...

– Да. – Безмятежность вернулась. – Поразительно, не находишь? И есть доказательства. «Полароиды» не врут, на тот случай, если ты думаешь, что у нас были галлюцинации.

– Эта мысль никогда не приходила мне в голову. Чем вы занимаетесь?

– *Теперь* ты спрашиваешь.

– Да, теперь я спрашиваю.

– Ты задумывался о существовании, Уильям? Задумывался ли по-настоящему? Мало кто так поступает.

– Задумывался и видел его конец.

– Ты говоришь о войне.

– Да.

– Но война – дело человека. В масштабах Вселенной, охватывающей все сущее, включая прошлое и будущее, человеческие войны значат не больше, чем те, что можно разглядеть в муравейнике при помощи увеличительного стекла. Земля – вот наш муравейник. Звёзды, что нам светят по ночам – лишь первый дюйм вечности. Когда-нибудь космические телескопы, запущенные до орбиты Луны, Марса и дальше, покажут нам галактики за галактиками, туманности, скрытые за туманностями, невообразимые чудеса, тянущиеся до края Вселенной, за которым может ждать другая Вселенная. И мы осознаем, куда уходит другой конец этого спектра.

Отложив в сторону свою «Зиппо», Элджин наклонился, набрал в ладонь песок с пляжа и пропустил сквозь пальцы.

– Десять тысяч крошечных песчинок в моей руке. Может, двадцать тысяч или даже пятьдесят. Каждая из них состоит из миллиардов, триллионов или гуглоплексов⁸⁶ атомов и протонов, вращающихся по своим орбитам. Что удерживает их вместе? Что является связующим звеном?

– У вас есть теория?

⁸⁶ Гуглоплекс – число, равное 10 в степени Гугол. Гугол в свою очередь – единица со ста нулями. Проще говоря: невообразимо огромное число.

– Нет, но теперь у меня есть возможность заглянуть. Вы видели это сегодня, как и я. Допустим, наши сны – барьер между нами и бесконечной матрицей существования? Это и есть связующая сила? Предположим, она обладает сознанием. Предположим, мы можем преодолеть барьер, не пытаясь прорваться насквозь, а приподняв и заглянув под него, как ребёнок, заглядывающий под полог циркового шатра, чтобы посмотреть идущее внутри представление.

– Барьеры обычно стоят не просто так, – заметил я.

Элджин рассмеялся, словно я сказал что-то смешное.

– Вы хотите узреть Бога?

– Я хочу узнать – что там. Я могу потерпеть неудачу, но виденное нами сегодня убеждает меня, что успех возможен. Пол во сне миссис Гибсон оказался слишком тяжёл для неё. Но у меня есть ещё одиннадцать испытуемых. Кто-то из них может быть сильнее.

Тогда мне следовало бы уйти.

В июле у нас было ещё два испытания. В одном участвовала женщина-плотник по имени Мелисса Грант. Ей приснился дом, но не удалось войти внутрь. По её словам, дверь закрылась перед ней. Другим из испытуемых был владелец книжного магазина из Нью-Глостера. Он говорил, что его магазин на грани разорения, но он не собирается сдаваться, а восемь сотен долларов хватит на оплату месячной аренды и на партию книг, которые вряд ли кто-то купит. Он проспал пару часов под музыку Дебюсси и сказал, что ему снился вовсе не дом, а отец, умерший двадцать лет назад. По его словам, во сне они ходили на рыбалку. Элджин вручил мужчине чек и проводил к выходу. В июле у нас была назначена ещё одна встреча, с человеком по имени Норман Билсон, но он так и не явился.

Первого августа в доме в конце Лейк-Роуд побывал человек по имени Хайрам Гаскилл. Он был строителем, потерявшим работу. Скинув ботинки, он сел на кушетку и сказал: «Приступим к делу», после чего без всяких вопросов выпил содержимое флакона. Хайрам смотрел на картинку, и поначалу я решил, что наркотик на него не дей-

ствует – он был крупным парнем, весом фунтов 270⁸⁷ – но в конце концов он отключился и начал похрапывать. Элджин застыл в своей обычной позе рядом со мной, склонившись вперёд, как стервятник, так что его нос почти касался запотевающего от дыхания стекла. Почти час ничего не происходило. Затем храп прекратился, и всё ещё спящий Гаскилл нащупал ручку, лежащую на открытом блокноте «Блю Хорс». Не открывая глаз, он что-то написал.

– Отметь это, – велел Элджин. Но я уже записал, только не системой Грегга, а обычным языком: *«В 15:17 Гаскилл писал примерно 15 сек. Уронил ручку. Снова заснул и захрапел».*

В 15:33 Гаскилл проснулся самостоятельно и свесил ноги с кушетки. Мы вошли к нему, и Элджин спросил, что ему снилось?

– Ничего. Простите, мистер Элджин. Я всё равно получу деньги?

– Да. Всё в порядке. Вы уверены, что ничего не помните?

– Нет. Но я хорошо поспал.

Я взглянул на запись в блокноте и спросил, служил ли Гаскилл в армии.

– Нет, сэр, не служил. Проходил медкомиссию, но мне сказали, что у меня повышенное кровяное давление. С тех пор принимаю таблетки.

Элджин тоже заглянул в блокнот. Когда Гаскилл уехал на своём стареньком пикапе, пустив по ветру синее облако выхлопных газов, Элджин постучал пальцем по единственной строчке, аккуратно написанной, хотя державший ручку человек не открывал глаз. На лице учёного отражалось волнение и триумф.

– Это не его почерк. Ничего общего.

Он положил бланк, заполненный Гаскиллом, рядом с блокнотом. Имя и адрес на бланке были написаны рукой человека, который не привык много писать и для него это не простое занятие. Хотя информации о испытуемых Элджина у нас было не больше, чем у самого Элджина научного оборудования для экспериментов, натужный почерк Гаскилла наводил на мысли о человеке, получившем минимально допустимое в штате Мэн образование, да и то через силу, не считая курсов покупателей. Надпись в блокноте была аккуратной и чёткой, хотя над словами не было диакритических знаков там, где полагалось, и

⁸⁷ 122 килограмма.

орфография хромала. Создавалось впечатление, что Гаскилл записывал то, что услышал. Под диктовку, как это делает любой стенографист. Возникает вопрос: кто диктовал?

– Вьетнамский? Он и есть, не так ли? Поэтому ты спросил, служил ли он в армии?

– Да.

Конечно, это был вьетнамский. *Mat trang da day cua ma guy.*

– Что это означает?

– Это значит: «Луна полна демонов».

Вечером, когда я спустился к воде, Элджин снова курил на скамье. Вода была серой, как шифер. На озере не было ни одной лодки. Небо затянули грозовые тучи. Я сел. Не глядя на меня, Элджин произнёс:

– То послание предназначалось тебе.

Конечно, кому же ещё.

– Он знал, что ты побывал во Вьетнаме. Более того, он знал, что ты знаешь вьетнамский язык.

– Да, что-то знал.

Молнии били в воду в миле от нас, поражая разрядом рыб, случайно оказавшихся у поверхности. Рыбы всплывали кверху брюхом и служили кормом для чаек. Того и гляди польёт дождь. Холмы на противоположном берегу озера Дарк-Скор скрыла серая пелена, скоро она доберётся и до нас.

– Возможно, пора остановиться. Нечто по ту сторону барьера говорит: «Не пытайся меня наебать».

Элджин покачал головой, не отрывая взгляда от надвигающейся пелены дождя.

– Вовсе нет. Мы на рубеже. Я чувствую. Я знаю. – Он повернулся ко мне. – Пожалуйста, не бросай меня, Уильям. Твои навыки сейчас нужны мне, как никогда. Если я опубликую свою работу, мне понадобятся твои замечания, а не только фотографии и расшифровки записей. Ты – свидетель.

Не просто свидетель. Гаскилл или то, что вселилось в Гаскилла, обращалось именно ко мне. Не к Элджину. Учёный-джентльмен вляпался во что-то опасное и знал об этом, но либо не хотел остановиться, либо не мог – разницы в итоге не было. Я мог остановиться, идти дальше было глупо, но имелся ещё один фактор. Я изменился. Во мне проснулось любопытство. Это радовало и ужасало в равной степени. Я испытывал чувства, а в моём мире их было кот наплакал. Представьте человека, которому оторвало ноги, а кожа его лица сползает, пока он орёт в агонии. Вы видите его выбитые зубы на рубашке, словно бусины варварского ожерелья, и понимаете, что всего несколько секунд назад стояли на том же месте, где он получил своё. И это ошеломляет вас, как ошеломляет кролика удар палкой. А убитый оседает на землю, заваливаясь набок; его глаза уставились вдаль. И когда чувства начинают возвращаться к вам, вы осознаёте, что ваша человечность не испарилась, как вам казалось.

– Я остаюсь.

– Спасибо, Уильям. – Элджин протянул руку и сжал моё плечо. – Спасибо.

Полил дождь, капли которого жалили, словно пчёлы. Элджин вернулся в большой дом, а я в маленький. Град стучал по стёклам. Завывал ветер. В эту ночь мне приснилась полая Луна, наполненная демонами, пожирающими друг друга. Пожирающими заживо, как червь Уроборос.⁸⁸ Я видел красный дом под полой Луной. И зелёную дверь.

Прежде чем наступил конец, мы поработали ещё с двумя. Женщина по имени Аннет Кросби, шестая по счёту, разбудила сама себя криком. Успокоившись, она рассказала, что ей приснился красный дом, она открыла зелёную дверь... и больше ничего не могла вспомнить, кроме темноты, ветра, дурного запаха и бесплотного голоса, произнёсшего что-то вроде *tantullah* или *tamtusha*. Это привело Аннет в

⁸⁸ Один из древнейших религиозных символов – змей, ящерица или в данном случае червь, свернувшийся кольцом и кусающий (пожирающий) свой хвост.

ужас. Она заявила, что не собирается больше видеть во сне этот красный дом даже за восемьсот долларов. Или за восемь тысяч. Но она взяла чек Элджина. Почему бы и нет? Она его заслужила.

Затем к нам прибыл Берт Деверо, преподаватель математики в Академии святого Доминика в Льюстоне. Он заполнил бланк, но, прежде чем его подписать, задал Элджину несколько вопросов – больше, чем другие – о «легком гипнотике», что ему предстояло принять. Элджин удовлетворил Деверо, ответив на все вопросы. Тот подписал бланк, улёгся на кушетке и осушил флакон прозрачной жидкости. Я занял своё место перед односторонним зеркалом, положив блокнот на колени. Элджин сел за стол и включил музыку. В помещении для испытаний мистер Деверо изучал изображение красного дома с зелёной дверью. Наконец, его глаза стали закрываться, а картинка в руке клониться. Всё шло, как при предыдущих экспериментах, пока не пошло прахом.

Я сидел в своём кресле, Элджин стоял рядом. Прошли десять минут. Деверо, не открывая глаз, потянулся к открытому на пустой странице блокноту и ручке, затем отдёргнул руку. Пальцы стали сжиматься и разжиматься. Другая рука поднялась, затряслась, быстро задвигалась. Я записал: *«15:29 Дев. поднял правую руку, сжал в кулак и ударил себя по щеке».*

– Он пытается себя разбудить, – сказал я.

Деверо содрогнулся всем телом, как человек в агонии. Ноги дрожали и сучили. Спина выгибалась дугой, так что туловище приподнялось над кушеткой, шлёпнулось обратно, вновь поднялось. Ноги выбивали чечётку, а изо рта слышалось: *мумп-мумп-мумп*, словно его губы слиплись, и он пытался разжать их и что-то сказать.

– Мы должны разбудить его.

– Постой.

– Господи Иисусе, Элджин!

– Постой.

Полыхнули вспышки «Полароидов». Заурчали их хитроумные внутренние моторчики. Снимки сыпались на пол по обе стороны перегородки, начиная проявляться. Веки Деверо стали оттопыриваться, пока глаза под ними не раздулись почти до размеров мячей для гольфа, словно от вливания гидростатической жидкости. Веки не открылись обычным образом, но разъехались в стороны. Глаза Деверо до начала эксперимента были серыми. Те глаза, что продолжали выпячивались из орбит на его лице сейчас, стали мертвенно-чёрными. Они росли на лице, как нарывы. Рука Элджина сжала моё плечо, но я этого почти не чувствовал. Никто из нас не спрашивал: «Что происходит?», не потому, что мы не могли в это поверить, а потому что могли. С тем же успехом мы могли наблюдать появляющийся из камина паровоз. Деверо закричал, его глазные яблоки лопнули, и из них взметнулись вверх тонкие усики, словно пушинки одуванчика, только чёрные. Сквозняка не было, но они склонились в сторону одностороннего зеркала, как будто почуяли нас.

– Боже мой, – выдавил Элджин.

«Полароиды» сделали по снимку. Чёрные нити отделились от породивших их чёрных сфер и поплыли к нам небольшим облаком, но, приближаясь, стали таять и исчезать.

– Они мне нужны! – вскричал Элджин. – Они мне *нужны!* Это доказательства! Доказательства!

Он бросился к двери. Я обхватил его и удержал. Он вырывался, но я был сильнее. Я не позволил Элджину войти на другую половину не потому, что заботился о нём и хотел спасти его от самого себя, а потому что не хотел, чтобы он открыл дверь и выпустил *их*.

Чёрные лопнувшие глазные яблоки стали втягиваться в глазницы на лице Деверо, как в видео, пущенном в обратную сторону. Он произнёс *мумп-мумп-мумп*. Промежность его брюк потемнела, когда опустошился мочевой пузырь. Лопнувшие глазные яблоки зажили сами собой; сперва образовался шов, а затем он исчез и глаза стали гладкими, только выпуклыми, как наросты, что можно увидеть на старых деревьях. Потом глаза втянулись, веки закрылись, а Деверо извернулся, словно под действием тока, и рухнул с кушетки на пол. Белая рубашка Элджина разорвалась и благодаря этому он выкрутился из

моей хватки. Он выскочил за дверь, обогнул перегородку и оказался на другой стороне. Упав на колени, Элджин обхватил Деверо за плечи.

– Помоги мне, Уильям! Помоги мне!

Даже будучи в шоке, я понимал, что если Деверо умрёт – это частично будет и на моей совести. Я не смогу сказать, мол, я был просто свидетелем, а не соучастником. Поэтому я обогнул перегородку, вошёл в комнату эксперимента и спросил Элджина:

– Он дышит?

Учёный склонился над Деверо и поморщился.

– Да, но его дыхание *смердит*.

Смердело не только дыхание Деверо. Его сфинктер расслабился. Я огляделся по сторонам. Не все чёрные нити исчезли. Частички того, что Деверо принёс из красного дома, когда поднял пол в гостиной и нечто прилетело к нему из тьмы, заразив после первого же непроизвольного вдоха, плавали в дальнем углу помещения, под одной из колонок. Если они двинутся в нашу сторону, я собирался удрать, бросив учёного-джентльмена на произвол судьбы. В конце концов, это же его эксперимент. Но даже в эти бесконечно тянущиеся мгновения, я не мог избавиться от мыслей о далёких звёздах, недоступных никаким телескопам и об атомах, кружащихся внутри каждой из ста тысяч песчинок. Я понимал, что это и мой эксперимент. Я не ушёл. Мог бы, но не ушёл. Я чувствовал, как ко мне возвращается покалывающее ощущение принадлежности к нормальному человеческому существу, что бы это ни значило, и если такое бывает. Как онемевшая после сна конечность, которая начинает отходить. Я на крючке, как говорили мы в джунглях. Или ПХЕД. Похуй, едем дальше.

– Нам надо вытащить его отсюда. – Я указал на чёрные усики. Они слегка пошевеливались, беспокойно. Похоже, они наблюдали за нами.

– Мне нужен образец.

– Вам нужно подумать, как вы будете смотреться в тюремной робе. Помогите мне.

Мы подняли Деверо; Элджин за лодыжки, я за туловище. Вытащили за дверь, пересекли коридор и положили на пол в гостиной. Из рта Деверо текла слюна. Я вернулся и закрыл двойные двери в бывшую столовую, отгородившись от этих чёрных тварей из другого места, из подпола. Хоть бы они не пробрались в щель под дверью вслед за

нами. Надеюсь, оставшиеся просто исчезнут. Если Элджин хочет с ними возиться – это его дело. С меня хватит.

Но сначала нужно разобраться с Деверо. Я попросил Элджина помочь мне усадить его, чтобы он не задохнулся. Мы приподняли верхнюю часть его тела, Элджин с одной стороны, я с другой; наши руки встретились и переплелись за спиной Деверо. Из уголков его глаз стекали чёрно-красные слёзы – кровь и что-то ещё. Я не хотел даже думать о том, чем может быть это «что-то ещё». Шлёпнув Деверо по щеке, я наклонился к его уху, тому, что с моей стороны, и велел ему очнуться, выныривать оттуда, где он был, со страхом ожидая увидеть его глаза, когда он, наконец, проснётся.

Деверо разлепил веки. Глаза были налиты кровью и серыми, как прежде, но в них не проглядывало сознание. Элджин пощелкал пальцами перед лицом Деверо, но ничего не изменилось. Я поводил пальцами перед его глазами, но и это не помогло. Деверо превратился в дышащую куклу в натуральную величину.

– О, Боже, он очнётся?

– Понятия не имею, очнётся ли. Вы же тут учёный.

Элджин поднял руку Деверо. Она так и болталась, пока он снова не опустил её.

– Дадим ему часок, – сказал Элджин.

Мы дали два. Большинство чёрных нитей к тому времени исчезли, но несколько остались, и Элджин, надев нитриловые перчатки и маску, извлечённую из ящика стола, собрал их в пластиковый пакет. Я пытался остановить его, но Элджин не слушал. Я думал, нити растают у него в руках, но этого не произошло. Одна из них обернулась вокруг его пальца в перчатке, пришлось соскрести о внутреннюю поверхность пакета.

– Вы совсем спятили – связываться с этими штуками, – сказал я, но Элджин ответил:

– Это доказательства.

Паршиво, что я оказался повязан с ним одной цепью. Учитель математики превратился в пускающего слюни болвана, не подающего никаких признаков возвращения, и мне ничего не оставалось, как смирится с этим. Не ради Элджина, ради себя. Хорошо хоть бывший учитель и нынешний идиот не был женат и не имел детей.

«Я на крючке, – подумал я. – Похуй. Едем дальше».

– Вы отдали ему чек?

– Что? Нет, я всегда держу чек при себе, пока эксперимент не завершится и испытуемые не собираются домой. Ты же знаешь.

– Сожгите чек. Он так и не пришёл. Как тот, другой. Билсон.

Ну и способ проснуться в мире.

Я вытащил ключи Деверо из кармана обоссанных штанов. Мы дотащили его до машины, мокрого и тяжёлого, как куль с бельём, и усадили на пассажирское сидение. Он склонился вперёд и упёрся лбом в приборную панель «Шевроле», словно возносил молитву Аллаху. Я велел Элджину оттолкнуть его обратно и пристегнул ремнём безопасности. Не во всех машинах есть такие, но в этой был. Трёхточечный ремень, проходящий через грудь, удерживал Деверо в более-менее вертикальном положении, хотя его голова опустилась и подбородок касался груди. Я подумал, что ничего страшного; любой, кто увидит человека в такой позе, подумает, что тот спит. Одна из чёрных нитей появилась из ноздри Деверо и потянулась ко мне, но Элджин всё ещё был в нитриловых перчатках. Он поймал нить в воздухе и сдул в сторону. Я задумался, что ещё может быть внутри у Деверо?

– Что ты собираешься с ним делать?

– Не знаю.

Я сел за руль «Шеви» и поехал обратно по Лейк-Роуд. В зеркале заднего вида я видел Элджина, стоящего на подъездной дорожке и провожающего меня взглядом.

Я ехал с открытыми окнами и включённым на всю катушку кондиционером. На руках у меня были нитриловые перчатки Элджина, я выпросил их, прежде чем сел в машину. Ещё два раза чёрные твари вылезали из носа Деверо, и один раз из его приоткрытого рта, но встречный поток воздуха уносил их в пассажирское окно. Я направлялся в сторону Льюстон-Оберна, но не собирался заезжать так далеко. Мне

был известен адрес Деверо, он был указан на бланке – Минот-Авеню – но я ни за какие коврижки не собирался везти его в города-близнецы, учитывая, что мне ещё предстоит пересаживать его на водительское сиденье. Для этого мне нужно было найти безлюдное место.

Я ехал по шоссе 119, ведущем в Уотерфорд, когда поравнялся с зоной отдыха «Волчий Коготь». В разгар дня там никого не было. Я припарковался под деревьями, обошёл машину, подойдя к пассажирской стороне, открыл дверь и отстегнул ремень безопасности. Деверо вновь наклонился вперёд, упёршись лбом в приборную панель. Я пожалел, что не попросил у учёного джентльмена одну из его масок, но что толку закрывать нос и рот? Чёрные усики лезли из глаз Деверо, с тем же успехом они могли попасть в мои. Оставалось только надеяться, что они исчезли. За последние десять миль я не видел ни одного, хотя они могли появиться и улететь через открытое окно, пока я следил за дорогой.

Я наклонил тело Деверо на себя, вытащил его из салона и поволок через капот. Один из его мокасинов слетел. Пустые, как у рептилии, глаза уставились на солнце. Я усадил Деверо за руль, но это оказалось нелегко и заняло время. Этого следовало ожидать. Деверо дышал, но был мёртв внутри, а я знал по Наму, что мертвецы тяжелеют. Так не должно быть, но есть. Гравитация жаждет мертвецов, хочет, чтобы они упокоились в земле. Таково моё мнение, но многие его разделяют.

Деверо снова стал крениться вперёд, я схватил его за волосы и потянул, прежде чем его лоб ударился о клаксон. Я пристегнул его ремнём; голова опустилась, пока подбородок не упёрся в грудь. Думаю, сойдёт. Надеюсь, никто не появится до того, как я уберусь отсюда к чёрту. Я вставил ключи в замок зажигания, закрыл дверь и пошёл прочь по шоссе 119. Пройдя около четверти мили, я вспомнил про упавший ботинок и вернулся. Кто-нибудь уже нашёл его, думал я. Кто-нибудь заглянул в открытое окно «Шеви» с наклейкой святого Дома на бампере и сказал: «Эй, мистер, проснитесь. Эй, мистер, вы в порядке? И, кстати, мистер, что за чёрные штуки лезут у вас из носа?»

Но никого там не было. Я поднял мокасин, открыл водительскую дверь и натянул ботинок Деверо на ногу. Потом я замёл следы, оставленные его каблуками у передней части машины, и снова отправился

восвояси. Примерно через пять миль, когда моя тень уже стала вытягиваться позади меня, я вышел к магазину при заправочной станции, с телефонной будкой на обочине. У меня хватало мелочи в карманах, так что я не стал заходить в магазин, где кто-нибудь мог меня увидеть и запомнить. Вероятно, всё обошлось бы, но к этому моменту я уже стал мыслить, как вор или убийца. Я позвонил Элджину, чтобы попросить забрать меня. Элджин не ответил, и я ощутил укол страха. У меня был план, возможно, позволяющий нам с учёным-джентльменом выйти сухими из воды, но планы имеют свойство меняться. Я все вспоминал, как Элджин бормотал: «Доказательства, доказательства». Подумал, что он свихнулся, а потом вспомнил, что знал это с самого начала, но решил – похуй, едем дальше.

Я направился в другую сторону вдоль шоссе, моя тень теперь всё больше вытягивалась передо мной, а не сзади. Появилась машина и я оттопырил большой палец. Она проехала мимо. Следующая тоже, но затем проехал пикап, который замедлил ход и остановился. У мужчины за рулём было красное обветренное лицо с седой щетиной.

– Тебе далеко ли?

– Касл-Рок. Там живёт мой папаша.

– Ну, забирайся. Ты служил? Вид у тебя такой и по возрасту подходишь для этой нынешней хренотени.

– Да, сэр, служил.

– Я тоже. Около десяти тысяч лет назад. *Semper fi*,⁸⁹ если ты не против, и *semper fi*, если против.

Он рывком переключил сцепление и пустился в рассказ о Корее. Спросил меня, как насчёт этих миролюбивых? Я ответил, что норм. Он сказал, что отправил бы их всех в Хейт-Хренберри⁹⁰, и я ответил, что и это норм. Он предложил мне банку пива из-под сиденья, и я взял. Когда он сказал: «Возьми ещё, солдат», я взял ещё. Через полчаса пикап остановился на Майн-Стрит в Роке.

– Мы ещё покажем этим сучьим гукам.

– Да, сэр.

– Береги себя, сынок.

– Так точно.

⁸⁹ *Semper fi* (*Semper fidelis*) – всегда верный (лат.) Девиз Корпуса морской пехоты США.

⁹⁰ Как Хейт-Эшберри (неблагополучный район Сан-Франциско), только Хренберри (*Fuckberry*).

И он уехал. Уже наступил вечер, на западе громоздились грозовые тучи. Я прошёл пешком шесть миль до Лейк-Роуд. К тому времени, как я туда добрался, дождь снова хлестал по воде озера. Сверкали молнии. Раздавались раскаты грома. В воздухе висел запах озона, словно что-то подгорело. Моя машина по-прежнему стояла рядом с «Мерседесом» Элджина. Я зашёл в дом. Свет не горел, в холле царил полумрак.

– Элджин?

Ответа я не получил. В гостиной пусто, книги разбросаны. «За стеной сна» лежала лицом вверх. На журнальном столике стояла стеклянная пепельница, рядом пачка «Винстона» и зажигалка «Зиппо» Элджина. Я взял зажигалку и положил в карман. Затем я направился в бывшую столовую. Хотел зайти в помещение с кушеткой, но, к счастью, передумал. Вместо этого прошёл в комнату со столом, сел в кресло и посмотрел сквозь одностороннее зеркало. На кушетке лежало то, что осталось от Элджина, учёного-джентльмена. Штатив с «Полароидом» был опрокинут. Осколки флакона блестели среди фотографий на полу. Его голова была в чём-то напоминающем чёрный мешок. На некоторых фотографиях, лежащих изображением вверх, было видно, как чернота постепенно окутывает лицо спящего Элджина. Картинка красного дома с зелёной дверью также валялась на полу, как и пластиковый пакет, в который Элджин сложил образцы. Теперь пакет был пуст. Чёрный «мешок» на голове образовывали эти нити. Он надувался и сдувался в такт дыханию Элджина, гоняя воздух через то, что осталось от его рта. Я вспомнил о том, как он рассказывал мне о бесконечных вселенных, окружающих нас со всех сторон. Я вспомнил лицо человека, сползающее по черепу. Вспомнил вертолёт, тонущий в море напалма, который он же и сбросил. Я вспоминал о том, как надевал ботинок на ногу Деверо. Я задумался о всех неизвестных и непознанных созданиях, что могут обитать под барьером сна. Я подумал, что да, планы имеют свойство меняться. Элджин уже не мог выпутаться, но я могу.

Некоторые из чёрных нитей заметили меня, поднялись из чёрного «мешка», проплыли через комнату и распластались на стекле. Их становилось всё больше. И ещё больше. Я смотрел, как они извиваются, пока они не образовали моё имя: УИЛЬЯМ ДЭВИС.

На кухне стояла газовая плита. Я включил все конфорки и задул голубые цветы горящего газа один за другим. Включил духовку и открыл её дверцу. Загорелся дежурный огонёк, но я затушил и его. Создавая эту газовую бомбу, я постоянно оглядывался через плечо в поисках чёрных усиков. Мной овладел *sự kinh hãi*. Страх. Я был в *rùng rợn*. В ужасе. Я закрыл окна. Я закрыл двери. Обойдя гостевой дом, я собрал все свои вещи в вещевой мешок и чемодан. И то и другое я положил в багажник машины. Затем я вернулся на крыльцо и стал ждать, щелкая крышкой зажигалки. Вспышка молнии осветила озеро, прогрехотал гром. Минут через десять начался дождь. Сначала просто капель, прелюдия к грозе. Я открыл дверь. Запах газа ударил в нос. Я щелкнул зажигалкой, высек пламя, бросил её за дверь и побежал к машине. Когда я уже решил, что ничего не получилось, кухня вдруг взорвалась. Пока я отъезжал от дома, дождь превратился в ливень. В зеркало заднего вида я наблюдал, как дом полыхает, словно свеча, под чёрным небом, прорезаемом молниями. На Лейк-Роуд стояли другие дома и коттеджи, но никто не выходил на улицу во время грозы, а если кто и смотрел в окно, то заметил лишь размытое пятно в форме автомобиля, да свет фар. Я выехал из Касл-Рока и направился в Харлоу. Дождь ослабел, затем перестал. Прежде чем солнце скрылось за горами Нью-Хэмпшира, в зеркале заднего вида я заметил радугу. Потом солнце зашло, и радуга погасла, как неоновая вывеска. На ночь я остановился в мотеле в Гейт-Фоллз, а на следующее утро поехал в Портленд, в общежитие, где я жил, когда работал в «Темп-О». На окне висела табличка о сдаче комнаты внаём. Я позвонил и ответила миссис Блейк.

– Снова ты.

– Да. Судя по табличке у вас сдаётся комната.

– Верно. Но это не твоя бывшая комната. Она на третьем этаже и без кондиционера.

– Она дешевле, чем на втором?

– Неа.

– Я согласен.

На следующий день я вернулся в «Темп-О» и снова получил работу. Я не собирался тратить слишком много времени у миссис Фробишер, но хотел иметь работу, когда придут копы. В комнате отдыха сидел Пирсон. И Диана. По телевизору шло какое-то ток-шоу. Диана криво улыбнулась мне и сказала:

– Что ж, снова ринемся, друзья, в пролом.⁹¹

Пирсон уткнулся в газету, прочитанные листы валялись вокруг его ботинок. Он бросил на меня взгляд и снова закрылся газетой.

– Значит, ты вернулась, – сказал я Диане.

– Как и ты. Не сложилось у Элджина?

– Какое-то время получалось, потом – нет. Он начал чудить, когда его эксперименты не удавались.

– И вот мы здесь. Все дороги ведут в «Темп-О».

Вошла миссис Фробишер.

– Кто хочет поработать в «Брюн и Кэткарт?» – Не дожидаясь ответа, она указала на новенькую незнакомую мне женщину. – Ты, Жанель. Живо.

Пирсон закончил читать местные новости в газете, и я поднял её. Внизу первой страницы была заметка с заголовком: «ЖИТЕЛЬ КАСЛРОКА ПОГИБ ПРИ ВЗРЫВЕ ГАЗА В ДОМЕ НА ОЗЕРЕ “ДАРК СКОР”». Далее говорилось, что дело расследуется как несчастный случай или возможное самоубийство. Упоминалось, что из-за сильного дождя огонь не распространился.

– Вот дерьмо, мой предыдущий босс мёртв, – сказал я и показал Диане газету.

– Не повезло ему, повезло тебе. – Она прочитала статью. – Он и правда был самоубийцей?

Мне пришлось поразмыслить над этим вопросом.

– Я не знаю.

⁹¹ Уильям Шекспир, «Генрих V». Перевод Е. Бируковой.

Следующий день я провёл в суде. Вернувшись в общежитие, я застал в вестибюле двух полицейских. Один был в форме, другой в штатском – детектив. Они представились и спросили, как долго я работал на Элджина? Я рассказал им то же самое, что Диане – мол, Элджин стал слетать с катушек, когда его эксперименты шли не по плану, и я ушёл. Да я жил в гостевом домике, но съехал, когда бросил работу. Нет, меня не было там во время взрыва дома. Меня спросили, не знаю ли я человека по имени Бертон Деверо? Я ответил, что мне знакомо это имя – оно было в списке испытуемых. Но его самого я никогда не видел. Детектив оставил мне визитку и попросил позвонить, если я что-то вспомню. Я сказал, что позвоню. Затем я спросил, верит ли детектив, что Элджин покончил с собой?

– Вас это удивляет, мистер Дэвис?

– Не особо.

– Он включил газовую плиту, а на том, что осталось от кухонного пола, мы нашли расплавленную зажигалку. Что вы сами-то об этом думаете?

Я думал, что достаточно проницательный детектив мог бы задать вопросом: почему остатки зажигалки найдены на кухне, если сам Элджин находился на кушетке для испытуемых в бывшей столовой? Но, видимо, этот детектив был не из проницательных.

Я проработал в «Темп-О» до сентября, потом уволился и переехал в Небраску. Не было причин выбрать именно Небраску, я ехал куда глаза глядят. Временно устроился на ферму, на один из тех огромных агрокомплексов, и бригадир предложил мне остаться даже после сезона сбора урожая. И вот я здесь. Шумит снежная буря. Шоссе I-80 перекрыто. Я сижу за столом и думаю о галактиках за галактиками. Через пару минут я закрою блокнот, выключу свет и лягу спать. Шум ветра убаюкивает. Иногда мне снятся джунгли и люди, кричащие в огне. Иногда в огне кричат женщины. Дети. *Nahn tu*, кричат они. *Nahn tu, nahn tu*. Это хорошие сны. Вам трудно в такое поверить, но это правда. В плохих снах я стою у зелёной двери красного дома. Если я попробую открыть дверь – она откроется. Я это знаю. Как знаю и то, что однажды

войду в дом и встану на колени у двери в гостиную. *Nahn tu*, закричу я, *nahn tu*, но когда придёт этот последний сон – пощады не будет. Не для меня.

Вспоминая Кормака Маккарти и Эванджелин Уолтон

ОТВЕТЧИК

1

Филу Паркеру посчастливилось – или не посчастливилось – трижды за свою жизнь встретить Ответчика. Первая встреча состоялась в 1937 году, когда Паркеру было 25, он собирался жениться, и был обладателем диплома юриста с ещё не высохшими чернилами. Кроме того, он оказался перед дилеммой, такой острой, что при одной мысли о ней слезились глаза.

Тем не менее, следовало поразмыслить и сделать тот или иной выбор. С этой целью, Паркер покинул свою бостонскую квартиру и приехал в маленький городок в Нью-Гэмпшире под названием Карри, где у его родителей был летний дом. Он планировал провести здесь выходные и прийти к какому-нибудь решению. Вечером в пятницу, запасшись упаковкой пива, Паркер сидел на террасе с видом на озеро. Он обдумал свою дилемму, поспал, проснулся в субботу утром с похмельем, но решение так и не пришло.

Субботний вечер Паркер провёл на той же террасе с видом на озеро, с литровой бутылкой имбирного пива «Олд Тайм». В воскресенье он встал без принятого решения, но и без похмелья – нет худа без добра, но этого недостаточно. Вечером ему предстояло вернуться в Бостон, где Салли Энн будет ожидать его решения.

После завтрака Паркер забрался в свой старый «Шевроле» и отправился покататься по дорогам Нью-Гэмпшира. Стоял чудный солнечный октябрьский день. Деревья окутаны осенним пламенем, и Фил несколько раз останавливался полюбоваться расстилающимся вокруг пейзажем. Как он считал, нет ничего прекрасней Новой Англии в конце осени.

Ближе к полудню, он стал корить себя за бессмысленную трату времени. Он не решил свою проблему, под завязку накачавшись пивом, не решил её, неспешно потягивая имбирный эль, и созерцание осенней листвы тоже вряд ли поможет. И всё же Паркер подозревал, что его любованье видами – нечто большее, чем просто общение с природой. То ли это часть решения, то ли попытка разума уклониться

от выбора, который – так или иначе – определит дальнейшую судьбу и Паркера и его невесты.

«Такова доля взросления», подумал Фил.

Да, но сама идея выбора вызывала у него отторжение. Он осознавал, что иначе нельзя, но это не значит, что ему должно нравиться. Не похоже ли это на выбор тюремной камеры, в которой предстоит провести срок? *Пожизненный* срок. Преувеличение и звучит глупо... но всё-таки не совсем.

Дилемма Паркера, как и большинство подобных загвоздок, была проста и незамысловата: в каком месте заняться юридической практикой? Каждый выбор вел к дальнейшим разветвлениям.

Отец Филадельфии являлся старшим партнёром в старой юридической фирме в Бостоне – «Уорвик, Лодж, Нестор, Паркер, Оллбертон и Фрай». Отец Салли Энн занимал такой же пост в той же фирме. Джон Паркер и Тед Оллбертон крепко дружили ещё со времен учёбы в колледже. Они женились с разницей меньше, чем в год, и были шаферами на свадьбах друг друга. Фил Паркер появился на свет в 1912, Салли Энн – в 1914. Они росли и играли вместе, сохраняя взаимную симпатию даже в тот сложный период ранней юности, когда мальчики и девочки зачастую публично выражают пренебрежение к противоположному полу, независимо от того, какие чувства испытывают в глубине души.

Их родители, вероятно, не слишком-то удивились, когда Фил и Салли Энн начали, как принято было говорить в те времена, водить компанию. Но никто из них и помыслить не мог, что чувства их детей выдержат испытание четырьмя годами разлуки, пока Салли Энн училась в Вассаре, а Фил – в Гарварде. Но так и случилось, к радости родителей и Филадельфии с Салли Энн (ну ещё бы). Любовь не стала проблемой. Во всяком случае, в прямом смысле, хотя, как обычно бывает, сыграла свою роль.

Проблема была в *Карри* – этом маленьком городке вблизи от границы Мэна и Нью-Гэмпшира, где у Паркеров и Оллбертонов имелись летние дома у озера, по соседству.

Фил обожал Карри почти так же сильно, как он любил Салли Энн, но теперь, похоже, ему придётся делать выбор между ними. Он хотел обосноваться и вести дела в Карри, хотя круглый год там проживали лишь две тысячи жителей. В центре города, где сходились шоссе 23 и

111, имелись ресторан, пара заправочных станций, хозяйственный магазин, супермаркет «A&P» и мэрия. Ни бара, ни кинотеатра. Ради этих развлечений приходилось ехать в Норт-Конвей, находящийся довольно далеко. В Карри работала начальная школа (в те времена их называли «грамматическими»), но не средняя. Подростки из Карри с угрюмым видом тряслись в автобусе до средней школы Паттен-Хай, что в десяти милях.

А ещё в городе не хватало юриста. Фил мог бы стать первым и единственным. Но Паркеры и Оллбертоны полагали, что он спятил, если даже задумывается о практике в Карри. Джон Паркер разозлился не на шутку, узнав, что его сын не собирается присоединиться к фирме, в которой его дед в стародавние времена был старшим партнёром. У него в голове не вмещалось, как молодой человек, окончивший юридический факультет Гарварда *с отличием*, даже допускает возможность открыть практику в глухом захолустье Нью-Гэмпшира (иногда, после пары бокалов – омерзительном захолустье).

– Твоими клиентами будут фермеры, что судятся из-за заборов, поломанных коровами, – заявил Джон Паркер. – Твои главные дела будут связаны с браконьерством или ерундовыми авариями на 23-м шоссе. Ты ведь не всерьёз.

Но выражение его лица говорило, что он понимает – его сын способен такое выкинуть.

Тед Оллбертон разозлился ещё сильнее своего старого друга. Он имел для этого особую причину, помимо тех, что Джон уже высказал своему сыну. Ведь Фил мог необдуманно разрушить своё будущее не в одиночку, он собирался взять в заложницы дочь Оллбертона.

Фил продолжал упорствовать, и Оллбертон провел черту, глубокую и непререкаемую:

– Я запрещаю вам вступать в брак.

– Сэр, – сказал Фил, стараясь, чтобы его голос звучал ровно и (как он надеялся) вежливо, – я люблю Салли Энн, а она говорит, что любит меня. И она совершеннолетняя.

– Ты хочешь сказать, что она может выйти замуж без моего согласия. – Крупный широкоплечий Тед был приверженцем подтяжек (он называл их помочами). Его голубые глаза, обычно добрые, в этот день

походили на кремни. – Это так, она может. И ты мне по душе, Фил. Всегда нравился. Но если ты поступишь по-своему, моего благословения этому браку не видать. А это, полагаю, очень расстроит Салли Энн. Честно говоря, я сомневаюсь, что она вообще согласится.

Глядя в эти кремневые глаза, Фил понял, что Тед Оллбертон по сути преуменьшает. Салли Энн *определённо* не согласится, у него не было в этом сомнений.

Сам Фил не был уверен, согласится Салли Энн или нет, особенно если отец откажется выделить ей приданое. Фил знал, что Салли понимает и разделяет его желания лучше, чем их старики, которые не хотели или не могли его понять. В какой-то мере, она хотела того же, что и он. Ведь она выросла в Карри, проводя тут всё лето, а иногда и снежное волшебное Рождество.

Она с охотой слушала заверения Фила, что Карри, да и всю южную часть Нью-Гэмпшира, ждёт подъём.

– Он уже постепенно начинается, – говорил Фил тем летом, когда ещё надеялся уговорить если не Оллбертонов, то хотя бы своих родителей. – Депрессия не закончится ещё лет семь... если только не разразится война. Мой отец уверен, что война грядёт, но я так не думаю. Рост начнётся и распространится из района Норт-Конвея. К 1950 построят больше дорог, а больше дорог означает больше туристов. Наплыв туристов хорош для бизнеса. Приезжие валом повалят из Массачусетса и Нью-Йорка, Салли, их будут тысячи. Десятки тысяч! Люди приедут купаться в чистых озёрах летом, любоваться листопадом осенью, кататься на лыжах зимой. Твой отец считает, что я буду прозябать и умру бедняком. А я думаю – он ошибается.

К сожалению, до 1950 было ещё далеко, даже до 1945. Шёл 1937, и Паркеру не удавалось переубедить родителей. Он не осмелился – пока – попросить Салли принять решение, которое могло привести к её разрыву с семьей. Всё это было ужасно несправедливо, но и ставить её в тупик перед *своей* дилеммой тоже казалось Филу несправедливым. Так что он сказал, что поедет в Карри на выходные и вернется с решением. Либо он сделает выбор в пользу фирмы на Коммонуэлс-Авеню, либо его удел – скромный офис в деревянном доме позади мэрии Карри и по соседству с заправочной станцией «Суноко». Принцесса или тигр. И пока он решил...

– Абсолютно ничего, – пробормотал Паркер себе под нос. – Боже ж ты мой!

Он направлялся по шоссе 111 обратно к озеру. Его желудок требовал перекусить, но делал это сдержанно и с уважением, будто тоже смущенный неспособностью сделать выбор.

Величайшим желанием Паркера было, чтобы его родители поняли – фирма просто *не подходит* ему, он будет там белой вороной. То, что фирма подходила его отцу и деду (не говоря уж о почтенном Теодоре Оллбертоне, эсквайре, и его отце) не делало её подходящей для Фила. Он всеми путями пытался донести до родителей, что престижная и доходная работа в двухэтажном каменном особняке на Коммонуэлс-Авеню не сделает его счастливым, скорее, наоборот. Повлияет ли его несчастье на личную жизнь? Более чем возможно.

– Чушь, – ответил ему отец. – Когда ты впряжешься, тебе понравится. Мне же понравилось – и тебе понравится. Новые интересные дела каждый день! Никаких мелких разборок из-за сломанных плугов и украденных фермерских телег!

Впряжешься. Ну и словечко! Оно преследовало Фила всю весну и лето. Словно речь о лошади. Впрягаешь её, заставляешь вкалывать, пока она не превратится в дряхлую клячу, после чего ей прямой путь на фабрику клея. По его мнению, метафора хотя и отдавала мелодрамой, была вполне правдоподобной.

Мама Фила, которая хотя бы чувствовала, что сын и правда несчастен, старалась быть добрее.

– Ты не можешь знать – подходит тебе фирма или нет, если не попробуешь. – Эти слова были для него самым разумным и привлекательным доводом в пользу фирмы. Потому что он знал сам себя.

Он очень старательно учился на юриста. Может, он не считался блестящим студентом, но нет ничего постыдного в том, чтобы быть просто хорошим. Вместе с тем, он не был бунтарём, как и Салли Энн. Будь иначе – они бы не расстраивались так от одной мысли поступить вопреки воле родителей; они же не подростки, чёрт возьми!

Если он согласится пойти в отцовскую фирму, подозревал Фил, ему придётся столкнуться с массой сложных задач, после чего, как он подозревал ещё сильнее, он *впряжётся*. Его идея стать главным юри-

стом в сонном маленьком городке, который когда-нибудь станет процветающим, а то и превратится в настоящий город, будет увядать. Сперва медленно, затем, с появлением седины на висках, всё быстрее. Спустя пять лет, это будет скорее грёза, чем желание. Появятся дети и дом – заложники судьбы, требующие забот; с каждым годом, проклятье, с каждым месяцем, неделей, каждым чёртовым днём будет всё труднее повернуть назад.

Пожизненный срок.

Паркер представил, как признается Салли Энн, что выбрал Карри. Его родители наверняка помогут им поначалу (*возможно*), даже если Оллбертоны не станут. У него накопились кое-какие сбережения, у Салли тоже (*немного*). Будет трудно, но не невозможно (*наверное*). Скорее всего, Тед Оллбертон ошибался в том, что его дочь откажется выходить замуж без отцовского благословения; Фил надеялся, что в этом отношении он знает Салли лучше, чем её отец. Но что это будет за брак без благословения? Будет ли справедливо для них обоих, если всё начнется с неприязни вместо поддержки?

Мысли метались из стороны в сторону – глухомань или город, принцесса или тигр, когда Паркер перевалил через один из протяжённых холмов на шоссе 111. Ему бросился в глаза ярко-жёлтый знак с надписью от руки. «2 МИЛИ ДО ОТВЕТЧИКА» говорилось в ней. Фил улыбнулся, затем расхохотался в голос. «*Вот бы такой человек и правда существовал*», подумал он. «*Я мог бы получить от него пару ответов*».

Он поехал дальше и вскоре миновал ещё один знак. Этот был ярко-синим. «ОТВЕТЧИК ЧЕРЕЗ 1 МИЛЮ».

Преодолев очередной долгий подъем, Фил увидел в низине на обочине красное пятно. Вблизи стало ясно, что это большой пляжный зонт со свисающими по краям фестонами. Под ним стоял стол. За столом, в тени зонта, сидел человек. Филу эта сцена напомнила киоски с лимонадом, которые часто можно увидеть летом возле дорог. Но теми управляли жизнерадостные детишки, часто забывающие добавить сахар в свой кислый до оскомины напиток, и сейчас была уже середина осени, а не лето.

Ещё более заинтригованный, чем прежде, Фил остановился и покинул свой драндулет.

– Привет!

– И вам привет! – довольно сдержанно отозвался Ответчик.

Он выглядел лет на 50. Редущие волосы с сединой. Лицо покрывали морщины, но яркие глаза, не нуждающиеся в очках, смотрели с интересом. Одет Ответчик был в белую рубашку и простые серые брюки, на ногах черные ботинки. Руки с длинными пальцами он аккуратно сложил на столешнице. Возле ноги стояла сумка, напоминающая докторский саквояж. Он выглядел интеллигентным человеком, и Фил не заметил в нём никакой эксцентричности. Он больше напоминал Филу любого из дюжины юристов среднего звена в отцовской фирме: солидные уважаемые мужчины, которым не хватало лишь последней капли способностей, чтобы продвинуться до положения партнёра. Именно это ощущение уютной корпоративной нормальности делало столь любопытным появление здесь, в этом ничем не примечательном месте, человека под ярко-красным зонтом.

По другую сторону стола стоял складной деревянный стул. По-видимому, ожидающий посетителя. На столе стояли в ряд три маленькие таблички, обращённые к потенциальным клиентам.

«ОТВЕТЧИК», гласила табличка в центре.

«25 ДОЛЛАРОВ ЗА 5 МИНУТ», говорилось на табличке слева.

«ВАШИ ПЕРВЫЕ ДВА ОТВЕТА – БЕСПЛАТНО», обещала надпись на табличке справа.

– Это ещё что такое? – удивился Фил.

Ответчик взглянул на него с иронией, но без неприязни.

– Вы выглядите смышлёным юношей, – сказал он. – В колледже учились, судя по вымпелу на антенне вашего автомобиля. Гарвард, не иначе! Десять тысяч гарвардцев сегодня требуют победы!

– Верно, – улыбнулся Фил. – Ведь они знают, что честный Гарвард властвует над Йелем.⁹²

Ответчик улыбнулся в ответ.

– Молодые люди, вроде вас – и девушки, они тоже – так привыкли задавать вопросы, что даже не задумываются над тем, что спрашивают. И поскольку этим утром дела у меня идут туго, я буду столь любезен, что не стану отвечать на ваш первый вопрос. А значит, для вас

⁹² Строки из песни-кричалки Гарвардского университета, традиционно исполняемой перед футбольным матчем Гарвард – Йель.

по-прежнему есть два бесплатных ответа, если вы захотите их получить.

Фил подумал, что даже если этот парень слетел с катушек, его слова вполне логичны. Он *задал* вопрос, ответ на который очевиден. За двадцать пять долларов этот человек готов в течение пяти минут отвечать на вопросы – вот что тут такое. И не поспоришь.

– Что ж... А не кажется ли вам, что двадцать пять «зелёных» за пять минут ответов – малость дороговато? Неудивительно, что ваш бизнес буксует.

– А что значит «дороговато»? Нет, не торопитесь с ответом, Ответчик тут я. Мои расценки зависят от места и потенциальных клиентов. Были случаи, я брал сотню долларов за пять минут, а в одном известном деле я заломил тысячу. Тысячу железных человечков! Да! Но, бывало, я брал всего десять центов. Можно сказать, я торгую по рыночным ценам. Ответы не всегда причиняют боль, юноша, но правильные ответы никогда не стоят дешево.

Фил открыл рот, собираясь спросить: *«Вы что, серьёзно?»*, но тут же передумал. Он представил, как Ответчик говорит: *«Конечно, серьёзно. И это был ваш второй бесплатный вопрос»*.

– Как мне узнать, что ответы, полученные от вас, будут правдивыми и верными?

– Сейчас – никак, но со временем вы поймёте, – сказал Ответчик. – И это...

– ...был мой второй бесплатный вопрос, – закончил Фил. Он наслаждался игрой, улыбаясь во весь рот. – «Со временем» – о каком времени вы говорите? – Фил прикусил язык, но было уже поздно, вопрос задан.

– Сегодня, как вы выразились, бизнес буксует, поэтому я подарю вам ещё один, третий вопрос, – сказал человек за столом. – Ответ: как повезёт. Поможет ли это понять вам суть моей профессии – если такова была цель вопроса? Отнюдь. Видите, что я имел в виду, говоря о том, как легко задаются вопросы, не способствующие пониманию? Это обесценивает сам процесс задавания вопросов, согласны? Процесс *вникания в суть дела*.

Ответчик откинулся на спинку стула, сцепив пальцы позади шеи и разглядывая Фила.

– Я так давно в этом бизнесе, что меня, казалось бы, не должно удивлять, какие бесполезные вопросы задают умные люди. Но я всё равно удивляюсь. Такие *несерьёзные*. Такие *ленивые*. Я часто спрашиваю себя: понимают ли эти умные люди, какие ответы они ищут? Возможно, они просто безмятежно парят на волшебном ковре эго, строя предположения, часто оказывающиеся ошибочными. Это единственная причина, которая приходит мне в голову, чтобы оправдать их бесплодные вопросы.

– Бесплодные! Правда!

Ответчик продолжал, будто не слыша:

– Вас интересовало, как вам узнать – правильны ли мои ответы. Вы сказали, «правдивые и верные», как мило с вашей стороны. Поэтому я и подарил вам один ответ. Будь сейчас суета в канун Рождества, я бы ещё две минуты назад увидел, как вы садитесь в автомобиль и отправляетесь дальше.

Порывы ветра трепали фестоны по краям красного зонта и ерошили седеющие волосы Ответчика. На его лице, пока он смотрел на дорогу, застыло выражение глубокой меланхолии.

– Осенью дела идут неважно, а октябрь – самый застойный месяц. Сдаётся мне, осенью многие люди сами находят ответы на свои вопросы.

Он продолжал смотреть на черную ленту шоссе, вьющуюся среди пылающих от осенней листвы деревьев. Затем взгляд человека прояснился, и он вновь обратил его на Фила.

– Почему бы вам не спросить меня о чём-то конкретном?

Это предложение застигло Фила врасплох.

– Не понимаю, что вы имеете в виду.

– То, что вы и правда хотите знать – не обманщик ли я, – сказал Ответчик. – И если вы спросите меня про девичью фамилию вашей матери, или как звали вашу учительницу в пятом классе, в общем, что-то такое, чего я никак не могу знать, если только я не тот, за кого себя выдаю, то вы получите ответ. – Ответчик качнул головой. – Люди, не обладающие вашими умственными способностями, обычно задают такие вопросы. Люди *поумнее* – например, выпускники Гарварда – так не поступают. Возвращаясь к сказанному мной раньше: смыслённые люди оказываются в двойном затруднении – они не знают ответов, что

им нужны, и не знают вопросов, которые следует задавать. Образование не прививает умственную дисциплину. Казалось бы – должно, но чаще бывает наоборот.

– Ну ладно, – произнес Фил язвительно. – Какая девичья фамилия у моей матери?

– Извините, – сказал Ответчик и постучал по табличке с надписью «25 ДОЛЛАРОВ ЗА 5 МИНУТ». – За этот ответ придётся заплатить.

– Вы водите меня за нос! – воскликнул Фил, больше в шутку. Но ему не было смешно, он чувствовал нарастающее раздражение. А может и то и другое.

– И в мыслях не было, – спокойно сказал Ответчик. – Вы сами себя водите за нос.

Фил хотел было вступить в спор, но передумал. Он понял, куда клонит собеседник. Похоже, это некий интеллектуальный вариант уличного развода с угадыванием карт.

– Интересно, сэр, но двадцать пять долларов – немалые деньги для парня, только-только закончившего колледж и подумывающего открыть своё дело. Так что я, пожалуй, поеду своей дорогой. Было приятно с вами пообщаться.

Направляясь к машине, Фил подумал – нет, он был уверен – что человек под красным зонтом остановит его, сказав: *«Дела идут так себе, поэтому я могу уделить вам пять минут за двадцать долларов. А, к чёрту, пусть будет пятнадцать. Пятнадцать «зелёных» и по рукам»*. И, услышав это, Фил вернётся, сядет и заплатит, как миленький. Этот человек, вероятно, шарлатан и бессовестный торгаш, но будь что будет. В кошельке у Фила завалялись двадцатка, десятка и две бумажки по пять долларов. Даже если выкинуть часть денег на ветер, оставшихся хватит на приличный обед в придорожном ресторане и на полный бак бензина для его развалюхи. Фил счёл, что озвученные вслух вопросы – вместо крутящихся в голове – могут помочь решить его проблему.

«В одном самозванный Ответчик точно прав», подумал Фил. *«Если хочешь получить верные ответы, надо задавать правильные вопросы»*.

Но всё, что он услышал от Ответчика:

– Будьте повнимательней на дороге.

Фил вернулся к автомобилю, обошёл слегка помятое переднее крыло и оглянулся. Он всё ещё надеялся на скидку, но Ответчик, казалось, перестал замечать Фила. Он смотрел в сторону Вермонта, напевал что-то себе под нос и чистил ногти щепочкой.

«Он и правда не собирается меня задерживать, – подумал Фил, ощутив новый приступ раздражения, – Ну и чёрт с ним, я уезжаю!»

Он открыл водительскую дверь «Шеви», помедлил, снова закрыл. Вынул бумажник, достал оттуда двадцатку и одну из пятёрок.

«Просто произнесу вслух свои вопросы, – думал он. – И я не собираюсь трепаться всем подряд, что я опустился до того, что пользуюсь услугами предсказателей во время Депрессии».

Кроме того, не жалко отдать двадцать пять долларов, чтобы посмотреть, как этот самодовольный сукин сын будет оправдываться, когда Фил таки *спросит* у него девичью фамилию своей матери.

– Передумали? – Ответчик засунул щепку, которой чистил ногти, в карман рубашки и потянулся к своему саквоюжу.

Фил улыбнулся, протягивая деньги.

– Следующие пять минут тут я буду задавать вопросы.

Ответчик рассмеялся, тыча пальцем в Фила.

– Прекрасно, друг мой. Вы мне *нравятся*. Но прежде чем взять ваши деньги, мы должны обговорить одно правило.

«Ну, вот и началось», подумал Фил. *«Нора, через которую он собирается улизнуть».*

Ответчик достал из сумки предмет, похожий на старомодный будильник «Биг-Бен». Когда будильник очутился на столе, Фил увидел, что на самом деле это огромный секундомер, с делениями от 5 до 0.

– Я не психиатр и не консультант. И, тем более, не предсказатель судьбы, хотя, уверен, таковым вы меня считаете. Правило такое: не пытайтесь задавать мне вопросы, содержащие *«должен ли я..?»* Никаких *«должен ли я то»* или *«должен ли я это»*. Я отвечаю на вопросы, но не собираюсь решать ваши проблемы.

Фил, у которого уже вертелся на языке вопрос, должен ли он устроиться на работу в отцовскую фирму или открыть собственный офис в Карри, отдёргнул руку, протягивающую деньги. Затем, ему пришла в голову мысль: *«Если я не могу построить свои вопросы так,*

чтобы обойти запрет на “должен ли я...?”, то что же я буду за адвокат в зале суда?»

– Я в деле, – заявил Фил, протягивая купюры, которые отправились в сумку Ответчика.

– Мне бы не хотелось называть вас «сынок». Может, представитесь?

– Фил.

– Фил...?

Фил ухмыльнулся.

– Просто Фил. Имени вполне достаточно, учитывая, что наше знакомство не продлится долго.

– Хорошо, Просто Фил. Дайте мне пару секунд, завести эту штуковину. Вижу, вы носите собственные часы; похоже, весьма качественные «Булова». Можете сверить их с моими, если желаете.

– О, я так и сделаю, – согласился Фил. – Я собираюсь потратить свои деньги с шиком.

– Так и будет. – Ответчик завел свой огромный секундомер, издающий клацающие звуки, напомнившие Филу часы, что стояли у него рядом с кроватью в студенческие годы. – Вы готовы?

– Да. – Фил присел на стул для клиентов. – Но, если вы не справитесь с моим первым вопросом, я тут же потребую вернуть деньги. Либо отдадите мне их добровольно, либо я заберу их силой.

– Звучит довольно круто! – признал Ответчик, но, вместе с тем, рассмеялся. – Спрошу ещё раз – вы готовы?

– Да.

– Итак, мы начинаем. – Ответчик щелкнул рычажком на задней крышке своих часов, и те начали тикать.

– Как *вы сами* предлагали: какова девичья фамилия моей матери? Ответчик ни на секунду не смутился.

– Споран.

У Фила отвисла челюсть.

– Как, *чёрт вас дер*, вы это узнали?

– Не хочу тратить уже оплаченное вами время, Фил, но, должен заметить, что ответ на этот вопрос вам уже известен. Я знаю, потому что я – та-дам – Ответчик.

Филу показалось, словно он пропустил удар правой в челюсть. Он даже потряс головой, стараясь прийти в себя. Огромный секундомер Ответчика тикал под стать своим размерам. Стрелка приблизилась к цифре 4.

– Как зовут мою девушку?

– Салли Энн Оллбертон. – Никаких колебаний.

Фил начал побаиваться. Он убеждал себя, что для страха нет причин, стоит прекрасный октябрьский день, он моложе и, без сомнения, сильнее человека по другую сторону стола. Должно быть, всё это какой-то фокус, иначе и быть не может. Но жуткое ощущение не уходило.

– Времус летитус,⁹³ Фил.

Фил снова потряс головой.

– Ладно. Я пытаюсь решить, должен ли я...?

Ответчик погрозил ему пальцем.

– Разве я не говорил вам про эти слова?

Фил отчаянно пытался собрать мысли в кучку.

«Это некая пародия на суд», думал он. «Представь, что ты в зале суда. Он – судья. Твоя цепь вопросов пресеклась возражением. Как его обойти?»

– Можете ли вы ответить на вопросы о грядущих событиях?

Ответчик поднял глаза к небу.

– Мы уже выяснили это, не так ли? Я сказал, что *со временем* вы узнаете, были ли мои ответы правдивыми и верными. Такая формулировка предполагает знание будущего. Для меня нет ни будущего, ни прошлого. Всё происходит в настоящем.

«Что за хрень, годная для старушечьих гаданий», подумал Фил. Чёрная стрелка на огромном секундомере тем временем приближалась к 3.

– Если я сделаю предложение Салли Энн – согласится ли она выйти за меня?

– Да.

– Будем ли мы жить в Карри? В городке, куда ведет эта дорога.

– Да.

⁹³ В оригинале персонаж коверкает на английский лад латинскую поговорку: Tempus is fugiting вместо Tempus fugit. Чуть позже он произносит поговорку правильнее, поэтому там она оставлена на латыни.

Чёрная стрелка достигла цифры 3 и миновала её.

– Будем ли мы счастливы?

– Это сложный вопрос, но ответ на него должен быть вам известен даже в столь юном возрасте. Будут взлёты и падения. Будут соглашения и разногласия. Но в какой-то мере, да – вы будете счастливы.

«Он каким-то образом узнал девичью фамилию моей матери», подумал Фил, «и имя Салли. Всё остальное – просто домыслы карнавального предсказателя. Но в чём смысл? Всё ради жалких двадцати пяти долларов?»

– Tempus по-прежнему fugit, – прервал раздумья Фила Ответчик.

Тиканье громадного секундомера, казалось, становится громче. Стрелка перевалила за цифру 3 и приближалась к 2. У Фила не было никаких разумных причин радоваться тому, что он услышал от Ответчика, поскольку это было именно то, что он *хотел* услышать, ведь так? И разве не он сам принял решение поселиться в Карри? Что, если вся эта история с перепутьем перед дилеммой была надуманной? А Салли? Разве Фил не знал, что она согласится выйти за него замуж, даже если условием будет переезд в захолустье Нью-Гэмпшира? Может, не был уверен на все сто, но на девяносто-то процентов точно.

Внезапно, Фил сменил направление.

– Скажите мне, где родился мой отец. Если сможете.

И опять Ответчик не колебался.

– Он родился в море, на корабле под названием «Мэрибелль».

Фил снова почувствовал себя так, словно получил удар по челюсти. Речь шла о старом семейном предании, его ценили и часто пересказывали. Дедушка с бабушкой возвращались в Америку из поездки в Лондон, где родились и провели юность их родители. Бабушка настояла на путешествии, хотя в тот момент была уже на восьмом месяце. Разразилась буря. Бабушка так страдала от морской болезни, что у неё начались схватки. На борту оказался врач и он принял роды. Никто не верил, что новорожденный Джон выживет, но его как следует укутали, кормили из пипетки – и он выжил. Благодаря этому, позже на свет появился и Филип Йегер Паркер, выпускник гарвардского юридического факультета.

Фила снова потянуло спросить человека по другую сторону стола – его руки аккуратно лежали на столешнице – как он узнал все эти

вещи, но он сдержался. Вновь последует ответ: *«Потому что я Ответчик»*.

Вопросы теснились у Паркера в голове, словно паникующие люди, пытающиеся выбраться из горящего дома. Стрелка секундомера прошла цифру 2. Тиканье становилось всё громче.

Ответчик ждал, сложив перед собой руки.

– Станет ли Карри процветающим городом, как я ожидаю? – выпалил Фил.

– Да.

«Что ещё? Что же ещё?»

– Отец Салли... и ее мать, надеюсь... они примирятся с нами?

– Да. В своё время.

– Сколько ждать?

Ответчик, казалось, что-то быстренько подсчитал, пока стрелка его часов приближалась к цифре 1. Он сказал:

– Семь лет.

У Фила упало сердце. Семь лет – это ж целая жизнь. Он мог убеждать себя, что Ответчик назвал число наугад, но больше не верил в это.

– Ваше время подходит к концу, Просто Фил.

Он и сам это понимал, но в голову не приходило ничего, кроме *«Как долго я проживу?»*, а такой вопрос неизбежно тянул за собой *«Как долго проживёт Салли Энн?»*. Хотел ли Фил это знать? Нет, он не хотел.

Но, вместе с тем, ему не хотелось терять оставшиеся сорок или пятьдесят секунд, поэтому Фил задал первый пришедший в голову вопрос:

– Мой отец уверен, что приближается война. А я считаю, что это не так. Кто из нас прав?

– Он.

– Америка будет участвовать?

– Да.

– Через какое время мы втянемся?

– Через четыре года и два месяца.

Оставалось около двадцати секунд, может, чуть больше.

– А я попаду на войну?

– Да.

– Меня ранят?

– Нет.

Неправильный вопрос. Он оставлял лазейку.

– Меня убьют?

Огромный секундомер добрался до нуля и сработал с громким звуком *БРРРРАНГ*. Ответчик заставил его замолчать.

– Вы задали последний вопрос до сигнала, так что отвечу. Нет, Просто Фил, вас не убьют.

Фил откинулся на спинку стула и облегчённо вздохнул.

– Не знаю, как вы это проделываете, сэр, но было впечатляюще. Хотелось бы верить, что это розыгрыш, но вы ведь знали, что я появлюсь здесь и раскопали что-то обо мне, так что определенно заслуживаете свои двадцать пять «зелёных».

Ответчик лишь улыбнулся.

– Но я не знал куда именно направляюсь и по какой дороге... Как же вы узнали?

Нет ответа. Конечно, нет. Пять минут истекли.

– Знаете что? У меня странное чувство... Всё расплывается...

Филу казалось, что земля уходит из-под ног. Ответчик продолжал сидеть за своим столом, но словно отъезжал вдаль. Как на рельсах. Перед глазами Фила возникла серая пелена. Он поднёс руки к глазам, чтобы протереть их, и серость сгустилась в черноту.

Фил пришёл в себя, сидя за рулём своего «Шевроле» на обочине шоссе 111. На часах было 13:20.

«Я вырубился. Впервые за всю жизнь, но не просто так говорят, что всё когда-то случается впервые».

Да, вырубился. Слава богу, успел остановиться и выключить двигатель. Наверное, голодный обморок. В пятницу вечером Фил выпил шесть бутылок пива и, как он полагал, в пиве содержатся калории, и оно придаёт хоть какую-то сытость. Но ни вчера, ни сегодня он почти ничего не ел, вот и результат. Но разве когда теряешь сознание – в отличие от сна – видишь сны? А ведь он видел что-то сногшибательное. Фил помнил каждую мелочь: красный зонт с фестонами, громадный

секундомер (или, может, эта штука называется таймер), сидящие волосы Ответчика. Он помнил каждый вопрос и ответ.

Это был вовсе не сон.

– Нет, – произнёс Фил вслух. – Нет, это был сон. Должен быть. Во сне он знал девичью фамилию моей матери и место рождения отца, потому что я сам это знаю.

Он вылез из машины и не спеша подошёл к тому месту, где встретился с Ответчиком. Стола не было, как и стульев, но на мягкой земле остались отпечатки их ножек. Серая пелена начала возвращаться, и Фил дал себе пощёчину, сперва по одной щеке, затем по другой. После этого принялся топтать землю, пока следы не исчезли.

– Ничего не было, – сказал он пустому шоссе и пламенеющим деревьям. И повторил снова, – *Ничего не было.*

Паркер снова сел за руль, включил двигатель и выехал на шоссе. Он решил, что не стоит рассказывать Салли Энн о случившемся; она начнёт переживать и будет настаивать на визите к врачу. Всё из-за голода, и точка. Голод и самый красочный сон, что ему доводилось видеть. Пара гамбургеров, стакан колы и кусок яблочного пирога приведут его в норму. Не дальше чем в пяти милях, в Оссипи, наверняка есть какая-нибудь закусочная.

У этого странного дорожного казуса имелась и хорошая сторона. На самом деле, даже две. Фил скажет Салли, что решил открыть офис в маленьком городке Карри. Согласна ли она выйти за него замуж?

А родители пусть идут к чёрту!

Фил Паркер и Салли Энн Оллбертон поженились 29 апреля 1938 года в бостонской Старой Южной церкви. Тед Оллбертон привёл свою дочь к алтарю. Поначалу он упирался, но уступил дипломатичным уговорам его жены и нежным просьбам дочери. Как только мистер Оллбертон обрёл способность спокойно воспринимать предстоящую свадьбу Салли, он увидел ещё одну причину прогуляться до алтаря – бизнес. Джон Паркер считался старшим партнёром. И хотя Тед искренне не одобрял решения Фила отказаться от блестящей карьеры ради про-

винциального фермерского общества, нужно было думать о благополучии фирмы. В предстоящие годы между партнёрами не должно быть никаких разногласий. И вот, он выполнил свой долг, пусть и с застывшим на лице хмурым выражением. Наблюдая за церемонией, Тед припомнил две старые поговорки. В одной говорилось: «Молодые ноги не разбирают дороги». Другая гласила: «Жениться – не напасть, как бы после не пропасть».⁹⁴

Молодые решили обойтись без медового месяца. Родители Фила неохотно открыли для него счёт на тридцать тысяч долларов, и он всеми силами стремился не тратить деньги впустую. Спустя неделю после свадьбы, Фил открыл маленький офис по соседству с заправкой «Суноко». Табличка на двери, нарисованная его молодой женой, оповещала: «ФИЛИП Й. ПАРКЕР. АДВОКАТСКОЕ БЮРО». На его письменном столе стоял телефон и лежал новенький ежедневник. Его страницы недолго оставались пустыми. В день открытия офис посетил фермер по имени Реджис Туми. Его внешность полностью соответствовала предсказаниям отца Фила: рабочий комбинезон, соломенная шляпа. Туми спросил, не снять ли ему грязные ботинки, но Фил сказал, что в этом нет нужды.

– Полагаю, вы с честью прошли через эту грязь. Присаживайтесь и расскажите, что вас сюда привело.

Туми сел. Свою соломенную шляпу он снял и держал на коленях.

– Сколько вы берёте? – прозвучало, как у янки: «беёте».

– Пятьдесят процентов от суммы иска, если удастся его выиграть. Если не удастся – двадцать пять долларов. – Фил всё ещё помнил маленькую табличку на столе Ответчика, и надеялся, что у него тоже найдутся ответы для самых разных людей. Включая того, что сидел перед ним.

– Кажись, всё по-честному, – сказал Туми. – Тут такое дело. Банк хочет лишить меня права собственности и продать мою ферму (мою

⁹⁴ Подобраны русские поговорки, подходящие по смыслу. В буквальном переводе поговорки из рассказа звучали бы, конечно, иначе.

феему) на аукционе. Но у меня есть бумага... – Он вытащил её из кармана комбинезона и положил на стол, – ...и тут написано, что у меня есть девяносто дней отсрочки. А в банке говорят, что это ничего не значит, раз я не внёс последний платёж.

– А вы...?

– Выплатил всё, кроме десяти долларов. Жене, вишь ли, приспичило пройтись по магазинам, и мы оказались на мели.

Фил не поверил своим ушам.

– Хотите сказать, банк собирается отнять у вас ферму из-за нехватки десяти долларов?

– Так сказал банкир. Говорит, они выставят ферму на аукцион, но, сдаётся мне, у них уже есть на примете покупатель.

– Это мы ещё посмотрим, – заявил Фил.

– Прямо сейчас у меня нет двадцати пяти долларов, адвокат Паркер.

Из другой комнаты, держа в руках кофейник, вышла Салли Энн, одетая в тёмно-синее платье с передником чуть более светлого оттенка. Её лицо, не нуждающееся в косметике, сияло. Светлые волосы зачёсаны назад. Туми остолбенел.

– Мы возьмёмся за ваше дело, мистер Туми, – сказала Салли. – И поскольку это первое наше дело – никакой оплаты, независимо от результата. Согласен, Филип?

– Целиком и полностью, – ответил Фил, хоть он и положил глаз на эти двадцать пять долларов. – Как зовут того банкира?

– Мистер Лэтроп, – сказал Туми, скорчив рожу, словно откусил кусок лимона. – Первый банк. Он там главный по кредитам и закладным.

Фил не стал откладывать визит в Первый банк Нью-Гэмпшира и, явившись туда, поинтересовался у мистера Лэтропа, как воспримет его начальство статью в «Юнион Лидер» о безжалостном банке, отбирающем в разгар Депрессии имущество у фермера из-за каких-то паршивых десяти долларов?

После дискуссии, страсти в ходе которой накалились, мистер Лэтроп всё-таки прозрел.

– Я всё же испытываю искушение затаскать вас по судам, – любезно сказал Фил. – Недобросовестное ведение дел... боль и страдания... финансовый подлог...

– Это возмутительно! – заявил мистер Лэтроп. – Вам никогда не победить.

– Может и так. Но ваш банк в любом случае понесёт убытки. Думаю, пятьсот долларов на счету мистера Туми позволят закрыть это дело за взаимным примирением сторон.

Лэтроп поворчал, но раскошелился. Туми на радостях был готов расстаться с половиной суммы, но Фил – с согласия Салли Энн – отказался. Он взял лишь двадцать пять долларов, потому что Туми настаивал. И вспоминал при этом Ответчика.

Новости быстро разлетелись и по Карри, и по окрестным городкам. Фил выяснил, что несколько банков используют одну и ту же уловку с недостаточной оплатой, чтобы наложить руку на фермерское имущество. Например, фермеру из близлежащего Хэнкока не хватило двадцати долларов за три месяца до погашения займа. Его лишили права собственности на ферму и продали её строительной компании за двенадцать тысяч. Фил обратился в суд и вернул фермеру восемь тысяч. Не полная стоимость фермы, но лучше, чем ничего. Да и шумиха в прессе сыграла на руку.

К 1939 году Фил отремонтировал свой маленький офис – новая черепица и свежая покраска. Он сиял, как лицо Салли Энн. Когда заправка «Суноко» закрылась, Фил купил её и нанял помощника, недавнего выпускника юридического колледжа. Салли Энн выбрала ему секретаршу (смышлёную, но почтенных лет и не красавицу), которая, кроме всего прочего, работала регистратором и помогала Филу сортировать дела.

К 1941 бизнес Паркера выбрался из минуса. Будущее представлялось радужным. Затем, спустя четыре года и два месяца после того, как Фил встретился с человеком, сидевшим под красным зонтом на обочине шоссе, японцы атаковали Пёрл-Харбор.

Незадолго до свадьбы, Салли Энн Оллбертон, взяв Фила за руку, привела его на заднюю лужайку дома Оллбертонов в Уэсли. Они сели на скамейку, стоящую на берегу пруда с золотыми рыбками, где совсем недавно растаял лёд. Салли залилась румянцем и старалась не

смотреть Филу в глаза, но была полна решимости высказать то, что думает. У Фила мелькнула мысль, что в этот день она похожа на своего отца больше, чем когда-либо.

– Тебе следует заpastись «французскими письмами»,⁹⁵ – сказала она, опустив взгляд на их переплетённые руки. – Понимаешь, о чём я говорю?

– Да, – ответил Фил. Он слышал, эти штучки называют также «английскими кепками», а студенты – «срамными мешочками». Он использовал их лишь раз, посещая один дом с дурной репутацией в Провиденсе. Та поездка до сих пор вызывала у него чувство стыда. – Но, почему? Разве ты не хочешь..?

– Детей? Конечно, я хочу детей, но не раньше, чем я буду уверена, что нам не придётся умолять родителей – моих или твоих – о помощи. Мой-то отец будет этому только рад, и выставит свои условия. Приструнит тебя, чтобы ты отказался от своих планов. Я такого исхода не хочу. И я на такое не пойду.

Салли бросила на него быстрый взгляд, оценивая его чувства и реакцию, затем вновь опустила глаза.

– Для женщин есть вещь под названием диафрагма, но если я обращусь к доктору Грейсону, он всё расскажет моим родителям.

– Врач не в праве так поступать, – сказал Фил.

– Но он поступит. Итак... «французские письма». Ты согласен?

Фил подумывал спросить её, откуда ей известно о таких вещах, но решил, что не желает знать; некоторые вопросы лучше оставлять при себе.

– Согласен.

Теперь они встретились взглядами.

– Покупай в Портленде, Фрайбурге, Норт-Конвее, только не в Карри. А то люди будут сплетничать.

Фил расхохотался.

– Да ты хитрюга!

– Только когда это нужно, – ответила она.

Бизнес процветал, и время от времени они с Салли Энн обсуждали, не пора ли отказаться от «французских писем». Но первые годы

⁹⁵ Есть несколько версий, почему презервативы звались по-английски «французскими письмами», но мы не станем их тут приводить; не суть важно.

Фил вкалывал, словно его же клиенты-фермеры, от рассвета до заката, часто бывал в суде или в дороге, и мысль завести малыша казалась скорее обузой, чем благословением.

Затем наступило седьмое декабря.

– Я пойду в армию, – заявил Фил в тот же вечер. Они с Салли Энн весь день слушали радио.

– Ты же можешь получить отсрочку. Тебе без малого тридцать.

– Мне не нужна отсрочка.

– Да, – сказала Салли, взяв мужа за руку. – Конечно, не нужна. Я разочаровалась бы в тебе, ответь ты иначе. Эти мерзкие подлые япошки! Кроме того...

– Что?

Её следующие слова – как и её совет купить «французские письма» подальше от Карри – напомнили Филу, как же она пошла в своего отца.

– Кроме того, это будет некрасиво. Пострадает твоя деловая репутация. Тебя сочтут трусом. Просто вернись ко мне, Фил. Пообещай.

Фил держал в памяти слова Ответчика, сказанные им в тот октябрьский день под красным зонтом: «вас не ранят и не убьют». У него не было причин верить, тем более спустя столько лет... но он верил.

– Обещаю. На все сто.

Салли обняла его за шею.

– Пойдём в постель. И забудь про эту чёртову резинку. Я хочу чувствовать тебя во мне.

Девять недель спустя, сидя в бараке на острове Пэррис, весь в поту и чувствуя боль в каждой мышце, Фил читал письмо от Салли Энн. Она сообщала, что беременна.

Утром 14 февраля 1944 года лейтенант Филип Паркер во главе своего подразделения из 22-го полка морской пехоты сошёл на берег атолла Эниветок. Флот три дня подвергал японцев бомбардировкам, и, по данным разведки, их осталось кот наплакал. В отличие от других сообщаемых флотской разведкой сведений, это казалось правдой. С другой стороны, никто не удосужился предупредить морпехов о крутых песчаных дюнах, на которые им придётся карабкаться, после того,

как лодки Хиггинса⁹⁶ достигнут берега. Они столкнулись с япошками, но те были вооружены лишь винтовками, никаких страшных пулемётов «Намбу». Фил потерял шестерых из своих тридцати шести человек: двоих убитыми, четверых ранеными, впрочем, только один был ранен тяжело. К тому времени, как взвод добрался до вершины дюны, япошки скрылись в густом кустарнике.

22-ой полк морской пехоты продвигался на запад, встречая лишь редкое сопротивление. Один из солдат во взводе Фила получил пулю в плечо, другой упал в яму, сломав ногу. Этим потери после высадки и ограничились.

– Всё равно что по парку прогуляться, – сказал сержант Майерс.

Когда морпехи вышли к океану на дальней стороне атолла, Фил связался по радию с временным штабом морской пехоты, развёрнутым по ту сторону дюн, где они понесли основные потери. На юге всё ещё слышалась беспорядочная стрельба, но она начала стихать, пока морпехи поглощали свой обед.

«Пикник на морском побережье», подумал Фил. «Кто мог ожидать, что война окажется такой приятной?»

– Что говорят, лейтенант? – спросил Майерс, когда Фил убрал радию в чехол.

– Джонни Уокер сообщает, что остров зачищен, – сказал Фил. Полковник Джон Т. Уокер вместе со своим коллегой, полковником Расселом Айерсом, командовал этой небольшой операцией.

– Что-то не похоже, – заметил рядовой первого класса Молоки. Он кивнул в сторону юга.

К трем часам дня стрельба прекратилась. Фил ожидал приказа, но не получил его. Выставив трёх часовых у края зарослей, он разрешил остальным солдатам отдохнуть. В восемь им приказали собраться и выдвигаться на восток, на соединение с основными десантными подразделениями. Морпехи ворчали, что скоро стемнеет, а им придётся продираться через густые заросли, но приказ – есть приказ, и они выступили. После того, как рядовой Фрэнкленд сломал ногу в очередной яме, а рядовой Гордон чуть не выколол глаз, налетев на ветку дерева,

⁹⁶ Угловатые, похожие на коробки десантные катера, названные по имени конструктора. Вы наверняка видели такие в фильмах и играх о войне, особенно в эпизодах про высадку в Нормандии.

Фил связался по радиации со штабом и попросил разрешения разбить лагерь на ночь, поскольку двигаться дальше по такой местности затруднительно.

– Охренеть как затруднительно, – уточнил рядовой первого класса Молоки.

Им дали разрешение. Лагерь разбили под навесом, но москиты всё равно не давали покоя.

– Хорошо хоть земля сухая, – сказал Майерс. – У меня раз была траншейная стопа, а это не для слабаков.

Фил заснул, несмотря на москитов и стоны рядового Фрэнкланда со сломанной ногой. Проснулся он перед самым рассветом, и увидел, как к северу от их маленького лагеря скользят в тумане чьи-то фигуры. Сотни фигур. Позже Фил узнал, что Эниветок был сплошь изрыт норами. Фрэнкланд мог сломать ногу в одной из них; возможно, японский пехотинец затаился на дне, наблюдая, как Рангелл и сержант Майерс помогают Фрэнкланду выбраться.

Майерс коснулся плеча Фила и прошептал:

– Ни слова, ни звука. Может, они нас не заметят. Я думаю...

И тут один из морпехов раскашлялся. Осветительные выстрелы рассекали серое утро – под навесом было ещё темнее – и вырисовали сторбленные фигуры, закутанные в москитные сетки. Началась стрельба. Шестеро морпехов погибли, не успев даже проснуться. Ещё восемь были ранены. Лишь один успел выстрелить в ответ. Майерс обхватил руками Фила, Фил – Майерса. Они слышали, как пули свистят над головами или шлепают по земле вокруг них. Затем раздалась резкая команда на японском, что-то вроде: «*дзенпо, дзенпо!*» и японцы двинулись дальше, продираясь через кусты.

– Они контратакуют, – сказал Фил. – Только поэтому они нас не прикончили.

– Направляются к штабу? – спросил Майерс.

– А куда же ещё? Поднимайтесь-ка; ты, я, и те, кто не ранен.

– Вы спятили, – сказал Майерс. Его губы разошлись в усмешке и между ними блеснули зубы. – Мне это по нраву.

Фил насчитал всего шестерых солдат, способных преследовать японцев; может, ещё одного-двух. Впереди снова поднялась стрельба, сперва беспорядочная, затем непрерывная. Раздались взрывы гранат,

и Фил услышал стрёкот страшного «Намбу». Подключились и другие пулемёты. Три? Четыре?

Оставшиеся морпехи из взвода Фила вынырнули из зарослей и увидели дюны, что доставили им столько проблем накануне. Дюны усеивали японские солдаты, движущиеся к почти незащищённому штабу, но морпехи Фила зашли к ним в тыл.

Грузный японец – возможно, единственный толстяк во всей армии, как позже подумал Фил – не мог угнаться за своими товарищами и отстал. К тому же он тащил пулемёт «Намбу» и был опоясан пулемётными лентами. Его немного опережал второй пулемётчик, не такой толстый.

Фил выхватил нож и бросился на толстяка-японца. Если ему удастся завладеть пулемётом – япошкам не поздоровится. Очень сильно не поздоровится. С этими мыслями, Фил вонзил клинок в шею японцу. Он убивал человека первый раз в жизни, но в горячке боя он едва ли об этом задумывался. Японец вскрикнул и упал лицом вниз. Второй пулеметчик, худой, обернулся и вскинул оружие.

– Лейтенант! Ложитесь! – заорал Майерс.

Но Фил не стал падать, вспомнив свой разговор с Ответчиком. «*Меня ранят?*» спросил он тогда. Ответчик сказал, что нет, но Фил понял, что неверно задал вопрос. Он спросил снова, как раз перед тем, как закончились его пять минут: «*Меня убьют?*». И получил ответ: «*Нет, Просто Фил, вас не убьют.*».

И сейчас, на Эниветоке, Фил поверил в это. Может, потому что Ответчик знал девичью фамилию его матери и место рождения отца. А может, потому что у него не было другого выбора. Тощий японец открыл огонь из своего «Намбу». Фил успел заметить, как Майерс, весь забрызганный кровью, шатаясь, попятился назад. Дестри и Молоки упали по обе стороны от него. Фил слышал свист пуль, проносящихся рядом с его головой. Он чувствовал, как они дергают его за штаны и рубашку, словно кусает игривый щенок. Позже он насчитал больше дюжины дыр в одежде, но ни одна пуля его не задела, даже не оцарапала.

Он открыл огонь, ворочая ствол захваченного «Намбу» из стороны в сторону и сшибая японских солдат, будто кукол Кьюпи. Другие обернулись, на секунду ошеломлённые неожиданным нападением с тыла,

и стали отстреливаться. Пули вспахали песок перед Филом, засыпав песком носки его ботинок, несколько рванули его одежду. Он услышал, что по крайней мере двое из его солдат тоже стреляют. Фил сорвал ещё одну патронную ленту с тела мёртвого япошки и снова открыл огонь, не замечая немалой тяжести «Намбу», не замечая, что пулемёт уже раскалился, не замечая, что он орёт во всё горло.

Теперь американцы вели стрельбу и с другой стороны дюны; Фил слышал выстрелы карабинов. Он пошёл вперёд, перешагивая через убитых японских солдат и продолжая стрелять из пулемёта. «Намбу» заклинило. Фил отбросил его в сторону, пригнулся, и пуля сбила с его головы каску, так что та подлетела в воздух. Фил не обратил на это внимания. Он поднял другой пулемёт и возобновил шквальный огонь.

Майерс вновь оказался рядом. Половина его лица залита кровью, кусок скальпа болтается на ходу.

– Так вам, сукины дети! – орал сержант. – Эй, сучки, добро пожаловать в Америку!

Это звучало настолько безумно, что Фил рассмеялся. Он продолжал хохотать, пока они взбирались на дюну. Тут он отбросил «Намбу» в сторону и задрал руки.

– Мы морпехи! Морпехи! Не стреляйте!

Японская контратака – какой бы они ни была – провалилась. Сержант Рик Майерс получил в награду Серебряную звезду (хотя, по его словам, он предпочёл бы получить обратно потерянный глаз). Лейтенант Филип Паркер стал одним из 473 солдат и офицеров, награждённых за время Второй мировой медалью Почёта.⁹⁷ И, хотя он не получил ни царапины, для него война закончилась. Фотография его изрешечённой пулями рубашки с солнцем, просвечивающим сквозь дыры, облетела все газеты в том месте, которое сражающиеся на фронте морпехи называли «миром». Фил стал настоящим героем, и провёл остаток службы в Америке, выступая с речами и продавая военные облигации.

Тед Оллбертон прижал его к груди и назвал воином. Более того – сыном. «Ну, старик учудил», подумал Фил, но охотно обнял тестя в ответ. Топор войны был зарыт.

Затем Фил увиделся со своим сыном, которому почти исполнилось три.

⁹⁷ Высшая военная награда в США. Можно сказать, аналог нашей Золотой Звезды.

Иногда, лежа ночью рядом со спящей женой, Фил вспоминал худощавого японского солдата, которого встревожил предсмертный крик соотечественника. Он видел, как худой японец поворачивается. Он видел расширившиеся карие глаза под козырьком кепи, шрам в форме рыболовного крючка на щеке. Наверное, японец получил этот шрам ещё в детстве. Он видел, как японский солдат открыл огонь. Он вспоминал свист, с которым пули проносились мимо. Вспоминал, как пролетающие пули игриво дергали его одежду, словно не несли смерть или увечья на всю жизнь. Он вспоминал свою уверенность в том, что не умрёт, благодаря пророчеству – ну а как ещё это назвать – Ответчика. И в эти ночи Фил задавал себе вопрос: предвидел ли человек под красным зонтом будущее... или творил его? На этот вопрос Фил не находил ответа.

2

Во время своих поездок в рамках программы «Военный заём», включающей выступления в штатах Новой Англии и иногда в Нью-Йорке, Фил имел возможность пообщаться с отслужившими солдатами, и услышал массу историй о трудностях, возникших после возвращения домой. Один бывший морпех выразился кратко: «После четырех лет разлуки мы превратились в незнакомцев, спящих в одной постели».

Фил и Салли Энн не столкнулись с этой неловкой ситуацией, возможно, потому, что росли вместе с детства. Любовь между ними возникла как само собой разумеющееся. Однажды, во время соития, Салли Энн вскричала: «О, мой герооой!» и они оба чуть не упали с кровати от смеха.

Джейкоб поначалу стеснялся отца, прятался в объятиях матери и испуганно поглядывал на высокого мужчину, появившегося в его жизни. Когда Фил пытался взять сына на руки, тот упирался, иногда плакал. Затем бежал к матери, хватался за её ногу и лишь смотрел на незнакомца, которого должен был звать папой.

Однажды вечером, когда маленький Джейк сидел у ног матери, играя с кубиками, Фил сел напротив и покатил к нему теннисный мячик. Хотя Фил ничего такого не ожидал, к его радости, Джейк вернул мяч обратно. Мячик стал кататься туда-сюда. Салли Энн даже отложила книгу, чтобы посмотреть. Фил бросил мяч посильнее, с отскоком от пола, и Джейк ловко поймал его. Когда Фил засмеялся, Джейк стал смеяться вместе с ним. После этого их отношения наладились. Фил обожал всё в своём сыне – его голубые глаза, каштановые волосы, крепкое тело. Больше всего его восхищали способности малыша. Фил не мог предсказать, кем станет Джейк, когда вырастет, да и не имел такого желания. *«Пусть это станет сюрпризом»*, думал он.

В конце 1944 года Джейк заупрямился, когда Салли хотела взять его на руки и уложить спать. *«Хочу к папе»*, – сказал он. Возможно, это был не самый лучший вечер в жизни Фила, но лучшего он не мог припомнить.

«Станет ли Карри процветающим городом, как я ожидаю?» спросил Фил в тот давний день, который казался сном (хотя он по-прежнему помнил каждый заданный вопрос и каждый полученный ответ). Ответчик сказал ему, что станет, и оказался прав. Отчасти благодаря славе морского пехотинца, заслужившего медаль Почёта, но больше потому, что Фил назначал справедливую цену за свои услуги и был мастером своего дела (местные прозвали его «ловкий засранец»), после войны у него стало больше клиентов, чем он мог осилить.

Помощник, которого Фил пристроил к делу в 1939, погиб при бомбардировке Гамбурга, так что Фил нанял нового, потом ещё одного, а затем – по просьбе Салли – молодую женщину. Старые янки Карри были недовольны, но к 1950 в городе хватало новых людей с новыми идеями и новыми деньгами. В соседнем городке, Паттене, построили торговый центр; Фил со своими помощниками взяли на себя юридические формальности и получили хорошую прибыль. В Карри на замену начальной школы из пяти классов выстроили новую, восьмиклассовую. Фил купил прежнее здание по дешевке и превратил в свой новый офис: *«Фил Паркер и партнёры»*. Оллбертоны часто приезжали в гости

к дочери, внуку... и, конечно, к герою войны. По мнению Фила, Тед убедил сам себя, что на самом-то деле он всегда одобрял прозорливое решение зятя обосноваться в процветающем Карри.

Филу удалось отбросить всю прежнюю неприязнь, что он питал к своему тестю, видя ту неистовую и искреннюю любовь, что испытывает Тед к Джейку. На шестой день рождения, Тед подарил внуку маленькую бейсбольную перчатку и играл с ним на заднем дворе, бросая мячик разными хитрыми способами, пока не стемнело и Салли Энн не позвала их обоих в дом ужинать.

Как бы Фил не был загружен работой, он всегда старался вернуться домой до темноты и успеть поиграть с сыном. К восьми годам Джейк стоял уже в тридцати футах, а потом и в сорока, ловя и бросая мяч, как принято в бейсболе.

– Кидай, пап! – кричал Джейк. – Давай же!

Фил бросал не так сильно, как мог бы, сыну было всего восемь, но мало-помалу он стал наращивать силу бросков. Весной и летом, по выходным, они вместе слушали радио «Рэд Сокс». Иногда и втроём.

Однажды в ноябре, после игры в бейсбол несмотря на двухдюймовый слой снега, Салли Энн спросила Фила:

– Разве ты играл в бейсбол в детстве? Не припоминаю такого.

Фил покачал головой.

– Иногда после школы, но не часто. Играть-то я умел, но отбивать ни черта не получалось. Ребята дразнили меня Разиня Паркер.

– Я тоже никогда не занималась спортом, но Джейк... он и правда так хорошо играет, или дело в моём воображении и материнской гордости?

– Он хорош. Жду не дождусь, когда первый раз возьму его с собой на игру «Сокс».

Это случилось в 1950. Мальчик сидел на трибуне между Филом с одной стороны и Тедом с другой, с открытым ртом и позабытым пакетом попкорна на коленях, заворожённо уставившись на зелёный газон стадиона Фенуэй Парк.

Тед наклонился к нему и сказал:

– Когда-нибудь ты можешь оказаться там, Джейк.

Джейк поднял взгляд на деда и улыбнулся.

– Я уверен, что буду там, – сказал он.

В теплый не по сезону октябрьский день 1951 года, Фил съездил в недавно открытый магазин «Вестерн Авто» в Норт-Конвее и вернулся домой с подарком для всей семьи в багажнике автомобиля – телевизором «Зенит-Регент» с круглым, похожим на иллюминатор, экраном. Он также купил комнатную антенну – «кроличьи уши»; но с настоящей с антенной, вероятно, удастся поймать даже бостонские каналы. Фил предвкушал, как будет радоваться Джейк, узнав, что сможет смотреть «Странствующего Всадника», а не слушать радиопостановку.

Но мысли Филадельфии занимало и кое-что ещё, возможно, более важное, чем новый телевизор. Утром он пообщался с человеком по имени Блэйлок Атертон, республиканцем, сенатором от штата Нью-Гэмпшир. Сенатор Атертон предстал весьма влиятельным и деятельным, и беседа получилась интересной. Фил раздумывал о том, что стоит обсудить эту встречу с Салли Энн, когда проехал мимо ярко-жёлтого знака, возвышающегося на обочине. Надпись «2 МИЛИ ДО ОТВЕТЧИКА» пробудила яркие воспоминания.

«Это не может быть снова он», подумал Фил. *«Столько лет прошло»*. Но сердце подсказывало ему, что всё так и есть.

Миновав границу города Карри, Фил увидел ещё один знак, ярко-синий, сообщающий, что Ответчик в миле впереди. Фил преодолел холм на окраине города. В двухстах ярдах впереди стоял красный зонтик. На этот раз Ответчик расположился на большом пустыре неподалеку от новой начальной школы. Там, где через пару лет будет построена добровольная пожарная станция Карри.

Сердце Филадельфии забило чаще, новый телевизор и Блэйлок Атертон позабылись. Фил съехал на обочину и вышел из машины. Прежний драндулет «Шевроле» остался в прошлом, теперь это был новенький «Бьюик». Фил захлопнул его дверцу и на секунду замер, потрясённый тем, что увидел. Слово поражённый громом.

Паркер постарел, но Ответчик – ни капельки. Он выглядел точно так же, как в тот октябрьский день четырнадцать лет назад. Его редкие волосы не поредели ещё больше. Глаза были всё такими же

ярко-голубыми. Белая рубашка, серые брюки, чёрные ботинки – ничего не изменилось. Руки с длинными пальцами, как и раньше, покоились на столешнице. Поменялись лишь надписи на табличках, стоящих по бокам от центральной, провозглашающей его Ответчиком. На той, что слева, было написано: «50 ДОЛЛАРОВ ЗА 3 минуты». Справа: «ВАШ ПЕРВЫЙ ОТВЕТ – БЕСПЛАТНО».

«Похоже, даже магия подвержена инфляции», подумал Фил. Ответчик оживился и взглянул на него с интересом.

– Мы с вами знакомы? – спросил он и хихикнул. – Не отвечайте! Ответчик тут не вы, а я. Дайте-ка подумать. – Он приложил палец к переносице, став похожим на персонажа из сказки. – Понял. Вы Просто Фил. Вас интересовало, выйдет ли девушка за вас замуж и переедете ли вы в эту деревеньку, хотя и так знали ответы на эти вопросы.

– То были бесплодные вопросы, – произнёс Фил.

– Да, были. Всё верно. Присаживайтесь, Просто Фил. Если вы, конечно, не прочь снова иметь со мной дело. В противном случае, вы можете ездить своей дорогой. Свобода делает Америку великой, во всяком случае, так говорят.

Поблизости прозвучал громкий звонок. Двери начальной школы распахнулись и оттуда, словно после взрыва, вынеслись вопящие дети с ранцами для учебников и коробками для завтраков. Среди них, вероятно, был и сын Фила, но в царившей суматохе Фил не мог его рассмотреть – многие мальчишки носили бейсболки «Рэд Сокс». Два школьных автобуса стояли наготове, для тех детей, кто жил дальше чем в миле от школы.

Фил опустился на стул для клиентов. Он подумывал спросить этого странного придорожного дельца: является ли он человеком или некой потусторонней сущностью, но, видимо, за время между своими двадцатью пятью и тридцати девятью годами он успел кое-что понять, поэтому захлопнул рот, прежде чем истратил свой бесплатный вопрос. Конечно же, Ответчик не был человеком. Ни один человек не выглядел бы точно так же спустя четырнадцать лет, и ни один человек не мог обещать Филу, что тот уцелеет под пулемётным огнём в упор на Эниветоке.

Вместо вопроса, Фил сказал:

– Похоже, ваши услуги подорожали.

– Для некоторых клиентов, – сказал Ответчик.

– Значит, вы меня ждали.

Ответчик улыбнулся.

– Вы хотите выведать информацию, избегая при этом вопросов. Знаю я такие уловки.

«Ну, ещё бы», подумал Фил. «Настоящий мастак».

Мимо пустыря, где в будущем вырастет пожарная станция, проходили школьники и, хотя дети по природе своей любопытны, те немногие, кто бросал взгляд в эту сторону, не проявляли никакого интереса.

– Они ведь нас не видят, да?

– Очередной вопрос, на который вы и так знаете ответ, друг мой. Конечно, не видят. У реальности есть складки, и сейчас мы укрылись в одной из них. Вы истратили ваш бесплатный вопрос. Если хотите задать другие, придётся заплатить. И я не принимаю чеки, если вам это интересно.

Чувствуя себе, словно во сне, Фил достал бумажник из кармана брюк. В нём лежали три двадчатки и десятка (была ещё сотенная купюра на непредвиденный случай, спрятанная под водительскими правами). Он протянул десятку и две двадчатки Ответчику, и они исчезли. Ответчик взял свой саквояжик – тот же самый – и извлёк из него всё тот же громадный секундомер. На этот раз деления были только от 0 до 3, но при заводке раздался знакомый трещащий звук.

– Надеюсь, вы готовы, Просто Фил.

Фил тоже на это надеялся. На этот раз его не мучили никакие дилеммы, он был вполне доволен течением его нынешней жизни, но, как он полагал, любому человеку любопытно заглянуть в будущее.

– Я готов. Приступайте.

Ответчик отозвался так же, как при первой встрече в 1937:

– Итак, мы начинаем. – Он щелкнул рычажком на задней крышке своих огромных часов. Часы начали тикать, а одинокая стрелка двинулась от 3 к 2.

Фил вспомнил свой разговор с Блэйлоком Атертоном, в котором прозвучало не предложение, но возможность предложения. Пробный шар, так сказать.

– Если мне предложат, должен ли я выдвинуть...

Ответчик укоризненно погрозил пальцем.

– Вы забыли, что я говорил насчёт этих слов? Я – Ответчик, а не советчик.

Фил не то чтобы забыл, просто он по роду деятельности привык строить вопросы подобным образом, топтаться вокруг да около. Бесплодные вопросы, и правда.

– Хорошо, тогда спрошу: буду ли я выдвигать свою кандидатуру в Сенат США?

– Нет.

– Нет?

– Ответ не изменится, сколько бы раз вы не переспрашивали. Между тем, времус летитус.

– Причина в том, что Салли не захочет, чтобы я баллотировался?

– Нет. – Единственная стрелка на секундомере перевалила через цифру 2.

– Атертон собирается дать шанс кому-то другому?

– Да.

– Ублюдок, – сказал Фил, но был ли он на самом деле разочарован? Да, но не так уж сильно. Он был по-прежнему увлечен своей юридической практикой. И его совершенно не привлекала мысль покинуть Нью-Гэмпшир и переехать в Вашингтон; он как был деревенским парнем, так, вероятно, им и останется.

Как и четырнадцать лет назад, Фил попробовал резко сменить тему.

– Понравится ли Салли и Джейку телевизор?

– Да. – На лице Ответчика мелькнула краткая улыбка.

Подумав о Джейке, Фил задал следующий вопрос. Он произнёс его прежде, чем сообразил, что, возможно, не хочет знать ответ.

– Станет ли мой сын профессиональным бейсболистом?

– Нет.

Стрелка часов миновала цифру 1 и устремилась к нулю.

– А просто спортсменом?

– Нет.

Это разочаровало Паркера сильнее, чем известие о том, что ему не светят выборы в Сенат, но должен ли он удивляться? Спорт – это пирамида, вершину которой достигают только те, у кого талант от бога.

– Будет ли он играть в колледже? – Уж это-то Джейку по плечу.

– Нет.

Фил, словно азартный игрок, угодивший в черную полосу, но продолжающий попытки отыгаться, спросил:

– Ну, а в средней школе-то? Конечно...

– Нет.

Фил уставился на Ответчика, сбитый с толку и начинающий волноваться. Точнее, его начал охватывать страх. *«Не спрашивай»*, подумал он. Вспомнилась одна из любимых поговорок матери: *«Не подглядывай в замочную скважину, и не расстроишься»*.

Стрелка дошла до нуля и часы Ответчика издали свой рокочущий звук *БРРРРРАНГ* за мгновение до того, как Фил задал последний вопрос:

– С моим сыном всё будет в порядке?

– Извините, я не могу ответить на этот вопрос. Вы немного запоздали, Просто Фил.

– Да?

Ответа не последовало. Конечно, ведь его время истекло.

– Ладно, наверное, я опоздал. Но я же могу попробовать ещё раз, правда? – Ответа не было, так что Фил ответил сам. – Конечно, могу. На табличке написано: *«за три минуты»*, а не только три минуты. – Фил опустил голову, роясь в бумажнике и выуживая сотенную купюру из-под водительских прав. – Так что позвольте мне... ага, вот она.

Подняв взгляд, он увидел, что надписи на табличках изменились. Теперь они гласили: *«200 ДОЛЛАРОВ ЗА 3 МИНУТЫ»* и *«НИКАКИХ БЕСПЛАТНЫХ ОТВЕТОВ»*.

– Пойдите-ка, – сказал Фил. – Это не то, что было написано раньше. Вы водите меня за нос.

Как и раньше, Ответчик сказал:

– Возможно, вы сами себя водите за нос.

И, как и в прошлый раз, Ответчик стал отдаляться, словно уезжая по рельсам. Накатила серая пелена. Фил пытался бороться, но безуспешно.

Он очнулся за рулём «Бьюика» от стука в окно пассажирской двери.

– Папа? Папа, проснись!

Фил огляделся, поначалу не понимая, где он. Или когда. Затем увидел в окне своего сына, уставившегося на него. С Джейком был его друг Гарри Уошберн, они оба носили одинаковые бейсболки «Рэд Сокс». Фил, наконец, сообразил; сейчас не 1937, а 1951. И он не юноша с ещё не просохшим дипломом юриста, а ветеран войны, достаточно значимый в Нью-Гэмпшире, чтобы считаться достойным кандидатом в Сенат США. Муж. Отец.

Фил потянулся и открыл дверь.

– Привет, малой. Я, наверное, задремал.

Джейк не проявил к этому особого интереса.

– Мы опоздали на автобус, потому что играли за школой. Отвезешь нас по домам?

– А что бы вы делали, не окажись я здесь?

– Пошли бы пешком, конечно, – сказал Джейк. – Или попросили бы миссис Кин подвезти. Она классная.

– А также красивая, – добавил Гарри.

– Что ж, забирайтесь. Я купил кое-что в Норт-Конвее, что вам, ребята, понравится.

– Правда? – Джейк сел на переднее сидение, Гарри назад, – Что?

– Увидите.

Фил взглянул на то место, где стояли стол и зонтик Ответчика. Затем открыл бумажник и нашёл за водительскими правами стодолларовую купюру. Если только всё увиденное ему не приснилось – а Фил знал, что это не так – Ответчик, видимо, положил купюру на место. *«Или, может, я сам это сделал».*

Фил поехал домой.

Телевизор привёл всех в восторг. «Кроличьи уши» ловили только WMUR из Манчестера (изображение подчас – вернее, часто – рябило), но, подключив кабель антенны, Паркеры настроили два бостонских канала, WNAC и WHDH.

Фил и Салли с удовольствием смотрели вечерние передачи, такие, как «Час Рэда Скелтона»⁹⁸ и «Театр звёзд Шлица», но Джейк не просто наслаждался телевизором, он относился к нему со всей страстью первой любви. После школы он смотрел «Ежедневный Утренник», где всю неделю крутили одни и те же старые фильмы. Он смотрел «Сельскую Гулянку Джека и Пэта». Он смотрел «Бостон Блэки». Он не отрывался от экрана даже во время рекламы сигарет «Кэмел» и чистящего средства «Баб-О». По субботам Джейк с друзьями собирались, словно на службу в церкви, чтобы посмотреть «Кролика-крестносца», «Маленьких негодников» и тысячи других старых мультфильмов.

Поначалу Салли Энн казалось это забавным, затем она забеспокоилась.

– Он пристрастился к этой штуке, – пожаловалась она Филу, даже не подозревая, что этот родительский возглас будет повторяться грядущими поколениями. – Он больше не хочет играть с тобой в мяч, когда ты возвращаешься домой, а хочет смотреть какую-нибудь старую дрянью про Хопалонга Кэссиди, хотя видел её уже раза четыре.

Джейк, впрочем, иногда ловил или отбивал мяч, который бросал ему отец за гаражом, но это случалось всё реже и реже. В те времена, когда у них ещё не было телевизора, Джейк ждал Фила на крыльце с перчаткой и битой наготове.

По правде говоря, Фила не так сильно беспокоили изменившиеся интересы сына, как Салли. Когда Ответчик сказал, что Джейк никогда не будет бейсболистом – даже в средней школе – разум Фила (как и любого родителя на его месте) сперва переключился на ожидание чего-то ужасного. Теперь же ему казалось, что причина более прозаична: Джейк просто перестал интересоваться бейсболом, как сам Фил в своё время, примерно в возрасте Джейка, потерял интерес к урокам игры на пианино.

Вдохновлённый сериалами, такими, как «Одинокий рейнджер» и «Дикий Билл Хикок», Джейк попробовал писать свои собственные вестерны. Название каждого заканчивалось восклицательным знаком – «Расстрел в Ларами!» или «Перестрелка в Каньоне Мертвеца!». Рас-

⁹⁸ Здесь и далее упоминаются различные фильмы, сериалы, передачи и мультфильмы 1950-х годов, большинство из которых неизвестны в России.

сказы были безвкусыми, но не такими уж плохими... во всяком случае, по мнению отца автора. Может, когда-нибудь Джейк станет писателем, а не игроком «Бостон Рэд Сокс». Фил считал такой оборот замечательным.

Как-то вечером позвонил Блэйлок Атертон с вопросом: не думал ли Фил выдвинуть свою кандидатуру в Сенат? Может, не в этот раз, но в 1956. Фил ответил, что рассматривает такую возможность. Он признался Атертону, что Салли Энн не в восторге от этой идеи, но обещала поддержать его, если он примет решение.

– Что ж, не раздумывайте слишком долго, – сказал Атертон. – В политике нужно просчитывать всё наперёд. *Tempus fugit*, знаете ли.

– Я это уже слышал, – заметил Фил.

Однажды субботним утром в феврале 1952, Гарри Уошберн вбежал в кабинет Фила, где тот просматривал документы предстоящего судебного процесса. Фил встревожился, заметив полоску крови на веснушчатой щеке Гарри и ещё больше крови на его руках.

– Гарри, ты что – поранился?

– Не я, – ответил Гарри. – У Джейка пошла носом кровь и никак не останавливается. Он заляпал всю свою футболку с Роем Роджерсом. Сверху донизу.

Фил думал, что Гарри преувеличивает, пока не убедился сам. На круглом экране «Зенита» Энни Оуикли вела перестрелку с плохим парнем, но четверо или пятеро мальчишек не обращали внимания на экран, сгрудившись вокруг Джейка. Его любимая футболка – субботняя футболка для просмотра ковбойских фильмов – и правда вся пропиталась кровью. Как и колени его джинсов.

Джейк увидел отца и сказал:

– Она не унимается. – Голос его звучал гнусаво и глухо.

Фил велел остальным ребятам продолжать смотреть фильм; всё в порядке, всё тип-топ. Он старался, чтобы голос звучал ровно, но количество натекающей из носа сына крови его ни на шутку испугало. Отведя

Джейка на кухню, отец усадил его и велел задрать голову повыше, затем завернул в полотенце несколько кубиков льда и прижал к переносице мальчика.

– Держись, Джейк. Сейчас кровь остановится.

На кухню влетела Салли Энн, вернувшаяся из магазина. При виде залитой кровью футболки Джейка, она раскрыла рот для крика. Фил покачал головой, и она не стала кричать. Опустившись на колени рядом с сыном, Салли Энн спросила, что случилось.

– Вы играли в ковбоев, и кто-то из твоих приятелей ударил тебя по носу?

– Нет, кровь просто пошла. На пол тоже попало, но я хотя бы не запачкал твой голубой ковёр.

– Меня тоже испачкало кровью, – сказал Сэмми Диллон. Он и Гарри пробрались на кухню, остальные мальчики толпились позади. – Но я всё смыл.

– Молодец, Сэмми, – сказала Салли Энн. – Думаю, тебе и остальным лучше пойти по домам.

Ребята охотно согласились, задержавшись у двери кухни, чтобы напоследок взглянуть на своего забрызганного кровью друга. Когда они ушли, Салли Энн наклонилась и прошептала Филу:

– Не похоже, чтобы она останавливалась.

– Остановится, – сказал Фил.

Кровь не остановилась. Кровотечение замедлилось по сравнению с первоначальным потоком, залившим всю футболку, но кровь продолжала сочиться. Семейный врач Паркеров был в отпуске, поэтому они отвезли сына в Норт-Конвей, где дежурный врач по фамилии Ричмонд заглянул Джейку в ноздри с помощью маленького фонарика и кивнул.

– Мы это мигом исправим, молодой человек. Папа с мамой пусть подождут снаружи, пока мы провернём наши делишки.

Салли хотела остаться, но Фил, догадываясь, какие предстоят «делишки», решительно взял её за руку, вывел в приёмную и закрыл за собой дверь. Это не очень-то помогло, потому что вопли Джейка, когда ему прижгли что-то в носу, разнеслись по всем концам маленькой больницы. Фил и Салли Энн со слезами на глазах прижались друг к

другу, ожидая, когда всё закончится. Наконец, закончилось... но не совсем.

Доктор Ричмонд выглянул из кабинета с лацканом белого халата, испачканным кровью Джейка. Он улыбнулся.

– Смелый парень. Без шуток. Джейкоб, могу я минутку поговорить с твоими родителями?

Доктор отвёл их в смотровую.

– Вы замечали у сына синяки?

– Конечно, несколько на руках, – сказал Фил. – Он же мальчишка, доктор Ричмонд. Наверное, ушибся, лазая по деревьям или что-то в таком роде.

– И на груди тоже синяки. Любит подраться?

– Нет, вовсе нет, – сказал Фил. – Иногда они с друзьями дерутся, но в шутку.

– Я собираюсь сделать анализ крови, – сказал доктор Ричмонд. – Просто чтобы расставить точки над *i*, вы же понимаете...

– Боже мой, – произнесла Салли Энн. Позже она скажет Филу, что она поняла, прямо тогда она и поняла.

– Проверим уровень лейкоцитов и тромбоцитов. Чтобы исключить что-то серьёзное.

– Док, это же просто кровотечение из носа, – сказал Фил.

– Приведи его сюда, Фил, – сказала Салли Энн. Её кожа побледнела вокруг глаз и рта – в следующем году Филу предстояло очень часто такое видеть.

Фил привёл Джейка в смотровую и, когда того убедили, что забор крови – сущие пустяки по сравнению с прижиганием носа, Джейк закатал рукав и стоически вытерпел процедуру.

Через неделю позвонил семейный врач Паркер. Он сказал, что ему жаль приносить дурные вести, но, похоже, у Джейка острый лимфолейкоз.

Здоровье Джейка, раньше казавшееся таким крепким, быстро покатило под гору. Через восемь месяцев после начала болезни, которую тогда называли «белокровие», у Джейка наступила ремиссия, подарившая его родителям несколько недель мучительной надежды. Затем произошёл крах. Джейкоб Теодор Паркер умер в больнице Портсмута 23 марта 1953 года, в возрасте десяти лет.

Всю церемонию прощания с Джейком Салли держала голову на плече мужа. Она плакала. Фил не плакал. Он истратил все слёзы, пока Джейк лежал в больнице. Салли до последнего надеялась на ремиссию – молилась об этом – но Фил знал, что Джейк умирает. Ответчик почти что сказал ему об этом.

Позже Фил спрашивал себя: ощутил ли он запах джина в дыхании жены? Если и так, то не обратил на это внимания. Паркеры принадлежали к поколению выпивки и курева. Салли Энн с шестнадцати лет не отказывала себе в удовольствии выпить лёгкий коктейль с родителями или друзьями, и когда Фил возвращался домой с работы – его всегда ждал коктейль, а то и парочка, перед ужином. Иногда Фил выпивал банку-другую пива, пока они смотрели телевизор. Салли пила джин с тоником. Лишь позже Фил понял, что один бокал превратился в два, а иногда и в три. Но Салли неизменно поднималась в шесть, готовила Джейку школьный обед и завтрак для всех троих. Это поколение в придачу было «Женщины готовят – мужчины едят».

Фил заметил неладное на поминках. Не заметить было невозможно. Салли на кухне рассказывала миссис Кин историю о том, как Джейк потерял первый молочный зуб. Как она обмотала ниткой этот шатающийся зуб и привязала другой конец к дверной ручке спальни.

– Я как хлопну дверью – зуб сразу и выскочил! – сказала Салли, но «зуб» прозвучало как «суп», и Фил увидел, как миссис Кин – красивая, как сказал про неё Гарри в тот день, когда Фил второй раз встретился с Ответчиком – старается шаг за шагом отойти от его жены. Отстраниться от её дыхания. Салли не отставала, начав рассказывать какую-то другую историю. В руке она держала бокал, содержимое которого расплескивалось через край на пол.

Фил взял жену под руку и сказал, мол, с ней хотят повидаться её родные (он это выдумал). Салли пошла с ним, но, оглянувшись через плечо, заявила:

– Да, тот суп так и выскочил! Божечки, ну и зрелище было!

Миссис Кин сочувственно улыбнулась Филу. Первая улыбка из многих последующих.

Фил успел довести Салли до двери в гостиную, прежде чем её ноги подкосились. Бокал выпал из руки. Фил подхватил его, и в памяти всплыло краткое, но, Боже, такое яркое воспоминание, как он ловил брошенный Джейком мяч за гаражом. Фил поволок Салли сквозь толпу собравшихся в гостиной, держа её почти что на весу. Его мать мельком взглянула на них и бросила: *«Уводи её отсюда»*. Фил кивнул в ответ.

Бессмысленно было пытаться отвести её наверх, в спальню, поэтому Фил отнёс жену в гостевую комнату и уложил среди пальто скорбящих. Она тут же захрапела. Вернувшись, Фил рассказал гостям, что Салли убита горем и некоторое время не хочет никого видеть. Ему сочувственно кивали, шептали соболезнования – Боже, их было так много, что Фил поймал себя на мысли, что лучше бы кто-нибудь рассказал пошлый анекдот про фермерскую дочку. Но Фил был уверен, есть люди (одна из них – миссис Кин, другая – его мать), понимающие, что его жену свалило с ног отнюдь не только горе.

Это была первая ложь о её пьянстве, но далеко не последняя.

Фил предположил, что они могут попробовать завести ещё одного ребёнка. Салли согласилась, но вяло, без всякого интереса. Иногда ему хотелось схватить её за плечи – сильно, чтобы причинить боль и оставить синяки, чтобы *достучаться* до неё – и объяснить, что она не единственная, кто потерял ребёнка. Но Фил сдерживался. Он прятал гнев в душе, зная, что она скажет: *«У тебя есть работа. У меня ничего нет»*.

Кое-что у неё, впрочем, было. Джин «Гиблис» и сигареты «Кул». По две пачки в день. Она хранила их в маленькой сумочке из крокодиловой кожи, похожей на кошелёк. В 1954 Салли Энн забеременела. Фил посоветовал ей бросить курить. А она посоветовала ему держать свои советы при себе, какими бы доброжелательными они ни были. На четвёртом месяце у неё случился выкидыш.

– Больше никаких попыток, – сказала Салли Энн Филу, лежа на койке в больнице Норт-Конвея. – Мне уже сорок. Я слишком стара, чтобы заводить детей.

Так что пришлось вспомнить про «французские письма». В канун Нового года Фил обнаружил, что в пачке из дюжины резинок, которую он купил в Норт-Конвее после Пасхи, осталось всего три штуки. Салли Энн с готовностью задрала ночную рубашку и впустила его в себя, но, когда Фил увидел её взгляд, направленный в потолок, он понял, что она просто ждёт, пока он кончит и слезет с неё. Это не способствовало интимной близости.

Лишь однажды, в 1957, Фил поспорил с ней из-за выпивки. Он настаивал, что ей нужно поехать на один из курортов-«вытрезвителей», чтобы бросить или хотя бы сократить количество выпиваемого алкоголя. Он нашел такой курорт в Бока-Ратоне, достаточно далеко от Нью-Гэмпшира, так что никто не узнает. Он мог бы сказать, что она уехала навестить друзей. Фил был готов даже на развод, если она этого захочет, но ей нужно прекратить пить.

Салли Энн посмотрела на него. Она теперь располнела, лицо приобрело нездоровый цвет, глаза потускнели, а волосы слиплись. Особенно Фила поразили глаза. Они были пусты.

– Зачем? – спросила она.

Вернувшись домой вечером 8-го ноября 1960 года, Фил обнаружил, что Салли Энн нет. На кухонном столе лежала записка: *«Ужин в духовке. Я уехала в ЗД посмотреть результаты выборов»*.

Она не приглашала Фила присоединиться, да ему и не нравился бар «Зелёная дверь» в Норт-Конвее. Когда-то давно, когда они с Салли только поженились, это было приятное местечко. Теперь же бар превратился в притон.

В полицейском отчёте говорилось, что миссис Паркер вышла из «Зелёной двери» примерно в 00:40 9-го ноября, вскоре после того, как Кеннеди объявили победителем. Бармен перестал подавать ей алкоголь в одиннадцать, но позволил остаться и досмотреть результаты выборов.

Она возвращалась домой по шоссе 16; её маленький «Рено Дофин», разогнавшись, съехал с дороги и врезался в опору моста. Смерть наступила мгновенно. По результатам вскрытия, уровень алкоголя в

крови составил 0,39. Узнав о смерти дочери, Тед Оллбертон перенёс сердечный приступ. Он скончался в реанимации пять дней спустя. Похороны, следующие друг за другом, почти заставили Фила жалеть, что он вернулся с атолла Эниветок.

Через три недели после смерти жены, Фил приехал к добровольной пожарной станции, построенной на пустыре. Уже стемнело, окна в пожарной станции не светились. Между выкрашенными в красный цвет дверями устроили рождественский вертеп: Иисус, Мария, Иосиф, волхвы, различный скот. Ясли находились – насколько помнил Фил – как раз на том месте, где когда-то стоял красный зонт, прикрывающий маленький столик Ответчика.

– Явись и поговори со мной, – воззвал Фил в ветреную темноту. Из кармана пальто он вынул пачку банкнот. – У меня тут восемьсот, может, даже тысяча долларов. И есть несколько вопросов. Вопрос первый: это был несчастный случай или она покончила с собой?

Ничего. Лишь пустырь, пустая пожарная станция, промозглый восточный ветер и группа дурацких гипсовых изваяний со скрытой подсветкой.

– Вопрос второй: почему? Почему я? Знаю, это звучит, как жалость к себе, пусть так, но мне и правда интересно. Друг Джейка, этот хренов болван Гарри Уошберн, по-прежнему жив, он помощник сантехника в Сомерсворте. Сэмми Диллон тоже жив, так почему не мой мальчик? Был бы Джейк жив – и Салли осталась бы жива, верно? Ну же, скажи мне. Я, наверное, даже не хочу знать, почему я, я хочу знать: почему вообще? Ну же, приятель. Появись, заведи свои часы и возьми мои деньги.

Ничего. Конечно.

– Ты не настоящий, правда ведь? Ты был лишь плодом моего сражного воображения. Так что пошёл на хер, и я туда же, и весь мир в придачу!

Следующие три года Фил не вылезал из глубочайшей депрессии. Он работал, всегда вовремя появлялся на судебных заседаниях, выигрывал одни дела, проигрывал другие, но ему всё было безразлично.

Иногда ему снился Ответчик, и в некоторых из этих снов Фил прыгал на стол, сбивая с него тикающий секундомер, и смыкал руки на горле Ответчика. Но тот рассеивался, словно дым. Ведь таким он и должен быть – просто дымом.

Этот период жизни Фила завершился появлением Обгоревшей Женщины. Её звали Кристин Лакасс, но Фил всегда думал о ней, как об Обгоревшей Женщине.

Ранней весной 1964 года в кабинет Фила вошла его секретарша, выглядящая бледной и расстроенной. Филу показалось, что глаза Мари блестят от слёз, но он не был уверен, пока она не смахнула их тыльной стороной ладони. Фил спросил, всё ли с ней в порядке.

– Со мной – да. Но к вам посетительница, и я хотела предупредить вас, прежде чем впускать её. У неё ожоги, очень сильные. Её лицо... Фил, её лицо просто ужасно.

– Чего она хочет?

– Говорит, что собирается отсудить у корпорации «Нью Инглэнд Фридом» пять миллионов долларов.

Фил улыбнулся.

– Это ведь шутка, да?

Компания «Нью Инглэнд Фридом» вела свой бизнес в шести штатах, простирающихся от Преск-Айла до Провиденса. В послевоенные годы, которые, как полагал Фил, уже закончились, НИФ превратилась в одну из крупнейших строительных компаний на севере страны. Она строила жилые комплексы, торговые центры, промышленные предприятия, даже тюрьмы.

– Пригласи её ко мне, Мари. Спасибо, что предупредила.

Но никакое предупреждение не могло подготовить ко встрече с женщиной, вошедшей в кабинет с помощью двух тростей. По левой стороне её лица Фил догадался, что ей от сорока до пятидесяти. Правая сторона лица представляла собой сгусток плоти, расплавленной огнём и затвердевшей. Пальцы правой руки, сжимавшей трость, походили на когти. От женщины не укрылось выражение лица Фила; левая сторона её рта растянулась в улыбке, открыв немногие оставшиеся зубы.

– Прелесть, не так ли? – произнесла она. Голос звучал резко. Как воронье карканье. Фил понял, что огонь, который сжёг ей лицо, не пощадил и голосовые связки. Ей повезло, что она вообще может говорить.

Фил не собирался отвечать на риторический или откровенно саркастический вопрос.

– Присаживайтесь, мисс Лакасс, и поведайте, чем я могу вам помочь.

– Миссис. Я вдова, знаете ли. А насчёт того, чем вы можете помочь – вы можете подать в суд на чёртову НИФ. – Она произнесла название, как «Нёфф». – Пять миллионов, ни пенни больше, ни пенни меньше. Хотя, вряд ли вы на это пойдёте, готова поспорить. Я побывала у полудюжины других адвокатов, включая Фелда и Пилсбери в Портленде. Но ни один из них не захотел связываться со мной и моим делом. НИФ чересчур велика для них. Можно мне выпить стакан воды, пока вы меня не выгнали?

Фил позвонил Мари и попросил её принести миссис Лакасс стакан воды. Тем временем, Обгоревшая Женщина запустила здоровую руку в маленький кармашек на уровне талии. Она достала пузырёк с таблетками и протянула Филу.

– Откроете, ладно? Я могла бы сама, но это чертовски больно. Мне нужно две таблетки. Нет, три.

Фил открыл коричневый пузырёк, вытряхнул оттуда три таблетки и передал женщине. Мари принесла воду и миссис Лакасс запила таблетки.

– Это морфин, знаете ли. От боли. Говорить больно. Всё болит, но говорить – хуже всего. Есть тоже не очень-то приятно. Доктор говорит, эти таблетки сведут меня в могилу за год или три. А я говорю, что не умру, пока не доведу своё дело до суда. Я на том твёрдо стою, адвокат Паркер. О, начинают действовать. Хорошо. Я бы выпила ещё одну, но, боюсь, стану заторможенной, буду путать всё на свете.

– Скажите, чем я могу вам помочь? – сказал Фил.

Миссис Лакасс задрала голову и разразилась ведьмовским хохотом. Фил заметил, что часть её шеи приросла к плечу.

– Помогите мне засудить этих уродов на хер – вот чем вы можете помочь. – И после этих слов она рассказала свою историю.

Кристин Лакасс вместе с мужем и пятью детьми жили в посёлке Морроу-Эстейтс, выстроенном НИФ к югу от Норт-Конвея. Свет в доме постоянно мерцал, а от электрических розеток иногда шёл дым. Рональд Лакасс работал дальнобойщиком, хорошо зарабатывал, но большую часть времени проводил вне дома. Кристин Лакасс подрабатывала, делая на дому причёски женщинам; её фен и сушилка постоянно замыкали. Как-то раз возник пожар в электрощитке, и почти на неделю блок из четырёх домов остался без электричества. Кристин, тогда ещё не ставшая Обгоревшей Женщиной, жаловалась управляющему, но тот лишь пожал плечами и свалил вину на «Нью-Гэмпшир Пауэр энд Лайт».

– Я-то лучше знала, в чём дело, – сказала миссис Лакасс Филу, потягивая воду. – Не вчера родилась. От скачка напряжения не сгорают электрощитки в четырёх домах. Сперва перегорели бы предохранители. В других блоках Морроу-Эстейтс тоже возникали проблемы с освещением и электричеством, но не такие серьёзные, как у нас.

Ничего не добившись от управляющего, она позвонила в офис НИФ в Портсмуте, поговорила с тамошним сотрудником, но тоже безрезультатно. Покопавшись в библиотеке, она нашла информацию о крупных шишках компании, в том числе номер бостонской штаб-квартиры НИФ, дозвонилась туда и потребовала соединить с президентом компании. Ей ответили, мол, он слишком занят, чтобы разговаривать с домохозяйкой из какой-то глухомани в штате Нью-Гэмпшир. Её переключили на другого служащего, вероятно, более высокопоставленного и больше зарабатывающего, чем сотрудник в Портсмуте. Она рассказала этому парню из Бостона, что иногда, когда мерцает свет, стена её маленького домашнего салона нагревается и за ней слышится жужжание, словно из улья. И она чувствует запах горелого. Служащий заявил, что она, по-видимому, использует фен и сушку, рассчитанные на более высокое напряжение сети. Миссис Лакасс поинтересовалась напоследок, есть ли у его матери живые дети, и бросила трубку.

Перед Рождеством НИФ разукрасила весь Морроу-Эстейтс гирляндами.

– Это сделала компания? – уточнил Фил. – Не местная Ассоциация домовладельцев?

– Не было у нас никакой Ассоциации домовладельцев, – ответила миссис Лакасс. – Ничего похожего. После Дня Благодарения у всех в почтовых ящиках оказались листовки от НИФ. Там говорилось, что они украсят посёлок «в духе сезона».

– Вроде как по доброте душевной, – сказал Фил, делая пометку в блокноте.

Обгоревшая Женщина вновь разразилась своим ведьмовским смехом и ткнула в сторону Фила корявым полурасплавленным пальцем.

– А вы мне нравитесь. Выгоните меня, как все остальные, но вы мне нравитесь. Другие даже не записывали то, что я говорила.

– У вас не сохранилась та листовка?

– Моя сгорела, но полно других таких же.

– Мне понадобится одна. Или нет, лучше все. Расскажите теперь о пожаре.

И она рассказала. Её муж то Рождество встречал дома. Под ёлкой лежали подарки. За две ночи до праздника, когда дети уже улеглись в кровати (надеясь увидеть во сне засахаренные сливы)⁹⁹, их дом и соседний загорелись. Кристин разбудили крики снаружи. В доме всё было в дыму, но огня она не заметила. Из окна спальни она увидела, как Рона Даффи, соседка, катается в снегу, пытаясь потушить горящую ночную рубашку.

– Их дом полыхал, как бенгальский огонь. Я разбудила Рональда и велела ему выводить детей, но он не справился. Я выскочила за дверь и стала забрасывать Рону снегом. – Миссис Лакасс небрежно уточнила: – Она умерла. Двое её детей остались в Ратленде с её бывшим мужем, им повезло. Моим не повезло. Я так и не узнала, что с ними случилось. Наверное, Ронни задохнулся в дыму раньше, чем добрался до детей. Я вернулась в дом, чтобы спасти их, но тут в гостиной на меня обрушилась половина чёртова потолка. Дом сгорел, не успела я и глазом моргнуть, адвокат Паркер. Я еле выползла наружу, вся в огне. И знаете, что творилось целый год, пока я лежала в больнице?

⁹⁹ Из рождественской песни «Приход святого Николая»:
*Дети уютно устроились в своих кроватках;
А в их головах плясали видения засахаренных слив.*

– Они переключались с больной головы на здоровую, пока головы не кончились, – сказал Фил. – Как-то так?

Скрюченный палец вновь ткнул в его сторону. Женщина хрипло хихикнула. Фил подумал, что так, наверное, смеются проклятые в аду.

– В НИФ заявили, что пожар – вина компании, делавшей проводку. Те, в свою очередь, сказали, что власти штата проверяли и рождественские гирлянды, и исходные документы на проводку, так что им и отвечать. Власти утверждали, что проводка, указанная в документах, не совсем та, что установлена в уцелевших домах, то есть инженерная компания смухлевала ради экономии денег. Инженерная компания оправдывалась, что они получали заказы от компании «Нью Инглэнд Фридом». Угадайте, что придумали в «Нью Инглэнд Фридом»?

– Если чем-то недовольны – подавайте на нас в суд, – предположил Фил.

– Если чем-то недовольны – подавайте на нас в суд. Слово в слово. Огромная старая корпорация против женщины, похожей на пережаренного цыплёнка. Ладно, решила я, увидимся в суде. Они предложили мне сорок тысяч долларов, чтоб решить дело миром, но я отказалась. Я хочу пять миллионов, по одному за каждого из моих детей, которым было от трёх до четырнадцати. Моего мужа они могут получить бесплатно; он должен был их вытащить. Ну что, мне пора проваливать?

Первый раз после смерти Салли – может, и после смерти Джейка – Фил ощутил неподдельный азарт. А также возмущение. Ему понравилась идея выступить против компании-тяжеловеса. Не из-за денег, хотя его доля от пяти миллионов – солидный куш. И не ради рекламы, ведь у него и так полно дел, которыми он мог заниматься... или хотел заниматься. Причина в другом. У него появился шанс схватить за горло того, кто не рассеется, как дым.

– Нет, – сказал Фил. – Вам не пора проваливать.

Паркер неустанно преследовал компанию «Нью Инглэнд Фридом» следующие пять лет. Его отец с неодобрением говорил, что у Фила комплекс Дон Кихота, и что он пустил на самотёк другие дела.

Фил допустил, что это правда, но заметил, что ему больше не нужно копить деньги, чтобы отправить сына в Гарвард. Джон – теперь уже старик Джон – на этот счёт больше ни словом не обмолвился. А вдова Теда Оллбертона считала, что понимает Фила и была согласна с ним на все сто.

– Ты занимаешься этим, потому что не можешь засудить рак, забравший Джейка, – сказала она.

Фил не возражал – возможно, в её словах и была доля правды – но в реальности он вёл это дело, потому что никак не мог выбросить из головы Ответчика. Иногда, страдая бессонницей, Фил твердил себе, что поступает глупо; Ответчик не виноват ни в его несчастьях, ни в беде Обгоревшей Женщины. Всё так и есть, но было кое-что ещё: когда Филу позарез *нужны* были ответы, человек под красным зонтом не появлялся. И ему, как и миссис Лакасс, хотелось возложить ответственность *хоть на кого-то*.

Незадолго до того, как миссис Лакасс слегла с пневмонией, Фил призвал НИФ в окружной суд Бостона. Он выиграл дело. НИФ подала апелляцию, что было ожидаемо, но Кристин всё-таки одержала эту условную победу, прежде чем пневмония унесла её осенью 1967 года. Фил видел, как она угасает с каждым днём, и понял, как и в случае с Джейком, что надежды нет. Он подключил к делу брата Рональда Лакасса. Тим Лакасс не стремился к расплате, не обладал пылкой страстью Обгоревшей Женщины: он просто дал добро Филу продолжать дело и следил за его ходом из своего дома в Северной Каролине. Он отказался оплачивать издержки, но уж конечно был бы рад свалившимся с неба или принесённым ветром из Бостона или Нью-Гэмпшира деньгам. Сгоревшая Женщина не оставила наследства. Фил упорно продолжал дело, оплачивая расходы из собственного кармана. НИФ дважды предлагала пойти на мировую. Сперва за триста тысяч, потом за восемьсот. Шумиха доставляла им *très*¹⁰⁰ много проблем. Тим Лакасс по телефону убеждал Фила взять деньги. Фил отказался. Он хотел получить все пять миллионов, потому что этого хотела миссис Лакасс. По миллиону за каждого ребёнка. Были трудности. Были отсрочки. НИФ проиграла в Первом округе и подала повторную апелляцию. Но

¹⁰⁰ Очень (фр.)

когда Верховный суд отказался рассматривать дело, компания оказалась в тупике. Окончательный расчёт за рождественские гирлянды – соломинку, сломавшую спину верблюду – и паршивую проводку, которая, как доказал Фил, исследовав другие строения и объекты, построенные этой же компанией, была стандартной практикой НИФ, составил 7,4 миллиона долларов, присуждённых истцу – Тиму Лакассу. Плюс немалые судебные издержки. НИФ, изначально не верившая, что не сможет справиться с сельским адвокатом из захолустья, могла бы сэкономить два с половиной миллиона, если б сдалась раньше.

Тим Лакасс пригрозил подать в суд, узнав, что Фил решил разделить выигранную сумму пополам.

– Давай, попробуй, – сказал Фил. – Твои три-точка-семь миллионов растают, как снег в апреле.

Тим Лакасс в конце концов согласился, и в один из дней 1970 года Фил повесил на стену кабинет фотографию в рамке, которая первой встречала его каждое утро, когда он приходил на работу. Фото запечатлело Рональда и Кристин Лакасс в день их свадьбы. Мускулистый жених ухмылялся. Кристин в белом свадебном платье выглядела просто великолепно.

Под фотографией Фил собственноручно вывел заглавными буквами шесть слов:

ВСЕГДА ПОМНИ – ДРУГИМ БЫВАЕТ И ХУЖЕ

После окончательного решения по иску против «Нью Инглэнд Фридом» – делу, которое сделало Фила звездой в юридической сфере – он мог получить любую работу, какую только пожелал бы. Вместо этого он сбавил обороты и, поскольку его финансовое положение улучшилось, он мог позволить себе заниматься делами на общественных началах. В 1978 году, за четырнадцать лет до появления «Проекта Невинность»¹⁰¹ он добился повторного судебного разбирательства и по итогу освобождения человека, отсидевшего двенадцать лет из своего пожизненного срока в тюрьме штата Нью-Гэмпшир.

В жизни Фила, конечно, по-прежнему оставалась дыра на месте Джейка и Салли. Работа юриста не могла её заполнить, поэтому он стал активнее участвовать в общественной жизни. Стал попечителем

¹⁰¹ Юридическая некоммерческая организация, стремящаяся оправдать невинно осуждённых людей с помощью теста ДНК. Основана в 1992.

публичной библиотеки Карри и здесь же устроил первый книжный фестиваль. Снимался в социальной рекламе для телеканалов Нью-Гэмпшира, в рамках ежегодной акции по сбору донорской крови. Один вечер в неделю посвящал работе в «Продуктовом банке»¹⁰² Норт-Конвея (помня о том, что другим может быть хуже), и ещё один вечер работал в приюте для животных «Харвест-Хиллз» во Фрайбурге. В 1979 году он купил там щенка породы бигль. Следующие четырнадцать лет Фрэнк сопровождал его во всех поездках, сидя бок о бок.

Фил больше не женился, но у него была подруга в Маултонборо, которую он время от времени навещал. Её звали Сара Кумбс. Фил занимался её правовыми делами и выплачивал взносы за дом. Они с Фрэнком не всегда оставались на ночь, но Сара на всякий случай держала в кладовке пакет собачьего корма «Гейнс-Бургер». С годами визиты Фила случались всё реже; обычно он возвращался с работы домой и разогревал в микроволновке ужин, приготовленный ему домработницей и помощницей по хозяйству. Подчас – не всегда, но бывало – его ошеломяла пустота дома. В таких случаях Фил подзывал Фрэнка, чесал пса за ухом и приговаривал, что другим бывает и хуже.

Единственным общественным занятием, от которого Фил отказался, был пост второго тренера команды Карри в Малой бейсбольной лиге. Это было слишком близко к сердцу Просто Фила.

Время шло, история рассказывалась. В основном всё было неплохо. Жизнь оставила шрамы, но не уродующие. Да и что такое шрамы, в конце концов, если не зажившие раны?

Фил начал прихрамывать и обзавёлся тростью. Мари вышла на пенсию. Он начал страдать от артрита в руках, ногах и бёдрах. Мари умерла. Он объявил о том, что уходит на пенсию, и городок (Карри был уже на грани превращения в небольшой город) устроил ему сногшибательную вечеринку. Фил получил уйму подарков, в том числе табличку с гравировкой: «ГРАЖДАНИН КАРРИ №1». Звучали речи, кульминацией которых стало обращение Фила к собравшимся, почти заполнившим актовый зал новой средней школы. Он произнёс скромную речь, но остроумную, а главное – краткую. Ему до жути хотелось отлить.

¹⁰² Благотворительная организация, собирающая продукты для нуждающихся.

Бигль по кличке Фрэнк мирно скончался осенью 1993 года. Фил похоронил его на заднем дворе, собственноручно выкопав могилу, хотя его суставы протестующе скрипели при каждом взмахе лопаты. Он засыпал могилу, трамбовал землю и прикрыл её дёрном, после чего произнёс прощальное слово, тоже короткое: «Я любил тебя, старина. И до сих пор люблю». В тот год Филу стукнуло восемьдесят один.

В 1995 Фил впервые в жизни стал страдать от мигрени. Он записался на прием к доктору Барлоу, которого всё ещё считал «новым доктором», несмотря на то, что ходил к нему лечить артрит уже лет десять. Барлоу спросил, не двоится ли у Фила в глазах при головной боли. Фил ответил, что да, и признался, что иногда, когда приступы боли проходят, он не помнит, как оказался в той или иной части дома. Доктор Барлоу отправил его в Портсмут на МРТ.

– Новости не радостные, – сказал новый доктор, изучив результаты. – У вас опухоль мозга. – Затем добавил, словно поздравляя: – Довольно редкое явление в вашем возрасте.

Барлоу порекомендовал обратиться к неврологу в массачусетской больнице. Поскольку Фил больше не водил автомобиль, кроме как по городу, он нанял молодого парня по имени Логан Фиппс, чтобы тот отвёз его. Логан всю дорогу болтал о своей семье, друзьях, девушке, погоде, работе на полставки и желании вернуться в школу. И ещё бог знает о чём. Всё это входило в одно уже малость глуховатое ухо Фила и вылетало из другого, но он время от времени кивал. В этой поездке он понял, что начал отдаляться от жизни. Ничего особенного. Напоминало отрыв купона в супермаркете – медленно, но верно, по перфорации.

Невролог осмотрел Фила и изучил снимки его старого мозга. Он сказал, что может удалить эту мерзкую опухоль при операции, что напомнило Филу старую песню, где девушка заявляла, что смывает мужчину со своих волос.¹⁰³ Салли часто напевала её в душе, намыливая свои волосы, но Фил никогда не принимал на свой счёт. Спросив у невролога, какие шансы, что он перенесет операцию и не превратится в овощ, Фил услышал ответ – пятьдесят на пятьдесят. Фил отказался,

¹⁰³ «I'm Gonna Wash That Man Right Outa My Hair» – песня из мюзикла «Юг Тихого океана», вышедшего в 1949.

сказав, что ему очень жаль, но для его возраста эти шансы не слишком велики.

– Ваши головные боли могут значительно усилиться, прежде чем...

– Невролог пожал плечами, не решаясь сказать *«прежде чем наступит конец»*.

– Другим бывает и хуже, – сказал Фил.

3

Ветреным осенним днем в октябре 1995 года Фил в последний раз сел за руль автомобиля. Не драндулет «Шевроле» и не «Бьюик», а «Кадиллак Севиль», со всеми его шикарными штучками-дрючками.

– Дай Бог, чтобы я никого не задавил, Фрэнк, – сказал он псу, которого уже не было рядом. Голова на время перестала болеть, но в пальцах рук и ног поселился холодок – что-то вроде онемения – предвещающий потерю чувствительности.

Он ехал по городу со скоростью двадцать миль в час, прибавив до тридцати, когда удалился от центра. Несколько машин обогнали его, сигналив клаксонами.

– Нажрись дерьма и сдохни, – напутствовал Фил водителя каждой из них. – Гавкни, если согласен, Фрэнк.

На шоссе 111 поток машин поредел и сошёл на нет. Удивился ли Фил, проехав мимо ярко-жёлтого знака с надписью: «ДО ОТВЕТЧИКА 2 МИЛИ»? Нет, ничуть. Иначе зачем он рисковал своей жизнью и жизнями всех, кто попался ему по пути? И он не верил, что чёрная гниль, распространяющаяся по его мозгу, посылает ему ложные видения. Вскоре он достиг следующего знака, ярко-синего: «ОТВЕТЧИК ЧЕРЕЗ 1 МИЛЮ». И наконец, перевалив через холм на окраине Карри, Фил увидел впереди красный зонтик и стол под ним. Фил остановил автомобиль и выключил двигатель. Взяв трость, он не без труда выбрался из за руля.

– Посиди здесь, Фрэнк. Мне не потребуется много времени.

Удивился ли Фил при виде Ответчика, который ни капли не изменился? Те же яркие глаза, те же редящие волосы, та же одежда. Нет, ничуть. Фил заметил лишь одно изменение, хотя с его зрением, когда в глазах двоилось, а то и троилось, трудно быть уверенным. На столе

Ответчика осталась лишь одна табличка. Она гласила: «ВСЕ ОТВЕТЫ БЕСПЛАТНО».

Фил с ворчанием и гримасой уселся на стул для клиентов.

– Ты всё такой же.

– Как и ты, Просто Фил.

Фил рассмеялся.

– Что за шуточки? – Глупый вопрос, подумал он, но почему бы и нет? Сегодня все вопросы бесплатны.

– Это правда. Внутри ты не изменился.

– Как скажешь, хотя я сомневаюсь. По-прежнему носишь свои огромные часы в сумке?

– Да, но сегодня они мне не понадобятся.

– Пятничная халява?

Ответчик улыбнулся.

– Сегодня вторник, Просто Фил.

– Знаю. Это был бесплодный вопрос. Знаком с такими?

– Я знаком со всеми разновидностями вопросов. Ещё есть?

Филу больше не хотелось спрашивать «почему я?», это, как выразился бы Ответчик, ещё один бесплодный вопрос. Это он, потому что всё случилось с ним. Другой причины нет. Сколько ещё он проживёт Фила тоже не интересовало. Может, он и увидит снегопад, но не таяние снега весной. Ему не давала покоя лишь одна вещь.

– Есть ли «потом»? Будем ли мы существовать после смерти?

– Да.

Серая пелена начала наступать, постепенно смыкаясь вокруг них. Ответчик отдалялся. Тоже неспешно. Фил не тревожился. Голова не болела, и это радовало, а листва – та, что он ещё мог разглядеть – была прекрасна. В конце осени деревья словно пылают. И, поскольку все ответы бесплатны...

– Мы окажемся в раю? Или в аду? Или нас ждёт переселение душ? Останемся ли мы сами собой? Сохраним ли память? Увижу ли я вновь жену и сына? Всё ли будет хорошо? Или ужасно? Будут ли там сны? Печаль, радость, другие чувства?

Ответчик, почти растаявший в серой пелене, произнёс лишь одно слово:

– Да.

Фил очнулся за рулём своего «Кадиллака», с удивлением осознавая, что по-прежнему жив. Он чувствовал себя неплохо, можно сказать, хорошо. Не болела ни голова, ни руки или ноги. Он завёл двигатель.

– Как считаешь, Фрэнк, смогу ли довезти нас домой в целости и сохранности? И никого не задавив по дороге? Гавкни разок, если «да», два раза – если «нет».

Фрэнк гавкнул один раз, что означало «да».

Это означало да.

Посвящается Джонатану Леонарду¹⁰⁴

Примечания переводчика:

«Тысячу железных человечков!» – Возможно, отсылка к детскому детективу Франклина Диксона «Братья Харди и сокровища башни», хотя выражение «железные человечки» в смысле – монеты, доллары, встречается и помимо книги Диксона, поэтому уверенности у меня нет.

«...японцы атаковали Пёрл-Харбор» – Немного странно, что Фил словно не обратил внимания и не обеспокоился началом войны в 1939 году. А ведь это сказало бы ему, что ответы-предсказания Ответчика начинают сбываться. Наверное, автор забыл, когда и с чего началась Вторая мировая 😊

«...никаких страшных пулемётов «Намбу» – не такой уж он и страшный, по сравнению, например, с немецким MG-34 или MG-42. Дальше автор упоминает некие патронные ленты для этих пулемётов, но в реальности «Тип 11» («Намбу») имел специфический бункерный магазин, снаряжаемый из обычных винтовочных обойм.

¹⁰⁴ Племянник Стивена Кинга. О его роли в появлении на свет этого рассказа читайте в послесловии автора.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Однажды на утренней прогулке, слушая, как Джеф Хили играет «Шоссе 49» и не думая ни о чём, кроме того, как здорово ему удаётся соло на слайд-гитаре, я заметил две зеленые пластиковые фигуры в красных кепках. Они стояли по краям дороги, предупреждая: «ПРИТОРМОЗИ! ТУТ ДЕТИ ИГРАЮТ». И в голову пришла идея рассказа «Гремучие змеи». Единственное, чего я не знал в тот момент – что главным героем станет старый знакомый из романа «Куджо», написанного давным-давно.

Вот так оно иногда и работает – история приходит полностью сформированной, и ждёт лишь толчка, чтобы заявить о себе. Это просто здорово. Я редко знаю детали (Энди Пелли, пожилой коп из «Гремучих змей», свалился как снег на голову), или то, как история закончится; часть радости, во всяком случае для меня, в раскрытии. Почему этот процесс работает, или как он работает – для меня полная загадка.

«Дурной сон Дэни Кхефлина» из той же оперы. Как-то раз, одеваясь и не думая ни о чём, кроме миски хлопьев и прогулки с собакой, я спросил себя: «Что, если у человека случится одно-единственное сверхъестественное озарение? Сон, в котором он увидит, где захоронено тело. Поверят ли ему или сочтут убийцей?». В этот момент я надевал рубашку. К тому времени, как я натянул джинсы, я уже раздумывал над образом назойливого полицейского, похожего на инспектора Жавера из «Отверженных», что будет преследовать моего главного героя. Оставшаяся часть истории заняла своё место. Я не знал, что мой полицейский – Джалберт вместо Жавера – будет одержим подсчётами: он приобрёл эту черту практически сам по себе. Я же просто следовал за нитью. Был ли я рассказчиком или стенографистом, как Уильям Дэвис в «Сновидцах»? Может, и то и другое.

Интересен ли мне этот процесс? Поскольку он играет важную роль в моей жизни – конечно. Я писал о писателях в своих художественных произведениях и писал о писательстве в нехудожественных, но я не всё до конца понимаю. Я даже не понимаю, почему

людям нужны истории, и почему я – один из многих – чувствую потребность их писать. Всё, что я знаю – радость от того, что ты оставляешь позади обычную повседневную жизнь и общаешься с несуществующими людьми, похоже, является частью жизни почти любого человека. Воображение голодно, его нужно подкармливать. И иногда – снова как Уильям Дэвис в «Сновидцах» – я вижу слова до того, как их напишу. Первые абзацы «Красного экрана» и «Финна» существовали за недели и месяцы до того, как я перенёс их на бумагу. Я видел каждую точку и запятую. Значит ли это, что я, как говорится, *в спектре*? Возможно, даже скорее всего, но кого это волнует? Рассказывание историй развлекает меня и других людей на протяжении многих лет, и это делает меня счастливым.

Что касается того, почему так много моих произведений рассказывают о тёмных делах... это уже другая история. Должен ли я извиняться за своё творчество? Думаю, нет. Франциско Гойя нарисовал гравюру, где изобразил себя спящим в окружении фантастических существ, и назвал её «Сон разума рождает чудовищ». Я всегда считал, что такой сон и такие чудовища – необходимый элемент здравомыслия. Взгляните на первую строчку романа Ширли Джексон «Призрак дома на холме» – она хорошо об этом сказала. Ужасные истории лучше всего воспринимаются теми, кто сострадает и сопереживает. Парадоксально, но это так. Я считаю, что люди без воображения, неспособные оценить тёмную сторону вымысла, несут ответственность за большую часть мировых бед. В книгах о сверхъестественном и паранормальном я особенно старался показать реальный мир таким, какой он есть, и рассказать правду об Америке, которую я знаю и люблю. Кое-что из этой правды выглядит неприглядно, но, как говорится, когда любишь – шрамы становятся печатями красоты.

Большинство рассказов в этой книге – новинки, а самые длинные из них никогда ранее не публиковались. Не вижу смысла расписывать историю создания каждого из них; это будет не более чем утомительное перечисление мест, где я находился, когда мне в голову пришла та или иная идея. Если я вообще смогу такое вспомнить.

Ещё один рассказ, о котором стоит упомянуть – «Ответчик». Мой племянник Джон Леонард раскопал черновики кое-каких моих старых рассказов, многие из которых были незакончены и давно забыты. Он сфотографировал один шестистраничный фрагмент и приложил к нему записку, мол, история слишком хороша, чтобы оставаться незаконченной. Я прочитал и подумал – а ведь он прав. Те первые страницы я написал, когда мне было тридцать. Закончил рассказ в семьдесят пять. Во время работы у меня возникло странное ощущение, словно я кричу в ущелье времени и слышу, как ко мне возвращается эхо. Есть ли в этом смысл? Не знаю. Но я точно знаю, как себя чувствовал.

Меня называют плодовитым писателем, что мои Постоянные Читатели считают хорошим качеством, а критики, подчас – плохим. Я никогда не стремился к этому; но я никогда и не избегал этого. Я делал то, что мне дано было делать, и чаще всего это приносило мне радость. Единственный недостаток, назовите его ложкой дёгтя в бочке мёда (или фатальным изъяном, если хотите выглядеть напыщенным снобом) в том, что исполнение никогда – ни единого раза – не было столь же великолепным, как первоначальная задумка. Лишь дважды я хотя бы приблизился к этому, в двух тюремных историях: «Зеленая миля» и «Рита Хейуорт и спасение из Шоушенка». Все остальные произведения не дотягивали до того, чего я хотел от них добиться. Даже такие длинные романы, как «Оно», «Противостояние» и «Под куполом» я закончил с ощущением, что писатель получше сделал бы эту работу получше. Несмотря на это, в целом я горжусь своим творчеством. И я горжусь моими короткими рассказами, возможно, потому, что они всегда давались мне с трудом.

Я не могу перечислить всех редакторов, что работали над ними и улучшали, но могу поблагодарить Джули Эгли за то, что она раскопала десятки моих старых рассказов, большинство из которых были ужасны, но парочку из них стоило дописать. Также я могу поблагодарить Джона Леонарда, привлёкшего моё внимание к давно забытому рассказу «Ответчик». Я могу поблагодарить обоих своих сыновей, за то, что сотрудничали со мной, проявляя соб-

ственный уникальный талант. Вместе с Джо мы написали два рассказа: «Полный газ» и «В высокой траве». Оуэн был моим соавтором в «Спящих красавицах», одном из моих любимых романов. Я могу поблагодарить других моих соавторов – Стюарта О’Нэна, Ричарда Чизмара и покойного Питера Страуба. Работа в соавторстве с другими писателями – это всегда риск, но в каждом случае я получал щедрую награду.

Я приношу благодарность моему многолетнему редактору Нэн Грэм, и моему агенту Лиз Дархансоф. Она сменила на этом посту покойного Чака Веррила и сняла груз с моих плеч. Спасибо Робин Ферт, моему неутомимому исследователю и подруге. Больше всего я благодарен моей жене Табите, которая не позволяет мне оступиться. Она бывает и милой и резкой, иногда в одно и то же время, но всегда остроумна. Именно она посоветовала мне побольше рассказать о брате Дэнни Кхефлина и указала, что я должен поработать над темой ковида в «Гремучих змеях».

Огромная благодарность вам, дорогие читатели, что позволили мне поселиться в вашем воображении и на ваших нервных окончаниях. Вы же любите истории помрачнее? Отлично. Я тоже, что делает меня вашим собратом.

PS. Первая строчка «Призрака дома на холме» гласит: «Ни один живой организм не может долго существовать в условиях абсолютной реальности и не сойти с ума; говорят, сны снятся даже кузнечикам и жаворонкам».

PPS. Песня Леонарда Коэна из которой я позаимствовал название для этой книги – «Вы хотите помрачнее» (“You Want It Darker”). Приношу извинения за то, что поменял глагол.

23 апреля 2023